Островскій

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008938 3

Ostrovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich
III

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniia

А. Н. ОСТРОВСКАГО

10. izd

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

v. 3=4

ТОМЪ ТРЕТІЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ“.
1896.

PG
3337
08
1896
v.3-4

696598
7.3.59

Типо-Литографія О. И. Лашкевичъ и К°, Москва, Петровка, д. Обидиной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОДЫ.		СТРАН.
1861.	Свои собаки грызутся, чужая не приставай	1
1861.	За чѣмъ пойдешь, то и найдешь	41
1860.	Старый другъ лучше новыхъ двухъ	101
1859.	Воспитанница	163
1860.	Гроза	216
1800.	Тяжелые дни	292

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ.

(КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.)

Картина первая.

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.
Михайла Дмитричъ Бальзаминовъ, сынъ ея.
Акулина Гавриловна Красавина, сваха.
Матрена, кухарка.
Павлинъ Ивановичъ Устрашимовъ, сослуживецъ Бальзаминова; брюнетъ, большого роста, лицомъ мраченъ и рябоватъ.

Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бальзаминова *(одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ).*

У Миши, должно быть, опять какіе-нибудь планы въ головѣ. Прибѣжитъ изъ присутствія, пообѣдаетъ наскоро, да и былъ таковъ, и пропалъ на цѣлый день. Гдѣ-то онъ, бѣдный, бродитъ? Должно быть, далеко, далеко куда-нибудь ходитъ! Придетъ всегда такой измученный, усталый, и лица-то на немъ нѣтъ, и не ѣстъ ничего, только все вздыхаетъ. Надо полагать, онъ въ Рогожскую бѣгаетъ; а пожалуй, что и въ Лефортово! Все разбогатѣть-то ему, бѣдному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бѣгаетъ; это еще здорово, говорятъ. Теперь время лѣтнее, дѣлъ у него никакихъ нѣтъ особенныхъ; все таки, лучше: пусть на воздухѣ бѣгаетъ, чѣмъ въ комнатѣ-то сидѣть; да еще и польза можетъ произойти. Только я все

что-то боюсь за него; все какъ-то мнѣ не вѣрится, чтобы онъ ужъ очень богатую-то невѣсту себѣ нашелъ. А ужъ сколько у него къ этому дѣлу старанія! Даже удивительно это видѣть. По его-то старанію ему бы ужъ надо давно милліонщицу приспособить. Должно быть, счастья нѣтъ! Безъ счастья, сколько ужъ ни старайся, ничего не выходишь. Говорятъ, и грибы искать—счастье нужно; а ужъ невѣстъ-то и подавно. Вотъ былъ же случай у Ничкиныхъ; а изъ-за чего разошлись? Такъ, изъ пустяковъ. Нужно же было этому облому пріѣхать! И какъ на грѣхъ его принесло въ такое время! Кабы не онъ, жили бы мы теперь, какъ сыръ въ маслѣ катались. Есть же такіе злые люди на свѣтѣ! Ну, что ему нужно было? Себѣ онъ пользы никакой не сдѣлалъ, только Мишу моего обидѣлъ. *(Матрена входитъ съ письмомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бальзаминова и Матрена.

Матрена.

Письмо вотъ принесли. *(Подаетъ.)*

Бальзаминова.

Кто принесъ?

Матрена.

Должно, что почтальонъ, одѣтъ такъ, по-военному. Говоритъ: городская почта.

Бальзаминова.

Отъ кого бы это? Я ужъ и не знаю.

Матрена.

И я не знаю. Да вотъ что: вы мнѣ дайте письмо-то.

Бальзаминова.

Зачѣмъ тебѣ?

Матрена.

Я догоню солдата-то, да назадъ ему отдамъ.

Бальзаминова.

Что ты! какъ можно назадъ, когда оно къ Мишѣ писано.

Матрена.

Должно быть, солдатъ-то по ошибкѣ занесъ; часто бываетъ, что въ другой домъ заносятъ.

Бальзаминова.

Да я тебѣ говорю, что къ намъ. Вотъ и на адресѣ написано.

Матрена.

Нѣтъ, право, лучше назадъ отдадимъ отъ грѣха. Кто къ намъ письма писать станетъ? Кому нужно! Вѣдь, письма-то пишутъ, коли дѣла какія есть, али знакомство; а у насъ что!

Бальзаминова.

Какая ты глупая! Ну, слушай: „Его Благородію...“

Матрена.

Ишь ты, „Благородію“!

Бальзаминова.

„Михаилу Дмитріевичу Бальзаминову“.

Матрена.

Ну, да хоть и написано, а все лучше назадъ отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то въ отвѣтъ введешь передъ начальствомъ. Давайте! Что, право!

Бальзаминова *(кладетъ письмо въ столъ)*.

Съ тобой, вѣдь, не сговоришь. Ты смотри, не вошелъ бы кто въ кухню-то!

Матрена.

Украсть-то тамъ нечего, хошь и войдетъ кто. *(Уходитъ и возвращается.)* Тамъ идетъ кто-то по двору-то.

Бальзаминова.

Кто-жъ такой?

Матрена.

Кто его знаетъ! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому-жъ! Словно, какъ онъ бывалъ тутъ.

Бальзаминова.

Устрашимовъ, должно быть. *(Матрена уходитъ. Входитъ Устрашимовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бальзаминова и Устрашимовъ.

Устрашимовъ *(кланяется)*.

Михайла дома?

Бальзаминова.

Нѣтъ. Ушелъ куда-то.

Устрашимовъ *(подходитъ къ окну и молча мрачно смотритъ на улицу).*

Да это вѣрно?

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, что̀ мнѣ тебя обманывать-то!

Устрашимовъ *(продолжаетъ глядѣть въ окно).*

Бываетъ, иногда *(многозначительно)* прячутся. Ну, да, вѣдь, это не поможетъ. Нѣтъ, шалишь!

Бальзаминова.

Вы такія странныя слова говорите, что и понять васъ нѣтъ никакой возможности.

Устрашимовъ.

Нѣтъ, Миша, это, братъ, дудки! Атанде-съ!

Бальзаминова.

Вы мнѣ объясните, въ чемъ ваше дѣло и что̀ вамъ угодно: такъ я сыну и передамъ.

Устрашимовъ *(со вздохомъ, продолжая глядѣть въ окно).*

Тутъ, братъ, два года хожено. Это не другое что̀-нибудь. Это уступить нельзя. Ты моимъ несчастьемъ вздумалъ воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, можетъ быть, самъ туда попадешь! Боже мой, Боже мой! Какъ это случилось! Какъ это могло случиться!

Бальзаминова.

Если вы Мишу ждете, такъ напрасно безпокоите себя: онъ, обыкновенно, къ ночи приходитъ.

Устрашимовъ *(оборачивается).*

Нѣтъ ли у васъ воды? Развѣ вы не видите: я ужасно разстроенъ.

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, какое же мнѣ дѣло, что ты разстроенъ!

Устрашимовъ *(садится).*

Прикажите мнѣ дать воды! Ну, я васъ прошу наконецъ.

Бальзаминова.

Что̀, ты угорѣлъ, что̀ ли? Матрена, подай стаканъ воды!

Устрашимовъ.

Да-съ, бываютъ случаи! жизнь не мила, вотъ оно какъ-съ. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова.

Гдѣ понимать!

Устрашимовъ.

А отчего? Отчего, я васъ спрашиваю?

Бальзаминова.

Да что ты присталъ?

Устрашимовъ.

Все отъ своей гордости да отъ женскаго каприза. Вотъ отъ чего-съ. *(Матрена входитъ со стакановъ воды на тарелкѣ.)*

Матрена.

Кому воды-то?

Устрашимовъ.

Мнѣ. *(Беретъ и, въ разсѣянности, задумчиво смотритъ на Матрену.)*

Матрена.

Что ты глаза-то выпучилъ?

Устрашимовъ *(разсѣянно)*.

Выпучишь. *(Пьетъ и отдаетъ стаканъ Матренѣ. Матрена уходитъ. Устрашимовъ подходитъ къ Бальзаминовой.)* Да-съ! Такъ вы скажите ему, что я былъ здѣсь, что я очень разстроенъ; онъ пойметъ. Или нѣтъ!.. *(Подумавъ.)* Вы скажите ему *(грозно и съ разстановкой)*, что если онъ осмѣлится туда хоть носъ показать, такъ я... Постойте! Скажите ему, что я ста тысячъ не возьму, умру тамъ у воротъ... Ужъ онъ знаетъ гдѣ. Намъ двоимъ жить на свѣтѣ нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо онъ, либо я!..

Бальзаминова *(отворачиваясь)*.

Надоѣлъ, голубчикъ!

Устрашимовъ.

Да что тутъ надоѣлъ! Вы войдите въ мое-то положеніе.

Бальзаминова.

Очень мнѣ нужно!

Устрашимовъ.

Или вотъ что! Я и забылъ. Отдайте ему это письмо. *(Достаетъ письмо и подаетъ.)* Я его написалъ на случай, если не застану. Онъ пойметъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Ну, да еще онъ увидитъ! Онъ будетъ меня знать! Я смирный человѣкъ; но если дѣло коснется женщины, либо интереса, тогда ужъ я неумолимъ. Прощайте! *(Уходитъ.)*

Бальзаминова.

Что̀ онъ тутъ мнѣ наплелъ? Должно быть, за одной ухаживаютъ. Да, такъ точно! По его словамъ-то, такъ и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумалъ! Такъ его и побоялись! Такъ ему Миша и уступитъ! Какъ же! Тебѣ ходить мимо оконъ не мѣшаютъ, и ты другимъ не мѣшай! Кому Богъ пошлетъ, того и счастье. Чтой-то на немъ больно много этихъ разныхъ штукъ нацѣплено—и колецъ, и всего! Должно быть, самъ-то интересанъ, такъ вотъ ему и завидно, чтобы другимъ не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Какъ бы только Миша не разсердился. *(Прячетъ въ столъ.)* Я такъ Мишѣ и скажу: „нечего тебѣ на нихъ смотрѣть; много ихъ тутъ найдется; а ты свое дѣло дѣлай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдутъ невѣсты тебя отыскивать; самъ долженъ ходить да искать хорошенько". А то, ишь ты, нагородилъ тутъ съ три короба, да и думаетъ, что его побоятся. Нѣтъ, братъ, тутъ дѣло серьезное, денежное! Стражаться, такъ стражаться, чья возьметъ. Никакъ Миша идетъ? *(Бальзаминовъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бальзаминова и Бальзаминовъ *(входитъ и садится въ раздумьи).*

Бальзаминова.

Что̀ это ты скоро воротился, али забылъ что̀?

Бальзаминовъ *(садится).*

Такъ, раздумалъ, маменька. У меня такая примѣта есть. И ужъ эта примѣта самая вѣрная. Если ты идешь и задумалъ что̀-нибудь, и вдругъ тебѣ встрѣча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будетъ. Если такъ идешь, безъ мысли, такъ еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль—воротись.

Бальзаминова.

Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать, мальчикъ, а примѣты разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминовъ.

Конечно, маменька, если разсуждать правильно, такъ всѣ эти примѣты — бабьи болтовня, вздоръ; только, все-таки,

въ нашемъ дѣлѣ нельзя примѣтамъ не вѣрить, потому что, маменька, въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья, рѣшительно все.

Бальзаминова.

Да въ какомъ же это въ вашемъ дѣлѣ?

Бальзаминовъ.

Да какъ же, маменька! У другого дѣло вѣрное, такъ что̀ ему до примѣтъ! Онъ такъ навѣрное и идетъ, куда ему нужно. А у насъ все отъ случая, все отъ счастья. Мы никуда навѣрное не ходимъ. Иду по улицѣ—вдругъ понравился, ну, и богатъ, и счастливъ; не понравился—ну, всю жизнь бѣдствуй. А, вѣдь, это, маменька, съ одной стороны даже заманчиво. Я, бѣдный молодой человѣкъ, рѣшительно голь, ну голь, какъ есть во всей формѣ, хожу себѣ, гуляю гдѣ-нибудь и вдругъ... Вы только представьте это себѣ, маменька, вдругъ вижу я подъ окномъ даму или дѣвицу. Разъ прохожу, два,—бросаю нѣжный взглядъ; она мнѣ отвѣчаетъ тѣмъ же. Я знакомлюсь черезъ кого-нибудь, и вдругъ, представьте, домъ этотъ, въ которомъ я ее видѣлъ—мой; и сижу я поутру за чашкой кофею въ бархатномъ халатѣ... *(Быстро встаетъ.)* Вотъ это—жизнь! Боже мой милостивый! И можетъ быть, маменька, мнѣ это счастье суждено; можетъ, оно ждетъ меня гдѣ-нибудь; я только не знаю, гдѣ оно, тамъ, или тамъ, или тамъ. Я только не знаю, куда итти, гдѣ его искать-то... и вдругъ судьба...

Бальзаминова.

Мечты, вѣдь, это все, мой другъ, такъ все одно—облако.

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, зачѣмъ вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: „Эй, четверню закладывать въ карету!“

Бальзаминова.

Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего быть не можетъ.

Бальзаминовъ.

Ну, нѣтъ, маменька, вы не говорите этого! Какъ же можно такъ говорить! Да вотъ вы увидите, что̀ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ что̀-нибудь да ужъ будетъ хорошее.

Бальзаминова.

Откуда это? Изъ какихъ земель?

Бальзаминовъ.

Ужъ я не знаю, откуда, а будетъ. Вы видѣли, какъ я вчера былъ веселъ?

Бальзаминова.

Ну, такъ что же?

Бальзаминовъ.

А знаете ли, отчего? Развѣ ужъ сказать? Я, маменька, молодой мѣсяцъ видѣлъ съ правой стороны.

Бальзаминова.

Только-то?

Бальзаминовъ.

Позвольте, позвольте! Вы развѣ не вѣрите въ эту примѣту?

Бальзаминова.

Да какъ же вѣрить-то! Я сколько разъ на своемъ вѣку видала мѣсяцъ-то съ правой стороны, а вотъ ничего не случилось особеннаго.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидимъ! Нѣтъ ужъ, я такъ увѣренъ, что хоть на пари готовъ. Давайте, маменька, поспоримъ о чемъ-нибудь. Если случится что, такъ вы проиграли; а если не случится, такъ я.

Бальзаминова.

Эхъ, какой ты глупый! что тутъ спорить-то! Я ужъ знаю, что ничего не будетъ.

Бальзаминовъ.

Подождите, подождите, увидимъ. А ужъ если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и вѣрить послѣ этого!

Бальзаминова.

Ну, да вотъ замѣтимъ, давай, съ котораго числа по которое.

Бальзаминовъ.

Надо считать, маменька, отъ новаго мѣсяца и опять до новаго. Въ это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня, просто, сердце не на мѣстѣ; такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду каждую минуту... *(Красавина входитъ. Бальзаминовъ ее не замѣчаетъ)* вдругъ случится что-нибудь...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Красавина.

Красавина.

Да и случится.

Бальзаминовъ *(остолбенѣвши, смотритъ на Красавину).*

Ахъ!

Красавина *(цѣлуясь съ Бальзаминовой.)*

Здравствуйте, матушка, Павла Петровна!

Бальзаминова.

Здравствуйте! Садитесь! Что, опять съ вѣстями?

Красавина.

Я, что птица вѣщая, даромъ не покажусь!

Бальзаминова.

Не опять ли по-прежнему?

Красавина.

Ужъ видно не судьба; а я не причинна. Сами видѣли, я свой оборотъ сдѣлала; а я за всѣхъ не отвѣтчица, коли онѣ всякому въ своемъ домѣ волю даютъ. *(Бальзаминову.)* Ну что, получилъ?

Бальзаминовъ.

Что получилъ?

Бальзаминова.

Я и забыла; вѣдь, тебѣ письмо принесли. *(Достаетъ письмо.)*

Красавина.

Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминовъ.

Какъ это вы, маменька! Вы, должно быть, мнѣ совсѣмъ счастья не желаете! Какъ можно забывать такія вещи! Вѣдь, тутъ, можетъ быть, вся судьба моя. *(Беретъ письмо.)*

Красавина.

Тутъ она и есть.

Бальзаминовъ.

Ну, вотъ видите! Эхъ, маменька! Батюшки, не распечатаю никакъ, руки такъ и ходятъ, такъ и ходятъ. *(Съ сердцемъ.)* Ну, затряслись! затряслись! Экой характеръ! экой подлый характеръ! Самъ не радъ, ей-Богу, не радъ.

Красавина.

Да и есть отъ чего. Какъ тутъ рукамъ не затрястись! Еще то ли бываетъ.

Бальзаминовъ.

Да постой ты! Я въ себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина.

Да ну тебя! ужъ и сказать ничего нельзя.

Бальзаминова.

Тутъ тебѣ еще есть письмо; ну, да это не важное.

Бальзаминовъ.

Маменька, маменька! что вы со мной дѣлаете! Боже мой милостивый! До того ли мнѣ?

Бальзаминова.

Ну, я его тутъ на столѣ положу; послѣ прочитаешь на досугѣ, это отъ Устрашимова; онъ заходилъ безъ тебя.

Бальзаминовъ *(распечатываетъ)*.

Ухъ! насилу распечаталъ.

Бальзаминова.

Да отъ кого это? скажите вы мнѣ.

Красавина.

А вотъ, изволите видѣть: ходитъ-бродитъ онъ, добрый молодецъ, по такимъ палестинамъ, что другому и на умъ не взойдетъ. Доходился онъ до край Москвы, видитъ онъ—стоитъ новъ-высокъ теремъ; а во этомъ терему, во купеческомъ дому, такая пава, что только «ахъ», да и все тутъ. Не скажу, чтобы красавица, а пышна ужъ очень. Такъ пышна, что нынче мало можно найти такихъ женщинъ, вотъ какъ! Ужъ именно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ мимо оконъ-то, да не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видѣла письмо-то. Пишетъ это такъ учтиво, безъ всякаго охальства. Другой, вѣдь, напишетъ, просто страмъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужъ очень ей понравилось, что учтиво пишетъ-то, что охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: „Взвейся вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ — въ объятія тому, кто милъ сердцу моему“. А на

пакетѣ-то написалъ: „Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда“. Стихомъ-то ужъ онъ ее больше и убѣдилъ.

Бальзаминовъ *(все время слушалъ)*.

Неужели стихомъ?

Красавина.

Стихомъ. Она въ стихи очень вѣруетъ, потому, говоритъ, коли что̀ стихами написано, ужъ это вѣрно: значитъ, отъ души человѣкъ писалъ, безъ всякой фальши. А я и случись тутъ, какъ онъ письмо-то въ окошко бросилъ.

Бальзаминова.

Въ окошко бросилъ?

Красавина.

Въ окошко. Вижу ее въ такихъ чувствахъ отъ его учтивости-то: напишите, говорю, ему на отвѣтъ, и адресъ твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова.

Кто же такая?

Красавина.

Вдова, Антрыгина. При большихъ деньгахъ, а одна, какъ есть. Ну, теперь читай, что̀ тебѣ на отвѣтъ написано.

Бальзаминовъ *(читаетъ)*.

„Вы пишете, что, можетъ, ваше письмо будетъ непріятно, но ежели бы оно было непріятно, вамъ бы, напротивъ того, ничего не отвѣчали. Поймите изъ этого! Завсегда видно по поступкамъ, кто чего сто̀итъ; по этому самому ваше знакомство для насъ будетъ очень пріятно; то и можете меня видѣть въ извѣстномъ вамъ домѣ, когда вамъ угодно. Заочно посылаю вамъ воздушный поцѣлуй...“ *(Перестаетъ читать.)* Маменька! Что̀ же это такое, я васъ спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда-нибудь и умру отъ этого. *(Садится въ задумчивости.)*

Красавина.

Такая женщина, я вамъ скажу, одно слово—король! И характера самаго слободнаго.

Бальзаминова.

Какъ же это такъ, матушка, слободнаго-то?

Красавина.

Такъ, слободнаго, да и все тутъ. Ходитъ это по комнатамъ, размахиваетъ руками. „Никого, говоритъ, я не боюсь,

что̀ хочу, то и творю; нѣтъ, говоритъ, надо мной старшихъ!" Да и точно, кого ей бояться? ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона же у нихъ такая глухая.

Бальзаминовъ.

Что̀ мнѣ теперь дѣлать? Научи ты меня, сдѣлай милость!

Красавина.

Да что̀ тебя учить-то! Приходи ужо вечеромъ, вотъ и все тутъ; а тамъ ужъ по дѣлу видно будетъ, какой оборотъ вести. Извѣстное дѣло, зѣвать нечего! Куй желѣзо, пока горячо!

Бальзаминовъ.

Такъ прямо и приходить?

Красавина.

Такъ прямо и приходи.

Бальзаминовъ.

А что̀ говорить?

Красавина.

Что̀ въ голову придетъ, то и говори. Если и соврешь что, такъ не важность; на первый разъ не взыщутъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Совсѣмъ точно потерянный. Понимаю, вѣдь, я самъ, что̀ теперь нужно дѣлать-то, и другого, пожалуй, научу; да какъ же мнѣ быть съ моимъ характеромъ-то? Теперь бы поскорѣй, да поумнѣй, такъ и можно бы дѣло обдѣлать; а у меня вонъ руки и ноги трясутся. Вотъ ты и толкуй тутъ, что̀ хочешь. Такая робость нападаетъ, точно тебя казнить ведутъ.

Красавина.

Кого это робѣть-то? бабы-то? А ты напусти на себя геройскій духъ, вотъ и все.

Бальзаминовъ.

Хорошо тебѣ говорить-то: «геройскій духъ». А гдѣ его взять-то?

Красавина.

Ну, а негдѣ взять, такъ плохо дѣло! А я думала, что ты ходо̀къ на эти дѣла. А еще чиновникъ называешься, при формѣ ходишь! Да будь я мужчиной, такъ я, кажись бы, всѣхъ заполонила. (*Встаетъ.*) Ну, я свое дѣло сдѣлала, сказала тебѣ; а тамъ ужъ ты, какъ хочешь.

Бальзаминова.

Куда же вы? Посидѣли бы, чайку бы напились!

Красавина.

А вотъ, мнѣ тутъ, по сосѣдству, нужно бобы развести; къ чаю-то я еще къ вамъ поспѣю.

Бальзаминова.

Ну, такъ я велю самоваръ поставить да васъ поджидать буду.

Красавина *(Бальзаминову)*.

Ну, теперь ты видѣлъ мою службу?

Бальзаминовъ.

Видѣлъ.

Красавина.

Ты человѣкъ казенный?

Бальзаминовъ.

Какъ казенный?

Красавина.

Ну, да такъ же, казенный! Вѣдь, ты при должности?

Бальзаминовъ.

При должности.

Красавина.

Праву знаешь?

Бальзаминовъ.

Какую праву?

Красавина.

Такую же праву, документы тамъ ваши и законы всякіе.

Бальзаминовъ.

Знаю.

Красавина.

Служитъ кто задаромъ, али нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Кому же охота задаромъ служить!

Красавина.

Ну, вотъ видишь ли! Значитъ, и мнѣ тоже по Москвѣ-то даромъ трепаться нужда не велика.

Бальзаминова.

Да ужъ вы, матушка, объ этомъ не безпокойтесь.

Красавина.

Какъ же не безпокоиться? Кому охота свои труды терять! Вѣдь, этакъ, пожалуй, добрые люди дурой назовутъ.

Бальзаминовъ.

Ты мнѣ только скажи, что̀ тебѣ нужно; а ужъ я ни за чѣмъ не постою.

Красавина.

А мы вотъ что сдѣлаемъ! Ты завтра въ судъ пойдешь, такъ принеси листъ гербовой бумаги; мы съ тобой, для вѣрности, условіе и напишемъ.

Бальзаминовъ.

Ужъ ты будь покойна, ужъ я все... Маменька, что̀ такое деньги? Прахъ! Нѣтъ ихъ—такъ онѣ дороги; а теперь для меня что̀ онѣ значатъ? Ровно ничего.

Бальзаминова.

Ну, и мотать-то, тоже, ничего нѣтъ хорошаго!

Бальзаминовъ.

Я, маменька, мотать не стану; а пожить—поживу, съ шикомъ поживу.

Красавина.

Еще-бъ не пожить! Будетъ ужъ, побѣдствовалъ! Видѣлъ нужду-то, въ чемъ она ходитъ; теперь можно себѣ и отвагу дать. Однако, прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вамъ тутъ разговаривать, вамъ дѣлать-то больше нечего; а у меня еще дѣла-то по уши.

Бальзаминова.

Такъ я васъ жду.

Красавина.

Ужъ теперь ваша гостья. Прощай, соколъ вороньи крылья! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бальзаминовъ и Бальзаминова.

Бальзаминовъ.

Ну, маменька, что̀ вы на это скажете? мѣсяцъ-то, мѣсяцъ-то!

Бальзаминова.

Что̀ сказать-то тебѣ? По-моему еще очень-то радоваться нечему! Еще вѣрнаго ничего нѣтъ.

Бальзаминовъ.

А все-таки, маменька, видно, что она въ меня влюблена. И домъ, маменька, у нея каменный. Ахъ, блаженство!

Бальзаминова.

Ужъ и влюблена! Понравился ты ей такъ, съ виду, вотъ и все. А ты того не забудь, что ты еще съ ней ни одного слова не говорилъ. Что-то она тогда скажетъ, какъ поговоритъ-то съ тобой! Умныхъ ты словъ не знаешь...

Бальзаминовъ.

Это, маменька, нужды нѣтъ. Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ, да лѣтъ пять даромъ проходитъ; я вотъ и не уменъ, да женюсь на богатой.

Бальзаминова.

Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія, я ихъ много знаю; ты бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на именинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ — просто прелесть слушать.

Бальзаминовъ.

Какія же это слова, маменька? Вѣдь, какъ знать, можетъ быть, они мнѣ и на пользу пойдутъ.

Бальзаминова.

Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь: „я гулять пойду!“ Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: „я хочу проминажъ сдѣлать!“

Бальзаминовъ.

Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминажъ лучше.

Бальзаминова.

Про кого дурно говорятъ, это — мараль.

Бальзаминовъ.

Это я знаю-съ.

Бальзаминова.

Коль человѣкъ или вещь какая-нибудь не стóитъ вниманія, ничтожная какая-нибудь — какъ про нее сказать? Дрянь? Это какъ-то неловко. Лучше сказать по-французски: „гольтепа!“

Бальзаминовъ.

Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова.

А вотъ если кто заважничаетъ, очень возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ — это „асаже“ называется.

Бальзаминовъ.

Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова.

Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминовъ.

Припоминайте, маменька, припоминайте! Послѣ мнѣ скажете. Теперь сбѣгать къ цырюльнику завиться, да и бѣжать. Вотъ, маменька, полечу-то я, кажется, и ногъ-то передъ собой не буду слышать отъ радости. Вѣдь, вы только представьте: собой недурна, домъ каменный, лошади, деньги, одна, ни родныхъ, никого. Вотъ гдѣ счастье-то! Я съ ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажемъ.

Бальзаминова.

На-ка, вотъ еще письмо къ тебѣ. *(Отдаетъ письмо Устрашимова.)*

Бальзаминовъ *(беретъ письмо и распечатываетъ).*

Мы себя покажемъ, маменька! Мы себя покажемъ. *(Читаетъ.)* Боже мой! *(Съ отчаяніемъ садится на стулъ.)* Все кончено, все!

Бальзаминова.

Что тамъ еще за бѣда случилась?

Бальзаминовъ.

Все, все кончено! Нечего теперь думать и мечтать... Какъ обухомъ, такъ и ошарашилъ.

Бальзаминова.

Наладилъ одно! Да ты скажи мнѣ, что такое?

Бальзаминовъ.

Нечего и завиваться итти. И не пойду. Вотъ тебѣ и домъ. Точно, какъ я все это во снѣ видѣлъ.

Бальзаминова.

Эхъ, глупъ ты, Миша!

Бальзаминовъ.

Да, глупъ! Хорошо вамъ разговаривать-то! Поглупѣешь, какъ вотъ эдакія письма получать будешь. Я вотъ сижу, маменька, а, вѣдь, я убитый...

Бальзаминова.

Да читай! Что за страсти такія!

Бальзаминовъ.

Эко наказанье! Ну, что я ему сдѣлалъ? Слушайте, маменька! *(Хочетъ читать и останавливается.)* Разбойникъ! Право, разбойникъ! *(Читаетъ:)* „Михайла! я давно слышалъ, что ты ходишь мимо извѣстнаго тебѣ дома; но не вѣрилъ...“ И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! *(Читаетъ:)* „но не вѣрилъ; я думалъ, что ты, зная меня, не посмѣешь этого сдѣлать. Теперь я самъ тебя видѣлъ, и знаю, что ты кинулъ въ окно записку. Такой подлости я отъ тебя не ожидалъ!“ Въ чемъ же тутъ подлость, позвольте васъ спросить? А онъ самъ развѣ этого не дѣлаетъ! Откуда-жъ у него перстни да цѣпочки-то?

Бальзаминова.

Да ты читай!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ, маменька! *(Читаетъ:)* „Я ужъ два года знакомъ съ этой дамой...“ Кто-жъ его зналъ! Развѣ я зналъ это?

Бальзаминова.

Ну, а если-бъ зналъ?

Бальзаминовъ.

Разумѣется бы, не пошелъ.

Бальзаминова.

А отъ чего бы это не пойти? Что, онъ тебѣ начальникъ, что ли? Вѣдь, она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: „не пошелъ бы!“ То-то вотъ ты тетеря у меня: вотъ что мнѣ и горько!

Бальзаминовъ.

Это я, маменька, такъ сказалъ. Можетъ быть, и пошелъ бы.

Бальзаминова.

Ну, что тамъ дальше?

Бальзаминовъ *(читаетъ)*.

„Теперь у насъ вышла ссора изъ каприза...“

Бальзаминова.

Вышла ссора. Ну, вотъ и прекрасно! Ты и долженъ этимъ пользоваться.

Бальзаминовъ.

Да, какъ же, прекрасно! Вы послушайте, что онъ дальше-то пишетъ. *(Читаетъ:)* „но я надѣюсь помириться съ ней; слѣдовательно, ты мнѣ мѣшать не долженъ. Если бы она была поумнѣй, я бы тебя не боялся; а то она, по глупости, готова всякому дураку кинуться на шею...“

Бальзаминова.

И чудесно, и чудесно!

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, да ужъ вы не перебивайте! *(Читаетъ:)* „по этому самому ты и не смѣй ходить въ ту сторону“. Вотъ онъ что! *(Читаетъ:)* „Если тебѣ жизнь еще не надоѣла, чтобы и нога твоя тамъ не была!“ Какъ это вамъ покажется?

Бальзаминова.

Небось, страшно?

Бальзаминовъ.

А то не страшно? Вѣдь, я, чай, одинъ у васъ сынъ-то! Ну, а вотъ дальше-то. *(Читаетъ:)* „а то я тебя изувѣчу или совсѣмъ убью. Такъ ты и знай! Вотъ тебѣ и вся недолга“.

Бальзаминова.

Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминовъ *(робко)*.

„Вотъ тебѣ и вся недолга!“

Бальзаминова.

Скажите, пожалуйста! Такъ вотъ васъ и испугались! Ну, что-жъ ты молчишь?

Бальзаминовъ.

Что жъ мнѣ говорить-то? Точно меня чѣмъ ошибло, ничего не помню, изъ головы все вылетѣло, словно, какъ пустая теперь.

Бальзаминова.

Что-жъ, ты пойдешь или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ идти-то, маменька? Развѣ мнѣ жизнь-то не мила, что ли? Какъ ни бѣдствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова.

А домъ-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминовъ.

Ахъ, не терзайте вы меня! *(Хватаетъ себя за голову.)* Что мнѣ дѣлать? Батюшки, что мнѣ дѣлать?

Бальзаминова.

Такъ ты въ самомъ дѣлѣ боишься, что онъ убьетъ тебя.

Бальзаминовъ.

Убьетъ, маменька, убьетъ! Ужъ я его знаю. *(Стоитъ задумавшись.)*

Бальзаминова.

А я такъ думаю, что не убьетъ. Глупый ты человѣкъ, вѣдь, за это въ Сибирь ссылаютъ. Кому охота! Побить, можетъ быть, побьетъ — это я не спорю, коли онъ сильнѣе тебя.

Бальзаминовъ *(въ задумчивости)*.

Сильнѣй.

Бальзаминова.

За то, коли ты понравишься, какой ты ему носъ-то натянешь!

Бальзаминовъ *(все въ задумчивости)*.

Асаже?

Бальзаминова.

Да, асаже славное сдѣлаешь.

Бальзаминовъ *(нѣсколько времени стоитъ молча)*.

Ну, была — не была! Прощайте! Побѣгу завиваться.

Бальзаминова.

Ступай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить!

Бальзаминовъ.

Именно! Ну, Устрашимовъ, посмотримъ, чья возьметъ! *(Уходитъ.)*

.....

Картина вторая.

ЛИЦА:

Анфиса Даниловна Антрыгина, вдова, 30-ти лѣтъ.
Анна Прокловна Пѣонова, ея знакомая, 25-ти лѣтъ.
Маша, горничная Антрыгиной.
Бальзаминовъ.
Устрашимовъ.
Красавина.

Богатая комната въ домѣ Антрыгиной.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Маша *(одна; смотритъ въ окно и кланяется).*

Павлинъ Иванычъ, здравствуйте! что? Говорите громче, здѣсь никого нѣтъ. *(Голосъ Устрашимова: „Сдѣлай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?“)* Да какъ узнаешь-то? онѣ не сказываютъ. *(Устрашимовъ: „Рубль серебромъ, Маша“.)* Обманете! *(Устрашимовъ: „Ну, вотъ еще!“)* Побожитесь! *(Устрашимовъ: „Да что божиться; я тебѣ впередъ отдамъ“.)* Ну, хорошо! Ужъ постараюсь какъ-нибудь. *(Устрашимовъ: „Такъ ты вотъ что: ты какъ узнаешь, такъ прибѣги въ лавочку къ заставѣ. Я буду тамъ дожидаться“.)* Хорошо, хорошо! *(Кланяется.)* Прощайте! Отчего сердится? Извѣстно отчего, отъ ревности. Надо только узнать, къ кому она его ревнуетъ. А онъ-то, бѣдный, мучится, думаетъ, что она его разлюбитъ. Не разлюбитъ, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то бѣлобрысаго чиновника теперь приманиваетъ; а все это только одинъ отводъ, помучить хочется. Кабы въ самомъ-то дѣлѣ захотѣла бросить Павлина Иваныча, такъ бы съ утра до ночи на трефоваго короля не гадала. Нѣтъ ужъ, видно, какъ полюбишь вашего брата, такъ не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачѣмъ только она сотворена. Ужъ про нашу сестру нечего говорить — слабое твореніе; а и мужчины — и тѣ отъ нея муку видятъ. А все-таки, безъ любви никто не живетъ! И стыда отъ нея много бываетъ; случается, что и горя натерпишься, а безъ нея, все-таки, скучно. Вотъ тутъ у меня какъ-то перемёжка вышла, такъ не знала, куда дѣться отъ тоски. Хожу, какъ не своя, точно какъ потеряла

что. А какъ есть предметъ, такъ то ли дѣло!... *(Входитъ Антрыгина и молча ложится на диванъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Антрыгина и Маша.

Маша.

Что это вы, сударыня, какія нынче скучныя?

Антрыгина *(томно, со вздохомъ).*

Такъ.

Маша.

Нѣтъ, ужъ это, сударыня, что-нибудь да не такъ; прежде съ вами этого не было.

Антрыгина.

Оттого и скучаю, что мнѣ на свѣтѣ все надоѣло, ничто меня въ жизни не занимаетъ. И зачѣмъ я живу? Я не понимаю.

Маша.

Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такія веселыя. Даже очень пріятно было видѣть васъ, что вы всегда въ хорошемъ расположеніи бываете.

Антрыгина.

Да, можетъ быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; слѣдовательно, что же меня можетъ къ ней привлекать!

Маша.

Вы еще такъ молоды, сударыня.

Антрыгина.

Что-жъ изъ этого? Коли я вижу, что все въ жизни обманъ, что никому повѣрить нельзя, что на свѣтѣ только суета одна—что я должна дѣлать? Я должна удаляться отъ свѣта. Съ хитростью, съ политикой женщина можетъ жить въ свѣтѣ; а съ чувствомъ, съ нѣжнымъ сердцемъ должна только страдать. Слѣдовательно, я лучше буду жить, какъ отшельница, чѣмъ за все свое расположеніе и за свое добро видѣть отъ людей обиду или насмѣшку.

Маша.

Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людямъ нельзя большого довѣрія дѣлать, особенно мужчи-

намъ; только для чего же изъ-за этого изъ-за самаго вы будете себя мучить! Развѣ мало можетъ быть для васъ развлеченій?

Антрыгина.

Какихъ это развлеченій?

Маша.

Мало ли, сударыня, развлеченій! Можете ѣхать на гулянье, въ гости, у себя гостей принимать, зимой—въ театръ, въ собраніе.

Антрыгина.

Для чего? для кого?

Маша.

А какъ знать, сударыня, можетъ, вамъ кто-нибудь понравится, выйдете замужъ и будете жить да поживать.

Антрыгина.

Я? Никогда! Чтобы я когда-нибудь повѣрила мужчинѣ! Да если онъ всѣ клятвы произнесетъ, я и тогда не повѣрю! *(Молчаніе.)* Я въ монастырь пойду.

Маша.

Что вы, сударыня! Какъ это можно!

Антрыгина.

А вотъ увидишь. Ужъ если я на что рѣшилась...

Маша.

Ѣдетъ кто-то. *(Подходитъ къ окну и смотритъ.)* Военный... къ намъ въ окна смотритъ... съ аполетами...

Антрыгина.

Съ густыми?

Маша.

Съ густыми.

Антрыгина.

Молодъ?

Маша.

Не очень.

Антрыгина.

Ужъ если я на что-нибудь рѣшилась... Да, можетъ быть, это онъ такъ взглянулъ?

Маша.

Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина.

Ну его! Ужъ коли я на что рѣшилась, такъ я и сдѣлаю.

Ты еще моего характера не знаешь. Ты, можетъ быть, думаешь, что я буду жалѣть о разныхъ глупостяхъ? Какъ же, нужно очень! Я ужъ давно всѣ шалости изъ головы выкинула. У меня и въ помышленіи-то нѣтъ ничего такого. *(Задумывается съ улыбкой.)*

Маша *(указывая глазами на карты)*.

Не раскинуть ли?

Антрыгина.

Кинь!

Маша.

На трефоваго короля прикажете?

Антрыгина *(разсѣянно)*.

Ну, да.

Маша *(гадаетъ)*.

Очень, очень недурно, сударыня.

Антрыгина.

Что тамъ у тебя?

Маша.

А вотъ извольте посмотрѣть.

Антрыгина *(встаетъ и смотритъ)*.

И то, вѣдь, хорошо.

Маша *(со смѣхомъ показывая на карту)*.

А вотъ извольте посмотрѣть, что здѣсь-то!

Антрыгина *(улыбаясь, смѣшиваетъ карты)*.

Ахъ, пустяки какіе! Неужели ты вѣришь?

Маша.

Никогда не врутъ, сударыня. А ужъ это-то завсегда сбывается.

Антрыгина.

Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь! *(Молчаніе.)* Хоть бы шарманка, что ли, пришла: тоска такая.

Маша.

Барыня, подъѣхалъ кто-то.

Антрыгина.

Бѣги, посмотри, кто такой? *(Маша уходитъ. Антрыгина поправляется передъ зеркаломъ, потомъ смотритъ въ окно.)* Вчера не приходилъ и нынче нейдетъ. Ахъ, противный! Коли завтра не придетъ, такъ надо будетъ Машу посылать! Пускай

она, какъ будто отъ себя, и скажетъ, что я замужъ выхожу; вотъ мы тогда и посмотримъ. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины всѣ горды; ну ужъ и я, кажется, ни за что на свѣтѣ не покорюсь. *(Входятъ Піонова и Маша.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Антрыгина, Піонова и Маша *(у дверей)*.

Антрыгина.

Ахъ, Анета! Что это ты пропала? *(Цѣлуются и садятся.)*

Піонова.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты сама себѣ госпожа; а у меня мужъ, да и дѣла куча. Я и заѣхала-то къ тебѣ не надолго, поговорить нужно объ одномъ дѣлѣ. У насъ въ домѣ такая тоска.

Антрыгина.

Я воображаю.

Піонова.

Повѣришь ли, не съ кѣмъ слова перемолвить. Иногда такъ нужно бываетъ, такъ нужно, а рѣшительно не съ кѣмъ, ну, и ѣдешь къ тебѣ за семь верстъ.

Антрыгина.

Развѣ есть что?

Піонова.

Нѣтъ еще, серьезнаго ничего нѣтъ.

Антрыгина.

Гдѣ поймала?...

Піонова.

Въ Сокольникахъ.

Антрыгина.

Хорошъ?

Піонова.

Не дуренъ. Ну, да объ этомъ послѣ. Что твой?

Антрыгина.

Ахъ, оставь, сдѣлай милость! Я и думать-то забыла о немъ.

Піонова.

Да отчего съ тобой вдругъ такая перемѣна, скажи на-милость?

Антрыгина.

Оттого, что мерзавецъ!

Піонова.

Ахъ, Анфиса! Ты ли это говоришь!

Антрыгина.

Ужъ коли я говорю, такъ, значитъ, я знаю.

Піонова.

Помилуй! Такой прекрасный молодой человѣкъ! Такъ тебя любитъ!

Антрыгина.

Да, любитъ; оно и видно.

Піонова.

Разумѣется, видно. Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься? Это ни на что̀ не похоже! И ты до сихъ поръ все его мучишь, все не принимаешь?

Антрыгина.

Еще бы! Да и нога его здѣсь не будетъ.

Піонова.

Что̀ ты! Что̀ ты!

Антрыгина.

И таки — никогда, никогда!

Піонова.

Ну, ужъ я не знаю! Ты каменная какая-то! Желѣзо, просто желѣзо! Да и то подается. Чего тебѣ еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюбленъ безъ памяти...

Антрыгина.

Да тебѣ-то что̀ за дѣло?

Піонова.

Да не могу я этого видѣть равнодушно! Дѣлать такія тиранства надъ человѣкомъ, который, можетъ быть, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, это ужасно!

Антрыгина.

Нѣтъ, онъ сто́итъ, онъ еще не того сто́итъ!

Піонова.

Попался тебѣ мужчина съ кроткимъ сердцемъ, можно сказать, съ ангельскимъ, такъ его и мучитъ.

Антрыгина.

Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Піонова.

Ну, ужъ и женщины-то ваши тоже хороши.

Антрыгина.

Разумѣется, лучше мужчинъ.

Піонова.

Ну, едва ли!

Антрыгина.

Про какое это ты ангельское сердце говоришь?

Піонова.

Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина.

Развѣ у фальшивыхъ людей можетъ быть ангельское сердце? Давно ли это?

Піонова.

Кто же сказалъ, что онъ фальшивый человѣкъ? Противъ кого онъ фальшивый человѣкъ?

Антрыгина.

Рѣшительно противъ всѣхъ.

Піонова.

Но только не противъ тебя. Онъ такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина.

Безсовѣстный!

Піонова.

Ангелъ, а не человѣкъ.

Антрыгина.

Мерзавецъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

Піонова.

Очарованіе, что̀ за мужчина!

Антрыгина.

Ну, и возьми его себѣ, коли онъ тебѣ нравится.

Піонова.

Мнѣ не надобно-съ. Не извольте обо мнѣ безпокоиться! Конечно, я умѣю цѣнить людей, не то что̀ ты. Скажи же ты мнѣ, наконецъ, за что̀ ты на него сердишься?

Антрыгина.

Тебѣ хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той недѣлѣ во вторникъ—ѣду я мимо Чистыхъ Прудовъ, вдругъ вижу: этотъ господинъ идетъ подъ ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ...

Піонова.

Да ты хорошо ли разсмотрѣла?

Антрыгина.

Гдѣ-жъ было разсмотрѣть! Оно бы и нужно было остановиться, да ужъ я себя не помнила. Во всѣхъ членахъ трясеніе сдѣлалось. Вмѣсто того, чтобы сказать кучеру: „стой!“ я кричу: „скорѣй, скорѣй!“ Какъ домой доѣхала, ужъ не помню. Сейчасъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать... *(Маша уходитъ.)*

Піонова.

Да, можетъ быть, это не онъ былъ. Надо узнать.

Антрыгина.

Какъ же узнать? У него, что ли, спросить? Такъ онъ развѣ скажетъ! Извѣстное дѣло, обманетъ, перевернетъ все въ другую сторону. Нѣтъ, ужъ лучше Богъ съ нимъ. *(Подноситъ платокъ къ глазамъ.)*

Піонова.

А сама плачешь, да вотъ и трефовый король тутъ на столѣ. Значитъ, ты объ немъ думаешь.

Антрыгина.

И не воображала.

Піонова.

Анфиса, помирись съ нимъ! *(Цѣлуетъ ее.)* Ну, сдѣлай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина.

Ни за что на свѣтѣ.

Піонова.

Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина.

Нѣтъ, ужъ у меня другой есть на примѣтѣ. Выду за него замужъ; онъ же такой скромный, учтивый.

Піонова.

И ты рѣшишься этакое варварство сдѣлать?

Антрыгина.

Что за варварство?

Піонова.

Да какъ же не варварство? Промѣнять такого человѣка на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина.

Совсѣмъ не дрянь. Во-первыхъ, онъ не то, что другіе, онъ любитъ меня.

Піонова.

Да, какъ же, любитъ! Онъ тебя обманываетъ, прикидывается только.

Антрыгина.

Во-первыхъ, это сейчасъ видно, кто обманываетъ; а во-вторыхъ...

Піонова.

Да, какъ же! увидишь ты у нихъ!

Антрыгина.

У кого, у нихъ?

Піонова.

У мужчинъ. Такъ тебя проведутъ, что и не услышишь. Ужъ обмануть—ихъ дѣло. Тѣмъ только всю жизнь и занимаются. Мы имъ на жертву созданы: вотъ они и потѣшаются надъ нами.

Антрыгина.

У тебя, Анета, семь пятницъ на недѣлѣ; давеча хвалила мужчинъ, а теперь ужъ не хороши стали.

Піонова *(горячо)*.

Ну что-жъ такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки, Устрашимовъ -- безподобный мужчина, а этотъ твой новый — дрянь. Устрашимовъ никогда не позволитъ себѣ обмануть женщину, а этотъ обманываетъ. Это очень ясно. Вотъ тебѣ и все. Да этого и не можетъ быть, чтобы Устрашимовъ былъ тебѣ невѣренъ. Да вотъ, давай, сейчасъ загадаемъ на картахъ, вотъ и все узнаемъ. *(Раскладываетъ карты.)*

Антрыгина.

Гадай, коли тебѣ хочется. *(Входитъ Красавина.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Красавина.

Антрыгина.

А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина *(садится)*.

Была и медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Антрыгина.

Ну, здѣсь попадетъ. Что же?

Красавина.

Соколъ въ путь снаряжается: чай, скоро прилетитъ.

Піонова *(строго)*.

Анфиса!

Антрыгина.

Пускай прилетитъ, мы его примемъ, какъ должно.

Піонова *(бросивъ карты)*.

Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! Ты такъ вѣтрена, такъ вѣтрена, ни на что не похоже!

Красавина.

А что-жъ такое въ этомъ дурного, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли, какое это дѣло, какъ оно называется? Вѣдь, это—судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Можетъ, ей на роду написано быть за нимъ замужемъ. Такъ развѣ можно отъ своей судьбы бѣгать? Гдѣ это видано?

Піонова.

Тебя послушай только! У васъ все судьба; всѣ свахи такъ говорятъ. Извѣстное дѣло—въ этомъ вамъ интересъ, вотъ вы и хлопочете.

Красавина.

А что такое сваха? Сваха—великое слово! Не у всякаго хватитъ ума, какъ его понимать! Если разсудить хорошенько, такъ насъ бы надобно всякими разными чинами жаловать, вотъ что я тебѣ скажу. Нами только и государство-то держится, безъ насъ никакое государство стоять не можетъ. Вотъ оно какое слово—сваха. Не будь насъ, ну, и конецъ, и родъ человѣческій прекратится.

Піонова.

Не безпокойся, не прекратится.

Красавина.

Гдѣ тебѣ знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина.

А что, Гаврилиха, каково они живутъ? Съ достаткомъ или нѣтъ?

Красавина.

Ужъ какіе достатки у приказныхъ. Мнѣ передъ тобой таить

нечего: живутъ не больно авантажно. Избушка на курьихъ ножкахъ, маленько тово... на бокъ; рогатаго скота: пѣтухъ да курица; серебряной посуды: крестъ да пуговица. Да тебѣ что за дѣло до достатковъ? у тебя у самой много, тебѣ человѣка нужно. Да вотъ никакъ и онъ пришелъ, кто-то въ передней толчется. *(Встаетъ и заглядываетъ въ дверь.)* Войди, ничего, не бойся! Войди, говорятъ тебѣ! Чего бояться-то! *(Бальзаминовъ входитъ и раскланивается.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Бальзаминовъ.

Антрыгина.

Здравствуйте, Михайла Дмитричъ! Я давно хотѣла съ вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина.

Ну, и сядь!

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Да ужъ я самъ-съ... *(Раскланивается).*

Красавина.

И садись, коли просятъ. *(Бальзаминовъ садится).*

Антрыгина.

У васъ, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминовъ.

Съ девяти часовъ до половины третьяго-съ; а на домъ рѣдко когда даютъ-съ.

Піонова.

Оно и видно, что вамъ дѣлать-то нечего; то-то вы по всей Москвѣ и ходите.

Антрыгина.

Ахъ, какая ты, Анета! Отчего-жъ и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминовъ.

Проминажъ-съ.

Піонова.

Хорошъ проминажъ, черезъ всю Москву!

Антрыгина.

Разумѣется, безъ цѣли не стòитъ ходить. У нихъ, можетъ быть, есть цѣль; почемъ ты знаешь! Можетъ быть, имъ кто-нибудь нравится въ этой сторонѣ. Вѣроятно, за этимъ и ходите въ нашу сторону?

Бальзаминовъ *(конфузясь)*.

Да-съ, такъ точно-съ!

Антрыгина.

Вотъ видите ли, я и угадала.

Пiонова.

Мудрено было угадать! *(Бальзаминову.)* А можно васъ спросить, кто это вамъ нравится въ этой сторонѣ?

Бальзаминовъ.

Это я долженъ сохранять въ глубинѣ души своей-съ.

Антрыгина.

И очень вы ее любите?

Бальзаминовъ.

Для моей любви нѣтъ границъ и нѣтъ словъ-съ, чтобы выразить.

Антрыгина.

Вòтъ какъ! Это, должно быть, очень пріятно, когда такъ любятъ. Слышишь, Анета?

Пiонова.

А я такъ думаю, что оттого и нѣтъ словъ, что сказать-то нечего.

Бальзаминовъ.

Конечно, кто знаетъ много стиховъ хорошихъ-съ, тотъ сейчасъ можетъ прибрать на всякій случай-съ; а кто если не знаетъ, какъ же онъ выразитъ свои чувства!

Антрыгина.

А вы много стиховъ знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминовъ.

Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражаютъ любовь-съ и разныя страданія. А то много, вѣдь, стиховъ написано теперь и такихъ, которые ничего не выражаютъ; такъ тѣ для меня не интересны-съ.

Антрыгина.

Скажите какіе-нибудь, мы послушаемъ!

Красавина.

Ну, и скажи, послушаемъ.

Бальзаминовъ.

Прикажете чувствительные?

Антрыгина.

Ахъ, сдѣлайте милость, чувствительные.

Бальзаминовъ.

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце томно бьется.
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Красавина.

Что-то, братъ, нескладно.

Бальзаминовъ.

Есть и другіе-съ.

Антрыгина.

Какіе же это такіе?

Бальзаминовъ.

Пастухъ, ищущій своей пастушки. Голосъ нѣжный. Такъ и въ книжкѣ напечатано. А то я знаю и жестокіе-съ.

Антрыгина.

Скажите жестокіе!

Бальзаминовъ.

Злой пастухъ!
Весь твой духъ
Нынѣ премѣнился:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь плѣнился?

Красавина.

Да что ты все про пастуховъ наладилъ? Нужно очень! Вотъ невидаль какая! Ты хорошіе какіе-нибудь скажи! Про ерцогиню какую, либо про прынца.

Бальзаминовъ.

У меня дома тетрадь есть для стиховъ-съ, я въ нее и вписываю; если прикажете, я принесу-съ. Только хорошихъ стиховъ достать негдѣ-съ, у насъ въ судѣ никто этимъ не занимается, только развѣ одинъ Устрашимовъ.

Антрыгина.

А вы развѣ въ одномъ судѣ служите?

Бальзаминовъ.

Въ одномъ-съ и даже за однимъ столомъ-съ.

Піонова.

Какъ я вамъ завидую.

Антрыгина.

Вы, значитъ, его хорошо знаете?

Бальзаминовъ.

Какъ же не знать-съ! Пять лѣтъ вмѣстѣ служимъ-съ.

Піонова *(тихо Антрыгиной)*.

Ну, вотъ и спроси про вторникъ.

Антрыгина.

Мнѣ хотѣлось бы отъ васъ слышать, что онъ за человѣкъ. Одна моя знакомая очень имъ интересуется.

Бальзаминовъ.

Я не знаю, какъ говорить-съ. Какъ бы не вышло чего.

Антрыгина.

А что же можетъ выйти?

Бальзаминовъ.

А ежели онъ узнаетъ-съ.

Антрыгина.

Не безпокойтесь, не узнаетъ. А развѣ онъ дурной человѣкъ?

Бальзаминовъ.

Одно слово, разбойникъ-съ.

Антрыгина.

Какъ разбойникъ?

Бальзаминовъ.

Душегубецъ-съ.

Піонова.

Какой вы вздоръ говорите! Скучно слушать!

Бальзаминовъ.

Помилуйте, какой же вздоръ, когда есть примѣры-съ.

Антрыгина *(съ испугомъ)*.

Что вы говорите? Ахъ, Боже мой! Онъ убилъ кого-нибудь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, не убилъ-съ, а хочетъ убить до смерти-съ.

Піонова.

Ужъ не васъ ли?

Бальзаминовъ.

Да, меня-съ. Ей-Богу! *(Антрыгиной.)* Только ужъ вы, сдѣлайте одолженіе, ему ничего не говорите-съ!

Антрыгина.

Да что̀ вы! Я его не знаю.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, это вы нарочно-съ. Онъ сказывалъ, что вы съ нимъ знакомы, только у васъ ссора вышла.

Антрыгина.

Ну да! то-есть, мы были знакомы, а теперь ужъ все кончено.

Бальзаминовъ.

Это очень хорошо-съ.

Піонова.

Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ это нравится?

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ! Что̀ же можно отъ него ожидать, коли онъ разбойникъ. Кромѣ непріятности, ничего-съ. Теперь вы представьте себѣ: за что̀ же онъ меня хочетъ убить до смерти-съ? За то, что я къ вамъ въ домъ пришелъ-съ? Такъ ужъ, вѣдь, это кому счастье-съ! Зачѣмъ же мнѣ отъ своего счастья бѣгать! Притомъ же, я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова, а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ... А про Устрашимова я бы много могъ сказать, да по-товарищески не годится. Я только одно скажу, что человѣкъ самой черной души.

Піонова.

Вы намъ вотъ что̀ скажите: во вторникъ Устрашимовъ былъ въ судѣ?

Антрыгина.

Да, сдѣлайте одолженіе.

Бальзаминовъ.

Во вторникъ? Позвольте-съ! Онъ во вторникъ былъ дежурный цѣлый день въ судѣ-съ и ночевалъ тамъ.

Піонова *(Антрыгиной).*

Ну, что! говорила я тебѣ.

Бальзаминовъ.

Если человѣкъ со вкусомъ, да не имѣетъ средствъ, это ужасное положеніе-съ! Въ мечтахъ все представляется богатство и даже во снѣ-съ... *(Маша показывается въ дверяхъ.)*

Маша.

Барыня, пожалуйте сюда! *(Антрыгина подходитъ, говоритъ шопотомъ, возвращается и садится.)*

Піонова *(тихо).*

Что?

Антрыгина *(тоже тихо).*

Письмо.

Бальзаминовъ.

Я говорю-съ, когда много вкуса и притомъ въ мечтахъ...

Антрыгина.

Не угодно ли вамъ по саду погулять.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Мнѣ и здѣсь хорошо-съ.

Антрыгина.

Ужъ сдѣлайте одолженіе! Мнѣ нужно тутъ заняться кой-чѣмъ.

Піонова.

И мы сейчасъ къ вамъ придемъ.

Красавина.

Ну ужъ, пойдемъ! Знать, имъ что-нибудь нужно. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Антрыгина, Піонова и Маша *(въ дверяхъ.)*

Піонова.

Ну, читай, скорѣе читай!

Антрыгина *(распечатываетъ и читаетъ).*

„Милостивая государыня, Анфиса Даниловна! Наконецъ, я узналъ, отчего происходитъ вашъ гнѣвъ на меня. Маша мнѣ все сказала. Но я ни въ чемъ не виноватъ, въ чемъ

вы сами можете легко убѣдиться. Стóитъ вамъ только спросить у кого-нибудь изъ моихъ товарищей, гдѣ я былъ во вторникъ, вамъ всякій скажетъ, что я былъ дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего новаго обожателя. Онъ столько глупъ, что не сумѣетъ солгать, хотя бы и хотѣлъ. Если я и теперь не дождусь отъ васъ отвѣта или приглашенія, то—вы меня знаете, я человѣкъ рѣшительный—вамъ придется отвѣчать за меня передъ Богомъ, правительствомъ и публикой. Мрачную душу мою стерегутъ злые демоны; я отдалъ ее имъ на жертву; я чувствую ихъ приближеніе. Пистолетъ заряженъ и ждетъ меня; я съ радостью встрѣчу смерть и съ адскимъ хохотомъ закрою глаза свои. Прежде вашъ, а теперь ничей, Павлинъ Устрашимовъ".

Піонова.

Ахъ, какія чувства! Ахъ, какъ ты счастлива, Анфиса, что тебя такъ любятъ! Ахъ, Боже мой! Отвѣчай ему скорѣй!

Антрыгина.

Что ты разахалась! Я сейчасъ пошлю за нимъ, онъ тутъ у воротъ дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча! *(Маша уходитъ.)* Что же мнѣ дѣлать съ Бальзаминовымъ?

Піонова.

Я пойду въ садъ, удержу его. А потомъ, когда мы придемъ сюда, онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь дѣлать нечего.

Антрыгина.

Ну, и прекрасно.

Піонова *(цѣлуя Антрыгину).*

Милочка! *(Уходитъ. Антрыгина садится на диванъ и смотритъ въ противоположную сторону отъ двери. Входитъ Устрашимовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Антрыгина и Устрашимовъ.

Устрашимовъ.

Вы меня звали?

Антрыгина.

Не стоять же вамъ у воротъ.

Устрашимовъ *(видя, что Антрыгина на него не смотритъ, пожимаетъ плечами и отходитъ къ противоположному окну).*

Что же вамъ угодно?

Антрыгина.

Вы хотѣли меня видѣть: что вамъ угодно?

Устрашимовъ.

Я хотѣлъ передъ вами оправдаться.

Антрыгина.

Что вамъ оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсѣмъ и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимовъ.

Такъ за что же?

Антрыгина.

Ужъ я знаю за что.

Устрашимовъ.

Но однако?

Антрыгина.

Всего не перескажешь.

Устрашимовъ.

Если вы меня звали только за тѣмъ, такъ прощайте.

Антрыгина *(вполовину оборотясь).*

Куда же вы?

Устрашимовъ.

Для васъ, я думаю, это рѣшительно все равно, куда бы я ни пошелъ!

Антрыгина.

Почему же вы такъ заключаете?

Устрашимовъ.

По всему: по пріему вашему, по тому, что у васъ здѣсь Бальзаминовъ. А впрочемъ, какое же мнѣ теперь до этого дѣло! Прощайте!

Антрыгина *(взглянувъ на Устрашимова).*

Останьтесь съ нами чай пить.

Устрашимовъ *(взглянувъ на Антрыгину).*

Къ чему же мнѣ оставаться? Ну, скажите, къ чему? *(Кладетъ шляпу на столъ.)*

Антрыгина.

Вы хотите, чтобы васъ просили? Какъ вы горды!

Устрашимовъ.

Я гордъ, да, я гордъ; но не противъ васъ.

Антрыгина.

Докажите на дѣлѣ, что не горды.

Устрашимовъ.

Я вамъ это доказывалъ нѣсколько разъ и готовъ доказать, когда угодно. *(Подходитъ къ Антрыгиной и становится передъ ней на колѣни.)* Вы видите, гордъ ли я! Я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами; но я прошу у васъ извиненія. *(Антрыгина молча протягиваетъ руку, онъ цѣлуетъ.)* Вы не сердитесь?

Антрыгина.

Встаньте! Не сержусь.

Устрашимовъ *(встаетъ)*.

Вы меня измучили.

Антрыгина. *(ударяетъ его по плечу)*.

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Устрашимовъ *(обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ щеку)*.

Ура! Побѣда!

Антрыгина *(сопротивляясь)*.

Что вы! Что вы! Ну, войдетъ кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался ужъ очень! На все есть время. *(Входитъ Піонова.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Піонова.

Піонова *(вопросительно смотритъ на нихъ)*.

Помирились?

Антрыгина.

Помирились.

Піонова *(Устрашимову)*.

Я все время за васъ заступалась. Вотъ спросите ее

Устрашимовъ *(цѣлуя у ней руку)*.

Покорно васъ благодарю! *(Входятъ Красавина и Бальзаминовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, Красавина и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ *(не замѣчая Устрашимова).*

Какой у васъ прекрасный садъ-съ, и всякихъ цвѣтовъ очень много-съ! Только если бы я былъ богатъ-съ... *(Увидавъ Устрашимова, остается съ открытымъ ртомъ.)*

Устрашимовъ.

Что-жъ бы ты?

Бальзаминовъ.

Я бы-съ... Какъ же это? Зачѣмъ же-съ?...

Устрашимовъ.

Зачѣмъ я-то, это очень просто. Ты-то зачѣмъ?

Антрыгина.

Да вотъ все Гавриловна! Навязывается съ женихами! И кто ее проситъ! *(Дѣлаетъ Красавиной знакъ глазами, достаетъ изъ кармана ассигнацію и потихоньку отдаетъ ей.)* Я и не думала, а ты тутъ со сватовствомъ.

Красавина.

Ну, кто же тебя зналъ! Я думала угодить. *(Тихо.)* Увести, что-ль? *(Антрыгина утвердительно киваетъ головой. Громко.)* Наше дѣло такое! Гдѣ тебѣ спасибо скажутъ, а гдѣ такъ и въ шею вытолкаютъ. И не радъ, да будь готовъ.

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ, вѣдь, вы поссорились.

Піонова.

Они поссорились, они и помирились. Это ужъ ихъ дѣло.

Бальзаминовъ.

А какъ же я-то теперь-съ. При чемъ же-съ?

Піонова.

А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай!

Бальзаминовъ.

Извините, я не понимаю-съ. Въ какомъ смыслѣ-съ?...

Красавина.

А вотъ пойдемъ, я тебѣ дорогой растолкую.

Бальзаминовъ.

Какъ-съ? такъ и итти?

Устрашимовъ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Красавина.

Ужъ что̀ тутъ еще! Видимое дѣло, что тѣмъ же трахтомъ, да и назадъ пожалуйте!

Бальзаминовъ.

А какъ же я къ маменькѣ-съ... опять же я съ правой стороны-съ... при всемъ томъ...

Всѣ.

Прощайте! Прощайте!

Красавина.

Ну, совѣтъ да любовь! *(Бальзаминовъ раскланивается. Красавина уводитъ его за руку.)*

Піонова.

И прекрасно, и прекрасно! Вотъ теперь сядемъ чай пить.

Антрыгина.

Маша, давай самоваръ.

ЗА ЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ.

[ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА.]

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Картина первая.

ЛИЦА.

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.
Михайла Дмитричъ Бальзаминовъ, сынъ ея.
Акулина Гавриловна Красавина, сваха.
Матрена, кухарка.
Лукьянъ Лукьянычъ Чебаковъ, офицеръ въ отставкѣ. Очень приличный господинъ, среднихъ лѣтъ, съ усами, высокій, сертукъ застегнутъ на всѣ пуговицы. Выраженіе лица насмѣшливо.

Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бальзаминова *(пьетъ чай)* и Матрена *(стоитъ у двери)*.

Бальзаминова.

Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, послѣ бани-то!

Матрена.

Ужъ это на что̀ лучше! По всѣмъ жилкамъ, по всѣмъ суставамъ пройдетъ.

Бальзаминова.

А гдѣ же Миша? Что̀-то не видать его.

Матрена.

Спитъ, умаялся.

Бальзаминова.

Ну, пускай спитъ.

Матрена.

Что-жъ! пущай спитъ. Никакихъ важныхъ дѣлъ за нимъ нѣтъ; остановки не будетъ. А я сослѣдила, куда онъ ходитъ.

Бальзаминова.

Куда же?

Матрена.

Тутъ близёхонько. Только онъ не прямо ходитъ, а кругъ большой дѣлаетъ, чтобы сосѣдямъ виду не показать. Таково далеко уйдетъ, да потомъ и воротится переулками: глаза отводитъ.

Бальзаминова.

Да будетъ ли толкъ-то какой-нибудь?

Матрена.

Кто-жъ его знаетъ? Ужъ это его дѣло. Надо полагать, что и тутъ ничего себѣ не выиграетъ.

Бальзаминова.

Отчего же ты такъ, Матрена, думаешь?

Матрена.

Мало виду изъ себя имѣетъ, польститься-то не на что! Ну, и чиномъ еще не вышелъ.

Бальзаминова *(встаетъ)*.

Ней, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли? *(Уходитъ. Матрена садится къ столу и пьетъ. Бальзаминова возвращается. Матрена встаетъ.)* Сиди! *(Матрена садится, только оборотившись къ Бальзаминовой задомъ.)* Спитъ еще. *(Садится.)* А какъ ихъ по фамиліи-то, гдѣ онъ ходитъ.

Матрена *(оборотивъ голову)*

Пѣженовыхъ.

Бальзаминова.

Кто-жъ они такіе.

Матрена.

Сами по себѣ.

Бальзаминова.

Какъ же-таки сами по себѣ?

Матрена.

По своей части.

Бальзаминова.

Экая ты безтолковая. Что же, они служащіе или купцы?

Матрена.

Должно торгуютъ.

Бальзаминова.

Кто-жъ у нихъ изъ женскаго-то полу?

Матрена.

Двѣ сестры—обѣ дѣвки, ужъ въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ; сидятъ наверху у себя взаперти, все одно подъ замкомъ.

Бальзаминова.

Отчего же?

Матрена.

Такой приказъ отъ братьевъ.

Бальзаминова.

Зачѣмъ же такой приказъ?

Матрена *(дуя въ блюдечко и оборачиваясь).*

Потому страмъ.

Бальзаминова.

Какой же страмъ?

Матрена.

Очень на мужчинъ безстыжи. Такія, говорятъ, завистливыя, что бѣда. *(Накрываетъ чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встаетъ и уноситъ самоваръ.)*

Бальзаминова.

Говорятъ: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда такъ бываетъ. Вотъ Миша ходитъ-ходитъ, а все не находитъ ничего. Другой бы бросилъ давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, такъ Миша очень справедливо разсуждаетъ: „Вѣдь, мнѣ, говоритъ, убытка нѣтъ, что я хожу, а прибыль можетъ быть большая: слѣдовательно, я долженъ ходить. Ходить понапрасну, говоритъ, скучно, а бѣдность-то еще скучнѣй.“ Что правда, то правда. Нечего съ нимъ и спорить. *(Шумъ за сценой.)* Что тамъ у васъ? *(Входитъ Бальзаминовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бальзаминова и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ.

Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самомъ интересномъ мѣстѣ...

Бальзаминова.

Что такое?

Бальзаминовъ.

Да Матрена меня разбудила на самомъ интересномъ мѣстѣ. И очень нужно ей было тамъ чашки убирать.

Бальзаминова.

Развѣ ты что-нибудь во снѣ видѣлъ?

Бальзаминовъ.

Да помилуйте! на самомъ интересномъ мѣстѣ! Вдругъ вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстрѣчу мнѣ идетъ дама красоты необыкновенной и говоритъ: „господинъ Бальзаминовъ, я васъ люблю и обожаю!“ Тутъ, какъ на смѣхъ, Матрена меня и разбудила. Какъ обидно! Что бы ей хоть немного погодить! Ужъ очень мнѣ интересно, что бы у насъ дальше-то было. Вы не повѣрите, маменька, какъ мнѣ хочется доглядѣть этотъ сонъ. Развѣ уснуть опять? Пойду усну. Да, вѣдь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова.

Разумѣется, не приснится.

Бальзаминовъ.

Экая досада! Мнѣ бы теперь, по моимъ дѣламъ, очень нужно такой сонъ видѣть; можетъ быть, онъ мнѣ что-нибудь и напророчилъ бы. Что, маменька, меня никто не спрашивалъ?

Бальзаминова.

Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминовъ.

Я, маменька, новое знакомство завелъ. Лукьянъ Лукьянычъ Чебаковъ... отличнѣйшій человѣкъ. Онъ капитанъ въ отставкѣ.

Бальзаминова.

Къ чему это?

Бальзаминовъ.

Какъ къ чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у насъ сторона! Я ужъ теперь далеко не хожу, а хожу тутъ по близости.

Бальзаминова.

Такъ что же?

Бальзаминовъ.

Какъ что же? Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей

сторонѣ, страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройду по рынку мимо лавокъ лишній разъ—сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе, только и дѣла, что собакъ гладятъ да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь, по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ? Сейчасъ засвищутъ да и давай собаками травить.

Бальзаминова.

Какъ же это можно живого человѣка собаками травить?

Бальзаминовъ.

Какъ можно? Что вы, маменька! Развѣ они знаютъ учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а тамъ хоть человѣка до смерти загрызи: ему все равно

Бальзаминова.

Какое необразованіе!

Бальзаминовъ.

Меня раза три травили. Во-первыхъ, перепугаютъ до-смерти, да еще бѣжишь съ версту, духу потомъ не переведешь. Да и срамъ! какой срамъ-то, маменька! Ты тутъ ухаживаешь, стараешься понравиться—и вдругъ видятъ тебя изъ окна, что ты летишь во всѣ лопатки. Что за видъ, со стороны-то посмотрѣть! Невѣжество въ высшей степени... что ужъ тутъ! А вотъ теперь, какъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ вмѣстѣ ходимъ, такъ меня никто не смѣетъ тронуть. А знаете, маменька, что я задумалъ!

Бальзаминова.

А что?

Бальзаминовъ.

Я хочу въ военную службу поступить.

Бальзаминова.

Да ты проснулся ли совсѣмъ-то, или еще все бредишь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, позвольте, маменька: это дѣло разсудить надо.

Бальзаминова.

Да что тутъ разсуждать-то! Много ли ты лѣтъ до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминовъ.

Сколько бы я ни прослужилъ: вѣдь, у меня такъ же время-то идетъ, за то офицеръ. А теперь что я? Чинъ у меня маленькій, при томъ же я человѣкъ робкій, живемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки. А вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло; ужъ тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу—сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова.

Все вздоръ какой говоришь! А чѣмъ жить-то мы будемъ, пока ты въ офицеры-то произойдешь?

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Я и забылъ про это, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вотъ видите, маменька, какой я несчастный человѣкъ! Ужъ отъ военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мнѣ нельзя. Я вамъ, маменька, говорилъ, что я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ: вотъ такъ оно и есть. Въ какомъ я мѣсяцѣ, маменька, родился?

Бальзаминова.

Въ маѣ.

Бальзаминовъ.

Ну, вотъ всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы разсудите сами, въ нашемъ дѣлѣ безъ счастья ничего не сдѣлаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вотъ ужъ правду-то русская пословица говоритъ: „не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ“. А все-таки, я, маменька, не унываю. Этотъ сонъ... хоть я его и не весь видѣлъ — чортъ возьми эту Матрену! — а все-таки, я отъ него могу ожидать много пользы для себя. Этотъ сонъ, если разсудить, маменька, много значитъ, охъ какъ много!

Бальзаминова.

Да ты помнишь ли въ лицо ту даму, которую видѣлъ во снѣ-то?

Бальзаминовъ.

Помню, маменька; какъ сейчасъ гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова.

Это хорошо.

Бальзаминовъ.

Это, маменька, для насъ первое дѣло. У кого въ лицѣ

строгость, я, вѣдь, съ тѣмъ человѣкомъ разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова.

Да и я не люблю.

Бальзаминовъ.

Другой на тебя смотритъ—точно допросъ тебѣ дѣлаетъ. Ну, что-жъ тутъ хорошаго! Конечно, если строго разобрать, такъ мы имѣемъ недостатки въ себѣ, въ образованіи, ну и въ платьѣ тоже. Когда на тебя смотрятъ строго, что-жъ тутъ дѣлать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова.

Разумѣется. А вотъ ты, коли ждешь кого, такъ одѣлся бы пошелъ; что въ халатѣ-то сидишь!

Бальзаминовъ.

Да, маменька, я сейчасъ одѣнусь. Лукьянъ Лукьянычъ, вѣдь, человѣкъ свѣтскій; какія у него трубки, съ какими янтарями, маменька! *(Уходитъ.)*

Бальзаминова.

Какой странный сонъ! Ужъ очень прямо; такъ что-то даже неловко: „я васъ люблю и обожаю“... Хорошо, какъ такъ и наяву выдетъ, а то, вѣдь, сны-то больше все наоборотъ выходятъ. Если бы она ему сказала: „господинъ Бальзаминовъ, я васъ не люблю и вашего знакомства не желаю“— это было бы гораздо лучше. *(Красавина входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бальзаминова и Красавина.

Красавина.

Съ повинной, матушка! Не вели казнить, вели рѣчь говорить.

Бальзаминова.

Есть же люди на свѣтѣ, которые стыда не имѣютъ!

Красавина.

Есть, матушка, есть всякаго народа.

Бальзаминова.

Конечно, мы люди бѣдные, маленькіе, но, однакоже, вѣдь, надобно, Гавриловна, немножко и совѣсть знать.

Красавина.

Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совѣсть-то чище золота, одно слово—хрусталь, да что-жъ ты прикажешь дѣлать, коли такія оказіи выходятъ? Ты разсуди, какая мнѣ радость, что всякое дѣло все врозь да врозь. Первое дѣло—хлопоты даромъ пропадаютъ, а второе дѣло—всему нашему званію мараль. А просто сказать: „знать, не судьба!“ Вотъ и все тутъ. Ну, да ужъ я вамъ за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова.

Ну, признаться сказать, я отъ тебя, кромѣ насмѣшки, ничего ожидать не могу.

Красавина.

Не такая душа у меня. Ежели я противъ кого виновата, такъ ужъ я пополамъ разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вотъ у меня какая душа! Хоша оно въ нынѣшнемъ свѣтѣ съ такой добродѣтелью жить трудно, милая...

Бальзаминова.

Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебѣ въ этомъ вѣрить не могу. Мы люди бѣдные, какой тебѣ интересъ?

Красавина.

А не вѣришь, такъ я тебѣ вотъ что скажу: хорошій-то который женихъ, ловкій, и безъ свахи невѣсту найдетъ, а хоть и со свахой, такъ съ него много не возьмешь; ну, а твой-то плохъ: ему безъ меня этого дѣла не состряпать; значитъ, я съ него возьму, что мнѣ захочется. Знаешь русскую пословицу: „у всякаго плута свой расчетъ?“ Безъ расчета тоже въ нынѣшнемъ свѣтѣ жить нельзя.

Бальзаминова.

Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя такъ приняла. Мнѣ обидно, что моимъ сыномъ какъ дуракомъ помыкаютъ.

Красавина.

Ничего, матушка; брань на вороту не виснетъ. Намъ не привыкать стать къ брани-то: наше званіе такое. А сынка твоего мы обезпечимъ, ты не безпокойся.

Бальзаминова.

Чайку не хочешь ли?

Красавина.

Ну его! И безъ него жарко. Что̀ такое чай? Вода! А вода, вѣдь, она вредъ дѣлаетъ, мельницы ломаетъ. Ужъ ты меня лучше ужо какъ слѣдуетъ попотчуй, я къ тебѣ вечеркомъ зайду. А теперь вотъ что̀ я тебѣ скажу. Такая у меня на примѣтѣ есть краля, что, признаться сказать, согрѣшила—подумала про твоего сына, что, молъ, не жирно ли ему это будетъ?

Бальзаминова.

Кто-жъ такая?

Красавина.

Ну, объ этомъ рѣчь впереди. Вотъ видишь ты, дѣло какого рода: она вдова и съ большимъ капиталомъ, отъ этого самаго и скучаетъ.

Бальзаминова.

Скажите, пожалуйста!

Красавина.

Такъ точно. И какъ, матушка моя, овдовѣла, такъ никуда не выѣзжаетъ, все и сидитъ дома. Ну, а дома что̀-жъ дѣлать? извѣстно—покушаетъ да почивать ляжетъ. Богатая женщина, что̀-жъ ей дѣлать-то больше!

Бальзаминова.

Отчего же это она при такомъ капиталѣ никуда не ѣздитъ и знакомства не имѣетъ?

Красавина.

Лѣнива. Ужъ сколько разъ я ей говорила: „что, молъ, ты никуда не съѣздишь, али къ себѣ гостей не позовешь?“ Въ гости ѣхать, говоритъ, одѣваться надобно; а пріѣдешь—разговаривать нужно.

Бальзаминова.

Развѣ она и разговарить не любитъ?

Красавина.

Какъ не любить! Только чтобы не торопясь, съ прохладой. Ну, такимъ-то родомъ, сударыня ты моя, отъ этакой-то жизни стала она толстѣть и тоску чувствовать. И даже такъ, я тебѣ скажу, тяжесть такая на нее напала, въ родѣ какъ болѣзнь. Ну, сейчасъ съ докторами совѣтоваться. Я была при одномъ докторѣ. Вотъ докторъ ей и говоритъ: „Вамъ, говоритъ, лѣкарства никакого не нужно; только чтобъ, говоритъ, развлеченіе и безпремѣнно чтобъ замужъ шли“.

Бальзаминова.

А она что̀-жъ?

Красавина.

Она ему сейчасъ въ руку три цѣлковыхъ бумажку. Порядокъ этотъ знаетъ.

Бальзаминова.

Нѣтъ, я не про то! Я насчетъ того, что замужъ-то итти.

Красавина.

„Я, говоритъ, замужъ не прочь; только гдѣ его найдешь, дома-то сидя?“ —А я-то, говорю, на что̀?—„Ну, говоритъ, хлопочи!“ Такъ вотъ какія дѣла и какія оказіи бываютъ.

Бальзаминова.

Ну, а какъ насчетъ состоянія?

Красавина.

Сверхъ границъ. Однѣхъ только денегъ и билетовъ мы двѣ считали-считали, счесть не могли, такъ и бросили. Да я такъ думаю, что не то что намъ бабамъ, а и мужчинамъ, если двухъ хорошихъ взять, и то не счесть!

Бальзаминова.

Какъ же это не счесть?

Красавина.

Такъ вотъ и не счесть. Посчитаютъ-посчитаютъ, да и бросятъ. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всѣмъ вамъ кажется, у кого денегъ нѣтъ. А поди-ка попробуй! Нѣтъ, матушка, счетъ мудреное дѣло. И чиновники-то, которые при этомъ приставлены, и тѣ, кто до сколька умѣетъ, до столька и считаетъ: потому у нихъ и чины разные. Твой Михайла до сколька умѣетъ?

Бальзаминова.

Да я думаю, сколько ни дай, все сочтетъ.

Красавина.

Ну, гдѣ ему! Тысячъ до десяти сочтетъ, а больше не сумѣетъ. А то вотъ еще какія оказіи бываютъ, ты знаешь ли? Что-то строили, ужъ я не припомню, такъ архитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова.

Можетъ ли это быть?

Красавина.

Вѣрно тебѣ говорю. Такъ что же придумали: до которыхъ поръ сочтутъ, это запишутъ, да опять цыфирь-то сначала и оборотятъ. Вотъ какъ! Такъ что-жъ тутъ мудренаго, что мы денегъ не сочли? Ну, деньги деньгами—это само по себѣ, а еще домъ.

Бальзаминова.

Большой?

Красавина.

А вотъ какой: заведи тебя въ середку да оставь одну, такъ ты и заблудишься, все равно, что въ лѣсу, и выхода не найдешь, хоть караулъ кричи. Я одинъ разъ кричала. Мало тебѣ этого, такъ у насъ еще лавки есть.

Бальзаминова.

Ты ужъ что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невѣстѣ-то.

Красавина.

Это ужъ его дѣло. Да что это его не видать?

Бальзаминова.

Не знаю, онъ дома былъ. Миша! *(Бальзаминовъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Бальзаминовъ.

Красавина.

Красота ты моя писаная, разрисованная! Все ли ты здоровъ? А у насъ всѣ здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминова.

Я еще и говорить-то съ тобой не хочу. Вотъ что!

Бальзаминова.

Нѣтъ, Миша, ты съ ней не долженъ такимъ манеромъ обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу можетъ тебѣ сдѣлать.

Красавина.

Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый сталъ? Аль нашелъ на дорогѣ сумму какую значительную?

Бальзаминовъ.

Она-то пользу сдѣлаетъ? Что вы, маменька, ей вѣрите? Она все обманываетъ.

Красавина.

Я обманываю? Значитъ, ты души моей не знаешь. Ты слыхалъ ли когда пѣсню:

„Никто души моей не знаетъ,
И чувствъ моихъ не могутъ описать“.

Бальзаминовъ.

За что̀ она меня, маменька, обманываетъ? Что̀ я ей сдѣлалъ? Она сваха—она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина.

А ты ищи себѣ подъ пару, такъ тебя никто и не будетъ обманывать; а то ты все не подъ масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминовъ.

А тебѣ какое дѣло? Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а оттого, что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ, значитъ я долженъ жениться на богатой. *(Садится.)* Ахъ, маменька, какая это обида, что все на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный—на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Если-бъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный—на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина.

Ну вотъ, когда такой законъ отъ тебя выдетъ, тогда мы и будемъ жить по-твоему; а до тѣхъ поръ, ужъ ты не взыщи, все будетъ по старому русскому заведенію: „по Сенькѣ шапка, по Еремкѣ кафтанъ“. А то вотъ тебѣ еще другая пословица: „видитъ собака молоко, да рыло коротко“.

Бальзаминовъ.

Вотъ видите, маменька, вотъ она опять все на смѣхъ. Зачѣмъ она пришла? Кто ее просилъ?

Красавина.

Мнѣ, вѣдь, какъ хотите! Я изъ-за своего добра кланяться не стану. Какая мнѣ оказія!

Бальзаминова.

Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ. Какъ тебѣ, Миша, не стыдно!

Красавина.

Что-жъ онъ важность-то на себя напустилъ? Навязывать ему, что ли? Ужъ это много чести будетъ! Москва-то не клиномъ сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова.

Нѣтъ, ты этого, Гавриловна, не дѣлай. Это тебѣ грѣхъ будетъ! Ты, Миша, еще не знаешь, какія она намъ благодѣянія оказываетъ. Вотъ ты поговори съ ней, а я пойду: признаться сказать, постѣ бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина.

Да хоть и больше, такъ кто-жъ тебѣ запретитъ? *(Бальзаминова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Красавина, Бальзаминовъ, *потомъ* Матрена.

Бальзаминовъ.

Вотъ ты сердиться-то умѣешь, а каково мнѣ было тогда, какъ меня изъ дому выгнали? Вотъ такъ асаже!

Красавина.

А ты все еще не забылъ? Видишь, какой ты злопамятный! Ну, вотъ за этотъ-то самый афронтъ я и хочу тебѣ заслужить.

Бальзаминовъ.

Чѣмъ же ты заслужишь?

Красавина.

Невѣсту нашла.

Бальзаминовъ.

Ну, ужъ не надо. Опять то же будетъ. Я самъ нашелъ.

Красавина.

Мудрено что-то! Гдѣ-жъ это?

Бальзаминовъ.

Какъ же! такъ я и сказалъ тебѣ!

Красавина.

Ничего у тебя не выдетъ.

Бальзаминовъ.

А вотъ посмотримъ.

Красавина.

И смотрѣть нечего. (*Входитъ Матрена и становится у двери, приложивъ руку къ щекѣ.*) Ты самъ разсуди! Какую тебѣ невѣсту нужно?

Бальзаминовъ.

Извѣстно какую, обыкновенную.

Красавина.

Нѣтъ, не обнаковенную. Ты человѣкъ глупый, значитъ...

Бальзаминовъ.

Какъ же, глупый! Ишь, ты дурака нашла!

Матрена.

А что, уменъ?

Бальзаминовъ.

Ты молчи, не твое дѣло!

Красавина.

Ты послушай! ты человѣкъ глупый; значитъ тебѣ...

Бальзаминовъ.

Да что ты все: глупый да глупый! Это для тебя я, можетъ быть, глупъ, а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай, спросимъ у кого-нибудь.

Красавина.

Давай, спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ: я человѣкъ старый, обманывать тебя не стану.

Матрена.

Какой ты, Михайла Митричъ, какъ погляжу я на тебя, спорить здоровый! Гдѣ-жъ тебѣ съ ней спорить!

Бальзаминовъ.

Какъ же не спорить, когда она меня дуракомъ называетъ?

Матрена.

Она лучше тебя знаетъ. Коли называетъ, значитъ правда.

Бальзаминовъ.

Да что вы ко мнѣ пристали! Что вамъ отъ меня надо?

Красавина.

Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпѣніе, вы-

слушай! Ты глупый человѣкъ, значитъ, тебѣ умнѣй себя искать невѣсту нельзя.

Матрена.

Само собой.

Красавина.

Значитъ, тебѣ нужно искать глупѣй себя. Вотъ такую-то я тебѣ теперь...

Бальзаминовъ *(встаетъ)*.

Что ты ко мнѣ пристаешь! Что ты ко мнѣ пристаешь! Я тебѣ сказалъ, что я слушать тебя не хочу. А ты все съ насмѣшками да съ ругательствомъ! Ты думаешь, я вамъ на-смѣхъ дался? Нѣтъ, погоди еще у меня!

Красавина.

Что-жъ ты сдѣлаешь?

Бальзаминовъ.

Я знаю, что сдѣлать! Ты меня не тронь! Я служащій, обидѣть меня не смѣешь! Я на тебя и судъ найду!

Красавина.

Судъ? Что ты, въ умѣ ли? А судиться, такъ судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я отвѣтъ найду. Въ какой судъ на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминовъ.

Это ужъ мое дѣло.

Красавина.

Да ты всѣ ли суды знаешь-то? Чай, только магистратъ и знаешь? Намъ съ тобой будетъ судъ особенный! Позовутъ на глаза — и сейчасъ рѣшеніе.

Бальзаминовъ.

Для меня все равно.

Красавина.

Что же станешь на судѣ говорить? Какіе во мнѣ пороки станешь доказывать? Ты и словъ-то не найдешь; а и найдешь, такъ складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то напередъ подберу одно къ другому. Вотъ насъ съ тобой сейчасъ и рѣшатъ: мнѣ привелегію на листѣ напишутъ...

Бальзаминовъ.

Какую привилегію?

Красавина.

Противъ тебя превелегію, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всемъ превозвышена; а тебя въ лабетъ поставятъ.

Бальзаминовъ.

Въ какой лабетъ? Что ты врешь!

Красавина.

А еще мужчина, еще служащій, а не знаешь, что такое лабетъ! Гдѣ-жъ тебѣ со мной судиться!

Матрена.

У! Безстыдникъ!

Бальзаминовъ.

Такъ что-жъ это вы меня со свѣту сжить, что-ли, хотите? Силъ моихъ не хватитъ! Батюшки! Ну васъ къ чорту! *(Быстро беретъ фуражку.)* Отъ васъ за сто верстъ убѣжишь. *(Бросается въ дверь и сталкивается съ Чебаковымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Что это вы? Что это вы, господинъ Бальзаминовъ?

Матрена.

Батюшки! Онъ въ умѣ повихнулся.

Бальзаминовъ.

Ахъ, извините-съ! Такое невѣжество! вы не можете себѣ представить! Это ужасъ что такое!

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ, что съ вами такое?

Бальзаминовъ.

Ничего-съ! Очень вамъ благодаренъ! Конечно, съ моей стороны неучтивость... Извините! Покорнѣйше прошу садиться!

Чебаковъ *(садясь).*

Послушайте, Бальзаминовъ, вы что-то не въ своей тарелкѣ.

Бальзаминовъ.

Да помилуйте-съ, Лукьянъ Лукьянычъ, никакъ невозможно! Необразованіе, насмѣшки...

Чебаковъ.

Ну, да это въ сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что̀ обѣщали, или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ же можно! Непремѣнно-съ.

Чебаковъ.

То-то же! А то, вѣдь, вы, пожалуй...

Бальзаминовъ.

Ужъ ежели я что̀, Лукьянъ Лукьянычъ, обѣщалъ-съ...

Чебаковъ.

Ну да, разговаривайте! Знаемъ мы васъ. Только послушайте, Бальзаминовъ, вамъ надо башмачникомъ одѣться.

Матрена.

Батюшки!

Бальзаминовъ.

Зачѣмъ же это-съ?

Чебаковъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ объясню.

Красавина.

Ну, прощай, башмачникъ! Ужъ я къ тебѣ больше не пойду; потому, мой другъ, что хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. *(Уходитъ и Матрена за ней.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Бальзаминовъ и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминовъ.

Такъ точно-съ. Конечно, невѣжество...

Чебаковъ.

Такъ вотъ что̀, Бальзаминовъ: нельзя иначе, надо непремѣнно башмачникомъ. А то какъ же вы къ нимъ въ домъ войдете? А вы надѣньте сертукъ похуже, да фуражку, вотъ хоть эту, которая у васъ въ рукахъ, волосы растреплите, запачкайте лицо чѣмъ-нибудь и ступайте. Позвоните у воротъ, вамъ отопрутъ, вы и скажите, что, молъ, башмачникъ, барыш-

нямъ мѣрку снимать. Тамъ ужъ знаютъ, васъ сейчасъ и проведутъ къ барышнямъ.

Бальзаминовъ.

А потомъ что̀ же-съ?

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ! Вы чудакъ. Какъ же вы спрашиваете, что́ дѣлать! Вы влюблены или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Влюбленъ-съ.

Чебаковъ.

Такъ, вѣдь, надо же вамъ объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вотъ это письмо *(отдаетъ письмо)*, а своей откройтесь въ любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колѣни. Да вы, послушайте, не перемѣшайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминовъ.

Помилуйте! Какъ можно! А вы, Лукьянъ Лукьянычъ, ужъ открылись-съ?

Чебаковъ.

Давно ужъ...

Бальзаминовъ.

Мы ихъ, Лукьянъ Лукьянычъ, скоро увеземъ-съ?

Чебаковъ.

Какъ будутъ согласны, такъ и увеземъ.

Бальзаминовъ.

Моя будетъ согласна-съ, потому что она на меня такъ смотритъ, когда мы мимо проходимъ, что даже уму непостижимо-съ.

Чебаковъ.

Послушайте,ну вотъ и прекрасно.

Бальзаминовъ.

Только, Лукьянъ Лукьянычъ, какъ бы намъ не ошибиться насчетъ...

Чебаковъ.

Насчетъ денегъ? Нѣтъ, господинъ Бальзаминовъ, въ этомъ никогда не ошибаюсь.

Бальзаминовъ.

То вы, а то я-съ.

Чебаковъ.

Онѣ сестры, у нихъ поровну капиталъ отъ отца. Братья оттого не отдаютъ ихъ замужъ, что денегъ жаль.

Бальзаминовъ.

Ну, такъ я сейчасъ-съ, только сертукъ надѣну-съ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Чебаковъ *(одинъ)*.

Экой дурачина! Вотъ олухъ-то! Воображаетъ, что въ него влюбятся. А впрочемъ, если смотрѣть на жизнь съ философской точки зрѣнія, такъ и такіе люди полезны. Кого нынче заставишь башмачникомъ одѣться! А эта штука мнѣ можетъ стоить полтораста тысячъ. Изъ-за этого куша я здѣсь другой годъ живу, нарочно по близости квартиру нанялъ. Только, чортъ ихъ возьми, живутъ очень крѣпко! Не то что видѣться, а и письмо-то передать большихъ трудовъ и издержекъ стоитъ. Если мнѣ этотъ дуракъ поможетъ ее увезти, я его, голубчика, въ поминанье запишу. *(Входитъ Бальзаминовъ въ сертукѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Чебаковъ и Бальзаминовъ.

Чебаковъ.

Послушайте, вы настоящій сапожникъ.

Бальзаминовъ.

Башмачникъ-съ.

Чебаковъ

Только послушайте, ну какъ ваше начальство узнаетъ, что вы башмачнымъ мастерствомъ занимаетесь?

Бальзаминовъ.

Да, нехорошо-съ, да и отъ товарищей тоже-съ...

Чебаковъ.

Нѣтъ, я шучу. Помилуйте, кто же это узнаетъ! Послушайте, я вамъ даже завидую. Вы будете разговаривать съ любимой женщиной, а я долженъ страдать въ одиночествѣ.

Бальзаминовъ.

Да-съ. А ужъ какъ я радъ-съ, я хоть плясать-съ готовъ-съ.

Чебаковъ.

Именно на вашемъ мѣстѣ плясать надобно. Послушайте, Бальзаминовъ, а ну, какъ васъ тамъ высѣкутъ?

Бальзаминовъ.

Что̀ же это, Лукьянъ Лукьянычъ! Я не пойду-съ. Какъ же вы сами посылаете, а потомъ говорите, что высѣкутъ? На что̀ же это похоже-съ.

Чебаковъ.

Какъ вы, Бальзаминовъ, шутокъ не понимаете?

Бальзаминовъ.

Хорошо какъ шутки, а ежели въ самомъ дѣлѣ-съ?

Чебаковъ.

Ужъ будьте покойны! Я бы васъ не послалъ.

Бальзаминовъ.

Покоенъ-то я покоенъ, а все-таки...

Чебаковъ.

Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади слѣдить.

Бальзаминовъ.

Пойдемте-съ. *(Подходитъ къ двери.)* Матрена! Скажи маменькѣ, что я ушелъ.

Матрена *(за дверью)*.

Сама увидитъ. *(Уходятъ.)*

Картина вторая.

ЛИЦА:

Дамна Евгеньевна Бѣлотѣлова, вдова лѣтъ тридцати-пяти, очень полная женщина, пріятнаго лица, говоритъ лѣниво, съ растановкой.

Анфиса Панфиловна }
Раиса Панфиловна } ***Пѣженовы,*** дѣвицы лѣтъ подъ тридцать, ни хороши, ни дурны, ни худы, ни толсты; одѣты въ простыхъ ситцевыхъ блузахъ, но въ огромной величины кринолинахъ.

Химка (Афимка), горничная дѣвочка Пѣженовыхъ.

Бальзаминовъ.

Красавина.

Сцена представляетъ два сада, раздѣленные по серединѣ заборомъ. Направо отъ зрителей садъ Пѣженовыхъ, а налѣво—Бѣлотѣловой. Въ садахъ скамейки, столики и проч.; въ саду Бѣлотѣловой налѣво двѣ ступеньки и дверь въ бесѣдку; у забора съ обѣихъ сторонъ кусты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ саду на лѣвой сторонѣ.

Бѣлотѣлова и Красавина *(сидятъ на лавочкѣ).*

Бѣлотѣлова.

Вотъ мы тутъ посидимъ, потомъ пойдемъ въ бесѣдку, тамъ закусимъ, посидимъ. Тамъ закуска приготовлена. Да потомъ опять сюда придемъ, посидимъ.

Красавина.

Еще бы! Своя воля, что хотимъ, то и творимъ.

Бѣлотѣлова.

Что жъ ты мнѣ жениха, скоро?

Красавина.

Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдругъ! Вѣдь, женіховъ у меня много, да все не тотъ сортъ. Для тебя я ужъ особенно займусь, хорошаго тебѣ сыщу.

Бѣлотѣлова.

Сыщи хорошаго.

Красавина.

Ужъ ты будь покойна, это нашихъ рукъ дѣло. Есть у меня одинъ на примѣтѣ, а рекомендовать боюсь.

Бѣлотѣлова.

А что̀ же?

Красавина.

Онъ бы и ничего, да дурашенъ, Богъ съ нимъ.

Бѣлотѣлова.

Очень дурашенъ?

Красавина.

Да, таки порядочно. Да ты объ этомъ дѣлѣ не печалься; безъ мужа не останешься.

Бѣлотѣлова.

Ну, хорошо.

Красавина.

Вѣришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на днѣ моря, я со дна моря для твоего удовольствія достану. Да ужъ и ты меня не обидь.

Бѣлотѣлова.

Я не обижу, я добрая.

Красавина.

Кто-жъ этого не знаетъ! Весь свѣтъ знаетъ. А это я къ тому говорю, красавица ты моя писаная, что отъ кого же намъ и жить-то, бѣднымъ сиротамъ, какъ не отъ васъ, богатыхъ людей? Вамъ жить да нѣжиться, а намъ для васъ служить. Ты сиди только да придумывай, а ужъ для тебя все, окромя развѣ птичьяго молока.

Бѣлотѣлова.

Ничего не придумаешь.

Красавина.

Лѣнь тебѣ, красавица моя, а то какъ бы не придумать. Я бы на твоемъ мѣстѣ, да съ твоими деньгами, такое веселье завела, такихъ чудесъ бы натворила, что ни объ чемъ бы, кромѣ меня, и не разговаривали.

Бѣлотѣлова.

А что̀-жъ бы ты сдѣлала?

Красавина.

Да вотъ тебѣ первое. Коли не хочешь ты никуда ѣздить, такъ у себя дома сдѣлай: позови бабъ побольше, вели приготовить отличный обѣдъ, чтобы вина побольше разнаго, хорошаго; позови музыку полковую; мы будемъ пить, а она

чтобъ играла. Потомъ всѣ въ садъ, а музыка чтобъ впереди, да такъ по всѣмъ дорожкамъ маршемъ; потомъ опять домой, да пѣсни, а тамъ опять маршемъ. Да такъ, чтобы три дня къ ряду, а начинать съ утра. А ворота вели запереть, чтобы не ушелъ никто. Вотъ тебѣ и будетъ весело.

Бѣлотѣлова.

Весело, только хлопотъ много.

Красавина.

А ты мнѣ прикажи, я всѣ хлопоты на себя возьму. Я орелъ на эти дѣла.

Бѣлотѣлова.

Ну, хорошо, какъ-нибудь сдѣлаемъ.

Красавина.

Да скорѣй бы! Хорошаго дѣла никогда откладывать не должно!

Бѣлотѣлова.

Не пойти ли намъ въ бесѣдку?

Красавина.

Погоди! Посидимъ здѣсь; хорошо на воздухѣ-то. Поговоримъ объ чемъ-нибудь для времяпровожденія.

Бѣлотѣлова.

Я ужъ не знаю объ чемъ говорить. Нѣтъ ли по Москвѣ разговору какого?

Красавина.

Мало ли разговору, да всему вѣрить-то нельзя. Иногда колоколъ льютъ, такъ нарочно пустую молву пускаютъ, чтобъ звончѣе былъ.

Бѣлотѣлова.

Войны не слыхать ли?

Красавина.

Войны не слыхать. Тихо вездѣ; по всей землѣ замиреніе вышло. Земля трясется мѣстами, объ этомъ слухъ есть; мѣстахъ въ трехъ трясеніе было.

Бѣлотѣлова.

Нехорошо.

Красавина.

Что хорошаго! Сама знаешь, писано есть объ этомъ. Да вотъ еще, для всякой осторожности, надобно тебѣ сказать: шайка разбойниковъ объявилась.

Бѣлотѣлова.

Откуда-жъ они?

Красавина.

Изъ дикихъ лѣсовъ, говорятъ. Днемъ подъ Каменнымъ мостомъ живутъ, а ночью ходятъ по Москвѣ; желѣзные когти у нихъ надѣты на руки, и всѣ на ходуляхъ; по семи аршинъ ходули, а атаманъ въ турецкомъ платьѣ.

Бѣлотѣлова.

Зачѣмъ на ходуляхъ?

Красавина.

Для скорости, ну и для страху.

Бѣлотѣлова.

Пойдемъ въ бесѣдку, посидимъ, закусимъ!

Красавина.

Пойдемъ! Какой у тебя аппетитъ, дай тебѣ Богъ здоровья, меня ажно завидки берутъ. Ужъ чего лучше на свѣтѣ, коли аппетитъ хорошъ! Значитъ, весь человѣкъ здоровъ и душой покоенъ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

На правой сторонѣ.

Выходятъ Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса.

Тоска, Анфиса.

Анфиса.

Тоска.

Раиса.

Ой, батюшки, какъ скучно! *(Молчаніе.)*

Анфиса.

И нейдетъ, и не шлетъ никого!

Раиса.

Да кого же прислать! Ты знаешь, къ намъ хода нѣтъ.

Анфиса.

Онъ въ прошломъ письмѣ писалъ, что придумаетъ что-нибудь. Не послать ли Химку въ лавочку: не дожидается ли онъ тамъ съ письмомъ?

Раиса.

За Химкой-то ужъ подсматривать стали. Бабушка все вор-

чить на нее, должно-быть, что-нибудь замѣтила; да старуханька все братцамъ пересказываетъ. Выходи, Анфиса, поскорѣй замужъ, и я бы къ тебѣ переѣхала жить: тогда своя воля; а то, вѣдь, это тоска.

Анфиса.

Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, ужъ не пойду за тѣхъ жениховъ, что братцы сватаютъ. Невѣжество-то мнѣ и дома надоѣло. А мы сами немножко виноваты: тогда, какъ тятенька умеръ, ужъ мы много себѣ вольности дали.

Раиса.

Вотъ золотое-то было времечко! Есть чѣмъ вспомнить!

Анфиса.

Вотъ братцы-то насъ и присадили. Такая тоска въ этомъ положеніи.

Раиса.

Хоть волкомъ вой! Ахъ, тоска, Анфиса! Ахъ, тоска!

Анфиса.

Я думала, думала, да придумала одну штуку.

Раиса.

Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь).*

Бѣжать съ Лукьянъ Лукьянычемъ.

Раиса.

Что ты, сестрица! Какъ это можно!

Анфиса.

А что-жъ такое! Жалко, что-ль, мнѣ кого здѣсь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здѣсь живемъ, такъ братья надъ нами власть имѣютъ; а какъ изъ воротъ, такъ и кончено. И деньги свои потребую, какія мнѣ слѣдуютъ.

Раиса.

Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозятъ.

Анфиса.

Ничего, Раиса, не страшно. Вѣдь, ужъ меня увозили, ты помнишь?

Раиса.

Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса.

Ну, что старое вспоминать! Вотъ я теперь и жду отъ Лукьяна Лукьяныча письма объ этомъ объ самомъ. Только какъ онъ его передастъ?

Раиса.

Ужъ какъ-нибудь придумаетъ.

Анфиса.

Тогда тебя къ себѣ жить возьму.

Раиса.

Вотъ мы, Анфиса, заживемъ-то! По всѣмъ гуляньямъ, по всѣмъ дачамъ будемъ ѣздить. Я себѣ тоже военнаго выберу

Анфиса.

А что же этотъ, твой-то?

Раиса.

Бѣлобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше въ предметѣ не было, такъ ужъ такъ бы и быть—оть скуки.

Анфиса.

Развѣ онъ тебѣ не нравится?

Раиса.

Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненекъ кажется.

Анфиса.

Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?

Раиса.

Оть тоски. Все-таки, развлеченіе. Ахъ, тоска! Ахъ, тоска!

Анфиса.

А онъ, пожалуй, подумаетъ, что ты въ него влюблена.

Раиса.

Пускай его думаетъ, убытку-то мнѣ немного.

Анфиса.

Знаешь, Раиса, что я тебѣ говорила-то, что бѣжать-то съ Лукьянъ Лукьянычемъ? Вѣдь, это, можетъ быть, очень скоро будетъ. Я ужъ, что нужно на первый разъ, приготовила; хоть сейчасъ собраться да и была такова.

Раиса.

Вотъ я посмотрю, какъ ты убѣжишь, да и я, можетъ, то же сдѣлаю. Не умирать же тутъ съ тоски въ самомъ дѣлѣ! *(Химка войдетъ, дрожа отъ страха и запыхавшись.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса.

Что ты, Химка?

Химка.

Пришелъ... пришелъ...

Анфиса.

Кто пришелъ?

Химка.

Башмачникъ пришелъ, башмачникъ пришелъ.

Анфиса.

Какой башмачникъ?

Химка.

Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говоритъ, знакомые послали, барышнямъ мѣрку снимать, мѣрку снимать.

Раиса.

Это отъ Лукьянъ Лукьяныча, должно быть?

Анфиса.

Непремѣнно. Кто-жъ его пустилъ?

Химка.

Я пустила; всѣ спятъ, я пустила. Ахъ, страсти!

Анфиса.

Гдѣ же онъ?

Химка.

У садовой калитки дожидается. Онъ у калитки...

Анфиса.

Веди его сюда скорѣй, да смотри, чтобъ не увидали.

Химка.

Сейчасъ, сейчасъ! Батюшки! сейчасъ! *(Убѣгаетъ.)*

Раиса.

Ишь, ты какой придумщикъ! Башмачника прислалъ.

Анфиса.

Благороднаго человѣка сейчасъ видно: у него всѣ и поступки благородные. Ну, кто придумаетъ башмачника прислать, кромѣ благороднаго человѣка? Никто на свѣтѣ.

Раиса.

Мы этого башмачника на весь домъ шить башмаки заставимъ, онъ намъ и будетъ письма переносить. *(Входятъ Бальзаминовъ и Химка.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Анфиса, Раиса, Бальзаминовъ и Химка.

Анфиса *(тихо)*.

Да, вѣдь, это твой бѣлобрысый.

Раиса.

Вотъ супризъ!

Анфиса.

Бѣги, Химка, постереги у калитки: коли въ домѣ проснутся, такъ ты дай знакъ какой-нибудь.

Химка.

Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ страсти-то! *(Убѣгаетъ.)*

Анфиса.

Однако, какъ вы смѣлы!

Бальзаминовъ.

Любовь все преодолѣваетъ-съ.

Анфиса.

Лукьяна Лукьяныча давно ли видѣли?

Бальзаминовъ.

Даже только сейчасъ. Я отъ нихъ къ вамъ письмо имѣю.

Анфиса.

Такъ давайте.

Бальзаминовъ *(подаетъ письмо)*.

Извольте-съ. Они отвѣтъ просили-съ. *(Анфиса отходитъ, распечатываетъ и читаетъ.)*

Раиса.

Васъ зовутъ Михайла Дмитричъ?

Бальзаминовъ.

Точно такъ-съ. Это я собственно для васъ-съ.

Раиса.

Что для меня?

Бальзаминовъ.

Въ такомъ видѣ-съ.

Раиса.

Покорно васъ благодарю.

Анфиса.

Раиса, поди сюда! Вы, господинъ Бальзаминовъ, извините, намъ нужно поговорить. Вы посидите на лавочкѣ, подождите. *(Раиса подходитъ къ Анфисѣ.)*

Бальзаминовъ *(садится на лавочку у забора)*.

Оченно хорошо-съ.

Анфиса *(считаетъ)*.

„У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Доказательствъ моей любви вы видѣли много. Для васъ я бросилъ свѣтъ, бросилъ знакомство, оставилъ всѣ удовольствія и развлеченія, и живу болѣе года въ этой дикой сторонѣ, въ которой могутъ жить только медвѣди да Бальзаминовы..."

Раиса.

Ахъ, это правда.

Анфиса.

Правда! *(Читаетъ.)* „Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Изъ любви къ вамъ я рѣшаюсь избавить васъ отъ неволи; теперь все зависитъ отъ васъ. Если хотите, чтобъ мы оба были счастливы, сегодня, когда стемнѣетъ и ваши улягутся спать, что̀ произойдетъ, вѣроятно, не позже девятаго часа, выходите въ садъ. Въ переулкѣ, сзади вашего сада, я буду ожидать васъ съ коляской. Заборъ вашего сада, который выходитъ въ переулокъ, въ одномъ мѣстѣ плохъ. ."

Раиса.

Да, братецъ давно говорилъ объ этомъ. На этой недѣлѣ хотятъ починить.

Анфиса *(читаетъ)*.

„Мы разберемъ нѣсколько досокъ, и вы будете на свободѣ. Мы съ вами поѣдемъ верстъ за пятнадцать, гдѣ меня ждутъ мои пріятели, и уже все готово, даже и музыка..."

Раиса.

И музыка! Ахъ, какъ это весело! А здѣсь-то какая тоска!

Анфиса.

Ахъ, Раиса! Вотъ что̀ значитъ благородный человѣкъ! Увозитъ дѣвушку, все устроилъ отличнымъ манеромъ, и по-

томъ даже съ музыкой! Кто, кромѣ благороднаго человѣка, это сдѣлаетъ? Никто рѣшительно.

Раиса.

Что же, Анфиса, ты поѣдешь?

Анфиса.

Еще бы послѣ этого да я не поѣхала! Это даже было бы неучтиво съ моей стороны. *(Читаетъ:)* „Впрочемъ, можетъ быть, вамъ ваша жизнь нравится, и вся ваша любовь заключается въ томъ, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати разъ мимо вашихъ оконъ? Въ такомъ случаѣ извините, что я предложилъ вамъ бѣжать со мной...“

Раиса.

Отчего же онъ объ насъ такъ низко думаетъ?

Анфиса.

Я ему докажу, что я совсѣмъ не такихъ понятій объ жизни. *(Читаетъ:)* „Конечно, очень похвально слушаться братцевъ, бабушекъ и тетушекъ...“

Раиса.

Анфиса, это онъ въ насмѣшку!

Анфиса.

Разумѣется. *(Читаетъ:)* „Но зачѣмъ же губить свою молодость и отказывать себѣ въ удовольствіяхъ? Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта. Если вы сегодня не рѣшитесь, я завтра уѣзжаю на Кавказъ. Цѣлую ваши ручки. Весь вашъ...“

Раиса *(заглядывая въ письмо)*.

А это что?

Анфиса.

А это Люди, Червь, значитъ: Лукьянъ Чебаковъ. Ну, Раиса, я пойду напишу ему отвѣтъ, а ты тутъ посиди съ Бальзаминовымъ. Ты мнѣ послѣ скажи, что онъ тебѣ будетъ говорить.

Раиса.

А какъ же Бальзаминовъ выйдетъ отсюда? Вѣдь, его никто не видалъ, какъ онъ вошелъ!

Анфиса.

Вотъ еще бѣда-то!

Раиса.

Знаешь что, Анфиса: я его какъ-нибудь спроважу черезъ заборъ.

Анфиса.

Ну, хорошо. Отвѣтъ я съ Химкой пришлю. Прощайте, господинъ Бальзаминовъ! *(Уходитъ.)*

Раиса *(Бальзаминову)*.

Я сейчасъ къ вамъ приду. *(Провожаетъ Анфису.)*

Бальзаминовъ.

Вѣдь, вотъ теперь надо въ любви открываться, а я ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ. Эка голова! Что ты будешь дѣлать! Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, такъ бы взялъ да и разбилъ ее вдребезги. Сваха то давеча правду говорила, что я дуракъ. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ? не стоять же столбомъ! На счастье буду говорить, что въ голову придетъ: можетъ быть и хорошо выйдетъ. Вотъ каковы пріятели! Сколько разъ просилъ, чтобы показали, какъ въ любви объясняться — ни одинъ не показалъ. Все изъ зависти, всякій для себя бережетъ. *(Раиса возвращается.)* Вотъ идетъ! Вотъ, что мы будемъ дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бальзаминовъ и Раиса.

Раиса.

Извините, что мы васъ заставили дожидаться!

Бальзаминовъ.

Ничего-съ! Очень пріятно-съ! *(Молчаніе.)* Онѣ куда же пошли-съ?

Раиса.

Она пошла отвѣтъ писать.

Бальзаминовъ.

Онѣ скоро-съ?

Раиса.

Нѣтъ, она очень долго пишетъ. Мы скоро не умѣемъ; для этого привычка нужна, а мы, кромѣ писемъ, ничего не пишемъ.

Бальзаминовъ.

Я теперича все скучаю-съ.

Раиса.

И мы тоже скучаемъ. Такая тоска, вы не повѣрите!

Бальзаминовъ.

Да вы, можетъ быть, не отъ того-съ.

Раиса.

Оттого, что все сидимъ взаперти, не видимъ никакихъ развлеченій.

Бальзаминовъ.

А я отъ другого-съ.

Раиса.

Отчего же вы?

Бальзаминовъ.

Я даже по ночамъ не сплю-съ.

Раиса.

Можетъ быть, днемъ спите?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, совсѣмъ не оттого-съ.

Раиса.

А отчего же?

Бальзаминовъ.

Отъ чувствъ-съ.

Раиса.

Отъ какихъ же это чувствъ?

Бальзаминовъ.

Я такъ чувствую себя, что я самый несчастный человѣкъ въ жизни.

Раиса.

Довольно странно это слышать отъ васъ. Мужчины вообще счастливѣй женщинъ.

Бальзаминовъ.

Но не всѣ-съ.

Раиса.

У женщины несчастіе заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминовъ.

А у мужчины несчастіе заключается отъ любви-съ.

Раиса.

Значитъ, надобно такъ полагать, что вы влюблены?

Бальзаминовъ.

Такъ точно-съ.

Раиса.

Кто же эта женщина, которая могла васъ прельстить собою?

Бальзаминовъ.

Я не смѣю вамъ этого открыть-съ.

Раиса.

Отчего же?

Бальзаминовъ.

Вамъ, можетъ быть, будетъ противно меня слушать-съ.

Раиса.

Нисколько не противно: даже совсѣмъ напротивъ.

Бальзаминовъ.

Въ такомъ случаѣ-съ позвольте вамъ выразить, что эта женщина—вы самыя-съ есть-съ.

Раиса.

Ахъ, скажите! Я этого никакъ не ожидала.

Бальзаминовъ.

Могу я сколько-нибудь надежду имѣть-съ, или нѣтъ-съ?

Раиса.

Я еще ничего не слыхала отъ васъ.

Бальзаминовъ.

Для моей любви нѣтъ словъ-съ. Я бы и желалъ выразить-съ, но никакъ не могу-съ.

Раиса.

Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминовъ.

Одно только я могу сказать-съ, что самъ себѣ тиранъ.

Раиса.

Какое же въ этомъ тиранство?

Бальзаминовъ.

Самое жестокое тиранство-съ. Ежели человѣкъ влюбленъ-съ и даже не спитъ ночи, и не знаетъ словъ-съ...

Раиса.

Вы давно въ меня влюблены?

Бальзаминовъ.

Въ четвергъ послѣ обѣда, на прошлой недѣлѣ.

Раиса.

Такъ это недавно! Лукьянъ Лукьянычъ любитъ Анфису полтора года.

Бальзаминовъ.

И я могу-съ... даже больше.

Раиса.

Ну, это еще неизвѣстно. Можетъ быть, вы непостоянный кавалеръ?

Бальзаминовъ.

Я считаю это въ мужчинахъ за низкость-съ.

Раиса.

Коли вы влюблены, отчего же вы мнѣ письма́ не написали? Влюбленные всегда пишутъ письма.

Бальзаминовъ.

Я не смѣлъ-съ. А ежели вы такъ снисходительны, то я первымъ долгомъ почту написать вамъ даже нынче. А вы мнѣ напишите на отвѣтъ-съ?

Раиса.

Отчего же не написать.

Бальзаминовъ.

А ежели бѣжать-съ, вы согласны будете?

Раиса.

Ужъ это очень скоро.

Бальзаминовъ *(становится на колѣни)*.

Сдѣлайте такое одолженіе-съ! Лукьянъ Лукьянычъ тоже хотятъ увезти вашу сестрицу, такъ ужъ и я-съ, чтобы вмѣстѣ-съ...

Раиса.

Ну, хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидятъ кто-нибудь? Вонъ Химка бѣжитъ. *(Бальзаминовъ встаетъ. Вбѣгаетъ Химка.)*

Химка *(подаетъ Бальзаминову письмо)*.

Вотъ письмо, вотъ письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, всѣ проснулись! *(Убѣгаетъ.)*

Раиса.

Ахъ, какъ же быть! Куда же мнѣ васъ дѣть? Черезъ дворъ теперь нельзя.

Бальзаминовъ *(оглядывается по сторонамъ и подпрыгиваетъ)*.

Что же я-съ? Какъ же я-съ? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса.

Развѣ черезъ заборъ? Вы умѣете?

Бальзаминовъ.

Разъ, два, три-съ... разъ, два, три—и тамъ-съ.

Раиса.

Такъ ступайте скорѣй!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ-съ! *(Бѣжитъ за кустъ и лѣзетъ за заборъ налѣво.)*

Раиса.

Не туда! не туда! Это въ чужой садъ. *(Бальзаминовъ не слушаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

На лѣвой сторонѣ.

Бѣлотѣлова и Красавина *(выходятъ изъ бесѣдки и останавливаются на ступеняхъ)*.

Бѣлотѣлова.

Ты говоришь, что разбойники на ходуляхъ ходятъ? Можетъ быть, это колоколъ льютъ.

Красавина.

Ужъ такъ точно, повѣрь моему слову! Вотъ видишь заборъ. Такъ выше этого забора у нихъ ходули. *(Бальзаминовъ показывается на заборѣ.)*

Бѣлотѣлова.

Ахъ! Вотъ они. *(Убѣгаетъ въ бесѣдку. Свалка отъ испуга садится на ступенькѣ.)*

Бальзаминовъ *(спрыгнувъ съ забора)*.

А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса.

Что̀ съ вами?

Бальзаминовъ.

Въ крапиву съ.

Раиса.

Ну, прощайте! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Красавина и Бальзаминовъ.

Красавина.

Ахъ ты, батюшки мои, какъ перепугалъ, окаянный! Все

сердце оторвалось. Чтобъ тебѣ пусто было! (*Бальзаминовъ выходитъ изъ-за куста.*) Ишь тебя, гдѣ луканька-то*) носитъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же это я? Вотъ и ты здѣсь!

Красавина.

Я-то здѣсь; ты-то какъ попалъ?

Бальзаминовъ.

Я оттуда...

Красавина.

Видно, хорошо приняли, да можетъ, и угостили чѣмъ-нибудь? Шенпанскимъ, что ли, чѣмъ ворота запираютъ? Аль собаками травили?

Бальзаминовъ.

Ты меня выведи какъ-нибудь отсюда.

Красавина.

Тебя-то? Скажи ты мнѣ, варваръ, что ты съ нами сдѣлалъ? Мы дамы тучныя, долго ли до грѣха! Оборвется сердце—и конецъ. Нѣтъ, мы тебѣ руки свяжемъ да въ часть теперича.

Бальзаминовъ.

Да за что же?

Красавина.

А за то, что не лазяй по заборамъ! Развѣ показано по заборамъ: ворамъ дорогу указывать? Ты у меня какъ хозяйку-то испугалъ, а? Какъ? Такъ что теперь неизвѣстно, жива ли она тамъ, въ бесѣдкѣ-то! Вотъ что, другъ ты мой!

Бальзаминовъ.

Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человѣкъ!

Красавина.

Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, какъ тебя счесть? За вора?

Бальзаминовъ.

Да какой же я воръ?

Красавина.

А за что за другое, такъ тебѣ же хуже будетъ. Она честнымъ манеромъ вдовѣетъ пятый годъ, теперь замужъ итти хочетъ и вдругъ черезъ тебя такая мараль пойдетъ. Она по всѣмъ правамъ на тебя прошеніе за свое безчестье подастъ.

*) Уменьшительное отъ „лукавый“; простонародное слово.

Что тебѣ за это будетъ? Знаешь ли ты? А ужъ ты лучше, для облегченія себя, скажи, что воровать пришелъ. Я тебѣ по дружбѣ совѣтую.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Да какъ же это, срамъ какой! Акулина Гавриловна, сдѣлай милость, выпусти какъ-нибудь!

Красавина.

Теперь „сдѣлай милость", а давеча такъ изъ дому гнать! Ты теперь весь въ моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу—прощу, захочу—подъ уголовную подведу. Засудятъ тебя и зашлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Бальзаминовъ.

Долго-ль меня напугать? я человѣкъ робкій. Ужъ я тебѣ все, что ты хочешь, только не пугай меня.

Красавина *(встаетъ)*.

Ну, вотъ что: двѣ тысячи цѣлковыхъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же я возьму?

Красавина.

Ужъ это не твое дѣло. Будутъ. Только ты изъ-подъ моей власти ни на шагъ. Что прикажу, то и дѣлай! Какъ только хозяйка выдетъ, говори, что влюбленъ. *(Показывая на заборъ.)* Тамъ тебѣ нечего взять, я, вѣдь, знаю; а здѣсь дѣло-то скорѣй выгоритъ, да и денегъ-то впятеро противъ тѣхъ.

Бальзаминовъ.

Что же это такое? Я умру. Въ одинъ день столько перемѣнъ со мной! Это съ ума сойдешь! Я тебя золотомъ осыплю.

Красавина.

Завтра приду къ тебѣ, условіе напишемъ; а теперь говори одно, что влюбленъ. *(Заглядываетъ въ бесѣдку.)* Домна Евстигневна! выходи, ничего! *(Бѣлотѣлова выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бальзаминовъ, Красавина и Бѣлотѣлова.

Бѣлотѣлова.

Какъ я испугалась, думала умру.

Красавина.

Ты-бъ выпила чего-нибудь покрѣпче! Отъ испуга это хорошо.

Бѣлотѣлова.

Я выпила.

Красавина.

Ну, и ничего, и пройдетъ. Ты не бойся, это знакомый, онъ по ошибкѣ. *(Беретъ Бальзаминова за руку и хочетъ подвести къ Бѣлотѣловой.)*

Бальзаминовъ *(тихо)*.

Ужъ оченно онѣ полны.

Красавина.

Ты еще разговаривать сталъ! *(Подходитъ.)* Вотъ тебѣ Михайла Дмитричъ Бальзаминовъ. *(Бальзаминову.)* Цѣлуй ручку! *(Бальзаминовъ цѣлуетъ.)*

Бѣлотѣлова.

Зачѣмъ же вы?

Бальзаминовъ.

Влюбленъ-съ.

Красавина.

Ну да, влюбленъ. Такъ точно. Это онъ вѣрно говоритъ. Вотъ и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходитъ за кусты.)*

Бѣлотѣлова.

Лучше сядемъ. *(Садятся на скамейку.)* Какъ же это вы?

Бальзаминовъ.

Черезъ заборъ-съ.

Бѣлотѣлова.

Отчего черезъ заборъ?

Бальзаминовъ.

Отъ любви-съ. Вы не сéрдитесь на меня-съ?

Бѣлотѣлова.

Нѣтъ, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что̀ дѣлаете?

Бальзаминовъ.

Я? Ничего-съ.

Бѣлотѣлова.

И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе.

Бальзаминовъ.

Какъ же можно-съ, гораздо веселѣе!

Бѣлотѣлова *(кладетъ руку на плечо Бальзаминову).*

Вы хотите вмѣстѣ?

Бальзаминовъ.

Даже за счастіе почту-съ.

Бѣлотѣлова.

Я очень добрая, я всему вѣрю; такъ ужъ вы меня не обманите.

Бальзаминовъ.

Какъ же это можно-съ! Я за низость считаю обманывать.

Бѣлотѣлова.

Ну, хорошо! Вы меня любите, и я васъ буду...

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше благодарю-съ. Пожалуйте ручку поцѣловать!

Бѣлотѣлова.

На-те! *(Даетъ руку.)* А то подвиньтесь поближе: я васъ такъ... *(Бальзаминовъ подвигается, она его цѣлуетъ. Свaха выходитъ изъ-за кустовъ.)*

Красавина.

Ну, вотъ и прекрасно! Значитъ, дѣлу конецъ!

Бѣлотѣлова *(встаетъ).*

Пойдемте въ бесѣдку.

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Мнѣ бы домой-съ.

Красавина.

Мы лучше его отпустимъ. Ты ступай! Поцѣлуй ручку и ступай! Такъ прямо, изъ калитки въ ворота, никто тебя не тронетъ.

Бальзаминовъ *(цѣлуетъ руку у Бѣлотѣловой).*

Прощайте-съ.

Бѣлотѣлова.

До свиданія.

Красавина.

До завтра, до завтра. *(Бальзаминовъ уходитъ).* А мы вотъ съ тобой потолкуемъ. Ну, какъ тебѣ?

Бѣлотѣлова.

Онъ мнѣ понравился. Ты мнѣ его!

Красавина.

Ну его, такъ его. Все это въ нашихъ рукахъ. Вотъ у насъ теперь и пированье пойдетъ, дымъ коромысломъ. А гамъ и вовсе свадьба.

Бѣлотѣлова.

Свадьба долго; а онъ, чтобъ и прежде каждый день... ко мнѣ...

Красавина.

Стóитъ объ этомъ толковать. Чтò-жъ ему дѣлать-то! Такъ же бѣгаетъ. А ужъ теперь пущай тутъ съ утра до ночи.

Бѣлотѣлова *(смѣется)*.

Вотъ мнѣ теперь гораздо веселѣй.

Красавина *(смѣется)*.

Ахъ, ты красавица моя писаная! Ишь, ты развеселилась! Вотъ я тебя чѣмъ утѣшила. Еще ты погоди, какое у насъ веселье будетъ! *(Смѣются обѣ.)* Пойдемъ въ бесѣдку, я тебя поздравлю, какъ слѣдуетъ. *(Уходятъ.)*

Картина третья.

ЛИЦА:

Бальзаминова.
Бальзаминовъ.
Чебаковъ.
Красавина.
Матрена.

Комната у Бальзаминовыхъ, та же, что и въ первой картинѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бальзаминова *(одна)*.

Ахъ, какъ я долго проспала! Ужъ смеркается. Въ головѣ тяжело, и сны все такіе снились страшные. Все Мишу во снѣ видѣла. Ужъ, разумѣется, о чемъ думаешь, то и во снѣ видишь. Гдѣ-то онъ теперь? А чтò-нибудь либо дѣлается съ нимъ, либо сдѣлается необыкновенное. Сна-то никакъ не распутаю; ужъ очень много видѣла-то я. Чего-чего не было! Я отъ роду такихъ сновъ не видала. Вотъ кабы умнаго человѣка найти, сейчасъ бы и посовѣтовалась, а одной не разобрать. Вотъ развѣ какъ вдвоемъ съ Матреной не разбе-

ремъ ли. Умъ хорошо, говорятъ, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсѣмъ; пожалуй, что въ снахъ-то понятія-то большого не имѣетъ. Вѣдь, простой человѣкъ спитъ крѣпко, а если что и видитъ, такъ ему все равно, у него на это понятія нѣтъ. Матрена! *(Входитъ Матрена.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова.

Ты, Матрена, умѣешь сны разбирать?

Матрена.

Да что ихъ разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова.

Конечно, не всякій сонъ къ чему-нибудь; бываютъ сны и пустые, такъ, къ погодѣ. А вотъ ты замѣть, коли чему быть, такъ непремѣнно прежде сонъ увидишь.

Матрена.

Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова.

Разные перевороты могутъ быть съ человѣкомъ: одинъ изъ богатства въ бѣдность приходитъ, а другой изъ бѣдности въ богатство.

Матрена.

Не видать что-то этихъ переворотовъ-то: богатый богатымъ такъ и живетъ, а бѣдный, какъ ни переворачивай его все бѣдный.

Бальзаминова.

Какъ ты глупо разсуждаешь! Развѣ не бываетъ, что на дорогѣ находятъ значительныя суммы? Ну, вотъ Миша женится можетъ на богатой: вотъ богатъ и будетъ.

Матрена.

Оно точно, что говорить! Чѣмъ чортъ не шутитъ. Только ужъ на рѣдкость это дѣло будетъ, какъ нашъ да на богатой женится!

Бальзаминова.

Разумѣется, на рѣдкость. А все-таки, можетъ случиться; такія ли еще дѣла бываютъ.

Матрена.

Что говорить! Всяко случается. На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Бальзаминова.

Ну, вотъ видишь ли! Значитъ, что-жъ мудренаго, что Миша женится на богатой? Вотъ въ этакомъ-то случаѣ сонъ-то и много значитъ, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой ужъ я, Матрена, сонъ видѣлъ, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гуляньи, что ли, только народу, народу видимо-невидимо.

Матрена.

Это къ снѣгу, говорятъ.

Бальзаминова.

Къ какому же снѣгу! Что ты, въ умѣ ли! Въ августѣ-то мѣсяцѣ!

Матрена.

Ну, такъ къ дождю.

Бальзаминова.

Да и не къ дождю.

Матрена.

Ну, а коли не къ дождю, ужъ я больше не умѣю сказать, къ чему это.

Бальзаминова.

Не умѣешь, такъ и молчи, а то ты только перебиваешь. Я ужъ и такъ половину перезабыла; ужъ очень много со мной во снѣ приключеніевъ-то было, только тутъ ли, послѣ ли, вдругъ я вижу корабль. Или нѣтъ, корабль послѣ.

Матрена.

Уплыветъ что-нибудь.

Бальзаминова.

Погоди! Сначала я вижу мость, и на мосту сидятъ все бабы съ грибами и съ ягодами...

Матрена.

Мость —это съ квартиры съѣзжать на другую.

Бальзаминова.

Постой, не перебивай ты меня! Только за мостомъ —вотъ чудеса-то!—будто Китай. И Китай этотъ не земля, не горо ть, а будто домъ такой хорошій и написано на немъ: „Ки-

тай". Только изъ этого Китая выходятъ не китайцы и не китайки, а выходитъ Миша и говоритъ: „Маменька, подите сюда, въ Китай!" Вотъ, будто, я сбираюсь къ нему итти, а народъ сзади меня кричитъ: „Не ходи къ нему, онъ обманываетъ! Китай не тамъ, Китай на нашей сторонѣ". Я обернулась назадъ, вижу, что Китай на нашей сторонѣ, точно такой же, да еще не одинъ. А Миша, будто, такой веселый, пляшетъ и поетъ: „Я поѣду во Китай-городъ гулять!"

Матрена.

Ну, ужъ это, вотъ рѣжь ты меня сейчасъ на части, ни за что̀ не пойму, къ чему приписать!

Бальзаминова.

Гдѣ тутъ понять! Да это что̀! Много я еще чудесъ-то видѣла, и все-то Миша въ глазахъ, все-то Миша.

Матрена.

Все сокрушаешься объ немъ, объ его маломъ разумѣ, вотъ и видишь.

Бальзаминова.

То онъ пляшетъ, то догоняетъ кого-то, то за нимъ кто-то гонится. То пропадаетъ куда-то, то вдругъ явится.

Матрена.

Да это и наяву все такъ же; то пропадетъ, то явится. Вотъ давеча пропалъ, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его въ судѣ за дѣло за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавалъ.

Бальзаминова.

Какое ужъ ему дѣло давать, по его ли разуму?

Матрена.

Да вотъ онъ, на поминѣ-то легокъ. *(Входитъ Бальзаминовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ *(садится)*.

Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова.

Значитъ, благополучно?

Бальзаминовъ.

Еще какъ благополучно-то! Такъ, маменька, что я думаю, что не переживу отъ радости. Теперь, маменька, и дрожки бѣговыя, и лошадь сѣрая, и все.. Ухъ, усталъ!

Бальзаминова.

А какой я безъ тебя сонъ видѣла!

Бальзаминовъ.

Что̀ сонъ! Со мной наяву то̀ было, что̀ никому ни въ жизнь не приснится. У своей былъ... и у той былъ, что̀ сваха-то говорила, у Бѣлотѣловой, я фамилію на воротахъ прочелъ, какъ выходилъ оттуда; а туда черезъ заборъ. .

Матрена.

Ишь ты, нелегкая-то тебя носитъ!

Бальзаминовъ.

Молчи ты! Ты еще не знаешь, съ кѣмъ ты теперь говоришь! Маменька, вотъ онѣ, мечты-то мои! Анъ вотъ правда выходитъ. Ухъ, духъ не переведу!

Бальзаминова.

Что̀, богато она живетъ?

Бальзаминовъ.

Богато. Домъ, лошади, садъ, деньги, все...

Бальзаминова.

Значитъ, правду сваха-то говорила, что денегъ счету нѣтъ

Бальзаминовъ.

Правду.

Бальзаминова.

Ну, что̀-жъ ты?

Бальзаминовъ.

Женюсь.

Бальзаминова.

На комъ?

Бальзаминовъ.

На обѣихъ.

Матрена.

Что, ты татаринъ, что̀ ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова.

Что̀ это ты, Миша, право! Обрадуешься, такъ ужъ себя не помнишь! Говоришь такія слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминовъ.

Погодите, постойте! А то я помѣшаюсь въ мысляхъ. Этакое счастье, и вдругъ, въ одинъ день...

Матрена.

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Бальзаминовъ.

Да замолчи ты! Я, маменька, себѣ человѣка найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

Матрена.

И давно бы ты нанялъ. *(Уходитъ.)*

Бальзаминова.

Ну, а эта, какъ ее, Пѣженова, что ли? У нея сколько?

Бальзаминовъ.

Полтораста тысячъ.

Бальзаминова.

У этой много меньше, чѣмъ у той.

Бальзаминовъ.

За то эта, маменька, помоложе, а та постарше, ну такъ у ней побольше.

Бальзаминова.

И согласна она за тебя замужъ итти, Пѣженова-то?

Бальзаминовъ.

Объ согласны. Только одна, чтобъ увезти; а другая такъ дома. Не отдохну никакъ.

Бальзаминова.

Ну, какъ же ты?

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька, погодите! Вотъ онъ садъ-то я нынче во снѣ-то видѣлъ! Я въ двухъ садахъ былъ.

Бальзаминова.

А я, Миша, Китай видѣла. Ужъ не знаю къ чему.

Бальзаминовъ.

У Бѣлотѣловой лавка въ Китай-городѣ, вотъ и весь вашъ сонъ.

Бальзаминова.

И то правда.

Бальзаминовъ *(быстро встаетъ)*.

Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова.

Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, не мѣшайте! Представьте, маменька, я бѣдный молодой человѣкъ, хожу себѣ по улицѣ, и вдругъ, что̀ же? И вдругъ теперь поѣду въ коляскѣ! И знаете, что̀ мнѣ въ голову пришло? Можетъ быть, за Пѣженовой садъ отдадутъ въ приданое: тогда можно будетъ заборъ-то разгородить, сады-то у нихъ рядомъ, и сдѣлать одинъ садъ. Разныхъ бесѣдокъ и аллей...

Бальзаминова.

Да ты никакъ, въ самомъ дѣлѣ, на обѣихъ хочешь жениться?

Бальзаминовъ.

Вотъ вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что̀-жъ такое! я этимъ никому вреда не дѣлаю. Коли нельзя жениться на обѣихъ, я бы хоть помечталъ по крайней мѣрѣ, а вы меня разстроили.

Бальзаминова.

Ну, мечтай, Богъ съ тобой!

Бальзаминовъ *(задумывается. Молчаніе)*.

Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинаетъ все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать не могу. Сейчасъ я думалъ объ домѣ, ну, и представился мнѣ въ умѣ домъ, большой, каменный, и львы на воротахъ; только левъ, будто, и разѣваетъ ротъ, каменный-то, да и залаялъ, а я объ этомъ и думать не хотѣлъ, обо львѣ-то. Хочу его изъ головы-то выкинуть, никакъ нейдетъ. А отчего это? Оттого, что я не привыкъ думать, какъ богатые люди думаютъ; все думалъ такъ, какъ бѣдные думаютъ; вотъ оно теперь богатство-то въ головѣ и не помѣщается. А вотъ привыкну, такъ ничего.

Бальзаминова.

Что̀ мудренаго, что не помѣщается! Этакая пропасть! Иной разъ и о пустякахъ думаешь, да умъ за разумъ заходитъ; а тутъ съ такими деньгами — просто бѣда!

Бальзаминовъ *(задумавшись)*.

Если башню выстроить большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будетъ тамъ и голубей держать...

Бальзаминова.

Оставь, Миша! Не думай, хуже будетъ!

Бальзаминовъ

Само думается, маменька. Правду говорятъ, маменька, что съ состояніемъ-то много заботы бываетъ.

Бальзаминова.

А мы давай-ка лучше поговоримъ объ чемъ-нибудь другомъ! А то, сохрани Господи, долго ли до грѣха, пожалуй, совсѣмъ свихнешься.

Бальзаминовъ.

Извольте, маменька! Другой бы сынъ, получивши такое богатство-то, съ матерью и говорить не захотѣлъ; а я, маменька, съ вами объ чемъ угодно, я гордости не имѣю противъ васъ. Нужды нѣтъ, что я богатъ, а я къ вамъ съ почтеніемъ. И пусть всѣ это знаютъ. Съ другими я разговаривать не стану, а съ вами завсегда. Вотъ я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова.

Еще бы. А которая лучше лицомъ-то изъ нихъ?

Бальзаминовъ.

Мнѣ, маменька, всѣ богатыя невѣсты красавицами кажутся; я ужъ тутъ лица никакъ не разберу.

Бальзаминова.

Что же ты мнѣ не разскажешь, какъ у васъ дѣло-то было?

Бальзаминовъ.

До того ли мнѣ, маменька, помилуйте! Вотъ Красавина придетъ, разскажетъ. *(Задумывается.)* У меня теперь въ головѣ, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда, чтобы къ лицу.

Бальзаминова.

Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты съ ума сойдешь. Да что же это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Ишь, какъ смерклось. Пойду, велю огня зажечь.

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька! Не нужно огня, въ потемкахъ лучше.

Бальзаминова.

Ну, что хорошаго впотьмахъ сидѣть?

Бальзаминовъ.

Впотьмахъ, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при

огнѣ, только надобно зажмуриться, а въ потемкахъ можно и такъ, съ открытыми глазами. Я теперь могу себя представить, какъ угодно. И въ залѣ могу себя представить въ отличной, и въ каретѣ, и въ саду; а принесите вы свѣчку, я сейчасъ увижу, что я въ самой бѣдной комнатѣ, мебель скверная, ну, и все пропало. Да и на себя-то взгляну — совсѣмъ не тотъ, какой я въ мечтахъ-то.

Бальзаминова.

Какой же ты?

Бальзаминовъ.

Въ мечтахъ я себя представляю, маменька, что я высокаго роста, полный и брюнетъ.

Бальзаминова.

Разумѣется, лучше.

Бальзаминовъ.

Вотъ смотрите, маменька; вотъ я вамъ буду сказывать, что̀ мнѣ представляется. Вотъ, будто, я сижу въ залѣ у окошка, въ бархатномъ халатѣ: вдругъ подходитъ жена...

Бальзаминова.

Ну, а потомъ что̀-жъ?

Бальзаминовъ.

„Поѣдемъ, говоритъ, душенька, на гулянье!“

Бальзаминова.

Отчего-жъ не ѣхать, коли погода хорошая?

Бальзаминовъ.

Отличная, маменька, погода. Я говорю: „поди, душенька, одѣваться, и я сейчасъ одѣнусь“. — „Человѣкъ!“ Приходитъ человѣкъ. „Одѣваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащъ на бархатной подкладкѣ!“ Вотъ не нравится мнѣ, маменька, у него улыбка-то какая противная. Какъ точно онъ смѣется надо мной.

Бальзаминова.

Ужъ съ этимъ народомъ бѣда!

Бальзаминовъ.

Вотъ и грубитъ. Ну, я этого прогоню, я себѣ другого возьму. *(Что-то шепчетъ про себя.)*

Бальзаминова.

Что-жъ ты замолчалъ?

Бальзаминовъ.

Это мы, маменька, съ женой разговариваемъ и цѣлуемся. Вотъ, маменька, садимся мы съ женой въ коляску, я взялъ съ собой денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Бальзаминова.

Зачѣмъ такъ много?

Бальзаминовъ.

Какъ знать, можетъ быть понадобятся!

Бальзаминова.

Ты бы лучше дома оставилъ.

Бальзаминовъ.

Еще украдутъ, пожалуй. Вотъ ѣдемъ мы дорогой, всѣ намъ кланяются. Пріѣзжаемъ въ Эрмитажъ, и тамъ всѣ кланяются; я держу себя гордо. (*Въ испугѣ вскакиваетъ и ходитъ въ волненіи.*) Вотъ гадость-то! Вѣдь, деньги-то у меня, пятьдесятъ-то тысячъ, которыя я взялъ, пропали.

Бальзаминова.

Какъ пропали?

Бальзаминовъ.

Такъ и пропали. Должно быть, вытащилъ кто-нибудь.

Бальзаминова.

А ты не бери съ собой!

Бальзаминовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не возьму. Все равно, и дома украдутъ. Куда-жъ бы ихъ дѣть? Въ саду спрятать, въ бесѣдкѣ подъ диванъ? Найдутъ. Отдать кому-нибудь на сбереженіе, пока мы на гулянье-то ѣздимъ! Пожалуй, зажилитъ, не отдастъ послѣ. Нѣтъ, лучше объ деньгахъ не думать, а то безпокойно очень: объ чемъ ни задумаешь, все онѣ мѣшаютъ. Такъ я безъ денегъ, будто, гуляю.

Бальзаминова.

Гораздо покойнѣе.

Бальзаминовъ.

Вотъ, маменька, выхожу я изъ сада, жандармъ кричитъ: „Коляску Бальзаминову!“ (*Входитъ Чебаковъ.*) А я, будто, маменька, генералъ...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ, это вы-то генералъ?

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, извините! Мы и не видали, какъ вы вошли.

Бальзаминовъ.

Ахъ, я и не зналъ, что вы здѣсь-съ. Я такъ, по-домашнему, съ маменькой-съ .. а то я при васъ бы не сталъ такихъ глупостей говорить-съ! Впрочемъ, что-жъ такое, въ сумеркахъ отчего же и не заняться иногда, не помечтать-съ?

Чебаковъ.

Ужъ вы бы лучше объ чемъ-нибудь другомъ, а не объ генеральствѣ.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, отчего же, въ сумеркахъ-съ...

Чебаковъ.

Да и въ сумеркахъ нельзя. Нѣтъ, вы бросьте это занятіе!

Бальзаминова.

Что же это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Извините, батюшка! я сейчасъ пойду огня принесу.

Чебаковъ.

Послушайте, не безпокойтесь, мы и такъ другъ друга знаемъ.

Бальзаминова.

Все-таки, лучше, пристойнѣе. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бальзаминовъ и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, ваше превосходительство, намъ надо будетъ отправиться.

Бальзаминовъ.

Куда же-съ?

Чебаковъ.

Все туда же. Насъ тамъ ждутъ.

Бальзаминовъ.

Зачѣмъ же это онѣ насъ ждутъ-съ? Вѣдь, я вамъ письмо принесъ; а завтра можно опять-съ.

Чебаковъ.

Вотъ въ письмѣ-то и написано, чтобъ мы приходили сегодня.

Бальзаминовъ.

И я-съ?

Чебаковъ.

И вы.

Бальзаминовъ.

Что же мы тамъ дѣлать будемъ-съ?

Чебаковъ.

Вамъ хочется знать? Ну, ужъ этого я вамъ не скажу. Вотъ пойдемте, такъ сами увидите.

Бальзаминовъ.

А я-то что-жъ буду дѣлать-съ? Вѣдь, ужъ я теперь въ любви объяснился; ужъ послѣ этого что мнѣ дѣлать, я не знаю-съ.

Чебаковъ.

Я васъ научу.

Бальзаминовъ.

Вотъ вы давеча говорили—увезти, а я васъ, Лукьянъ Лукьянычъ, и забылъ спросить: куда же это ихъ увозятъ-съ?

Чебаковъ.

Куда хотите.

Бальзаминовъ.

А на чемъ же я увезу-съ?

Чебаковъ.

Послушайте, я васъ этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминовъ.

Я сейчасъ-съ. *(Беретъ фуражку. Входитъ Бальзаминова.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Бальзаминова.

Бальзаминова.

Куда же это ты, Миша?

Бальзаминовъ.

Къ Пѣжемовымъ-съ.

Бальзаминова.

Развѣ ужъ ты рѣшился?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, маменька, какъ можно рѣшиться! Да вотъ Лукьянъ Лукьянычъ говоритъ, что надо итти.

Чебаковъ.

Послушайте, разумѣется надо.

Бальзаминовъ.

Вотъ видите, маменька! А рѣшиться, я не рѣшился-съ. Потому, извольте разсудить, маменька, дѣло-то какое выходитъ: ежели я рѣшусь жениться на одной-съ, вѣдь, я другую долженъ упустить. На которой ни рѣшись—все другую долженъ упустить. А, вѣдь, это какая жалость-то! Отказаться отъ невѣсты съ такимъ состояніемъ! Да еще самому отказаться-то.

Чебаковъ.

Послушайте, вы скоро?

Бальзаминовъ.

Сейчасъ-съ.

Бальзаминова.

Такъ зачѣмъ же ты идешь?

Бальзаминовъ.

Ну, ужъ, маменька, что̀ будетъ, то будетъ, а мнѣ отъ своего счастья бѣгать нельзя. Все сдѣлано отлично, такъ чтобъ теперь не испортить. Прощайте. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бальзаминова и *потомъ* Матрена.

Бальзаминова.

Такія мудреныя дѣла дѣлаются, что и не разберешь ничего. Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Такъ нужно, такъ нужно, что, кажется, готова послѣднее отдать, только бы поговорить съ ней Что̀ безъ ворожеи сдѣлаешь? И будешь ходить, какъ впотьмахъ. Почемъ мы знаемъ съ Мишей, которую теперь невѣсту выбрать? Почемъ мы знаемъ, гдѣ Мишу счастье ожидаетъ въ будущемъ? Съ одной можетъ быть счастье, а съ другой—несчастье; опять же и домъ: иной счастливъ, а другой нѣтъ; въ одномъ все ко двору,

а въ другомъ ничего не держится. А какой—намъ неизвѣстно. Какъ же это такъ наобумъ рѣшиться! Солидные-то люди, которые себѣ добра-то желаютъ, за всякой малостью ѣздятъ къ Ивану Яковличу, въ сумасшедшій домъ, спрашиваться; а мы такое важное дѣло да безъ совѣта сдѣлаемъ. Ужъ что не порядокъ, такъ не порядокъ. Нѣтъ ли тутъ по близости хоть какой-нибудь дешёвенькой? Она хоть и не такъ явственно скажетъ, какъ дорогая ворожея, а все-таки, что-нибудь понять можно будетъ. Матрена! *(Входитъ Матрена.)* Нѣтъ ли у насъ тутъ гдѣ, недалеко, ворожеи какой-нибудь?

Матрена.

Какой ворожеи?

Бальзаминова.

Гадалки какой-нибудь.

Матрена.

Вамъ про что спрашивать-то?

Бальзаминова.

Объ жизни, объ счастьи, обо всемъ.

Матрена.

Такихъ нѣтъ здѣсь.

Бальзаминова.

А какія же есть?

Матрена.

Вотъ тутъ есть одна: объ пропажѣ гадаетъ. Коли что пропадетъ у кого, такъ сказываетъ. Да и то по именамъ не называетъ, а больше все обинякомъ. Спросятъ у нея: „кто, молъ, укралъ?“ А она поворожитъ, да и скажетъ: „думай, говоритъ, на чернаго, или на рябого“. Больше отъ нея и словъ нѣтъ. Да и то, говорятъ, отъ старости, что ли, все вретъ больше.

Бальзаминова.

Ну, мнѣ такой не надо.

Матрена.

А другой негдѣ взять.

Бальзаминова.

Вотъ какая у насъ сторона! Ужъ самаго необходимаго и то не скоро найдешь! На картахъ кто не гадаетъ ли, не слыхала-ль ты?

Матрена.

Есть тутъ одна, гадаетъ, да ее теперича увезли.

Бальзаминова.

Куда увезли?

Матрена.

Гадать увезли, далеко, верстъ за шестьдесятъ, говорятъ. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывалъ, который пріѣзжалъ-то, что барыня эта разстроилась съ бариномъ.

Бальзаминова.

Съ мужемъ?

Матрена.

Нѣтъ, оно выходитъ, что не съ мужемъ, а такъ у ней, посторонній. Такъ повезли гадать, когда помирятся. А больше тутъ никакихъ нѣтъ.

Бальзаминова.

Ты не знаешь, а то, чай, какъ не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни къ чему у тебя любопытства нѣтъ.

Матрена.

А на что мнѣ? Мнѣ ворожить не объ чемъ: горъ золотыхъ я ни откуда не ожидаю. И безъ ворожбы какъ-нибудь вѣкъ-то проживу.

Бальзаминова.

Загадаю сама, какъ умѣю. *(Достаетъ карты и гадаетъ.)* Вотъ что, Матрена: теперь, гляди, сваха зайдетъ, такъ поставь-ка закусочки какой-нибудь въ шкапъ. *(Матрена приноситъ закуску и уходитъ. Входитъ Бальзаминовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Бальзаминовъ.

Бальзаминова.

Что ты такъ скоро?

Бальзаминовъ *(садится)*.

Кончено, маменька! Такимъ дуракомъ меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова.

Да какимъ же это манеромъ? Разскажи ты мнѣ.

Бальзаминовъ.

Очень просто. Приходимъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ къ ихнему саду и гляжу—ужъ и коляска тутъ стоитъ. Только Лукьянъ Лукьянычъ и говоритъ мнѣ: „Ну, господинъ Бальзаминовъ, теперь наше дѣло къ концу подходитъ“. Такъ у меня мурашки по сердцу и пошли! „Давайте, говоритъ, теперь за работу, заборъ разбирать“. Такъ я, маменька, старался, даже вспотѣлъ! Вотъ мы три доски сняли, а тѣ ужъ тутъ дожидаются. Вотъ онъ старшую, Анфису, беретъ за руку: „садитесь, говоритъ, въ коляску“. Потомъ, маменька, начинаютъ всѣ цѣловаться: то сестры промежду себя поцѣлуются, то онъ и ту поцѣлуетъ, и другую. Что мнѣ тутъ дѣлать, маменька, сами посудите? Какъ будто мнѣ и неловко, и точно какъ завидно, и словно что за сердце сосетъ... ужъ я не знаю, какъ вамъ сказать. Я сейчасъ въ ревность.

Бальзаминова.

Ты это нарочно?

Бальзаминовъ.

Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать противъ нихъ Я, маменька, хотѣлъ показать Раисѣ-то, что я въ нее влюбленъ. Я и говорю Лукьянъ Лукьянычу: „Какое вы имѣете право цѣловать Раису Панфиловну?“ Они какъ захохочутъ всѣ. Я, маменька, не обращаю на это вниманія и говорю Раисѣ Панфиловнѣ: „когда же, говорю, мы съ вами бѣжать будемъ?“ А она, маменька, вообразите, говоритъ мнѣ: „Съ чего вы это выдумали?“ А сама цѣлуется съ сестрой и плачетъ. Потомъ Лукьянъ Лукьянычъ сѣли въ коляску съ Анфисой и уѣхали. А Раиса, маменька, премѣхонько мнѣ такъ и отпечатала: „Подите вы отъ меня прочь, вы мнѣ надоѣли до смерти“, да, подобравши свой кринолинъ, бѣгомъ домой. Что-жъ мнѣ дѣлать? я и воротился.

Бальзаминова.

Это оттого, Миша, что ты все отъ меня скрываешь, никогда со мной не посовѣтуешься. Разскажи ты мнѣ, какъ у васъ это дѣло было съ самаго начала.

Бальзаминовъ.

Порядокъ, маменька, обыкновенный. Узналъ я, что въ домѣ есть богатыя невѣсты и началъ ходить мимо. Онѣ смотрятъ да улыбаются, а я изъ себя влюбленнаго представляю. Только

одинъ разъ мы встрѣчаемся съ Лукьянъ Лукьянычемъ (я еще его не зналъ тогда), онъ и говоритъ: „За кѣмъ вы здѣсь волочитесь?“ Я говорю: „Я за старшей“. А и сказалъ-то такъ, наобумъ. „Влюбитесь, говоритъ, въ младшую, лучше будетъ“. Что-жъ, маменька, развѣ мнѣ не все равно?

Бальзаминова.

Разумѣется!

Бальзаминовъ.

Я и влюбился въ младшую. „Я, говоритъ, вамъ помогать буду, потомъ мы ихъ вмѣстѣ увеземъ“. Я на него понадѣялся, а вотъ что вышло! Вотъ, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова.

Какъ же ты, Миша, не подумалъ, куда ты увезешь невѣсту и на чемъ? Вѣдь, для этого деньги нужны.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, на Лукьянъ Лукьяныча надѣялся.

Бальзаминова.

Очень ему нужно путаться въ чужія дѣла! Всякій самъ о себѣ хлопочетъ.

Бальзаминовъ.

А впрочемъ, маменька, коли правду сказать, я точно въ туманѣ былъ; мнѣ все казалось, что коли она меня полюбитъ и согласится бѣжать со мной, вдругъ сама собой явится коляска, я ее привезу въ домъ къ намъ..

Бальзаминова.

На эту квартиру-то?

Бальзаминовъ.

Вы не повѣрите, маменька, какъ, бывало, начну думать, что увожу ее, такъ мнѣ и представляется, что у насъ домъ свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова.

Жаль мнѣ тебя, Миша! Совсѣмъ еще ты дитя глупое.

Бальзаминовъ.

Ужъ очень мнѣ, маменька, разбогатѣть-то хочется.

Бальзаминова.

Ничего-то ты въ жизни не сдѣлаешь!

Бальзаминовъ.

Отчего же, маменька?

Бальзаминова.

Оттого, что не умѣешь ты ни за какое дѣло взяться. Все у тебя выходитъ не такъ, какъ у людей.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, маменька, не оттого, что умѣнья нѣтъ, а оттого, что счастья нѣтъ мнѣ ни въ чемъ. Будь счастье, такъ все бы было, и коляска, и деньги. И съ другой невѣстой то же будетъ: вотъ посмотрите. Придетъ сваха да такую вѣсточку скажетъ, что на ногахъ не устоишь. (*Красавина входитъ.*) Да вотъ она! Вотъ она! (*Бальзаминовъ и Бальзаминова встаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Красавина.

Бальзаминова.

Чѣмъ, матушка, обрадуете? Мы тутъ безъ васъ завяли совсѣмъ.

Бальзаминовъ (*Красавиной*).

Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будетъ.

Красавина.

Охъ, далеко я ѣхала, насилу доѣхала. (*Садится.*)

Бальзаминова.

Откуда-жъ это, матушка?

Красавина.

Отсюда не видать.

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька, погодите!

Красавина.

Ѣхала селами, городами, темными лѣсами, частыми кустами, быстрыми рѣками, крутыми берегами; горлышко пересохло, языкъ призамялся.

Бальзаминовъ.

Хлопочите, маменька! Хлопочите скорѣй! (*Бальзаминова достаетъ изъ шкапа водку и закуску и ставитъ на столъ.*) Вотъ ней, да и говори ужъ что-нибудь одно.

Бальзаминова (*наливаетъ рюмку*).

Кушайте на здоровье!

Красавина.

Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминовъ.

Ну, ну, поскорѣе! А то я умру сейчасъ, ужъ у меня подъ сердце начинаетъ подступать.

Красавина.

Ишь, ты какой скорый! Куда намъ торопиться-то! Надъ нами не каплетъ.

Бальзаминовъ.

Что-жъ она не говоритъ! Маменька, что она не говоритъ? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина.

Не умрешь! А и умрешь, такъ и опять встанешь. *(Беретъ рюмку.)* Ну, честь имѣю поздравить! *(Пьетъ.)*

Бальзаминова.

Съ чѣмъ, матушка, съ чѣмъ?

Красавина.

Какъ, съ чѣмъ! А вотъ стрѣлецъ-то твой подстрѣлилъ лебедь бѣлую.

Бальзаминова.

Неужели, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминовъ.

Говорите, что хотите, я умеръ.

Красавина.

Много онъ маху давалъ, а теперь попалъ—подъ самое подъ правое крылышко.

Бальзаминова.

Въ послѣднее-то время, знаете ли, много съ нами такихъ несчастныхъ оборотовъ было, такъ ужъ мы стали очень сумнительны.

Красавина.

Да что тутъ сумлѣваться-то. Хоть завтра же свадьба! Такъ онъ ей понравился, что говоритъ: „Сейчасъ подавай его сюда!“ Ну, сейчасъ, говорю, не хорошо, а завтра я тебѣ его предоставлю. „А чтобъ онъ не сумлѣвался, такъ вотъ снеси ему, говоритъ, часы золотые!“ Вотъ они! Отличные, послѣ мужа остались. Ну что, ожилъ теперь?

Бальзаминовъ *(вскакиваетъ).*

Ожилъ! Ожилъ! Давай ихъ сюда! *(Беретъ часы.)* Что-жъ это, маменька, я васъ спрашиваю?

Бальзаминова.

Это тебѣ за долгое твое терпѣнье счастье выходитъ.

Красавина.

А ты помнишь нашъ уговоръ? Ты на радостяхъ-то не забудь!

Бальзаминовъ.

Ты просила двѣ?

Красавина.

Двѣ.

Бальзаминовъ.

Ну, такъ вотъ ты знай же, какой я человѣкъ! Маменька, смотрите, какой я человѣкъ! Я тебѣ еще пятьдесятъ рублей прибавлю.

Красавина.

Ишь, ты расщедрился! Ну, да ужъ нечего съ тобой дѣлать, и то деньги.

Бальзаминовъ.

Маменька, ужъ вы теперь смотрите за мной, какъ бы со мной чего не сдѣлалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгаетъ отъ радости.)* Я теперь точно новый человѣкъ сталъ. Маменька, я теперь не Бальзаминовъ, а кто нибудь другой!

Красавина.

Давай, пляску сочинимъ на радости!

Бальзаминовъ.

Давай! А вы, маменька, говорили, что я сдѣлать ничего не умѣю! А ты говорила, что я дуракъ!

Красавина.

Я, братъ, и теперь отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Бальзаминова.

А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говоритъ, что „дуракамъ счастье“. Ну, вотъ намъ счастье и вышло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ.

Бальзаминовъ.

Еще бы! На что мнѣ теперь умъ? А давеча, маменька

обидно было, какъ денегъ-то нѣтъ, да и ума-то нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно.

Красавина.

А то вотъ еще есть пословица. Ты долго за невѣстами ходилъ?

Бальзаминовъ.

Долго.

Красавина.

А пословица-то говоритъ: „за чѣмъ пойдешь, то и найдешь“.

Бальзаминова.

И то, матушка, правда.

Бальзаминовъ *(Красавиной)*.

Ну, давай плясать! Становись! *(Сваха становится въ позу.)*

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

(КАРТИНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.)

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА.

Татьяна Никоновна, мѣщанка, хозяйка небольшого деревяннаго дома.
Оленька, ея дочь, портниха, 20 лѣтъ.
Пульхерія Андреевна Гущина, жена чиновника.
Прохоръ Гавриловичъ Васютинъ, титулярный совѣтникъ.

Небольшая комната; направо окно на улицу, подлѣ окна столъ, на которомъ лежатъ разныя принадлежности шитья; прямо дверь; налѣво за перегородкой кровать.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Оленька *(сидитъ у стола, шьетъ и поетъ вполголоса).*

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна,
И сижу обнакновенно
Близъ камина, у огня.

Ахъ, житье, житье! *(Вздыхаетъ.)* Надо опять къ Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый разъ онъ мнѣ хорошо сказалъ. По его словамъ выходитъ, что чуть ли мнѣ не быть барыней. А, вѣдь, что-жъ мудренаго? нешто не бываетъ? На грѣхъ мастера нѣтъ. Прохоръ Гавриловичъ, вѣдь, обѣщалъ жениться, такъ, можетъ, и сдержитъ свое обѣщаніе. Хорошо бы было; доходы онъ получаетъ большіе; можно бы тону задать. Вотъ только развѣ семья-то у него, а то бы онъ женился, онъ на это простъ. Да, вѣдь,

и всѣ они судейскіе-то такіе. Я прежде сама дивилась, какъ это они, при своихъ чинахъ, да на нашей сестрѣ женятся; а теперь, какъ поглядѣла на нихъ, такъ ничего нѣтъ удивительнаго. Тяжелые все да лѣнивые, компанію такую водятъ, что имъ хорошихъ барышень видѣть негдѣ; ну, да и по жизни по своей они въ хорошемъ обществѣ быть не могутъ— ему тяжело, онъ долженъ тамъ тяготиться. Ну, а съ нами-то ему ловко, за нимъ ухаживаютъ, а онъ и радъ. Ему безъ няньки одного дня не прожить, ему и платокъ-то носовой въ карманъ положь, а то онъ забудетъ. Ходитъ только въ свой судъ да денегъ носитъ, а ужъ другимъ чѣмъ заняться—ему лѣнь. Пристану-ка я къ Прохору Гаврилычу: „что-жъ, молъ, ты жениться обѣщалъ“, разные ему резонты подведу, авось у насъ дѣло-то какъ-нибудь и сладится. Ужъ какъ я тогда одѣнусь! Вкусу-то мнѣ не занимать стать—сама портниха. *(Поетъ:)*

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна, и т. д.

(Татьяна Никоновна входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Знаешь что, Оленька, я хочу тутъ къ окну-то занавѣску повѣсить. Оно, конечно, красота небольшая, а все какъ будто лучше.

Оленька.

А я такъ думаю, что не къ чему.

Татьяна Никоновна.

А къ тому, что прохожіе все заглядываютъ.

Оленька.

Что-жъ, вы боитесь, что сглазятъ насъ съ вами?

Татьяна Никоновна.

Сглазить-то не сглазятъ, да ты-то все у меня повѣсничаешь.

Оленька.

Вотъ что! Скажите, пожалуйста!

Татьяна Никоновна.

Да, толкуй тутъ себѣ, а я все вижу.

Оленька.

Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будетъ послушать.

Татьяна Никоновна.

А ты бы вотъ меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтовъ найдешь. Ты только знай, что отъ меня ничего не скроется.

Оленька.

Тѣмъ для васъ больше чести: означаетъ, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна.

Да ужъ конечно.

Оленька.

А коли вы проницательны, такъ, значитъ, вы знаете моихъ обожателевъ.

Татьяна Никоновна.

Разумѣется, знаю.

Оленька.

А вотъ ошиблись: у меня ихъ нѣтъ!

Татьяна Никоновна.

Ты мнѣ зубы-то не заговаривай.

Оленька.

Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна.

Екзаментъ, что ли, ты мнѣ хочешь дѣлать? Сказано, что знаю, вотъ ты и мотай себѣ теперь на усъ. Ты думаешь обмануть мать — нѣтъ, шалишь: будь ты вдесятеро умнѣй, и то не обманешь.

Оленька.

Коли вы чувствуете себя, что вы такъ длинновидны, пускай это при васъ и останется.

Татьяна Никоновна.

Да-съ, длинновидны-съ: потому что вамъ довѣрія сдѣлать нельзя-съ.

Оленька.

Отчего вы такъ воображаете обо мнѣ, что мнѣ нельзя сдѣлать довѣрія?

Татьяна Никоновна.

Потому что всѣ вы баловницы, вотъ почему; а особенно

которыя изъ магазина. Вотъ ты долго-ли въ магазинѣ-то пожила, а прыти-то въ тебѣ сколько прибыло?

Оленька.

Когда вы такъ гнушаетесь магазиномъ, отдали бы меня въ пансіонъ.

Татьяна Никоновна.

Въ какой это пансіонъ? Изъ какихъ это доходовъ? Да я такъ думаю, что тебѣ это и не къ лицу, носъ коротокъ! Пожалуй, сказали бы: залетѣла ворона въ высоки хоромы.

Оленька.

Не хуже бы другихъ были, не безпокойтесь. Ну, да ужъ теперь тосковать объ этомъ поздно.

Татьяна Никоновна.

Да, вотъ, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка васъ спросить: какого вы это чиновника пріучили мимо оконъ шляться?

Оленька.

Никого я не пріучала, а и запретить, чтобы по нашей улицѣ не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушаетъ.

Татьяна Никоновна.

Что ты мнѣ толкуешь! И безъ тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вонъ что говорятъ: что, какъ онъ пройдетъ, ты накинешь что-нибудь на плечи, да и потреплешься за нимъ.

Оленька.

Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь!

Татьяна Никоновна.

А ты думала перехитрить всѣхъ? Нѣтъ, ужъ нынче никого не обманешь. Скажи ты мнѣ, сударыня, съ чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Оленька.

Какія шашни?

Татьяна Никоновна.

Да такія же. Ты у меня смотри, я, вѣдь, гляжу-гляжу, да примусь по-своему.

Оленька.

Что же вы со мной сдѣлаете?

Татьяна Никоновна.

Убью до смерти.

Оленька.

Ужъ будто и убьете?

Татьяна Никоновна.

Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свѣтѣ, чѣмъ срамить меня на старости лѣтъ.

Оленька.

Не убьете, пожалѣете.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, ужъ пощады не жди. Да я и не знаю, что̀ съ тобой сдѣлаю: такъ, кажется, пополамъ и разорву.

Оленька.

Вотъ страсти какія!

Татьяна Никоновна.

Ты меня не серди, я съ тобой не шутя говорю.

Оленька.

А я думала, что̀ вы шутите.

Татьяна Никоновна.

Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

Оленька.

Такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ вы вѣрите нашимъ жильцамъ?

Татьяна Никоновна.

Какъ не вѣрить-то, когда всѣ говорятъ?

Оленька.

Вотъ прекрасно! Какъ же вы обо мнѣ понимаете, послѣ этого? Что же я такое по-вашему? Всякій меня можетъ поманить съ улицы, а я такъ и пойду?

Татьяна Никоновна.

Нешто я тебѣ такими словами говорила?

Оленька.

Нѣтъ, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательнаго поведенія, зачѣмъ же вы живете со мной вмѣстѣ? Для чего вамъ себя срамить? Я себѣ вездѣ мѣсто найду, меня во всякій магазинъ съ радостью возьмутъ.

Татьяна Никоновна.

Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя въ магазинъ, какъ же!

Оленька.

Однако, вы мнѣ столько обиднаго наговорили, что ни одна дѣвушка не можетъ перенесть этого.

Татьяна Никоновна.

Ты, видно, не любишь, когда тебѣ дѣло-то говорятъ.

Оленька.

Какое дѣло? Нешто вы сами видѣли? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ нечего вамъ толковать да казни разныя придумывать.

Татьяна Никоновна.

То-то ужъ я и вижу, что ты губы надула. Ну, извините-съ *(присѣдаетъ)*, что объ такой особѣ да смѣли подумать. Извините-съ! Пардонъ, мадмуазель!

Оленька.

Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потомъ и извиняетесь.

Татьяна Никоновна.

Больно ужъ ты что-то обидчива стала! Ну, да хорошо, изволь, больше не буду объ этомъ говорить. Теперь довольны вы?

Оленька.

Даже очень довольна-съ.

Татьяна Никоновна.

Только, все-таки, помни ты, что ежели я замѣчу...

Оленька.

Такъ убьете. Я ужъ слышала.

Татьяна Никоновна.

Да, и убью.

Оленька.

Ну, хорошо, такъ и будемъ ожидать. *(Взглянувъ въ окно.)* Ну, радуйтесь! Теперь вамъ новостей на недѣлю будетъ.

Татьяна Никоновна.

А что?

Оленька.

Пульхерія Андреевна идетъ.

Татьяна Никоновна.

Это нашъ телеграфъ; намъ газетъ не нужно получать. А, вѣдь, и достается ей, бѣдной, за сплетни; ну, да благо невзыскательна; поругаютъ, прогонятъ: она опять придетъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Ужъ я сколько разъ гоняла, а вотъ все идетъ. *(Пульхерія Андреевна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андреевна.

Пульхерія Андреевна.

Здравствуйте, здравствуйте! Сейчасъ нашу трактирщицу встрѣтила, идетъ такая разряженная, платье новое. Я-таки довольно долго ей вслѣдъ посмотрѣла. Къ чему, думаю, къ чему! .. Мужъ-то, вонъ, ужъ задолжалъ много, говорятъ. Ну, какъ поживаете? Иду мимо, думаю: какъ не зайти? ну, и зашла.

Татьяна Никоновна.

Садитесь! Что новенькаго?

Пульхерія Андреевна.

Какія у насъ новости, въ нашей глуши! Съ тоски пропадешь; словечка перемолвить не съ кѣмъ.

Татьяна Никоновна.

Ужъ вамъ еще новостей не знать, такъ кому же! Знакомство у васъ большое.

Пульхерія Андреевна.

Да помилуйте, какое знакомство! Народъ все грубый, обращенія никакого не знаетъ; не то, чтобы что-нибудь любопытное сказать, а норовятъ все, какъ бы тебя обидѣть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за ихъ обращеніе. Вотъ хотя бы сейчасъ; зашла я къ сосѣдямъ, они приданое шьютъ, старшую дочь выдаютъ. Отдаютъ-то за лавочника, а приданое сдѣлали графское, ну, грѣхъ да и только. Вотъ, говорю: „не родись уменъ, не родись прилежъ, а родись счастливъ; съ нечесанной-то бородой да какое приданое возьметъ“. Такъ кабы вы посмотрѣли, какъ онѣ всѣ накинулись на меня, а особенно старуха — она у нихъ прена смѣшница и пререгательница, да еще какую-то злобу къ нашему благородному сословію имѣетъ. Ужъ чего-чего она не

прибрала! Да все въ насмѣшку, словами непристойными, да все съ рюмой. Я просто со стыда сгорѣла, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, какъ прилично благородной дамѣ. А если мнѣ позволить всякому наступить мнѣ на ногу, я должна буду тогда свое званіе уронить.

Татьяна Никоновна.

Ну, конечно, что̀ за оказія ронять себя!

Пульхерія Андреевна.

Я вамъ скажу, что во мнѣ гордости даже очень много. Я и въ порокъ этого себѣ не ставлю, потому что моя гордость благородная. Противъ себѣ равныхъ у меня нѣтъ гордости, а противъ такихъ людей, которые, при всемъ ихъ необразованіи, превозносятся своимъ богатствомъ, я всегда стараюсь показать, что я много выше ихъ.

Татьяна Никоновна.

Супругъ вашъ здоровъ ли?

Пульхерія Андреевна.

Ахъ, помилуйте, что̀ ему дѣлается! Деревянный человѣкъ, сами знаете, чувствъ не имѣетъ; значитъ, что̀ же его можетъ тревожить въ жизни? Только толстѣетъ. Наградилъ Богъ муженькомъ, ужъ нечего сказать!

Татьяна Никоновна.

Ну, вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у васъ добытникъ хорошій.

Пульхерія Андреевна.

Оно такъ, Татьяна Никоновна, только онъ по характеру мнѣ совсѣмъ не пара; у меня характеръ легкій, увлекательный, а онъ сидитъ, точно бирюкъ, ни до чего ему дѣла нѣтъ. А все-таки, мы живемъ не хуже людей. Возьмемте хоть сосѣдей: у Крутолобыхъ черезъ день драка, у Кумашниковыхъ въ недѣлю разъ, ужъ это положенное.

Татьяна Никоновна.

Сохрани Господи!

Пульхерія Андреевна.

У насъ хоть, по крайней мѣрѣ, этого нѣтъ. А у Чепчуговыхъ вчера исторія-то вышла: мнѣ кухарка ихъ сегодня на рынкѣ сказывала—вотъ такъ ужъ комедія!

Татьяна Никоновна.

Что же такое?

Пульхерія Андреевна.

Сила-то, что ли, у ней не беретъ, такъ она какую же штуку придумала: взяла, да мужу вареньемъ и лицо, и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна.

Хорошаго немного.

Пульхерія Андреевна.

Вотъ такъ-то нынче жены-то съ мужьями живутъ, Татьяна Никоновна, а все люди женятся. Да еще на комъ женятся-то! Норовятъ все выше себя взять. Вотъ сейчасъ была я у Васютиныхъ. *(Оленька прислушивается.)*

Татьяна Никоновна.

У какихъ это Васютиныхъ?

Пульхерія Андреевна.

Какъ это вы не знаете! Да вотъ Ольга Ивановна его знаетъ.

Оленька.

А мнѣ почемъ знать?

Пульхерія Андреевна.

Полноте, полноте! Еще вы были въ магазинѣ, такъ онъ къ вашей хозяйкѣ ходилъ.

Оленька.

Это бѣлокурый такой, что ли?

Пульхерія Андреевна.

Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна *(взглянувъ на дочь)*.

Такъ что же такое у Васютиныхъ-то? Разскажите.

Пульхерія Андреевна.

Нѣтъ, я къ тому говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди возмечтать-то вдругъ могутъ о себѣ! Ну, положимъ, что имъ счастье, да что же ужъ такъ возноситься-то? Къ чему это?

Татьяна Никоновна.

Да какое же мнѣ счастіе-то?

Пульхерія Андреевна.

Да такое же и счастье, что сыну невѣсту нашли, и съ крестья-

нами, видите ли, и образованную; а и крестьянъ-то всего тринадцать душъ. Вотъ я и говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди-то не умѣютъ себя вести. Вы бы посмотрѣли только, что̀ съ старухой-то дѣлается. Такъ носъ подняла, что и глядѣть ни на кого не хочетъ. Я тоже не захотѣла себя передъ ней унизить. Мы съ ней въ одинаковомъ чинѣ; съ чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Такъ это, изволите ли видѣть, ей не понравилось; такую подняла исторію, что я даже думаю совсѣмъ оставить это знакомство. Хоть мнѣ и не хотѣлось съ ней ссориться, ну, да что̀ дѣлать? языкъ мой—врагъ мой. *(Оленька, видимо встревоженная, надѣваетъ шляпку и мантилью.)*

Татьяна Никоновна.

Куда ты?

Оленька.

Я, маменька, сейчасъ приду; мнѣ нужно. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пульхерія Андреевна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Что̀ это съ ней сдѣлалось? Она какъ-будто плачетъ.

Пульхерія Андреевна.

Знаю я, все знаю; мнѣ только при ней говорить-то не хотѣлось. А вы вотъ ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вамъ все извѣстно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна.

Какъ же, узнаешь отъ нея что-нибудь! Она такъ дѣло обдѣлаетъ, что концовъ не найдешь.

Пульхерія Андреевна.

Нѣтъ, Татьяна Никоновна, какъ ни остерегайся, а всякое дѣло со временемъ все ужъ откроется. Вотъ у богатыхъ да у знатныхъ такіе-то пасажи бываютъ, такъ ужъ какъ стараются скрыть! а глядишь, послѣ черезъ людей или черезъ кого-нибудь и выдетъ наружу. Ну, а ужъ въ нашей сторонѣ, кажется, муха не пролетитъ, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна.

Да послушайте, Пульхерія Андреевна, неужели-жъ вы что̀ серьезное про Оленьку знаете?

Пульхерія Андреевна.

Серьезное—не серьезное, тамъ какъ разсудите. Конечно, для дѣвушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому-нибудь, кромѣ васъ, сказывала. Сохрани меня, Господи! Ну, разумѣется, Васютинъ обольстилъ ее тѣмъ, что жениться на ней обѣщалъ, мнѣ ея товарка сказывала.

Татьяна Никоновна.

Ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ! Да когда же, матушка, когда? *(Плачетъ.)*

Пульхерія Андреевна.

А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже гдѣ.

Татьяна Никоновна.

Ну, ужъ погоди же, теперь вернись только домой; я тебѣ задамъ! Эко наказанье съ дочерьми! *(Утираетъ слезы.)*

Пульхерія Андреевна.

Ужъ теперь ни бранью, ни слезами дѣла не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

Татьяна Никоновна.

Ужъ я ее теперь съ глазъ не спущу.

Пульхерія Андреевна.

Однако, прощайте! Заболталась я съ вами, а мнѣ еще надобно кой-куда зайти. Прощайте! *(Цѣлуются. Уходитъ и сейчасъ же возвращается.)* А вѣдь, Илья-то Ильичъ вчера опять пьяный домой пріѣхалъ. Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю, когда это кончится? Вѣдь, ты женатый человѣкъ, вѣдь, ты обязанъ семействомъ! Коли нѣтъ въ тебѣ стыда передъ людьми-то, ты хоть бы стѣнъ посовѣстился! Сколько у него дѣтей-то? Знаете? Вѣдь, пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право, некогда. *(Уходитъ и опять возвращается.)* А я и забыла вамъ сказать. Вѣдь, я въ горѣ.

Татьяна Никоновна.

Что за горе у васъ? можетъ, такъ шутите?

Пульхерія Андреевна.

Какія шутки! Этакого варварства... Этакого тиранства... Нѣтъ, этого нигдѣ не бываетъ. Развѣ только ужъ въ самомъ низкомъ классѣ.

Татьяна Никоновна.

Съ мужемъ опять что́-нибудь?

Пульхерія Андреевна.

Вѣдь, ужъ всѣ нынче носятъ бурнусы, ужъ всѣ; кто же нынче не носитъ бурнусовъ?

Татьяна Никоновна.

Ну, такъ что̀ же?

Пульхерія Андреевна.

Ну, вотъ одна знакомая и продаетъ бурнусъ, совсѣмъ новенькій. Я въ надеждѣ-то на своего дурака и говорю ей: „Вы, моя милая, не безпокойте себя, не носите ни къ кому, а приносите прямо ко мнѣ: мы его у васъ купимъ“. Ну, вотъ она его и приноситъ. Думаю: что̀ дѣлать? И себя-то поддержать передъ ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, какъ онъ при постороннемъ человѣкѣ исторію заведетъ! Подымаюсь я на хитрости. Надѣваю бурнусъ, беру на себя равнодушный тонъ и говорю ему: „Поздравь меня, мой другъ, съ обновкой!“ Я думала, что хоть послѣ онъ и побранитъ меня, ужъ такъ и быть, а все-таки, при чужомъ человѣкѣ не захочетъ уронить меня и себя.

Татьяна Никоновна.

А что̀ же онъ?

Пульхерія Андреевна.

Что̀ онъ? Обыкновенно что̀. Для него первое удовольствіе жену унизить, и норовитъ все при постороннихъ людяхъ. И шутки у него, знаете, самыя неприличныя. „Вы, говоритъ, ее не слушайте; это она къ зубамъ грезитъ; съ ней, говоритъ, это бываетъ“. „Но за что же, однако, позвольте васъ спросить, такое тиранство?“ говорю я ему. А онъ мнѣ, все-таки, на это ни одного слова не отвѣтилъ, а продолжаетъ говорить той дамѣ: „Она бы, говоритъ, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денегъ не даю“. Пошелъ, да и сѣлъ за свои бумаги и двери затворилъ. Осрамилъ меня, рѣшительно осрамилъ.

Татьяна Никоновна.

Да что̀ вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерія Андреевна.

Это, Татьяна Никоновна, не отъ лѣтъ—это бываетъ вро-

жденный вкусъ въ человѣкѣ, и отъ воспитанія тоже много зависитъ.

Татьяна Никоновна.

Вотъ и съ воспитаніемъ-то бѣда: затѣй-то много, а денегъ нѣтъ.

Пульхерія Андреевна.

Кабы вы понимали, что̀ значитъ благородная дама, вы бы такъ не разсуждали; а то вы сами изъ простого званія, такъ вы и судите.

Татьяна Никоновна.

Я сужу, какъ умѣю; а званіемъ своимъ вамъ передо мной нечего гордиться, не много вы отъ меня ушли.

Пульхерія Андреевна.

Далеко вамъ до меня; я изъ вашего-то званія себѣ прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна.

А коли такъ, я и не знаю, что̀ вамъ за охота съ простыми людьми знакомство имѣть!—знались бы только съ благородными.

Пульхерія Андреевна.

Да, ужъ, конечно, у благородныхъ людей совсѣмъ другія понятія, чѣмъ у васъ.

Татьяна Никоновна.

Ну, и ступайте къ нимъ, а объ насъ ужъ вы не безпокойтесь; мы объ васъ плакать не будемъ.

Пульхерія Андреевна.

Да-съ, прощайте! Много я отъ васъ обидъ видѣла, все переносила; а ужъ этого не перенесу; послѣ этихъ словъ я у васъ оставаться не могу.

Татьяна Никоновна.

Вотъ и прекрасно, такъ и запишемъ. Прощайте! И впередъ просимъ не жаловать.

Пульхерія Андреевна.

Я еще съ ума не сошла, чтобы съ вами знакомство водить послѣ этого.

Татьяна Никоновна.

И очень рады будемъ.

Пульхерія Андреевна *(подходя къ двери)*.

За дочерью-то бы лучше смотрѣли!

Татьяна Никоновна.

Не ваша печаль чужихъ дѣтей качать.

Пульхерія Андреевна.

Ужъ теперь ни ногой.

Татьяна Никоновна.

Скажите, какая жалость! *(Пульхерія Андреевна уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Татьяна Никоновна и *потомъ* Оленька.

Татьяна Никоновна.

Какая ехидная бабёнка, просто средствъ нѣтъ! А что-жъ это у меня Ольга-то дѣлаетъ! Убить ее мало за эти дѣла. Что она нейдетъ-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Бѣда мнѣ съ моимъ характеромъ: расходится сердце, ничѣмъ не удержишь. *(Оленька входитъ, раздѣвается и, плача, садится на свое мѣсто.)* Ты что же это, сударыня, дѣлаешь? Что ты объ своей головѣ думаешь? Гдѣ была, говори сейчасъ.

Оленька.

Ахъ, маменька, оставьте! Мнѣ и безъ васъ тошно.

Татьяна Никоновна.

А! теперь тошно; а то такъ матери не слушаться! Вотъ ты и знай! Да ты еще погоди у меня.

Оленька *(встаетъ и одѣвается)*.

Ахъ, Боже мой!

Татьяна Никоновна.

Что ты еще выдумала? Куда это ты?

Оленька.

Пойду, куда глаза глядятъ. Что мнѣ за охота брань-то слушать!

Татьяна Никоновна.

Что-жъ, мнѣ тебя хвалить, что ли, за твои дѣла?

Оленька.

Да, вѣдь, и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая ужъ я, мнѣ не десять лѣтъ.

Татьяна Никоновна.

Такъ что-жъ мнѣ дѣлать-то по-твоему?

Оленька *(садясь къ столу и закрывая лицо руками).*

Пожалѣть меня, бѣдную.

Татьяна Никоновна *(нѣсколько взволнованная).*

Да... ну, что-жъ... ну... *(Молчитъ нѣсколько времени, потомъ подходитъ къ дочери, гладитъ ее по головѣ и садится подлѣ нея)* Ну, что-жъ тамъ такое у тебя случилось?

Оленька *(плача).*

Да женится.

Татьяна Никоновна.

Да кто женится-то?

Оленька.

Прохоръ Гаврилычъ.

Татьяна Никоновна.

Это Васютинъ-то?

Оленька.

Ну да.

Татьяна Никоновна.

Вотъ видишь ты, вотъ видишь ты, до чего васъ своя-то воля доводитъ, что̀ значитъ безъ присмотру-то жить!

Оленька.

Опять вы за свое.

Татьяна Никоновна.

Ну, хорошо, ну, не буду.

Оленька.

Вѣдь, какъ божился-то! Какъ клялся-то!

Татьяна Никоновна.

Божился? А! скажите, пожалуйста! *(Качаетъ головой.)*

Оленька.

Какъ же мнѣ было не повѣрить ему? Развѣ я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна.

Гдѣ понимать еще! Какіе года!

Оленька *(прилегая къ матери).*

Зачѣмъ же онъ обманулъ меня?

Татьяна Никоновна.

А ты думаешь, это ему такъ и пройдетъ? Ему самому

Богъ счастья не дастъ за это. Вотъ посмотри, что ему это даромъ не пройдетъ.

Оленька *(взглянувъ въ окно)*.

Ахъ, безстыжіе глаза! Да онъ еще [illegible] идетъ—хватило у него совѣсти-то! Маменька, пускай онъ къ намъ войдетъ; не итти же мнѣ къ нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна.

Ну что-жъ, пускай войдетъ.

Васютинъ *(въ окно)*.

Ольга Ивановна, можно войти?

Татьяна Никоновна.

Пожалуйте, пожалуйте!

Оленька *(умоляющимъ голосомъ)*.

Маменька!

Татьяна Никоновна.

Что тебѣ еще?

Оленька *(плача)*.

Маменька, мнѣ стыдно! Уйдите! Какъ я стану при васъ съ нимъ говорить!

Татьяна Никоновна *(грозя пальцемъ)*.

То-то вотъ ты! Охъ, ты мнѣ!

Оленька.

Маменька!

Татьяна Никоновна.

Ну, ужъ право... ужъ! Такъ вотъ только браниться-то не хочется. *(Уходитъ за перегородку.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Оленька и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверяхъ)*.

Ты, Вавила Осипычъ, подожди! Я сейчасъ! *(Входитъ.)*

Оленька.

Садиться милости просимъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, я, вѣдь, такъ—на минуточку.

Оленька.

Все-таки, присядьте, коли вамъ у насъ не противно. Или вы, можетъ быть, ужъ теперь насъ гнушаетесь.

Прохоръ Гаврилычъ *(садясь)*.

Да нѣтъ. Вотъ какого рода дѣло... Вотъ видишь ты, я самъ, ей-Богу, бы никогда, да маменька...

Оленька.

Что же маменька?

Прохоръ Гаврилычъ.

Все меня бранитъ за мою жизнь. Говоритъ, что я неприлично себя веду, что совсѣмъ дома не живу.

Оленька *(чертитъ ножницами по столу)*.

Да-съ. Вамъ неприлично себя такъ вести, вы благородный, служащій...

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, вотъ все и пристаетъ ко мнѣ, чтобы я женился, чтобы я жилъ семейно, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ. Ну, понимаешь, все-таки, мать.

Оленька.

Понимаю-съ, какъ не понять! Такъ вы хотите маменькино желанье исполнить? Что-жъ, это очень благородно съ вашей стороны, потому что старшихъ всегда надобно уважать. Вы же такъ свою маменьку любите и во всемъ ея слушаетесь... Ну, такъ что же-съ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, вотъ я...

Оленька.

И женитесь?

Прохоръ Гаврилычъ.

И женюсь.

Оленька.

Честь имѣю васъ поздравить! Что же, вы съ большимъ состояніемъ берете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну нѣтъ, не очень.

Оленька.

Отчего же такъ? Вы, въ надеждѣ на вашу красоту, могли бы за милліонщицу посвататься. Или вы, можетъ быть,

хотите облагодѣтельствовать собой какую-нибудь бѣдную барышню? Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какое же тутъ сердце! Я для маменьки дѣлаю. Конечно, намъ съ маменькой пріятно, что она въ пансіонѣ воспитывалась, по-французски говоритъ.

Оленька.

Ну да, какъ же вамъ, съ вашимъ умомъ и образованіемъ, да жениться на невоспитанной! Это для васъ очень низко! Вотъ женитесь, будете съ своей супругой по-французски и на разныхъ языкахъ говорить.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да я не умѣю.

Оленька.

Вы притворяетесь, что не умѣете. Вы не хотите только передъ нами, простыми людьми, своего образованія показывать, а передъ барышней вы себя покажете.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ...

Оленька.

Напрасно себя безпокоили.

Прохоръ Гаврилычъ.

Надо же было сказать...

Оленька.

Стóитъ ли вамъ объ насъ думать!

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ же не думать! Кабы я тебя не любилъ; а то, вѣдь, я люблю тебя.

Оленька.

Очень вамъ благодарна за вашу любовь!

Прохоръ Гаврилычъ.

Ты на меня, Оленька, не сердись: я самъ вижу, что поступаю противъ тебя дурно, даже можно сказать — подло.

Оленька.

Коли вы такъ понимаете объ себѣ, пускай это при васъ и останется.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, право, Оленька, я, вѣдь, не то, что другіе: бросилъ, да и знать не хочетъ.

Оленька.

А вы что же?

Прохоръ Гаврилычъ.

Да я все, что тебѣ угодно. Ты мнѣ скажи, что тебѣ нужно.

Оленька.

Ничего мнѣ отъ васъ не нужно! Вы меня обижать такъ не смѣете. Что же, я васъ изъ-за денегъ любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я васъ любила, потому что всегда знала, что вы на мнѣ женитесь, а иначе я бы ни за что на свѣтѣ...

Прохоръ Гаврилычъ.

Да мнѣ что! Развѣ я бы не женился? да вотъ семья-то.

Оленька.

Вы должны были это знать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ же мнѣ съ тобой быть—я, право, ужъ и не знаю.

Оленька.

Это довольно странно для меня. Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, насмѣялись—чего вамъ еще нужно? Остается поклонъ, да и вонъ. Объ чемъ вамъ еще безпокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому-нибудь? Такъ я за это не возьму милліона отъ одного только отъ стыда.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я не объ себѣ безпокоюсь, а о тебѣ.

Оленька.

А обо мнѣ что вамъ безпокоиться! Да и кто вамъ повѣритъ, что вы обо мнѣ думаете сколько-нибудь.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, Оленька, ты мнѣ этого не говори! Мнѣ, право, совѣстно. Я, вѣдь, человѣкъ простой, откровенный...

Оленька.

Тѣмъ лучше для васъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Только характеръ у меня такой, путаной. Вѣдь, вотъ я теперь буду мучиться объ тебѣ.

Оленька.

Скажите!

Прохоръ Гаврилычъ.

Мнѣ до смерти жаль тебя... Да ты мнѣ позволь какънибудь заходить къ тебѣ хоть на минуту.

Оленька.

Нѣтъ, ужъ увольте! Вамъ нужно, чтобы вездѣ слава пошла. Я хочу замужъ итти.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ ужъ никогда и не видаться?

Оленька.

Разумѣется, никогда. Вѣдь, кромѣ страму, отъ васъ прибыли-то никакой нѣтъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, такъ простимся безъ сердца по крайней мѣрѣ.

Оленька.

Прощайте! *(Васютинъ хочетъ поцѣловаться.)* Нѣ для чего!

Прохоръ Гаврилычъ *(послѣ непродолжительнаго молчанія).*

Какъ же это, право... Подло, ужъ самъ вижу, что подло! А какъ поправить — не знаю.

Оленька.

Мнѣ даже смѣшно слушать! Ступайте! Васъ товарищъ дожидается.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какой это товарищъ! Это купецъ, кутила. Вотъ ты какая! Тебѣ ничего, а я ночи не сплю. Право.

Оленька.

Смотрите, не захворайте!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, пожалуйста, коли тебѣ что понадобится: деньги или что другое, ты сдѣлай милость — пришли! Для меня даже это будетъ пріятно.

Оленька.

Нѣтъ, ужъ я лучше съ голоду умру. За кого вы меня принимаете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Мнѣ, право, такъ жалко тебя: я хоть заплакать готовъ.

Оленька.

Это будетъ очень интересно!

Прохоръ Гаврилычъ.

Позволь нынче вечеркомъ заѣхать.

Оленька.

Съ чего это вы выдумали!

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, прощай! Богъ съ тобой! *(Уходя.)* Ты, ради Бога, не сердись! А то все и будешь думать объ тебѣ.

Оленька.

Прощайте! Прощайте!

(Васютинъ уходитъ; входитъ Татьяна Никоновна.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Оленька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Ну что? Ушелъ?

Оленька.

Ушелъ. *(Садится къ столу и плачетъ, закрывшись платкомъ.)* Какъ я выдержала: это только одинъ Богъ знаетъ

Татьяна Никоновна.

Поплачь, поплачь, легче будетъ. Да и совсѣмъ его изъ головы надо выкинуть, чтобъ пусто ему было! *(Взглянувъ въ окно.)* Ну, опять Андревна мимо идетъ.

Оленька.

Маменька, покличьте ее.

Татьяна Никоновна.

Да, вѣдь, я съ ней побранилась.

Оленька.

Помиритесь! Мнѣ нужно, нужно!

Татьяна Никоновна.

Помириться долго ли! *(Въ окно.)* Пульхерія Андревна! Пульхерія Андревна! *(Дочери.)* Идетъ. Благо, еще не спесива, хоть то хорошо. Только зачѣмъ она тебѣ понадобилась, я ужъ этого не придумаю.

Оленька.

А вотъ увидите. *(Пульхерія Андреевна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Оленька, Татьяна Никоновна и Пульхерія Андреевна.

Татьяна Никоновна.

Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерія Андревна: я давеча, по своему глупому характеру, погорячилась.

Пульхерія Андреевна.

Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это отъ раскаянія, такъ я на васъ ни въ какомъ случаѣ сердиться не могу. Я очень снисходительна къ людямъ, даже больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Оленька.

Вы, Пульхерія Андревна, знаете, на комъ Васютинъ женится?

Пульхерія Андреевна.

Еще бы мнѣ не знать!

Оленька.

Вы знакомы съ ними?

Пульхерія Андреевна.

Нѣтъ, не знакома. Да развѣ долго познакомиться!

Оленька.

Сдѣлайте милость, Пульхерія Андревна, разузнайте хорошенько...

Пульхерія Андреевна.

Что разузнать-то?

Оленька *(плача).*

Хороша ли его невѣста? Любитъ ли онъ ее? Любитъ ли она его?

Пульхерія Андреевна.

Только?

Оленька.

Только! *(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками.)*

Татьяна Никоновна.

Ну, оставимте ее. Богъ съ ней! *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Гаврила Прохорычъ Васютинъ, старикъ, отставной [illegible].
Анфиса Карповна, жена его.
Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ, [illegible].
Вавила Осиповичъ Густомысовъ, [illegible], одѣтъ по-русски.
Орестъ, лакей, лѣтъ 30-ти, важный, [illegible] съ [illegible] сертукѣ, часто [illegible] съ генераломъ.

Гостиная въ домѣ Васютиныхъ: налѣво дверь въ кабинетъ Прохора Гаврилыча; прямо выходная дверь, направо во внутреннія комнаты: налѣво отъ зрителей диванъ, направо столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Орестъ *(проводитъ просителя въ кабинетъ).*

Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дѣло знаемъ: ваше дѣло правое. *(Проситель уходитъ.)* Правда пословица-то говорится: „у всякаго плута свой расчетъ!“ Вотъ хоть бы нашего барина взять! Ума у него нѣтъ. Съ судейскими со своими или съ нашимъ братомъ хорошаго разговора отъ него нѣтъ, умнаго *(нюхаетъ табакъ)*, чтобы стоило вниманія. Лепечетъ много языкомъ-то, а ничего не складно, безо всякаго разсудка. что̀ къ мѣсту, что̀ не къ мѣсту—такъ, какъ шалашъ какой. А вотъ съ просителями такъ онъ свое дѣло знаетъ—такой тонъ держитъ, что любо на него смотрѣть. Строгость на себя напуститъ, точно въ меланхоліи въ какой сдѣлается, и языкъ-то у него не ворочается; такъ проситель-то вздыхаетъ, вздыхаетъ, потъ его прошибетъ; выйдетъ изъ кабинета-то, точно изъ бани, и шинель-то станетъ надѣвать — вздыхаетъ, и по двору-то идетъ—все вздыхаетъ да оглядывается. А съ кѣмъ такъ и лаской: и по плечу треплетъ, и по животу гладитъ. Вотъ эту-то политику онъ знаетъ! Нужды нѣтъ, что не уменъ, а на эти дѣла тонокъ. Ну, и живетъ себѣ, какъ сыръ въ маслѣ катается. Такъ-то вотъ и нашъ братъ—всякій долженъ себя понимать! Кто что̀ умѣетъ, то и дѣлай, а не за свое дѣло не берись! Я теперь... я все могу, а въ хорошій домъ я служить не пойду. Потому, во-первыхъ—лѣта, во-вторыхъ—

болѣзнь во мнѣ: въ ногахъ ломъ стоитъ; опять же по временамъ слабость у меня къ этой дряни *(плюетъ)*, къ этому проклятому вину. Въ хорошемъ домѣ ума не нужно, тамъ ловкость, и чтобы въ струнѣ человѣкъ былъ; потому завсегда ты на виду. А мнѣ теперь нуженъ покой! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у подьячихъ! Ни одёжи отъ тебя не требуется, ни чистоты—знай только обращеніе съ просителями. А коли я умѣю обойтись съ человѣкомъ, такъ мнѣ и жаловаться не нужно. У барина свой доходъ, а у меня свой: потому въ моей власти допустить къ барину и не допустить. И ежели бы я не былъ подверженъ, по своей слабости, этой временной болѣзни дня на три и на четыре въ мѣсяцъ, большіе бы у меня капиталы были; по здѣшнему дому оно, конечно, сокращать себя не стоитъ, удовольствія этого лишать; да только вотъ что̀: какъ наберешься этого угару, такъ много у тебя зря денегъ выходитъ. *(Входитъ Анфиса Карповна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Орестъ и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна.

Есть кто-нибудь у барина?

Орестъ.

Проситель сидитъ.

Анфиса Карповна.

Купецъ или благородный?

Орестъ.

По-нѣмецки, а должно быть купецъ.

Анфиса Карповна.

Я тебѣ, Орестъ, давно говорила, чтобы ты съ купцовъ денегъ не просилъ, а ты, все-таки, своей привычки не оставляешь. Я, вѣдь, все вижу. Въ передней помѣшаютъ тебѣ, такъ ты за ворота выскочишь да тамъ пристаешь, словно нищій.

Орестъ.

Эхъ, сударыня!

Анфиса Карповна.

Что̀: эхъ, сударыня? И для насъ это стра̀мъ; подумаютъ, что вы у насъ нужду терпите.

Орестъ.

Эхъ, барыня! Изъ чего служить-то?

Анфиса Карповна.

Ты жалованье получаешь.

Орестъ.

Какое жалованье, сударыня! Стоитъ ли оно вниманія.

Анфиса Карповна.

Такъ зачѣмъ же ты живешь, коли ты недоволенъ жалованьемъ?

Орестъ.

Эхъ, сударыня! Затѣмъ и живу, что доходъ есть. Ужъ это отъ начала вселенной заведено, что у служащаго человѣка камердинеръ свой доходъ имѣетъ. Ну, а которые изъ просителей этого обыкновенія не имѣютъ, тѣмъ и напомнишь.

Анфиса Карповна.

Да, все-таки, это мараль.

Орестъ.

Никакой, сударыня, марали нѣтъ.

Анфиса Карповна.

А я вотъ Прошенькѣ скажу, чтобъ онъ тебѣ запретилъ.

Орестъ.

Никогда они мнѣ не запретятъ, по тому самому, что они тоже доходомъ живутъ, жалованье тоже небольшое получаютъ. Они могутъ разсуждать правильно, сообразно съ разсудкомъ.

Анфиса Карповна.

А я, по-твоему, неправильно разсуждаю, несообразно съ разсудкомъ? Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

Орестъ.

Вотъ что, сударыня, извините вы меня: всякій свое дѣло знаетъ. Одно дѣло вы можете разсудить, а другое дѣло мужского разсудка требуетъ. Какъ же вы говорите, чтобы не брать! Господи, Боже мой! Да съ чѣмъ это сообразно! Ну, положимъ, не я у васъ буду служить, другой будетъ; такъ нешто онъ не станетъ брать?—тоже станетъ; женщину заставьте служить, и та станетъ брать. Коли есть такое положеніе, чтобы брать деньги съ просителей, какъ же вы мнѣ

приказываете не брать? Для чего же мнѣ отъ своего счастья отказываться? Это даже смѣшно слушать!

Анфиса Карповна.

Ты такой грубіянъ, такой грубіянъ сталъ, что просто терпѣнья нѣтъ съ тобой! Я непремѣнно на тебя сыну пожалуюсь.

Орестъ.

Эхъ, сударыня! Какой же я грубіянъ! А что, конечно, которое дѣло до васъ не касающее, такъ скажешь...

Анфиса Карповна.

Какъ не касающее? Все, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

Орестъ.

Все это я, сударыня, понимаю-съ, только никакъ нельзя.

Анфиса Карповна.

Отчего же нельзя? Вотъ онъ теперь женится на барышнѣ образованной, такъ совсѣмъ другой порядокъ въ домѣ пойдетъ.

Орестъ.

Никакъ этого нельзя-съ.

Анфиса Карповна.

Какъ нельзя? Вотъ ты увидишь, что очень можно.

Орестъ.

Развѣ службу оставятъ.

Анфиса Карповна.

И службу оставлять не станетъ, только деликатнѣе вести себя будетъ, ужъ и людей такихъ держать будетъ...

Орестъ.

Какихъ хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь баринъ и женится, да ежели не оставитъ службу, такъ кругъ знакомства у нихъ все тотъ же будетъ, все тѣ же служащіе да купечество, та же самая канитель, что и теперь; такъ и люди, глядя на господъ, себя въ строгости содержать не будутъ. И брать деньги тоже будутъ, потому что купцы даже любятъ, когда съ нихъ деньги берутъ. Если съ него не взять, такъ онъ опасается — ужъ у него такой развязности въ разговорѣ нѣтъ, точно онъ чего боится. Съ купечествомъ тоже надо умѣть обойтись! А что насчетъ благородства, такъ этакъ всякій бы, пожалуй, захотѣлъ...

Анфиса Карповна.

Ну, ужъ, молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашиваютъ.

Орестъ.

Я замолчу; только ужъ видно, сударыня, выше лба глаза не растутъ.

Анфиса Карповна.

Гдѣ твое мѣсто? Твое мѣсто въ передней! Что же ты здѣсь толчешься? Въ комнаты ты долженъ войти, когда тебя позовутъ...

Орестъ.

Извѣстно, въ передней: потому хамъ. А тоже и господа господамъ рознь, и потому только одно это названіе, что онъ господинъ, а по дѣлу совсѣмъ напротивъ выходитъ. Хоть бы теперь баринъ жениться хочетъ...

Анфиса Карповна.

Я тебѣ сказала, чтобъ ты шелъ въ переднюю.

Орестъ.

Я пойду. Эхъ, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказалъ. Тоже смыслимъ кой-что. Надо жену-то по себѣ брать. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анфиса Карповна и *потомъ* Гаврила Прохорычъ.

Анфиса Карповна.

Какое наказаніе съ этимъ народомъ! Сколько ужъ у насъ людей перебывало, всѣ такіе же. Сначала недѣли двѣ поживетъ ничего, а потомъ и начнетъ грубить, либо пить. Конечно, всякій домъ хозяевами держится. А у насъ какіе хозяева-то! Только сердце болитъ, на нихъ глядя. Съ сыномъ вотъ никакъ не соображу: молодой еще человѣкъ, а какъ себя неприлично держитъ. Знакомства-то, что ли, у него нѣтъ, заняться-то ему не у кого? Или ужъ въ отца, что ли, уродился? тоже, знать, пути не будетъ! Хоть бы мнѣ ужъ женить-то его поскорѣе! Отецъ отъ безобразной жизни ужъ совсѣмъ разсудокъ потерялъ. Ну, вотъ люди-то, глядя на нихъ, и меня не уважаютъ. Всю жизнь я съ мужемъ-то маялась, авось хоть сынъ порадуетъ чѣмъ-нибудь! Хоть бы мѣсяцъ пожить, какъ слѣдуетъ; кажется, для меня это до-

роже бы всего на свѣтѣ. А и мнѣ еще люди завидуютъ, что сынъ много денегъ достаетъ. Богъ съ ними и съ деньгами, только-бъ жилъ-то поскромнѣе. Есть же такія счастливыя, что живутъ, да только радуются на дѣтей-то, а я вотъ... *(Входитъ Гаврила Прохорычъ.)* Вотъ еще давно не видались. Зачѣмъ это? Не слыхать ли?

Гаврила Прохорычъ *(присѣдаетъ, какъ барышня, и шопотомъ).*

За газетами-съ. *(Беретъ со стола газеты.)*

Анфиса Карповна.

Сидѣли бы наверху у себя. Кому нужно на васъ глядѣть-то! Тутъ, чай, люди ходятъ. Сына-то только стыдите!

Гаврила Прохорычъ.

Сына стыдите! У! у! *(Дѣлаетъ гримасы.)*

Анфиса Карповна.

Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврила Прохорычъ *(злобно).*

Кого я могу стыдить! Я титулярный совѣтникъ.

Анфиса Карповна.

Важное кушанье!

Гаврила Прохорычъ.

Да-съ! Дослужитесь, подите! Что̀ такое титулярный совѣтникъ? Капитанъ-съ! А! Какова штука-то! Вотъ и думайте, какъ знаете!

Анфиса Карповна.

Что думать-то! Думать-то нечего! Много вашего брата по кабакамъ-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лѣтъ съ вами маялась, да и теперь маюсь.

Гаврила Прохорычъ.

Ну, не очень гнѣвайтесь, уйду-съ. А то сына стыдить! Самъ онъ меня стыдитъ. *(Уходитъ, потомъ возвращается и плачетъ.)*

Анфиса Карповна.

Это что̀ еще?

Гаврила Прохорычъ.

Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна.

Ну, такъ что̀ же?

Гаврила Прохорычъ.

Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна.

Вѣдь, это не вы плачете, это вино въ васъ плачетъ. Плачутъ-то, когда дочерей отдаютъ, а когда сыновей женятъ, такъ радуются. Вы забыли.

Гаврила Прохорычъ.

Нѣтъ, такъ что-то чувствительно стало; а то я ничего— я радуюсь. Онъ ко мнѣ почтителенъ; онъ меня, старика, уважаетъ, къ слабостямъ моимъ нисходитъ.

Анфиса Карповна.

Вы и его-то этимъ слабостямъ выучили. А вы бы вотъ одѣлись, да нынче съ сыномъ къ невѣстѣ съѣздили. благо, вы въ своемъ видѣ, а то, вѣдь, не скоро этого дождешься.

Гаврила Прохорычъ.

Хорошо, я пойду одѣнусь.

Анфиса Карповна.

Да веди-то себя приличнѣй.

Гаврила Прохорычъ.

Что вы меня учите! Я знаю, какъ себя вести. Какъ ведутъ себя благородные люди, такъ и я себя стану вести. *(Уходитъ.)*

Анфиса Карповна.

Какъ же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, какъ благородные люди ведутъ! Ну, да съ старика-то не взыщутъ. *(Входитъ купецъ съ куликомъ въ рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Анфиса Карповна и купецъ.

Анфиса Карповна.

А, Вавила Осипычъ! Вы къ Прошенькѣ?

Купецъ.

Точно такъ-съ.

Анфиса Карповна.

Онъ занятъ теперь.

Купецъ.

Подождемъ-съ.

Анфиса Карповна.

Садитесь, пожалуйста!

Купецъ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Не извольте безпокоиться-съ. *(Садится.)*

Анфиса Карповна.

Что̀ это такое у васъ? Вино, должно быть?

Купецъ.

Оно самое-съ.

Анфиса Карповна.

Что это вы все вино носите?

Купецъ.

Потому завсегда требуется-съ.

Анфиса Карповна.

Да ужъ часто вы его носите-то, да и помногу.

Купецъ.

Изойдетъ-съ. Для дому вещь необходимая-съ.

Анфиса Карповна.

Что̀ ваше дѣло?

Купецъ.

Прикончено-съ.

Анфиса Карповна.

Что̀-жъ, вы довольны?

Купецъ.

Не то, что довольны, а такъ надобно сказать, что должны вѣкъ Бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дѣло я теперича, кажись, по гробъ моей жизни все, что̀ только имъ угодно. Скажи они мнѣ: Вавила Осипычъ!—меня, сударыня, Вавила Осипычъ зовутъ—достань птичьяго молока! Всю вселенную пѣшкомъ обойду, а ужъ достану.

Анфиса Карповна.

Да, ему многіе благодарны.

Купецъ.

Отмѣнный человѣкъ-съ.

Анфиса Карповна.

Его купечество очень любитъ.

Купецъ.

Нельзя не любить-съ, потому, первое дѣло, человѣкъ дѣло-

вой-съ, всякому нужный; а второе дѣло, невзыскательны-съ. Съ нашимъ братомъ компанію водитъ, все равно, что съ равнымъ, безобразія нашего не гнушается; даже я такъ замѣчаю, что имъ очень нравится. Ну, и выпить ежели, такъ какъ у насъ этотъ порядокъ заведенъ—я вамъ доложу, сударыня, мы временемъ бываемъ довольно безобразны, такъ намъ для этого нужна компанія—такъ они никогда отъ этого не прочь, а завсегда съ нами по душѣ. И не то, чтобъ отставать или компанію ломать, а могутъ посидѣть вплотную и со всѣми равняются. Да другой и изъ нашихъ противъ нихъ не выстоитъ. Ну, и значитъ, человѣкъ стóитъ уваженія. Вѣдь, и у насъ тоже не всякаго полюбятъ, а съ разборомъ-съ, кто чего стоитъ.

Анфиса Карповна.

Только ужъ онъ много пьетъ-то съ вами.

Купецъ.

Нѣтъ, что̀ за много-съ! Соразмѣрно пьютъ.

Анфиса Карповна.

Нѣтъ, ужъ не очень соразмѣрно.

Купецъ.

Оно точно, кто рѣдко, такъ, можетъ быть, и много покажется-съ; а ежели пить постепенно, вотъ какъ мы-съ, такъ оно ничего̀. На все привычка-съ.

Анфиса Карповна.

Знаете ли, Вавила Осипычъ, я его женить собираюсь.

Купецъ.

Оченно прекрасно-съ.

Анфиса Карповна.

Онъ теперь въ такихъ лѣтахъ.

Купецъ.

Въ самомъ разѣ-съ.

Анфиса Карповна.

Ну, а я стара стала; вѣдь, не знаешь, когда Богъ по̀ душу пошлетъ, такъ хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно съ одной барыней, у ней дочка только-что изъ пансіона вышла; поразговорились мы съ ней, я ей сына отрекомендовала; такъ у насъ дѣло и пошло. Я ей какъ-то и намекнула, что вотъ бы, молъ, хорошо породниться! „Я, говоритъ, не прочь! Какъ дочери понравится!“ Ну, ужъ это, значитъ, почти

кончено дѣло. Долго ли дѣвушкѣ понравиться? Она еще и людей-то не видала. А съ состояніемъ, и деньги есть, и имѣніе.

Купецъ.

Самое настоящее дѣло-съ.

Анфиса Карповна.

Я вамъ скажу, Вавила Осипычъ, я никакъ не думала, что онъ такой дѣльный будетъ. Ученье ему не давалось—понятія ни къ чему не было, такъ что черезъ великую силу мы его грамотѣ выучили, большихъ хлопотъ намъ это стоило. Ну, а ужъ въ гимназіи и совсѣмъ ничего не могъ понять; такъ изъ второго класса и взяли. Къ этому же времени отецъ-то его совсѣмъ ослабъ. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вамъ не могу! Опредѣлила я его въ судъ; тутъ у него вдругъ понятіе и открылось. Что дальше, то все лучше; да вотъ теперь всю семью и кормитъ. Да еще что говоритъ! Я, говоритъ, маменька, службой не дорожу; я и безъ службы, только частными дѣлами состояніе себѣ составлю. Вотъ какое понятіе ему вдругъ открылось.

Купецъ.

И теперича ихъ работа самая дорогая и самая тяжелая, потому что все надо мозгами шевелить. Безъ мозговъ, я такъ полагаю, ничего не сдѣлаешь. *(Выходитъ изъ кабинета Прохоръ Гаврилычъ и проситель. Купецъ встаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Прохоръ Гаврилычъ и проситель.

Прохоръ Гаврилычъ *(провожая просителя до двери).*

Я вамъ сказалъ, что хлопотать буду; ну, а тамъ, что Богъ дастъ.

Проситель.

Сдѣлайте милость, Прохоръ Гаврилычъ! *(Уходитъ въ дверь.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверь).*

Хлопотать я буду, ужъ я вамъ сказалъ; а тамъ, какъ взглянутъ.

Проситель *(изъ передней).*

Ужъ похлопочите, Прохоръ Гаврилычъ. Прощенья просимъ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Прощайте! *(Къ купцу.)* А, другъ! Что это, ты вина принесъ?

Купецъ.

Особеннаго.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, вотъ спасибо! Такъ попробовать надо. Орестъ! *(Входитъ Орестъ.)* Откупори да подай рюмокъ! *(Орестъ беретъ кулекъ.)*

Купецъ.

Ты двухъ сортовъ откупори. А тѣ, что съ долгимъ горлышкомъ-то, для другого раза оставь. Да постой, я покажу тебѣ. *(Купецъ и Орестъ уходятъ.)*

Анфиса Карповна.

Ты, вѣдь, къ невѣстѣ хотѣлъ ѣхать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я и поѣду.

Анфиса Карповна.

А зачѣмъ же вино-то пить?

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ, маменька, что-то я нынче въ расположеніи. Все сидѣлъ за дѣломъ, такъ хочется голову освѣжить, чтобы фантазія была. *(Входятъ купецъ и Орестъ съ бутылками и рюмками на подносѣ и ставятъ его на столъ.)*

Купецъ *(Оресту).*

А ты, братецъ, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемѣни, свѣженькую подставь. Не все же тебя кликать. *(Орестъ уходитъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(садится).*

Ну, вотъ теперь сядемъ да потолкуемъ.

Купецъ.

Сейчасъ-съ! *(Наливаетъ вино въ рюмки и подноситъ Прохору Гаврилычу.)* Пожалуйте-съ! *(Прохоръ Гаврилычъ беретъ и пьетъ.)* Васъ, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна.

Я его и видѣть-то не могу.

Купецъ.

Какъ будетъ угодно; неволить не смѣю-съ. Вотъ теперь

самъ выпью-съ. *(Наливаетъ себѣ.)* Желаю вамъ быть здоровымъ, сударыня!

Анфиса Карповна.

Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

Купецъ *(пьетъ).*

Теперь развѣ вдругъ по другой? А то съ одной-то не разберешь.

Прохоръ Гаврилычъ.

Наливай! *(Купецъ наливаетъ.)*

Анфиса Карповна.

Будетъ вамъ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Полноте, маменька! что̀, мы дѣти, что̀ ли! Я себя знаю.

Купецъ *(подавая рюмки).*

Пожалуйте-съ! Честь имѣю поздравить! *(Пьетъ самъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Съ чѣмъ?

Купецъ.

Какъ съ чѣмъ! Да нынче что̀?

Прохоръ Гаврилычъ.

А что̀?

Купецъ.

Первая пятница на этой недѣлѣ. Ну, вотъ и честь имѣемъ поздравить.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ахъ ты, голова! Маменька, каковъ молодецъ!

Анфиса Карповна.

Поѣзжай ты поскорѣе!

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я понимаю. Вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

Купецъ.

Прикажете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Наливай!

Анфиса Карповна.

Этому конца не будетъ! *(Прохоръ Гаврилычъ и купецъ пьютъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(встаетъ и подходитъ къ матери, въ это время купецъ еще наливаетъ по рюмкѣ)*

Маменька, я вижу, что вы обо мнѣ заботитесь, и чувствую это. Пожалуйте ручку! *(Цѣлуетъ руку.)* Я грязную жизнь веду — я это понимаю; какой же матери это пріятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вамъ не угодно, чтобы я такую жизнь велъ; ну, я и оставлю. *(Опять цѣлуетъ руку.)* Я для васъ все, что̀ вамъ угодно.

Анфиса Карповна.

Дай-то Богъ!

Прохоръ Гаврилычъ *(подходитъ къ столу и пьетъ).*

Я ужъ сказалъ, маменька! У меня сказано — сдѣлано.

Купецъ.

А я тебя, баринъ, вчера долго ждалъ. Я съ вашимъ сынкомъ теперь, сударыня, все равно, что неизмѣнное копье: куда онъ, туда и я. Вотъ ужъ другую недѣлю съ нимъ путаемся, разстаться не могу, все и ѣздимъ вмѣстѣ. Коли онъ по дѣлу куда зайдетъ, я на дрожкахъ подожду, либо въ трактирѣ посижу. А глядишь, къ вечеру-то кулечекъ захватимъ, да и за городъ махнемъ, на травкѣ полежать. Подъ кустикомъ-то оно пріятно.

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы и нынче съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ.

Анфиса Карповна.

Ты съ отцомъ поѣдешь.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, что̀-жъ! Онъ за нами поѣдетъ. Ты подожди въ трактирѣ! Я оттуда скоро. Что̀ тамъ долго-то дѣлать? Посидимъ, поговоримъ, да и кончено дѣло. Тамъ, вѣдь, сухо; кромѣ чаю, ничѣмъ не попотчуютъ. Да и разговаривать-то съ ними, изъ пустого-то въ порожнее пересыпать, тоже скука возьметъ.

Купецъ.

Канитель... *(Наливаетъ себѣ и Прохору Гаврилычу.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(пьетъ).*

Ужъ именно, братъ, канитель.

Анфиса Карповна *(умоляющимъ голосомъ)*.

Проша!

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я чувствую. Что, у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я, вѣдь, понимаю, что вамъ эта жизнь не нравится, и мнѣ она не нравится. Вы находите, что грязно, и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вамъ не нравится, ну, я и оставлю: я для васъ это удовольствіе сдѣлаю.

Анфиса Карповна.

Что же не оставляешь?

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, оставлю. Ужъ будьте покойны, оставлю, и въ ротъ не буду брать.

Купецъ *(наливая)*.

Зачѣмъ совсѣмъ оставлять!

Прохоръ Гаврилычъ *(беретъ и пьетъ)*.

Нѣтъ, я, братъ, совсѣмъ оставлю. Только, маменька, нельзя же вдругъ.

Купецъ.

Даже вредъ можетъ быть отъ этого.

Анфиса Карповна.

Какъ же ты къ невѣстѣ-то поѣдешь?

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я себя знаю. Надобно такъ къ невѣстѣ ѣхать, не то, чтобы пьянъ, это ужъ скверно, — а чтобы фантазія въ головѣ была. Что я безъ фантазіи буду съ ними, маменька, разговаривать? Объ чемъ? Кабы я зналъ что-нибудь, или читалъ книги какія, тогда бы другое дѣло. Значитъ, мнѣ фантазія и нужна.

Купецъ.

Съ фантазіей лучше.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я безъ фантазіи съ женщинами никогда и не разговариваю; мнѣ какъ-то робко подойти. А какъ есть маленькая фантазія, такъ откуда смѣлость возьмется! *(Входитъ Орестъ, ставитъ бутылку на столъ, а пустую уноситъ.)*

Анфиса Карповна.

Сходи на верхъ, скажи барину, что пора ѣхать.

Орестъ.

Они не могутъ.

Анфиса Карповна.

Отчего?

Орестъ.

Я изъ передней-то отлучился ненадолго, а они унесли бутылку, да, должно быть, ее и кончили.

Анфиса Карповна.

Тиранитъ онъ меня! Хоть вы-то поѣзжайте.

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы, маменька, сейчасъ. Ну-ка, на дорожку. Орестъ, вели лошадь подавать! *(Орестъ уходитъ.)*

Купецъ.

И по закону слѣдуетъ. *(Наливаетъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

А гдѣ такой законъ? Гдѣ онъ написанъ? *(Пьетъ.)*

Купецъ.

Да хоть онъ и не написанъ, а всякій его исполняетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, какіе же у тебя планы? Куда мы съ тобой нынче вечеромъ?

Купецъ.

А какіе планы? Планы у меня вотъ какіе: перво-на-перво въ Марьину рощу съѣздить засвѣтло, а оттуда по дорогѣ въ Ельдораду.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, хорошо. Я не долго пробуду, часу до девятаго, не больше.

Анфиса Карповна.

Да поѣзжайте! Лошадь дожидается.

Прохоръ Гаврилычъ.

Сейчасъ, маменька. Надобно же столковаться-то; а то тамъ разсуждай послѣ, куда ѣхать, а время-то идетъ.

Купецъ.

Это настоящее дѣло-съ.

Прохоръ Гаврилычъ *(встаетъ).*

Ну, поѣдемъ! Прощайте, маменька! *(Цѣлуетъ руку.)* Видите, маменька, я ѣду. Я для васъ все... Что прикажете,

то я и сдѣлаю. Вотъ теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. И теперь объ чемъ хотите... А безъ фантазіи просто смерть, ротъ боишься разинуть. *(Нагибается къ матери.)* А вы, маменька, не безпокойтесь насчетъ того; тамъ все кончено. Ну, то-есть, насчетъ Оленьки... Вамъ Пульхерія Андревна насплетничала, вы огорчились этимъ; я сейчасъ же понялъ, что вамъ это непріятно, ну, и кончилъ все. Я изъ вашего лица замѣтилъ, что вамъ непріятно, ну, я и кончилъ.

Анфиса Карповна.

Ну, и хорошо.

Прохоръ Гаврилычъ.

Кончилъ, кончилъ. Прощайте! *(Цѣлуетъ руку.)*

Купецъ.

И посошокъ на дорогу. *(Наливаетъ.)*

Анфиса Карповна.

Какой еще посошокъ?

Купецъ.

Ужъ безъ этого нельзя-съ. *(Пьетъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(взявъ шляпу).*

Маменька, прощайте!

Купецъ.

Прощенія просимъ, сударыня! Вы насъ извините; потому, какъ собственно, мы изъ расположенія, а не съ тѣмъ, чтобы что-нибудь дурное. *(Кланяется.)*

Прохоръ Гаврилычъ *(уходя).*

А вы, маменька, насчетъ того не безпокойтесь. Я вамъ сказалъ—такъ оно и есть. Кончилъ я все, кончилъ. *(Уходятъ.)*

Анфиса Карповна.

Ну, слава Богу, уѣхали! Ну, вотъ надо бы прогнать этого купца, а какъ его прогонишь? нужный человѣкъ! Что дѣлать, должность такая. Она бы служба-то и не трудна, да вотъ этимъ-то ужъ очень тяжела—знакомствомъ-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься, какъ на путь наставить, а по службѣ-то онъ долженъ вотъ этакую компанію водить. Не водить компанію, не имѣть доходу; а водиться съ ними, такъ сопьешься съ кругу. Вотъ тутъ, какъ хочешь, и раскидывай умомъ. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даромъ не достаются. *(Входитъ Пульхерія Андреевна.)* Это еще какими судьбами!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анфиса Карповна и Пульхерія Андреевна.

Пульхерія Андреевна.

Вы не удивляйтесь! Хоть мы съ вами и поссорились, но я, все-таки, всегда желала вамъ добра и никогда васъ не могу промѣнять на мѣщанку какую-нибудь. А теперь выходитъ такое дѣло, что я должна васъ предупредить; потому я и думаю, что лучше мнѣ позабыть все, что̀ между нами было. По крайней мѣрѣ, вы изъ словъ моихъ увидите, сколько во мнѣ благородства противъ васъ.

Анфиса Карповна.

Покорно васъ благодарю.

Пульхерія Андреевна.

Потому что, какъ бы мы съ вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званію, какой-нибудь мѣщанки.

Анфиса Карповна.

Въ чемъ дѣло-то? Я васъ не пойму.

Пульхерія Андреевна.

Дѣло въ томъ, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всемъ своемъ ничтожествѣ, много о себѣ думаютъ и много себѣ позволяютъ. Но по глупости своей, которая въ ихъ кругѣ врожденная, не могутъ никакъ скрыть своихъ хитростей.

Анфиса Карповна.

Вы ужъ очень мудрено говорите.

Пульхерія Андреевна.

Кажется, вамъ бы можно понять; теперь же у васъ такое дѣло, которое требуетъ съ вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна.

Что̀ же такое за дѣло? Что я хочу сына женить, такъ это дѣло очень обыкновенное

Пульхерія Андреевна.

А ежели есть люди, которымъ это очень не нравится?

Анфиса Карповна.

А мнѣ-то что̀ за дѣло!

Пульхерія Андреевна.

Ежели бы не было дѣла, развѣ бы я къ вамъ пришла?

Анфиса Карповна.

Пустяки какіе-нибудь.

Пульхерія Андреевна.

Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вамъ скажу, что не пустяки. Если-бъ пустяки, я бы къ вамъ не пошла. Я должна была переломить себя, чтобы итти къ вамъ; а ежели бы были пустяки, для чего бы мнѣ переламывать себя и итти къ вамъ?

Анфиса Карповна.

Ну, такъ скажите, коли знаете что̀.

Пульхерія Андреевна.

Разумѣется, знак.

Анфиса Карповна.

Что̀ же такое?

Пульхерія Андреевна.

Я вамъ говорила про одну дѣвушку.

Анфиса Карповна.

Помню, помню.

Пульхерія Андреевна.

Ну, такъ онѣ хотятъ помѣшать вашему намѣренію. Я у нихъ нынче была, онѣ мнѣ объ этомъ говорили. Я притворилась, что ихъ слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я терпѣть, чтобы какая-нибудь мѣщанка сдѣлала такую непріятность благородной дамѣ? Онѣ воображаютъ, что я могу быть съ ними заодно; но онѣ очень ошибаются.

Анфиса Карповна.

Да чѣмъ же онѣ могутъ помѣшать?

Пульхерія Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдутъ къ невѣстѣ въ домъ, ну, и разскажутъ все.

Анфиса Карповна.

Да что же все-то?

Пульхерія Андреевна.

Какого Прохоръ Гаврилычъ поведенія, и разные другіе поступки.

Анфиса Карповна.

Да кто же имъ повѣритъ?

Пульхерія Андреевна.

Отчего же не повѣрить?

Анфиса Карповна.

Да стоитъ только взглянуть на моего сына, чтобъ не повѣрить никакимъ сплетнямъ. А они его часто видятъ; вотъ онъ и теперь къ нимъ поѣхалъ.

Пульхерія Андреевна.

Что же ужъ вы такъ очень высокаго мнѣнія объ вашемъ сынѣ

Анфиса Карповна.

Да если онъ этого стóитъ.

Пульхерія Андреевна.

Ну, а насчетъ крѣпкихъ напитковъ-то что вы скажете?

Анфиса Карповна.

Кто же его видѣлъ пьянымъ?

Пульхерія Андреевна.

Вотъ прекрасно! Да, я думаю, всѣ видѣли. Трезвымъ-то рѣдко видятъ, а пьянымъ-то чуть не каждый день.

Анфиса Карповна.

Такъ затѣмъ-то вы пришли, чтобы моего сына мнѣ въ глаза позорить?

Пульхерія Андреевна.

Хотя и не затѣмъ, но что же дѣлать, когда вы такъ ослѣплены? Должна же я вамъ выразить то, что всѣ объ немъ знаютъ.

Анфиса Карповна.

Вы можете это про себя знать, а я впередъ этого слушать не желаю и покорнѣйше васъ прошу...

Пульхерія Андреевна *(встаетъ).*

Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Я ужъ давно сама себя внутренно проклинаю, что мнѣ пришло въ мысль зайти къ вамъ. Я хотѣла для вашей пользы...

Анфиса Карповна.

Да сдѣлайте одолженіе, не нужно...

Пульхерія Андреевна.

И если же послѣ этого, когда-нибудь нога моя...

Анфиса Карповна.

Очень, очень будемъ рады.

Пульхерія Андреевна *(уходя).*

Не пришлось бы и мнѣ кланяться.

Анфиса Карповна *(провожая ее).*

Да дай-то, Господи!

Пульхерія Андреевна *(изъ двери).*

Осыпь меня, кажется, золотомъ, такъ ужъ я къ вамъ никогда. *(Скрывается.)*

Анфиса Карповна *(въ дверяхъ).*

Я молебенъ отслужу.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Татьяна Никоновна.
Оленька.
Пульхерія Андреевна.
Прохоръ Гаврилычъ.
Вавила Осипычъ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Татьяна Никоновна и Оленька *(сидятъ за столомъ и шьютъ).*

Оленька.

Нейдетъ что-то наша Пульхерія Андревна.

Татьяна Никоновна.

Мало ли у ней дѣла-то! У ней, вѣдь, опека большая, не однѣ мы съ тобой. Развѣ скоро всю нашу палестину-то обходишь! А она ужъ какъ вышла изъ дому, такъ всѣхъ знакомыхъ навѣститъ.

Оленька.

Ужъ она, чай, все разнюхала; хоть бы разсказала пришла.

Татьяна Никоновна.

Что-то ты ужъ очень слободно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердцѣ скребутъ...

Оленька.

Ровнехонько-таки ничего.

Татьяна Никоновна *(взглянувъ въ лицо Оленькѣ).*

Повѣрю я тебѣ, какъ же! Такъ только куражишь себя.

Оленька.

Да, пожалуй, не вѣрьте: мнѣ-то какая надобность! Вы, можетъ быть, потому такъ заключаете, что я вчера плакала?

Татьяна Никоновна.

А хоть бы и потому.

Оленька.

Такъ это только одна глупость была съ моей стороны. Не стоитъ вниманія жалѣть-то его. Вообразила я себѣ сдуру-то, что онъ на мнѣ женится: оттого и обидно стало. А такъ-то не велика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчасъ.

Татьяна Никоновна.

Ты что̀ еще придумываешь? Смотри у меня!

Оленька.

Ничего. Не безпокойтесь!

Татьяна Никоновна.

То-то, ничего! Я тебя замужъ выдамъ, и таки скорёхонько.

Оленька.

За кого это, позвольте спросить? За мастерового за какого-нибудь?

Татьяна Никоновна.

А хоть бы и за мастерового.

Оленька.

Нѣтъ, ужъ увольте, сдѣлайте милость. Итти ли, нѣтъ ли— за благороднаго, а то такъ и не надо.

Татьяна Никоновна.

Мало бы ты чего захотѣла! А коли благородныхъ-то не припасено для тебя...

Оленька.

Не припасено, такъ и не надо. Проживу и такъ.

Татьяна Никоновна.

Да я-то не хочу, чтобъ ты такъ жила да вѣтреничала.

Оленька.

Все будетъ по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мнѣ рисунокъ, какъ жить, такъ точно я и буду.

Татьяна Никоновна.

Рисовать нечего, потому что узоры не мудреные. *(Входитъ Пульхерія Андреевна и садится.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андреевна.

Пульхерія Андреевна.

Ну, можете себѣ представить, какъ я узнала...

Татьяна Никоновна.

Здравствуйте!

Оленька.

Какъ дѣла?

Пульхерія Андреевна.

А вотъ сейчасъ разскажу все по порядку. Ну, вотъ-съ: вѣдь, была я тамъ, у невѣсты-то...

Оленька.

Были?

Пульхерія Андреевна.

Была. Даже только сейчасъ отъ нихъ.

Оленька.

Какимъ же это манеромъ?

Пульхерія Андреевна.

А вотъ какимъ: у сосѣдки нашей продается шаль—презентъ, понимаете ли. Такъ какъ много ей этихъ презентовъ дѣлаютъ, такъ она половину продастъ. Ну, вотъ подхватила я эту шаль въ охапку, да и маршъ къ Шишанчиковымъ. Шишанчиковы имъ фамилія-то. Направляю это туда стопы свои да и думаю: приду будто продавать, а тамъ распущу разговоръ, не выгонятъ же. Мнѣ только бы въ домъ войти! Такъ точно и случилось. Прихожу, докладываютъ; выходитъ ко мнѣ сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговоръ: я, говорю, сама благородная дама, наслышана объ васъ, что вы дочку отдаете, такъ пріятно будетъ для меня услужить вамъ. Повѣрьте, говорю, что я не изъ интересу,

а собственно для васъ; ну, и пошла дальше да больше, ужъ я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Просятъ меня кофеемъ; я располагаюсь, какъ дома. Только мнѣ старуха-то и говоритъ: „Это точно, я было, говоритъ, дочь просватала, да теперь у насъ, кажется, это дѣло должно разойтись".

Татьяна Никоновна и Оленька.

Какъ такъ? Что вы говорите?

Пульхерія Андреевна.

А вотъ слушайте! „Вчерашній, говоритъ, день насъ женихъ въ большое сомнѣніе ввелъ". А онъ, знаете ли, какую штуку откололъ! Поѣхалъ изъ дому-то ужъ выпивши, съ пріятелемъ со своимъ, съ подрядчикомъ, да, видно, имъ мало показалось, такъ они еще по разнымъ мѣстамъ заѣзжали. Гдѣ ужъ они тамъ плутали— это неизвѣстно, только къ невѣстѣ-то онъ явился ужъ часу въ одиннадцатомъ и все съ этимъ Вавилой Осипычемъ. Ну, можете себѣ представить, каковы соколы налетѣли! Старуха-то мнѣ и говоритъ: „поглядимъ на нихъ съ дочерью, поглядимъ, да выдемъ, говоритъ, въ другую комнату, потолкуемъ—потолкуемъ, да опять придемъ, поглядимъ; да опять выдемъ—потолкуемъ. Нѣтъ, видимъ, дѣло не годится, такъ и ушли къ себѣ и легли спать; какъ ужъ они уѣхали, и не знаемъ". Ну ужъ, Татьяна Никоновна, и напѣла же я имъ! Я, говорю, ваши рѣчи послушала, теперь слушайте моихъ! Да ужъ и отчитала его, друга милаго! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такія слова, самыя поразительныя! Онѣ тутъ же при мнѣ написали записку съ отказомъ и послали ему съ человѣкомъ. Сегодня суббота: онъ въ присутствіе не ходитъ, такъ ужъ теперь онъ ее и получитъ давно; я-таки у нихъ еще съ полчаса послѣ этого посидѣла.

Татьяна Никоновна.

Теперь, вѣдь, гляди, сюда придетъ.

Оленька.

Сегодня же придетъ, ужъ я его знаю. *(Задумывается.)*

Татьяна Никоновна.

Что ты задумалась?

Оленька.

Да надобно язвительныхъ словъ побольше придумать.

Татьяна Никоновна.

Придумывай, придумывай! И я послѣ подбавлю. Что, дурочка, рада небось?

Оленька.

Да, разумѣется, рада; только погодите, маменька, не мѣшайте! Слова-то въ головѣ, одно за другимъ, такъ и вьются клубкомъ, только бы не забыть.

Пульхерія Андреевна.

А ужъ какъ я довольна, Татьяна Никоновна, что имъ форсъ-то сбили! А то бы съ ними и не сговорилъ. Теперь спеси-то у нихъ поубудетъ вершка на два.

Татьяна Никоновна *(взглянувъ въ окно).*

Никакъ, ѣдетъ? Онъ! Онъ! Да и съ купцомъ.

Пульхерія Андреевна.

Вы меня спрячьте куда-нибудь! Не хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ меня здѣсь видѣлъ.

Татьяна Никоновна.

А вотъ пожалуйте за перегородку! *(Пульхерія Андреевна уходитъ.)* Ну, Оленька, теперь поругать его хорошенько, да и прогнать. Поставить на порогъ, да въ три шеи до воротъ.

Оленька.

Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успѣемъ.

Татьяна Никоновна.

А что-жъ?

Оленька.

А надобно его жениться заставить, вотъ что!

Татьяна Никоновна.

Ужъ ты, дѣвка, больно ловка хочешь быть!

Оленька.

Чего-жъ зѣвать-то! Дураковъ-то ужъ нынче, говорятъ, меньше стало; еще жди, скоро ли другой-то набѣжитъ. *(Васютинъ входитъ и останавливается въ дверяхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Татьяна Никоновна, Оленька и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверяхъ).*

Смотри же, Вавила Осиповичъ, ты подожди!

Оленька.

Я даже, маменька, не могу понять, какъ это могутъ люди не имѣть совсѣмъ совѣсти! Надѣлаютъ въ жизни столько гадостей, и не стыдно имъ людямъ въ глаза смотрѣть!

Татьяна Никоновна.

Разные люди-то бываютъ. У иного стыдъ есть, а другому хоть ты колъ на головѣ теши, такъ ему все равно.

Прохоръ Гаврилычъ *(садится)*.

Ну, да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ-то?

Оленька.

Намъ и знать-то не нужно. Мы и думать-то про васъ забыли.

Татьяна Никоновна.

Непрошеный гость хуже татарина.

Прохоръ Гаврилычъ.

А, вѣдь, я жениться-то раздумалъ.

Оленька.

Какое же намъ до этого дѣло! Женитесь вы или не женитесь, намъ рѣшительно все равно.

Татьяна Никоновна.

Да полно, сами ли раздумали?

Оленька.

Не карету ли подали?

Прохоръ Гаврилычъ.

Кому это карету? Мнѣ-то? Посмотрѣлъ бы я! Я самъ не захотѣлъ. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успѣю. Невѣсть, что ли, мало въ Москвѣ-то!

Татьяна Никоновна.

Да-съ, да-съ! Что вамъ за охота себя связывать! *(Обѣ хохочутъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Да вы что смѣетесь-то! Вы, значитъ, человѣка цѣнить не умѣете. Почемъ вы знаете, можетъ быть, я изъ любви къ ней *(показываетъ на Оленьку)* не женился?

Татьяна Никоновна.

Не захотѣли дѣвушку обидѣть. Это очень хорошо съ вашей стороны. *(Хохочутъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, да! Что-жъ такое! Оттого и не женился. Тебя не захотѣлъ обидѣть, оттого и не женился. Вотъ я каковъ! Захотѣлъ тебѣ доказать, что люблю тебя, и доказалъ. Ужъ какая была невѣста—прелесть! Не хочу, говорю, да и все тутъ. Оленька, говорю, дороже для меня всего на свѣтѣ.

Оленька.

Очень много вамъ за это благодарна!

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ маменькѣ и говорю: „невѣста влюблена въ меня: ну, и пускай она страдаетъ! А я Оленьку ни на кого не промѣняю".

Татьяна Никоновна.

Такъ вы мою дочку очень любите?

Прохоръ Гаврилычъ.

Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вамъ вотъ что скажу: никого я такъ не любилъ, да никогда и любить не буду. Ее озолотить надо: вотъ какая она дѣвушка!

Оленька.

Какія вы жестокости говорите.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что за жестокости! У меня ужъ такой характеръ. Коли кого полюбилъ, я ужъ ничего не пожалѣю. Что только душѣ угодно, я сейчасъ. Деньги я считаю ни за что.

Оленька.

Нѣтъ, ужъ это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вамъ отвѣчать на такія нѣжности. Помилуйте, стою ли я такой любви отъ васъ?

Татьяна Никоновна.

Чего добраго, ты, смотри, къ нему на шею не кинься за такія благодѣянья!

Оленька.

Да ужъ и то, маменька, насилу могу совладать съ своими чувствами! (*Хохочетъ.*) Вотъ какъ насъ любятъ, маменька!

Татьяна Никоновна.

Очень вамъ, батюшка, благодарны. (*Кланяется.*)

Оленька.

Вы всю свою любовь выразили, или еще что-нибудь осталось?

Прохоръ Гаврилычъ.

Я могу и на дѣлѣ доказать.

Оленька.

Очень сожалѣемъ, что ваша любовь пришла не ко времени.

Прохоръ Гаврилычъ.

Отчего же не ко времени?

Оленька.

Немного поздно вы хватились. Я выхожу замужъ.

Татьяна Никоновна.

Да, батюшка, я ей жениха нашла.

Прохоръ Гаврилычъ

Какъ замужъ? За кого?

Татьяна Никоновна.

Ужъ это, батюшка, наше дѣло.

Прохоръ Гаврилычъ.

Не можетъ быть! Вы, должно быть, нарочно.

Татьяна Никоновна.

Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ — это дѣло ваше. Только, батюшка, вотъ что: вы ужъ не безпокойте себя, не ходите къ намъ.

Оленька.

Да, ужъ сдѣлайте такую милость, я васъ прошу.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да когда-жъ вы это успѣли?

Татьяна Никоновна.

Долго ли, батюшка! Оленька, тебѣ одѣться надо!

Оленька.

Да, маменька. Я думаю, скоро женихъ придетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ у васъ, значитъ, кончено?

Татьяна Никоновна.

Кончено, батюшка, кончено. Да и въ комнатѣ-то нужно прибрать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, какъ хотите, а я не пойду отсюда.

Татьяна Никоновна.

Такъ благородные люди не дѣлаютъ. Пришли неизвѣстно зачѣмъ, усѣлись, какъ дома, и выгнать васъ нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что̀ хотите, требуйте отъ меня, берите съ меня, что̀ хотите, только не выходи замужъ. Я ни за чѣмъ не постою. Ты знаешь, какъ я привыкъ къ тебѣ; я безъ тебя съ ума сойду.

Оленька.

Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочетъ.

Татьяна Никоновна.

Отчего бы ты не пошла?

Оленька.

Вы сами знаете.

Татьяна Никоновна.

Знаю, знаю. Противъ тебя подлости дѣлаютъ, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься объ немъ, а онъ и взгляду-то твоего не сто̀итъ. Прощайте, батюшка!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, постойте! Развѣ она плачетъ обо мнѣ?

Татьяна Никоновна.

Разумѣется, плачетъ. Это она при васъ нарочно виду не подаетъ, веселой прикидывается; а безъ васъ, посмотрите-ка, что̀ дѣлаетъ... Да вы насъ когда же въ покоѣ-то оставите?

Прохоръ Гаврилычъ.

Сейчасъ, сейчасъ! Такъ, значитъ, ты меня любишь? Да это я всегда зналъ.

Оленька.

Конечно, люблю; но маменька, узнавши все это, непремѣнно хочетъ, чтобы я шла замужъ. Я изъ воли маменькиной не выйду; я и такъ чувствую себя, что я противъ нея много виновата.

Татьяна Никоновна.

Да, ужъ я теперь ее ни на шагъ не отпущу отъ себя, пока замужъ не выдамъ.

Оленька.

Само собою, что я по своей любви къ тебѣ не могу тебя равнодушно оставить; кажется, бы вѣкъ не разсталась...

Татьяна Никоновна.

На то я и мать, чтобы смотрѣть за тобой! Да что-жъ вы нейдете! Будетъ ли этому конецъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Не пойду я отъ васъ, и свадьбы вашей не бывать; я самъ женюсь на ней.

Татьяна Никоновна.

А когда это случится? Послѣ дождичка въ четвергъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, черезъ мѣсяцъ.

Татьяна Никоновна.

Долго ждать, батюшка! Въ мѣсяцъ много воды утечетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, да ужъ вы повѣрьте мнѣ.

Оленька.

Повѣрить-то нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Отчего же?

Оленька.

Оттого, что ты все врешь. Вѣдь, ты намъ тутъ что наговорилъ; а мы все знаемъ. Знаемъ, какъ ты вчера къ невѣстѣ пьяный пріѣзжалъ, какъ тебѣ нынче поутру записку прислали.

Татьяна Никоновна.

Вотъ, значитъ, вамъ вѣрить-то и нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, да вотъ что: съ отцомъ мнѣ нечего много толковать, мнѣ только маменьку уговорить. Значитъ, я вамъ черезъ полчаса дамъ отвѣтъ. Коли маменька согласна, такъ хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна.

Черезъ полчаса — ужъ очень скоро; зачѣмъ такъ торопиться! А вотъ если къ вечеру вы намъ не дадите отвѣта, такъ мы ее вечеромъ образомъ благословимъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, такъ до свиданья! Прощай, Оленька! *(Цѣлуетъ ее.)*

Оленька *(провожая его)*.

Ты только никуда съ купцомъ-то не заѣзжай!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, я прямо домой. *(Уходитъ.)*

Татьяна Никоновна.

Ужъ теперь, должно быть, не-сорвется.

Оленька.

Да, похоже на то. А, вѣдь, я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна.

Еще бы! Только, охъ—какъ пустъ малый-то!

Оленька.

Все-таки, лучше мастерового.

Татьяна Никоновна.

Что говорить!

Оленька.

А вотъ я его послѣ свадьбы-то къ рукамъ приберу. *(Входитъ Пульхерія Андреевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Пульхерія Андреевна.

Пульхерія Андреевна.

Ну что, прогнали?

Татьяна Никоновна.

Зачѣмъ гнать? Добрыхъ людей не гоняютъ.

Пульхерія Андреевна.

Давно ли это онъ сталъ для васъ добрый человѣкъ?

Оленька.

Онъ всегда былъ добрый человѣкъ, только онъ немножко разсѣянъ.

Пульхерія Андреевна.

Изъ вашихъ словъ я замѣчаю, что вы съ нимъ помирились. Это для меня очень странно! Послѣ всего того, что онъ противъ васъ сдѣлалъ, я бы на вашемъ мѣстѣ его и на глаза къ себѣ не пустила.

Оленька.

Ужъ повѣрьте, что я бы то же сдѣлала. Но онъ показалъ себя очень съ благородной стороны противъ меня. Даже въ нынѣшнемъ свѣтѣ очень немного такихъ людей.

Пульхерія Андреевна.

Я ужъ не пойму этого, извините меня.

Татьяна Никоновна.

Что-жъ тутъ не понять-то! Очень просто. Онъ женится на Оленькѣ.

Пульхерія Андреевна.

Онъ! на Оленькѣ! Вы шутите, или смѣетесь надо мной?

Татьяна Никоновна.

Нисколько не думаемъ. Да и что же это для васъ такъ удивительно! Что вы тутъ такого страннаго находите, хотѣла бы я знать?

Пульхерія Андреевна.

Да что же, онъ помѣшался, что ли, отъ пьянства-то?

Татьяна Никоновна.

Изъ чего это вы заключаете, что онъ помѣшался?

Пульхерія Андреевна.

Да изо всего.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, однако?

Пульхерія Андреевна.

Да развѣ въ здравомъ умѣ можно такія дѣла дѣлать?

Оленька.

Хотѣлъ же онъ жениться на другой; отчего-жъ ему на мнѣ не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже другихъ.

Пульхерія Андреевна.

Все-таки, онъ не долженъ марать своего званія.

Оленька.

Да чѣмъ же это марать-то?

Татьяна Никоновна.

Да васъ-то мужъ взялъ, развѣ вы были лучше Оленьки?

Пульхерія Андреевна.

Тогда были совсѣмъ другія понятія объ жизни, чѣмъ теперь.

Татьяна Никоновна.

Значитъ, вамъ не нравится, что Васютинъ женится на моей дочери?

Пульхерія Андреевна.

Разумѣется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна.

Ну, извините, что, не спросясь васъ, дѣло сдѣлали! Впередъ будемъ спрашиваться. Какъ это мы оплошали, я ужъ и не знаю! Съ такой умной дамой да не посовѣтовались! Да и онъ-то какъ осмѣлился безъ вашего позволенія, для меня удивительно! Ему бы къ вамъ притти, да спросить: что, молъ, мнѣ, Пульхерія Андревна, жениться на Оленькѣ, или нѣтъ?

Пульхерія Андреевна.

Вы мнѣ колкостей не говорите! Я отъ васъ ихъ слушать не желаю.

Татьяна Никоновна.

А мы-то, вы думаете, желаемъ васъ слушать? Да съ чего вы взяли намъ свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то передъ нами!

Оленька.

Оставьте, маменька! Пущай говорятъ, что хотятъ.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, погоди! Я тебя въ обиду никому не дамъ. Это ужъ и на свѣтѣ жить не надо, коли у себя въ домѣ да надъ собой же ругаться позволить.

Пульхерія Андреевна.

Вы, по своему необразованію, можете ругаться; а я никогда себѣ этого не позволю, потому что считаю за невѣжество. А я, все-таки, вамъ скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никакимъ образомъ не пара Васютину.

Татьяна Никоновна.

Говорить вамъ никто не запрещаетъ. Говорите, что хотите, только гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не у насъ.

Пульхерія Андреевна.

Вамъ только такихъ дураковъ и опутывать, какъ Васютинъ.

Оленька.

Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна.

Экъ вамъ чужое-то счастье поперекъ горла становится! Да еще погодите, мы вамъ то ли покажемъ! Вотъ мы съ дочерью-то разодѣнемся да будемъ въ колескѣ на своихъ лошадяхъ разъѣзжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерія Андреевна.

Вы и сидѣть-то въ колискѣ не умѣете.

Татьяна Никоновна.

Къ вамъ учиться не пойдемъ, не безпокойтесь.

Пульхерія Андреевна.

Не объ чемъ мнѣ безпокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна.

А покойны, такъ и прекрасно. Вы бы и насъ-то тоже въ покоѣ оставили!

Пульхерія Андреевна.

И оставлю. Я секунды не могу остаться послѣ такихъ оскорбительныхъ для меня словъ.

Татьяна Никоновна.

Да ужъ и напредки-то...

Пульхерія Андреевна.

Само собою. *(Подходя къ двери.)* Нѣтъ, какова нынче благодарность! Вѣдь, это если людямъ сказать, такъ не повѣрятъ. По чьей милости Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна.

Небось, по вашей? Да если бы и по вашей, такъ, все-таки, вы не для насъ дѣлали, да никто васъ объ этомъ и не просилъ, а такъ—свое сердце тѣшили. Развѣ вы можете жить безъ кляузовъ?

Пульхерія Андреевна.

Что же, я аспидъ, по-вашему? Покорно васъ благодарю за такое мнѣніе.

Татьяна Никоновна.

Не стоитъ благодарности. Чего другого, а за этимъ у меня дѣло не станетъ.

Пульхерія Андреевна.

Нѣтъ, ужъ это нестерпимо даже, какъ вы себѣ много воли даете!

Татьяна Никоновна.

Да кого-жъ мнѣ въ своемъ домѣ бояться! Кто чего стоитъ, такъ я и цѣню.

Пульхерія Андреевна.

Я всегда дороже васъ была и буду.

Татьяна Никоновна.

Для кого это вы дòроги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходоли, гдѣ васъ высоко-то цѣнятъ! А мы народъ неблагодарный, вашихъ благодѣяніевъ не чувствуемъ, благородствомъ вашимъ не нуждаемся, такъ что̀ вамъ за охота съ нами знакомство водить!

Пульхерія Андреевна.

Ну, ужъ теперь кончено! Теперь я васъ очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна.

И слава Богу!

Пульхерія Андреевна.

Такъ поняла, что даже считаю ваше знакомство низкимъ для себя!

Татьяна Никоновна.

Ну, а низко, такъ и танцуйте отъ насъ!

Пульхерія Андреевна.

Вотъ воспитаніе!

Татьяна Никоновна.

Извините! Въ другой разъ придете, такъ поучтивѣе прогонимъ.

Пульхерія Андреевна

До чего я себя довела! Гдѣ я? Боже мой! Сколько еще въ нашей сторонѣ невѣжества, такъ это и описать нельзя. И съ такими-то понятіями люди, да еще находятъ жениховъ изъ благороднаго званія! Должно быть, конецъ свѣту скоро будетъ. *(Въ дверяхъ.)* Хотя я себя никакъ съ вами не равняю, но, все-таки, я вашей обиды не забуду. *(Уходитъ.)*

Татьяна Никоновна *(подходя къ двери).*

Танцуйте, танцуйте! *(Дочери.)* Ну, уже теперь долго не придетъ. Отчитала я ее, будетъ помнить!

Оленька.

Сами безъ нея соскучитесь. *(Глядитъ въ окно.)*

Татьяна Никоновна.

Ну, нѣтъ, не скоро. Грѣшная я: точно, поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мнѣ есть съ кѣмъ разговоры развести; да ужъ ехидствомъ-то своимъ она меня доѣхала.

Съ ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

Оленька.

Такъ, смотрю...

Татьяна Никоновна.

Что скрывать-то! Друга милаго поджидаешь. А онъ, гляди, кантуетъ теперь гдѣ-нибудь съ купцомъ съ этимъ, и думать о тебѣ забылъ.

Оленька.

А вотъ ошиблись. Идетъ.

Татьяна Никоновна.

Ужли идетъ?

Оленька.

Право!

Татьяна Никоновна.

Ну, что-то Богъ дастъ! У меня, дѣвушка, сердце такъ и застучало.

Оленька.

И у меня тоже, маменька. *(Васютинъ входитъ. Обѣ молча глядятъ на него.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что вы на меня такъ смотрите?

Татьяна Никоновна.

Ждемъ, что скажешь. Развѣ не видишь: у насъ духъ захватило!

Прохоръ Гаврилычъ.

Что говорить-то! Теперь вашъ, хоть въ телѣгу запрягайте! *(Оленька бросается къ нему на шею.)*

Татьяна Никоновна.

Поцѣлуй ужъ и меня, старуху. *(Цѣлуетъ его.)* Ну, вотъ и ладно! Нынче же мы васъ и благословимъ; а черезъ недѣльку и свадьбу сыграемъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ хотите. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ для меня лучше. Обвѣнчался, да и къ сторонѣ, чтобъ меньше разговору было.

Татьяна Никоновна.

Ужъ само собой. Ну что, какъ дома-то уладилъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Насилу маменьку уговорилъ. Ужъ чего-чего я не прибиралъ! Да послѣ вчерашняго-то голова болитъ, такъ мыслей никакъ не соберу; а то бы я ей не то наговорилъ. „Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я въ тоску впалъ. Знаете, говорю, что отъ тоски человѣкъ дѣлаетъ, къ чему его тянетъ?“ Ну, испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

Оленька.

Да это еще лучше.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да и для меня свободнѣе. Ну, потомъ разсмѣшилъ ее, ручки у ней расцѣловалъ. Благословила она меня, я къ вамъ и пошелъ.

Татьяна Никоновна.

Ахъ, голубчикъ мой! Ну, ужъ я за тобой теперь стану ухаживать, что твоя родная мать.

Оленька.

Надо-бъ тебя поругать, надо бы; ну, да ужъ Богъ съ тобой.

Прохоръ Гаврилычъ.

А за что это?

Оленька.

А за то, что ты мнѣ измѣнить хотѣлъ. Вѣдь, что ты выдумалъ-то! На образованной барышнѣ жениться! Во-первыхъ, ты всю мою душу истерзалъ, а во-вторыхъ, глупость-то какая съ твоей стороны! Маменька, ужъ какъ мнѣ обидно было, что онъ меня обманываетъ, какъ досадно, что онъ дурака изъ себя разыгрываетъ. Нѣтъ, погоди, я тебѣ еще это вымещу. Вѣдь, куда и лѣзетъ-то! Ну, пара ли она тебѣ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Что-жъ такое! Я самъ...

Оленька.

Что ты самъ? Ничего. Ей нужно женихa барина; а какой ты баринъ? Съ которой стороны? Только денегъ-то награбили, да ужъ и думаете объ себѣ, что вамъ всѣ покоряться должны.

Прохоръ Гаврилычъ.

Коли ты такъ обо мнѣ думаешь, какая же можетъ быть у тебя любовь ко мнѣ! Да и мнѣ что-жъ за охота...

Оленька.

Погоди, не перебивай! Дай ты мнѣ высказать-то все: сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось, а потомъ ужъ всѣ цѣловаться будемъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, болтай, пожалуй, коли языкъ чешется!

Оленька.

Ну, положимъ, что ты женился-бъ на ней; что-жъ бы вышло изъ этого хорошаго? Если у ней вольный духъ, такъ она смѣялась бы надъ тобой да любовника завела; а если смирная, такъ изсохла бы, глядя на тебя. А, вѣдь, ужъ я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умѣю, и гостей твоихъ знаю, какъ принимать, да еще и вкусу тебя научу, какъ одѣваться и какъ вести себя благороднѣй. А ты было меня совсѣмъ бросить хотѣлъ! Ну, какой же ты человѣкъ послѣ этого! *(Плачетъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Прости! Вѣдь, по нашей жизни замотаешься; а тутъ еще маменька пристаетъ.

Оленька.

Ну, Богъ съ тобой! Разстроила только я себя. Давай, помиримся. *(Цѣлуются.)*

Татьяна Никоновна.

Вотъ такъ-то лучше! Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!

Прохоръ Гаврилычъ.

Что это Вавила Осипычъ нейдетъ? *(Вавила Осипычъ входитъ съ кульком вина.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Вавила Осипычъ.

Купецъ.

А вотъ и я здѣсь! Хозяюшкѣ наше почтеніе! Барышны, желаю здравствовать. *(Кланяется.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Что ты замѣшкался?

Купецъ.

А я забѣжалъ, кулечекъ винца захватилъ. Хозяюшка, нѣтъ ли какой посудины? Коли бокальчиковъ нѣтъ, такъ изъ чайной чашки можно; намъ случалось не разъ, мы народъ бывалый.

Татьяна Никоновна.

Какъ бокальчиковъ не быть! *(Уходитъ за перегородку.)*

Купецъ.

А ужъ штопоръ, барышня, я завсегда съ собой ношу. У меня складной, съ ножичкомъ, да теперь его и не требуется. Только ножичекъ нужно. Я, баринъ, велѣлъ и смолку сбить и проволоку отвернуть; только веревочки подрѣзать — и конецъ. *(Вынимаетъ изъ кармана штопоръ.)*

Татьяна Никоновна *(приноситъ стаканы на подносѣ).*

Вотъ, батюшка, стаканчики!

Купецъ.

Стаканчикомъ-то оно еще способнѣе! *(Откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ.)* Честь имѣемъ поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

Татьяна Никоновна.

Охъ, много!

Купецъ.

Пожалуйте, безъ церемоніи-съ!

Татьяна Никоновна *(беретъ стаканъ).*

Ну, дай вамъ Богъ всякой радости. *(Цѣлуется съ Васютинымъ и дочерью, отпиваетъ немного.)*

Купецъ *(не принимая стакана).*

Просимъ обо всей-съ!

Татьяна Никоновна.

Тяжело, батюшка!

Купецъ.

Ничего-съ. Не хмельное, пройдетъ. *(Татьяна Никоновна отпиваетъ и отдаетъ стаканъ. Онъ наливаетъ и подноситъ Оленькѣ.)* Пожалуйте-съ.

Оленька.

Я не пью.

Купецъ.

Нельзя-съ!

Оленька.

Право, не могу!

Купецъ.

Никакъ невозможно-съ.

Татьяна Никоновна.

Выпей немножко! *(Оленька цѣлуется съ Васютинымъ и отпиваетъ немного.)*

Купецъ.

Этого нельзя-съ. Зла не оставляйте-съ!

Оленька.

Я васъ увѣряю, что не могу.

Купецъ.

Пожалуйте! Не задерживайте-съ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Выпей, поневольсь! *(Оленька допиваетъ.)*

Купецъ *(наливаетъ и подноситъ Васютину).*

Пожалуйте-съ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, за ваше здоровье! Оленька, за твое здоровье! *(Цѣлуется и пьетъ.)*

Купецъ *(наливаетъ).*

Вотъ теперь я самъ выпью-съ! Честь имѣемъ, на многія лѣта! Чтобы вамъ богатѣть, а намъ на васъ радоваться, да завсегда компанію водить! *(Пьетъ и цѣлуется со всѣми.)* Оченно пріятно-съ! Ужъ мы теперь, хозяюшка, къ вамъ каждый вечеръ.

Татьяна Никоновна.

Милости просимъ, батюшка!

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы, маменька, теперь ужъ ваши гости.

Купецъ.

Мы здѣсь гнѣздышко совьемъ! Только вы, хозяюшка, насчетъ провіанта не безпокойтесь на будущее время—это ужъ моя забота. Я къ вамъ завтрашняго числа заразъ побольше привезу, чтобъ надолго хватило. *(Откупориваетъ еще бутылку и наливаетъ.)*

Прохоръ Гаврилычъ.

Опять тѣмъ же порядкомъ!

Купецъ.

Какъ водится. Сначала дамамъ.

Татьяна Никоновна.

Батюшка, увольте!

Купецъ.

Ужъ это, Прохоръ Гаврилычъ, такъ чинъ чиномъ по порядку у насъ линія и пойдетъ. *(Подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ.)*

Татьяна Никоновна.

Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

Купецъ.

Не задерживайте-съ!

ВОСПИТАННИЦА.

(КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.)

—

ЛИЦА:

Уланбекова, старуха лѣтъ подъ 60, высокаго роста, худая, съ большимъ носомъ, черными, густыми бровями; типъ лица восточный, небольшіе усы. Набѣлена, нарумянена, одѣта богато, въ черномъ. Помѣщица 2000 душъ.

Леонидъ, ея сынъ, 18-ти лѣтъ, очень красивъ, немного похожъ на мать. Одѣтъ по-лѣтнему. Учится въ Петербургѣ.

Василиса Перегриновна, приживалка, дѣвица 40-ка лѣтъ. Волосъ мало, проборъ косой: коса зачесана высоко, съ большою гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдаетъ зубами: желтая шаль около самаго горла заколота булавкой.

Потапычъ, старый дворецкій. Галстукъ и жилетъ бѣлые, фракъ черный. Съ виду важенъ.

Надя, 17-ти лѣтъ, любимая воспитанница Уланбековой; одѣта какъ барышня.

Гавриловна, ключница, пожилая женщина, полная, съ открытымъ лицомъ.

Гриша, мальчикъ лѣтъ 10-ти, любимецъ барыни; одѣтъ франтомъ, часы съ золотою цѣпочкой. Красивъ, волосы кудрявые, выраженіе лица глупое.

Неглигентовъ, приказный, очень грязный молодой человѣкъ.

Лиза, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; въ бѣломъ платьѣ, лифъ котораго коротокъ и сидитъ неловко; на шеѣ маленькій красный платочекъ, волосы очень напомажены.

Крестьянская дѣвушка, лакей и ***горничная*** безъ рѣчей.

Дѣйствіе происходитъ весной, въ подгородной усадьбѣ Уланбековой.

I.

Часть густого сада; съ правой стороны скамейки, на заднемъ планѣ рѣшетка, отдѣляющая садъ отъ поля.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Надя и Лиза.

Надя.

Нѣтъ, Лиза, ты этого не говори: какое же можетъ быть сравненіе жить въ деревнѣ али въ городѣ!

Лиза.

Какая же такая особенная жизнь въ городѣ?

Надя.

Тамъ ужъ все другое: и люди не тѣ, да и порядокъ совсѣмъ другой. *(Садится на скамью.)* Когда мы были съ барыней въ Петербургѣ, такъ это только поглядѣть надобно было, какіе къ намъ господа ѣздили, и какъ у насъ было убрано въ комнатахъ; опять же барыня вездѣ брала меня съ собой, да и въ Петергофъ мы ѣздили на пароходѣ, и въ Царское Село.

Лиза.

То-то, я думаю, хорошо!

Надя.

Ужъ такъ прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, какъ хочешь тебѣ разсказывай, если ты сама не видала, такъ ничего не поймешь. Еще тогда у насъ гостила барышня, племянница барыни, такъ я съ ней по цѣлымъ вечерамъ разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза.

Объ чемъ же вы съ ней разговаривали?

Надя.

Ну, разумѣется, все больше про благородное обращеніе, объ кавалерахъ тамъ да объ гвардейцахъ. Такъ какъ онѣ часто бываютъ на балахъ, такъ и разсказывали, какіе у нихъ тамъ разговоры бываютъ, и кто имъ больше нравится. Только ужъ какія эти барышни!

Лиза.

А что?

Надя.

Бойки очень. И откуда онѣ все это знаютъ. А потомъ мы цѣлую зиму жили въ Москвѣ. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Ужъ и держишь себя не такъ, и разговоръ стараешься имѣть особенный.

Лиза.

Да къ чему же намъ себя облагораживать-то! Кому это нужно!

Надя.

Какъ къ чему? А вотъ барыня обѣщали меня выдать замужъ, такъ я стараюсь такъ себя образовать, чтобъ меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какія жены у нашихъ чиновниковъ, ну, на что это похоже? Я въ десять разъ лучше ихъ понимаю жизнь и обращеніе. У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошаго человѣка, чтобы мнѣ быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядокъ въ домѣ заведу; у меня не хуже будетъ, чѣмъ у дворянки у какой-нибудь!

Лиза.

Дай тебѣ Богъ! А замѣчаешь, какъ за тобой баринъ молодой ухаживаетъ?

Надя.

Напрасно онъ ухаживаетъ. Что-жъ, конечно, онъ мальчикъ хорошенькій, даже, можно сказать, красавецъ; только отъ меня ему ничего не дождаться, потому что я совсѣмъ не такихъ правилъ и, напротивъ того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на умѣ, что выйти замужъ.

Лиза

И замужемъ иногда тоже житье-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи Господи!

Надя.

Что-жъ мнѣ за радость итти за такого! Я, слава Богу, могу въ людяхъ разобрать: кто хорошъ, кто дуренъ. Это сейчасъ по обращенію и по разговору видно. А вотъ барыня такъ напрасно это дѣлаютъ, что насъ въ такой строгости держатъ и безпрестанный присмотръ за нами имѣютъ. Мнѣ

даже обидно! Я такая дѣвушка, что безъ всякаго присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза.

Кажется, баринъ идетъ.

Надя.

Такъ пойдемъ. *(Встаютъ и уходятъ. Входитъ Леонидъ съ ружьемъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Леонидъ *и потомъ* Потапычъ.

Леонидъ.

Погодите! Куда вы, куда вы! Что это онѣ все отъ меня бѣгаютъ? Никакъ ихъ не поймаешь. *(Стоитъ задумавшись. Молчаніе.)*

Дѣвушка *(поетъ за рѣшеткой).*

Никакъ невозможно безъ печали жить!
Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонидъ *(подбѣгая къ рѣшеткѣ).*

Какая ты хорошенькая!

Дѣвушка.

Хороша, да не ваша.

Леонидъ.

Поди сюда!

Дѣвушка.

Куда?

Леонидъ.

Ко мнѣ въ садъ.

Дѣвушка.

А пошто я къ тебѣ пойду?

Леонидъ.

Я поѣду въ городъ, тебѣ сережки куплю.

Дѣвушка.

Молоденекъ еще! *(Громко смѣется и уходитъ. Леонидъ стоитъ, повѣся голову и задумавшись. Входитъ Потапычъ въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ.)*

Потапычъ.

За вами, сударь, не поспѣешь; у васъ ножки-то молоденькія.

Леонидъ *(все еще задумавшись).*

Вѣдь, все это, Потапычъ, мое будетъ.

Потапычъ.

Все, сударь, ваше и мы всѣ ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... Потому одна кровь... Ужъ это прямое дѣло. Конечно, продли Богъ вѣку вашей маменькѣ...

Леонидъ.

Я ужъ тогда, Потапычъ, служить не стану, прямо въ деревню пріѣду, здѣсь и буду жить.

Потапычъ.

Нельзя, сударь, вамъ не служить.

Леонидъ.

Ну да, какъ же! Нужно мнѣ очень! Еще писать заставятъ! *(Садится на скамейку.)*

Потапычъ.

Нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать. Ужъ это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ—самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины ужъ сами собой пойдутъ.

Леонидъ.

Развѣ вице-губернаторомъ сдѣлаютъ, либо въ предводители выберутъ.

Потапычъ.

Что-жъ мудренаго!

Леонидъ.

А что, какъ я буду вице-губернаторомъ, ты меня будешь бояться?

Потапычъ.

Чего же мнѣ бояться? Это другіе, точно, должны раболѣпствоваться, а намъ все равно, вы нашъ баринъ; для насъ даже еще чести больше.

Леонидъ *(не слушая).*

А что, Потапычъ, много у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ?

Потапычъ.

Вотъ видете ли, сударь, если взять въ разсужденіе, такъ оно точно, какъ дѣвушекъ не быть! Есть и въ вотчинѣ, и

въ дворнѣ; только при томъ-же надобно сказать, что у насъ насчетъ этого строгости большія. Наша барыня, по ихъ строгой жизни и по своему богомольству, очень за этимъ наблюдаютъ. Теперича возьмите то: воспитанницъ и горничныхъ, которыхъ любятъ, сами замужъ отдаютъ. Коли гдѣ имъ человѣкъ понравится, за того и отдаютъ, и приданое даютъ, не большое — этого нельзя сказать. У насъ всегда воспитанницы двѣ или три не переводятся. Возьмутъ у когонибудь дѣвочку, воспитаютъ ее; а какъ минетъ лѣтъ 17 или 18, такъ, безъ всякаго разговора, и отдаютъ замужъ, за приказнаго или за мѣщанина въ городъ, какъ имъ вздумается, а иногда и за благороднаго. Да, сударь, да! Только какое житье этимъ воспитанницамъ, сударь! Бѣда!

Леонидъ.

А что?

Потапычъ.

Ужъ очень строго. Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба, ну, и конецъ, тутъ ужъ разговаривать ни одна не смѣй. За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ, кому же пріятно, давши воспитаніе, да видѣть непокорность. А бываетъ, сударь, и такъ, что и жечихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху: такъ ужъ тутъ очень гнѣваются. Такъ даже изъ себя выходятъ. Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ человѣкъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отцу-протопопу: ну, и уломали дурака.

Леонидъ.

Вотъ какъ!

Потапычъ.

Да-съ. Онѣ даже и у знакомыхъ у кого, если увидятъ дѣвушку, такъ сейчасъ и ищутъ ей жениха. Наша барыня такъ разсуждаютъ, что онѣ глупы; если теперича надъ ними попеченія не имѣть, такъ онѣ зря и проживутъ, безъ всякаго порядка. Точно такъ, сударь. Нѣкоторые даже, по своей глупости, прячутъ дѣвокъ-то отъ барыни, чтобъ онѣ какънибудь на глаза не попались; потому тутъ имъ ужъ конецъ.

Леонидъ.

Такъ она и чужихъ точно такъ же?

Потапычъ.

И чужихъ. На всѣхъ свою заботливость простираютъ. Такое доброе сердце имѣютъ, что обо всѣхъ безпокоятся. И ужъ очень сердятся, когда безъ ихъ спроса дѣлаютъ. А ужъ какъ о своихъ воспитанницахъ заботятся, такъ это на рѣдкость. Одѣваютъ ихъ, какъ бы истинно своихъ родныхъ дочерей, и иногда съ собой кушать сажаютъ, и работать ничего не заставляютъ. Пускай, говорятъ, смотрятъ всѣ, какъ у меня живутъ воспитанницы; хочу, говорятъ, чтобъ всѣ имъ завидовали.

Леонидъ.

Что̀-жъ, это хорошо, Потапычъ.

Потапычъ.

И какое трогательное поученіе дѣлаютъ, когда замужъ отдаютъ! Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала: я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество и изъ какого ты званія. И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки.

Леонидъ.

Что̀-жъ, это хорошо.

Потапычъ.

Не знаю, какъ сказать, сударь. Какъ-то все скучаютъ замужествомъ-то потомъ, сохнутъ больше.

Леонидъ.

Отчего же, Потапычъ, сохнутъ?

Потапычъ.

Должно быть, не сладко, коли сохнутъ.

Леонидъ.

Странно это!

Потапычъ.

Мужья-то больше все разбойники попадаются.

Леонидъ.

А, вотъ что̀!

Потапычъ.

Ужъ очень всѣ льстятся на нашихъ воспитанницъ, потому что барыня сейчасъ свою протекцію оказываютъ. Теперь, которыхъ отдали за приказныхъ, такъ ужъ мужьямъ-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотятъ изъ суда или и вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ барынѣ къ нашей съ жалобой, и онѣ ужъ за него горой, даже самого губернатора безпокоятъ. И ужъ этотъ приказный въ тѣ поры можетъ и пьянствовать, и все, и ужъ никого не боится; только развѣ когда сами поругаютъ, или ужъ проворуется очень...

Леонидъ.

А скажи, Потапычъ, отчего это дѣвушки бѣгаютъ отъ меня?

Потапычъ.

Какъ же имъ не бѣгать, имъ нельзя не бѣгать, сударь!

Леонидъ.

Да отчего-жъ нельзя?

Потапычъ.

Хмъ! Отчего? Потому самому, какъ вы еще въ малолѣтствіи, такъ барыня хотятъ васъ соблюсти, какъ должно, ну, и ихъ тоже соблюдаютъ.

Леонидъ.

Соблюдаетъ, ха-ха-ха!

Потапычъ.

Да-съ! Ужъ это вѣрно! Разговоръ былъ объ этомъ. Вы какъ есть ребенокъ, все равно, что̀ голубь, ну, а дѣвки глупы. (*Молчаніе.*) Да что̀-жъ, сударь: маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что̀ на нихъ смотрѣть! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужъ вамъ порядка этого терять не должно. Что̀-жъ вамъ отъ другихъ-то отставать! Это будетъ къ стыду къ вашему.

Леонидъ.

Такъ-то такъ, да не умѣю я съ дѣвушками разговаривать.

Потапычъ.

Да вамъ что̀ съ ними разговаривать-то долго! Объ чемъ это? Объ какихъ наукахъ вамъ съ ними разговаривать? Нешто онѣ что̀ понимаютъ! Обыкновенно вы баринъ, ну, вотъ и конецъ.

Леонидъ *(смотритъ въ сторону).*

Кто это тамъ идетъ? Это Надя, кажется. Ахъ, Потапычъ, какая она хорошенькая!

Потапычъ.

Она, сударь, мнѣ сродственница доводится, племянница. Ея отецъ еще покойнымъ бариномъ былъ на волю отпущенъ; онъ въ Москвѣ при кондитерской должности находился. Какъ мать у нея померла, ее барыня и взяли на воспитаніе и оченно любятъ. А потомъ у ней и отецъ теперича померъ, значитъ, сирота теперича выходитъ. Дѣвушка хорошая.

Леонидъ.

Онѣ, кажется, сюда идутъ.

Потапычъ.

Ну что-жъ, пущай. *(Входятъ Гавриловна и Надя.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

Тѣ же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна.

Здравствуйте, баринъ хорошій!

Леонидъ *(кланяется).*

Здравствуйте!

Гавриловна.

А что, баринъ, чай, вамъ скучно въ деревнѣ-то?

Леонидъ.

Нѣтъ, ничего.

Гавриловна.

Ну, ужъ какъ, чай, не скучать! Ишь, вѣдь, у насъ точно монастырь, въ сто глазъ смотрятъ. Ну, а вы, извѣстное дѣло, молодой человѣкъ, и позабавились бы чѣмъ-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то утокъ стрѣлять! *(Смѣется.)*

Леонидъ *(подходя къ Гавриловнѣ).*

Да, да, Гавриловна.

Надя *(Гавриловнѣ).*

Пойдемъ.

Гавриловна.

Куда это итти-то? Ты бы, вотъ, благо барыни-то дома нѣтъ, побалагурила-бъ съ молодымъ бариномъ. Молодымъ

людямъ тò и надобно. А какая она у насъ умная, баринъ! И поговорить, и все.

Надя.

Ну, что̀ хорошаго!

Гавриловна.

Да и дурного-то ничего нѣтъ! Я молода была, отъ господъ не бѣгала, да вотъ не съѣли же меня. Авось, и онъ тебя не укуситъ. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, баринъ хорошій! *(Уходитъ.)*

Леонидъ.

Отчего вы не хотѣли со мной остаться?

Потапычъ.

Что̀ это вы, баринъ, ей *вы* говорите, точно барышнѣ.

Леонидъ.

Чего же ты боялась? *(Надя молчитъ.)*

Потапычъ.

Говори, что̀-жъ ты молчишь! А я, сударь, пойду: мнѣ также къ чаю одѣться надобно. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Леонидъ, Надя *и потомъ* Лиза.

Надя.

Конечно, я дѣвушка простого званія, а, вѣдь, и намъ тоже не хочется, чтобъ объ насъ дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня послѣ такихъ разговоровъ замужъ возьметъ.

Леонидъ.

Ты развѣ замужъ выходишь?

Надя.

Да-съ. Какая же дѣвушка не надѣется когда-нибудь выйти замужъ?

Леонидъ.

А у тебя ужъ есть женихъ?

Надя.

Еще нѣтъ-съ.

Леонидъ *(робко)*.

Если нѣтъ жениха, такъ ты, можетъ быть, влюблена въ кого-нибудь?

Надя.

Ужъ вы очень любопытны. Да нѣтъ, нечего на себя и лгать, ни въ кого я не влюблена-съ.

Леонидъ *(съ большою радостью)*.

Полюби меня!

Надя.

Насильно сердце заставить нельзя-съ.

Леонидъ.

Отчего же? Развѣ я тебѣ не нравлюсь?

Надя.

Нѣтъ-съ, какъ можно, чтобъ вы не нравились! Да вы намъ не ровня! Какая ужъ это любовь! видимая погибель. Вотъ Лиза бѣжитъ, должно быть за мной! Прощайте! Счастливо оставаться! *(Уходитъ. Лиза входитъ.)*

Лиза.

Баринъ, пожалуйте! Маменька пріѣхала.

Леонидъ.

Лиза!

Лиза *(подходя)*.

Что вамъ угодно?

Леонидъ *(обнимаетъ Лизу; она вздрагиваетъ отъ удовольствія)*.

Отчего Надя меня любить не хочетъ?

Лиза *(жеманясь)*.

Какъ вы, баринъ, разсуждаете! Наша сестра, ужъ извѣстно, себя беречь должна.

Леонидъ.

Какъ беречь?

Лиза *(смотритъ ему въ лицо и улыбается)*.

Ужъ извѣстно какъ. Что это, словно вы маленькій.

Леонидъ *(печально)*.

Что же мнѣ теперь? Я ужъ и не знаю. Всѣ отъ меня бѣгаютъ.

Лиза.

А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько. Вѣдь, сердце-то у насъ тоже не каменное.

Леонидъ.

Да что̀ ужъ! Я у нее спрашивалъ: она говоритъ, что не любитъ.

Лиза.

Ахъ, вы какой чудно́й, баринъ! да кто-жъ у дѣвушекъ прямо спрашиваетъ, любятъ или нѣтъ. Хоть бы другая наша сестра и любила, такъ не скажетъ.

Леонидъ.

Отчего же?

Лиза.

Потому стыдно. Однако, пустите, баринъ! *(Освобождается.)* Вонъ нинфа-то*) идетъ.

Леонидъ.

Приходите ужо въ садъ послѣ ужина, какъ маменька спать ляжетъ.

Лиза.

Ишь, вы какіе проворные!

Леонидъ.

Пожалуйста, приходите.

Лиза.

Ну, ужъ тамъ видно будетъ. *(Входитъ Василиса Перегриновна.)* Баринъ, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается.

Леонидъ.

Хорошо, сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Василиса Перегринова.

Василиса Перегриновна.

Видѣла, мой другъ, видѣла.

Лиза.

Нечего видѣть-то было. *(Уходитъ.)*

Леонидъ.

Ну что̀-жъ, что видѣли? Жаловаться, что̀ ли, станете? Такъ я скажу, что вы лжете. Кому больше повѣрятъ: вамъ или мнѣ? *(Дѣлаетъ гримасу и уходитъ.)*

*) Нимфа (нинфа) въ простонародіи имѣетъ значеніе злой женщины, фуріи.

Василиса Перегриновна.

Вотъ всѣ-то такъ со мной. Моченьки моей нѣту! Все сердце изболѣло. Мученица я на этомъ свѣтѣ. *(Срываетъ съ сердцемъ цвѣтокъ и обрываетъ листики.)* Кажется, кабы моя власть, вотъ такъ бы васъ всѣхъ! Такъ бы васъ всѣхъ! Такъ бы васъ всѣхъ! Погоди-жъ ты, мальчишка! Ужъ я тебя поймаю! Кипитъ мое сердце, кипитъ, ключомъ кипитъ. А вотъ теперь иди, улыбайся передъ барыней, точно дура какая! Эка жизнь! эка жизнь! Грѣшники такъ въ аду не мучаются, какъ я въ этомъ домѣ мучаюсь. *(Уходитъ.)*

II.

Гостиная. Прямо отворенная дверь въ садъ, по сторонамъ двери, по серединѣ круглый столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Изъ боковой двери выходятъ лакей съ самоваромъ и дѣвка съ чайнымъ приборомъ, ставятъ то и другое на столъ и уходятъ. Гавриловна и Потапычъ *входятъ за ними.* Гавриловна *приготовляетъ чай* Василиса Перегриновна *выходитъ изъ сада.*

Василиса Перегриновна.

Вы мнѣ, моя милая, всегда только одной воды наливаете.

Гавриловна.

Крѣпкій-то чай вамъ нездорово пить, сударыня.

Василиса Перегриновна.

Не ваше дѣло обо мнѣ заботиться!

Гавриловна.

Онъ грудь сушитъ, а вы ужъ и такъ совсѣмъ высохли.

Василиса Перегриновна.

Эка жизнь! Эка жизнь! Не отъ чаю я, милая, высохла, отъ обиды людской я высохла.

Гавриловна.

Обидишь васъ! Вы сами всѣхъ обижаете, точно васъ что поджигаетъ.

Василиса Перегриновна.

Не смѣешь ты такъ со мной разговаривать! Ты помни, кто ты. Я сама была помѣщица; у меня такія-то, какъ ты, пикнуть не смѣли, по ниточкѣ ходили. Не давала я вашей сестрѣ зазнаваться.

Гавриловна.

Были да сплыли. То-то вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Василиса Перегриновна.

Изверги вы мои, злодѣи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствуетъ душа моя скорую мою кончину! *(Поднимая глаза къ небу.)* Закрой меня отъ людей, гробовая доска! Прими меня къ себѣ, сырая земля! То-то вамъ радость будетъ, то-то веселье!

Потапычъ.

Намъ что-жъ! Намъ какая оказія!.. Живите себѣ!

Гавриловна.

Пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Василиса Перегриновна.

За свои грѣхи ужъ я здѣсь намучилась; чужіе грѣхи теперь оплакиваю.

Гавриловна.

Лучше бы вы чужихъ-то грѣховъ не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужіе грѣхи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна.

Чего бояться? Чего мнѣ бояться?

Гавриловна.

А того, что съ крючкомъ-то сидитъ. Ужъ онъ, чай, поджидаетъ.

Василиса Перегриновна.

Гдѣ я! Гдѣ я! Боже мой! Точно я въ омутѣ какомъ, изверги... *(Входятъ съ лѣвой стороны: Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна.

Помолиться, благодѣтельница наша, изволили?

Уланбекова.

Да, къ вечернѣ ѣздила въ городъ, праздникъ нынче тамъ.

асилиса Перегриновна.

Много благодѣяній разсыпали нестоющимъ людямъ?

Уланбекова.

Нѣтъ, только въ Пустую улицу заѣзжала, къ старику Неглигентову. Просилъ меня устроить его племянника: крестникъ, вѣдь, онъ мнѣ. Жаль этихъ людей.

Василиса Перегриновна.

Ужъ вы, матушка, всѣмъ благодѣтельница. Всѣмъ—таки, всѣмъ! Которые и взгляду-то вашего не стоятъ, вы и тѣмъ благодѣтельствуете.

Уланбекова *(садится)*.

Нельзя же, душа моя! Нужно дѣлать ближнимъ добро.

Василиса Перегриновна.

Да чувствуютъ ли они это добро-то? Могутъ ли они понять, безчувственныя животныя, сколько вашего для нихъ снисхожденія?

Уланбекова.

А мнѣ все равно, милая! Для себя надо добро дѣлать, для своей души. Заѣзжала потомъ къ исправнику, просила, чтобъ Неглигентова столоначальникомъ сдѣлалъ.

Василиса Перегриновна.

Да, благодѣтельница, стоитъ ли...

Уланбекова.

Не перебивай! Странный человѣкъ у насъ исправникъ; я его прошу, а онъ говоритъ: мѣста нѣтъ. Я ему говорю: вы, кажется, не понимаете, кто васъ проситъ? Что-жъ, говоритъ, не выгнать же мнѣ хорошаго человѣка для вашего крестника. Грубый человѣкъ! Однако, обѣщалъ!

Василиса Перегриновна.

Еще бы онъ смѣлъ! Я и понять не могу, какъ это у него языкъ-то перевернулся противъ васъ. Вотъ ужъ сейчасъ необразованіе-то и видно. Положимъ, что Неглигентовъ, по жизни своей, не стоитъ, чтобы объ немъ разговаривать много, да по васъ-то онъ долженъ сдѣлать для него все на свѣтѣ, какой бы онъ тамъ ни былъ негодяй.

Уланбекова.

Ты не забывай, что онъ мой крестникъ.

Василиса Перегриновна.

Я про то вамъ и докладываю, благодѣтельница: крестникъ онъ вамъ, ну, и кончено дѣло, онъ никакихъ и разговоровъ не долженъ слушать. А то, мало ли что говорятъ! Вотъ говорятъ, что онъ безпутный совсѣмъ, что дядя его въ судъ опредѣлилъ, а онъ оттуда скрывается; цѣлую недѣлю пропадалъ, говорятъ, гдѣ-то версты за четыре, на большой дорогѣ, подлѣ кабака, рыбу ловилъ; да что пьянствуетъ не по лѣтамъ. Да кому-жъ какое дѣло; значитъ, онъ стоитъ того, когда вы за него просите!

Уланбекова.

Я этого не слыхала, и пьянымъ его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что онъ мой крестникъ. Я ему вмѣсто матери.

Василиса Перегриновна.

Знаю, благодѣтельница, знаю; всѣ это знаютъ, что вы, если захотите, такъ можете изъ грязи человѣкомъ сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семи пядей во лбу, такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ, отчего не умѣлъ заслужить!

Уланбекова.

Я, кажется, никому зла не сдѣлала.

Василиса Перегриновна.

Какое же зло? Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно, конечно, всѣ мы люди не безъ грѣха, дѣлъ же у васъ много; на всѣхъ нельзя угодить! Коли правду говорить, такъ, благодѣтельница вы моя, довольно-таки народу и на васъ плачутся.

Уланбекова.

Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

Василиса Перегриновна

Вамъ, благодѣтельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоитъ вамъ, по вашей барственности, о всякой дряни безпокоиться. А хоть и плачутся, что на нихъ смотрѣть, стоятъ ли они того? Вы ужъ другимъ-то много благодѣяній дѣлаете, такъ вамъ, нашей благодѣтельницѣ, Богъ проститъ.

Уланбекова.

Я, все-таки, желаю знать, кого я обидѣла?

Василиса Перегриновна.

Есть-таки, благодѣтельница.

Уланбекова *(строго)*.

Да кто же, говори!

Василиса Перегриновна.

Не гнѣвайтесь, благодѣтельница! Это я такъ сказала, потому что, сами знаете, какой нынче народъ сталъ обидчивый, ничѣмъ недовольный.

Уланбекова.

Это ты сказала для того, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность.

Василиса Перегриновна.

Лопни глаза мои!

Уланбекова.

Ну, ужъ я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего-нибудь обиднаго не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожнѣй; а то ты меня когда-нибудь выведешь изъ терпѣнія, тебѣ-жъ будетъ хуже. *(Молчаніе.)* Давайте чаю.

Гавриловна.

Сейчасъ, сударыня. *(Наливаетъ двѣ чашки. Потапычъ подаетъ Уланбековой и Василисѣ Перегриновнѣ.)*

Уланбекова.

Налей и Гришѣ: онъ нынче ѣздилъ со мной, усталъ.

Гавриловна.

Налью, сударыня. *(Наливаетъ и подаетъ Гришѣ.)*

Гриша.

Что-жъ молока-то мало налила? Жаль тебѣ, что ли?

Гавриловна *(подливаетъ молока)*.

И такъ тебя, какъ теленка, ужъ отпоили. *(Гриша беретъ чашку и уходитъ за дверь въ садъ.)*

Уланбекова.

Я думала вотъ Надю отдать за Неглигентова—съ приличнымъ награжденьемъ, разумѣется. Ты говоришь, что онъ дурную жизнь ведетъ, такъ надобно будетъ свадьбой поторопиться. Она у меня дѣвушка хорошихъ правилъ, будетъ его удержи-

вать, а то онъ отъ холостой жизни совсѣмъ избалуется. Холостая жизнь ужасно портитъ молодыхъ людей.

Надя *(Лизѣ).*

Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой!

Лиза.

Вотъ и слушай, а говорить нельзя.

Василиса Перегриновна.

Давно, благодѣтельница, пора отдать ее; что̀ ей болтаться-то! Теперь же сынокъ-то вашъ, нашъ ангельчикъ, сюда пріѣхалъ.

Уланбекова.

Ахъ, перестань! что̀ ты еще выдумываешь? Онъ ребенокъ совсѣмъ.

Василиса Перегриновна.

Ребенокъ, благодѣтельница! Ужъ нечего сказать, далъ вамъ Богъ сына на радость да на утѣшеніе. И мы-то всѣ на него не нарадуемся. Словно солнце какое у насъ показалось. Такой добрый, такой веселый, такой ко всѣмъ ласковый! А ужъ за дѣвушками такъ и бѣгаетъ; проходу нигдѣ не даетъ; а онѣ-то, дуры, рады-радехоньки, такъ и ржутъ.

Уланбекова.

Врешь ты! Мнѣ кажется, ему дѣвушекъ и видѣть негдѣ, онѣ весь день на своей половинѣ, да и не ходятъ никуда.

Василиса Перегриновна.

Ахъ, благодѣтельница! да дѣвку никакими замками не удержишь, коли она что̀ сдѣлать задумаетъ.

Уланбекова.

Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за дѣвками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всѣмъ строго-на-строго. *(Василисѣ Перегриновнѣ.)* Да нѣтъ, этого быть не можетъ. Ты меня только разстроиваешь своими глупостями. Экая ты сѣверная на языкъ! Очень нужно тебѣ было болтать! Теперь у меня изъ головы не выйдетъ. Смотри же, Гавриловна!

Гавриловна.

Что̀ вы, сударыня, ее слушаете!

Василиса Перегриновна.

Да что̀-жъ, благодѣтельница, развѣ я что̀ дурное говорю!

Смѣю ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, еще ребенокъ, поиграть ему хочется, а здѣсь товарищей ему нѣтъ: онъ съ дѣвушками и играетъ.

Уланбекова.

Ядъ у тебя на языкѣ. *(Задумывается. Потапычъ принимаетъ чашки. Гавриловна наливаетъ и подаетъ. Гриша приходитъ изъ саду, толкаетъ Гавриловну и дѣлаетъ знакъ головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливаетъ. Гриша уходитъ.)* А Надю, все-таки, надо замужъ отдать.

Надя *(почти плача)*.

Сударыня, я вами такъ обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смѣю теперь вамъ говорить; но по вашему ко мнѣ расположенію, я отъ васъ совсѣмъ не такой милости ждала. Чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланбекова.

Ты, милая, объ этомъ разсуждать не можешь: ты дѣвушка Ты должна во всемъ положиться на меня, на свою благодѣтельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вотъ еще я тебѣ скажу одинъ разъ навсегда: я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я смолоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы, вѣдь, сейчасъ зазнаетесь. *(Надя плачетъ.)*

Василиса Перегриновна.

Благодѣтельница, чувство нужно человѣку имѣть, чувство! А какое-жъ въ нихъ можетъ быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланбекова.

Не съ тобой говорятъ! Что ты вмѣшиваешься во всякое дѣло! *(Надѣ строго.)* Это что за новости? ты плакать еще! Чтобы этихъ слезъ не было! *(Надя плачетъ.)* Я тебѣ говорю. *(Привстаетъ.)* Для меня ваши слезы ровно ничего не значатъ! Когда я захочу что-нибудь сдѣлать по-своему, ужъ я поставлю на своемъ, никого въ мірѣ не послушаюсь! *(Са-*

дится.) И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не поведетъ; только ты разсердишь меня.

Надя *(плача)*.

Сирота я, сударыня! Ваша воля во всемъ.

Уланбекова.

Еще бы! разумѣется, моя воля, потому что я тебя воспитала; это все равно, что жизнь дала. *(Леонидъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Леонидъ.

Леонидъ.

Здравствуйте, мамаша!

Уланбекова.

Здравствуй, мой другъ! Гдѣ ты былъ?

Леонидъ.

Ходили на охоту съ Потапычемъ; я, мамаша, двухъ утокъ убилъ.

Уланбекова.

Не жалѣешь ты матери; ну, съ твоимъ ли здоровьемъ, мой другъ, на охоту ходить! Захвораешь еще, сохрани Господи, тогда ты меня просто убьешь! Ахъ, Боже мой, сколько я страдала съ этимъ ребенкомъ! *(Задумывается.)*

Гавриловна.

Баринъ, угодно чаю?

Леонидъ.

Нѣтъ, не хочу.

Уланбекова *(Василисѣ Перегриновнѣ)*.

Когда я родила его, я была очень долго больна; потомъ онъ все хворалъ, такъ и росъ все хворый. Сколько я надъ нимъ слезъ пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой такъ слезы и катятся: нѣтъ, не придется мнѣ его видѣть въ гвардейскомъ мундирѣ. Но тяжелѣй всего мнѣ было, когда отецъ, по болѣзни, долженъ былъ его опредѣлить въ штатскую школу. Чего мнѣ стоило, моя милая, отказаться отъ мысли, что онъ будетъ военный! Я полгода больна была. Ты представь только себѣ, моя милая, когда онъ кончитъ курсъ, ему дадутъ та-

кой же чинъ, какой даютъ приказнымъ изъ поповичей! На что это похоже? Въ военной службѣ, особенно въ кавалеріи, всѣ чины благородны; даже юнкеръ, ужъ сейчасъ видно, что изъ дворянъ. А что такое губернскій секретарь или титулярный совѣтникъ? Всякій можетъ быть титулярный совѣтникъ: и купецъ, и семинаристъ, и мѣщанинъ, пожалуй. Только стоитъ поучиться да послужить. Другой и изъ мѣщанъ способенъ къ ученью-то, такъ онъ еще, пожалуй, чиномъ-то обгонитъ. Какъ это заведено! Какъ это заведено! Ну ужъ! *(Махнувъ рукой, отворачивается.)* Не люблю я ничего осуждать, что отъ высшаго начальства установлено, и другимъ не позволяю, а ужъ этого не похвалю. Всегда буду вслухъ говорить, что это несправедливо, несправедливо.

Леонидъ.

Отчего это у Нади глаза заплаканы?

Василиса Перегриновна.

Не бита давно.

Уланбекова.

Это, мой другъ, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебѣ нечего здѣсь дѣлать. *(Надя уходитъ.)*

Леонидъ.

А я знаю объ чемъ: вы ее замужъ хотите выдать.

Уланбекова.

Отдаю я ее замужъ или нѣтъ, это, мой другъ, ужъ мое дѣло. Да я и не люблю, кто въ мои распоряженія вмѣшивается.

Василиса Перегриновна.

Какой вы у насъ умный, все-то знаете, во все-то входите!

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, я и не вмѣшиваюсь въ ваши распоряженія. Только онъ пьяница.

Уланбекова.

Опять-таки, это не твое дѣло. Предоставь объ этомъ судить матери.

Леонидъ.

Мнѣ только, мамаша, жалко ее.

Уланбекова.

Все это прекрасно, мой другъ; но желала бы я знать,

отъ кого ты слышалъ, что я выдаю Надю замужъ. Если это изъ дворни кто-нибудь...

Леонидъ.

Нѣтъ, мамаша, нѣтъ.

Уланбекова.

Откуда же тебѣ знать иначе? Когда это передать успѣли! *(Гавриловнѣ.)* Узнать непремѣнно!

Леонидъ.

Да нѣтъ, мамаша, мнѣ самъ женихъ ея сказывалъ.

Уланбекова.

Какой женихъ?

Леонидъ.

Я не знаю какой! Онъ говоритъ, что чиновникъ, такая мудреная фамилія: Неглигентовъ. Какой онъ смѣшной! Онъ говоритъ, что вашъ крестникъ и никого не боится. Теперь пляшетъ пьяный въ саду.

Уланбекова.

Пьяный, въ моемъ домѣ!

Леонидъ.

Хотите, я его позову. Потапычъ, позови Неглигентова! Онъ говорилъ, что вы нынче были у его дяди и обѣщали отдать за него Надю. Онъ теперь ужъ заранѣе разсчитываетъ, сколько доходовъ будетъ получать въ судѣ, или халтуры, какъ онъ говоритъ. Какой онъ смѣшной! Онъ мнѣ представлялъ, какъ его учили въ училищѣ. Хотите, я при васъ его заставлю? *(Потапычъ и Неглигентовъ входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Неглигентовъ и Потапычъ.

Уланбекова.

Ахъ, ахъ, какой противный! Не подходи ко мнѣ!

Неглигентовъ.

Посланъ отъ дяди возблагодарить за щедроты ваши.

Леонидъ.

Онъ говоритъ, мамаша, что его много учили, только никакъ нельзя было выучить.

Неглигентовъ.

Невозможно: отъ рожденія не имѣлъ способностей къ наукамъ; верберовъ по 50 и по 100 получалъ почти ежедневно, но понятія не прибавлялись.

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, какъ онъ смѣшно разсказываетъ про свое ученье! Вотъ послушайте. Ну, а какъ ты по-латыни учился?

Неглигентовъ.

Турписсиме!

Уланбекова *(пожимая плечами)*.

Что же это такое?

Неглигентовъ.

Весьма гнусно.

Леонидъ.

Нѣтъ, постойте, а что учитель съ тобой дѣлалъ?

Неглигентовъ *(хохочетъ)*.

Смѣха достойно. Однажды, послѣ жестокаго истязанія, приказалъ двумъ ученикамъ привязать меня за шею кушакомъ и водить по базару для посмѣянія.

Уланбекова.

Какъ же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился?

Неглигентовъ.

По ходатайству сильныхъ лицъ.

Леонидъ.

Ну, а изъ училища тебя выгнали?

Неглигентовъ.

Не выгнали, но исключили за великовозрастіе.

Леонидъ.

Какъ за великовозрастіе?

Неглигентовъ.

А такъ какъ я въ продолженіе ученія и истязаній, оставаясь въ однихъ классахъ, возмужалъ и возросъ болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, то и былъ исключенъ за великовозрастіе. Болѣе же я пострадалъ отъ мздоимства начальствующихъ. Нашъ ректоръ любилъ приношенія, и передъ экзаменами за недѣлю разсылалъ насъ всѣхъ по родителямъ за подарками. По количеству сихъ подарковъ мы и переводились въ высшіе классы.

Леонидъ.

А поведенія ты былъ какого?

Неглигентовъ.

Предосудительнаго.

Уланбекова.

Что̀ это такое! Боже мой! Поди вонъ, любезный, поди вонъ!

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, онъ оченъ смѣшонъ! погодите его гнать. Неглигентовъ, пляши!

Неглигентовъ *(пляшетъ и поетъ)*.

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ.

(Гриша хохочетъ.)

Уланбекова.

Перестань, перестань! *(Неглигентовъ перестаетъ. Гришъ.)* Чему ты смѣешься?

Гриша.

Да ужъ оченно смѣшно членъ пляшетъ.

Уланбекова.

Какъ членъ?

Гриша.

Да онъ намъ всѣмъ говоритъ, что онъ въ судѣ членъ, а не писарь. Такъ его членомъ и зовутъ.

Неглигентовъ.

Членомъ я называю себя, хотя и ложно, но собственно для уваженія отъ дворовыхъ челядинцевъ и чтобъ избѣжать глумленія и обидъ.

Уланбекова.

Поди вонъ, и не смѣй никогда ко мнѣ являться.

Неглигентовъ.

Дядя говоритъ, что я впалъ въ развратъ отъ холостой жизни, и что я могу погрязнуть въ ономъ, если вы меня не облагодѣтельствуете.

Уланбекова.

Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Неглигентовъ *(на колѣняхъ)*.

Дядя велѣлъ мнѣ слезно умолять васъ, потому что я чело-

вѣкъ потерянный, подверженный многимъ порокамъ, и безъ вашихъ благодѣяній, терпимъ быть на службѣ не могу.

Уланбекова.

Скажи своему дядѣ, что благодѣтельствовать я вамъ буду всегда; а ты объ невѣстѣ и не думай. Поди, поди!

Неглигентовъ.

Благодаримъ за неоставленіе! *(Пришъ.)* Просись на гулянку у барыни, и догоняй! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же *безъ* Неглигентова.

Уланбекова.

Какъ можно ошибиться въ людяхъ! Хлопочешь объ нихъ, заботишься, а они даже и не чувствуютъ. Я было хотѣла устроить счастіе для этого мальчика, а онъ лѣзетъ въ домъ пьяный. Ужъ если онъ подверженъ этой слабости, такъ, по крайней мѣрѣ, старался бы скрывать ее отъ меня. Пей онъ тамъ, гдѣ хочетъ, да чтобъ я-то не видала! Я бы тогда знала, по крайней мѣрѣ, что онъ меня уважаетъ. Какое невѣжество! Какая дерзость! Кого же онъ побоится, если не боится меня?

Леонидъ.

Ахъ, какой онъ смѣшной! Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узналъ, что вы хотите отдать за него Налю, мнѣ стало ее жалко. Вы у насъ такая добрая! *(Цѣлуетъ у ней руку.)* Мнѣ не хотѣлось, чтобъ вы сдѣлали несправедливость.

Уланбекова.

Съ этимъ народомъ, не согрѣша, согрѣшишь! *(Цѣлуя его.)* Прекрасную душу ты имѣешь, мой другъ! *(Василисѣ Перегриновнѣ.)* Вотъ я всегда вѣрила, что иногда самъ Богъ говоритъ устами младенцевъ. Лиза! поди, скажи Надеждѣ, чтобъ она не плакала, что я прогнала ея жениха.

Лиза.

Слушаю-съ! *(Уходитъ.)*

Гриша *(подходитъ, раскачиваясь, и становится въ непринужденную позу).*

Сударыня!

Уланбекова.

Что̀ тебѣ?

Гриша.

Позвольте мнѣ въ городъ сходить; нынче тамъ праздникъ.

Уланбекова.

Зачѣмъ это ты пойдешь? На пьяныхъ смотрѣть?

Гриша *(заложивъ руки назадъ)*.

Позвольте-съ.

Уланбекова.

Незачѣмъ, незачѣмъ.

Гриша.

Ужъ позвольте, сударыня.

Уланбекова.

Говорю тебѣ, что незачѣмъ. На этихъ гуляньяхъ только нравственность портится. Тамъ всякихъ мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчикъ, нечего тебѣ тамъ дѣлать!

Гриша.

Нѣтъ, ужъ вы позвольте-съ!

Уланбекова.

Останься. Выкинь изъ головы эти глупости!

Гриша.

Что-жъ это такое! Служи, служи, а ужъ и погулять никогда нельзя.

Василиса Перегриновна.

Ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ! До чего ты избалованъ! До чего ты избалованъ!

Уланбекова.

Что̀ ты раскудахталась! Молчи!

Василиса Перегриновна.

Да какъ же, благодѣтельница, молчать-то? Такое безчувствіе! Такая неблагодарность! Сердце надрывается.

Уланбекова.

Я тебѣ приказываю молчать, такъ ты и должна молчать.

Гриша.

Ужъ вы позвольте-съ!

Василиса Перегриновна.

Его-ль не любятъ, его-ль не ласкаютъ, кажется, больше сына родного!

Уланбекова *(топнувъ ногой)*.

Съ!. Я тебя́ прогоню.

Гриша.

Мнѣ очень хочется на гулянку-то, ужъ позвольте-съ!

Уланбекова.

Ну, ступай, только приходи раньше!

Гриша.

Слушаю-съ!

Василиса Перегриновна.

Ручку-то поцѣлуй, дуракъ!

Гриша.

Что̀ вы меня учите, я свое дѣло знаю. *(Цѣлуетъ руку у барыни и уходитъ.)*

Уланбекова.

А тебя, моя милая, если я еще услышу когда-нибудь подобное, я велю съ двора метлами согнать. *(Уходитъ. Василиса Перегриновна стоитъ въ оцѣпенѣніи.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же *безъ* Уланбековой *и потомъ* Лиза.

Леонидъ.

Что̀, дождались? Ну, и по дѣло́мъ!

Василиса Перегриновна.

Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. *(Лиза входитъ.)*

Лиза *(тихо Леониду)*.

Надя велѣла вамъ сказать, что мы ужо придемъ въ садъ.

Леонидъ.

Поцѣлуй ее отъ меня.

Гавриловна.

Дай вамъ Богъ здоровья, баринъ, что за насъ заступаетесь. Обидѣть-то насъ всякая дрянь умѣетъ, заступиться только за насъ некому. За много это вамъ, баринъ, на томъ свѣтѣ сочтется.

Леонидъ.

Я всегда за васъ готовъ. *(Уходитъ, кланяясь, направо.)*

Гавриловна.

Спасибо тебѣ, батюшка! *(Уходитъ съ Лизой налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Василиса Перегриновна и Потапычъ.

Василиса Перегриновна.

Что-жъ ты меня не обижаешь? Они обижаютъ, а ты что-жъ? Слышалъ, сама-то ужъ бить хочетъ; метлами, говоритъ, велю. Чтобъ ее лопнуло!

Потапычъ.

Я что-жъ... Мнѣ человѣка обидѣть что-жъ! А что тамъ господа... это я не знаю, можетъ, оно такъ и нужно.

Василиса Перегриновна.

Видишь ты, что въ домѣ-то дѣлается? Видишь? Понятно тебѣ или нѣтъ? Какъ я давеча стала про Гришу-то говорить, слышалъ, какъ сама-то зарычала? Слышалъ, какъ зашипѣла?

Потапычъ.

Мнѣ что! Я, по милости барыни, при своей должности... я всѣ порядки произвожу... А какое мнѣ дѣло? Что не мое дѣло, я того не знаю.

Василиса Перегриновна.

А видѣлъ, какъ Надька-то съ Лизкой смотрѣли на меня? Видѣлъ, какъ аспидски смотрѣли? Охъ, нужно глядѣть за ними, охъ, нужно! *(Потапычъ, махнувъ рукой, уходитъ.)* У, ты, старый дуракъ! Экой народецъ! Экой народецъ! Не съ кѣмъ и поговорить-то, душу отвести. *(Уходитъ.)*

III.

Часть сада; на заднемъ планѣ прудъ, у берега лодка. Свѣтлая ночь. Вдали слышится хороводная пѣсня. Сцена нѣсколько времени пуста.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Выходятъ Надя *и* Лиза.

Лиза.

Ахъ, Надя, что это мы дѣлаемъ! Ну, какъ барыня узнаетъ, тогда и не живи на свѣтѣ.

Надя.

Коли ты боишься, такъ ступай домой.

Лиза.

Нѣтъ, ужъ я подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, дѣвушка! Сохрани Господи, какъ узнаютъ!

Надя.

Наладила одно! Волка бояться, такъ въ лѣсъ не ходить.

Лиза.

Да что это съ тобой сдѣлалось? Ты прежде не такъ разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь къ нему.

Надя.

Да, прежде бѣгала отъ него, теперь не хочу. *(Стоитъ задумчиво.)* Теперь и сама не знаю, что со мной вдругъ сдѣлалось! Какъ только барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я разговаривать, а шла за кого прикажутъ, такъ у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи! *(Плачетъ.)* Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова отъ какого, а и отъ взгляду-то! Такъ меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя? Вотъ не хочу-жъ, не хочу! А у самой такъ сердце замерло: кажется, еще скажи она слово, я-бъ умерла на мѣстѣ.

Лиза.

Что ты говоришь! я, вѣдь, думала, что ты шутя къ барину-то вышла.

Надя.

Какія шутки! Не могу я обиды переносить! не могу! *(Молчаніе.)* Эхъ, Лиза, будь жизнь получше, не пошла-бъ я ночью въ садъ. Помнишь, бывало, какъ я объ себѣ раздумывала, да и тебѣ самой, чай, тоже въ голову приходило, что вотъ ты дѣвушка честная, живешь ты себѣ какъ птичка какая; вдругъ тебѣ понравился нѣкоторый человѣкъ, онъ за тебя сватается, ходитъ къ тебѣ часто, цѣлуетъ тебя... тебѣ и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идетъ порядкомъ. Хоть и не богато, хоть, можетъ быть, сидишь ты съ женихомъ въ людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздникъ. Потомъ обвѣнчаютъ, всѣ тебя поздравляютъ. Ну, тамъ хоть и трудно будетъ замужемъ жить, можетъ быть, работы

много будетъ, да за то живешь ты, какъ въ раю; словно ты гордишься чѣмъ!

Лиза.

Разумѣется, дѣвушка.

Надя.

А какъ тебѣ скажутъ: ступай за пьянаго, да еще и разговаривать не смѣй, и поплакать-то о себѣ не смѣй... Ахъ, Лиза!.. Да какъ подумаешь, что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ такъ, ни за что! Не живя, ты за нимъ состаришься! *(Плачетъ.)* Говорить-то только свое сердце надрывать. *(Махнувъ рукой.)* Такъ ужъ, право, молодой баринъ лучше.

Лиза.

Ахъ, Надя! Не ты-бъ говорила, а не я-бъ тебя слушала.

Надя.

Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя баринъ полюбилъ?

Лиза *(заминаясь)*.

Да, какъ знать! ужъ, конечно, что говорить... врагъ-то силенъ.

Надя.

То-то вотъ!.. *(Молчаніе.)* Я тебѣ вотъ что, Лиза, хотѣла сказать, вотъ какая премудрость со мной сдѣлалась: какъ пошли мнѣ такія мысли въ голову, и какъ стала это я, Лиза, думать объ баринѣ, и такъ онъ мнѣ милъ сдѣлался!.. такъ милъ, что я ужъ и не знаю!.. Прежде, когда онъ ухаживалъ за мной, мнѣ было ничего; а теперь словно что меня тянетъ къ нему.

Лиза.

Ахъ, дѣвушка! Ну, вотъ поди-жъ ты! знать, ужъ такъ судьба!

Надя.

И такой во мнѣ духъ сдѣлался: ничего я не боюсь! Кажется, вотъ рѣжь меня на части, я, все-таки, на своемъ поставлю. И отъ чего это такъ, не знаю. *(Молчаніе.)* Жду, не дождусь ночи-то! Такъ, кажется, на крыльяхъ бы къ нему полетѣла. То одно держу въ умѣ, что не даромъ я, по крайней мѣрѣ, собой хороша, будетъ чѣмъ вспомнить молодость. *(Задумчиво.)* Думаю себѣ: молодой такой да хорошій!

Еще стою ли я, дура, чтобъ онъ любилъ-то меня? Заглохнуть бы мнѣ здѣсь, въ этомъ захолустьѣ, кабы не онъ.

Лиза.

Что это, Надя, ты словно какъ не въ себѣ?

Надя.

Да и то не въ себѣ. Пока она баловала меня да ласкала, такъ и я думала, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, и мысли у меня совсѣмъ другія были объ жизни. А какъ начала она мной командовать, какъ куклой, да какъ увидѣла я, что никакой мнѣ воли, ни защиты нѣтъ: такъ отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался—не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замужъ отдавай за пастуха, хоть въ какой замокъ за тридесять замковъ запри—мнѣ все равно.

Лиза.

Кажется, баринъ идетъ. *(Леонидъ выходитъ съ противоположной стороны, въ плащѣ.)*

Надя.

Ну, не красавецъ, что-ль, это, а? Лиза!

Лиза.

Ахъ, перестань! Ты точно больная, либо полоумная.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Леонидъ.

Леонидъ *(подходя)*.

А я думалъ, что ты обманешь меня—не придешь.

Надя.

Отчего вы такъ думали?

Леонидъ.

Да, вѣдь, ты говорила, что не любишь меня.

Надя.

Мало ли что дѣвушки говорятъ, а вы имъ не вѣрьте. Какъ васъ не любить, красавца этакого.

Леонидъ *(удивленный)*.

Что ты, Надя! *(Беретъ ея руку, нѣсколько времени держитъ, потомъ цѣлуетъ.)*

Надя *(въ испугѣ отнимаетъ руку)*.

Ахъ! что вы это дѣлаете! Голубчикъ, баринъ! Какъ вамъ не стыдно?

Леонидъ.

Ужъ я тебя очень люблю, Надя!

Надя.

Любите? Ну что-жъ, вы бы такъ меня поцѣловали.

Леонидъ.

Можно, Надя, а? ты позволишь?

Надя.

А что-жъ такое за бѣда!

Леонидъ *(оборотившись)*.

Ахъ, и ты, Лиза, здѣсь...

Лиза.

Уйду, уйду!.. Мѣшать не буду.

Леонидъ *(сконфуженный)*.

Я совсѣмъ не потому. Съ чего это ты выдумала?

Лиза.

Ну ужъ, не хитрите. Мы тоже знаемъ... *(Отходитъ за кусты.)*

Леонидъ.

Такъ ты мнѣ позволишь поцѣловать тебя? *(Робко цѣлуетъ.)* Да нѣтъ, дай мнѣ руку поцѣловать.

Надя *(прячетъ руку)*.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Что это вы!..

Леонидъ.

Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свѣтѣ.

Надя.

Будто и правда?

Леонидъ.

Вѣдь, меня еще никто не любилъ.

Надя.

Не обманываете вы?

Леонидъ.

Нѣтъ, право!.. Право, никто не любилъ. Ей-Богу!

Надя.

Не божитесь: я и такъ повѣрю.

Леонидъ.

Пойдемъ, сядемъ на лавочку.

Надя.

Пойдемте. *(Садятся.)*

Леонидъ.

Что ты такъ дрожишь?

Надя.

А развѣ я дрожу?

Леонидъ.

Дрожишь.

Надя.

Такъ, должно быть, озябла немножко.

Леонидъ.

Позволь, я тебя одѣну. *(Одѣваетъ ее полой плаща и обнимаетъ. Надя беретъ его за руки и держитъ.)*

Надя.

Ну, вотъ и давайте такъ сидѣть да разговаривать.

Леонидъ.

Да объ чемъ же мы будемъ разговаривать? Я только одно и буду говорить тебѣ, что люблю тебя.

Надя.

Вы будете говорить, а я буду слушать.

Леонидъ.

Да, вѣдь, это надоѣсть одно и то же.

Надя.

Вамъ, можетъ быть, надоѣстъ, а мнѣ никогда не надоѣстъ.

Леонидъ.

Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька. *(Встаетъ и цѣлуетъ ее.)*

Надя.

Что-жъ это вы! А вы сидите смирно, какъ уговоръ былъ.

Леонидъ.

Такъ, сложа руки, и сидѣть?

Надя *(смѣясь)*.

Такъ и сидѣть. Вотъ, слышите, въ рощѣ соловей поетъ. А вы сидите, да слушайте. Какъ хорошо такъ слушать.

Леонидъ.

Какъ такъ?

Надя.

Да вотъ такъ, какъ мы съ вами сидимъ. Кажется, всю жизнь такъ бы и сидѣла, да слушала. Ужъ чего еще лучше, чего еще надобно...

Леонидъ.

Наденька, да, вѣдь, это, право, скучно.

Надя.

Вотъ вы каковы, мужчины-то! Вамъ ужъ сейчасъ и скучно сдѣлается. А я, вотъ, готова всю ночь просидѣть, да глядѣть на васъ, не спуская глазъ. Кажется, про весь свѣтъ забуду! *(У нея навертываются слезы, она нагибаетъ голову, потомъ смотритъ на Леонида пристально и задумчиво.)*

Леонидъ.

Теперь бы хорошо на лодкѣ покататься: погода теплая, мѣсяцъ свѣтитъ.

Надя *(разсѣянно и почти машинально)*.

Чего-съ?

Леонидъ.

Покататься бы на лодкѣ; я бы тебя перевезъ на островокъ. Тамъ такъ хорошо, на островкѣ. Ну, что-жъ, пойдемъ. *(Беретъ ее за руку.)*

Надя *(въ задумчивости)*.

Куда же-съ?

Леонидъ.

Куда, куда? Я тебѣ говорилъ, развѣ ты не слыхала?

Надя.

Ахъ, извините, голубчикъ, баринъ! Я задумалась и не слыхала ничего. Баринъ миленькій, простите! *(Кладетъ голову ему на плечо.)*

Леонидъ.

Я говорю: поѣдемъ на островокъ.

Надя *(прилегая)*.

Ахъ, да куда вамъ угодно! Хоть на край свѣта! Только бы съ вами... Ведите, куда хотите.

Леонидъ.

Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что. мнѣ кажется, я заплачу, глядя на тебя. *(Подходятъ къ лодкѣ.)* Прощай, Лиза.

Лиза *(выходя изъ кустовъ, грозитъ)*.

Смотрите вы! *(Леонидъ и Надя садятся въ лодку и уѣзжаютъ.)* Вотъ и уѣхали! Дожидайся ихъ тутъ! Страсти, вѣдь, это, да и только! Ночью, въ саду-то, да еще и одна! Эко наше дѣло — всего-то бойся и... *(Оглядывается.)* Смерть, вѣдь, это! Человѣкъ-то бы еще ничего, все какъ-нибудь сговорить можно... Батюшки! Идетъ кто-то! *(Смотритъ.)* Ну, ничего; это наши старики съ гулянья. *(Прячется.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Выходятъ Потапычъ *въ шинели и въ шляпѣ съ широкими полями и съ тростью, немного подъ хмелькомъ,* Гавриловна *въ старомодной шляпкѣ. Садятся на скамью.*

Потапычъ.

Нѣтъ, ты, Гавриловна, не то... ты не говори!... Барыня у насъ такая... барыня добрая!... Вотъ попросились мы на гулянье, ну, говоритъ, ступайте... А что про нее говорятъ... это я не знаю: не мое дѣло, ну, я и не знаю.

Гавриловна.

Еще-бъ насъ-то не пустить, Потапычъ! Мы съ тобой не молоденькіе, не избалуемся.

Потапычъ.

Молодыхъ нельзя, потому на все, Гавриловна, примѣры. Какіе человѣкъ передъ собой имѣетъ примѣры, такъ и онъ все можетъ... подобно какъ...

Гавриловна.

Ну, а вотъ зачѣмъ Гришку пустили? Сказала, не пущу — ну, и не пущала бы.

Потапычъ.

Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень насчетъ Гришки... очень смущала, а я не знаю. Не мое дѣло, ну, я и не знаю.

Гавриловна.

То-то вотъ, ты говоришь, примѣры-то! Лучше бы она сама хорошій примѣръ показывала! А то только и кричитъ: смотри, да смотри за дѣвками! А что за ними смотрѣть-то? Малолѣтныя онѣ, что ли? У всякаго человѣка свой умъ въ головѣ. Пущай всякій самъ о себѣ и думаетъ. Смотрятъ-то только за пятилѣтними, чтобъ они не сбаловали чего-нибудь. Эка жизнь дѣвичья! Нѣтъ-то хуже ея на свѣтѣ! А не хотятъ того разсудить: много ли дѣвка въ жизнь-то радости видитъ! Ну, много ли? — скажи.

Потапычъ *(вздыхаетъ)*.

Желтенькая жизнь.

Гавриловна.

То-то вотъ и есть! Стало быть, ихъ пожалѣть надо, а не то, что обижать на каждомъ шагу. А то, на что это похоже! Ужъ имъ и вѣры нѣтъ, словно онѣ и не люди! Только куда дѣвка носъ высунула, такъ ужъ сторожа и ходятъ.

Потапычъ.

Вѣдь, нельзя же...

Гавриловна.

Чего нельзя-то? Все можно. Полно ты, Потапычъ! Ты привыкъ съ чужихъ словъ, какъ сорока, болтать, а ты самъ подумай.

Потапычъ.

А я не знаю... Я ничего не знаю.

Гавриловна

Строгостью ничего не возьмешь! Хоть скажи имъ, пожалуй, что вотъ, молъ, за то-то и то-то вѣшать будутъ—все-таки будутъ дѣлать. Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. Надо судить по человѣчеству. Нужды нѣтъ, что у нихъ разумъ-то купленый, а у насъ свой дешевый, да и то мы такъ не разсуждаемъ. На словахъ-то ты прикажи строго-настрого, а на дѣлѣ не всякаго виноватаго казни, а иного и помилуй. Иное дѣло бываетъ отъ баловства, а иной бѣдѣ и самъ не радъ.

Потапычъ.

Теперь, если меня спросить... Такъ что я на это отвѣчать могу? Ну, что я тебѣ отвѣчу?

Гавриловна.

Ну, что?

Потапычъ.

А вотъ что: я этого не знаю, потому это не мое дѣло... это дѣло барыни.

Гавриловна.

Ахъ ты, старина, старина! совсѣмъ-то ты изъ ума выжилъ.

Потапычъ.

Я что-жъ... я, по милости барыни, теперича у своей должности... Я всѣ порядки свои веду... а я не знаю.

Гавриловна.

Пойдемъ-ка домой. Какъ бы и про насъ съ тобой чего не подумали. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лиза *(выходитъ)*.

Вотъ опять одна! Что же это голубки-то мои? Они, чай, и забыли про меня! Да ужъ гдѣ теперь имъ обо мнѣ помнить! Батюшки, скоро разсвѣтать станетъ! Шшь ты, ночи-то нынче короче воробьинаго носа. Какъ тогда домой-то пойти? Эка эта Надя, безстрашная. *(Входитъ Василиса Перегриновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна.

Ты, милушка, тутъ что дѣлаешь?

Лиза.

Развѣ не видите?—гуляю.

Василиса Перегриновна.

Вижу! Какъ не видать! А что это за гулянье у васъ по ночамъ?

Лиза.

А когда же намъ гулять-то? Днемъ работаемъ, да господамъ служимъ, а по ночамъ гуляемъ. Вотъ на васъ такъ я дивлюсь! Неужто вы днемъ-то не нагуляетесь, что вамъ еще хочется по ночамъ бродить да людей пугать, словно какъ...

Василиса Перегриновна.

Что̀ словно какъ?.. Ну, говори, говори.

Лиза.

Что̀? Ничего.

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ты сказала: словно какъ... Ну, такъ говори-жъ теперь, словно какъ кто?

Лиза.

Ну, сказала, такъ сказала.

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ты увертываться не смѣй! Ты говори!

Лиза.

Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Какъ кикимора.

Василиса Перегриновна.

Что̀, что̀! Какъ кикимора!... Какъ ты смѣешь, дрянная дѣвчонка, а? Да что̀-жъ это такое! Вы меня живую въ гробъ вогнать хотите! А вотъ я найду здѣсь твоего любовника, да къ барынѣ васъ и приведу. Вотъ посмотрю я тогда, что̀ ты запоешь.

Лиза.

Нѣтъ у меня любовника! Нечего вамъ и искать. Пожалуй, хоть весь садъ обыщите! А хоть бы и былъ, такъ не ваше дѣло. Вамъ стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это къ стыду вашему относится!

Василиса Перегриновна.

Пой, пой, милая! хорошо ты поешь, гдѣ-то сядешь! Даромъ ты по ночамъ шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я васъ всѣхъ на свѣжую воду выведу. Ужъ теперь раскипѣлось мое сердце, такъ хоть ты мнѣ въ ноги кланяйся, а я тебѣ не прощу этого.

Лиза.

Дожидайтесь! Стану я вамъ кланяться, какъ же! Держите карманъ-то

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ужъ я теперь каждый кустикъ огляжу.

Лиза.

Оглядывайте. *(Василиса Перегриновна смотритъ по сторонамъ, потомъ подходитъ къ пруду.)*

Василиса Перегриновна.

А, вотъ оно что̀! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! Въ лодкѣ! Обнявшись! Какъ это нѣжно! Точно на картинкѣ на какой! Ужъ вамъ бы догадаться гитару взять, да романцы пѣть!... Цѣлуются! Вотъ это хорошо! Вотъ прекрасно! Опять! Отлично! Ужъ чего лучше? Тьфу ты мерзость! Смотрѣть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить. Теперь разговаривать съ вами нечего. Завтра я съ вами поговорю. *(Уходитъ.)*

Лиза.

Вотъ нелегкая принесла! Не расхлебаешь теперь бѣды-то. *(Леонидъ и Надя пристаютъ къ берегу и выходятъ изъ лодки.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лиза, Надя и Леонидъ.

Лиза.

Что̀ вы надѣлали! что̀ вы надѣлали!...

Надя *(не слушая ее, тихо Леониду)*.

Придете завтра?

Леонидъ.

Приду.

Лиза.

Да что̀ ты, не слышишь, что ли?

Надя

Коли мнѣ нельзя будетъ, такъ я вамъ какъ-нибудь записочку передамъ.

Леонидъ.

Хорошо.

Надя.

Ну, прощайте. *(Цѣлуются.)*

Лиза *(громко)*.

Да Надя!

Надя *(подходитъ къ Лизѣ, Леонидъ садится на скамью)*.

Что̀ тебѣ?

Лиза.

Василиса Перегриновна видѣла, какъ вы на прудѣ катались.

Надя.

Ну, Богъ съ ней.

Лиза.

Ну, дѣвка! Не сносить тебѣ своей головы!

Леонидъ.

Надя! *(Надя подходитъ.)* Ахъ, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка!

Надя.

Что это вы!

Леонидъ.

Наденька! *(Шепчетъ ей на ухо.)*

Надя *(качаетъ головой)*.

Ахъ, голубчикъ вы мой! Что это вамъ въ голову пришло! Я не тужу, а вы тужите; какой добренькій! Ну, прощайте! Пора намъ. Не ушла бы я отъ васъ, да нечего дѣлать: не своя воля.

Леонидъ.

Ну, прощай! *(Медленно, какъ бы нехотя расходятся. Надя возвращается, догоняетъ Леонида и смотритъ ему въ глаза.)*

Надя.

Любишь меня?

Леонидъ.

Люблю, люблю! *(Цѣлуются и уходятъ въ разныя стороны.)*

IV.

Комната второй картины.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ*).

Потапычъ *становится у притолки и держится за голову.* Василиса Перегриновна *входитъ тихо.*

Василиса Перегриновна.

Со вчерашняго, должно быть, другъ мой?

Потапычъ.

Чего-съ?

Василиса Перегриновна.

Голова-то болитъ.

*) Все явленіе шопотомъ.

Потапычъ.

Вы, што-ль, мнѣ денегъ-то давали?

Василиса Перегриновна.

На что другое у васъ нѣтъ, а на это найдете.

Потапычъ.

Ну, такъ, стало быть, и не ваше дѣло.

Василиса Перегриновна.

Конечно, Потапычъ, ты старый человѣкъ, отчего тебѣ и не выпить иногда!

Потапычъ.

Само собою. Чай, трудимся...

Василиса Перегриновна.

Такъ, такъ, Потапычъ!

Потапычъ.

Ужъ намъ выговоры-то отъ васъ надоѣли.

Василиса Перегриновна.

Добра вамъ желаю, Потапычъ.

Потапычъ.

Да ужъ не надо! *(Молчаніе.)* Да вы барыню вотъ разстраиваете! Чѣмъ бы за насъ словечко замолвить, когда она въ веселомъ духѣ, а вы нарочно дурного часу ищете, чтобъ на насъ нажаловаться.

Василиса Перегриновна.

И, что ты, Потапычъ, сохрани меня Богъ!

Потапычъ.

Да, ужъ что! Какъ ни божитесь, я васъ знаю! Вотъ хоть бы теперь, вы зачѣмъ идете къ барынѣ?

Василиса Перегриновна.

Съ добрымъ утромъ поздравить благодѣтельницу.

Потапычъ.

А вы не ходите лучше!

Василиса Перегриновна.

А что?

Потапычъ.

Должно быть, лѣвой ногой съ постели встала; на свѣтъ

не глядитъ. *(Василиса Перегриновна потираетъ руки отъ удовольствія.)* Вотъ ужъ я и вижу, что вы рады; васъ такъ и подмываетъ сдьяволить что-нибудь. Тьфу! прости Господи! Ужъ такой карахтеръ!

Василиса Перегриновна.

Обидныя ты мнѣ, Потапычъ, слова говоришь, до самаго до сердца обидныя. Когда я про тебя что̀-нибудь барынѣ говорила?

Потапычъ.

А не про меня, такъ про другого про кого-нибудь.

Василиса Перегриновна.

А, ужъ это мое дѣло.

Потапычъ.

И все, вѣдь, это въ васъ ехидство дѣйствуетъ.

Василиса Перегриновна.

Не ехидство, не ехидство, мой другъ! Ошибаешься ты! Я такую обиду надъ собою видѣла, что на свѣтѣ жить нельзя послѣ этого. Умирать буду, не забуду. *(Уланбекова входитъ, Потапычъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Уланбекова и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна *(цѣлуя обѣ руки Уланбековой).*

Раненько встали, благодѣтельница! Заботы-то у васъ больно много.

Уланбекова *(садясь).*

Не поспалось что̀-то! Дурной сонъ видѣла.

Василиса Перегриновна.

Что̀ сонъ, благодѣтельница! И страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Не сонъ, а наяву-то что̀ дѣлается—разстраиваетъ васъ, благодѣтельницу. Вижу я это, давно вижу.

Уланбекова.

Ахъ, да что̀ мнѣ за дѣло, что̀ тамъ дѣлается?

Василиса Перегриновна.

Какъ же, благодѣтельница, развѣ мы не знаемъ, что душенька ваша о всякой твари печется?

Уланбекова.

Надоѣла ты мнѣ.

Василиса Перегриновна.

Жаль мнѣ васъ, благодѣтельница! Не дождетесь вы себѣ въ этой жизни отрады! Вы всѣмъ благодѣянія разсыпаете, а чѣмъ вамъ платятъ за это? Міръ-то полонъ разврата.

Уланбекова.

Отойди!

Василиса Перегриновна *(плача)*.

Слезами я заливаюсь, глядя на васъ! Сердце мое кровью обливается, что васъ, благодѣтельницу, не уважаютъ, дому вашего не уважаютъ! Въ вашемъ ли честномъ домѣ, въ такихъ мѣстахъ благочестивыхъ, такія дѣла дѣлать!

Уланбекова *(нахмуривъ брови)*.

Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай!

Василиса Перегриновна.

Благодѣтельница, не разстроить бы васъ, боюсь я.

Уланбекова.

Ужъ ты разстроила. Говори.

Василиса Перегриновна *(оглядывается во всѣ стороны и садится на скамейку у ногъ Уланбековой)*.

Кончила я, благодѣтельница, вчера свою вечернюю молитву Творцу Небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышленіями на ночь заняться.

Уланбекова.

Ну!

Василиса Перегриновна.

И что же я тамъ увидѣла, благодѣтельница! Какъ меня ноги сдержали, ужъ я и не знаю! Лизка бѣгаетъ по кустамъ въ развращенномъ видѣ, должно быть, любовниковъ своихъ ищетъ; ангельчикъ, нашъ баричъ, катается на пруду въ лодкѣ, а Надька, тоже въ развращенномъ видѣ, уцѣпилась ему за шею руками и лобзаетъ его. И какъ это видно было, что

онъ, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть отъ себя; а она все хватаетъ его за шею, лобзаетъ и соблазняетъ.

Уланбекова.

А если ты врешь?

Василиса Перегриновна.

Четверить себя позволю, благодѣтельница.

Уланбекова.

Если въ твоихъ словахъ есть хоть капля правды, такъ ужъ и этого довольно.

Василиса Перегриновна.

Все правда, благодѣтельница.

Уланбекова.

Вздоръ! не можетъ быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь. А гдѣ-жъ люди были?

Василиса Перегриновна.

Всѣ, благодѣтельница, пьянёхоньки. Только васъ уложили, всѣ и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна, и Потапычъ, всѣ пьяные. Какой примѣръ молодымъ-то!

Уланбекова.

Это дѣло надо разобрать хорошенько. Ну, ужъ я никакъ бы и не подумала на Леонида. Вотъ они тихонькіе-то! Ну, еще будь онъ военный, такъ извинительно, а то... *(Задумывается.)*

Василиса Перегриновна.

Да вотъ еще, благодѣтельница, Гриша-то до сихъ поръ съ гулянки не бывалъ.

Уланбекова.

Какъ? И не ночевалъ дома?

Василиса Перегриновна.

Не ночевалъ, благодѣтельница!

Уланбекова.

Врешь, врешь, врешь! Со двора сгоню!

Василиса Перегриновна.

Издохнуть на этомъ мѣстѣ.

Уланбекова *(опускаясь въ кресло)*.

Ты меня уморить хочешь! *(Поднимаясь съ кресла.)* Ты меня, просто, уморить хочешь. *(Звонитъ. Входитъ Потапычъ.)* Гдѣ Гриша?

Потапычъ.

Сейчасъ пришелъ-съ.

Уланбекова.

Позови его сюда! *(Потапычъ уходитъ.)* Однако, это ужъ изъ рукъ вонъ!

Василиса Перегриновна.

Не найти вамъ, бдагодѣтельница, никого преданнѣе меня; только однимъ я и несчастлива, что характеръ мой вамъ не нравится. *(Входитъ Гриша растрепанный и взъерошенный.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Гриша.

Уланбекова.

Ты гдѣ былъ?

Гриша *(то открываетъ, то закрываетъ глаза, нетвердъ въ языкѣ и на ногахъ)*.

На гулянкѣ-съ.

Уланбекова.

До сихъ-то поръ? *(Гриша молчитъ.)* Что же ты молчишь? *(Молчаніе)*. Дождусь ли я отъ тебя слова, или нѣтъ?

Василиса Перегриновна.

Отвѣчай барынѣ.

Гриша

Вамъ что еще!

Уланбекова.

Отвѣчай мнѣ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Гриша.

Виноватъ-съ.

Уланбекова.

Я не объ этомъ у тебя спрашиваю, виноватъ ты или нѣтъ; я у тебя спрашиваю: гдѣ ты былъ?

Гриша *(смотритъ въ потолокъ и хлопаетъ глазами)*.

Гдѣ-жъ мнѣ быть-то! Что-жъ такое; обыкновенно гдѣ.

Уланбекова.

Ну, гдѣ же?

Гриша.

Да я вамъ докладывалъ, что все тамъ же-съ.

Уланбекова.

Ты меня выводишь изъ терпѣнія! Гдѣ тамъ?

Гриша.

Да что же такое-съ! На все ваша воля-съ. Я что же-съ... я виноватъ-съ.

Уланбекова.

Боже мой! Да ты и пьянъ еще, кажется.

Гриша.

Никакъ нѣтъ-съ.

Уланбекова.

Какъ нѣтъ? Я вижу.

Гриша.

Что же такое-съ! Про человѣка все можно сказать.

Уланбекова.

Ахъ, ты, мерзкій мальчишка! Онъ еще запирается! Это ужасно! это ужасно! Ну, говори сейчасъ, гдѣ былъ?

Гриша.

Что же-съ! Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланбекова.

Цѣлую-то ночь ты былъ на гуляньѣ?

Гриша.

Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланбекова.

Какъ же ты смѣлъ, когда я тебя отпустила не надолго?

Гриша.

Что же-съ! Я и хотѣлъ итти домой, да не отпустили-съ.

Уланбекова.

Кто же тебя не отпустилъ?

Гриша.

Знакомые не пустили-съ.

Уланбекова.

Кто же у тебя знакомые?

Гриша.

Что же-съ! Приказные знакомые.

Уланбекова.

Боже мой! Приказные! Понимаешь ли ты, что̀ это за народъ?

Гриша.

Кто-съ, приказные-то? Что̀-жъ ихъ понимать-то-съ?

Уланбекова.

Съ ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше-бъ ужъ ты мнѣ и не говорилъ, мерзавецъ ты этакой. Знаю я ихъ поведеніе-то! Они всему научатъ. Что̀ же это такое! Поди вонъ! И не смѣй мнѣ показываться на глаза!

Василиса Перегриновна.

Проси прощенья, дуракъ! цѣлуй у барыни ручку! *(Гриша, махнувъ рукой, уходитъ.)*

Уланбекова.

Это наказанье! Я просто больна сдѣлаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушелъ, точно ему и нужды нѣтъ! И никакого раскаянія не видно.

Василиса Перегриновна.

Ахъ, благодѣтельница! вѣдь, онъ еще ребенокъ, больше по глупости.

Уланбекова.

Нѣтъ, его надо бы хорошенько.

Василиса Перегриновна.

И, что̀ вы, благодѣтельница! Еще совсѣмъ глупъ мальчишка! Что̀ съ него и требовать-то! Вотъ поумнѣе будетъ, тогда другое дѣло.

Уланбекова.

Больше всего меня оскорбляетъ неблагодарность! Кажется, онъ долженъ бы чувствовать, что̀ я для него дѣлаю. Я больна совсѣмъ. Пошли за докторомъ!

Василиса Перегриновна.

Успокойтесь, благодѣтельница. Сто̀ятъ ли они того, чтобы вы изъ-за всякой дряни себя разстраивали!

Уланбекова.

Подай мнѣ спиртъ.

Василиса Перегриновна *(подаетъ)*.

Плюнуть на нихъ, да и все тутъ. Хоть бы теперь эти дѣвки...

Уланбекова.

Ахъ, вотъ еще наказанье-то! Я теперь и съ мыслями не соберусь, совершенно разстроена, а она тутъ съ дѣвками. Я, того и гляди, въ постель слягу.

Василиса Перегриновна.

Ужъ и разврату-то, благодѣтельница, терпѣть мочи нѣтъ.

Уланбекова.

Нѣтъ, ужъ онѣ-то не жди отъ меня милости. А то одного прости, другого прости, такъ весь народъ перебалуешь. *(Звонитъ; входитъ Потапычъ.)* Позови Надежду и самъ приходи! *(Потапычъ уходитъ.)* Вотъ, что̀ значитъ женщина-то! Будь я мужчина, развѣ бы посмѣли такъ вольничать?

Василиса Перегриновна.

Ни во что̀, благодѣтельница, васъ считаютъ, ни во что̀. Ни капельки-таки не боятся.

Уланбекова.

А вотъ они увидятъ сейчасъ, что̀ я значу. *(Входятъ Потапычъ и Надя. Гавриловна и Лиза смотрятъ въ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Потапычъ и Надя.

Уланбекова.

Надежда! Василиса Перегриновна говоритъ, что видѣла тебя съ бариномъ нынче ночью въ саду. Правда ли? *(Надя молчитъ.)* Ты молчишь, значитъ правда. Ну, ужъ теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпѣть его въ своемъ домѣ не хочу. Прогнать мнѣ тебя, чтобы ты шлялась вездѣ, я не могу: это на моей совѣсти останется. Я должна тебя отдать замужъ. *(Потапычу.)* Послать въ городъ и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорѣе, какъ можно. *(Встаетъ со стула и хочетъ итти.)*

Надя *(падая ей въ ноги)*.

Что̀ хотите, только не за него замужъ!

Уланбекова.

Это вздоръ! Что я сказала, то и свято. Да и что за сцены такія? Ты развѣ не видишь, что я нездорова? Еще разстраивать меня! Потапычъ! У ней отца нѣтъ, ты ей будь вмѣсто отца, внуши ей по-отечески, какъ гнусно ея поведеніе и что она должна исполнять мои приказанія.

Потапычъ.

Ты, Надежда, слушай, что барыня приказываетъ! Потому какъ онѣ мнѣ тебя поручаютъ, значитъ, я долженъ свою власть показать надъ тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчасъ же при васъ собственноручно ей нравоученіе сдѣлать! Вотъ, смѣй хоть одно словечко напротивъ сказать, тутъ же и оттаскаю, ни на кого не посмотрю. *(Замахивается.)*

Надя.

Ахъ!.. *(Пригибается.)*

Уланбекова.

Не бей ее! Что за сцены отвратительныя!

Потапычъ.

Да какъ же, сударыня! Такъ съ ними не сговоришь! Опять же, коли я отецъ, такъ ужъ это прямое дѣло! На то есть законъ и, при всемъ томъ, какъ она вамъ теперича противится, такъ я и для васъ долженъ это удовольствіе сдѣлать.

Надя *(плача)*.

Сударыня, не губите меня!

Уланбекова.

Ахъ, Боже мой! Вы меня совсѣмъ не бережете. Слезы, драки! Пошлите сейчасъ за докторомъ! Сколько мнѣ разъ говорить! А ты сама виновата, не на кого тебѣ плакаться. Потапычъ! чтобы это дѣло было кончено. Я не люблю десять разъ повторять одно и то же. *(Уходитъ. Гавриловна за ней. Молчаніе. Гавриловна возвращается.)*

Гавриловна.

Улеглась въ постель и на свѣтъ не глядитъ.

Потапычъ *(въ окно)*.

Антошка! Антошка! Фалеторъ! Сѣдлай лошадь, поѣзжай въ городъ за докторомъ. Ахъ ты, Господи.

Надя *(вставая съ колѣнъ)*.

Какъ вамъ не грѣхъ обижать меня, Потапычъ! Что же я вамъ-то сдѣлала?

Потапычъ.

Мнѣ что же! Мнѣ до тебя какое дѣло! А какъ собственно на то есть господская воля, ну, я и долженъ потрафлять во всемъ; потому я долженъ раболѣпствовать.

Надя.

Вамъ бы убить меня приказали, вы бы и убили?

Потапычъ.

Ужъ это не наше дѣло, мы этого разсуждать не можемъ.

Гавриловна.

Полно, Надя, не плачь! Богъ сиротъ не оставляетъ. *(Надя падаетъ ей на грудь.)*

Лиза *(Василисѣ Перегриновнѣ)*.

Ну, что, весело теперь вашему сердцу?

Василиса Перегриновна.

Погоди, милая, и до тебя очередь дойдетъ. *(Леонидъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Леонидъ.

Леонидъ.

Что такое? Что случилось?

Василиса Перегриновна.

Набѣдокурили сами, да и спрашиваете, что случилось.

Леонидъ.

Что я набѣдокурилъ? Что вы все выдумываете?

Василиса Перегриновна.

Ужъ не притворяйтесь! Теперь все наружу вышло. Пошалили немножко! Что-жъ такое! Въ ваши лѣта, да и не пошалить!

Лиза.

Ужъ она все барынѣ отлепортовала. Барыня такъ разгнѣвались, что бѣда! Ужъ теперича Надю, сударь, за того за приказнаго отдаютъ.

Леонидъ.

Неужели?

Надя.

Кончено дѣло, баринъ, голубчикъ! Приходится мнѣ отвѣчать за вчерашнее гулянье.

Леонидъ.

Очень сердита маменька?

Гавриловна.

Ужъ и не подходи никто.

Леонидъ.

Какъ же это быть-то? Какъ-нибудь уговорить нельзя-ль?

Гавриловна.

Подите-ка, попробуйте. Нѣтъ, ужъ она теперь дней пять изъ комнаты не выйдетъ, и никого къ себѣ пускать не велѣла.

Василиса Перегриновна.

А вамъ хочется уговорить маменьку?

Леонидъ.

Да.

Василиса Перегриновна.

Хотите, научу?

Леонидъ.

Сдѣлайте милость, Василиса Перегриновна!

Василиса Перегриновна.

Ну ужъ, извольте. Благодѣтельница наша обидѣлись очень на Гришку, что онъ не ночевалъ дома, пришелъ пьяный, да еще и прощенья не попросилъ, ручку не поцѣловалъ. Отъ этого огорченія онѣ и больны-то сдѣлались. Ужъ Надежда-то такъ, подъ сердитую руку попалась. Теперь наша благодѣтельница и изъ комнаты не выйдетъ и никого къ себѣ не пуститъ, пока этотъ противный Гришка прощенія просить не будетъ.

Гавриловна.

А, такъ тутъ вотъ какая контра вышла. Ну, ужъ Гришка тоже свой характеръ выдержитъ. Онъ хоть и дуракъ, а себѣ на умѣ; онъ теперь завалится на сѣно, да дня четыре на брюхѣ и пролежитъ.

Потапычъ.

Взять бы орясину послѣ дяди Герасима, да съ хазоваго-то конца и начать охаживать.

Василиса Перегриновна.

Вотъ теперь, баринъ нашъ хорошій, не угодно ли вамъ будетъ ему поклониться, чтобы онъ поскорѣй шелъ у маменьки прощенья просить.

Леонидъ *(подумавъ)*.

Ну, ужъ это ему много чести будетъ. А что, Гавриловна, маменька въ самомъ дѣлѣ очень сердится?

Гавриловна.

Такъ, сударь, сердится, что бѣда!

Леонидъ.

Что-жъ теперь дѣлать-то?

Надя.

Да что вы хлопочете-то! Ничего, вѣдь, вы сдѣлать не можете: ужъ оставьте лучше! Вы же теперь скоро уѣдете въ Петербургъ; веселитесь себѣ; что вамъ объ такихъ пустякахъ думать, себя безпокоить!

Леонидъ.

Да, вѣдь, мнѣ тебя жалко!

Надя.

Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума.

Леонидъ.

Какъ же ты теперь думаешь?

Надя.

А ужъ это мое дѣло.

Леонидъ.

Да, вѣдь, тебѣ будетъ очень тяжело.

Надя.

Вамъ-то что за дѣло! Вамъ за то весело будетъ.

Леонидъ.

Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?

Надя.

Затѣмъ, что вы мальчикъ еще!.. Оставьте!

Леонидъ.

Да, вѣдь, онъ пьяный, скверный такой!

Надя.

Ахъ, Боже мой! Ужъ ѣхали бы вы лучше куда-нибудь, съ глазъ долой.

Леонидъ.

А, въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю.

Надя.

Ну, и съ Богомъ!

Леонидъ.

А какъ ужъ очень-то тебѣ, Надя, тяжело будетъ съ мужемъ-то жить, что-жъ тогда?

Надя *(плача)*.

Ахъ, оставьте вы меня! Сдѣлайте милость, оставьте. *(Рыдая.)* Объ одномъ я васъ прошу: оставьте меня, ради Бога! *(Рыдаетъ.)*

Гавриловна и Лиза *(машутъ руками)*.

Ступайте! Ступайте!

Леонидъ.

Что-жъ вы меня гоните! Мнѣ, чай, жалко ее! Я, все-таки, подумаю, можетъ быть, можно еще какъ-нибудь помочь ей.

Надя *(съ отчаяніемъ)*.

Ни помощниковъ, ни заступниковъ мнѣ не надо! не надо! Не хватитъ моего терпѣнія, такъ прудъ-то у насъ недалеко!

Леонидъ *(робко)*.

Ну, я, пожалуй, уѣду .. Только что она говоритъ! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! *(Идетъ къ дверямъ.)*

Надя *(вслѣдъ ему громко)*.

Прощайте! *(Леонидъ уходитъ.)*

Лиза.

Видно правда пословица-то: кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

ГРОЗА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Савелъ Прокофьевичъ Дикой, купецъ, значительное лицо въ городѣ *)

Борисъ Григорьевичъ, племянникъ его, молодой человѣкъ, порядочно образованный.

Марѳа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

Тихонъ Ивановичъ Кабановъ, ея сынъ.

Катерина, жена его.

Варвара, сестра Тихона.

Кулигинъ, мѣщанинъ, часовщикъ-самоучка, отыскивающій perpetuum-mobile.

Ваня Кудряшъ, молодой человѣкъ, конторщикъ Дикова.

Шапкинъ, мѣщанинъ.

Ѳеклуша, странница.

Глаша, дѣвка въ домѣ Кабановой.

Барыня съ двумя лакеями, старуха 70-ти лѣтъ, полусумасшедшая.

Городскіе жители обоего пола.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги, лѣтомъ. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ 10 дней.

---

*) **Всѣ лица, кромѣ Бориса, одѣты по-русски.**

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Общественный садъ на высокомъ берегу Волги; за Волгой сельскій видъ. На сценѣ двѣ скамейки и нѣсколько кустовъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кулигинъ *(сидитъ на скамьѣ и смотритъ за рѣку)*. Кудряшъ и Шапкинъ *(прогуливаются)*.

Кулигинъ *(поетъ)*.

„Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ...“ *(Перестаетъ пѣть.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряшъ! Вотъ, братецъ ты мой, пятьдесятъ лѣтъ я каждый день гляжу на Волгу и все наглядѣться не могу.

Кудряшъ.

А что?

Кулигинъ.

Видъ необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряшъ.

Нешто!

Кулигинъ.

Восторгъ! А ты: „нешто!“ Приглядѣлись вы, либо не понимаете, какая красота въ природѣ разлита.

Кудряшъ.

Ну, да, вѣдь, съ тобой что толковать! Ты у насъ антикъ, химикъ.

Кулигинъ.

Механикъ, самоучка механикъ.

Кудряшъ.

Все одно. *(Молчаніе.)*

Кулигинъ *(показывая въ сторону)*.

Посмотри-ка, братъ Кудряшъ, кто это тамъ такъ руками размахиваетъ?

Кудряшъ.

Это? Это Дикóй племянника ругаетъ.

Кулигинъ.

Нашелъ мѣсто!

Кудряшъ.

Ему вездѣ мѣсто. Боится, что-ль, онъ кого! Достался ему на жертву Борисъ Григорьичъ, вотъ онъ на немъ и ѣздитъ.

Шапкинъ.

Ужъ такого-то ругателя какъ у насъ Савелъ Прокофьичъ, поискать еще! Ни за что человѣка оборветъ.

Кудряшъ

Пронзительный мужикъ!

Шапкинъ.

Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряшъ.

Ну, да та хоть, по крайности, все подъ видомъ благочестія, а этотъ, какъ съ цѣпи сорвался!

Шапкинъ.

Унять-то его некому, вотъ онъ и воюетъ!

Кудряшъ.

Мало у насъ парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкинъ.

А что бы вы сдѣлали?

Кудряшъ.

Постращали бы хорошенько.

Шапкинъ.

Какъ это?

Кудряшъ.

Вчетверомъ этакъ, впятеромъ, въ переулкѣ гдѣ-нибудь поговорили бы съ нимъ съ глазу на глазъ, такъ онъ бы шелковый сдѣлался. А про нашу науку-то и не пикнулъ бы никому, только бы ходилъ да оглядывался.

Шапкинъ.

Не даромъ онъ хотѣлъ тебя въ солдаты-то отдать.

Кудряшъ.

Хотѣлъ, да не отдалъ, такъ это все одно, что ничего. Не отдастъ онъ меня: онъ чуетъ носомъ-то своимъ, что я свою голову дешево не продамъ. Это онъ вамъ страшенъ-то, а я съ нимъ разговаривать умѣю.

Шапкинъ.

Ой ли?

Кудряшъ.

Что̀ тутъ: ой ли! Я грубіянъ считаюсь; за что̀-жъ онъ меня держитъ? Стало быть, я ему нуженъ. Ну, значитъ, я его и не боюсь, а пущай же онъ меня боится.

Шапкинъ.

Ужъ будто онъ тебя и не ругаетъ?

Кудряшъ.

Какъ не ругать! Онъ безъ этого дышать не можетъ. Да не спускаю и я: онъ—слово, а я—десять; плюнетъ, да и пойдетъ. Нѣтъ, ужъ я передъ нимъ рабствовать не стану.

Кулигинъ.

Съ него, что̀-ль, примѣръ брать! Лучше ужъ стерпѣть.

Кудряшъ.

Ну вотъ, коль ты уменъ, такъ ты его прежде учливости-то выучи, да потомъ и насъ учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, большихъ-то ни одной нѣтъ.

Шапкинъ.

А то что̀ бы?

Кудряшъ.

Я-бъ его уважилъ. Больно лихъ я на дѣвокъ-то! *(Проходятъ Дико̀й и Борисъ. Кулигинъ снимаетъ шапку.)*

Шапкинъ *(Кудряшу)*.

Отойдемъ къ сторонкѣ: еще привяжется, пожалуй. *(Отходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Дико́й и Борисъ.

Дикой.

Баклуши ты, что̀-ль, бить сюда пріѣхалъ! Дармоѣдъ! Пропади ты пропадомъ!

Борисъ.

Праздникъ; что̀ дома-то дѣлать!

Дикой.

Найдешь дѣло, какъ захочешь. Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: „не смѣй мнѣ навстрѣчу попадаться“; тебѣ

все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тьфу, ты, проклятый! Что ты какъ столбъ стоишь-то! Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ?

Борисъ.

Я и слушаю, что-жъ мнѣ дѣлать еще!

Дикой *(посмотрѣвъ на Бориса).*

Провались ты! Я съ тобой и говорить-то не хочу, съ езуитомъ. *(Уходя.)* Вотъ навязался! *(Плюетъ и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кулигинъ, Борисъ, Кудряшъ и Шапкинъ.

Кулигинъ.

Что у васъ, сударь, за дѣла съ нимъ? Не поймемъ мы никакъ. Охота вамъ жить у него да брань переносить.

Борисъ.

Ужъ какая охота, Кулигинъ! Неволя.

Кулигинъ.

Да какая же неволя, сударь, позвольте васъ спросить. Коли можно, сударь, такъ скажите намъ.

Борисъ.

Отчего-жъ не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигинъ.

Ну, какъ не знать!

Кудряшъ.

Какъ не знать!

Борисъ.

Батюшку она, вѣдь, не взлюбила за то, что онъ женился на благородной. По этому-то случаю батюшка съ матушкой и жили въ Москвѣ. Матушка разсказывала, что она трехъ дней не могла ужиться съ родней, ужъ очень ей дико казалось.

Кулигинъ.

Еще бы не дико! Ужъ что говорить! Большую привычку нужно, сударь, имѣть.

Борисъ.

Воспитывали насъ родители въ Москвѣ хорошо, ничего для насъ не жалѣли. Меня отдали въ Коммерческую Академію,

а сестру въ пансіонъ, да оба вдругъ и умерли въ холеру; мы съ сестрой сиротами и остались. Потомъ мы слышимъ, что и бабушка здѣсь умерла и оставила завѣщаніе, чтобы дядя намъ заплатилъ часть, какую слѣдуетъ, когда мы придемъ въ совершеннолѣтіе, только съ условіемъ.

Кулигинъ.

Съ какимъ же, сударь?

Борисъ.

Если мы будемъ къ нему почтительны.

Кулигинъ.

Это значитъ, сударь, что вамъ наслѣдства вашего не видать никогда.

Борисъ.

Да нѣтъ, этого мало, Кулигинъ! Онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ, все-таки, тѣмъ, что не дастъ ничего, или такъ, какую-нибудь малость. Да еще станетъ разсказывать, что изъ милости далъ, что и этого бы не слѣдовало.

Кудряшъ.

Ужъ это у насъ въ купечествѣ такое заведеніе. Опять же, хоть бы вы и были къ нему почтительны, нешто кто ему запретитъ сказать-то, что вы непочтительны?

Борисъ.

Ну да. Ужъ онъ и теперь поговариваетъ иногда: „у меня свои дѣти, за что я чужимъ деньги отдамъ? Чрезъ это я своихъ обидѣть долженъ!“

Кулигинъ.

Значитъ, сударь, плохо ваше дѣло.

Борисъ.

Кабы я одинъ, такъ бы ничего! Я бы бросилъ все да уѣхалъ. А то сестру жаль. Онъ было и ее выписывалъ, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здѣсь жизнь была, и представить страшно.

Кудряшъ.

Ужъ само собой. Нешто они обращеніе понимаютъ?

Кулигинъ.

Какъ же вы у него живете, сударь, на какомъ положеніи?

Борисъ.

Да ни на какомъ: „живи, говоритъ, у меня, дѣлай, что̀ прикажутъ, а жалованья, что̀ положу“. То-есть, черезъ годъ разочтетъ, какъ ему будетъ угодно.

Кудряшъ.

У него ужъ такое заведеніе. У насъ никто и пикнуть не смѣй о жалованьѣ, изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. „Ты, говоритъ, почемъ знаешь, что̀ я на умѣ держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А можетъ, я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ“. Вотъ ты и поговори съ нимъ! Только еще онъ во всю свою жизнь ни разу въ такое-то расположеніе не приходилъ.

Кулигинъ.

Что̀-жъ дѣлать-то, сударь! Надо стараться угождать какъ-нибудь.

Борисъ.

Въ томъ-то и дѣло, Кулигинъ, что никакъ невозможно. На него и свои-то никакъ угодить не могутъ; а ужъ гдѣ-жъ мнѣ!

Кудряшъ.

Кто-жъ ему угодитъ, коли у него вся жизнь основана на ругательствѣ? А ужъ пуще всего изъ-за денегъ; ни одного расчета безъ брани не обходится. Другой радъ отъ своего отступиться, только бы онъ унялся. А бѣда, какъ его поутру кто-нибудь разсердитъ! Цѣлый день ко всѣмъ придирается.

Борисъ.

Тетка каждое утро всѣхъ со слезами умоляетъ: „батюшки, не разсердите! голубчики, не разсердите!“

Кудряшъ.

Да нешто убережешься! Попалъ на базаръ, вотъ и конецъ! Всѣхъ мужиковъ переругаетъ. Хоть въ убытокъ проси, безъ брани, все-таки, не отойдетъ. А потомъ и пошелъ на весь день.

Шапкинъ.

Одно слово: воинъ!

Кудряшъ.

Еще какой воинъ-то!

Борисъ.

А вотъ бѣда-то, когда его обидитъ такой человѣкъ, котораго онъ обругать не смѣетъ; тутъ ужъ домашніе держись!

Кудряшъ.

Батюшки! Что смѣху-то было! Какъ-то его на Волгѣ, на перевозѣ, гусаръ обругалъ. Вотъ чудеса-то творилъ!

Борисъ.

А каково домашнимъ-то было! Послѣ этого двѣ недѣли всѣ прятались по чердакамъ да по чуланамъ.

Кулигинъ.

Что это? Никакъ народъ отъ вечерни тронулся? *(Проходятъ нѣсколько лицъ въ глубинѣ сцены.)*

Кудряшъ.

Пойдемъ, Шапкинъ, въ разгулъ! Что тутъ стоять-то? *(Кланяются и уходятъ.)*

Борисъ.

Эхъ, Кулигинъ, больно трудно мнѣ здѣсь, безъ привычки-то! Всѣ на меня какъ-то дико смотрятъ, точно я здѣсь лишній, точно мѣшаю имъ. Обычаевъ я здѣшнихъ не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки, не привыкну никакъ.

Кулигинъ.

И не привыкнете никогда, сударь.

Борисъ.

Отчего же?

Кулигинъ.

Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! Въ мѣщанствѣ, сударь, вы ничего, кромѣ грубости да бѣдности нагольной, не увидите. И никогда намъ, сударь, не выбиться изъ этой коры! Потому что честнымъ трудомъ никогда не заработать намъ больше насущнаго хлѣба. А у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать. Знаете, что вашъ дядюшка, Савелъ Прокофьичъ, городничему отвѣчалъ? Къ городничему мужички пришли жаловаться, что онъ ни одного изъ нихъ путемъ не разочтетъ. Городничій и сталъ ему говорить: „Послушай, говоритъ, Савелъ Прокофьичъ, разсчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ!“ Дядюшка вашъ потрепалъ городничаго по плечу, да и говоритъ: „Стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то

народу перебываетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой-нибудь копейкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо!“ Вотъ какъ, сударь! А между собой-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ и не столько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; залучаютъ въ свои высокія-то хоромы пьяныхъ приказныхъ, такихъ, сударь, приказныхъ, что и виду-то человѣческаго на немъ нѣтъ, обличье-то человѣческое истеряно. А тѣ имъ, за малую благостыню, на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы строчатъ на ближнихъ. И начнется у нихъ, сударь, судъ да дѣло, и нѣсть конца мученіямъ. Судятся—судятся здѣсь, да въ губернію поѣдутъ, а тамъ ужъ ихъ и ждутъ, да отъ радости руками плещутъ. Скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается; водятъ ихъ—водятъ, волочатъ ихъ — волочатъ; а они еще и рады этому волоченью, того только имъ и надобно. „Я, говоритъ, потрачусь, да ужъ и ему станетъ въ копейку“. Я было хотѣлъ все это стихами изобразить...

Борисъ.

А вы умѣете стихами?

Кулигинъ.

По старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрецъ былъ Ломоносовъ, испытатель природы... А, вѣдь, тоже изъ нашего, изъ простого званія.

Борисъ.

Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигинъ.

Какъ можно, сударь! Съѣдятъ, живого проглотятъ. Мнѣ ужъ и такъ, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговоръ разсыпать! Вотъ еще про семейную жизнь хотѣлъ я вамъ, сударь, разсказать; да когда-нибудь въ другое время. А тоже есть, что послушать. (*Входятъ Феклуша и другая женщина.*)

Феклуша.

Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе! Красота дивная! Да что ужъ говорить! Въ обѣтованной землѣ живете! И купечество все народъ благочестивый, добродѣтелями многими украшенный! Щедростью и подаяніями многими! Я такъ довольна

такъ, матушка, довольна, по горлышко! За наше неоставленіе, имъ еще больше щедротъ пріумножится, а особенно дому Кабановыхъ. *(Уходитъ.)*

Борисъ.

Кабановыхъ?

Кулигинъ.

Ханжа, сударь! Нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ. *(Молчаніе.)* Только-бъ мнѣ, сударь, перпету мобиль найти!

Борисъ.

Что-жъ бы вы сдѣлали?

Кулигинъ.

Какъ же, сударь! Вѣдь, англичане милліонъ даютъ; я бы всѣ деньги для общества и употребилъ, для поддержки. Работу надо дать мѣщанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борисъ.

А вы надѣетесь найти перпетуумъ-мобиле?

Кулигинъ.

Непремѣнно, сударь! Вотъ только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Борисъ *(одинъ)*.

Жаль его разочаровывать-то! Какой хорошій человѣкъ! Мечтаетъ себѣ и счастливъ. А мнѣ, видно, такъ и загубить свою молодость въ этой трущобѣ. Ужъ, вѣдь, совсѣмъ убитый хожу, а тутъ еще дурь въ голову лѣзетъ! Ну, къ чему пристало! мнѣ ли ужъ нѣжности заводить? Загнанъ, забитъ, а тутъ еще сдуру-то влюбляться вздумалъ. Да въ кого! Въ женщину, съ которой даже и поговорить-то никогда не удастся. *(Молчаніе.)* А все-таки, нейдетъ она у меня изъ головы, хоть ты что хочешь. Вотъ она! Идетъ съ мужемъ, ну, и свекровь съ ними! Ну, не дуракъ ли я! Погляди изъ-за угла, да и ступай домой. *(Уходитъ. Съ противоположной стороны входятъ Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара.

Кабанова.

Если ты хочешь мать послушать, такъ ты, какъ пріѣдешь туда, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ приказывала.

Кабановъ.

Да какъ же я могу, маменька, васъ ослушаться!

Кабанова.

Не очень-то нынче старшихъ уважаютъ.

Варвара *(про-себя)*.

Не уважишь тебя, какъ же!

Кабановъ.

Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

Кабанова.

Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала, да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

Кабановъ.

Я, маменька...

Кабанова.

Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А, какъ ты думаешь?

Кабановъ.

Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова.

Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ *(вздыхая)*.

(Въ сторону.) Ахъ ты, Господи! *(Матери.)* Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

Кабанова.

Вѣдь, отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ—добру научатъ.

Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣвки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ. А, сохрани Господи, какимъ-нибудь словомъ снохѣ не угодить, ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ.

Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова.

Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила. *(Вздыхаетъ.)* Охъ, грѣхъ тяжкій! Вотъ долго ли согрѣшить-то! Разговоръ близкій сердцу пойдетъ, ну, и согрѣшишь, разсердишься. Нѣтъ, мой другъ, говори, что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: въ глаза не посмѣютъ, такъ за глаза станутъ.

Кабановъ.

Да отсохни языкъ...

Кабанова.

Полно, полно, не божись! Грѣхъ! Я ужъ давно вижу, что тебѣ жена милѣе матери. Съ тѣхъ поръ, какъ женился, я ужъ отъ тебя прежней любви не вижу.

Кабановъ.

Въ чемъ же вы, маменька, это видите?

Кабанова.

Да во всемъ, мой другъ! Мать чего глазами не увидитъ, такъ у нея сердце вѣщунь, она сердцемъ можетъ чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводитъ отъ меня, ужъ не знаю.

Кабановъ.

Да нѣтъ, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина.

Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихонъ тоже тебя любитъ.

Кабанова.

Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь, онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай! Что ты выскочила въ глазахъ-то поюлить! Чтобы видѣли, что ли, какъ ты мужа

любишь? Такъ знаемъ, знаемъ, въ глазахъ-то ты это всѣмъ доказываешь.

Варвара *(про-себя)*.

Нашла мѣсто наставленіе читать.

Катерина.

Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людяхъ, что безъ людей, я все одна, ничего я изъ себя не доказываю.

Кабанова.

Да я объ тебѣ и говорить не хотѣла; а такъ, къ слову пришлось.

Катерина.

Да хоть и къ слову, за что-жъ ты меня обижаешь?

Кабанова.

Экая важная птица! Ужъ и обидѣлась сейчасъ.

Катерина.

Напраслину-то терпѣть кому-жъ пріятно!

Кабанова.

Знаю я, знаю, что вамъ не понутру мои слова, да что-жъ дѣлать-то, я вамъ не чужая, у меня объ васъ сердце болитъ. Я давно вижу, что вамъ воли хочется. Ну, что-жъ, дождетесь, поживете и на волѣ, когда меня не будетъ. Вотъ ужъ тогда дѣлайте, что хотите, не будетъ надъ вами старшихъ. А можетъ, и меня вспомянете.

Кабановъ.

Да мы объ васъ, маменька, денно и нощно Бога молимъ, чтобы вамъ, маменька, Богъ далъ здоровья и всякаго благополучія и въ дѣлахъ успѣху.

Кабанова.

Ну, полно, перестань пожалуйста. Можетъ быть, ты и любилъ мать, пока былъ холостой. До меня ли тебѣ: у тебя жена молодая.

Кабановъ.

Одно другому не мѣшаетъ-съ: жена сама по себѣ, а къ родительницѣ я само по себѣ почтеніе имѣю.

Кабанова.

Такъ промѣняешь ты жену на мать? Ни въ жизнь я этому не повѣрю.

Кабановъ.

Да для чего же мнѣ мѣнять-съ? Я обѣихъ люблю.

Кабанова.

Ну да, да, такъ и есть, размазывай! Ужъ я вижу, что я вамъ помѣха.

Кабановъ.

Думайте, какъ хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что̀ я за несчастный такой человѣкъ на свѣтъ рожденъ, что не могу вамъ угодить ни чѣмъ.

Кабанова.

Что̀ ты сиротой-то прикидываешься? Что̀ ты нюни-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя! Станетъ ли тебя жена бояться послѣ этого?

Кабановъ.

Да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ.

Кабанова.

Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что̀ ли. Тебя не станетъ бояться, меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь, ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ? Да ужъ коли ты такія дурацкія мысли въ головѣ держишь, ты бы при ней-то, по крайней мѣрѣ, не болталъ, да при сестрѣ при дѣвкѣ; ей тоже замужъ итти: этакъ она твоей болтовни наслушается, такъ послѣ мужъ-то намъ спасибо скажетъ за науку. Видишь ты, какой еще умъ-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабановъ.

Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужъ мнѣ своей волей жить!

Кабанова.

Такъ, по-твоему, нужно все лаской съ женой? Ужъ и не прикрикнуть на нее и не пригрозить?

Кабановъ.

Да, я маменька...

Кабанова *(горячо)*.

Хоть любовника заводи? А? И это, можетъ быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

Кабановъ.

Да, ей-Богу, маменька...

Кабанова *(совершенно хладнокровно).*

Дуракъ! *(Вздыхаетъ.)* Что съ дуракомъ и говорить! только грѣхъ одинъ! *(Молчаніе.)* Я домой иду.

Кабановъ.

И мы сейчасъ, только разъ-другой по бульвару пройдемъ.

Кабанова.

Ну, какъ хотите, только ты смотри, чтобы мнѣ васъ не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабановъ.

Нѣтъ, маменька! Сохрани меня Господи!

Кабанова.

То-то же! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же *безъ* Кабановой.

Кабановъ.

Вотъ видишь ты, вотъ всегда мнѣ за тебя достается отъ маменьки! Вотъ жизнь-то моя какая!

Катерина.

Чѣмъ же я-то виновата?

Кабановъ.

Кто-жъ виноватъ, я ужъ не знаю.

Варвара.

Гдѣ тебѣ знать!

Кабановъ.

То все приставала: „женись, да женись, я хоть бы поглядѣла на тебя, на женатаго". А теперь поѣдомъ ѣстъ, проходу не даетъ — все за тебя.

Варвара

Такъ нешто она виновата! Мать на нее нападаетъ, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мнѣ глядѣть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

Кабановъ.

Толкуй тутъ! Что-жъ мнѣ дѣлать-то?

Варвара.

Знай свое дѣло—молчи, коли ужъ лучше ничего не умѣешь. Что̀ стоишь—переминаешься? По глазамъ вижу, что̀ у тебя и на умѣ-то.

Кабановъ.

Ну, а что̀?

Варвара.

Извѣстно что̀. Къ Савелу Прокофьичу хочется, выпить съ нимъ. Что̀, не такъ, что̀ ли?

Кабановъ.

Угадала, братъ.

Катерина.

Ты, Тиша, скорѣй приходи, а то маменька опять браниться станетъ.

Варвара.

Ты проворнѣй, въ самомъ дѣлѣ, а то знаешь, вѣдь!

Кабановъ.

Ужъ какъ не знать!

Варвара.

Намъ тоже не велика охота изъ-за тебя брань-то принимать.

Кабановъ.

Я мигомъ. Подождите! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Катерина и Варвара

Катерина.

Такъ ты, Варя, жалѣешь меня?

Варвара *(глядя въ сторону)*.

Разумѣется, жалко.

Катерина.

Такъ ты, стало-быть, любишь меня? *(Крѣпко цѣлуетъ.)*

Варвара.

За что̀-жъ мнѣ тебя не любить-то!

Катерина.

Ну, спасибо тебѣ! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти. *(Молчаніе.)* Знаешь, мнѣ что̀ въ голову пришло?

Варвара.

Что?

Катерина.

Отчего люди не летаютъ?

Варвара.

Я не понимаю, что̀ ты говоришь.

Катерина.

Я говорю: отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь? (*Хочетъ бѣжать.*)

Варвара.

Что̀ ты выдумываешь-то?

Катерина (*вздыхая*).

Какая я была рѣзвая! Я у васъ завяла совсѣмъ.

Варвара.

Ты думаешь, я не вижу?

Катерина.

Такая ли я была! Я жила—ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня какъ куклу, работать не принуждала; что̀ хочу, бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ разскажу. Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключикъ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы—у насъ полонъ домъ былъ странницъ да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы станутъ разсказывать: гдѣ онѣ были, что̀ видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было!

Варвара.

Да, вѣдь, и у насъ то же самое.

Катерина.

Да здѣсь все, какъ будто, изъ-подъ неволи. И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда

служба кончится. Точно, какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотрятъ на меня, что со мной дѣлается! А знаешь: въ солнечный день, изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану—у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли—да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно. А какіе сны мнѣ снились, Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы, и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то.

Варвара.

А что же?

Катерина *(помолчавъ)*.

Я умру скоро.

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Нѣтъ, я знаю, что умру. Ахъ, дѣвушка, что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... ужъ и не знаю.

Варвара.

Что же съ тобой такое?

Катерина *(беретъ ее за руку)*.

А вотъ что, Варя: быть грѣху какому-нибудь! Такой на меня страхъ, такой-то на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью, и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара.

Что съ тобой? Здорова ли ты?

Катерина.

Здорова... Лучше бы я больна была, а то не хорошо. Лѣзетъ мнѣ въ голову мечта какая-то. И никуда я отъ нея не уйду. Думать стану—мыслей никакъ не соберу, молиться—не отмолюсь никакъ. Языкомъ лепечу слова, а на умѣ совсѣмъ не то: точно мнѣ лукавый въ уши шепчетъ, да все про такія дѣла нехорошія. И то мнѣ представляется, что мнѣ самоё себя совѣстно сдѣлается. Что со мной? Передъ бѣдой передъ какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо—горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...

Варвара.

Ну?

Катерина.

Да что же это я говорю тебѣ: ты—дѣвушка.

Варвара *(оглядываясь)*.

Говори! Я хуже тебя.

Катерина.

Ну, что-жъ мнѣ говорить? Стыдно мнѣ.

Варвара.

Говори, нужды нѣтъ!

Катерина.

Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись...

Варвара.

Только не съ мужемъ.

Катерина.

А ты почемъ знаешь?

Варвара.

Еще бы не знать!...

Катерина.

Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ! Сколько я, бѣдная, плакала, чего ужъ я надъ собой не дѣлала! Не уйти мнѣ отъ этого грѣха. Никуда не уйти. Вѣдь, это не хорошо, вѣдь, это страшный грѣхъ, Варенька, что я другого люблю!

Варвара.

Что мнѣ тебя судить! У меня свои грѣхи есть.

Катерина.

Что же мнѣ дѣлать! Силъ моихъ не хватаетъ. Куда мнѣ дѣваться; я отъ тоски что-нибудь сдѣлаю надъ собой!

Варвара.

Что ты! Что съ тобой! Вотъ, погоди, завтра братецъ уѣдетъ, подумаемъ; можетъ быть, и видѣться можно будетъ.

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара.

Чего ты такъ испугалась?

Катерина.

Если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, я ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ.

Варвара.

А вотъ погоди, тамъ увидимъ.

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говори мнѣ, я и слушать не хочу!

Варвара.

А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай съ тоски, пожалѣютъ, что-ль, тебя! Какъ же, дожидайся. Такъ какая-жъ неволя себя мучить-то! *(Входитъ барыня съ палкой и два лакея въ треугольныхъ шляпахъ сзади.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и барыня.

Барыня.

Что, красавицы? Что тутъ дѣлаете? Молодцовъ поджидаете, кавалеровъ? Вамъ весело? Весело? Красота-то ваша васъ радуетъ? Вотъ красота-то куда ведетъ. *(Показываетъ на Волу.)* Вотъ, вотъ, въ самый омутъ! *(Варвара улыбается.)* Что смѣетесь! Не радуйтесь! *(Стучитъ палкой.)* Всѣ въ огнѣ горѣть будете неугасимомъ. Всѣ въ смолѣ будете кипѣть неутолимой. *(Уходя.)* Вонъ, вонъ, куда красота-то ведетъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Катерина и Варвара.

Катерина.

Ахъ, какъ она меня испугала! я дрожу вся, точно она пророчитъ мнѣ что-нибудь.

Варвара.

На свою бы тебѣ голову, старая корга!

Катерина.

Что̀ она сказала такое, а? Что̀ она сказала?

Варвара.

Вздоръ все. Очень нужно слушать, что̀ она городитъ. Она всѣмъ такъ пророчитъ. Всю жизнь смолоду-то грѣшила. Спроси-ка, что̀ объ ней поразскажутъ! Вотъ умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тѣмъ и другихъ пугаетъ. Даже всѣ мальчишки въ городѣ отъ нея прячутся, грозитъ на нихъ палкой да кричитъ *(передразнивая:)* „всѣ горѣть въ огнѣ будете!“

Катерина *(зажмуриваясь).*

Ахъ, ахъ, перестань! У меня сердце упало.

Варвара.

Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина.

Боюсь, до смерти боюсь! Все она мнѣ въ глазахъ мерещится. *(Молчаніе.)*

Варвара *(оглядываясь).*

Что̀ это, братецъ нейдетъ, вонъ, никакъ, гроза заходитъ.

Катерина *(съ ужасомъ).*

Гроза! Побѣжимъ домой! Поскорѣе!

Варвара.

Что̀ ты, съ ума, что ли, сошла! Какъ же ты безъ братца-то домой покажешься?

Катерина.

Нѣтъ, домой, домой! Богъ съ нимъ!

Варвара.

Да что̀ ты ужъ очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина.

А коли далеко, такъ, пожалуй, подождемъ немного; а право, бы лучше итти. Пойдемъ лучше!

Варвара.

Да, вѣдь, ужъ коли чему быть, такъ и дома не спрячешься.

Катерина.

Да, все-таки, лучше, все покойнѣе; дома-то я къ образамъ, да Богу молиться!

Варвара.

Я и не знала, что ты такъ грозы боишься. Я вотъ не боюсь.

Катерина.

Какъ, дѣвушка, не бояться! Всякій долженъ бояться. Не то страшно, что убьетъ тебя, а то, что смерть тебя вдругъ застанетъ, какъ ты есть, со всѣми твоими грѣхами, со всѣми помыслами лукавыми. Мнѣ умереть не страшно, а какъ я подумаю, что вотъ вдругъ я явлюсь передъ Богомъ такая, какая я здѣсь съ тобой, послѣ этого разговору-то! вотъ что̀ страшно. Что̀ у меня на умѣ-то! Какой грѣхъ-то! страшно вымолвить! *(Громъ.)* Ахъ! *(Кабановъ входитъ.)*

Варвара.

Вотъ братецъ идетъ. *(Кабанову.)* Бѣги скорѣй! *(Громъ.)*

Катерина.

Ахъ! Скорѣй, скорѣй!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Кабановыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глаша *(собираетъ платье въ узлы)* и Ѳеклуша *(входитъ)*.

Ѳеклуша.

Милая дѣвушка, все-то ты за работой! Что̀ дѣлаешь, милая?

Глаша.

Хозяина въ дорогу собираю.

Ѳеклуша.

Аль ѣдетъ куда, свѣтъ нашъ?

Глаша.

Ѣдетъ.

Ѳеклуша.

На́долго, милая, ѣдетъ?

Глаша.

Нѣтъ, не на̀долго.

Ѳеклуша.

Ну, скатертью ему дорога! А что̀, хозяйка-то станетъ выть, аль нѣтъ?

Глаша.

Ужъ не знаю, какъ тебѣ сказать.

Ѳеклуша.

Да она у васъ воетъ когда?

Глаша.

Не слыхать что̀-то.

Ѳеклуша.

Ужъ больно я люблю, милая дѣвушка, слушать, коли кто хорошо воетъ-то! *(Молчаніе.)* А вы, дѣвушка, за убогой-то присматривайте, не стянула-бъ чего.

Глаша.

Кто васъ разберетъ, всѣ вы другъ на друга клеплете. Что вамъ ладно-то не живется? Ужъ у насъ ли, кажется, вамъ, страннымъ, не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; грѣха-то вы не боитесь.

Ѳеклуша.

Нельзя, матушка, безъ грѣха: въ міру живемъ. Вотъ что я тебѣ скажу, милая дѣвушка: васъ, простыхъ людей, каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, къ страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено; вотъ и надобно ихъ всѣхъ побороть. Трудно, милая дѣвушка!

Глаша.

Отчего-жъ къ вамъ такъ много?

Ѳеклуша.

Это, матушка, врагъ-то изъ ненависти на насъ, что жизнь такую праведную ведемъ. А я, милая дѣвушка, не вздорная, за мной этого грѣха нѣтъ. Одинъ грѣхъ за мной есть, точно; я сама знаю, что есть. Сладко поѣсть люблю. Ну, такъ что-жъ! По немощи моей Господь посылаетъ.

Глаша.

А ты, Ѳеклуша, далеко ходила?

Ѳеклуша.

Нѣтъ, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать—много слыхала. Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махнутъ турецкій, а въ другой—салтанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надо всѣми людьми, и, что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая, ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по-ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами.

Глаша.

Отчего-жъ такъ съ песьими?

Ѳеклуша.

За невѣрность. Пойду я, милая дѣвушка, по купечеству поброжу: не будетъ ли чего на бѣдность. Прощай покудова!

Глаша.

Прощай! *(Ѳеклуша уходитъ.)* Вотъ еще какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ ничего не знаемъ. Еще хорошо, что добрые люди есть; нѣтъ-нѣтъ, да и услышишь, что на бѣломъ свѣту дѣлается; а то бы такъ дураками и померли. *(Входятъ Катерина и Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глашѣ)*.

Тащи узлы-то въ кибитку, лошади пріѣхали. *(Катеринѣ.)* Молоду тебя замужъ-то отдали, погулять-то тебѣ въ дѣвкахъ не пришлось; вотъ у тебя сердце-то и не уходилось еще. *(Глаша уходитъ.)*

Катерина.

И никогда не уходится.

Варвара.

Отчего же?

Катерина.

Такая ужъ я зародилась, горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что̀ сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли, верстъ за десять!

Варвара.

Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина.

Какъ не поглядывать!

Варвара.

Что̀ же ты? Неужто не любила никого?

Катерина.

Нѣтъ, смѣялась только.

Варвара.

А, вѣдь, ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина.

Нѣтъ, какъ не любить! Мнѣ жалко его очень.

Варвара.

Нѣтъ, не любишь. Коли жалко, такъ не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты отъ меня скрываешься! Давно ужъ я замѣтила, что ты любишь одного человѣка.

Катерина *(съ испугомъ)*.

Почемъ же ты замѣтила?

Варвара.

Какъ ты смѣшно говоришь! Маленькая я, что̀ ли! Вотъ тебѣ первая примѣта: какъ ты увидишь его, вся въ лицѣ перемѣнишься. *(Катерина потупляетъ глаза.)* Да мало ли...

Катерина *(потупившись)*.

Ну, кого же?

Варвара.

Да, вѣдь, ты сама знаешь, что̀ называть-то?

Катерина.

Нѣтъ, назови! По имени назови!

Варвара.

Бориса Григорьича.

Катерина.

Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради Бога...

арвара.

Ну, вотъ еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись какъ-нибудь.

Катерина.

Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу.

Варвара.

Ну, а, вѣдь, безъ этого нельзя; ты вспомни, гдѣ ты живешь! У насъ весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, такъ его видѣла, говорила съ нимъ.

Катерина *(после непродолжительнаго молчанія, потупившись).*

Ну, такъ что-жъ?

Варвара.

Кланяться тебѣ приказалъ. Жаль, говоритъ, что видѣться негдѣ.

Катерина *(потупившись еще болѣе).*

Гдѣ же видѣться! Да и зачѣмъ...

Варвара.

Скучный такой...

Катерина.

Не говори мнѣ про него, сдѣлай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю! Я и думать-то не хотѣла, а ты меня смущаешь.

Варвара.

Да не думай, кто-жъ тебя заставляетъ?

Катерина.

Не жалѣешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Развѣ я хочу объ немъ думать; да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ. Объ чемъ ни задумаю, а онъ такъ и стоитъ передъ глазами. И хочу себя переломить, да не могу никакъ. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять врагъ смущалъ. Вѣдь, я было изъ дому ушла.

Варвара.

Ты какая-то мудреная, Богъ съ тобой! А по-моему: дѣлай, что̀ хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина.

Не хочу я такъ. Да и что хорошаго! Ужъ я лучше буду терпѣть, пока терпится.

Варвара.

А не стерпится, что-жъ ты сдѣлаешь?

Катерина.

Что̀ я сдѣлаю?

Варвара.

Да, что̀ сдѣлаешь?

Катерина.

Что̀ мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

Варвара.

Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

Катерина.

А что̀ мнѣ! Я уйду, да и была такова.

Варвара.

Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина.

Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера! Конечно, не дай Богъ этому случиться! А ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержутъ меня никакою силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь! *(Молчаніе.)*

Варвара.

Знаешь что̀, Катя! Какъ Тихонъ уѣдетъ, такъ давай въ саду спать, въ бесѣдкѣ.

Катерина.

Ну, зачѣмъ, Варя?

Варвара.

Да нешто не все равно?

Катерина.

Боюсь я въ незнакомомъ-то мѣстѣ ночевать.

Варвара.

Чего бояться-то! Глаша съ нами будетъ.

Катерина.

Все какъ-то робко! Да я пожалуй.

Варвара.

Я-бъ тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пуститъ, а мнѣ нужно.

Катерина *(смотря на нее)*.

Зачѣмъ же тебѣ нужно?

Варвара *(смѣется)*.

Будемъ тамъ ворожить съ тобой.

Катерина.

Шутишь, должно быть?

Варвара.

Извѣстно, шучу; а то неужто въ самомъ дѣлѣ? *(Молчаніе.)*

Катерина.

Гдѣ-жъ это Тихонъ-то?

Варвара.

На что̀ онъ тебѣ?

Катерина.

Нѣтъ, я такъ. Вѣдь, скоро ѣдетъ.

Варвара.

Съ маменькой сидятъ, запершись. Точитъ она его теперь, какъ ржа желѣзо.

Катерина.

За что̀ же?

Варвара.

Ни за что̀, такъ, уму-разуму учитъ. Двѣ недѣли въ дорогѣ будетъ, заглазное дѣло! Сама посуди! У нея сердце все изноетъ, что онъ на своей волѣ гуляетъ. Вотъ она ему теперь и надаетъ приказовъ, одинъ другого грознѣй, да потомъ къ образу поведетъ, побожиться заставитъ, что все такъ точно онъ и сдѣлаетъ, какъ приказано.

Катерина.

И на волѣ-то онъ словно связанный.

Варвара.

Да, какъ же, связанный! Онъ, какъ выѣдетъ, такъ запьетъ. Онъ теперь слушаетъ, а самъ думаетъ, какъ бы ему вырваться-то поскорѣй. *(Входятъ Кабанова и Кабановъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Кабанова и Кабановъ.

Кабанова.

Ну, ты помнишь все, что̀ я тебѣ сказала? Смотри-жъ, помни! На носу себѣ заруби!

Кабановъ.

Помню, маменька.

Кабанова.

Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали, проститься тебѣ только, да и съ Богомъ.

Кабановъ.

Да-съ, маменька, пора.

Кабанова.

Ну!

Кабановъ.

Чего изволите-съ?

Кабанова.

Что̀-жъ ты стоишь, развѣ порядку не знаешь? Приказывай женѣ-то, какъ жить безъ тебя. *(Катерина потупила глаза въ землю.)*

Кабановъ.

Да она, чай, сама знаетъ.

Кабанова.

Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтобъ и я слышала, что̀ ты ей приказываешь! А потомъ пріѣдешь, спросишь, такъ ли все исполнила.

Кабановъ *(становясь противъ Катерины).*

Слушайся маменьки, Катя.

Кабанова.

Скажи, чтобъ не грубила свекрови.

Кабановъ.

Не груби!

Кабанова.

Чтобъ почитала свекровь, какъ родную мать!

Кабановъ.

Почитай, Катя, маменьку, какъ родную мать!

Кабанова.

Чтобъ, сложа ручки, не сидѣла, какъ барыня!

Кабановъ.

Работай что̀-нибудь безъ меня!

Кабанова.

Чтобъ въ окна глазъ не пялила!

Кабановъ.

Да, маменька, когда-жъ она...

Кабанова.

Ну, ну!

Кабановъ.

Въ окна не глядп!

Кабанова.

Чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась безъ тебя!

Кабановъ.

Да что̀-жъ это, маменька, ей-Богу!

Кабанова *(строго)*.

Ломаться-то нечего! Долженъ исполнять, что̀ мать говоритъ. *(Съ улыбкой.)* Оно все лучше, какъ приказано-то.

Кабановъ *(сконфузившись)*.

Не заглядывайся на парней! *(Катерина строго взглядываетъ на него.)*

Кабанова.

Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что̀ нужно. Пойдемъ, Варвара! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабановъ и Катерина *(стоитъ, какъ-будто въ оцѣпенѣніи)*.

Кабановъ.

Катя! *(Молчаніе.)* Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(послѣ непродолжительнаго молчанія, покачавъ головой)*.

Нѣтъ!

Кабановъ.

Да что̀ ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все въ томъ же состояніи, слегка покачавъ головой).*

Богъ съ тобой! *(Закрывъ лицо рукою.)* Обидѣла она меня!

Кабановъ.

Все къ сердцу-то принимать, такъ въ чахотку скоро попадешь. Что̀ ее слушать-то! Ей, вѣдь, что̀-нибудь надо-жъ говорить! Ну, и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу).*

Тиша, не уѣзжай! Ради Бога, не уѣзжай! Голубчикъ, прошу я тебя!

Кабановъ.

Нельзя, Катя. Коли маменька посылаетъ, какъ же я не поѣду!

Катерина.

Ну, бери меня съ собой, бери!

Кабановъ *(освобождаясь изъ ея объятій).*

Да нельзя!

Катерина.

Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабановъ.

Куда какъ весело съ тобой ѣхать! Вы меня ужъ заѣздили здѣсь совсѣмъ! Я не чаю, какъ вырваться-то, а ты еще навязываешься со мной.

Катерина.

Да неужели же ты разлюбилъ меня?

Кабановъ.

Да не разлюбилъ; а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы-жены убѣжишь! Ты подумай то̀: какой ни на есть, а я, все-таки, мужчина; всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?

Катерина.

Какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?

Кабановъ.

Слова, какъ слова! Какія же мнѣ еще слова говорить!

Кто тебя знаетъ, чего ты боишься! Вѣдь, ты не одна, ты съ маменькой останешься.

Катерина.

Не говори ты мнѣ объ ней, не тирань ты моего сердца! Ахъ, бѣда моя, бѣда! *(Плачетъ.)* Куда мнѣ, бѣдной, дѣться? За кого мнѣ ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабановъ.

Да полно ты!

Катерина *(подходитъ къ мужу и прижимается къ нему).*

Тиша, голубчикъ, кабы ты остался, либо взялъ ты меня съ собой, какъ бы я тебя любила, какъ бы я тебя голубила, моего милаго! *(Ласкаетъ его.)*

Кабановъ.

Не разберу я тебя, Катя! То отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то такъ сама лѣзешь.

Катерина.

Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть бѣдѣ безъ тебя! Быть бѣдѣ!

Кабановъ.

Ну, да, вѣдь, нельзя, такъ ужъ нечего дѣлать.

Катерина.

Ну, такъ вотъ что! Возьми ты съ меня какую-нибудь клятву страшную...

Кабановъ.

Какую клятву?

Катерина.

Вотъ какую: чтобы не смѣла я безъ тебя ни подъ какимъ видомъ ни говорить ни съ кѣмъ чужимъ, ни видѣться, чтобы и думать я не смѣла ни о комъ, кромѣ тебя.

Кабановъ.

Да на что-жъ это?

Катерина.

Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня!

Кабановъ.

Какъ можно за себя ручаться, мало-ль что можетъ въ голову прійти.

Катерина *(падая на колѣни).*

Чтобъ не видать мнѣ ни отца, ни матери! Умереть мнѣ безъ покаянія, если я...

Кабановъ *(поднимая ее).*

Что ты! Что ты! Какой грѣхъ-то! Я и слушать не хочу! *(Голосъ Кабановой: „Пора. Тихонъ!" Входятъ Кабанова, Варвара и Глаша.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова.

Ну, Тихонъ, пора! Поѣзжай съ Богомъ! *(Садится.)* Садитесь всѣ! *(Всѣ садятся. Молчаніе.)* Ну, прощай! *(Встаетъ и всѣ встаютъ.)*

Кабановъ *(подходя къ матери).*

Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестомъ показываетъ на землю).*

Въ ноги, въ ноги! *(Кабановъ кланяется въ ноги, потомъ цѣлуется съ матерью.)* Прощайся съ женою!

Кабановъ.

Прощай, Катя! *(Катерина кидается ему на шею.)*

Кабанова.

Что на шею-то виснешь, безстыдница! Не съ любовникомъ прощаешься! Онъ тебѣ мужъ—глава! Аль порядку не знаешь? Въ ноги кланяйся! *(Катерина кланяется въ ноги.)*

Кабановъ.

Прощай, сестрица! *(Цѣлуется съ Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Цѣлуется съ Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

Кабанова.

Прощай! Дальніе проводы—лишнія слезы. *(Кабановъ уходитъ, за нимъ Катерина, Варвара и Глаша.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Кабанова *(одна).*

Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась бы досыта: ничего-то не

знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А, вѣдь, тоже, глупые, на свою волю хотятъ, а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ да смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя. Гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ, да и только. Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего. *(Входятъ Катерина и Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова.

Ты вотъ похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ, видно, ничего.

Катерина.

Не къ чему! Да и не умѣю. Что народъ-то смѣшить!

Кабанова.

Хитрость-то не великая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки, пристойнѣе; а то, видно, на словахъ-то только. Ну, я Богу молиться пойду; не мѣшайте мнѣ.

Варвара.

Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково).*

А мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься! *(Уходятъ Кабанова и Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Катерина *(одна, задумчиво).*

Ну, теперь тишина у насъ въ домѣ воцарится! Ахъ, какая скука. Хоть бы дѣти чьи-нибудь! Эко горе! Дѣтокъ-то у меня

нѣтъ: все бы я и сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать — ангелы, вѣдь, это. *(Молчаніе.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядѣла бы я съ неба на землю, да и радовалась всему. А то полетѣла бы невидимо, куда захотѣла. Вылетѣла бы въ поле и летала бы съ василька на василекъ по вѣтру, какъ бабочка. *(Задумывается.)* А вотъ что̀ сдѣлаю: я начну̀ работу какую-нибудь по обѣщанію; пойду въ гостиный дворъ, куплю холста, да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. Они за меня Богу помолятъ. Вотъ и засядемъ шить съ Варварой, и не увидимъ, какъ время пройдетъ; а тутъ Тиша пріѣдетъ. *(Входитъ Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрываетъ голову платкомъ передъ зеркаломъ).*

Я теперь гулять пойду; а ужо намъ Глаша постелетъ постели въ саду, маменька позволила. Въ саду, за малиной, есть калитка, ее маменька запираетъ на замокъ, а ключъ прячетъ. Я его унесла, а ей подложила другой, чтобъ не замѣтила. На̀ вотъ, можетъ быть, понадобится. *(Подаетъ ключъ.)* Если увижу, такъ скажу, чтобъ приходилъ къ калиткѣ.

Катерина *(съ испугомъ, отталкивая ключъ).*

На что̀! На что̀! Не надо, не надо!

Варвара.

Тебѣ не надо, мнѣ понадобится; возьми, не укуситъ онъ тебя.

Катерина.

Да что̀ ты затѣяла-то, грѣховодница! Можно ли это! Подумала-ль ты? Что̀ ты! Что̀ ты!

Варвара.

Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мнѣ. Мнѣ гулять пора. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Катерина *(одна, держи ключъ въ рукахъ).*

Что она это дѣлаетъ-то? Что́ она только придумываетъ? Ахъ, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вотъ погибель-то! Вотъ она! Бросить его, бросить далеко, въ рѣку кинуть, чтобъ не нашли никогда! Онъ руки-то жжетъ, точно уголь! *(Подумавъ.)* Вотъ такъ-то и гибнетъ наша сестра-то. Въ неволѣ-то кому весело! Мало ли что́ въ голову-то придетъ. Вышелъ случай, другая и рада: такъ, очертя голову, и кинется. А какъ же это можно, не подумавши, не разсудивши-то! Долго ли въ бѣду попасть! А тамъ и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горчѣе покажется. *(Молчаніе.)* А горька неволя, охъ, какъ горька! Кто отъ нея не плачетъ! А пуще всѣхъ мы, бабы. Вотъ хоть я теперь! Живу—маюсь, просвѣту себѣ не вижу! Да и не увижу, знать! Что̀ дальше, то хуже. А теперь еще этотъ грѣхъ-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... отъ нея мнѣ и домъ-то опостылѣлъ; стѣны-то даже противны. *(Задумчиво смотритъ на ключъ.)* Бросить его? Разумѣется, надо бросить. И какъ онъ это ко мнѣ въ руки попалъ? На соблазнъ, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ахъ, кто-то идетъ. Такъ сердце и упало. *(Прячетъ ключъ въ карманъ.)* Нѣтъ!.. Никого!.. Что̀ я такъ испугалась! И ключъ спрятала... Ну, ужъ знать тамъ ему и быть! Видно, сама судьба того хочетъ! Да какой же въ этомъ грѣхъ, если я взгляну на него разъ, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, такъ все не бѣда! А какъ же я мужу-то?.. Да, вѣдь, онъ самъ не захотѣлъ. Да, можетъ, такого и случая-то еще всю жизнь не выйдетъ. Тогда и плачься на себя: былъ случай, да не умѣла пользоваться. Да что̀ я говорю-то, что̀ я себя обманываю? Мнѣ хоть умереть, да увидѣть его. Передъ кѣмъ я притворяюсь-то?.. Бросить ключъ! Нѣтъ, ни за что̀ на свѣтѣ! Онъ мой теперь... Будь, что̀ будетъ, а я Бориса увижу! Ахъ, кабы ночь поскорѣе!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена 1-я.

Улица. Ворота дома Кабановыхъ, передъ воротами скамейка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кабанова и Ѳеклуша *(сидятъ на скамейкѣ.)*

Ѳеклуша.

Послѣднія времена, матушка, Марѳа Игнатьевна, послѣднія, по всѣмъ примѣтамъ послѣднія. Еще у васъ въ городѣ рай и тишина, а по другимъ городамъ такъ просто Содомъ, матушка: шумъ, бѣготня, ѣзда безпрестанная! Народъ-то такъ и снуетъ, одинъ туда, другой сюда.

Кабанова.

Некуда намъ торопиться-то, милая, мы и живемъ не спѣша.

Ѳеклуша.

Нѣтъ, матушка, отъ того у васъ тишина въ городѣ, что многіе люди, вотъ хоть бы васъ взять, добродѣтелями, какъ цвѣтами, украшаются; отъ того все и дѣлается прохладно и благочинно. Вѣдь, эта бѣготня-то, матушка, что̀ значитъ? Вѣдь, это суета! Вотъ хоть бы въ Москвѣ: бѣгаетъ народъ взадъ да впередъ, неизвѣстно зачѣмъ. Вотъ она суета-то и есть. Суетный народъ, матушка, Марѳа Игнатьевна, вотъ онъ и бѣгаетъ. Ему представляется-то, что онъ за дѣломъ бѣжитъ; торопится, бѣдный, людей не узнаетъ: ему мерещится, что его манитъ нѣкто; а придетъ на мѣсто-то, анъ пусто, нѣтъ ничего, мечта одна. И пойдетъ въ тоскѣ. А другому мерещится, что будто онъ догоняетъ кого-то знакомаго. Со стороны-то свѣжій человѣкъ сейчасъ видитъ, что никого нѣтъ; а тому-то все кажется отъ суеты, что онъ догоняетъ. Суета-то, вѣдь, она въ родѣ тумана бываетъ. Вотъ у васъ въ этакой прекрасный вечеръ рѣдко кто и за ворота-то выйдетъ посидѣть; а въ Москвѣ-то теперь гульбища да игрища, а по улицамъ-то индо грохотъ идетъ; стонъ стоитъ. Да чего, матушка, Марѳа Игнатьевна, огненнаго змія стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова.

Слышала я, милая.

Ѳеклуша.

А я, матушка, такъ своими глазами видѣла; конечно, другіе отъ суеты не видятъ ничего, такъ онъ имъ машиной показывается, они машиной и называютъ, а я видѣла, какъ онъ лапами-то вотъ такъ (*растопыриваетъ пальцы*) дѣлаетъ. Ну, и стонъ, которые люди хорошей жизни, такъ слышатъ.

Кабанова.

Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народъ-то глупъ, будетъ всему вѣрить. А меня хоть ты золотомъ осыпь, такъ я не поѣду.

Ѳеклуша.

Что за крайности, матушка! Сохрани Господи отъ такой напасти! А вотъ еще, матушка, Марѳа Игнатьевна, было мнѣ въ Москвѣ видѣніе нѣкоторое. Иду я рано поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высокомъ, превысокомъ домѣ, на крышѣ стоитъ кто-то, лицомъ черенъ. Ужъ сами понимаете кто. И дѣлаетъ онъ руками, какъ-будто сыплетъ что, а ничего не сыплется. Тутъ я догадалась, что это онъ плевелы сыплетъ, а народъ днемъ въ суетѣ-то въ своей невидимо и подберетъ. Оттого-то они такъ и бѣгаютъ, оттого и женщины-то у нихъ всѣ такія худыя, тѣла-то никакъ не нагуляютъ, да какъ-будто онѣ что потеряли, либо чего ищутъ: въ лицѣ печаль, даже жалко.

Кабанова.

Все можетъ быть, моя милая! Въ наши времена чего дивиться!

Ѳеклуша.

Тяжелыя времена, матушка, Марѳа Игнатьевна, тяжелыя. Ужъ и время-то стало въ умаленіе приходить.

Кабанова.

Какъ такъ, милая, въ умаленіе?

Ѳеклуша.

Конечно, не мы, гдѣ намъ замѣтить въ суетѣ-то! А вотъ умные люди замѣчаютъ, что у насъ и время-то короче становится. Бывало, лѣто и зима-то тянутся-тянутся, не дождешься, когда кончатся, а нынче и не увидишь, какъ про-

летятъ. Дни-то и часы все тѣ же, какъ будто, остались; а время-то, за наши грѣхи, все короче и короче дѣлается. Вотъ что умные-то люди говорятъ.

Кабанова.

И хуже этого, милая, будетъ.

Ѳеклуша.

Намъ-то бы только не дожить до этого.

Кабанова.

Можетъ, и доживемъ. *(Входитъ Дикòй.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Дикòй.

Кабанова.

Что̀ это ты, кумъ, бродишь такъ поздно?

Дикòй.

А кто-жъ мнѣ запретитъ?

Кабанова.

Кто запретитъ! кому нужно!

Дикòй.

Ну, и значитъ, нечего разговаривать. Что̀ я, подъ началомъ, что̀-ль, у кого? Ты еще что̀ тутъ! Какого еще тутъ чорта водяного!...

Кабанова.

Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня. А я тебѣ дорога́! Ступай своей дорогой, куда шелъ. Пойдемъ, Ѳеклуша, домой. *(Встаетъ.)*

Дикòй.

Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успѣешь дома-то быть; домъ-отъ твой не за горами. Вотъ онъ!

Кабанова.

Коли ты за дѣломъ, такъ не ори, а говори толкомъ.

Дикòй.

Никакого дѣла нѣтъ, а я хмелёнъ, вотъ что̀!

Кабанова.

Что̀-жъ, ты мнѣ, теперь, хвалить тебя прикажешь за это?

Дико̀й.

Ни хвалить, ни бранить. А значитъ, я хмелёнъ; ну, и кончено дѣло. Пока не просплюсь, ужъ этого дѣла поправить нельзя.

Кабанова.

Такъ ступай, спи!

Дико̀й.

Куда же это я пойду?

Кабанова.

Домой. А то куда же!

Дико̀й.

А коли я не хочу домой-то?

Кабанова.

Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дико̀й.

А потому, что у меня тамъ война идетъ.

Кабанова.

Да кому-жъ тамъ воевать-то? Вѣдь, ты одинъ только тамъ воинъ-то и есть.

Дико̀й.

Ну, такъ что̀-жъ, что я воинъ? Ну, что̀-жъ изъ этого?

Кабанова.

Что̀? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь съ бабами. Вотъ что̀.

Дико̀й.

Ну, значитъ, онѣ и должны мнѣ покориться. А то я, что̀ ли, покоряться стану!

Кабанова.

Ужъ не мало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу въ домѣ, а на тебя на одного угодить не могутъ.

Дико̀й.

Вотъ поди-жъ ты!

Кабанова.

Ну, что̀-жъ тебѣ нужно отъ меня?

Дикòй.

А вотъ что̀: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всемъ городѣ умѣешь меня разговорить.

Кабанова.

Поди, Ѳеклуша, вели приготовить закусить что̀-нибудь. *(Ѳеклуша уходитъ.)* Пойдемъ въ покои!

Дикòй.

Нѣтъ, я въ покои не пойду, въ покояхъ я хуже.

Кабанова.

Чѣмъ же тебя разсердили-то?

Дикòй.

Еще съ утра съ самаго.

Кабанова.

Должно быть, денегъ просили.

Дикòй.

Точно сговорились, проклятые; то тотъ, то другой цѣлый день пристаютъ.

Кабанова.

Должно быть, надо, коли пристаютъ.

Дикòй.

Понимаю я это; да что-жъ ты мнѣ прикажешь съ собой дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь, ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдамъ — отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутренную разжигать станетъ; всю нутренную вотъ разжигаетъ, да и только; ну, и въ тѣ поры ни за что̀ обругаю человѣка.

Кабанова.

Нѣтъ надъ тобой старшихъ, вотъ ты и куражишься.

Дикòй.

Нѣтъ, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вотъ какія со мной исторіи бывали. О посту какъ-то, о великомъ, я говѣлъ, а тутъ нелегкая и подсунь мужичонка; за деньгами пришелъ, дрова возилъ. И принесло-жъ его на грѣхъ-то въ такое время! Согрѣшилъ-таки: изругалъ, такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя, чуть не прибилъ. Вотъ оно, какое сердце-то

у меня! Послѣ прощенья просилъ, въ ноги кланялся, право такъ. Истинно тебѣ говорю, мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ: тутъ на дворѣ, въ грязи ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся.

Кабанова.

А зачѣмъ ты нарочно-то себя въ сердце приводишь? Это, кумъ, не хорошо.

Дикòй.

Какъ такъ нарочно?

Кабанова.

Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотятъ, ты возьмешь, да нарочно изъ своихъ на кого-нибудь и накинешься, чтобы разсердиться; потому что ты знаешь, что къ тебѣ сердитому никто ужъ не пойдетъ. Вотъ что̀, кумъ!

Дикòй.

Ну, что̀-жъ такое? Кому своего добра не жалко! *(Глаша входитъ.)*

Глаша.

Марѳа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

Кабанова.

Что̀-жъ, кумъ, зайди! Закуси, чѣмъ Богъ послалъ!

Дикòй.

Пожалуй.

Кабанова.

Милости просимъ! *(Пропускаетъ впередъ Дикòго и уходитъ за нимъ. Глаша, сложа руки, стоитъ у воротъ.)*

Глаша.

Никакъ Борисъ Григорьичъ идетъ. Ужъ не за дядей ли? Аль такъ гуляетъ? Должно, такъ гуляетъ. *(Входитъ Борисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глаша, Борисъ, *потомъ* Кулигинъ.

Борисъ.

Не у васъ ли дядя?

Глаша.

У насъ. Тебѣ нужно, что̀-ль, его?

Борисъ.

Послали изъ дому узнать, гдѣ онъ. А коли у васъ, такъ пусть сидитъ: кому его нужно. Дома-то рады-радёхоньки, что ушелъ.

Глаша.

Нашей бы хозяйкѣ за нимъ быть, она-бъ его скоро прекратила. Что-жъ я, дура, стою-то съ тобой! Прощай. (*Уходитъ.*)

Борисъ.

Ахъ ты, Господи! Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее! Въ домъ войти нельзя: здѣсь незваные не ходятъ. Вотъ жизнь-то! Живемъ въ одномъ городѣ, почти рядомъ, а увидишься разъ въ недѣлю и то въ церкви, либо на дорогѣ, вотъ и все! Здѣсь что вышла замужъ, что схоронили—все равно. (*Молчаніе.*) Ужъ совсѣмъ бы мнѣ ее не видать, легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людяхъ; во сто глазъ на тебя смотрятъ. Только сердце надрывается. Да и съ собой-то не сладишь никакъ. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здѣсь у воротъ. И зачѣмъ я хожу сюда? Видѣть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговоръ какой выйдетъ, ее-то въ бѣду введешь. Ну, попалъ я въ городокъ! (*Идетъ, ему навстрѣчу Кулигинъ.*)

Кулигинъ.

Что, сударь? Гулять изволите?

Борисъ.

Да, такъ гуляю себѣ, погода очень хороша нынче.

Кулигинъ.

Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздухъ отличный, изъ-за Волги съ луговъ цвѣтами пахнетъ, небо чистое...

Отрылась бездна звѣздъ полна,
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.

Пойдемте, сударь, на бульваръ, ни души тамъ нѣтъ.

Борисъ.

Пойдемте!

Кулигинъ.

Вотъ какой, сударь, у насъ городишка! Бульваръ сдѣлали, а не гуляютъ. Гуляютъ только по праздникамъ, и то одинъ видъ дѣлаютъ, что гуляютъ, а сами ходятъ туда наряды по-

казывать. Только пьянаго приказнаго и встрѣтишь, изъ трактира домой плетется. Бѣднымъ гулять, сударь, некогда, у нихъ день и ночь забота. И спятъ-то всего часа три въ сутки. А богатые-то что̀ дѣлаютъ? Ну, что̀ бы, кажется, имъ не гулять, не дышать свѣжимъ воздухомъ? Такъ нѣтъ. У всѣхъ давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены... Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся. Нѣтъ, сударь! И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали, какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ поѣдомъ, да семью тиранятъ. И что̀ слезъ льется за этими запорами невидимыхъ и неслышимыхъ! Да что вамъ говорить, сударь! По себѣ можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темнаго да пьянаго! И все шито да крыто—никто ничего не видитъ и не знаетъ, видитъ одинъ только Богъ! Ты, говоритъ, смотри въ людяхъ меня да на улицѣ, а до семьи моей тебѣ дѣла нѣтъ; на это, говоритъ, у меня есть замки, да запоры, да собаки злыя. Семья, говоритъ, дѣло тайное, секрѣтное! Знаемъ мы эти секреты-то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волкомъ воютъ. Да и что̀ за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашнихъ такъ, чтобы ни объ чемъ, что̀ онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ. Ну, да Богъ съ ними! А знаете, сударь, кто у насъ гуляетъ? Молодые парни да дѣвушки. Такъ эти у сна воруютъ часикъ-другой, ну, и гуляютъ парочками. Да вотъ пара! *(Показываются Кудряшъ и Варвара. Цѣлуются.)*

Борисъ.

Цѣлуются.

Кулигинъ.

Это у насъ нужды нѣтъ. *(Кудряшъ уходитъ, а Варвара подходитъ къ своимъ воротамъ и манитъ Бориса. Онъ подходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Борисъ, Кулигинъ и Варвара.

Кулигинъ.

Я, сударь, на бульваръ пойду. Что̀ вамъ мѣшать-то? Тамъ и подожду.

Борисъ.

Хорошо, я сейчасъ приду. *(Кулигинъ уходитъ.)*

Варвара *(закрываясь платкомъ).*

Знаешь оврагъ за Кабановымъ садомъ?

Борисъ.

Знаю.

Варвара.

Приходи туда ужо̀ попозже.

Борисъ.

Зачѣмъ?

Варвара.

Какой ты глупый! Приходи: тамъ увидишь зачѣмъ. Ну, ступай скорѣй, тебя дожидаются. *(Борисъ уходитъ.)* Не узналъ, вѣдь! Пущай теперь подумаетъ. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпитъ, выскочитъ. *(Уходитъ въ ворота.)*

Сцена 2-я.

Ночь. Оврагъ, покрытый кустами; наверху заборъ сада Кабановыхъ и калитка; сверху тропинка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кудряшъ *(входитъ съ гитарой).*

Нѣтъ никого. Что̀-жъ это она тамъ! Ну, посидимъ да подождемъ. *(Садится на камень.)* Да со скуки пѣсенку споемъ. *(Поетъ:)*

Какъ донской-то казакъ, казакъ велъ коня поить,
Добрый молодецъ, ужъ онъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, самъ онъ думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ будетъ жену губить.
Какъ жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
Ужъ ты, батюшка, ты ли милъ сердечный другъ!
Ты не бей, не губи меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моимъ малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ.

(Входитъ Борисъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кудряшъ и Борисъ.

Кудряшъ *(перестаетъ пѣть)*

Ишь ты! Смиренъ, смиренъ, а тоже въ разгулъ пошелъ.

Борисъ.

Кудряшъ, это ты?

Кудряшъ.

Я, Борисъ Григорьичъ.

Борисъ.

Зачѣмъ это ты здѣсь?

Кудряшъ.

Я-то? Стало быть, мнѣ нужно, Борисъ Григорьичъ, коли я здѣсь. Безъ надобности-бъ не пошелъ. Васъ куда Богъ несетъ?

Борисъ *(оглядывая мѣстность).*

Вотъ что̀, Кудряшъ: мнѣ бы нужно здѣсь остаться, а тебѣ, вѣдь, я думаю, все равно, ты можешь итти и въ другое мѣсто.

Кудряшъ.

Нѣтъ, Борисъ Григорьичъ, вы, я вижу, здѣсь еще въ первый разъ, а у меня ужъ тутъ мѣсто насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я васъ люблю, сударь, и на всякую вамъ услугу готовъ; а на этой дорожкѣ вы со мной ночью не встрѣчайтесь, чтобы, сохрани Господи, грѣха какого не вышло. Уговоръ лучше денегъ.

Борисъ.

Что̀ съ тобой, Ваня?

Кудряшъ.

Да что̀: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вотъ и все. Заведи себѣ самъ, да и гуляй себѣ съ ней, и никому до тебя дѣла нѣтъ. А чужихъ не трогай! У насъ такъ не водится, а то парни ноги переломаютъ. Я за свою... да я и не знаю, что̀ сдѣлаю! Горло перерву!

Борисъ.

Напрасно ты сердишься; у меня и на умѣ-то нѣтъ отбивать у тебя. Я бы и не пришелъ сюда, кабы мнѣ не велѣли.

Кудряшъ.

Кто-жъ велѣлъ?

Борисъ.

Я не разобралъ, темно было. Дѣвушка какая-то остановила меня на улицѣ и сказала, чтобы я именно сюда пришелъ, сзади сада Кабановыхъ, гдѣ тропинка.

Кудряшъ.

Кто-жъ бы это такая?

Борисъ

Послушай, Кудряшъ. Можно съ тобой поговорить по душѣ, ты не разболтаешь?

Кудряшъ.

Говорите, не бойтесь! У меня все одно, что умерло.

Борисъ.

Я здѣсь ничего не знаю, ни порядковъ вашихъ, ни обычаевъ; а дѣло-то такое...

Кудряшъ.

Полюбили, что̀-ль, кого?

Борисъ.

Да, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Ну, что̀-жъ, это ничего. У насъ насчетъ этого слободно. Дѣвки гуляютъ себѣ, какъ хотятъ, отцу съ матерью и дѣла нѣтъ. Только бабы взаперти сидятъ.

Борисъ.

То-то и горе мое.

Кудряшъ.

Такъ неужто-жъ замужнюю полюбили?

Борисъ.

Замужнюю, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Эхъ, Борисъ Григорьичъ, бросить надоть!

Борисъ.

Легко сказать — бросить! Тебѣ это, можетъ быть, все равно: ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Ужъ я коли полюбилъ...

Кудряшъ.

Вѣдь, это значитъ, вы ее совсѣмъ загубить хотите, Борисъ Григорьичъ!

Борисъ.

Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нѣтъ, Кудряшъ, какъ можно! Захочу ли я ее погубить! Мнѣ только бы видѣть ее гдѣ-нибудь, мнѣ больше ничего не надо.

Кудряшъ.

Какъ, сударь, за себя поручиться! А, вѣдь, здѣсь какой народъ! Сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ.

Борисъ.

Ахъ, не говори этого, Кудряшъ! пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряшъ.

А она-то васъ любитъ?

Борисъ.

Не знаю.

Кудряшъ.

Да вы видались когда, аль нѣтъ?

Борисъ.

Я одинъ разъ только и былъ у нихъ съ дядей. А то въ церкви вижу, на бульварѣ встрѣчаемся. Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ-будто свѣтится.

Кудряшъ.

Такъ это молодая Кабанова, что-ль?

Борисъ.

Она, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Да! Такъ вотъ что! Ну, честь имѣемъ проздравить!

Борисъ.

Съ чѣмъ?

Кудряшъ.

Да какъ же! Значитъ, у васъ дѣло на ладъ идетъ, коли сюда приходить велѣли.

Борисъ.

Такъ неужто она велѣла?

Кудряшъ.

А то кто же?

Борисъ.

Нѣтъ, ты шутишь! Этого быть не можетъ. *(Хватается за голову.)*

Кудряшъ.

Что̀ съ вами?

Борисъ.

Я съ ума сойду отъ радости.

Кудряшъ.

Вота! Есть отъ чего съ ума сходить! Только вы смотрите, себѣ хлопотъ не надѣлайте, да и ее-то въ бѣду не введите! Положимъ, хоть у нея мужъ и дуракъ, да свекровь-то больно люта. *(Варвара выходитъ изъ калитки.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Варвара, *потомъ* Катерина.

Варвара *(у калитки, поетъ).*

За рѣкой, за быстрою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюша гуляетъ...

Кудряшъ *(продолжаетъ).*

Товаръ закупаетъ. *(Свищетъ.)*

Варвара *(сходитъ по тропинкѣ и, закрывъ лицо платкомъ, подходитъ къ Борису).*

Ты, парень, подожди. Дождешься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдемъ на Волгу.

Кудряшъ.

Ты что̀-жъ такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю! *(Варвара обнимаетъ его одною рукою и уходятъ.)*

Борисъ.

Точно я сонъ какой вижу! Эта ночь, пѣсни, свиданія! Ходятъ, обнявшись. Это такъ ново для меня, такъ хорошо, такъ весело! Вотъ я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце, да дрожитъ каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что̀ сказать-то ей, духъ захватываетъ, подгибаются колѣни! Вотъ пока у меня сердце глупое раскипится вдругъ, ничѣмъ не унять. Вотъ идетъ. *(Катерина тихо сходитъ по тропинкѣ, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, потупивъ глаза въ землю. Молчаніе.)* Это вы, Катерина Петровна? *(Молчаніе.)* Ужъ какъ мнѣ благодарить васъ, я и не знаю. *(Молчаніе.)*

Кабы вы знали, Катерина Петровна, какъ я люблю васъ! *(Хочетъ взять ее за руку.)*

Катерина *(съ испугомъ, но не поднимая глазъ).*

Не трогай, не трогай меня! Ахъ, ахъ!

Борисъ.

Не сердитесь!

Катерина.

Поди отъ меня! Поди прочь, окаянный человѣкъ! Ты знаешь ли: вѣдь, мнѣ не замолить этого грѣха, не замолить никогда! Вѣдь, онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ.

Борисъ.

Не гоните меня!

Катерина.

Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой? Вѣдь, я замужемъ, вѣдь, мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски...

Борисъ.

Вы сами велѣли мнѣ прійти...

Катерина.

Да пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь, до гробовой доски!

Борисъ.

Лучше-бъ мнѣ не видать васъ!

Катерина *(съ волненіемъ).*

Вѣдь, что я себѣ готовлю! Гдѣ мнѣ мѣсто-то, знаешь-ли?

Борисъ.

Успокойтесь! *(Беретъ ее за руку.)* Сядьте!

Катерина.

Зачѣмъ ты моей погибели хочешь?

Борисъ.

Какъ же я могу хотѣть вашей погибели, когда я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше самого себя!

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня загубилъ!

Борисъ.

Развѣ я злодѣй какой?

Катерина *(качая головой).*

Загубилъ, загубилъ, загубилъ!

Борисъ.

Сохрани меня Богъ! Пусть лучше я самъ погибну!

Катерина.

Ну, какъ же ты не загубилъ меня, коли я, бросивши домъ, ночью иду къ тебѣ.

Борисъ.

Ваша воля была на то.

Катерина.

Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ. *(Поднимаетъ глаза и смотритъ на Бориса. Небольшое молчаніе.)* Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь! *(Кидается къ нему на шею.)*

Борисъ *(обнимаетъ Катерину).*

Жизнь моя!

Катерина.

Знаешь что? Теперь мнѣ умереть вдругъ захотѣлось!

Борисъ.

Зачѣмъ умирать, коли намъ жить такъ хорошо?

Катерина.

Нѣтъ, мнѣ не жить! Ужъ я знаю, что не жить.

Борисъ.

Не говори, пожалуйста, такихъ словъ, не печаль меня ...

Катерина.

Да, тебѣ хорошо, ты вольный казакъ, а я!..

Борисъ.

Никто и не знаетъ про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалѣю!

Катерина.

Э! Что меня жалѣть, никто не виноватъ—сама на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю! *(Обнимаетъ Бориса.)* Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорятъ, даже легче бываетъ, когда за какой-нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ, натерпишься.

Борисъ.

Ну, что̀ объ этомъ думать, благо намъ теперь-то хорошо!

Катерина.

И то! Надуматься-то да наплакаться-то еще успѣю на досугѣ.

Борисъ.

А я было испугался; я думалъ, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*.

Прогнать! Гдѣ ужъ! Съ нашимъ ли сердцемъ! Кабы ты не пришелъ, такъ я, кажется, сама бы къ тебѣ пришла.

Борисъ.

Я и не зналъ, что ты меня любишь.

Катерина.

Давно люблю. Словно на грѣхъ ты къ намъ пріѣхалъ. Какъ увидѣла тебя, такъ ужъ не своя стала. Съ перваго же раза, кажется, кабы ты поманилъ меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край свѣта, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борисъ.

Надолго-ль мужъ-то уѣхалъ?

Катерина.

На двѣ недѣли.

Борисъ.

О, такъ мы погуляемъ! Времени-то довольно.

Катерина.

Погуляемъ. А тамъ... *(Задумывается.)* Какъ запрутъ на замокъ, вотъ смерть! А не запрутъ, такъ ужъ найду случай повидаться съ тобой! *(Входятъ Кудряшъ и Варвара.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Кудряшъ и Варвара.

Варвара.

Ну что̀, сладили? *(Катерина прячетъ лицо у Бориса на груди.)*

Борисъ.

Сладили.

Варвара.

Пошли бы, погуляли, а мы подождемъ. Когда нужно бу-

детъ, Ваня крикнетъ. (*Борисъ и Катерина уходятъ. Кудряшъ и Варвара садятся на камень.*)

Кудряшъ.

А это вы важную штуку придумали, въ садовую калитку лазить. Оно для нашего брата очень способно.

Варвара.

Все я.

Кудряшъ.

Ужъ тебя взять на это. А мать-то не хватится?...

Варвара.

Э! Куда ей! Ей и въ лобъ-то не влетитъ.

Кудряшъ.

А, ну, на грѣхъ?

Варвара.

У нея первый сонъ крѣпокъ; вотъ къ утру, такъ просыпается.

Кудряшъ.

Да, вѣдь, какъ знать! Вдругъ ее нелегкая подниметъ.

Варвара.

Ну, такъ что-жъ! У насъ калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, изъ саду; постучитъ, постучитъ, да такъ и пойдетъ. А поутру мы скажемъ, что крѣпко спали, не слыхали. Да и Глаша стережетъ; чуть что, она сейчасъ голосъ подастъ. Безъ опаски нельзя! Какъ же можно! Того гляди, въ бѣду попадешь. (*Кудряшъ беретъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ. Варвара прилегаетъ къ плечу Кудряша, который, не обращая вниманія, тихо играетъ. Варвара зѣвая.*) Какъ бы это узнать, который часъ?

Кудряшъ.

Первый.

Варвара.

Почемъ ты знаешь?

Кудряшъ.

Сторожъ въ доску билъ.

Варвара (*зѣвая*).

Пора. Покричи-ка! Завтра мы пораньше выдемъ, такъ побольше погуляемъ.

Кудряшъ *(свищетъ и громко запѣваетъ).*

Всѣ домой, всѣ домой,
А я домой не хочу.

Борисъ *(за сценой).*

Слышу!

Варвара *(встаетъ).*

Ну, прощай! *(Зѣваетъ, потомъ цѣлуетъ холодно, какъ давно знакомаго.)* Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотритъ въ ту сторону, куда пошли Борисъ и Катерина.)* Будетъ вамъ прощаться-то, не на вѣкъ разстаетесь, завтра увидитесь. *(Зѣваетъ и потягивается. Вбѣгаетъ Катерина, за ней Борисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кудряшъ, Варвара, Борисъ и Катерина.

Катерина.

Ну, пойдемъ, пойдемъ! *(Всходятъ по тропинкѣ. Катерина оборачивается.)* Прощай!

Борисъ.

До завтра.

Катерина.

Да, до завтра! Что во снѣ увидишь, скажи! *(Подходитъ къ калиткѣ.)*

Борисъ.

Непремѣнно.

Кудряшъ *(поетъ подъ гитару).*

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай, лели, до поры,
До вечерней до зари!

Варвара *(у калитки).*

А я, млада, до поры,
До утренней до зари!
Ай, лели, до поры,
До утренней до зари! *(Уходитъ).*

Кудряшъ.

Какъ зорюшка занялась,
А я домой поднялась и т. д.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На первомъ планѣ узкая галлерея со сводами старинной, начинающей разрушаться, постройки; кой-гдѣ трава и кусты; за арками берегъ и видъ на Волгу.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣсколько гуляющихъ обоего пола проходятъ за арками.

1-й.

Дождь накрапываетъ, какъ бы гроза не собралась?

2-й.

Гляди, сберется.

1-й.

Еще хорошо, что есть гдѣ схорониться. (*Входятъ всѣ подъ своды.*)

Женщина.

А что народу-то гуляетъ на бульварѣ! День праздничный, всѣ повышли. Купчихи такія разряженныя.

1-й.

Попрячутся куда-нибудь.

2-й.

Гляди, что теперь народу сюда набьется!

1-й (*осматривая стѣны*

А, вѣдь, тутъ, братецъ ты мой, когда-нибудь, значитъ расписано было. И теперь еще мѣстами означаетъ.

2-й.

Ну да, какъ же! Само собой, что расписано было. Теперь, вишь ты, всѣ впустѣ оставлено, развалилось, заросло. Послѣ пожару, такъ и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лѣтъ сорокъ будетъ.

1-й.

Что бы это такое, братецъ ты мой, тутъ нарисовано было довольно затруднительно это понимать

2-й.

Это геенна огненная.

1-й.

Такъ, братецъ ты мой!

2-й.

И ѣдутъ туда всякаго званія люди.

1-й.

Такъ, такъ, понялъ теперь.

2-й.

И всякаго чину.

1-й.

И арапы?

2-й.

И арапы.

1-й.

А это, братецъ ты мой, что̀ такое?

2-й.

А это Литовское разореніе. Битва̀! видишь? Какъ наши съ Литвой бились.

1-й.

Что̀-жъ это такое Литва?

2-й.

Такъ она Литва и есть.

1-й.

А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала.

2-й.

Не умѣю тебѣ сказать. Съ неба, такъ съ неба.

Женщина.

Толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба, и гдѣ былъ какой бой съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны.

1-й.

А что̀, братецъ ты мой! Вѣдь, это такъ точно. *(Входятъ Дико̀й и за нимъ Кулигинъ безъ шапки. Всѣ кланяются и принимаютъ почтительное положеніе.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Дико̀й и Кулигинъ.

Дико̀й.

Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты отъ меня! Отстань! *(Съ сердцемъ.)* Глупый человѣкъ!

Кулигинъ.

Савелъ Прокофьичъ, вѣдь, отъ этого, ваше степенство, для всѣхъ вообще обывателей польза.

Дикòй.

Поди ты прочъ! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигинъ.

Да хоть бы для васъ, ваше степенство, Савелъ Прокофьичъ. Вотъ бы, сударь, на бульварѣ, на чистомъ мѣстѣ, и поставить. А какой расходъ? Расходъ пустой: столбикъ каменный *(показываетъ жестами размѣръ каждой вещи)*, дощечку мѣдную, такую круглую, да шпильку, вотъ шпильку прямую *(показываетъ жестомъ)*, простую самую. Ужъ я все это прилажу, и цыфры вырѣжу уже всѣ самъ. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочіе которые гуляющіе, сейчасъ подойдете и видите, который часъ. А то этакое мѣсто прекрасное, и видъ, и все, а какъ-будто пусто. У насъ тоже, ваше степенство, и проѣзжіе бываютъ, ходятъ туда наши виды смотрѣть, все-таки, украшеніе—для глазъ оно пріятнѣй.

Дикòй.

Да что̀ ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ. Можетъ, я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты долженъ былъ прежде узнать, въ расположеніи ли я тебя слушать, дурака, или нѣтъ. Что̀, я тебѣ—ровный, что̀ ли? Ишь, ты какое дѣло нашелъ важное! Такъ прямо съ рыломъ-то и лѣзетъ разговаривать.

Кулигинъ.

Кабы я со своимъ дѣломъ лѣзъ, ну, тогда былъ бы я виноватъ. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что̀ значитъ для общества какихъ-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикòй.

А можетъ, ты украсть хочешь; кто тебя знаетъ.

Кулигинъ.

Коли я свои труды хочу даромъ положить, что̀ же я могу украсть, ваше степенство? Да меня здѣсь всѣ знаютъ; про меня никто дурно не скажетъ.

Дикòй.

Ну, и пущай знаютъ, а я тебя знать не хочу.

Кулигинъ.

За что̀, сударь, Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?

Дико̀й.

Отчетъ, что ли, я стану тебѣ давать! Я и поважнѣй тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что̀-жъ, ты судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу- раздавлю.

Кулигинъ.

Богъ съ вами, Савелъ Прокофьичъ! Я, сударь, маленькій человѣкъ, меня обидѣть не долго. А я вамъ вотъ что̀ доложу, ваше степенство: „и въ рубищѣ почтенна добродѣтель!"

Дико̀й.

Ты у меня грубить не смѣй! Слышишь ты!

Кулигинъ.

Никакой я грубости вамъ, сударь, не дѣлаю, а говорю вамъ потому, что, можетъ быть, вы и вздумаете когда что̀-нибудь для города сдѣлать. Силы у васъ, ваше степенство, много; была-бъ только воля на доброе дѣло. Вотъ хоть бы теперь то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заведемъ мы громовыхъ отводовъ.

Дико̀й *(гордо)*.

Все суета!

Кулигинъ.

Да какая же суета, когда опыты были.

Дико̀й.

Какіе такіе тамъ у тебя громовые отводы?

Кулигинъ.

Стальные.

Дико̀й *(съ яростью)*.

Ну, еще что?

Кулигинъ.

Шесты стальные.

Дико̀й *(сердясь болѣе и болѣе.)*

Слышалъ, что шесты, аспидъ ты этакой; да еще-то что̀? Наладилъ: шесты! Ну, а еще что̀?

Кулигинъ.

Ничего больше.

Дикòй.

Да гроза-то что̀ такое по-твоему, а? Ну, говори!

Кулигинъ.

Электричество.

Дикòй *(топнувъ ногой)*.

Какое еще тамъ елестричество! Ну, какъ же ты не разбойникъ! Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что̀, ты татаринъ, что̀ ли? Татаринъ ты? А, говори! Татаринъ?

Кулигинъ.

Савелъ Прокофьичъ, ваше степенство, Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

Дикòй.

А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! Эй, почтенные! прислушайте-ка, что̀ онъ говоритъ.

Кулигинъ.

Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня милліонъ, тогда я поговорю. *(Махнувъ рукой, уходитъ.)*

Дикòй.

Что̀-жъ, ты украдешь, что̀ ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я ужъ не знаю. *(Обращаясь къ народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ-таки. Чтобъ ему провалиться! *(Сердито.)* Пересталъ, что̀-ль, дождикъ-то?

1-й.

Кажется, пересталъ.

Дикòй.

Кажется! А ты, дуракъ, сходи да посмотри. А то: кажется!

1-й *(выйдя изъ-подъ сводовъ)*.

Пересталъ! *(Дикòй уходитъ и весь за нимъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Подъ своды быстро входитъ Варвара и, притаившись, высматриваетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Варвара *и потомъ* Борисъ.

Варвара.

Кажется, онъ! *(Борисъ проходитъ въ глубинѣ сцены.)* Съ-ссъ! *(Борисъ оглядывается.)* Поди сюда. *(Манитъ рукой, Борисъ входитъ.)* Что намъ съ Катериной-то дѣлать? Скажи на милость!

Борисъ.

А что?

Варвара.

Бѣда, вѣдь, да и только. Мужъ пріѣхалъ, ты знаешь ли это? И не ждали его, а онъ пріѣхалъ.

Борисъ.

Нѣтъ, я не зналъ.

Варвара.

Она просто сама не своя сдѣлалась.

Борисъ.

Видно, только я и пожилъ десять деньковъ, пока его не было. Ужъ теперь и не увидишь ее!

Варвара.

Ахъ ты какой! Да ты слушай! Дрожитъ вся, точно ее лихорадка бьетъ; блѣдная такая, мечется по дому, точно чего ищетъ. Глаза, какъ у помѣшанной! Давеча утромъ плакать принялась, такъ и рыдаетъ. Батюшки мои! что мнѣ съ ней дѣлать?

Борисъ.

Да, можетъ быть, пройдетъ это у нея!

Варвара.

Ну, ужъ едва ли. На мужа не смѣетъ глазъ поднять. Маменька замѣчать это стала, ходить да все на нее косится, такъ змѣей и смотритъ; а она отъ этого еще хуже. Просто мука глядѣть-то на нее! Да и я боюсь.

Борисъ.

Чего же ты боишься?

Варвара.

Ты ее не знаешь! Она, вѣдь, чудная какая-то у насъ. Отъ нея все станется! Такихъ дѣлъ надѣлаетъ, что...

Борисъ.

Ахъ, Боже мой! Что же дѣлать-то? Ты бы съ ней поговорила хорошенько. Неужли ужъ нельзя ее уговорить?

Варвара.

Пробовала. И не слушаетъ ничего. Лучше и не подходи

Борисъ.

Ну, какъ же ты думаешь, что она можетъ сдѣлать?

Варвара.

А вотъ что: бухнетъ мужу въ ноги, да и разскажетъ все. Вотъ чего я боюсь.

Борисъ *(съ испугомъ)*.

Можетъ ли это быть!

Варвара.

Отъ нея все можетъ быть.

Борисъ.

Гдѣ она теперь?

Варвара.

Сейчасъ съ мужемъ на бульваръ пошли, и маменька съ ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нѣтъ, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется. *(Вдали ударъ грома.)* Никакъ гроза? *(Выглядываетъ.)* Да и дождикъ. А вотъ и народъ повалилъ. Спрячься тамъ, гдѣ-нибудь, а я тутъ на виду стану, чтобы не подумали чего. *(Входятъ нѣсколько лицъ разнаго званія и пола.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Разныя лица и *потомъ* Кабанова, Кабановъ, Катерина и Кулигинъ.

1-й.

Должно быть, бабочка-то очень боится, что такъ торопится спрятаться.

Женщина.

Да ужъ какъ ни прячься! Коли кому на роду написано, такъ никуда не уйдешь.

Катерина *(вбѣгая)*.

Ахъ! Варвара! *(Хватаетъ ее за руку и держитъ крѣпко.)*

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Смерть моя!

Варвара.

Да ты одумайся! Соберись съ мыслями!

Катерина.

Нѣтъ! Не могу. Ничего не могу. У меня ужъ очень сердце болитъ.

Кабанова *(входя)*.

То-то вотъ, надо жить-то такъ, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабановъ.

Да какіе-жъ, маменька, у нея грѣхи такіе могутъ быть особенные? Все такіе же, какъ и у всѣхъ у насъ, а это такъ ужъ отъ природы боится.

Кабанова.

А ты почемъ знаешь? Чужая душа потёмки.

Кабановъ *(шутя)*.

Ужъ развѣ безъ меня что-нибудь, а при мнѣ, кажись ничего не было.

Кабанова.

Можетъ быть, и безъ тебя.

Кабановъ *(шутя)*.

Катя, кайся, братъ, лучше, коли въ чемъ грѣшна. Вѣдь, отъ меня не скроешься: нѣтъ, шалишь! Все знаю.

Катерина *(смотритъ въ глаза Кабанову)*.

Голубчикъ мой!

Варвара.

Ну, что ты пристаешь! Развѣ не видишь, что ей безъ тебя тяжело. *(Борисъ выходитъ изъ толпы и раскланивается съ Кабановымъ.)*

Катерина *(вскрикиваетъ)*.

Ахъ!

Кабановъ.

Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоровъ ли?

Борисъ.

Слава Богу!

Катерина *(Варварѣ).*

Чего ему еще надо отъ меня?... Или ему мало этого, что я такъ мучаюсь. *(Приклоняясь къ Варварѣ, рыдаетъ.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала).*

Мы съ ногъ сбились, не знаемъ, что дѣлать съ ней; а тутъ еще посторонніе лѣзутъ! *(Даетъ Борису знакъ, тотъ отходитъ къ самому выходу.)*

Кулигинъ *(выходитъ на средину, обращаясь къ толпѣ).*

Ну, чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цвѣточекъ радуется, а мы прячемся, боимся точно напасти какой! Гроза убьетъ! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У васъ все гроза! Сѣверное сіяніе загорится—любоваться бы надобно да дивиться премудрости: „съ полночныхъ странъ встаетъ заря!“ А вы ужасаетесь, да придумываете, къ войнѣ это или къ мору. Комета ли идетъ — не отвелъ бы глазъ! красота! звѣзды-то ужъ приглядѣлись, все однѣ и тѣ же, а это обновка; ну, смотрѣлъ бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь васъ беретъ! Изо всего-то вы себѣ пугалъ надѣлали. Эхъ, народъ! Я вотъ не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борисъ.

Пойдемте! Здѣсь страшнѣе! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же *безъ* Бориса и Кулигина.

Кабанова.

Ишь, какія рацеи развелъ! Есть что послушать, ужъ нечего сказать! Вотъ времена-то пришли, какіе-то учители появились. Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!

Женщина.

Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, такъ и накрыло.

1-й.

Эко, братецъ ты мой, точно клубкомъ туча-то вьется, ровно что въ ней тамъ живое ворочается. А такъ на насъ и ползетъ, такъ и ползетъ, какъ живая!

2-й.

Ужъ ты помяни мое слово, что эта гроза даромъ не пройдетъ. Вѣрно тебѣ говорю: потому знаю. Либо ужъ убьетъ кого-нибудь, либо домъ сгоритъ; вотъ увидишь: потому смотри, какой цвѣтъ необыкновенный!

Катерина *(прислушиваясь)*.

Что они говорятъ? Они говорятъ, что убьетъ кого-нибудь.

Кабановъ.

Извѣстно, такъ городятъ, зря, что въ голову придетъ.

Кабанова.

Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знаютъ. У старыхъ людей на все примѣты есть. Старый человѣкъ на вѣтеръ слова не скажетъ.

Катерина *(мужу)*.

Тиша, я знаю, кого убьетъ.

Варвара *(Катеринѣ тихо)*.

Ты ужъ хоть молчи-то!

Кабановъ.

Ты почемъ знаешь?

Катерина.

Меня убьетъ. Молитесь тогда за меня. *(Входитъ барыня съ лакеями. Катерина съ крикомъ прячется.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и барыня.

Барыня.

Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Какъ не хотѣться! — видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтобъ отнялъ красоту-то! Красота-то, вѣдь, погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вотъ тогда и радуйся красотѣ-то своей. Много, много народу въ грѣхъ введешь! Вертопрахи на поединки выходятъ, шпагами колятъ другъ друга. Весело! Старики старые, благочестивые, объ смерти забываютъ, соблазняются на красоту-то! А кто отвѣчать будетъ? За все тебѣ отвѣчать придется. Въ омутъ лучше съ красотой-то! Да скорѣй, скорѣй! *(Катерина прячется.)* Куда

прячешься, глупая! Отъ Бога-то не уйдешь! *(Ударъ грома.)* Всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ! *(Уходитъ.)*

Катерина.

Ахъ! Умираю!

Варвара.

Что̀ ты мучаешься-то, въ самомъ дѣлѣ! Стань къ сторонкѣ, да помолись: легче будетъ.

Катерина *(подходитъ къ стѣнѣ и опускается на колѣни, потомъ быстро вскакиваетъ).*

Ахъ! Адъ! Адъ! Геенна огненная! *(Кабанова, Кабановъ и Варвара окружаютъ ее.)* Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпѣть! Матушка! Тихонъ! Грѣшна я передъ Богомъ и передъ вами! Не я ли клялась тебѣ, что не взгляну ни на кого безъ тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что̀ я, безпутная, безъ тебя дѣлала? Въ первую же ночь я ушла изъ дому...

Кабановъ *(растерявшись, въ слезахъ, дергаетъ ее за рукавъ).*

Не надо, не надо! не говори! Что̀ ты! Матушка здѣсь!

Кабанова *(строго).*

Ну, ну, говори, коли ужъ начала.

Катерина.

И всѣ-то десять ночей я гуляла... *(Рыдаетъ. Кабанова хочетъ обнять ее.)*

Кабанова.

Брось ее! Съ кѣмъ?

Варвара.

Вретъ она, она сама не знаетъ, что̀ говоритъ.

Кабанова.

Молчи ты! Вотъ оно что̀? Ну, съ кѣмъ же?

Катерина.

Съ Борисомъ Григорьичемъ. *(Ударъ грома.)* Ахъ! *(Падаетъ безъ чувствъ на руки мужа.)*

Кабанова.

Что̀, сынокъ! Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація перваго дѣйствія. Сумерки

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кулигинъ *(сидитъ на лавочкѣ)*, Кабановъ *(идетъ по бульвару)*.

Кулигинъ *(поетъ)*.

„Ночною темнотою покрылись небеса.
Всѣ люди для покою закрыли ужъ глаза“, и проч.

(Увидавъ Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабановъ.

Домой. Слышалъ, братецъ, дѣла-то наши? Вся, братецъ, семья въ разстройство пришла.

Кулигинъ.

Слышалъ, слышалъ, сударь.

Кабановъ.

Я въ Москву ѣздилъ, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мнѣ наставленія-то, а я какъ выѣхалъ, такъ загулялъ. Ужъ очень радъ, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ, такъ это кучу, что на—поди! Такъ, чтобы ужъ на цѣлый годъ отгуляться. Ни разу про домъ-то и не вспомнилъ. Да хоть бы и вспомнилъ-то, такъ мнѣ бы и въ умъ не пришло, что тутъ дѣлается. Слышалъ?

Кулигинъ.

Слышалъ, сударь.

Кабановъ.

Несчастный я теперь, братецъ, человѣкъ! Такъ, ни за что я погибаю, ни за грошъ!

Кулигинъ.

Маменька-то у васъ больно крута.

Кабановъ.

Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мнѣ на милость? Я вотъ зашелъ къ Дикому, ну, выпили: думалъ—легче будетъ; нѣтъ, хуже, Кулигинъ! Ужъ что жена противъ меня сдѣлала! Ужъ хуже нельзя...

Кулигинъ.

Мудреное дѣло, сударь. Мудрено васъ судить.

Кабановъ.

Нѣтъ, постой! Ужъ на что̀ еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вотъ маменька говоритъ: ее надо живую въ землю закопать, чтобъ она казнилась! А я ее люблю, мнѣ ее жаль пальцемъ тронуть. Побилъ немножко, да и то маменька приказала. Жаль мнѣ смотрѣть-то на нее, пойми ты это, Кулигинъ. Маменька ее по̀ѣдомъ ѣстъ, а она, какъ тѣнь какая, ходитъ безотвѣтная. Только плачетъ да таетъ, какъ воскъ. Вотъ я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигинъ.

Какъ бы нибудь, сударь, ладкомъ дѣло-то сдѣлать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не безъ грѣха!

Кабановъ.

Ужъ что̀ говорить!

Кулигинъ.

Да ужъ такъ, чтобы и подъ пьяную руку не попрекать! Она бы вамъ, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

Кабановъ.

Да пойми ты, Кулигинъ: я-то бы ничего, а маменька-то... развѣ съ ней сговоришь!..

Кулигинъ.

Пора бы ужъ вамъ, сударь, своимъ умомъ жить.

Кабановъ.

Что̀-жъ, мнѣ разорваться, что̀ ли! Нѣтъ, говорятъ, своего-то ума. И, значитъ, живи вѣкъ чужимъ. Я вотъ возьму, да послѣдній-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, и нянчится.

Кулигинъ.

Эхъ, сударь! Дѣла, дѣла! Ну, а Борисъ-то Григорьевичъ, сударь, что̀?

Кабановъ.

А его, подлеца, въ Тяхту, къ китайцамъ. Дядя къ знакомому купцу какому-то посылаетъ туда въ контору. На три года его туды.

Кулигинъ.

Ну, что же онъ, сударь?

Кабановъ.

Мечется тоже; плачетъ. Накинулись мы давеча на него съ дядей, ужъ ругали, ругали— молчитъ. Точно дикій какой сдѣлался. Со мной, говоритъ, что хотите, дѣлайте, только ее не мучьте! И онъ къ ней тоже жалость имѣетъ.

Кулигинъ.

Хорошій онъ человѣкъ, сударь.

Кабановъ.

Собрался совсѣмъ, и лошади ужъ готовы. Такъ тоскуетъ, бѣда! Ужъ я вижу, что ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будетъ съ него. Врагъ, вѣдь, мнѣ, Кулигинъ! Разказнить его надобно на части, чтобы зналъ...

Кулигинъ.

Врагамъ-то прощать надо, сударь!

Кабановъ.

Поди-ка, поговори съ маменькой, что она тебѣ на это скажетъ. Такъ, братецъ Кулигинъ, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги другъ другу. Варвару маменька точила, точила; а та не стерпѣла, да и была такова—взяла, да и ушла.

Кулигинъ.

Куда ушла?

Кабановъ.

Кто ее знаетъ. Говорятъ, съ Кудряшомъ съ Ванькой убѣжала, и того также нигдѣ не найдутъ. Ужъ это, Кулигинъ, надо прямо сказать, что отъ маменьки; потому стала ее тиранить и на замокъ запирать.. „Не запирайте, говоритъ, хуже будетъ!“ Вотъ такъ и вышло. Что-жъ мнѣ теперь дѣлать, скажи ты мнѣ! Научи ты меня, какъ мнѣ жить теперь! Домъ мнѣ опостылѣлъ, людей совѣстно, за дѣло возьмусь— руки отваливаются. Вотъ теперь домой иду: на радость, что-ль, иду? (*Входитъ Глаша.*)

Глаша.

Тихонъ Иванычъ, батюшка!

Кабановъ.

Что еще?

Глаша.

Дома у насъ нездорово, батюшка!

Кабановъ.

Господи! Такъ ужъ одно къ одному! Говори, что тамъ такое?

Глаша.

Да хозяюшка ваша...

Кабановъ.

Ну, что-жъ? Умерла, что-ль?

Глаша.

Нѣтъ, батюшка; ушла куда-то, не найдемъ нигдѣ. Сбились съ ногъ, искамши.

Кабановъ.

Кулигинъ! надо, братъ, бѣжать искать ее. Я, братецъ, знаешь, чего боюсь? Какъ бы она съ тоски-то на себя руки не наложила! Ужъ такъ тоскуетъ, такъ тоскуетъ, что ахъ! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего-жъ вы смотрѣли-то? Давно-ль она ушла-то?

Глаша.

Недавнушка, батюшка! Ужъ нашъ грѣхъ, не доглядѣли. Да и то сказать: на всякой часъ не остережешься.

Кабановъ.

Ну, что стоишь-то, бѣги! *(Глаша уходитъ.)* И мы пойдемъ, Кулигинъ! *(Уходятъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Съ противоположной стороны выходитъ Катерина и тихо идетъ по сценѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Катерина *(одна)* *).

Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ! Что-то онъ теперь, бѣдный, дѣлаетъ? Мнѣ только проститься съ нимъ, а тамъ... а тамъ хоть умирать. За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь, мнѣ не легче отъ того! Погибать бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье — ему вѣчный покоръ! Да! Себѣ безчестье — ему вѣчный покоръ. *(Молчаніе.)* Вспомнить бы мнѣ, что онъ говорилъ-то? Какъ онъ жалѣлъ-то меня? Какіе слова-то говорилъ? *(Беретъ себя за голову.)* Не помню.

*) Весь монологъ и всѣ слѣдующія сцены говорить, растягивая и повторяя слова, задумчиво и какъ будто въ забытьи.

все забыла. Ночи, ночи мнѣ тяжелы! Всѣ пойдутъ спать, и я пойду; всѣмъ ничего, а мнѣ, какъ въ могилу. Такъ страшно въ потемкахъ! Шумъ какой-то сдѣлается, и поютъ, точно кого хоронятъ; только такъ тихо, чуть слышно, далеко, далеко отъ меня... Свѣту-то такъ рада сдѣлаешься! А вставать не хочется, опять тѣ же люди, тѣ же разговоры, та же мука. Зачѣмъ они такъ смотрятъ на меня? Отчего это нынче не убиваютъ? Зачѣмъ такъ сдѣлали? Прежде, говорятъ, убивали. Взяли бы, да и бросили меня въ Волгу; я бы рада была. ..Казнить-то тебя, говорятъ, такъ съ тебя грѣхъ снимется, а ты живи, да мучайся своимъ грѣхомъ. Да ужъ измучилась я! Долго-ль еще мнѣ мучиться!... Для чего мнѣ теперь жить, ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ! А смерть не приходитъ. Ты ее кличешь, а она не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ *(показывая на сердце)* больно. Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть, радость бы какую-нибудь я и видѣла... Что-жъ: ужъ все равно, ужъ душу свою я, вѣдь, погубила. Какъ мнѣ по немъ скучно! Ахъ, какъ мнѣ по немъ скучно! Ужъ коли не вижу я тебя, такъ хоть услышь ты меня издали! Вѣтры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мнѣ, скучно! *(Подходитъ къ берегу и громко во весь голосъ.)* Радость моя, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачетъ. Входитъ Борисъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Катерина и Борисъ.

Борисъ *(не видя Катерины).*

Боже мой! Вѣдь, это ея голосъ! Гдѣ же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбѣгаетъ къ нему и падаетъ на шею).*

Увидала-таки я тебя! *(Плачетъ на груди у него. Молчаніе.)*

Борисъ

Ну, вотъ и поплакали вмѣстѣ, привелъ Богъ

Катерина.

Ты не забылъ меня?

Борисъ.

Какъ забыть, что ты!

Катерина.

Ахъ, нѣтъ, не то, не то! ты не сердишься?

Борисъ.

За что мнѣ сердиться?

Катерина.

Ну, прости меня! Не хотѣла я тебѣ зла сдѣлать; да въ себѣ не вольна была. Что говорила, что дѣлала, себя не помнила.

Борисъ.

Полно, что ты! что ты!

Катерина.

Ну, какъ же ты? Теперь-то ты какъ?

Борисъ.

Ѣду.

Катерина.

Куда ѣдешь?

Борисъ.

Далеко, Катя, въ Сибирь.

Катерина.

Возьми меня съ собой отсюда!

Борисъ.

Нельзя мнѣ, Катя. Не по своей я волѣ ѣду: дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотѣлъ хоть съ мѣстомъ-то тѣмъ проститься, гдѣ мы съ тобой видѣлись.

Катерина.

Поѣзжай съ Богомъ! Не тужи обо мнѣ. Сначала только развѣ скучно будетъ тебѣ, бѣдному, а тамъ и позабудешь.

Борисъ

Что обо мнѣ-то толковать! Я вольная птица. Ты-то какъ? Что свекровь-то?

Катерина.

Мучаетъ меня, запираетъ. Всѣмъ говоритъ и мужу говоритъ: „не вѣрьте ей, она хитрая“. Всѣ и ходятъ за мной цѣлый день и смѣются мнѣ прямо въ глаза. На каждомъ словѣ все тобой попрекаютъ.

Борисъ.

А мужъ-то?

Катерина.

То ласковъ, то сердится, да пьетъ все. Да постылъ онъ мнѣ, постылъ, ласка-то его мнѣ хуже побоевъ.

Борисъ.

Тяжело тебѣ, Катя?

Катерина.

Ужъ такъ тяжело, такъ тяжело, что умереть легче!

Борисъ.

Кто-жъ это зналъ, что намъ за любовь нашу такъ мучиться съ тобой! Лучше-бъ бѣжать мнѣ тогда!

Катерина.

На бѣду я увидѣла тебя. Радости видѣла мало, горя-то, горя-то что̀! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что́ думать о томъ, что́ будетъ! Вотъ я теперь тебя видѣла, этого они у меня не отымутъ; а больше мнѣ ничего не надо. Только, вѣдь, мнѣ и нужно было увидать тебя. Вотъ мнѣ теперь гораздо легче сдѣлалось; точно гора съ плечъ свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Борисъ.

Что̀ ты, что̀ ты!

Катерина.

Да нѣтъ, все не то я говорю; не то я хотѣла сказать! Скучно мнѣ было по тебѣ, вотъ что̀; ну, вотъ я тебя увидала...

Борисъ.

Не застали-бъ насъ здѣсь!

Катерина.

Постой, постой! Что̀-то я тебѣ хотѣла сказать! вотъ забыла! Что̀-то нужно было сказать! Въ головѣ-то все путается, не вспомню ничего.

Борисъ.

Время мнѣ, Катя!

Катерина.

Погоди, погоди!

Борисъ.

Ну, что̀ же ты сказать-то хотѣла?

Катерина.

Сейчасъ скажу. *(Подумавъ.)* Да! Поѣдешь ты дорогой, ни одного ты нищаго такъ не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтобъ молились за мою грѣшную душу.

Борисъ.

Ахъ, кабы знали эти люди, каково мнѣ прощаться съ тобой! Боже мой! Дай Богъ, чтобъ имъ когда-нибудь такъ же

сладко было, какъ мнѣ теперь. Прощай, Катя! *(Обнимаетъ ее и хочетъ уйти.)* Злодѣи вы! Изверги! Эхъ, кабы сила!

Катерина.

Постой, постой! Дай мнѣ поглядѣть на тебя въ послѣдній разъ. *(Смотритъ ему въ глаза.)* Ну, будетъ съ меня! Теперь Богъ съ тобой, поѣзжай. Ступай, скорѣе ступай!

Борисъ *(отходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается).*

Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебѣ.

Катерина.

Ничего, ничего! Поѣзжай съ Богомъ! *(Борисъ хочетъ подойти къ ней.)* Не надо, не надо, довольно.

Борисъ *(рыдая).*

Ну, Богъ съ тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтобъ она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина.

Прощай! *(Борисъ уходитъ. Катерина провожаетъ его глазами и стоитъ нѣсколько времени задумавшись.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Катерина *(одна).*

Куда теперь? Домой или? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу — все равно. Да, что домой, что въ могилу!... что въ могилу! Въ могилѣ лучше.. Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!... Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка вырастетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе *(задумывается)*, всякіе... Такъ тихо! такъ хорошо! Мнѣ какъ-будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Придешь къ нимъ, они ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это? Ахъ, темно стало! И опять поютъ гдѣ-то! Что поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поютъ? Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ-на-крестъ

складываютъ... въ гробу! Да, такъ... я вспомнила. А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ, скорѣй, скорѣй! *(Подходитъ къ берегу. Громко.)* Другъ мой! Радость моя! Прощай! *(Уходитъ. Входятъ Кабанова, Кабановъ, Кулигинъ и работникъ съ фонаремъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кабанова, Кабановъ и Кулигинъ.

Кулигинъ.

Говорятъ, здѣсь видѣли.

Кабановъ.

Да это вѣрно?

Кулигинъ.

Прямо на нее говорятъ.

Кабановъ.

Ну, слава Богу, хоть живую видѣли-то.

Кабанова.

А ты ужъ испугался, расплакался! Есть о чемъ. Не безпокойся: еще долго намъ съ ней маяться будетъ.

Кабановъ.

Кто-жъ это зналъ, что она сюда пойдетъ! Мѣсто такое людное. Кому въ голову придетъ здѣсь прятаться.

Кабанова.

Видишь, что́ она дѣлаетъ! Вотъ какое зелье! Какъ она характеръ-то свой хочетъ выдержать! *(Съ разныхъ сторонъ собирается народъ съ фонарями.)*

Одинъ изъ народа.

Что́, нашли?

Кабанова.

То-то что нѣтъ. Точно провалилась куда.

Нѣсколько голосовъ.

Эка притча! Вотъ оказія-то! И куда-бъ ей дѣться!

Одинъ изъ народа.

Да найдется!

Другой.

Какъ не найтись!

Третій.

Гляди, сама придетъ. *(Голосъ за сценой: „Эй, лодку!“)*

Кулигинъ *(съ берега)*.

Кто кричитъ? Что̀ тамъ? *(Голосъ: „Женщина въ воду бросилась!“ Кулигинъ и за нимъ нѣсколько человѣкъ убѣгаютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же *безъ* Кулигина.

Кабановъ.

Батюшки, она, вѣдь, это! *(Хочетъ бѣжать. Кабанова удерживаетъ его за руку.)* Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу! а то такъ и самъ... Что̀ мнѣ безъ нея!

Кабанова.

Не пущу, и не думай! Изъ-за нея да себя губить, сто̀итъ ли она того! Мало намъ она страму-то надѣлала, еще что̀ затѣяла!

Кабановъ.

Пустите!

Кабанова.

Безъ тебя есть кому. Прокляну, если пойдешь.

Кабановъ *(падая на колѣни)*.

Хоть взглянуть-то мнѣ на нее!

Кабанова.

Вытащутъ—взглянешь.

Кабановъ *(встаетъ. Къ народу)*.

Что̀, голубчики, не видать ли чего?

1-й.

Темно внизу-то, не видать ничего. *(Шумъ за сценой.)*

2-й.

Словно кричатъ что̀-то, да ничего не разберешь.

1-й.

Да это Кулигина голосъ.

2-й.

Вонъ съ фонаремъ по берегу ходятъ.

1-й.

Сюда идутъ. Вонъ и ее несутъ. *(Нѣсколько народа возвращается.)*

Одинъ изъ возвратившихся.

Молодецъ Кулигинъ! Тутъ близехонько, въ омуточкѣ, у берега: съ огнемъ-то оно въ воду-то далеко видно; онъ платье и увидалъ, и вытащилъ ее.

Кабановъ.

Жива?

Другой.

Гдѣ ужъ жива! Высоко бросилась-то: тутъ обрывъ, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась бѣдная! А точно, ребята, какъ живая! Только на вискѣ маленькая ранка и одна только, какъ есть одна, капелька крови. *(Кабановъ бросается бѣжать: навстрѣчу ему Кулигинъ съ народомъ несутъ Катерину.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Кулигинъ.

Кулигинъ.

Вотъ вамъ ваша Катерина. Дѣлайте съ ней, что́ хотите! Тѣло ея здѣсь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь передъ Судіей, Который милосерднѣе васъ! *(Кладетъ на землю и убѣгаетъ.)*

Кабановъ *(бросается къ Катеринѣ).*

Катя! Катя!

Кабанова.

Полно! Объ ней и плакать-то грѣхъ!

Кабановъ.

Маменька, вы ее погубили! Вы, вы, вы...

Кабанова.

Что́ ты? Аль себя не помнишь! Забылъ съ кѣмъ говоришь!

Кабановъ.

Вы ее погубили! Вы! вы!

Кабанова *(сыну).*

Ну, я съ тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вамъ, люди добрые, за вашу услугу! *(Всѣ кланяются.)*

Кабановъ.

Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться! *(Падаетъ на трупъ жены.)*

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

(СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.)

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Василій Дмитричъ Досужевъ, чиновникъ, занимающійся частными дѣлами.

Андрей Титычъ Брусковъ, купеческій сынъ.

Василискъ Перцовъ, служилъ въ какой-то службѣ, теперь давно въ отставкѣ, праздношатающійся человѣкъ.

Александра Петровна Круглова, купеческая дочь.

Молодой человѣкъ, незначительный чиновникъ.

Дѣвушка и разныя проходящія лица безъ рѣчей.

Гротъ въ Кремлевскомъ саду, передъ нимъ площадка. Черезъ сцену изрѣдка проходятъ люди разнаго званія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Досужевъ *прохаживается передъ гротомъ; навстрѣчу ему идетъ* молодой человѣкъ.

Молодой человѣкъ.

Скажи, пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У насъ безъ тебя никакого веселья нѣтъ.

Досужевъ.

Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятилъ на пользу человѣчества.

Молодой человѣкъ.

Полно! Я тебя знаю: ты, вѣдь, шутъ гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человѣчеству! У тебя какая-нибудь новая потѣха на умѣ.

Досужевъ.

Вотъ видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикаго племени и, по мѣрѣ возможности, стараюсь быть ему полезнымъ.

Молодой человѣкъ.

Ничего не понимаю. Ты скажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты живешь теперь?

Досужевъ.

Ну, я объяснюсь проще: я оставилъ службу и занимаюсь частными дѣлами. А живу въ той сторонѣ, гдѣ дни раздѣляются на легкіе и тяжелые; гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться: значитъ, плохо дѣло; гдѣ заболѣваютъ отъ дурного глаза, а лѣчатся симпатіями; гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и разсматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаются депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилежащихъ. Однимъ словомъ, я живу въ пучинѣ.

Молодой человѣкъ.

Гдѣ же эта пучина?

Досужевъ.

Вездѣ; стóитъ только опуститься. Она къ сѣверу граничитъ съ сѣвернымъ океаномъ, къ востоку съ восточнымъ и такъ далѣе. Я переѣхалъ на самое дно. Милости просимъ. Вотъ мой адресъ. *(Подаётъ адресъ.)* Заѣзжай ко мнѣ, я тебѣ покажу такія чудеса, что останешься доволенъ.

Молодой человѣкъ.

Какія выгоды доставляетъ тебѣ твое занятіе?

Досужевъ.

Выгоды довольно большія; а главное: что̀ ни дѣло, то комедія. *(Подходитъ Перцовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Перцовъ.

Досужевъ *(протягивая Перцову руку)*

Bonjour! Вотъ, напримѣръ, господинъ Перцовъ! Рекомендую. Знаешь ли ты, чѣмъ онъ занимается?

Молодой человѣкъ.

Почемъ же мнѣ знать!

Досужевъ.

Онъ сочинитель: сочиняетъ фальшивые документы.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, при постороннихъ такія слова...

Досужевъ.

Ничего, будьте, какъ дома. Ну, гдѣ это можетъ быть, кромѣ пучины? Человѣкъ ничего ровно не дѣлаетъ, живетъ барономъ на чужой счетъ, буйствомъ приводитъ въ ужасъ всю окрестность и пьетъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ пить.

Перцовъ.

Неумѣстныя шутки, господинъ Досужевъ!

Молодой человѣкъ.

Ну, прощай!

Досужевъ.

Прощай, заходи!

Молодой человѣкъ.

Непремѣнно зайду. *(Уходитъ.)*

Досужевъ *(Перцову)*.

Ну, и... Чего-жъ вы еще дожидаетесь? Дѣло кончено, и толковать намъ съ вами не о чемъ.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, вы мнѣ скажите, какъ благородный человѣкъ: отдадите вы мнѣ этотъ документъ, или нѣтъ?

Досужевъ.

За четверикъ брильянтовъ, извольте.

Перцовъ.

Къ чему эти злыя насмѣшки надъ несчастіемъ ближняго? Вы знаете, я бѣденъ.

Досужевъ.

Но благороденъ.

Перцовъ.

Кто же смѣетъ сомнѣваться!

Досужевъ.

А фальшивые-то документы зачѣмъ писать? Какое же это благородство?

Перцовъ.

Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибѣгнуть къ этому, не всѣми одобряемому способу.

Досужевъ.

Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у васъ такая величественная физіономія. Да и кромѣ физіономіи, вы всѣмъ обезпечены: ваши родные даютъ вамъ квартиру, столъ, да и денегъ гораздо больше, чѣмъ мы своимъ горбомъ зарабатываемъ. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали, да и передали какому-то мошеннику.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, это дѣла или, лучше сказать, тайны семейныя. Онѣ должны быть скрыты подъ покровомъ неизвѣстности.

Досужевъ.

Хороши тайны! Женщина ни душой ни тѣломъ не виновата, вдругъ съ нея требуютъ по векселю деньги да еще стращаютъ, хотятъ представить ко взысканію. Если-бъ она повела дѣло-то, какъ слѣдуетъ, то-есть, допустила васъ представить вексель ко взысканію, да и подала бы отзывъ, что подпись-то подъ векселемъ фальшивая: что бы тогда произошло? Штука плачевная!

Перцовъ.

Я сознаюсь вамъ, какъ человѣку благородному, что въ этомъ случаѣ я вышелъ изъ предѣловъ приличія и подвергалъ себя большой непріятности.

Досужевъ.

А какъ вы думаете, какой?

Перцовъ *(улыбаясь)*.

Я могъ провести остатокъ дней моихъ въ тундрахъ сѣвера.

Досужевъ.

Совершенно справедливо, именно въ тундрахъ сѣвера.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, я очень хорошо понимаю мое ослѣпленіе; но войдите въ мое положеніе и вы поймете всѣ фибры

души моей, которыя подвигнули мою совѣсть дѣйствовать безъ зазрѣнія. Имѣя возможность жить подъ покровомъ благодѣянія моихъ родныхъ, я оставилъ службу; но, хотя я и предался бездѣйственной и праздной жизни, все-таки, они не должны забывать, что я имѣю благородное званіе, которое пріобрѣлъ на поприщѣ службы.

Досужевъ.

Они и не забываютъ.

Перцовъ.

Да. Но, по ихъ невѣжественному заблужденію, я не всегда имѣю достаточно финансовыхъ средствъ для поддержки нашей фамиліи, которую я облагородилъ. Я съ нѣкотораго времени лишился даже кредита.

Досужевъ.

Въ Марьиной рощѣ?

Перцовъ.

И въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ. Я нѣсколько разъ обращался съ требованіемъ къ моимъ родственникамъ, но, не видя для себя благопріятнаго результата, я рѣшился...

Досужевъ.

Сдѣлать фальшивый вексель...

Перцовъ.

Но, вѣдь, сестра заплатила по немъ, значитъ, признала его.

Досужевъ.

То-то и есть, что нѣтъ. Она его и не видала; я заплатилъ деньги и получилъ его съ бланковою надписью.

Перцовъ.

На что же онъ вамъ? Никакой рѣдкости нѣтъ, дѣло очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать съ нея въ другой разъ по этому векселю.

Досужевъ.

А почемъ вы знаете? Можетъ быть, придетъ время, когда я и потребую?

Перцовъ.

Но будетъ ли это благородно?

Досужевъ.

Очень. Она въ другой разъ и не заплатитъ, а дѣло пойдетъ прямо въ уголовный судъ.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, вы готовите новыя испытанія для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкій жребій находился въ вашихъ рукахъ...

Досужевъ.

Можетъ быть.

Перцовъ.

Но для чего?

Досужевъ.

Для того, чтобы изрѣдка напоминать вамъ о тундрахъ сѣвера.

Перцовъ.

Но зачѣмъ же играть, какъ игрушкой, судьбой человѣка души непреклонной?

Досужевъ.

Я вамъ скажу, зачѣмъ. Вы страхъ и трепетъ для всей окрестности; вы наводите ужасъ на мирныхъ обывателей; при одномъ вашемъ имени весь женскій полъ въ нашей сторонѣ приходитъ въ содроганіе; всѣ извозчики отъ васъ разъѣзжаются, всѣ лавочники отъ васъ разбѣгаются, какъ отъ чумы: изъ всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцовъ.

Я согласенъ: я жестокъ; но я караю только за неуваженіе.

Досужевъ.

Вы караете тѣхъ, кто слабѣе васъ и съ кого взять нечего. А съ богатыми людьми у васъ другая политика: вы заводите ссору, лѣзете въ драку, да потомъ требуете за безчестье.

Перцовъ.

Моя личность, какъ благороднаго человѣка, ограждена закономъ противъ всякихъ превратностей, и я по праву требую безчестье за оскорбленіе.

Досужевъ.

Вотъ по этому-то случаю я, какъ сосѣдъ вашъ, и хочу, для безопасности, имѣть всегда подъ руками оружіе на случай встрѣчи съ вами.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, покроемте все это дѣло покровомъ вѣчнаго забвенія.

Досужевъ.

То-есть, какъ же?

Перцовъ.

Отдайте мнѣ вексель!

Досужевъ.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же!

Перцовъ.

А если такъ, пусть онъ останется у васъ; но, господинъ Досужевъ, бойтесь разорвать завѣсу, скрывающую эту тайну.

Досужевъ.

Нѣтъ, ужъ лучше вы бойтесь меня!

Перцовъ.

Не ожидалъ, господинъ Досужевъ, не ожидалъ. Но я надѣюсь, что мы, какъ благородные люди, останемся друзьями. *(Протягиваетъ Досужеву руку.)*

Досужевъ.

Очень пріятно.

Перцовъ.

Честь имѣю кланяться. *(Уходитъ.)*

Досужевъ.

Ишь ты, франтъ какой! Какъ же, отдамъ я тебѣ вексель, дожидайся! Я радъ, что могу теперь безопасно по улицамъ ходить. Ты, вѣдь, разбойникъ извѣстный! *(Подходитъ Андрей Титычъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Досужевъ и Андрей Титычъ.

Досужевъ.

А, милый другъ, Андрюша, здравствуй!

Андрей Титычъ *(кланяясь)*.

Василью Митричу!

Досужевъ.

Покурить хочешь?

Андрей Титычъ.

Пожалуйте папироску! *(Досужевъ достаетъ папиросы, закуриваютъ.)*

Досужевъ.

Куда, мой другъ, стремительно спѣшишь?

Андрей Титычъ.

Маменька послали къ тятенькѣ: они теперь въ судѣ по дѣлу, такъ чтобъ домой вмѣстѣ. А то, пожалуй, уѣдутъ куда съ судейскими, да и загуляютъ. А если они загуляютъ-съ, такъ ужъ лучше бѣги всѣ изъ дому вонъ, потому такая война пойдетъ дня на три, что хуже французскаго разоренія. Къ тому же, нынче маменька не пускали тятеньку въ судъ, потому нынче понедѣльникъ—тяжелый день, а маменька этому очень вѣруютъ; ну, а тятенька не послушались, такъ маменька еще больше боятся.

Досужевъ.

Отчего же ты пѣшкомъ? Лошадей, что ли, у васъ нѣтъ? Врешь ты, должно быть. Не назначилъ ли здѣсь, въ саду, какого свиданьишка?

Андрей Титычъ.

Нѣтъ-съ, Василій Митричъ, не до того-съ! Я вамъ скажу, просто нѣтъ никакой возможности на свѣтѣ жить, вотъ что.

Досужевъ.

Отецъ, что ли, свирѣпствуетъ?

Андрей Титычъ.

Кому-жъ еще! Извѣстно, тятенька! И прежде тятенька были люты, а теперь ужъ описать нельзя. До того дошли, что никакихъ себѣ границъ не знаютъ.

Досужевъ.

Воюетъ, что ли, очень?

Андрей Титычъ.

Теперича въ газетахъ про черкесовъ пишутъ, что они злые хищники и бунтовщики; такъ повѣрьте душѣ моей, что ни одному черкесу того не сдѣлать, что тятенька могутъ.

Досужевъ.

Что-жъ за причина такая?

Андрей Титычъ.

Все насчетъ моей женитьбы. Помыкаютъ мной такъ, хуже чего быть не можетъ. Повезутъ меня невѣсту смотрѣть, куда имъ вздумается, и сейчасъ тамъ изъ-за приданаго или изъ чего другого ссору заведутъ, крикъ подымутъ, такъ домой и уѣдутъ. Потомъ въ другомъ мѣстѣ то же самое. Вотъ теперь въ Таганкѣ: повѣрите ли, съ матерью невѣсты два раза не-

хорошими словами ругались: поругаются, недѣли двѣ не ѣздятъ, потомъ опять помирятся. А ужъ я, не то, чтобъ сказать что, а и дышать-то не смѣю. Невѣсты же, Василій Митричъ, вотъ ужъ мы ихъ никакъ восемь смотрѣли, все мнѣ не по сердцу-съ: только что одно тѣлесное сложеніе, а больше ничего нѣтъ-съ.

Досужевъ.

Жаль, братъ, мнѣ тебя, Андрюша.

Андрей Титычъ.

А къ тому же, по моимъ чувствамъ, мнѣ теперь жениться никакъ невозможно-съ.

Досужевъ.

Отчего же?

Андрей Титычъ.

Я теперича оченно влюбленъ-съ.

Досужевъ.

Что ты!

Андрей Титычъ.

Ужъ это такъ точно-съ.

Досужевъ.

Въ кого же?

Андрей Титычъ.

Ужъ есть такая дѣвушка-съ.

Досужевъ.

Какъ же это тебя догадало?

Андрей Титычъ.

Да развѣ долго-съ? Одинъ разъ взглянулъ — и довольно-съ.

Досужевъ.

Ну, что-жъ, старайся, хлопочи!

Андрей Титычъ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Какъ тутъ хлопотать! Кабы я человѣкъ былъ, тогда другое дѣло; а то, что я такое? Арестантъ какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имѣю, выходу изъ дому нѣтъ.

Досужевъ.

А изъ какихъ она?

Андрей Титычъ.

То-есть, вы насчетъ моего предмета?

Досужевъ.

Да, насчетъ твоего предмета.

Андрей Титычъ.

Изъ купеческихъ, только не изъ богатыхъ.

Досужевъ.

Что-жъ, ты познакомился, али одними взглядами пробавляешься?

Андрей Титычъ.

Очень хорошо знакомы, даже у насъ въ домѣ бываютъ-съ; только оченно неспособно дома разговаривать-съ.

Досужевъ.

Что-жъ, ты въ любви объяснился?

Андрей Титычъ.

Да вамъ на что же-съ? Собственно только для смѣху-съ?

Досужевъ.

Ну, вотъ еще!

Андрей Титычъ.

Ужъ я васъ знаю-съ. Да мнѣ что-жъ! Смѣйтесь, пожалуй! Мы свое дѣло знаемъ.

Досужевъ.

Ну, какъ же ты съ ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчикъ!

Андрей Титычъ.

А вотъ какъ-съ! Были онѣ у насъ какъ-то съ матерью въ гостяхъ, да и засидѣлись, такъ что ужъ смерклось почти. Вотъ старуха-то и говоритъ: „Какъ же мы такъ поздно пойдемъ?“ А маменька имъ на это: „Да вотъ Андрюша васъ проводитъ“. А я этому дѣлу и радъ: сейчасъ шапку въ руки и говорю: „Съ большимъ нашимъ удовольствіемъ“. Вотъ пошли-съ, старуха сзади, а мы впереди-съ. Только она меня и спрашиваетъ: „Вы, говоритъ, любите ѣздить?“ Я говорю: „Это первое мое удовольствіе“.— „Я, тоже, говоритъ, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говоритъ, знать, что человѣкъ думаетъ“.— „А для чего же, говорю, вамъ знать-съ?“— „А для того, говоритъ, что сейчасъ можно видѣть, правду человѣкъ говоритъ, или нѣтъ“.— „А развѣ, говорю, такъ нельзя этого замѣтить?“— „Я, говоритъ, никогда не могу замѣтить; я всему вѣрю, что мнѣ говорятъ. Отчего, говоритъ, вы ни-

когда къ намъ не зайдете?“ — „Оттого, говорю, что не своей волей живу“. — „Вонъ, говоритъ, окошко, я всегда подлѣ него сижу; вы каждый день мимо ѣздите, а никогда не взглянете; а я такъ не въ васъ, безъ того отъ окна не встану, чтобы не дождаться, какъ вы изъ городу проѣдете“. Такъ меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умѣю. „Жаль мнѣ васъ, говоритъ, такой вы робкій“. — „Я, говорю, очень робокъ-съ“. Тутъ мы подошли къ дому, остановились, старуха прошла въ калитку; а я сейчасъ оглянулся, вижу — на улицѣ никого нѣтъ, не говоря худого слова, въ охапку ее, да и поцѣловалъ-съ.

Досужевъ.

Ну, и молодецъ!

Андрей Титычъ.

Она какъ прыгнетъ въ калитку, и сейчасъ ее захлопнула. Такъ мнѣ стало совѣстно, лучше бы я, кажется, на этомъ самомъ мѣстѣ сквозь землю провалился.

Досужевъ.

Вотъ хвалю! Ты всегда, что ли, такъ?

Андрей Титычъ.

Да что про меня, дурака, и говорить-съ! Одно слово, невѣжа въ высшей степени, обломъ, какъ есть. Полѣномъ бы меня въ тѣ поры хорошенько.

Досужевъ.

Ну, какъ же ты послѣ? Подыгрался опять, или все еще сердится?

Андрей Титычъ.

Все сердится-съ.

Досужевъ.

Ты дѣвичьему-то сердцу не очень вѣрь.

Андрей Титычъ.

Развѣ я не знаю-съ; да эта дѣвушка-то другой сортъ-съ. Всѣмъ нашимъ барышнямъ, которыя даже и въ пансіонѣ воспитывалась, до нея далеко. Я хоша и дуракъ, а вижу.

Досужевъ.

Ну, твое счастье! Что-жъ, неужели ты такъ и бросилъ свое волокитство?

Андрей Титычъ.

Эхъ, Василій Митричъ! Ужъ такъ и быть, всю вамъ истинную

правду разскажу. Вотъ проходитъ недѣля, мучусь я совѣстью черезъ свое невѣжество, а итти къ нимъ боюсь. Проходитъ другая, третья; да ужъ и самъ не знаю, какъ-то осмѣлился: дай, думаю, пойду. Что не будетъ, то будетъ.

Досужевъ.

Разумѣется.

Андрей Титычъ.

Прихожу я къ нимъ, она одна сидитъ, работаетъ. Взглянула на меня-съ, и вдругъ у ней въ одну минуту слезы на глазахъ-съ. Началъ я извиненія просить въ своемъ собственномъ невѣжествѣ, а она мнѣ на мои извиненія ничего не говоритъ, а твердитъ только одно: „Что-жъ вы не приходили? Что-жъ вы не приходила? Значитъ, это была только шалость съ вашей стороны?“ Я опять даже со слезами начинаю ее просить-съ: „Вы, говорю, только меня простите, а ужъ я впередъ, говорю, никогда не осмѣлюсь“. Она взглянула на меня и засмѣялась. „Въ чемъ, говоритъ, простить-то! Грѣхъ-то небольшой“. А у самой, гляжу, опять слезы на глазахъ. Тутъ мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василій Митричъ?

Досужевъ.

Извѣстно что. Значитъ, она тебя любитъ. Надо съ тебя могорычъ.

Андрей Титычъ.

За этимъ дѣло не станетъ-съ. Только прихожу я домой-съ, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдругъ ко мнѣ: „Что, говоритъ, ты шляешься, какъ соврасъ безъ узды! Собирайся, говоритъ, ѣхать — невѣсту смотрѣть!“ Какъ тутъ жить.

Досужевъ.

Что дѣлать-то! Терпи казакъ, атаманъ будешь! Что-жъ, ты послалъ письмо?

Андрей Титычъ.

Послалъ-съ.

Досужевъ.

Что-же ты написалъ? Ну, сдѣлай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титычъ.

Всѣ чувства свои выразилъ, какія только есть. Три дня писалъ. И въ концѣ пишу, чтобы она мнѣ на отвѣтъ написала, гдѣ я ее могу видѣть и когда, и чтобы никого при

томъ не было, и что если мнѣ будетъ въ этомъ отказъ, то я могу себя потерять черезъ это, и она будетъ за меня Богу отвѣчать. Это письмо я вчера отдалъ нашей дѣвушкѣ и сейчасъ же отвѣтъ получилъ. Я васъ давеча обманулъ немного-съ. Пишетъ, что она пойдетъ въ городъ, и чтобы я сегодня утромъ былъ въ Кремлевскомъ саду, здѣсь мы и можемъ видѣться.

Досужевъ.

Значитъ, ты въ судъ не пойдешь?

Андрей Титычъ.

Въ судъ само собой-съ. Да, вѣдь, еще теперь рано-съ.

Досужевъ.

Вѣдь, отецъ твой самъ ничего не смыслитъ, кто же вамъ дѣла стряпаетъ?

Андрей Титычъ.

Былъ Сахаръ Сахарычъ, да его теперича за безобразіе прогнали; а теперь у насъ умнѣйшій человѣкъ: Харлампій Гаврилычъ Мудровъ.

Досужевъ.

Да, дуракъ извѣстный. Его, лѣтъ тридцать тому назадъ, изъ управы за взятки выгнали. И дѣла ничего не знаетъ: онъ только тѣ законы и помнитъ, которые при немъ были. Даромъ деньги беретъ. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сдѣлаю и возьму дешевле.

Андрей Титычъ.

Хорошо-съ. У насъ, вѣдь, все больше дѣла по тятенькиному буйству-съ. Ужъ вы, Василій Митричъ, меня оставьте, а то намъ будетъ совѣстно васъ.

Досужевъ.

Что дашь?

Андрей Титычъ.

Что угодно-съ.

Досужевъ.

Обѣдомъ угостишь съ шампанскимъ?

Андрей Титычъ.

Да помилуйте! Нешто объ этомъ какой разговоръ быть можетъ-съ! Вонъ они идутъ-съ.

Досужевъ.

Ну, такъ я въ гротѣ тебя подожду. *(Уходитъ въ гротъ. Входятъ Александра Петровна Круглова и дѣвушка.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Андрей Титычъ и Александра Петровна.

Андрей Титычъ *(кланяясь)*.

Наше вамъ почтеніе-съ!

Александра Петровна.

Здравствуйте!

Андрей Титычъ.

Чему это приписать-съ?

Александра Петровна.

Что̀ приписать?

Андрей Титычъ.

Ваше снисхожденіе-съ.

Александра Петровна.

Вы такое письмо написали, что я не могла не прійти. Вы пишете, что можете себя потерять.

Андрей Титычъ.

Это такъ точно-съ.

Александра Петровна.

Что̀ же это значитъ, что вы себя потеряете? Какъ же вы себя потеряете?

Андрей Титычъ.

Оченно просто-съ. Сдѣлать загулъ хорошій, да такъ всю жизнь этимъ дѣломъ и заниматься-съ.

Александра Петровна.

Что̀ это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титычъ.

Съ горя-то что̀-нибудь сдѣлаешь надъ собой. Жизнь-то моя вамъ извѣстна. Дома все одно, что въ острогѣ, знакомства хорошаго по своему образованію не имѣю, любить меня за мое невѣжество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женятъ на уродѣ. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-съ. Да, вѣдь, это я вамъ говорю кромѣ всякихъ шутокъ-съ. Вы сами изволите видѣть, у васъ примѣры на глазахъ. Можетъ быть, не одна сотня нашего брата, очень хорошихъ людей, такимъ манеромъ погибла. Значитъ, и мнѣ не уйти своей судьбы, потому что я не лучше другихъ.

Александра Петровна *(тихо)*.

Чѣмъ же я могу помочь вамъ?

Андрей Титычъ.

Какая помощь-съ! Никто меня изъ этого омута не вырветъ, развѣ только одна могила.

Александра Петровна *(ласково)*.

Что же вамъ нужно отъ меня?

Андрей Титычъ.

Я только хотѣлъ знать насчетъ вашихъ чувствъ-съ.

Александра Петровна.

Да что же вамъ до моихъ чувствъ? Вѣдь, вамъ жениться на мнѣ не позволятъ.

Андрей Титычъ.

Хоша и не позволятъ-съ, все-таки я буду знать, что хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ меня любитъ. Да при всемъ томъ, ужъ я тогда тятенькѣ про все скажу прямо, какъ отрѣжу, пущай хоть убьетъ. Да и маменьку заставлю, такъ и будемъ къ нему приставать; побьется, побьется, да, можетъ, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да ужъ по крайности...

Александра Петровна.

Если я и выйду за васъ, каково мнѣ будетъ жить въ вашей семьѣ!

Андрей Титычъ.

Нѣтъ, ужъ тогда чтобы врознь-съ. Я ужъ тогда буду женатый, значитъ, могу больше разговаривать. Теперь меня за человѣка не считаютъ, собственно потому, что холостой, а тогда совсѣмъ другое дѣло-съ.

Александра Петровна.

Ну, что же мнѣ вамъ сказать на это?

Андрей Титычъ.

Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь въ вашихъ рукахъ. Черезъ васъ только я и могу быть человѣкомъ; а то я чувствую самъ въ себѣ, что такихъ дѣловъ могу надѣлать, что чертямъ будетъ тошно. Со мной то дѣлается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-съ. Такъ вотъ кинулся бы на народъ, да и грызъ всѣхъ зубами. А ежели въ этакомъ разѣ да запить, такъ, вѣдь, какихъ

крамболей надѣлать можно —ума помраченіе! Теперича я скромный-съ, а ежели только начать, такъ я чувствую, что во мнѣ вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна.

Ахъ, какой вы, Андрей Титычъ! Да развѣ вы не видите, что я васъ давно люблю!

Андрей Титычъ.

Ежели это такъ точно, какъ вы говорите, значитъ счастливѣе меня человѣка нѣтъ. Я такъ о себѣ понимаю.

Александра Петровна.

Ну, и слава Богу! Я и очень рада.

Андрей Титычъ.

Теперь ужъ я вашъ по гробъ жизни...

Александра Петровна.

Не хорошо здѣсь разговаривать-то: народу очень много; а вы лучше приходите ужо къ намъ.

Андрей Титычъ.

Коли урвусь, такъ непремѣнно-съ.

Александра Петровна.

Ну, прощайте! *(Шопотомъ.)* Миленькій мой!

Андрей Титычъ.

Эхъ! Надо бы ручку поцѣловать-съ, да народъ.

Александра Петровна.

Теперь ужъ ручку! Испугался!

Андрей Титычъ.

Школить надо нашего брата, такъ мы будемъ обращеніе понимать; а мало-мальски слободно пустить, такъ, вѣдь, для насъ границъ нѣтъ. До пріятнаго свиданія-съ. *(Александра Петровна и дѣвушка уходятъ. Досужевъ выходитъ изъ грота.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Андрей Титычъ и Досужевъ.

Досужевъ.

Ну что, приладилъ дѣло?

Андрей Титычъ.

Приладилъ-съ. Теперича какое прикажете угощеніе, всякое можемъ. Я полагаю, намъ къ Гурину итти-съ. Теперича

я такъ радъ, что меня даже опасно одного оставлять-съ, какъ бы я отъ радости какого-нибудь колѣна не выкинулъ!

Досужевъ.

А ты порядку не теряй! Держи себя въ струнѣ!

Андрей Титычъ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Васъ, можетъ быть, женщины любили, такъ для васъ это ничего; а, вѣдь, меня въ первый разъ въ жизни-съ. Пожалуйте къ Гурину-съ! *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Титъ Титычъ Брусковъ, богатый купецъ.
Настасья Панкратьевна, жена его.
Андрей Титычъ, сынъ ихъ.
Харлампій Гавриловичъ Мудровъ, стряпчій, пожилой человѣкъ, [illegible] важнаго вида. Качаетъ головой и грустно улыбается.
Наталья Никаноровна Круглова, купчиха.
Александра Петровна, ея дочь.
Луша, горничная дѣвушка.

Гостиная въ домѣ Брусковыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Луша и Наталья Никаноровна Круглова *входятъ*

Луша.

Вы изъ саду, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна.

Изъ саду.

Луша.

Сама-то идетъ тоже?

Наталья Никаноровна.

Да, сейчасъ за мной.

Луша.

Такъ надо велѣть самоваръ ставить.

Наталья Никаноровна.

Она ужъ приказала. Что это, дѣвушка, ваши хозяева-то какіе скучные, какая тоска съ ними?

Луша.

Ужъ и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи Господи!

Наталья Никаноровна.

Диви-бъ денегъ не было, а то съ такими-то деньгами, да все думаютъ о чемъ-то, да сокрушаются. Мы съ дочкой люди небогатые, а не въ примѣръ веселѣе вашего живемъ. А будь-ка у меня деньги...

Луша.

Ужъ какая у васъ дочка красавица! Вотъ бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна.

Что-жъ, мнѣ набиваться, что ли, коли не хотятъ? Какъ же, была оказія! Да она къ вашей жизни и не привыкнетъ: у насъ каждый день веселье, а здѣсь точно хоронятъ кого. Я и постарше ее, да, кажется, съ тоски бы пропала. Мы живемъ не по-вашему: у насъ, что ни день, либо мы въ гостяхъ, либо у насъ гости, а то такъ за городъ. Я такъ разсуждаю, милая: ученье наше было на мѣдныя деньги; какъ образованные люди живутъ, мы жить не можемъ, а денегъ-то на нашъ вѣкъ хватитъ; по крайности, мы хоть весело поживемъ.

Луша.

Пойти, чай готовить! Никакъ сама идетъ. *(Уходитъ. Входятъ Мудровъ и Настасья Панкратьевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Мудровъ, Настасья Панкратьевна и Наталья Никаноровна.

Настасья Панкратьевна.

Что это Китъ Китычъ не ѣдетъ! У меня сердце не на мѣстѣ. Присядьте, любезные гости!

Мудровъ.

Присядемъ-съ, присядемъ-съ. Отчего не присѣсть. Охъ-охъ-охъ! Грѣхи наши тяжкіе. *(Садятся.)*

Настасья Панкратьевна.

Тяжкіе, батюшка, тяжкіе! *(Натальѣ Никаноровнѣ.)* Да гдѣ-жъ дочка-то ваша?

Наталья Никаноровна.

Да, чай, въ саду гуляетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, пущай гуляетъ.

Наталья Никаноровна.

Что̀ ей съ нами-то дѣлать! Что̀ мы ей за компанія! Разговоры наши слушать скучно.

Настасья Панкратьевна.

Скучно, матушка, скучно. Ужъ посидите вы у меня, Бога ради, подождемте вмѣстѣ Китъ Китыча. Все какъ-то при людяхъ лучше, а то одной-то мнѣ страшно. *(Молчаніе.)* Такъ вотъ, Урланій Гаврилычъ, я и говорю...

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Да, Харлампій Гаврилычъ! Такъ вотъ я и говорю: тяжело на свѣтѣ-то жить! Ужъ какъ тяжело!

Мудровъ.

Да, не легко-съ, не легко-съ.

Настасья Панкратьевна.

Особенно кому съ большими деньгами.

Наталья Никаноровна.

Ну, еще съ деньгами-то стерпѣть можно, вотъ безъ денегъ такъ плохо.

Настасья Панкратьевна.

Какъ это можно! Какое сравненіе! Безъ денегъ не въ примѣръ легче жить. Безъ денегъ-то какая забота! Только-бъ былъ сытъ, вотъ и все.

Наталья Никаноровна.

А съ деньгами-то что̀? Только что причудъ больше.

Настасья Панкратьевна.

Какъ это вы говорите! Да деньги что̀ такое? Вѣдь, деньги-то — кандалы!

Мудровъ.

Охъ, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна.

Ежели теперь у насъ очень много денегъ, значитъ, мы должны жить точно такъ, какъ другіе прочіе богатые люди живутъ; а то насъ всякій осудить можетъ. Значитъ, ужъ я

никакого удовольствія съ деньгами не могу себѣ имѣть, а должна только смотрѣть, даже до всякой малости, какъ у другихъ, чтобы все такъ точно и сама потрафлять. А не сдѣлай я такъ точно, такъ, вѣдь, меня засмѣютъ. А какъ это тяжело, особенно въ лѣтахъ! Ну ихъ, эти деньги проклятыя! Я и глядѣть-то на нихъ боюсь. Мнѣ одинъ странникъ сказывалъ, что ежели часто смотрѣть на нихъ, такъ отъ этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна.

Безъ денегъ-то скорѣй ожесточится.

Настасья Панкратьевна.

Ужъ вы, Наталія Никаноровна, не спорьте! Ужъ странникъ знаетъ, что говоритъ. Значитъ, онъ въ какихъ-нибудь книгахъ читалъ. Урлапій Гаврилычъ...

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Ужъ извините, батюшка: все сбиваюсь. Языкъ-то одинъ, приболтается. Скажите, Харлампій Гаврилычъ, есть такія книги?

Мудровъ.

Книги? *(Вздыхаетъ.)* Книги-съ? Книги всякія есть-съ.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ бы почитать когда!

Мудровъ.

Книги всякія есть-съ, да не всякія читать нужно.

Настасья Панкратьевна.

Какихъ же это книгъ читать не нужно?

Мудровъ

Свѣтскихъ-съ. Свѣтскихъ книгъ нетвердымъ умамъ читать нельзя-съ.

Настасья Панкратьевна.

Какія же такія свѣтскія книги? Это — что гражданскими словами написано?

Мудровъ.

Не въ томъ сила, сударыня: а надо знать, какой духъ въ книгѣ.

Настасья Панкратьевна.

А какъ ее узнаешь, какой въ ней духъ?

Мудровъ.

Я знаю-съ. Другой не знаетъ, а я знаю, какой духъ. Вотъ поэтому-то нетвердымъ умамъ и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а самъ не вѣрю тому, что̀ написано; какіе бы мнѣ документы ни приводили, я не вѣрю; хоть будь тамъ написано, что дважды два — четыре, я не вѣрю, потому что я твердъ умомъ.

Настасья Панкратьевна.

Зачѣмъ же пишутъ такія книги, которыя читать нельзя?

Мудровъ.

Отъ заблужденія; совратились.

Настасья Панкратьевна.

Совратились, батюшка, совратились!

Мудровъ.

Вотъ хоть нынѣшніе, такъ-называемые, романы! Не то, что молодого человѣка, но даже и старца многолѣтняго могутъ въ соблазнъ ввести.

Наталья Никаноровна.

Какой тамъ соблазнъ: просто сказки. Есть веселыя, есть скучныя.

Мудровъ.

Какой соблазнъ-съ? А вотъ какой соблазнъ: въ этихъ сказкахъ любовь человѣческая изображается для взоровъ въ привлекательномъ видѣ.

Наталья Никаноровна.

Ну, такъ что-жъ за бѣда?

Настасья Панкратьевна.

Ужъ намъ этихъ книгъ не читать. Вотъ хорошихъ-то бы книгъ почитала. Только вотъ... какъ васъ, батюшка?

Мудровъ.

Харламній Гавриличъ.

Настасья Панкратьевна.

Только вотъ, Харламній Гаврилычъ, въ хорошихъ-то книгахъ очень нехорошо про богатство пишутъ.

Мудровъ.

Да, не одобряютъ-съ, очень не одобряютъ-съ.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ оно и страшно такія книги-то читать.

Наталья Никаноровна.

Да лучше не читать никакихъ, меньше думается.

Настасья Панкратьевна.

Отъ думы-то, вѣдь, тоже вредъ человѣку.

Мудровъ.

Дума разная бываетъ-съ, разная.

Настасья Панкратьевна.

Да какая хочешь дума, все человѣкъ худѣетъ отъ нея: ужъ на немъ того тѣла нѣтъ. Вотъ я еще мудреныхъ словъ боюсь.

Мудровъ.

Да, есть слова, есть-съ. Въ нихъ, сударыня, таинственный смыслъ сокрытъ, и сокрытъ такъ глубоко, что слабому уму-съ...

Настасья Панкратьевна.

Вотъ этихъ-то словъ я, должно быть, и боюсь. Богъ его знаетъ, что̀ оно значитъ, а слушать-то страшно.

Мудровъ.

Вотъ, напримѣръ-съ...

Настасья Панкратьевна.

Охъ, ужъ не говорите лучше! право, я всегда себя послѣ какъ-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна.

Нѣтъ, что̀-жъ, пускай говоритъ; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна.

Развѣ ужъ одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудровъ.

Вотъ, напримѣръ, металлъ! Что̀-съ? Каково слово! Сколько въ немъ смысловъ! Говорятъ: „презрѣнный металлъ!“ Это одно значитъ; потомъ говорятъ: „металлъ звенящій. — Глаголъ временъ, металла звонъ“. Это значитъ, сударыня, каждая секунда приближаетъ насъ ко гробу. И колоколъ тоже металлъ. А то есть еще благородные металлы.

Настасья Панкратьевна.

Ну, будетъ, батюшка, будетъ. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я вашихъ словъ не могу; мнѣ цѣлый день и будетъ представляться.

Мудровъ.

Вотъ тоже я недавно въ одномъ сочиненіи читалъ, хотя и свѣтскаго писателя, но достойнаго уваженія. Обаче, говоритъ...

Настасья Панкратьевна.

Оставьте, я васъ прошу. Ужъ я такая робкая, право, ни на что не похоже. Вотъ тоже, какъ услышу я слово: „жупелъ“, такъ руки-ноги и затрясутся.

Мудровъ.

Да, есть словечки, есть-съ. Вотъ тоже...

Настасья Панкратьевна.

Батюшка, оставьте! Убѣдительно я васъ прошу. Конечно, всѣ мы смертны; развѣ кто споритъ! Ну, тамъ ужъ послѣ будь, что будетъ. Что-жъ теперь заживо-то такія страсти слушать.

Наталья Никаноровна.

И въ самомъ дѣлѣ, что за разговоръ завели!

Настасья Панкратьевна.

Давно я сбираюсь, хочется мнѣ объ жизни поговорить съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ.

Наталья Никаноровна.

А что такое объ жизни-то?

Настасья Панкратьевна.

Да какъ жить на свѣтѣ.

Наталья Никаноровна.

И жить такъ, какъ жили. Слава Богу, лѣтъ до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

Настасья Панкратьевна.

Да развѣ мы такъ живемъ, какъ человѣку указано! Вотъ такъ бы жить, чтобы все исполнять.

Наталья Никаноровна.

Ужъ я не знаю, что еще исполнять.

Мудровъ.

Много нужно, сударыня, охъ, какъ много!

Настасья Панкратьевна.

Возьмемъ хоть то: знаемъ ли мы, въ какіе дни что̀ нужно дѣлать?

Наталья Никаноровна.

Что̀ тутъ знать-то! Какое дѣло есть, то и дѣлай!

Настасья Панкратьевна.

Ну, нѣтъ, матушка! Кто поумнѣй-то насъ, какое ни будь у него необходимое дѣло, а въ понедѣльникъ не начнетъ. А мы не исполняемъ.

Наталья Никаноровна.

Вздоръ, я думаю.

Настасья Панкратьевна.

Какой вздоръ! Кабы не было примѣровъ; а то примѣры были. Какъ вы скажете, Урла...

Мудровъ.

Харлампій.

Настасья Панкратьевна.

Да, Харлампій Гаврилычъ. Какъ вы скажете?

Мудровъ.

На это, сударыня, принужденія нѣтъ. Всякому отдано на волю: кто не вѣритъ не вѣрь; а кто вѣритъ, и тому благо.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ Китъ Китыча не уговоришь никакъ. А ужъ сколько я разъ замѣчала, какъ онъ въ понедѣльникъ за какимъ важнымъ дѣломъ выѣдетъ изъ дому, такъ либо пьяный пріѣдетъ, либо безобразіе какое ужъ непремѣнно сдѣлаетъ.

Наталья Никаноровна.

Чай, вѣдь, и въ другіе дни то же?

Настасья Панкратьевна.

Все какъ-то порѣже. Вотъ теперь важное дѣло въ судѣ, а онъ поѣхалъ сегодня, не разбираетъ, что нынче понедѣльникъ.

Мудровъ.

Да, вѣдь, сегодня срокъ, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Да что̀-жъ такое, что срокъ! Дѣло-то не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ. Къ чему торопиться-то? Въ судѣ-то тоже не бусурманы сидятъ. А не хотятъ того понять, каково мнѣ дома-то

сидѣть, дожидаться-то его! Ужъ я къ нему Андрюшу послала, чтобы сейчасъ же его и тащилъ домой.

Наталья Никаноровна.

Вы ужъ Андрюшу-то своего загоняли совсѣмъ.

Настасья Панкратьевна.

Да развѣ я?—все отецъ. Сраму-то что дѣлаетъ! По всей Москвѣ возитъ невѣстъ смотрѣть. Нигдѣ на него не угодятъ.

Наталья Никаноровна.

Дали бы вы Андрюшѣ дѣло какое, да и оставили бы въ покоѣ, пусть себѣ занимается.

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ и хотѣлъ было, да опять передумалъ: прежде, говоритъ, женить надо.

Наталья Никаноровна.

Вотъ вы умный человѣкъ считаетесь, Харлампій Гаврилычъ, вы бы и поговорили Титъ Титычу.

Настасья Панкратьевна.

И въ самомъ дѣлѣ поговорили бы; а то, что онъ надъ сыномъ-то издѣвается. Вы теперь Китъ Китычу первый другъ; можетъ, онъ васъ и послушаетъ.

Мудровъ.

Вотъ еще! Нужно мнѣ очень! Да хоть онъ съѣшь сына живого, мнѣ все равно. Я даю совѣты, сударыня, по дѣламъ юридическимъ, и то не даромъ, а получаю за то вознагражденіе.

Наталья Никаноровна.

За кляузныя дѣла. То-то, видно, вы умны-то только съ нами разговаривать. *(Входитъ Александра Петровна.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Александра Петровна

Александра Петровна.

Кто-то подъѣхалъ. *(Смотритъ въ окно.)*

Настасья Панкратьевна.

Ахъ, батюшки! Побѣжать встрѣтить.

Александра Петровна.

Одинъ Андрей Титычъ на извозчикѣ, съ нимъ нѣтъ никого.

Настасья Панкратьевна.

Что-жъ это такое значитъ? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна.

А вотъ, войдетъ -разскажетъ.

Настасья Панкратьевна.

Батюшки! Ну, какъ грѣхъ какой, сохрани Господи! Ужъ живъ ли Китъ Китычъ-то!

Наталья Никаноровна.

Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Титъ Титычъ послалъ его впередъ: вотъ и все. *(Андрей Титычъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ *(раскланиваясь)*.

Маменька, бѣда!

Настасья Панкратьевна.

Живъ ли, живъ ли, ты мнѣ скажи!

Андрей Титычъ.

Да тятенька ничего, слава Богу-съ.

Настасья Панкратьевна.

Загулялъ?

Андрей Титычъ.

Загуляли-съ. И такихъ дѣловъ надѣлали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна.

Да ужъ говори, что тамъ такое!

Андрей Титычъ.

Тятенька барина прибили-съ.

Настасья Панкратьевна.

Какого барина?

Андрей Титычъ.

Не знаю-съ, только баринъ настоящій.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ онъ понедѣльникъ-то! Даромъ не прошелъ! Говорила, вѣдь, я ему, говорила!

Мудровъ *(надѣвая очки)*.

Потрудитесь, молодой человѣкъ, изложить намъ подробно обстоятельства дѣла.

Андрей Титычъ.

Вотъ-съ прихожу я въ судъ, а у нихъ ужъ дѣло кончено. Тятенька отобрали изъ судейскихъ человѣкъ шесть и повели ихъ въ трактиръ обѣдомъ потчевать-съ. Пообѣдали честь честью-съ, выпили они, сколько имъ слѣдуетъ; потомъ наняли судейскимъ извозчиковъ, а я съ тятенькой на своихъ, и поѣхали въ Марьину рощу-съ. Все бы это ничего-съ; только тятенька въ Марьиной рощѣ встрѣтили знакомую компанію-съ: человѣка четыре подрядчиковъ какіе-то могорычи запиваютъ-съ. Тутъ ужъ и пошло-съ! Шенпанскаго сразу ящикъ потребовали; цыганокъ пѣть заставили.

Настасья Панкратьевна.

Все это въ порядкѣ, дѣло очень обыкновенное.

Андрей Титычъ.

Да и все хорошо было-съ, и тятенька были очень веселы; только ужъ, конечно, понять разговору было нельзя, потому всѣ вмѣстѣ вдругъ говорили. И догадало-жъ кого-то изъ судейскихъ качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали-качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна.

Больно ушибли-то?

Андрей Титычъ.

Ушибить-то не ушибли, только ужъ очень тятенька въ сердце вошелъ. Обозвали всѣхъ, какъ нельзя хуже.... А тутъ, еще прежде, какой-то баринъ все вертѣлся, съ разговорами приставалъ ко всѣмъ, вино наше пилъ; ужъ очень ему хотѣлось въ компанію втереться. Ужъ его не одинъ разъ мы и гоняли отъ себя, а онъ все лѣзетъ. Да подъ сердитую-то руку и наскочилъ на тятеньку; а тятенька, ужъ извѣстно, много разговаривать не станутъ: должно быть, его раза два и ударили.

Мудровъ.

Ну, а онъ сейчасъ свидѣтелей?

Андрей Титычъ.

Такъ точно-съ. Судиться хочетъ съ тятенькой.

Настасья Панкратьевна.

Что-жъ моему будетъ за это? Вы, батюшка, дѣла-то знаете.

Мудровъ *(снимаетъ очки)*.

Какъ дѣло пойдетъ, сударыня. Коли на мировую, такъ деньгами только отдѣлается.

Настасья Панкратьевна.

А какъ цѣна-то, батюшка, за это?

Мудровъ.

Разная, сударыня; глядя по человѣку.

Настасья Панкратьевна.

Ужъ вы похлопочите!

Мудровъ.

Да было бы изъ чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухомъ питаемся. Можетъ быть, и дѣло-то грошовое, на пятидесяти рубляхъ сойдутся. Не велика мнѣ корысть.

Андрей Титычъ.

Ну нѣтъ, пятидесяти рублей баринъ не возьметъ-съ.

Мудровъ.

Развѣ ужъ былъ разговоръ?

Андрей Титычъ.

Былъ-съ.

Мудровъ.

Много ли же онъ проситъ?

Андрей Титычъ.

Триста тысячъ.

Настасья Панкратьевна.

Батюшки! Да гдѣ же вдругъ этакихъ денегъ взять!

Мудровъ *(встаетъ)*.

Триста тысячъ? Ну, вотъ это дѣло хорошее.

Настастья Панкратьевна.

Что-жъ тутъ хорошаго?

Мудровъ.

Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дѣла дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна.

Да вамъ-то что тутъ интереснаго?

Мудровъ.

Большія деньги возьму, сударыня, большія деньги.

Настасья Панкратьевна.

Съ кого же это? Съ Китъ Китыча?

Мудровъ.

Да, сударыня, съ Титъ Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

Настасья Панкратьевна.

И вамъ это не совѣстно, Урланъ Гаврилычъ?

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Ну, все равно.

Мудровъ.

Вотъ еще! Чего тутъ совѣститься, сударыня? Мы тѣмъ живемъ. Да я дуракъ буду, если съ него мало возьму. Онъ самъ послѣ смѣяться станетъ. Такія-то дѣла у насъ не каждый день. Всякій отъ своихъ трудовъ питается.

Настасья Панкратьевна.

А еще другъ называешься!

Мудровъ *(ходитъ въ волненіи)*.

Да меня надо бить палкой, если я съ него мало возьму. Съ кого-жъ и взять!

Настасья Панкратьевна.

Такъ и грабить!

Мудровъ.

Не грабить, а самъ отдастъ. Своими руками вынетъ изъ кармана и отдастъ. Мнѣ самому его жаль, да что-жъ дѣлать, сударыня. Не попадайся! А попался, такъ платись. Наше дѣло все равно, что игра: тутъ жалости нѣтъ; можно рубашку снять, такъ снимемъ.

Настасья Панкратьевна.

Этакъ мы и другого стряпчаго найдемъ.

Мудровъ.

Ищите, сударыня: ваша воля. Про меня говорятъ, что во мнѣ человѣчества мало, а въ другихъ еще меньше.

Настасья Панкратьевна *(сыну)*.

Ты что-жъ пріѣхалъ одинъ, не подождалъ отца-то?

Андрей Титычъ.

Тятенька меня прогнали-съ. Они и сами, я думаю, сейчасъ будутъ, потому что вся компанія разошлась. *(Луша входитъ.)*

Луша.

Чай готовъ-съ.

Настасья Панкратьевна.

Пожалуйте!

Наталья Никаноровна.

Да ужъ намъ бы пора.

Настасья Панкратьевна.

По чашечкѣ выкушайте и пойдете, а безъ чаю не пущу. (*Уходятъ Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудровъ и Луша.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Александра Петровна и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Александра Петровна-съ!

Александра Петровна (*подходитъ къ нему*).

Что?

Андрей Титычъ.

Наше дѣло въ ходъ пошло.

Александра Петровна.

Неужели?

Андрей Титычъ.

Сейчасъ умереть! Только бы вотъ эта исторія не помѣшала.

Александра Петровна.

Какъ же это случилось?

Андрей Титычъ.

Ужъ и самъ я не знаю, какъ я такую смѣлость взялъ на себя. Поѣхали мы съ тятенькой изъ трактира; вижу, онъ веселъ, я ему и говорю: „Что-жъ это за несчастіе мое, что невѣстъ подходящихъ нѣтъ для меня". — „Вотъ поди-жъ ты!" говоритъ. — „Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищемъ? Намъ бы гдѣ поближе, кругомъ себя поискать, нѣтъ ли на нашу руку". Онъ какъ взглянетъ на меня, да какъ крикнетъ: „Ты, говоритъ, мошенникъ, должно быть, ужъ высмотрѣлъ? Сказывай сейчасъ: высмотрѣлъ?" Я думаю: что робѣй, то хуже. „Высмотрѣлъ", говорю. — „Сейчасъ, говоритъ, сказывай: какая такая?" — „Александра Петровна Круглова", говорю.

Александра Петровна.

Неужели?

Андрей Титычъ.

Провалиться на этомъ мѣстѣ! „Да у нихъ, говоритъ, денегъ немного“.—„Немного“, говорю.—„А тебѣ, говоритъ, больно много нужно? Молчи, говоритъ, не смѣй разговаривать! А она пойдетъ за тебя?“ — „Отчего, говорю, не пойти“.—„Ну, говоритъ, шабашъ, и чтобъ скорѣе! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говоритъ, я дамъ. Мнѣ, говоритъ, нынче много въ судѣ отсудили; я ихъ ужъ давно пропащими считалъ, значитъ, все равно, что на улицѣ нашелъ. Вотъ вамъ на раззаводъ“.

Александра Петровна.

Ну, вотъ, значитъ, мы и закутимъ.

Андрей Титычъ.

Страсти, что̀ надѣлаемъ! Началъ потомъ онъ мнѣ наставленія читать. „Кабы, говоритъ, не отцы да не матери, что̀ бы вы на свѣтѣ были? Вотъ не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потомъ станешь воровать; а намъ съ матерью сокрушеніе сердечное, потому мы за тебя должны Богу отвѣтъ дать“. *(Обнимаетъ Александру Петровну.)*

Александра Петровна *(отходитъ).*

Андрей Титычъ, вы опять!

Андрей Титычъ.

Да, вѣдь, ужъ теперь мы почти-что свои.

Александра Петровна.

Ну, еще когда будемъ. *(Подходитъ къ нему.)*

Андрей Титычъ.

„Что̀, говоритъ, ты по Москвѣ-то собакъ гоняешь! Бѣгаешь ты, какъ саврасъ безъ узды!“ *(Обнимаетъ и цѣлуетъ.)*

Александра Петровна *(съ неудовольствіемъ).*

Андрюша!

Андрей Титычъ.

Какой же я, говорю, саврасъ?— „А ты, говоритъ, молчи; это тебѣ, дураку, на пользу“. *(Опять обнимаетъ.)*

Александра Петровна *(съ сердцемъ).*

Андрюша!

Наталья Никаноровна *(за сценой).*

Саша!

Александра Петровна.

Вонъ слышишь? Что?

Андрей Титычъ.

Ну, что-жъ такое!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*.

Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна.

Я, маменька, не хочу. *(Подходитъ къ Андрею Титычу.)* Какой ты! Ну, какъ кто войдетъ!

Андрей Титычъ.

Да, вѣдь, я, Сашенька, смотрю въ дверь-то. Неужто-жъ я...

Александра Петровна *(подвигаясь къ нему)*.

Ну?

Андрей Титычъ.

Ну, и все. *(Цѣлуетъ ее.)*

Александра Петровна.

Когда ты женишься, чтобъ лошади были у насъ хорошія.

Андрей Титычъ.

Еще бы! Само собою. *(Обнимаетъ ее.)*

Александра Петровна.

Знаешь, что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри въ дверь-то!

Андрей Титычъ.

Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна.

Какъ красиво выѣхать на хорошей-то лошади въ соболяхъ! Сошью себѣ шубу бархатную.

Андрей Титычъ.

Малиновую.

Александра Петровна.

Малиновую? Эхъ ты! Вотъ вкусъ!

Андрей Титычъ.

Да какую хочешь, нешто мнѣ не все равно.

Александра Петровна.

Черную.

Наталья Никаноровна *(за сценой)*.

Саша!

Александра Петровна *(взглянувъ въ дверь)*.

Кажется, маменька-то домой собирается. Такъ и есть.

Андрей Титычъ *(взглянувъ въ окно).*

Да и тятенька пріѣхалъ.

Александра Петровна.

Ну, прощай!

Андрей Титычъ.

Прощай! *(Цѣлуются.)* Не сегодня, такъ завтра непремѣнно забѣгу. *(Александра Петровна уходитъ, Андрей Титычъ одергивается, дѣлаетъ скромную физіономію и становится у двери. Входятъ Титъ Титычъ, Мудровъ и Настасья Панкратьевна.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Титъ Титычъ, Мудровъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ *(садится. Молчаніе).*

Слышали?

Мудровъ.

Слышали, братъ, слышали. *(Молчаніе.)*

Титъ Титычъ.

Куда меня рѣшатъ? *(Молчаніе.)* Эй, ты, ябеда! Что-жъ ты молчишь? Съ тобой говорятъ, аль нѣтъ! Говори, не испугаюсь. По дѣломъ мнѣ, окаянному! *(Молчаніе.)* Что ты молчишь, что глаза-то вытаращилъ?

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

А ты хлопочи! Ты отъ меня пользуешься, ты и долженъ... стараться.

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ дѣло! Ты, знай, пиши кляузы! Вотъ и все.

Мудровъ.

Нѣтъ-ужъ теперь намъ съ тобой кляузъ не писать, а на насъ писать будутъ.

Титъ Титычъ.

А ты имъ на отвѣтъ строчи.

Мудровъ.

Что?

Титъ Титычъ.

Пиши, что будто я... въ изступленіи ума.

Мудровъ.

Въ изступленіи ума? Ну, на цѣпь.

Титъ Титычъ.

Какъ такъ на цѣпь?

Мудровъ.

Такъ, на цѣпь. Для предупрежденія, чтобъ ты кого до смерти не убилъ.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, этого не надо. Ты пиши, что я... въ здравомъ разсудкѣ.

Мудровъ.

А въ здравомъ разсудкѣ, такъ въ смирительный домъ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ дѣлай, что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудровъ.

Одно дѣло теперь—скрываться.

Титъ Титычъ.

Скрываться?

Мудровъ.

Во всякомъ дѣлѣ это первое. Ты разсуди умомъ: если за тобой звѣрь лютый или сильный врагъ погонится, вѣдь, ты скрываешься?

Титъ Титычъ.

Скрываюсь.

Мудровъ.

Ну, такъ и это. Долженъ ли ты много, бѣду ли какую сдѣлалъ, значитъ, тебя ищутъ, преслѣдуютъ. Неужели ты такъ прямо и пойдешь: вотъ, дескать, я, берите меня. Твоя натура заставляетъ тебя скрываться, законъ самосохраненія.

Титъ Титычъ.

Развѣ есть такой законъ?

Мудровъ.

Есть... Вотъ ты и ѣдешь, напримѣръ, въ Подольскъ, а изъ Подольска въ Москву, а изъ Москвы въ Звенигородъ, а изъ Звенигорода опять въ Москву. Пишутъ объ тебѣ въ подоль-

скую полицію, она отвѣчаетъ, что выѣхалъ въ Звенигородъ. Такъ ты и ѣзди, сколько хочешь. Надоѣстъ тебя искать-то.

Титъ Титычъ.

Это вѣрно, точно, что надоѣстъ.

Мудровъ.

А тутъ родственники со стороны сдѣлочку предложатъ, и на мировую; такъ дѣло-то пустяками и кончится.

Титъ Титычъ.

Это точно. Куда-жъ теперь мнѣ скрываться?

Мудровъ.

Ступай, ложись въ тарантасъ; вели лошадей заложить, да и поѣзжай въ Косино, изъ Косина на Угрѣшу, потомъ въ Берлюки. Какъ Москвой поѣдешь, такъ вели себя закрыть.

Титъ Титычъ.

И ужъ не выглядывать?

Мудровъ.

Ужъ не выглядывай! А мы здѣсь за тебя отписываться станемъ.

Титъ Титычъ.

Только ты, смотри, пиши хорошенько.

Мудровъ.

Да денегъ мнѣ на расходы оставь.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, кропивное сѣмя! А много тебѣ денегъ?

Мудровъ.

Тысячъ пять.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ!

Мудровъ.

Вѣдь, съ тебя триста просятъ.

Титъ Титычъ.

Гоните его! говорю я вамъ. Пошелъ вонъ! Я и безъ тебя помирюсь.

Мудровъ.

Ну, ужъ это шалишь! Ты будешь драться, да потомъ самъ мириться, а я не при чемъ, я своихъ походовъ долженъ лишиться! Нѣтъ, братъ! Я не дамъ помириться, я разобью.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ сейчасъ!

Мудровъ.

Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, такъ десять заплатишь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ до чего я дожилъ! Видите вы это? Вотъ вы и казнитесь! Вотъ, глядите на меня и казнитесь! А все черезъ кого? Черезъ васъ. Вотъ вырастилъ сына—еще жениться хочешь, дуракъ!—а какая мнѣ отъ него теперь помощь.

Андрей Титычъ.

Вы сами, тятенька, желали, чтобъ я женился на Александрѣ Петровнѣ.

Титъ Титычъ.

Ты разговаривать! Ты разговаривать сталъ! Ты и дышать не смѣй! А то я такую женитьбу задамъ! Этакое несчастіе въ домѣ, а ты жениться! Мы, можетъ быть, нищіе будемъ, а ты жениться! Вотъ дыхни еще разъ!

Настасья Панкратьевна.

Что ты, что ты, Андрюша! Этакое въ домѣ несчастіе, а ты жениться!

Андрей Титычъ.

Маменька, молчите! Богъ съ вами, тятенька! Вы меня навѣкъ несчастнымъ хотите сдѣлать, такъ вы за это Богу отвѣтите. Что, я вамъ на мытарство, что ли, достался? Что-жъ, мнѣ на Каменный мостъ бѣжать? руки на себя наложить, что ли? А я вамъ сынъ всегда былъ и есть такой, какъ должно-съ. Это я вамъ на дѣлѣ докажу. Я вамъ достану человѣка, который васъ изъ бѣды выручитъ. А если не онъ, такъ никто. А за мои слезы вамъ Богъ заплатитъ. *(Убѣгаетъ. Луша входитъ.)*

Титъ Титычъ.

Держите его. Какъ онъ можетъ! Вотъ вернись ты только! Ведите меня въ тарантасъ. *(Настасья Панкратьевна и Луша*

берутъ его за руки и ведутъ.) Настасья! Коли кто съ краснымъ воротникомъ, такъ сейчасъ ему говорите, что уѣхалъ изъ Москвы. *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Титъ Титычъ.
Настасья Панкратьевна.
Андрей Титычъ.
Досужевъ.
Перцовъ.
Луша.
Неизвѣстный, въ мундирномъ сертукѣ, застегнутъ на [illegible] пуговицы, на фуражкѣ кокарда, въ рукѣ свернутая бумага.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Настасья Панкратьевна и Луша *(у окна).*

Настасья Панкратьевна.

Вотъ страсти-то! Вотъ и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Луша.

Ахъ, матушка, Настасья Панкратьевна, вѣдь, идетъ!

Настасья Панкратьевна.

Кто идетъ?

Луша.

Да будочникъ, матушка!

Настасья Панкратьевна.

Охъ, грѣхъ! Ужъ не за Китъ ли Китычемъ? Бѣги, скажи, что дома нѣтъ.

Луша.

Нѣтъ, не къ намъ: на ту сторону перешелъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, слава Богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Луша.

Андрей Титычъ съ какимъ-то барином.

Настасья Панкратьевна.

Отопри поди, да опять запри на запоръ. *(Луша уходитъ.)* Вотъ не ждали, не чаяли, какая бѣда случилась. Теперь всякаго человѣка, который по улицѣ идетъ, бойся. А ужъ про полицію и говорить нечего! Сохрани Господи, квартальный покажется, да я тутъ же, кажется, на мѣстѣ умру! Все мнѣ вотъ такъ въ глазахъ и представляется: придутъ вдругъ неизвѣстные люди, покажутъ бумагу, возьмутъ Китъ Китыча— только я его и видѣла! *(Смотритъ въ окно.)* Вонъ онъ, голубчикъ мой, въ тарантасѣ сидитъ одинъ, точно сирота какая! *(Входятъ Андрей Титычъ и Досужевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Досужевъ.

Андрей Титычъ.

Гдѣ тятенька?

Настасья Панкратьевна.

При нихъ-то можно говорить?

Досужевъ.

Сдѣлайте одолженіе, не конфузьтесь!

Настасья Панкратьевна.

Вонъ онъ, мой батюшка, сидитъ въ тарантасѣ одинъ-одинёхонекъ.

Досужевъ.

Зачѣмъ его туда занесло?

Настасья Панкратьевна.

Скрывается, батюшка. Урлапъ Гаврилычъ приказалъ; стряпчій такой есть, Мудровъ; знаете?

Досужевъ.

Онъ-то его и посадилъ?

Настасья Панкратьевна.

Онъ, батюшка. А развѣ отъ этого пользы не будетъ?

Досужевъ.

Пускай сидитъ, коли ему нравится.

Андрей Титычъ.

Что, маменька, баринъ еще не былъ?

Настасья Панкратьевна.

Нѣтъ еще, Андрюша. Вотъ всѣ въ страхѣ ходимъ, все ждемъ. Это ты по тятенькину дѣлу, что ли, привелъ?

Андрей Титычъ.

Да, маменька!

Настасья Панкратьевна.

Какъ ихъ звать-то?

Андрей Титычъ.

Василій Митричъ.

Настасья Панкратьевна.

Похлопочи, Василій Митричъ! Если ты намъ наше дѣло хорошо сдѣлаешь, я ужъ и не знаю что̀! Я тебя въ поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужевъ.

Холостой.

Настасья Панкратьевна.

Я тебѣ невѣсту найду хорошую; богатую высватаю.

Досужевъ.

Надобно франта-то этого видѣть, физику-то его посмотрѣть; тогда можно прямо сказать, чего дѣло стоитъ. *(Луша входитъ.)*

Луша.

Какіе-то два барина подъѣхали.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ грѣхъ-то! Вотъ бѣда-то! Вѣдь, это они! Пускать ли ужъ?

Досужевъ.

Пустите. А я изъ другой комнаты посмотрю на нихъ, да послушаю, что̀ говорить будутъ; тогда дѣло видно будетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, пусти, поди! *(Луша уходитъ.)*

Андрей Титычъ.

Кто же это другой-то съ нимъ?

Досужевъ.

Приказнаго какого-нибудь для острастки взялъ. *(Уходитъ въ другую комнату. Входятъ Перцовъ и Неизвѣстный.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ, Перцовъ и Неизвѣстный.

Перцовъ.

Господинъ Брусковъ дома?

Настасья Панкратьевна.

Нѣтъ, батюшка, нѣту.

Перцовъ.

Какъ же онъ мнѣ сказалъ, что будетъ ждать для переговоровъ! Это чортъ знаетъ, что̀ такое. *(Шепчетъ что-то на ухо Неизвѣстному.)* А скоро ли онъ будетъ?

Настасья Панкратьевна.

Не знаю, батюшка.

Перцовъ *(Неизвѣстному).*

Садись, подождемъ. *(Садятся и шопотомъ разговариваютъ.)*

Неизвѣстный.

Вы ихъ супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна.

Да, батюшка.

Неизвѣстный.

Дѣтокъ имѣете?

Настасья Панкратьевна.

Два сына, батюшка. *(Молчаніе.)*

Неизвѣстный.

Не хорошо, сударыня, не хорошо-съ.

Настасья Панкратьевна.

Что̀-жъ дѣлать-то, батюшка, грѣхъ попуталъ. Ужъ видно, бѣсъ какъ-нибудь ихъ благородіе подъ руку-то подсунулъ.

Неизвѣстный.

Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дѣло до суда дойдетъ, такъ вашему мужу очень плохо будетъ.

Настасья Панкратьевна.

Мы этого знать не можемъ.

Перцовъ.

Что̀ ты съ ними толкуешь! Они не понимаютъ, какіе громы могутъ обрушиться надъ ихъ головами.

Неизвѣстный.

Вы посовѣтуйте вашему супругу, чтобы онъ кончилъ съ господиномъ Перцовымъ.

Перцовъ.

Да, въ противномъ случаѣ я поступлю съ нимъ жестоко.

Неизвѣстный.

Пусть онъ удовлетворитъ господина Перцова суммою, которую онъ требуетъ...

Настасья Панкратьевна.

Гдѣ-жъ намъ взять такихъ денегъ! Легко сказать, триста тысячъ!

Неизвѣстный.

Вы не извольте пугаться этой суммы! Это такъ, примѣрно сказано, сгоряча. Господинъ Перцовъ, вѣроятно, будутъ такъ снисходительны, что сдѣлаютъ уступочку.

Перцовъ.

Да, если ужъ очень расплачутся, такъ уступлю что-нибудь.

Неизвѣстный (*пошептавшись съ Перцовымъ*).

Я думаю, что господинъ Перцовъ на половину согласится, если только сейчасъ деньги.

Перцовъ.

Только въ такомъ случаѣ. Такъ вы и скажите своему мужу и повелителю.

Настасья Панкратьевна.

Хорошо, батюшка.

Перцовъ.

Ну, пойдемъ! Что-жъ намъ его дожидаться!

Неизвѣстный.

Такъ вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если онъ не удовлетворитъ сегодня же господина Перцова, то завтра дѣло пойдетъ въ судъ. Часа черезъ два я зайду навѣдаться. Затѣмъ прощенія просямъ.

Перцовъ.

Онъ еще не ученъ.

Неизвѣстный.

Да-съ. Благородное обращеніе плохо понимаетъ.

Перцовъ.

Ну, такъ я выучу. Василискъ Перцовъ выучитъ обращенію. (*Входитъ Досужевъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Досужевъ.

Досужевъ.

Господинъ Перцовъ! Васъ ли я вижу?

Перцовъ.

Здравствуйте, господинъ Досужевъ! Представьте, какой со мной странный случай!

Досужевъ.

Да, я слышалъ.

Перцовъ.

Вся жизнь моя преисполнена разными приключеніями.

Досужевъ.

Господа, мнѣ нужно съ господиномъ Перцовымъ по секрету поговорить.

Настасья Панкратьевна.

Мы, батюшка, уйдемъ. Пойдемъ, Андрюша! (*Уходитъ: Андрей Титычъ за ней.*)

Досужевъ.

Сего неизвѣстнаго тоже отправьте домой! Что ему здѣсь дѣлать?

Перцовъ.

Какъ же безъ вознагражденія? Ему довольно будетъ самого незначительнаго.

Досужевъ.

Ужъ это ваше дѣло! (*Перцовъ шепчетъ что-то Неизвѣстному, тотъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Досужевъ и Перцовъ.

Досужевъ.

Вы опять за свой промыселъ?

Перцовъ.

Какъ вы могли подумать! Вы меня обижаете, господинъ Досужевъ! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вотъ и сегодня я поѣхалъ въ Марьину рощу наслаждаться благами природы — и попалъ въ хаосъ необразованности.

Досужевъ.

Ловкій вы человѣкъ!

Перцовъ.

Я несчастный человѣкъ, господинъ Досужевъ. Удары судьбы...

Досужевъ.

Во сколько же вы цѣните вашу обиду?

Перцовъ.

Какими же деньгами можно оцѣнить оскорбленіе, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Я съ вами согласенъ. Значитъ, вы денегъ не хотите. Да оно и подло деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцовъ.

Ну, нѣтъ; ежели бы приличную сумму...

Досужевъ.

Такъ вы бы взяли?

Перцовъ.

И я надѣюсь, господинъ Досужевъ, что вы, какъ благородный человѣкъ, мнѣ мѣшать не станете.

Досужевъ.

Какъ можно! Я хочу хлопотать за васъ. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусковъ долженъ вамъ отдать, и онъ меня послушаетъ.

Перцовъ *(пожимая Досужеву руку)*.

Mercі, господинъ Досужевъ! Вы не жалѣйте этого безсмысленнаго невѣжду: требуйте съ него больше, мы съ вами подѣлимся.

Досужевъ.

Я ужъ и такъ много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцовъ.

Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужевъ.

Сто цѣлковыхъ.

Перцовъ.

Злая насмѣшка, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Неужели-жъ вамъ въ самомъ дѣлѣ полтораста тысячъ дать!

Перцовъ.

Отъ полутораста тысячъ до ста рублей еще разстояніе велико.

Досужевъ.

Берите сто рублей; я вамъ совѣтую. Хорошія деньги.

Перцовъ.

Вы знаете, что я человѣкъ непреклонный.

Досужевъ.

Не хотите ста, такъ и ничего не получите.

Перцовъ.

Мало, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Берите, право, берите. Вы меня понимаете?

Перцовъ *(беретъ Досужева за руку)*.

Господинъ Досужевъ, только для васъ соглашаюсь, только для васъ.

Досужевъ.

Вотъ и прекрасно! *(Кричитъ въ дверь.)* Андрюша, пришли перо съ чернильницей да листъ бумаги!

Перцовъ.

Къ чему это, господинъ Досужевъ?

Досужевъ.

Вы дадите подписку, что на Брускова претензіи не имѣете и за обиду считаете себя удовлетвореннымъ. *(Луша приноситъ бумагу и чернила.)* Давай сюда! *(Садится къ столу.)* Не дурна дѣвочка-то.

Перцовъ.

Пріятный сюжетецъ.

Досужевъ *(принимая бумагу и чернила)*.

Кто изъ хозяевъ съ тобой ласковѣе-то? Чай, Андрюша? али самъ старикъ?

Перцовъ.

Ты, душенька, говори, не конфузься!

Луша.

Да будетъ вамъ, безстыдники! *(Уходитъ.)*

Досужевъ.

Такъ вотъ съ. *(Пишетъ.)* Вотъ подпишите. А деньги получите завтра утромъ отъ меня. Вѣрите мнѣ, или нѣтъ? А то возьмите расписку.

Перцовъ *(подписываетъ)*.

Помилуйте, господинъ Досужевъ, между благородными людьми довольно одного слова.

Досужевъ.

Значитъ, до свиданія!

Перцовъ.

Честь имѣю пребыть-съ. (*Уходитъ. Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Досужевъ и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Какъ дѣла, Василій Митричъ?

Досужевъ.

Вотъ и мировая готова; а сторговаться съ твоимъ отцомъ Перцовъ мнѣ поручилъ.

Андрей Титычъ.

Много ли-жъ вы съ тятеньки возьмете?

Досужевъ.

Страсть! Ограблю!

Андрей Титычъ.

Вы хоть меня-то пожалѣйте! Если вы съ тятеньки много денегъ возьмете, онъ разсердится такъ, что бѣда, и ужъ тогда не видать мнѣ Александры Петровны, какъ ушей своихъ.

Досужевъ.

Какое же мнѣ дѣло до тебя и до твоей Александры Петровны!

Андрей Титычъ.

Что-жъ мнѣ теперь дѣлать?

Досужевъ.

Да что хочешь, то и дѣлай! Я человѣкъ бѣдный, долженъ о себѣ заботиться, а не о васъ.

Андрей Титычъ.

У меня, Василій Митричъ, только и надежды было, что на васъ. А теперь, значитъ, все одно хоть умирай!

Досужевъ.

Разговаривай еще!

Андрей Титычъ.

А еще пріятелемъ называетесь! Развѣ такъ пріятели дѣлаютъ?

Досужевъ.

Мало ты еще на свѣтѣ жилъ, коли на пріятелей надѣешься! Такъ-то, мой милый! Деньги всегда дороже пріятелей.

Андрей Титычъ.

А вы думаете, такъ вамъ тятенька и дастъ денегъ! Какъ же! Дожидайтесь.

Досужевъ.

А не дастъ, такъ въ смирительномъ посидитъ.

Андрей Титычъ.

Господи, что же это такое! Это ужъ еще хуже! Какой страмъ-то! Какая мараль на все семейство!

Досужевъ.

Ну, да что мнѣ съ тобой разговаривать! Поди, зови отца изъ тарантаса.

Андрей Титычъ.

Не хотите вы меня теперь пожалѣть, ну, такъ послѣ пожалѣете, да ужъ поздно будетъ. *(Уходитъ.)*

Досужевъ.

Посмотримъ, что это за звѣрь Титъ Титычъ! Ужъ я не радъ, что взялся за дѣло-то! Вѣдь, чортъ его знаетъ, покалотитъ, пожалуй. Еще въ чужомъ домѣ съ нимъ, говорятъ, можно разговаривать; а ужъ къ нему-то прійти, все равно, что къ медвѣдю въ берлогу. Главное, не робѣть! *(Входитъ Титъ Титычъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Досужевъ и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ *(садится на кресло и нѣсколько времени мрачно смотритъ).*

Здравствуй!

Досужевъ.

И ты здравствуй!

Титъ Титычъ.

Ты Андрюшинъ знакомый?

Досужевъ.

Да.

Титъ Титычъ.

Ты какой такой? Благородный, аль такъ?

Досужевъ.

Да тебѣ развѣ не все равно?

Титъ Титычъ.

Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебѣ чинъ, такой съ тобой и разговоръ будетъ.

Досужевъ.

Я губернскій регистраторъ.

Титъ Титычъ.

Это что-жъ такое?

Досужевъ.

Пятнадцатаго класса. Насъ во всей Россіи только двое.

Титъ Титычъ.

Ну, садись, гость будешь!

Досужевъ.

Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Титъ Титычъ.

Сказано, садись, такъ и садись. Что ты, какъ бѣсъ, будешь передо мной вертѣться! Терпѣть не могу.

Досужевъ.

Ну, будь по-твоему, сяду. *(Хочетъ подвинуть стулъ.)*

Титъ Титычъ.

Ты что тамъ еще? Не смѣй трогать стульевъ! Они на мѣстѣ поставлены. Садись вотъ здѣсь, подлѣ меня!

Досужевъ *(садясь)*.

Ты не очень командуй!

Титъ Титычъ.

Да коли ты непорядокъ дѣлаешь, какъ же тебѣ не сказать!

Досужевъ.

Ну, будетъ о пустякахъ-то! Пора и о дѣлѣ. Мнѣ, вѣдь, некогда.

Титъ Титычъ.

Ну, вотъ теперь давай о дѣлѣ! Только ты меня не разсерди, смотри; а то я и разговаривать не стану, и прогоню. Я ужъ одного прогналъ.

Досужевъ.

Ну, хорошо, хорошо!

Титъ Титычъ.

Много-ль ты съ меня взять хочешь?

Досужевъ.

За что?

Титъ Титычъ.

За что? Извѣстно, за что. За это дѣло.

Досужевъ.

Помирить, что ли?

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, не помирить, а оправить совсѣмъ, чтобы я чистъ былъ.

Досужевъ.

Да какъ же тебя оправить, когда ты виноватъ?

Титъ Титычъ.

Виноватъ! Это я и самъ знаю, что виноватъ. Зачѣмъ же ты и стряпчій, коли ты не можешь оправить человѣка? А ты такую кляузу напиши, чтобъ я былъ не виноватъ ни въ чемъ.

Досужевъ.

Этого нельзя. Надобно помириться.

Титъ Титычъ.

Ни подъ какимъ видомъ! Ты не смѣй и заикаться! Я и слышать не хочу.

Досужевъ.

Буянить твое дѣло, а мириться такъ вотъ не хочешь!

Титъ Титычъ.

Да ты съ кѣмъ говоришь! Учить, что ли, ты меня пришелъ у меня-то въ домѣ! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мнѣ заказать смѣешь! Вотъ я ужо Андрюшкѣ задамъ, чтобы онъ этакихъ стракулистовъ ко мнѣ не водилъ.

Досужевъ.

Да ты потише! Отъ меня, вѣдь, въ тарантасъ не спрячешься.

Титъ Титычъ *(встаетъ и Досужевъ тоже)*.

Да ты къ чему тутъ присталъ? Ты человѣкъ посторонній!

Зачѣмъ ты ко мнѣ въ домъ зашелъ? Тебѣ что̀ тутъ нужно? Ишь ты, влѣзъ въ гостиную, разсѣлся, тоже важничаетъ. Какъ ты смѣлъ прійти меня безпокоить? Я вотъ сейчасъ велю тебя со двора согнать, чтобъ ты и носу сюда показывать не смѣлъ. Я тебя и знать не хочу.

Досужевъ.

Радъ бы не хотѣть, да нельзя. Ты грамотѣ знаешь? Такъ вотъ смотри! (*Показываетъ бумагу.*) Перцовъ далъ подписку, что дѣло съ тобой прекращаетъ и подписку эту отдалъ мнѣ. Теперь я, что̀ хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу, отдамъ ее тебѣ, и дѣло кончено; а не захочу, подамъ на тебя завтра прошеніе и упрячемъ тебя въ смирительный.

Титъ Титычъ (*садится*).

Значитъ, я съ тобой теперь долженъ дѣло дѣлать?

Досужевъ.

Со мной.

Титъ Титычъ.

Ну, садись! сейчасъ выпьемъ чего-нибудь.

Досужевъ (*садясь*).

Нѣтъ, ужъ прежде давай дѣло кончимъ!

Титъ Титычъ.

Ну, давай! Значитъ, я тебѣ за эту расписку долженъ деньги заплатить?

Досужевъ.

Похоже на то.

Титъ Титычъ.

А ты имѣй сколько нибудь совѣсти, не грабь меня. Грабить-то не хорошо. Пора ужъ вамъ эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты дѣлай дѣло почестнѣе!

Досужевъ.

Слышу, слышу.

Титъ Титычъ.

Ну, много ли-жъ ты съ меня потребуешь?

Досужевъ.

Вотъ, во-первыхъ, сто цѣлковыхъ Перцову за обиду. Это ты пошли съ сыномъ завтра утромъ.

Титъ Титычъ.

Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и въ другой разъ, коли случится.

Досужевъ.

Такъ ты опять поколотишь?

Титъ Титычъ.

Эти деньги я всегда въ состояніи заплатить, когда хочешь.

Досужевъ.

Нѣтъ, ужъ въ другой-то разъ тебѣ много дороже станетъ. Для меня только онъ съ тебя сто цѣлковыхъ, а то просилъ полтораста тысячъ. Ну, теперь за хлопоты.

Титъ Титычъ.

Много ли-жъ тебѣ?

Досужевъ.

Мнѣ много надобно.

Титъ Титычъ.

Будь почестнѣе! будь почестнѣе, я тебѣ говорю. Не хорошо, вѣдь. Много запросишь, вѣдь, не дамъ. Только ты меня растревожишь! А я старый человѣкъ. Ну, прошу я тебя! Кончимъ по-дружески, много не ломи!

Досужевъ.

Ты обѣщалъ женить сына на Кругловой?

Титъ Титычъ.

Тебѣ что за дѣло?

Досужевъ.

Кабы не было мнѣ дѣла, я-бъ и разговаривать не сталъ.

Титъ Титычъ.

Обѣщалъ, да раздумалъ.

Досужевъ.

Ну, такъ ты передумай опять, да и жени его поскорѣе.

Титъ Титычъ.

Какъ же ты можешь мнѣ въ такомъ дѣлѣ указывать? Да гдѣ же это видано! Нѣтъ, ты, должно быть, сегодня отъ меня добромъ не хочешь уйти! Дождешься, что я тебя изуродую.

Досужевъ.

Ну, видно, говорить съ тобой нечего, а надо сейчасъ къ полицеймейстеру ѣхать. *(Беретъ шляпу.)*

Титъ Титычъ.

Постой ты! Какъ тебя?

Досужевъ.

Ну, что еще?

Титъ Титычъ.

Да ты почемъ знаешь, можетъ, я и самъ хочу женить его на Кругловой, и передумывать мнѣ нечего. Можетъ быть, я тебя обманулъ!

Досужевъ.

Это ужъ твое дѣло.

Титъ Титычъ.

То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А если-бъ не я самъ, никто-бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ. Слышишь ты, что я тебѣ говорю?

Досужевъ.

Слышу, слышу.

Титъ Титычъ.

Я хочу, чтобъ Андрюшка женился на Кругловой, такъ тому и быть! Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ. Что хочу, то у себя дома и дѣлаю.

Досужевъ.

Ну, вотъ, когда ты женишь сына, тогда я тебѣ расписку и отдамъ, такъ дѣло твое и кончится.

Титъ Титычъ.

Эй! Кто тамъ? *(Входитъ Настасья Панкратьевна.)* Подайте шампанскаго, да идите всѣ сюда!

Настасья Панкратьевна.

Ну, слава Богу! Должно быть, дѣло на ладъ идетъ. *(Уходитъ.)*

Титъ Титычъ.

А деньгами много-ль тебѣ?

Досужевъ.

Ничего.

Титъ Титычъ

Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебѣ говорю: я, можетъ быть, дамъ. Не въ состояніи я, что ли, заплатить тебѣ?

Досужевъ.

Я знаю, что въ состояніи, да не надо мнѣ.

Титъ Титычъ.

Фальшивишь ты что-нибудь?

Досужевъ.

Кабы я для тебя хлопоталъ, такъ я бы съ тебя взялъ денегъ много. Ну, много не много, а взялъ бы, сколько слѣдуетъ. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Титъ Титычъ.

Понимаю. Ты приходи ко мнѣ чаще, я тебя полюбилъ. *(Входятъ Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Луша съ шампанскимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Досужевъ, Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Луша.

Титъ Титычъ.

Слушай ты, Андрюшка! Будетъ тебѣ по Москвѣ собакъ-то гонять! Что ты шляешься, какъ саврасъ безъ узды! Пора тебѣ, дураку, за умъ браться! Кабы не родители, кто бы о тебѣ, дуракѣ, подумалъ? Собирайся сейчасъ къ невѣстѣ съ матерью! Къ Кругловымъ ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титычъ.

Да я теперь счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Кого же мнѣ только за это благодарить-съ? Я такъ думаю, что васъ, Василій Митричъ.

Титъ Титычъ.

Разумѣется, его: потому онъ все дѣло кончилъ благополучно.

Настасья Панкратьевна.

Говорила я, что въ тяжелый день ничего дѣлать не нужно!

Вотъ какая бѣда-то было вышла, кабы добрый человѣкъ не помогъ!

Титъ Титычъ.

За это мы всѣ его будемъ благодарить такъ, что онъ, можетъ, и не ожидаетъ.

Досужевъ.

Ничего мнѣ отъ васъ не надо. *(Беретъ стаканъ вина.)* Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядѣть на васъ да радоваться! *(Выпиваетъ стаканъ.)*

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

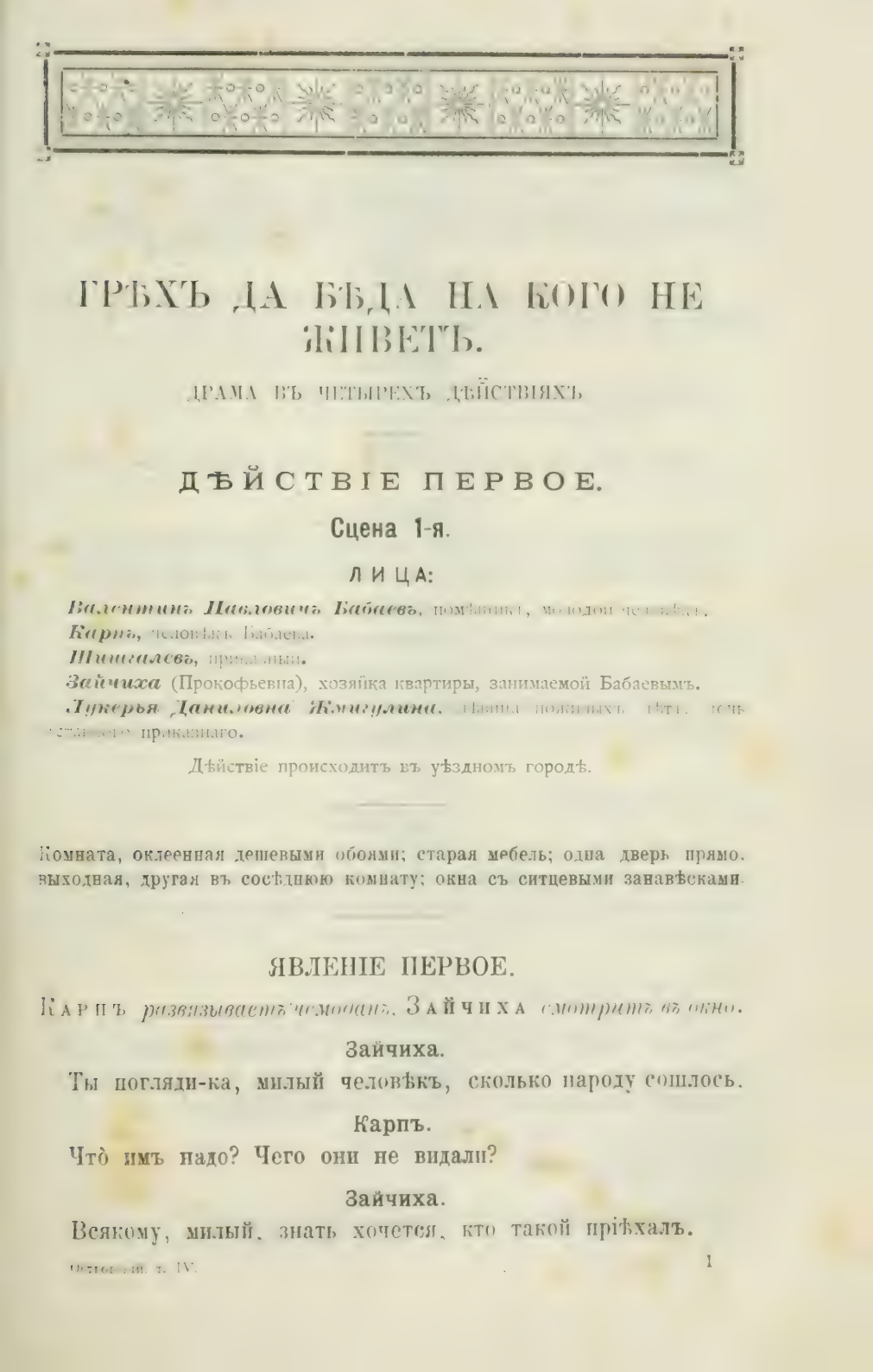
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, НОДЪ ФИРМ[illegible] «НАСЛѢДНИКИ БР[illegible] САБАШНИКОВЫХЪ»
1896.

Типо-Литографія О. И. Лашкевичъ и К°. Москва, Петровка, домъ Обидиной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

годы.		стран.
1863.	Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ	1
1862.	Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ	81
1864.	Шутники	197
1865—86.	Воевода. (Сонъ на Волгѣ.) Новая редакція . .	271



ГРѢХЪ ДА БѢДА НА КОГО НЕ ЖИВЕТЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Валентинъ Павловичъ Бабаевъ, помѣщикъ, молодой человѣкъ.
Карпъ, человѣкъ Бабаева.
Шишгалевъ, приказный.
Зайчиха (Прокофьевна), хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевымъ.
Лукерья Даниловна Жмигулина, дѣвица пожилыхъ лѣтъ, дочь [illegible] приказнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната, оклеенная дешевыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая въ сосѣднюю комнату; окна съ ситцевыми занавѣсками.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карпъ *развязываетъ чемоданъ*. Зайчиха *смотритъ въ окно*.

Зайчиха.

Ты погляди-ка, милый человѣкъ, сколько народу сошлось.

Карпъ.

Что̀ имъ надо? Чего они не видали?

Зайчиха.

Всякому, милый, знать хочется, кто такой пріѣхалъ.

Карпъ.

Сказано про васъ, что провинція, такъ она провинція и есть. Ну, скажи имъ, что Бабаевъ, Валентинъ Павловичъ, помѣщикъ.

Зайчиха *(въ окно)*.

Бабаевъ, помѣщикъ. *(Карпу.)* Спрашиваютъ, зачѣмъ?

Карпъ.

Извѣстно, за дѣломъ. А ты думаешь, гулять мы къ вамъ пріѣхали. Какъ же, есть оказія!

Зайчиха *(въ окно)*.

За дѣломъ. *(Карпу.)* На долго ли?

Карпъ.

Намъ здѣсь не дѣтей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха *(въ окно)*.

На два дня. *(Отходитъ отъ окна.)* Теперь всѣхъ ублаготворила. Минутъ черезъ пять весь городъ знать будетъ.

Карпъ.

А у тебя, тетенька, квартира-то ничего: чистенька.

Зайчиха.

Чистенька, батюшка, чистенька; затѣевъ большихъ нѣтъ, а чистенька. Конечно, пріѣздъ въ нашъ городъ не большой...

Карпъ.

Не на трахтѣ.

Зайчиха.

Какой тутъ трахтъ! А все-таки, кто наѣдетъ получше-то, у меня останавливаются. Помѣщиковъ много знакомыхъ по окрестности, привыкли ко мнѣ; въ гостиницу-то мало кто заѣзжаетъ.

Карпъ.

Потому безпокойно.

Зайчиха.

Какой покой! Внизу трактиръ: въ базарный день содомъ просто. А что я у тебя спрошу: не сынокъ ли твой баринъ-то покойной енаральши Бабаевой, Софьи Павловны?

Карпъ.

Онъ самый и есть.

Зайчиха.

У нихъ усадьба-то Завѣтнымъ прозывается?

Карпъ.

Завѣтнымъ.

Зайчиха.

Ну, такъ, такъ! Я его давеча признала. Еще маленькаго видала: съ маменькой въ городъ ѣздилъ и ко мнѣ заѣзжали. Въ деревнѣ, что-ль, живете?

Карпъ.

Нѣтъ, мы больше въ Петербургѣ; а теперь въ деревню на лѣто для благоустройства пріѣхали.

Зайчиха.

Такъ, такъ. А что, хорошъ онъ для людей-то?

Карпъ.

Ничего, хорошъ.

Зайчиха.

Ну, слава тебѣ Господи! Дай ему Богъ здоровья! Въ городъ-то вы по какому дѣлу?

Карпъ.

Да по этимъ по судамъ все. Дѣло-то грошовое, тамъ свидѣтельство, что ли, какое, а пожалуй протомятъ дней пять.

Зайчиха.

Что мудренаго! У судей-то были?

Карпъ.

У всѣхъ были. Теперича намъ изъ суда приказнаго прислали.

Зайчиха.

Вамъ, не то, что намъ, скоро сдѣлаютъ. Коли тебѣ понадобится что, стукни въ стѣну—я тутъ и буду. *(Уходитъ. Изъ боковой двери выходятъ Бабаевъ и Шишгалевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бабаевъ, Шишгалевъ и Карпъ.

Бабаевъ.

Такъ вы, милый, говорите, что рѣшительно нельзя?

Шишгалевъ *(съ поклонами, безпрестанно сморкаясь и прикрывая ротъ рукою).*

Ужъ повѣрьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы ужъ для васъ...

Бабаевъ.

А можетъ быть?

Шишгалевъ.

Извольте, сударь, сами разсудить: теперь присутствіе кончилось, членовъ собрать теперича никакой возможности нѣтъ-съ; завтра праздникъ—табель, тутъ суббота, а тамъ воскресенье.

Бабаевъ.

Вы подумайте только, мой милый, что̀ вы со мной дѣлаете.

Шишгалевъ.

Чѣмъ же я причиненъ-съ? Я человѣкъ самый маленькій.

Бабаевъ.

Но что̀ же я, мой милый, здѣсь буду дѣлать четыре дня? Вѣдь, это ужасно!

Шишгалевъ.

Извольте, сударь, полюбопытствовать, нашъ городъ посмотрѣть.

Карпъ.

А что̀ его смотрѣть-то! Что за невидаль такая! Ты какъ скажешь: Петербургъ-то хуже вашего города, аль нѣтъ?

Бабаевъ.

Есть у васъ какое-нибудь общество?

Шишгалевъ.

Что̀ вы изволите говорить-съ?

Бабаевъ.

Я говорю: нѣтъ ли общества, какого-нибудь клуба, гулянья съ музыкой, вечеровъ у кого-нибудь?

Шишгалевъ.

Никакъ нѣтъ-съ.

Бабаевъ.

А гдѣ же ваши члены, ну и прочіе чиновники время проводятъ?

Шишгалевъ.

Промежду себя-съ.

Бабаевъ.

Какъ же такъ, промежду себя?

Шишгалевъ.

Поденно-съ. Дни назначены: нынче, напримѣръ, у городни-

чаго, завтра у судьи-съ, послѣзавтра у стряпчаго, потомъ у откупщика, у инвалиднаго начальника-съ; такъ вся недѣля-съ.

Бабаевъ.

Съ котораго часу сбираются?

Шишгалевъ.

Съ шести часовъ-съ.

Бабаевъ.

Что же они тамъ дѣлаютъ?

Шишгалевъ.

Въ преферансъ играютъ-съ.

Бабаевъ.

А еще что? Неужели только въ преферансъ?

Шишгалевъ.

Такъ точно-съ, только въ преферансъ. Ну, обыкновенно ужъ тутъ вмѣстѣ со столами и водка ставится, закуска-съ— все, какъ должно. Играютъ и закусываютъ, такъ время и проводятъ-съ.

Бабаевъ.

Такъ съ шести часовъ всѣ и пьютъ?

Шишгалевъ.

Нѣтъ, какъ можно-съ! Только кто сдаетъ-съ, или съ ремизу-съ другой.

Бабаевъ.

Ну, такъ, стало быть, мой милый, дѣлать нечего, приходится дожидаться.

Шишгалевъ.

Ужъ подождите, сударь. А въ понедѣльникъ въ судъ пожалуйте, мы вамъ и выдадимъ безъ всякой задержки-съ.

Бабаевъ.

Ну, хорошо: я въ понедѣльникъ пріѣду въ судъ. Вѣдь, вы будете писать, такъ я вамъ тамъ... что слѣдуетъ... Я не люблю, чтобъ для меня даромъ работали.

Шишгалевъ.

Семейство большое, сударь...

Бабаевъ.

Что такое?

Шишгалевъ.

Теперь соблаговолили бы что-нибудь!...

Бабаевъ.

Да я, право, не знаю, какъ же это? Сколько же вамъ?

Карпъ.

Да дайте ему, сударь, цѣлковый, вотъ и будетъ съ него.

Бабаевъ *(отдаетъ деньги)*.

Вотъ извольте... Мнѣ, право, совѣстно.

Шишгалевъ *(кладетъ въ карманъ)*.

Ничего-съ. Чувствительнѣйше васъ благодарю, желаю вамъ всякаго благополучія. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бабаевъ и Карпъ.

Бабаевъ.

Какъ ты грубъ, Карпъ!

Карпъ.

Да если съ ними, сударь, нѣжности-то разводить, такъ они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На нихъ никакихъ денегъ не напасешься. Народъ безъ креста.

Бабаевъ.

Однако, что же я буду дѣлать? Погулять бы пошелъ, да еще жарко. Карпъ, что дѣлать?

Карпъ.

Вотъ что: сосните, сударь! Съ дороги-то хорошо.

Бабаевъ.

А ночью-то что дѣлать?

Карцъ.

Да и ночью то же. Отъ тоски-то, говорятъ, спится.

Бабаевъ.

Эка глупость, книгъ мы не взяли! Хоть бы легонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то. *(Уходитъ въ боковую дверь.)*

Карпъ.

Ишь ты, что выдумалъ! Интрижка! Повадился больно! Все у него интрижки на умѣ! Балованный былъ сынокъ у маменьки! И воспитывался-то все съ барышнями да въ дѣвичьей: вотъ его теперь и тянетъ. Живу я теперича съ нимъ въ Петер-

бургѣ, какихъ только я дѣловъ навидѣлся! Грѣхъ одинъ! Уснулъ, что ли, онъ тамъ? И я-бъ отдохнулъ. *(Хочетъ ложиться: дверь отворяется.)* Кто это еще?... *(Входитъ Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Карпъ и Жмигулина.

Карпъ.

Вамъ чего?

Жмигулина.

Валентина Павлыча.

Карпъ.

На что онъ вамъ?

Жмигулина.

Коль скоро я его желаю видѣть, это означаетъ, что онъ мнѣ нуженъ.

Карпъ.

Вы на бѣдность, что̀ ли?

Жмигулина.

Какое невѣжество! Развѣ ты не знаешь, что жмигулинскія барышни завсегда при ихней мамашѣ у нихъ въ домѣ были приняты. Мы даже оченно близко знакомы съ Валентиномъ Павлычемъ.

Карпъ.

Вы-то близко? Сумнительно мнѣ это.

Жмигулина.

Ты, можетъ быть, принимаешь мои слова въ какомъ-нибудь глупомъ смыслѣ, который я совсѣмъ не понимаю. *(Садится.)* Твоя такая обязанность, что ты сейчасъ долженъ пойти и доложить обо мнѣ.

Карпъ.

Вотъ что̀ я вамъ скажу: онъ теперича почиваетъ.

Жмигулина.

Невозможно этому быть, потому что я сейчасъ его видѣла въ окно.

Карпъ.

Ну, ужъ видно, нечего съ вами дѣлать. Доложу пойду. *(Уходитъ.)*

Жмигулина.

По нынѣшнему времени, отъ этихъ новыхъ перемѣнъ очень много люди стали портиться. Онъ долженъ прежде узнать, какого я званія: такъ со мной и обращаться. И опять же, не его дѣло, на бѣдность я пришла просить или нѣтъ! Конечно, изъ нашего званія многіе этимъ занимаются, но не всѣ же. Можетъ быть, и Валентинъ Павлычъ сталъ довольно гордъ въ Петербургѣ и не захочетъ меня видѣть! А мнѣ ужасть какъ хочется доказать въ здѣшнемъ городѣ, какое мы знакомство имѣемъ. Кажется, онъ прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней. *(Входитъ Бабаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бабаевъ и Жмигулина.

Бабаевъ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Жмигулина.

Я никакъ не могла ожидать, Валентинъ Павлычъ, что вы такъ скоро забудете своихъ старыхъ знакомыхъ.

Бабаевъ.

Садитесь, сдѣлайте одолженіе. *(Садятся.)* Я, право, что-то не припомню.

Жмигулина.

Конечно, въ нынѣшнемъ свѣтѣ чувствы не въ модѣ, нынче все больше политика, но мы, какъ люди не столичные, очень хорошо помнимъ прежнія знакомства и особенно благодѣянія.

Бабаевъ.

Я съ вами согласенъ, благодѣяній никогда забывать не слѣдуетъ.

Жмигулина.

Мы вашей мамашѣ столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько онѣ сдѣлали для семейства Жмигулиныхъ!

Бабаевъ.

Жмигулиныхъ?

Жмигулина.

Особенно для насъ съ сестрой Таней.

Бабаевъ *(припоминая)*.

Таней... Татьяна Даниловна?

Жмигулина.

Теперь вспомнили?

Бабаевъ.

Такъ вы ея сестрица?

Жмигулина.

Лукерья Даниловна Жмигулина.

Бабаевъ.

Извините, сдѣлайте одолженіе!

Жмигулина.

Я нисколько не могу быть въ претензіи на васъ, что вы больше помните сестру, чѣмъ меня. Она такая красавица, что ее даже невозможно забыть.

Бабаевъ.

Да, да! Удивительной красоты дѣвушка! Мы были съ нею большими пріятелями.

Жмигулина.

Мнѣ это очень хорошо извѣстно. Кому же и знать, какъ не мнѣ! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Бабаевъ.

Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, гдѣ она теперь? Что подѣлываетъ?

Жмигулина.

Она здѣсь въ городѣ, замужемъ.

Бабаевъ.

Замужемъ? Хорошо живетъ?

Жмигулина.

Какая жизнь, помилуйте! Въ бѣдности, между такого народа, который безъ понятія. Это не то, что бывало у вашей мамаши въ Завѣтномъ! Просто былъ рай земной! Ваша мамаша были самая добрѣйшая дама и любили, чтобъ у нихъ было всѣмъ весело. Барышень всегда было въ домѣ много, а также и кавалеровъ; съ утра до ночи разныя игры были. Даже горничныхъ бывало заставляли съ нами въ горѣлки и въ другія игры играть, а сами смотрятъ на насъ да радуются.

Бабаевъ.

Ну да, какъ же, какъ же! Вѣдь, это такъ недавно было: года три, не больше, какъ я уѣхалъ въ Петербургъ.

Жмигулина.

Я очень хорошо помню: съ пестрой недѣли третій годъ пошелъ, какъ вы уѣхали. Ваша мамаша бывало даже не любили, когда кто задумается или книжку читаетъ. Что̀, говорятъ, ты тоску-то нагоняешь! Ну, и бѣсились всѣ до-упаду. А промежду этимъ весельемъ, у кого замѣчательный глазъ, могъ многое кой-что̀ замѣтить.

Бабаевъ.

Очень естественно. Мужчины, дѣвушки, молодыя дамы постоянно вмѣстѣ—нельзя же, чтобъ обошлось безъ любви.

Жмигулина.

Особенно вы отличались по этой части. А послѣднее время все съ Таней да съ Таней, такъ и не отходили отъ нея. Такъ васъ голубками и звали.

Бабаевъ.

Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемѣра?

Жмигулина.

Объ немъ и вспоминать не стоитъ: онъ впослѣдствіи даже очень низкимъ оказался противъ меня. Впрочемъ, судьба его наказала за всѣ невѣжества относительно благородной дѣвицы: онъ самъ теперь находится подъ судомъ за буйственные въ нетрезвомъ видѣ поступки.

Бабаевъ.

Скажите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, какимъ образомъ ваша сестрица вышла замужъ?

Жмигулина.

Прошлымъ лѣтомъ, когда ваша мамаша скончалась, у насъ рѣшительно не осталось никакихъ благодѣтелей. Папенька нашъ, при своей старости, былъ человѣкъ въ городѣ незначительный, робкій, оттого что мало чиновъ произошелъ. Папенька нашъ былъ канцеляристъ и получалъ жалованья тридцать рублей въ годъ. На эти деньги какъ мы могли жить? Мы, все-таки, видѣли свѣтъ. Прежде мы почти не жили дома,

да и ваша мамаша намъ во всемъ помогали. Тутъ вдругъ все прекратилось, а вскорѣ и папенька умеръ. Въ это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вамъ сказать.

Бабаевъ.

Полноте, что̀ за стыдъ!

Жмигулина.

Вы такъ милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдругъ этакое невѣжество съ нашей стороны!

Бабаевъ.

Что̀-жъ дѣлать! Такія, вѣроятно, были обстоятельства. Чѣмъ же вы виноваты!

Жмигулина.

Но, ахъ! я, право, всегда такъ конфужусь этого родства, что вы себѣ представить не можете. Ну, однимъ словомъ, обстоятельства наши были такія, что она принуждена была выйти за лавочника.

Бабаевъ.

За лавочника? Чѣмъ онъ торгуетъ?

Жмигулина.

Овощнымъ товаромъ. Вотъ и лавка видна. На вывѣскѣ написано: „Левъ Красновъ“.

Бабаевъ.

Да, я видѣлъ. Хорошій человѣкъ?

Жмигулина.

Онъ изъ нхняго круга очень хорошій человѣкъ и очень любитъ сестру, только все, знаете, закоренѣлость какая-то въ ихнемъ званіи. Какъ хотите судите, а все-таки, онъ отъ мужика недалеко ушелъ. А ужъ этой черты характера, хоть семь лѣтъ въ котлѣ вари, все не вываришь. Впрочемъ, надо правду сказать, онъ для дому хозяинъ отличный: ни дня, ни ночи себѣ покою не знаетъ, все хлопочетъ да бѣгаетъ. И для сестры теперь все, что̀ только бы ей ни пожелалось, даже послѣднюю копейку готовъ отдать, только бы ей угодить, такъ что сестра рѣшительно никакого дѣла не дѣлаетъ, живетъ какъ барыня; только одно: обращеніе его тяжело, да вотъ еще разговоръ его насъ очень конфузитъ. Совсѣмъ,

совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Судя по красотѣ ея да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ-за куска хлѣба за мужика итти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть.

Бабаевъ.

Такъ Татьяна Даниловна замужъ вышла... Жаль!

Жмигулина.

Вамъ что же жалѣть! Вѣдь, она вамъ не пара.

Бабаевъ.

Да, конечно. А все-таки, знаете, вотъ я здѣсь, въ городѣ, по обстоятельствамъ долженъ пробыть четыре дня, а можетъ быть и больше—что я буду дѣлать? Я очень радъ, что вы меня навѣстили. Не будь васъ, я бы не зналъ, куда дѣваться! Ну, а представьте, если бы ваша сестра была дѣвушка, мы бы такъ провели эти четыре дня, что совсѣмъ и времени-бъ не замѣтили. *(Беретъ ее за руку.)* Не правда ли?

Жмигулина.

Кто же вамъ теперь мѣшаетъ?

Бабаевъ.

такіе, какъ-то неловко: она замужемъ, еще что аетъ. Досадно, право.

Жмигулина.

Скажите, пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсѣмъ другихъ правиловъ насчетъ этого. Не очень на мужей-то смотрѣли, что имъ нравится, что нѣтъ.

Бабаевъ.

Да, но, вѣдь, то совсѣмъ въ другомъ кругѣ; тамъ обращеніе гораздо свободнѣе.

Жмигулина.

А вы почемъ же знаете, свободно сестрѣ или не свободно?

Бабаевъ *(беретъ ее за обѣ руки).*

Но, во всякомъ случаѣ, я вамъ такъ радъ, такъ благодаренъ, что вы доставляете развлеченіе въ моей скукѣ. Не угодно ли вамъ чего? Сдѣлайте милость, распоряжайтесь, какъ дома; здѣсь все къ вашимъ услугамъ! Чаю не хотите ли?

Жмигулина.

Много вами благодарна. Я сейчасъ только пила, и притомъ же я домой тороплюсь. Намъ нужно съ сестрой итти по одному дѣлу. Прикажете поклониться отъ васъ?

Бабаевъ.

Сдѣлайте одолженіе!

Жмигулина *(идя къ двери).*

Что же вы насъ съ сестрой въ гости не зовете?

Бабаевъ.

Я былъ бы очень счастливъ, только я, право, не знаю, какъ это сдѣлать! А очень бы мнѣ хотѣлось видѣть Татьяну Даниловну.

Жмигулина.

А коли хочется видѣть, такъ за чѣмъ же дѣло стало? Она у насъ не принцесса какая, не за десятью замками посажена. Вѣдь, ужъ вы безпремѣнно куда-нибудь гулять пойдете, не будете въ комнатѣ сидѣть?

Бабаевъ.

Я бы пошелъ, да не знаю куда.

Жмигулина.

Вамъ далеко незачѣмъ ходить! Пройдите въ заднія ворота на берегъ, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это мѣсто тихое, уединенное, проходящихъ тамъ мало; для мечтательныхъ молодыхъ людей очень пріятная прогулка. Мы съ сестрой пойдемъ этой дорогой, тамъ вы ее и можете видѣть. До свиданія! *(Уходитъ.)*

Бабаевъ.

Вотъ такъ сюрпризъ! Могъ ли я ожидать такого счастія? Танечка, Танечка! Я опять ее увижу. Я съ ума сойду отъ радости. Такая была она миленькая, нѣженькая. Другіе говорили, что она немножко простенькая. Развѣ это порокъ въ женщинахъ? И притомъ красота, красота! Нѣтъ, этакъ, пожалуй, здѣсь не четыре дня, а четыре недѣли пробудешь. *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Бабаевъ.
Жмигулина.
Татьяна Даниловна, замужняя сестра ея, по мужѣ Краснова.
Архипъ, слѣпой старикъ, дѣдъ Краснова.
Аѳоня, болѣзненный мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, братъ Краснова.

Берегъ; съ одной стороны ворота и заборъ, съ другой — уголъ сарая; за рѣкой сельскій видъ; закатъ солнца.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Архипъ и Аѳоня *входятъ.*

Аѳоня.

Дѣдушка, отдохнемъ здѣсь немножко! Недужится мнѣ. Садись вотъ на скамеечку!

Архипъ.

Сядемъ, Аѳоня, сядемъ. Плохи мы съ тобой; меня старость, а тебя хворость одолѣла.

Аѳоня.

Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дѣдушка, не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ.

Архипъ.

Не слушай ты бабьяго разговору! Никто не знаетъ, какой ему предѣлъ положонъ.

Аѳоня.

Что мнѣ бабы! Я самъ знаю, что я не жилецъ. Меня на ѣду не тянетъ. Другой, поработавши, сколько съѣстъ! Много, много съѣстъ, и все ему хочется. Вонъ братъ Левъ, когда устанетъ, ему только подавай. А по мнѣ хоть и вовсе не ѣсть; ничего душа не принимаетъ. Корочку погложу — и сытъ.

Архипъ.

Это къ росту бываетъ.

Аѳоня.

Нѣтъ, не къ росту. Куда мнѣ еще расти, съ чего! Я и такъ великъ по годамъ. А это значитъ: мнѣ не жить. Ты, дѣдушка, возьми то: живой человѣкъ о живомъ и думаетъ, а у меня ни къ чему охоты нѣтъ. Другой одёжу любитъ

хорошую, а мнѣ все одно, какой ни попадись зипунишка, было бы только тепло. Вотъ ребята теперь, такъ у всякаго своя охота есть: кто рыбу ловитъ, кто что; въ разныя игры играютъ, пѣсни поютъ, а меня ничто не манитъ. Въ тѣ поры, когда людямъ весело, мнѣ тошнѣй бываетъ, меня тоска пуще за сердце сосетъ.

Архипъ.

Такъ въ тебя Богъ вложилъ. Отъ младости ты не возлюбилъ міра сего суетнаго. У другихъ малодушество-то съ лѣтами проходитъ, когда бѣды да напасти, Аѳоня, изомнутъ да въ муку изотрутъ человѣка; а ты вотъ, не живя, еще ни горя, ни радости не видавши, какъ старикъ разсуждаешь. Ну, и благодари Бога, что онъ такъ умудрилъ тебя. Міръ тебя не прельщаетъ, соблазну ты не знаешь и грѣха, значитъ, на тебѣ меньше. Вотъ тебѣ какое счастье! А ты вотъ меня послушай! Я, Аѳоня, соблазнъ зналъ, да и не всегда отъ него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шелъ на соблазнъ. Тебѣ вотъ все равно, ты говоришь, для тебя никакой утѣхи на свѣтѣ нѣтъ, а мнѣ Божій міръ хорошъ и красенъ былъ: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велятъ тебѣ всю сладость мірскую извѣдать. А въ міру-то, Аѳоня, добро со зломъ рядомъ живетъ, объ-руку ходитъ. Ну, и нагрѣшишь грѣховъ-то больше песка морского. Хорошо вотъ Богъ привелъ до покаянія дожить, не во грѣхахъ засталъ. Каешься, сокрушаешься, на милосердіе надѣешься, а тебѣ не въ чемъ будетъ каяться: ты у насъ, Аѳоня, Божій человѣкъ.

Аѳоня.

Нѣтъ, дѣдушка, нѣтъ, не говори ты этого! Какой я Божій человѣкъ! Я видалъ Божьихъ людей: они добрые, зла не помнятъ; ихъ бранятъ, дразнятъ, а они смѣются. А я, дѣдушка, сердцемъ крутъ: вотъ какъ братъ же; только братъ отходчивъ, а я нѣтъ; я, дѣдушка, злой!

Архипъ.

Да на кого тебѣ, дитятко, сердце имѣть? Кто тебя обижаетъ?

Аѳоня.

Меня-то не обижаютъ, а у меня за всѣхъ сердце болитъ: за тебя, за брата, за всѣхъ.

Архипъ.

Что-жъ тебѣ объ насъ болѣзновать! Мы, кажись, живемъ безобидно.

Аѳоня.

Мы и жили безобидно, пока братъ холостой былъ. Дѣдушка, за что братъ такъ очень жену любитъ?

Архипъ.

Какъ же ему не любить ее? Зачѣмъ же онъ и женился? Ты бы радоваться долженъ, что братъ жену любитъ. Экой ты глупый человѣкъ!

Аѳоня.

Нѣтъ, я дѣло говорю. Прежде меня братъ больше любилъ и тебя больше любилъ.

Архипъ.

Ты, стало-быть, ненавистникъ! Стало-быть, ты завидуешь.

Аѳоня.

Нѣтъ, не завидую. Братъ нешто слѣпъ? Такъ ли она его любитъ, какъ онъ ее? Стóитъ ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже, что ли, онъ ихъ съ сестрой? Жену-то въ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ, сложа руки. Братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль.

Архипъ.

Тебѣ что за дѣло? Его охота. Онъ работаетъ, тебя не заставляетъ. Мы съ тобой сыты по его-жъ милости.

Аѳоня.

Нешто я не знаю. Ты мнѣ, дѣдушка, вотъ что скажи: лучше онѣ брата или нѣтъ?

Архипъ.

Лучше не лучше, а онѣ другого роду!

Аѳоня.

Такъ что-жъ, что другого роду! Стало-быть, братъ долженъ работать на нихъ, кормить ихъ, одѣвать, а онѣ будутъ важничать. Лучше брата на свѣтѣ человѣка нѣтъ, а его сдѣлали работникомъ.

Архипъ.

Почемъ ты знаешь; можетъ, братъ самъ не хочетъ, чтобъ она работала.

Аѳоня.

А коль не работаетъ, такъ и не величайся! Вышла замужъ за мѣщанина—такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Что-жъ, мы проклятые, что ли, какіе, прости Господи! У насъ тоже и общество есть, и подати платимъ, и повинности всякія несемъ. Братъ потомъ да горбомъ деньги-то достаетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ, да и барствовала, а вышла замужъ, такъ знай, что одинъ въ домѣ большой—хозяинъ. Я, вѣдь, дѣдушка, все вижу, все слышу; меня онѣ, безстыжія, не берегутся. Братъ ей платки да платья шелковыя даритъ, а онѣ съ сестрой промежъ себя смѣются, дуракомъ его называютъ. Я все слышу, все горько мнѣ, дѣдушка, горько! Сталъ я брату говорить, онъ меня же изругалъ. *(Молчаніе.)* Вотъ я, дѣдушка, никакъ уснуть не могу; что я днемъ-то вижу, все это мнѣ и лѣзетъ въ глаза, засосетъ у меня сердце, и всю-то ночь я плачу. Какой я жилецъ! Мнѣ теперь съ здоровьемъ-то и поправиться нельзя. Ужъ очень у меня сердце горячо! Скорѣй бы меня Богъ прибралъ, чтобы мнѣ меньше мучиться.

Архипъ.

Полно грѣшить-то! Тебѣ жить да жить! Мнѣ вотъ, Аѳоня, ужъ вовсе жить незачѣмъ, а я все живу. Богъ-то знаетъ, что дѣлаетъ. Что я за человѣкъ сталъ! Краснаго солнышка, яснаго мѣсяца я не вижу, зеленыхъ луговъ тоже, студеной водицы и всей твари Божьей тоже не увижу никогда. А больнѣй мнѣ всего, что не вижу я свѣтлаго лица человѣческаго.

Аѳоня.

Тебѣ, дѣдушка, жаль, что ты не видишь ничего; а мнѣ такъ надоѣло это все; не мило мнѣ ничто.

Архипъ.

Оттого тебѣ и не мило, что ты сердцемъ непокоенъ. А ты гляди чаще да больше на Божій міръ, а на людей-то меньше смотри; вотъ тебѣ на сердцѣ и легче станетъ. И ночи будешь спать, и сны тебѣ хорошіе будутъ сниться. Гдѣ мы теперь сидимъ, Аѳоня?

Аѳоня.

На берегу, дѣдушка, подлѣ Зайчихи.

Архипъ.

А мостъ у насъ направо?

Аѳоня.

Направо, дѣдушка.

Архипъ.

А солнышко теперь налѣво?

Аѳоня.

Налѣво, дѣдушка; совсѣмъ садится.

Архипъ.

Въ тучку?

Аѳоня.

Нѣтъ, чисто. Заря таковò ярко горитъ, должно къ вёдру.

Архипъ.

То-то, то-то, я самъ чую, воздухъ такой легкій, вѣтерокъ свѣженькой; такъ бы и не ушелъ. Красенъ, Аѳоня, красенъ Божій міръ! Вотъ теперь роса будетъ падать, отъ всякаго цвѣту духъ пойдетъ; а тамъ и звѣздочки зажгутся, а надъ звѣздами, Аѳоня, нашъ Творецъ милосердный. Кабы мы получше помнили, что онъ милосердъ, сами были бы милосерднѣе!

Аѳоня.

Я, дѣдушка, буду стараться укротить свое сердце. *(Входитъ Бабаевъ.)* Пойдемъ, дѣдушка! Какой-то чужой баринъ тутъ ходитъ; еще, пожалуй, станетъ смѣяться надъ нашими рѣчами.

Архипъ *(встаетъ и идетъ за Аѳоней)*.

Величитъ душа моя Господа. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бабаевъ *(одинъ)*.

Когда ждешь чего-нибудь пріятнаго, какъ время долго тянется! Нарочно сдѣлалъ большой обходъ, чтобы не рано прійти сюда, а все-таки, пришелъ прежде ихъ. Ужасно не люблю дожидаться! Что̀ за глупое положеніе! А женщины вообще любятъ помучить—это въ ихъ характерѣ: имъ очень нравится, когда ихъ ждутъ. Конечно, это къ Танѣ не относится: она, я думаю, рада-радёхонька, что я пріѣхалъ; я говорю про женщинъ намъ равныхъ. Я думаю, онѣ мучатъ для того... какъ бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы впередъ вознаградить себя за тѣ права, которыя онѣ потомъ теряютъ. Вотъ что̀ значитъ быть среди хорошаго ландшафта, такъ сказать, наединѣ съ при-

родой! Какія прекрасныя мысли приходятъ въ голову! Если эту мысль развить, конечно, на досугѣ, въ деревнѣ, можетъ выйти миленькая повѣсть или даже комедія въ родѣ Альфредъ Мюссе. Только, вѣдь, у насъ не сыграютъ. Такія вещи нужно играть тонко, очень тонко; тутъ главное—букетъ. Кажется, кто-то идетъ. Не онѣ ли? Какъ-то мы встрѣтимся? Два года разлуки много значитъ. *(Входятъ Краснова и Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.

Краснова *(подавая руку Бабаеву).*

Здравствуйте, Валентинъ Павлычъ! Я такъ обрадовалась, когда сестра мнѣ сказала, что вы пріѣхали.

Бабаевъ.

Значитъ, вы меня еще не забыли?

Краснова.

Еще бы! Мы очень часто, даже очень часто съ сестрой вспоминаемъ про васъ. А вы такъ насъ забыли, она мнѣ сказывала.

Бабаевъ.

Ну нѣтъ, я васъ не забылъ. Есть отношенія, душенька, Татьяна Даниловна, которыя не скоро забываются. Наше знакомство съ вами было въ этомъ родѣ. Не правда ли?

Краснова *(потупясь).*

Да-съ.

Бабаевъ.

Увѣряю васъ, что, какъ только вырвался изъ Петербурга въ деревню, я постоянно искалъ случая побывать въ городѣ и непремѣнно найти васъ.

Жмигулина.

И до сихъ поръ не находили такого случая? Скажите, пожалуйста!

Бабаевъ.

Увѣряю васъ.

Жмигулина.

Такъ вамъ и повѣрили! Ты, Таня, не вѣрь кавалерамъ, они завсегда обманываютъ.

Бабаевъ.

Вы-то за что на меня?

Жмигулина.

Это не къ однимъ вамъ, а и ко всѣмъ прочимъ кавалерамъ относится.

Краснова.

Вы долго здѣсь пробудете?

Бабаевъ.

Долго ли пробуду-то? Я сначала думалъ, что это будетъ зависѣть отъ приказныхъ, у которыхъ мое дѣло; а теперь вижу, что это зависитъ отъ васъ, душа моя, Татьяна Даниловна.

Краснова.

Ужъ это слишкомъ много чести для меня. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, денька три-четыре пробудете?

Бабаевъ.

Дѣло мое обѣщали кончить черезъ три дня; но я, пожалуй, остался бы и еще дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова.

Разумѣется, хочу.

Бабаевъ.

Только вотъ что̀, душенька, Татьяна Даниловна! У васъ въ городѣ тоска страшная. Я останусь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы видѣться съ вами какъ можно чаще.

Краснова.

Что̀-жъ, это очень просто. Приходите къ намъ. Вотъ завтра чай кушать милости просимъ!

Бабаевъ.

Да, но, вѣдь, къ вамъ часто нельзя же, пойдутъ сплетни да разговоры, и притомъ же вашъ мужъ...

Краснова.

Какое же ему дѣло? Вы мой знакомый, вы ко мнѣ придете, а не къ нему.

Жмигулина.

Потомъ мы съ своей стороны тоже учтивость соблюдемъ, отплатимъ вамъ визитъ. И между прочимъ, мы часто бываемъ у хозяйки вашей; слѣдовательно, если наше свиданіе для васъ интересно, вы можете туда приходить.

Бабаевъ *(отходитъ съ Красновой въ сторону)*.

Вы не скучаете замужемъ?

Краснова *(помолчавъ)*.

Не знаю, какъ вамъ сказать.

Бабаевъ.

Вы, душенька, Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, какъ мы были всегда расположены къ вамъ.

Краснова.

Для чего же мнѣ быть съ вами откровенной? Какая можетъ быть изъ этого польза? Вѣдь, ужъ теперь поправить нельзя.

Бабаевъ.

Если нельзя совсѣмъ поправить, такъ можно, душенька, Татьяна Даниловна, хоть на время усладить свое существованіе, чтобы не совсѣмъ заглохнуть въ этой пошлой жизни.

Краснова.

На время! А потомъ еще тяжелѣ будетъ.

Бабаевъ.

Знаете что? Я хочу совсѣмъ переѣхать въ деревню; тогда мы будемъ жить недалеко другъ отъ друга. Я готовъ даже въ городъ переѣхать, только бы вы...

Краснова *(отворачиваясь)*.

Не говорите мнѣ, пожалуйста, такихъ словъ! Я даже, Валентинъ Павлычъ, никакъ не ожидала этого слышать отъ васъ.

Жмигулина *(Бабаеву)*.

Вы тамъ что-то ужъ очень! Я, вѣдь, все слышу.

Бабаевъ.

Лукерья Даниловна, кажется, кто-то идетъ. Сдѣлайте одолженіе, посмотрите тамъ на берегу; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы насъ здѣсь видѣли вмѣстѣ.

Жмигулина.

Охъ вы! Тонкій кавалеръ! *(Отходитъ.)*

Краснова.

Такъ вы, Валентинъ Павлычъ, придете къ намъ завтра чай кушать?

Бабаевъ.

Право не знаю, можетъ быть.

Краснова.

Нѣтъ, непремѣнно приходите! *(Молчаніе.)* Ну, какъ же мнѣ васъ просить? *(Беретъ Бабаева за руку.)* Ну, голубчикъ! Ну, ангельчикъ!

Бабаевъ.

Однако, вы, Татьяна Даниловна, перемѣнились.

Краснова.

Я перемѣнилась? Ей-Богу, нѣтъ! Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаевъ.

Помните въ Завѣтномъ, Татьяна Даниловна?

Краснова.

Что же такое? Я все помню.

Бабаевъ.

Помните садъ? Помните липовую аллею? Помните, какъ мы послѣ ужина, когда маменька уснетъ, на террасѣ сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова *(тихо)*.

Какую?

Бабаевъ.

Которой вы мнѣ руки связывали.

Краснова *(конфузясь)*.

Ну, что-жъ изъ этого? Ну, я все помню, все.

Бабаевъ.

А то же, что вы, душа моя, теперь совсѣмъ не то, что прежде: вы такъ холодно меня встрѣтили.

Краснова.

Ахъ, Валентинъ Павлычъ! Я тогда была дѣвушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужемъ. Вы только подумайте.

Бабаевъ.

Ну да, конечно. Но, все-таки, я не могу никакъ представить себѣ, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вотъ что хочешь со мной дѣлай, едва удерживаюсь, чтобъ не назвать тебя, попрежнему, Таней.

Краснова.

Зачѣмъ же удерживаться? Называйте!

Бабаевъ.

Да что-жъ толку, душа моя! Вѣдь, ужъ вы меня не любите!

Краснова.

Да кто это вамъ сказалъ! Я васъ люблю точно такъ же, да еще и больше прежняго.

Бабаевъ *(нагибаясь къ ней).*

Неужели, Танечка, это правда?

Краснова *(цѣлуетъ его).*

Ну, вотъ вамъ въ доказательство! Теперь вы мнѣ вѣрите? Только, голубчикъ, Валентинъ Павлычъ, если вы не хотите моего несчастія на всю мою жизнь, чтобы намъ такъ и любить другъ друга, какъ мы теперь любимъ, чтобъ вы ничего больше и не думали. А то лучше Богъ съ вами, отъ грѣха подальше.

Бабаевъ.

Да ужъ будь покойна, душенька, будь покойна!

Краснова.

Нѣтъ, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтобъ ужъ я васъ не боялась.

Бабаевъ.

Какая ты глупенькая!

Краснова.

Ну да, глупенькая, какъ бы не такъ! Если послушать, что̀ старые-то люди говорятъ, такъ я и то грѣхъ большой дѣлаю. По старому-то закону, я кромѣ мужа не должна никого любить. Только что, такъ какъ я его любить не могу, а васъ и допрежде того любила, и сердца мнѣ своего не преодолѣть, такъ ужъ я... Только сохрани васъ Господи!... и ужъ я ни подъ какимъ видомъ... потому что я хочу въ законѣ жить.

Бабаевъ.

Да успокойся!

Краснова.

Такъ-то, милый Валентинъ Павлычъ. Значитъ, между нами будетъ теперь самая пріятная любовь: ни отъ Бога не грѣхъ, ни отъ людей не стыдно.

Бабаевъ.

Да, да, ужъ чего-жъ лучше!

Краснова.

Вотъ я васъ поцѣлую за это, что вы такой умный! *(Цѣлуетъ его.)* Ну, такъ вы придете къ намъ завтра, этакъ въ вечерни?

Бабаевъ.

А потомъ ты ко мнѣ?

Краснова.

Непремѣнно приходите! А потомъ мы къ вамъ; ужъ я теперь васъ не боюсь.

Бабаевъ.

Какая ты красавица! Ты еще лучше стала, чѣмъ прежде.

Краснова.

Ну, это пущай такъ при мнѣ и останется! Прощайте! Луша, пойдемъ!

Жмигулина *(подходя)*.

До свиданія! Покойной ночи, пріятнаго сна! Розы рвать, жасмины поливать! *(Уходя.)* Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну, ужъ молодецъ, нечего сказать! Я только смотрѣла да удивлялась. *(Уходятъ.)*

Бабаевъ.

Ну, романъ начинается, какова-то будетъ развязка!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Левъ Родіонычъ Красновъ, лавочникъ, лѣтъ тридцати.
Краснова.
Жмигулина.
Архипъ.
Аѳоня.
Бабаевъ.
Мануйла Калинычъ Курицынъ, мучникъ, лѣтъ сорока-пяти.
Ульяна Родіоновна Курицына, жена его, сестра Краснова.

Комната въ домѣ Краснова; прямо дверь въ сѣни, направо кровать съ ситцевымъ пологомъ и окно, налѣво лежанка и дверь въ кухню; на авансценѣ простой досчатый столъ и нѣсколько стульевъ; у задней стѣны и у окна скамьи, у лѣвой стѣны шкафъ съ чашками, маленькое зеркало и стѣнные часы.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Краснова *(передъ зеркаломъ надѣваетъ платокъ)*, Аѳоня *(лежитъ на лежанкѣ)*, Жмигулина *(входитъ съ цвѣтною салфеткой)*.

Жмигулина.

Вотъ, Таня, я у сосѣдей салфетку достала столъ-то по-

крыть, а то наша-то ужъ больно плоха. *(Стелетъ салфетку на столъ.)*

Краснова.

Самоваръ-то поставленъ?

Жмигулина.

Ужъ давно поставленъ, скоро закипитъ. Ну, вотъ видишь, какъ я говорила, такъ и выходитъ: этотъ платокъ къ тебѣ гораздо лучше идетъ. Только зачѣмъ ты его заколола булавкой? *(Поправляетъ.)* Вотъ такъ будетъ вантажнѣе.

Аѳоня.

Куда рядишься? Что передъ зеркаломъ-то пялишься?

Краснова.

Никуда, мы дома будемъ.

Жмигулина.

Да тебѣ что за печаль? Что-жъ, по-твоему, чумичкой ходить, какъ ты?

Аѳоня.

Да для кого рядиться-то? Для мужа, что-ль? Такъ онъ и безъ нарядовъ твоихъ любитъ тебя больше того, чѣмъ ты стоишь. Аль для кого другого?

Жмигулина.

Ишь ты! Дуракъ-дуракъ, а понялъ, что для кого-нибудь рядятся.

Краснова.

Что мнѣ для мужа рядиться! Онъ меня и такъ знаетъ. Коли я ряжусь, такъ значитъ для чужого.

Аѳоня.

Передъ кѣмъ дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль въ тебѣ совѣсти нѣтъ?

Жмигулина.

Ну, да что съ дуракомъ толковать! Ему только и дѣла, что молоть. Лежитъ на печкѣ да придумываетъ.

Краснова.

Что ты, въ самомъ дѣлѣ, за указчикъ! Мужъ мнѣ ничего не говоритъ, а ты разсуждать смѣешь!

Аѳоня.

Да онъ ослѣпъ отъ васъ, ослѣпъ: Испортили вы его зельемъ какимъ-нибудь.

Жмигулина.

Молчи ужъ, коли Богъ убилъ! Знай свое дѣло: кашляй вѣкъ. грѣха въ томъ нѣтъ.

Аѳоня.

Дуракъ—братъ, дуракъ! Загубилъ онъ свою голову.

Жмигулина.

Таня, не внести ли самоваръ-то?

Краснова.

Неси! А я чашки разставлю. *(Ставитъ чашки. Жмигулина уходитъ.)* Шелъ бы ты въ кухню.

Аѳоня.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Краснова.

Чужіе люди придутъ, а ты тутъ тоску наводишь.

Аѳоня.

Не пойду я.

Краснова.

Вотъ правда пословица-то: „съ дуракомъ пива не сваришь". Вѣдь, къ намъ не вашъ братъ, лавочникъ какой-нибудь, придетъ! Баринъ придетъ, слышишь ты. Что ты ломаешься-то?

Аѳоня.

Какой баринъ? Зачѣмъ?

Краснова.

Такой же баринъ, какъ и всѣ господа бываютъ. Нашъ знакомый, помѣщикъ богатый; ну, и ступай вонъ!

Аѳоня.

Онъ тамъ у себя баринъ, а я здѣсь у себя баринъ. Не я къ нему иду, онъ ко мнѣ идетъ. Я у себя дома, я больной человѣкъ, никого не уважу. Ты для него, что ли, разрядилась-то?

Краснова.

Мое дѣло, не твое. *(Жмигулина вноситъ самоваръ.)*

Жмигулина *(ставитъ самоваръ на столъ).*

Лёвъ Родіонычъ идетъ съ кѣмъ-то.

Краснова.

Ну, какъ изъ родныхъ кто: вотъ наказаніе-то!

Аѳоня.

Наказанье! А вы зачѣмъ въ нашу родню влѣзли? *(Входятъ Красновъ, Курицынъ и Курицына.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Аѳоня, Курицынъ и Курицына.

Красновъ *(женѣ)*.

Здравствуйте-съ! *(Цѣлуются.)*

Краснова.

Вотъ нѣжности!

Красновъ.

Ничего-съ. Дѣло законное-съ! Извольте гостинцу-съ! Винныхъ ягодокъ свѣжихъ получили-съ! *(Подаетъ свертокъ.)* Вотъ я вамъ гостей привелъ. Самоваръ-то ужъ готовъ у васъ, вотъ и кстати-съ.

Курицына.

Здравствуй, сестрица! Вы такая гордая, никогда къ намъ не зайдете! А мы по простотѣ живемъ, взяли да и пришли съ Мануйломъ Калинычемъ непрошенные.

Курицынъ.

Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! Забѣжала бы когда, чай, ноги-то не отсохли!

Красновъ.

Ну, когда имъ по гостямъ ходить! Имъ только бы дома-то управиться! Къ хозяйству начинаютъ привыкать.

Курицына.

Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за мильонщикомъ вы замужемъ-то, нечего барствовать!

Курицынъ.

А ты пріучай, да хорошенько!

Курицына *(подходя къ Аѳоньѣ)*.

А ты, Аѳоня, все хвораешь? Ты бы чѣмъ полѣчился!

Курицынъ *(тоже подходя къ Аѳоньѣ)*.

А ты ѣшь больше, вотъ и хворь пройдетъ. Не хочется, такъ насильно ѣшь! Да, я тебѣ говорю! *(Разговариваетъ съ Аѳоней тихо.)*

Краснова *(мужу)*.

Что вы надѣлали! Какихъ вы гостей навели!

Жмигулина.

Ну ужъ, признаться, зарѣзали вы насъ. Такой конфузъ, такой конфузъ!

Красновъ.

Какой конфузъ? что баринъ-то придетъ-съ? Такъ что-жъ за бѣда! Не велика важность! Пущай посмотритъ, какая родня у васъ.

Жмигулина.

Очень ему интересно!

Красновъ.

Не гнать же мнѣ сестру для него! Стало-быть, и разговору нѣтъ. Я его еще и въ глаза не видалъ, какой онъ такой; а это, по крайней мѣрѣ, родня. А впрочемъ, наши не долго засидятся. *(Женѣ.)* Садитесь, наливайте чай! Братецъ, сестрица, пожалуйте! По чашечкѣ-съ! *(Всѣ, исключая Авони, садятся у стола.)*

Курицынъ.

Дѣло, братъ, праздничное, такъ оно передъ-чайкомъ-то бы того... по малости. Аль самъ-то не пьешь?

Красновъ.

Женимшись на Татьянѣ Даниловнѣ, я съ самаго того дня все это въ пренебреженіи оставилъ-съ. Татьяна Даниловна, полотчуйте братца съ сестрицей водкой!

Краснова *(достаетъ изъ шкафа и ставитъ на столъ графинъ, рюмки и закуску)*.

Пожалуйте, сестрица! *(Курицына пьетъ.)* Пожалуйте, братецъ!

Курицынъ.

Не такъ просишь, порядку не знаешь.

Красновъ.

Вы, братецъ, не ломайтесь! Моя супруга вашихъ обыкновеніевъ не знаютъ, да и знать имъ не для чего. Пожалуйте, безъ церемоніи.

Курицынъ *(выпивъ)*.

Балуешь ты свою жену, вотъ что я тебѣ скажу! Да, воля и добрую жену портитъ. А ты бы съ меня примѣръ бралъ,

училъ бы ты ее уму-разуму, такъ лучше бы дѣло-то, прочнѣй было. Спроси вотъ, какъ я твою сестру школилъ, небу жарко было.

Курицына.

Да ужъ вы, Мануйла Калинычъ, извѣстный варваръ, кровопивецъ! Вамъ только бы надъ женой ломаться да власть показывать, въ томъ вся ваша жизнь проходитъ.

Курицынъ.

Какія это такія слова? Кто это ихъ здѣсь говоритъ? Гдѣ это говорятъ? *(Оглядываясь.)* Нѣтъ ли тутъ кого чужого, постороннаго? Словно, какъ свои-то у меня не смѣютъ такъ разговаривать!

Курицына *(спохватясь)*.

Это я такъ, къ слову только, Мануйла Калинычъ! А что, конечно, сестрица, съ нашей сестрой безъ острастки нельзя. Не даромъ говорится: жену бей, такъ щи вкуснѣй.

Краснова.

Какъ кому нравится, кто что любитъ! Вамъ, сестрица, нравится такое обращеніе, а я считаю за невѣжество.

Жмигулина.

Нынче ужъ мужицкое-то обращеніе вездѣ бросаютъ, выходить стало изъ моды.

Курицынъ.

Ну, ужъ это ты врешь! Никогда эта самая наука, которая надъ бабами, изъ моды не выдетъ, потому безъ нея нельзя. Братъ, слушай, я до чего Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало, у насъ промежъ себя, промежъ знакомыхъ или сродственниковъ за споромъ дѣло станетъ, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ-то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: „чего моя нога хочетъ?“ А она понимаетъ, потому обучена этому: ну, и значитъ, сейчасъ въ ноги мнѣ.

Курицына.

Что-жъ, это точно, это бывало. Я при всѣхъ безъ стыда скажу.

Красновъ.

Ничего въ этомъ нѣтъ хорошаго, одинъ куражъ.

Курицынъ.

Эхъ, братъ! Бей шубу, будетъ теплѣе, а жену—будетъ умнѣе.

Краснова.

Не всякая жена позволитъ себя бить, а которая позволяетъ, такъ она, значитъ, больше того и не стóитъ.

Курицына.

Что́-жъ это вы, сестрица, вдругъ такъ заважничали! Хуже, что̀ ли, я васъ? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебѣ крылья-то и ошибить.

Красновъ.

Можно, да осторожно.

Курицына.

Да ты-то что̀! Взялъ голь, да и важничаетъ. Али ты воображаешь, что на значительной помѣщицѣ женился?

Красновъ.

Что̀ я воображаю — это мое дѣло, и не съ твоимъ разумомъ его понимать. Значитъ, надо тебѣ молчать.

Жмигулина.

Вотъ такъ занятный разговоръ, есть что̀ послушать!

Курицына.

Кажется, не изъ барскаго роду взята, а изъ приказнаго. Не велика дворянка. Козелъ да приказный—бѣсова родня.

Красновъ.

Я тебѣ сказалъ: молчи! Не десять разъ говорить, сразу должна понимать!

Курицынъ.

Не трожь, пущай ихъ! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся.

Красновъ.

Да я-то не люблю.

Курицына.

Мало-ль ты чего не любишь, такъ по тебѣ и угождать! Ишь, ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего, я тебѣ не подначальная. У меня свой муженекъ хорошъ, есть кому командовать-то и безъ тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырямъ да по закоулкамъ шляется, да съ молодыми господами по цѣлымъ часамъ балясы точитъ.

Красновъ *(вскочивъ)*.

Что̀-съ!

Краснова.

Никакихъ я пустырей, никакихъ переулковъ не знаю: а что встрѣтилась я съ Валентиномъ Павлычемъ на берегу, такъ это я вамъ, Лёвъ Родіонычъ, сказывала, и даже все, что мы говорили.

Жмигулина.

Да, вѣдь, и я тутъ сопутствовала.

Курицына.

Да ты такая же.

Красновъ.

Ну, не змѣя ли ты теперича подколодная! а еще сестра называешься. Чего тебѣ хочется? меня съ женой разстроить? Ненавистно тебѣ, что я ее люблю? Такъ знай ты завсегда, что я ее ни на кого не промѣняю. Я тридцать лѣтъ для семьи бобылемъ жилъ, до кроваваго поту работалъ, да тогда только жениться-то задумалъ, когда весь домъ устроилъ. Я тридцать лѣтъ себѣ никакой радости не зналъ! Слѣдственно, я долженъ быть имъ, супругѣ моей, благодаренъ, что онѣ, при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня мужика. Допрежъ того я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работѣ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цѣловать, потому что я оченно хорошо понимаю, что я и со всѣмъ-то домомъ противъ одного ихняго мизинца не гожусь. Такъ послѣ этого нешто я дамъ ихъ въ обиду! Я уважаю— и всѣ уважай!

Жмигулина.

Сестрица и сама понимаетъ, что она всякаго уваженія стоитъ.

Красновъ.

Ты какое слово сказала-то! Коли повѣрить тебѣ, что-жъ тогда дѣлать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтобъ на такія женины дѣла сквозь пальцы смотрѣлъ! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце перевернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ, вѣдь, чего Боже сохрани, долго ли до грѣха-то! За себя поручиться нельзя: каковъ часъ выдетъ. Пожалуй, дьяволъ подъ руку-то толкнетъ. Господи, оборони насъ! Нешто этимъ шутятъ! Ужъ коли ты хотѣла обидѣть меня, взяла бы ты

ножикъ, да пнула мнѣ въ бокъ, легче бы мнѣ было. Послѣ такихъ словъ мнѣ лучше тебя, разлучницу, весь вѣкъ не видать; я лучше отъ всей родни откажусь, чѣмъ ваше ехидство переносить.

Курицына.

Не я разлучница-то, она родню-то разлучаетъ.

Курицынъ.

Что̀, братъ! Видно, женина родня—такъ отворяй ворота, а мужнина родня—такъ запирай ворота! Приходи къ намъ, и мы такъ-то угостить сумѣемъ. Пойдемъ, жена, дома лучше!

Курицына.

Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братецъ, подожди, какъ-нибудь сочтемся. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Красновъ, Краснова, Жмигулина и Аѳоня.

Красновъ *(подходя къ женѣ)*.

Татьяна Даниловна, вы не возьмите себѣ этого въ обиду, потому необломанный народъ.

Краснова.

Вотъ она, ваша родня-то! Я не въ примѣръ лучше въ дѣвушкахъ жила; по крайности я знала, что никто меня обидѣть не смѣетъ.

Жмигулина *(прибирая со стола)*.

Мы съ простонародіемъ никогда не знались.

Красновъ.

Да и я васъ въ обиду не дамъ-съ. При вашихъ глазахъ родной сестры не пожалѣлъ, изъ дому прогналъ; а доведись кого чужого, такъ онъ бы и ногъ не уволокъ. Вы еще не знаете моего характера, я подъ часъ самъ себѣ не радъ.

Краснова.

Что̀-жъ, вы сердиты, что̀ ли, очень?

Красновъ.

Не то, что сердитъ, а горячъ: себя не помню, людей не вижу въ этомъ разѣ.

Краснова.

Какія вы страсти говорите! Отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ, я бы за васъ и не пошла.

Красновъ.

Коли горячій человѣкъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть, онъ до всякаго дѣла горячъ, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣетъ.

Краснова.

Я теперь буду васъ бояться.

Красновъ.

Страху-то мнѣ отъ васъ не больно нужно-съ. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова.

Какой же вамъ еще любви отъ меня надо?

Красновъ.

Вы, чай, сами знаете какой-съ; только, можетъ быть, не чувствуете. Что дѣлать! Будемъ ждать, авось послѣ придетъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ! Были и такіе случаи, что любовь-то на пятый или на шестой годъ послѣ свадьбы приходитъ. Да еще какая! Лучше, чѣмъ смолоду.

Краснова.

Ну и ждите!

Жмигулина.

Это вы очень горячи къ любви-то, а мы совсѣмъ другого воспитанія.

Красновъ.

Вы насчетъ воспитанія говорите! Я вамъ вотъ что на ваши слова скажу-съ: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошелъ. Я и самъ вижу, чего мнѣ не хватаетъ-съ, да ужъ теперь года ушли. Душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ-съ. А будь я воспитанъ-съ...

Жмигулина *(взглянувъ въ окно)*.

Идетъ, Таня, идетъ! *(Бѣгутъ обѣ изъ комнаты.)*

Красновъ.

Куда же вы такъ вдругъ-съ? Бѣжать-то зачѣмъ?

Жмигулина.

Что вы! Опомнитесь! Надо же встрѣтить, учтивость на блюсти. *(Уходятъ.)*

Аѳоня.

Братъ! Ты сестру прогналъ; за дѣло ли, не за дѣло ли, Богъ тебя суди! А ты на барина-то поглядывай, я тебѣ говорю·

Красновъ.

Что̀ на тебя пропасти нѣтъ! Шипишь ты, какъ змѣя. Ужалить тебѣ меня хотѣлось. Убирайся вонъ отсюда! Поди, говорятъ тебѣ, а то до смерти убью.

Аѳоня.

Что̀-жъ, убей! Мнѣ жизнь-то не больно сладка, да и жить-то не долго осталось. Только не будь ты слѣпъ! Не будь ты слѣпъ! *(Уходитъ.)*

Красновъ.

Что̀ они съ моей головой дѣлаютъ! Аль въ самомъ дѣлѣ смотрѣть надо, аль смущаютъ только? Гдѣ-жъ тогда, значитъ, любовь! Да неужто-жь, Господи, я себѣ не утѣху, а муку взялъ. Встряхнись, Лёвъ Родіоновъ, встряхнись! Не слушай лукаваго! Одна у тебя радость — онь отнимаетъ, сердце высушитъ. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грошъ пропадешь! Все это наносныя слова, вотъ что̀! Ненавистно стало, что жена хороша, да живемъ ладно,—и давай мутить. Видимое дѣло. Въ каждой семьѣ такъ. Бросить да не думать—вотъ и конецъ. А барина надо будетъ выжить, да чтобъ и впередъ не заглядывалъ. Ходите, молъ, почаще, безъ васъ веселѣе. Такъ оно и разговору меньше, да и на сердцѣ покойнѣе. *(Входятъ Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бабаевъ, Красновъ, Краснова и Жмигулина.

Бабаевъ.

Такъ вотъ вы гдѣ живете! Это у васъ свой домикъ?

Краснова.

Свой-съ! А вотъ это мой мужъ-съ.

Бабаевъ.

А, очень пріятно. Я съ вашей женой давно знакомъ.

Красновъ.

Это ваше дѣло-съ.

Бабаевъ.

Вы торгуете?

Красновъ.

Это вотъ наше дѣло-съ.

Краснова.

Что-жъ вы не сядете! *(Бабаевъ и Красновъ садятся.)* Не угодно ли вамъ чаю?

Бабаевъ.

Нѣтъ, благодарю; теперь не пью чаю.

Жмигулина.

Ахъ, Таня, мы и забыли, что въ Петербургѣ совсѣмъ другой вкусъ. *(Бабаеву.)* Можно сію минуту кофей сдѣлать.

Бабаевъ.

Нѣтъ, вы, пожалуйста, не безпокойтесь: я ужъ пилъ. Мы лучше такъ посидимъ, потолкуемъ о чемъ-нибудь. Веселитесь ли вы здѣсь? Есть ли у васъ развлеченія?

Краснова.

Нѣтъ-съ. Какія же здѣсь могутъ быть развлеченія!

Бабаевъ.

Какъ же вы время проводите? Неужели все дома сидите?

Краснова.

Бо́льшею частью.

Красновъ.

Да оно такъ и слѣдуетъ въ нашемъ званіи. По-нашему, по-русски: мужикъ да собака на дворѣ, а баба да кошка дома.

Жмигулина *(тихо Краснову)*.

Учтивѣй-то вы не можете?

Красновъ.

Я свое дѣло знаю.

Бабаевъ.

Такъ вы хозяйствомъ занимаетесь. Вамъ, я думаю, трудно было привыкать къ новымъ обязанностямъ.

Краснова *(взглянувъ на мужа)*.

Да-съ. А, впрочемъ, нельзя сказать... конечно... сначала...

Бабаевъ *(Жмигулиной)*.

Я спрашиваю, а и самъ хорошенько не знаю, въ чемъ заключаются эти обязанности.

Жмигулина.

Да вамъ, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Красновъ.

Никакой низости нѣтъ.

Бабаевъ.

А въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ низкаго?

Жмигулина.

Слова низкія и даже довольно грязныя, которыхъ при людяхъ воспитанныхъ никогда не говорятъ.

Бабаевъ.

Ну, предположите, что я человѣкъ невоспитанный. Какія же слова, скажите?

Жмигулина.

Вы просто насъ съ Таней конфузите. Вамъ интересно слышать эти слова, такъ извольте. Къ хозяйству относится кухня и всякія простонародныя вещи: сковорода, сковородникъ, ухватъ. Развѣ это не низко?

Красновъ.

Да ужъ низко ли ухватъ, высоко ли, а коли щи въ печку сажать, такъ доставать его надо.

Краснова.

Вы хоть бы при гостяхъ-то не обижали жену!

Красновъ.

Да я васъ ни при гостяхъ, ни безъ гостей никогда на волосъ не обидѣлъ-съ. А васъ спрашиваютъ, какая вы мужу хозяйка, да еще при мужѣ-съ; такъ, я полагаю, вамъ бы надо отвѣчать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должности не гнушаетесь, потому что въ нашемъ званіи это первое дѣло-съ.

Жмигулина *(тихо Краснову)*.

Вы намъ мѣшаете съ нашимъ гостемъ разговаривать.

Бабаевъ *(тихо Красновой)*.

Что онъ у васъ всегда такой?

Краснова *(тихо)*.

Я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

Бабаевъ *(тихо)*.

Вы сами видите, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Вы лучше приходите ко мнѣ сегодня, а я теперь пойду домой. *(Громко.)* Ну, прощайте! Надѣюсь, что мы видимся съ вами не въ послѣдній разъ.

Жмигулина.

Конечно, конечно.

Краснова.

Покорно благодаримъ за посѣщеніе!

Красновъ *(кланяясь)*.

Прощенья просимъ! Вы скоро отсюда уѣдете?

Бабаевъ.

Не знаю. Какъ дѣло кончится.

Красновъ.

Однако, какъ полагаете?

Бабаевъ.

Въ судѣ говорятъ, что послѣзавтра.

Красновъ.

И значитъ, какъ кончится, такъ вы въ тотъ же часъ и уѣдете?

Бабаевъ.

Я думаю. Что-жъ мнѣ здѣсь дѣлать?

Красновъ.

Да-съ! Оно точно, что нечего. Наше вамъ почтеніе! *(Бабаевъ, Краснова и Жмигулина уходятъ.)* Непрошеный гость хуже татарина. На что онъ намъ? Какая отъ него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищіе. Ну, значитъ, и проваливай! Поѣзжай себѣ въ Петербургъ, и любезное дѣло! *(Входятъ Краснова и Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Красновъ, Краснова и Жмигулина.

Краснова.

Что же это вы дѣлаете! Съ чего же вы взяли такъ обижать меня!

Красновъ.

Никакой обиды-съ! А вы вотъ что-съ! Мы съ вами еще послѣ свадьбы ни разу не ссорились, такъ желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить въ любви-съ.

Жмигулина.

Хороша любовь! Нечего сказать! *(Красновъ строго взглядываетъ на нее.)*

Краснова.

Гдѣ же она, ваша любовь-то? Вотъ мы теперь ее хорошо видимъ. Вашимъ роднымъ да знакомымъ я прислуживай, какъ кухарка, а пришелъ нашъ знакомый, человѣкъ благородный, такъ вы его чуть не выгнали.

Жмигулина.

Да и выгнали, только что политически.

Краснова.

Ужъ вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мнѣ очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждомъ шагу.

Красновъ.

Да я не понимаю, къ чему этотъ и разговоръ промежъ насъ! Все и дѣло-то разговору не стоитъ. Можетъ, мы его больше и не увидимъ никогда, да намъ и надобности въ немъ нѣтъ; съ чѣмъ пришелъ, съ тѣмъ и ушелъ. А намъ съ вами всю жизнь жить; такъ стоитъ ли онъ того, чтобы намъ съ вами изъ-за него неудовольствіе имѣть.

Краснова.

Ахъ, Луша, какой срамъ-то! Что онъ теперь объ насъ подумаетъ?

Жмигулина.

Да. Онъ теперь скоро въ Петербургъ поѣдетъ; хорошее мнѣніе онъ объ насъ туда повезетъ.

Красновъ.

Я вамъ, опять-таки, скажу-съ, что его и всякія мнѣнія надо бросить. Все дѣло-то гроша не стоитъ. Я такъ понимаю: есть ли онъ на свѣтѣ, нѣтъ ли его, это для насъ съ вами все одно-съ.

Краснова.

Для васъ его на свѣтѣ нѣтъ, но не для насъ. Мы съ сестрой обѣщали бывать у него и даже сегодня хотимъ итти.

Красновъ.

Не къ чему-съ.

Краснова.

Какъ не къ чему? Я вамъ говорю, что я хочу его видѣть.

Красновъ.

Вы хотите, да мнѣ не желательно. Должны вы меня уважить, или нѣтъ?

Краснова.

Что̀ это вы какую власть вдругъ забрали. Да вы и не воображайте, чтобъ мы васъ послушались—этому не бывать!

Красновъ *(ударя по столу)*.

Чего-съ! Какъ такъ не бывать? Нѣтъ-съ, ужъ коли что̀ я говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-съ, потому самому я вамъ строго и приказываю. *(Опять ударяетъ по столу.)*

Краснова *(плачетъ)*.

Что̀-жъ это за тиранство! Что̀ за мученіе!

Жмигулина *(со смѣхомъ)*.

Ахъ, какой грозный! Ахъ, какой страшный! Ха, ха, ха!

Красновъ.

Вы-то что̀ квакаете! Васъ-то я такъ турну, что у васъ объ калитку подолъ завизжитъ.

Краснова.

Ну, ужъ бы что̀ хотите дѣлайте, хоть убейте насъ, а мы, все-таки, пойдемъ. Мы не хотимъ доказать ему, что мы невѣжи противъ него. Должны же мы поблагодарить его за неоставленіе насъ и пожелать счастливаго пути.

Красновъ.

Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, когда вамъ словами говорятъ.

Краснова.

Ужъ вы не драться ли хотите? Что̀-жъ, отъ васъ это станется. Только того и жди.

Красновъ.

Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризъ уважу. Извольте итти, и ужъ больше туда ни ногой. Только вотъ что̀ еще, Татьяна Даниловна! Вотъ видите часы-съ! *(Показываетъ на стѣнные часы.)* Такъ, когда вы пойдете, взгляните, и чтобъ черезъ полчаса здѣсь-съ! *(Показывая на полъ.)* На этомъ самомъ мѣстѣ-съ. Поняли?

Краснова.

Пойдемъ, Луша, одѣваться. *(Уходятъ.)*

Красновъ.

Кажется, у насъ дѣло-то на ладъ пойдетъ! Онѣ были маленько избалованы; въ такомъ случаѣ для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится—слюбится. А тамъ, какъ баринъ уѣдетъ можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется, ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да что-жъ дѣлать, сразу круто нельзя—вовсе отъ себя оттолкнешь. Само собою, что будетъ думаться, и то, и другое въ голову-то полѣзетъ. Ну, да, вѣдь, не разбойникъ же онъ какой, въ самомъ дѣлѣ! Да и супруга моя, какъ собственно недавно... То-есть, врагъ я самъ себѣ, да и только! Вѣдь, ничего не можетъ быть дурного; а я думаю, да всякіе вздоры прибираю!... Пойтить съ пріятелями въ трактирѣ посидѣть покудова!... Объ чемъ это онъ ей давеча шепталъ?.. Ну, да что-жъ, вѣдь, давно знакомы; можетъ такъ что! *(Беретъ картузъ.)* Татьяна Даниловна! Сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загуби ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ! *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА

Бабаевъ.
Краснова.
Жмигулина.
Зайчиха.
Карпъ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Карпъ и Зайчиха *входятъ.*

Зайчиха.

Что, самъ-то спитъ, что ли?

Карпъ.

Не знаю. Да нѣтъ, онъ этой привычки не имѣетъ. Опять же и время не то. Ты какъ думаешь? Вѣдь, еще теперь въ Петербургѣ не обѣдали, еще утро.

Зайчиха.

Ишь ты! Ахъ, батюшки!

Карпъ.

Вотъ иногда зимой, ужъ и смеркнется давно, и огонь вездѣ зажгли, а все еще утро считается.

Зайчиха.

Ну, да что̀ мудренаго! Городъ большой, столичный, не то, что̀ у насъ. А я было такъ взошла: молъ, не нужно-ль что̀. *(Взглянувъ въ окно.)* Вѣдь, это къ намъ кто-то Нойти встрѣтить. *(Уходитъ.)*

Карпъ.

Взвоешь здѣсь отъ тоски. Спервоначала бы этимъ судейскимъ, которые у нихъ поглавнѣе, дать барашка въ бумажкѣ, такъ они бы мигомъ. По крайности, мы были бы теперь дома, у дѣла. Какъ ему самому-то не скучно! Ужъ не сослѣдилъ ли онъ тутъ добычку себѣ! Не даромъ онъ по городу-то ходитъ! У него манера-то извѣстная: ходитъ-ходитъ мимо оконъ-то, да и призритъ глазомъ на какую-нибудь брунетку. *(Зайчиха входитъ.)*

Зайчиха.

Поди-ка, мой милый, доложь самому-то, что его спрашиваютъ.

Карпъ.

Зачѣмъ спрашиваютъ?

Зайчиха.

Ужъ ты доложь, онъ тамъ самъ знаетъ.

Карпъ *(въ дверь)*.

Пожалуйте, сударь, къ вамъ пришли.

Бабаевъ *(изъ двери)*

Кто?

Зайчиха.

Выдь-ка сюда, батюшка, на минуточку: нужно! *(Бабаевъ входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Карпъ, Зайчиха и Бабаевъ.

Зайчиха.

Слушай-ка! Къ тебѣ пришла Краснова, лавочница, съ сестрой, такъ спрашиваютъ, можно ли, молъ, взойти.

Бабаевъ.

Просите ихъ сюда! Да вотъ что! Послушайте, хозяюшка! Пожалуйста, чтобы разговору не было! Можетъ быть, она и еще ко мнѣ придетъ, такъ ужъ вы скажите лучше, что она къ вамъ ходитъ. Можетъ быть, спрашивать будутъ; знаете, вѣдь, городъ маленькій, всѣ другъ друга знаютъ, другъ за другомъ смотрятъ, куда кто пошелъ, гдѣ что дѣлалъ.

Зайчиха.

И, батюшка! Да мнѣ что! Я и видѣла, да не видала. Ты проѣзжій, не здѣшній.

Бабаевъ.

Попросите ихъ сюда! Мы, вѣдь, съ вами, милая хозяюшка, старые пріятели. *(Треплетъ ее по плечу.)*

Зайчиха.

Пріятели, батюшка, пріятели! *(Уходитъ.)*

Карпъ *(махнувъ рукой)*.

Грѣхи! *(Уходитъ. Краснова и Жмигулина входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бабаевъ, Краснова и Жмигулина.

Жмигулина.

Еще здравствуйте! Ждали ли насъ?

Бабаевъ.

Признаться, такъ скоро не ждалъ. Садитесь, что же вы стоите! *(Садятся.)*

Жмигулина.

Бѣгомъ бѣжали къ вамъ. Изъ дому-то насилу вырвались.

Краснова.

Полно, Луша, перестань!

Жмигулина.

Ужъ нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентинъ Павлычъ давеча сами видѣли нашу алистократію. А ужъ какая послѣ васъ пальба была!

Краснова.

Ахъ, Луша, мало ли что въ семьѣ бываетъ, неужели всѣмъ разсказывать! Никому до того дѣла нѣтъ, какъ мы живемъ.

Жмигулина.

Поняли вы теперь, Валентинъ Павлычъ, что̀ такое значитъ мужикъ, когда онъ важность на себя напуститъ?

Краснова.

Хорошо тебѣ разговаривать-то: ты постороннiя. Ты бы меня-то пожалѣла! Онъ мнѣ мужъ, мнѣ съ нимъ жить до гробовой доски.

Бабаевъ.

Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова.

Какой вы чудной! За что̀ вы меня упрекаете? Гдѣ-жъ вы были, когда намъ было ѣсть нечего? А теперь ужъ не воротишь. Остается только плакать всю жизнь. (*Плачетъ.*)

Бабаевъ.

Ну, объ чемъ же вы теперь-то плачете?

Краснова.

Чему-жъ мнѣ радоваться-то? Вамъ, что ли? Можетъ быть, я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то̀ поймите: изъ-за васъ я съ мужемъ поссорилась; вы-то уѣдете не нынче-завтра, а мнѣ съ нимъ оставаться. Вы только хуже сдѣлали, что пріѣхали: до васъ-то онъ мнѣ не такъ дуренъ казался. Да и онъ вдругъ совсѣмъ перемѣнился. Пока васъ не видалъ, такъ всякую мою прихоть исполнялъ, какъ собака руки лизалъ; а теперь началъ косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мнѣ будетъ всю жизнь съ постылымъ горе мыкать! (*Плачетъ.*)

Бабаевъ.

Ну, перестаньте! Что̀ это вы! (*Жмигулиной.*) Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите къ хозяйкѣ, я одинъ ее лучше уговорю.

Жмигулина.

Пожалуйста, не хитрите! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бабаевъ и Краснова.

Бабаевъ (*подвигается и обнимаетъ Краснову одною рукой*).

Душенька, Танечка, ну, перестань! Что̀ ты такъ расплакалась! Ну, давай подумаемъ вдвоемъ, какъ помочь твоему горю.

Краснова.

И думать нечего! Никакъ нельзя.

Бабаевъ.

Ужъ будто? А что, если я увезу тебя въ деревню?

Краснова.

Въ какую? Куда?

Бабаевъ.

Туда, въ свою. Тамъ все такъ же, какъ было при маменькѣ: тѣ же аллеи, пруды, бесѣдки; все тебѣ знакомое, все будетъ напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова *(освобождаясь изъ-подъ его руки).*

Что вы только придумываете, какъ погляжу я на васъ! Да возможное ли дѣло, чтобъ такой вздоръ въ голову пришелъ! Что-жъ, мужъ-то такъ вамъ и позволитъ! Да онъ меня на днѣ моря сыщетъ.

Бабаевъ.

На время тебя можно будетъ спрятать, такъ что онъ и не найдетъ? а между тѣмъ, съ нимъ поторговаться.

Краснова.

Что вы! Что вы! Вотъ еще новости! Ну, да будетъ вамъ пустяки-то говорить! Вотъ вы лучше посовѣтуйте, какъ мнѣ всю жизнь съ мужемъ-то жить.

Бабаевъ.

Ну да, какъ же! Нужно мнѣ очень!

Краснова.

Значитъ, вы меня вовсе-таки ни крошечки не любите! Только притворяетеесь. Вотъ что, да-съ!

Бабаевъ.

И не грѣхъ это тебѣ, Таня, а? Нѣтъ, скажи ты мнѣ, не грѣхъ?

Краснова.

Что?

Бабаевъ.

Подозрѣвать-то меня не грѣхъ?

Краснова.

Да ну васъ! Васъ, вѣдь, не разберешь, притворяетесь вы или нѣтъ.

Бабаевъ.

Да и на что тебѣ разбирать, мой ангелъ! Ты обо мнѣ-то не заботься! Ты спроси у своего сердца, что оно говоритъ тебѣ! *(Обнимаетъ ее.)*

Краснова.

А ваше что вамъ говоритъ?

Бабаевъ.

Да, вѣдь, ты мнѣ, Таня, не вѣришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну, какъ я тебя обману?

Краснова.

Да ужъ это не ваше дѣло! Вы только говорите!

Бабаевъ.

Да и не обману, не бойся! Изъ чего мнѣ тебя обманывать. *(Нагибается къ ней; она слушаетъ, потупя глаза.)* Вотъ что, Таня! Сердце мнѣ говоритъ, что никого еще я не любилъ такъ, какъ тебя люблю. Мнѣ все равно, будешь ли ты вѣрить моимъ словамъ, или нѣтъ. Да я сейчасъ и докажу тебѣ, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я, вѣдь, не говорю тебѣ, что я никогда не видалъ женщинъ красивѣе тебя, умнѣе. Вотъ тогда ты мнѣ могла бы прямо въ глаза сказать, что я лгу. Нѣтъ, я видѣлъ и лучше тебя, и умнѣе, только не видалъ я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, какъ ты

Краснова *(вздохнувъ)*.

Простенькой... Ахъ, правду вы говорите!

Бабаевъ.

Ну, вотъ я тебѣ сказалъ, что я чувствую. Что же ты мнѣ не скажешь?

Краснова.

Да что мнѣ говорить-то! Не умѣю я. Я бы, можетъ быть, больше вашего насказала. Да и зачѣмъ говорить—вы сами знаете.

Бабаевъ.

То-есть, я, можетъ быть, и догадываюсь, да только...

Краснова.

Ну, что: „да только"? Вотъ и нечего сказать-то!

Бабаевъ.

Нѣтъ, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то изъ этого мнѣ мало. *(Молчаніе.)* Ты мнѣ сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

Краснова.

Что вамъ?

Бабаевъ.

Любишь ты меня? *(Молчаніе.)* Любишь, а?

Краснова *(потупившись)*.

Ну, да.

Бабаевъ.

Очень? *(Молчаніе.)* Что же ты молчишь? Очень любишь?

Краснова.

Да.

Бабаевъ.

А въ деревню поѣдешь со мной?

Краснова.

Ахъ, отстаньте вы отъ меня!

Бабаевъ.

Ну, не надо въ деревню. Мы вотъ что сдѣлаемъ: я найму здѣсь, въ городѣ, квартиру и черезъ недѣлю буду пріѣзжать сюда. Ты на это согласна?

Краснова.

Согласна.

Бабаевъ.

Ну, вотъ видишь, душенька, Танечка, я на все для тебя готовъ.

Краснова.

Вижу.

Бабаевъ.

А ты? *(Молчаніе.)* Что же молчишь?

Краснова.

А уговоръ?

Бабаевъ.

Какой уговоръ?

Краснова.

Вчерашній. Помните, тамъ на берегу.

Бабаевъ.

Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

Краснова.

Безстыдникъ вы, безстыдникъ! Нешто можно забывать такъ скоро!

Бабаевъ.

Не хочу я знать никакихъ уговоровъ. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.)*

Краснова *(встаетъ)*.

Ахъ, оставьте, пожалуйста!

Бабаевъ.

Какъ „оставьте?“ Что значитъ „оставьте?“

Краснова.

То же и значитъ, что оставьте.

Бабаевъ.

Что за капризы?

Краснова.

Никакихъ капризовъ, только вы, пожалуйста, подальше.

Бабаевъ.

Если ты станешь такъ капризничать, я, вѣдь, уѣду. Брошу и дѣло, за которымъ пріѣхалъ, да сейчасъ и уѣду.

Краснова.

Пожалуй, уѣзжайте.

Бабаевъ.

Я, вѣдь, не шучу. Карпъ! *(Входитъ Карпъ.)* Собирайся ѣхать и потомъ за лошадьми сходи!

Карпъ.

Слушаю-съ!

Краснова.

Такъ вы вотъ какъ! Ну, такъ Богъ съ вами! Прощайте! *(Убѣгаетъ.)*

Карпъ.

Что же, сударь, сбираться прикажете?

Бабаевъ.

Куда сбираться! Надоѣлъ, братецъ! *(Подходитъ къ окну.)* Ужъ не домой ли онѣ ушли?

Карпъ.

Не уйдутъ-съ.

Бабаевъ.

Не твое дѣло! Пошелъ вонъ! *(Карпъ уходитъ, входитъ Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бабаевъ и Жмигулина.

Жмигулина.

Сестра просила вамъ сказать, чтобъ вы погодили уѣзжать. Теперь у хозяйки сидитъ одна знакомая женщина, такъ вы сами понимаете, что пройти къ вамъ неловко. А когда она уйдетъ, сестра зайдетъ къ вамъ. Ей нужно объ чемъ-то съ вами поговорить.

Бабаевъ.

Вы милы, Лукерья Даниловна!

Жмигулина.

Что-то ушамъ не вѣрится! Ужъ отъ васъ ли я слышу такіе комплименты! *(Присѣдаетъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Красновъ
Краснова.
Жмигулина.
Архипъ.
Авдотья.

Комната первой сцены второго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Краснова *(на кровати)*, Жмигулина *(входитъ)*.

Жмигулина.

Таня, спишь ты?

Краснова.

Нѣтъ.

Жмигулина.

Ну, такъ вставай! Что валяешься цѣлый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова.

Зачѣмъ вставать-то? Что дѣлать-то?

Жмигулина.

Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуемъ!

Краснова *(встаетъ)*.

Ишь ты, день-то сегодня какой невеселый, пасмурный! *(Садится.)* Безталанная моя головушка! Что только я надъ собой сдѣлала! Зачѣмъ я замужъ пошла? Утопила я себя, просто утопила!

Жмигулина.

Кто-жъ его зналъ! Женихомъ-то онъ былъ тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я, вѣдь, вчера думала, онъ шутитъ, что на полчаса намъ сроку-то далъ.

Краснова.

Да и я то же думала. Кабы ты посмотрѣла, какъ онъ накинулся, какой страшный сдѣлался. А нынче все утро косился, ушелъ не простившись; вотъ и обѣдать не приходилъ.

Жмигулина.

Что же онъ тебѣ говорилъ, какъ вы вчера одни-то остались?

Краснова.

Ужъ онъ и ругалъ ругательски, и въ чувство-то ударялся, и самъ плакалъ; чего, чего ни дѣлалъ! За всю мою любовь къ тебѣ, говоритъ, одного я прошу: успокой ты меня, потому что я ревнивъ.

Жмигулина.

Вотъ еще наказаніе-то!

Краснова.

Ни къ кому, говоритъ, я тебя не ревную, только къ одному этому барину.

Жмигулина.

Еще бы онъ ко всякому ревновалъ! вотъ бы одолжилъ.

Краснова.

Когда онъ уѣдетъ, говоритъ, что хочешь дѣлай, и ходи куда хочешь; а вотъ за то, что ты меня не послушалась такъ не смѣй ты черезъ порогъ переступать, пока онъ совсѣмъ не уѣдетъ изъ города.

Жмигулина.

Ну, что-жъ ты ему на это?

Краснова.

Онъ кричитъ, а я все молчу, все молчу; только ужъ очень

мнѣ обидно, что онъ надо мной такую власть взялъ. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ка, вздумалъ командовать да свои мужицкія грубости говорить. Ему вотъ ничего, что онъ меня обидѣлъ, а я нынче цѣлый день плакала. Вѣдь, ужъ онъ меня хоть зарѣжь, я его любить не буду. Еще дай онъ мнѣ волю, такъ я бы хоть какое-нибудь чувство къ нему имѣла; а теперь, на зло, буду все напротивъ дѣлать; хотя бы я и виновата была передъ нимъ, я и за вину не сочту; надо же мнѣ ему чѣмъ-нибудь выместить. Что-жъ, не драться же мнѣ съ нимъ: у меня силы не хватитъ противъ него.

Жмигулина.

Извѣстно. Онъ будь тѣмъ доволенъ, что ты за него замужъ-то пошла; а то еще вздумалъ надъ поведеніемъ наблюдать.

Краснова.

Да и какъ я его бояться стала со вчерашняго дня. То-есть, не повѣришь ты: такъ вся и задрожу, какъ онъ на меня взглянетъ.

Жмигулина.

Ну, какъ же ты теперь думаешь?

Краснова.

Да какъ думать-то? Ужь очень у меня въ головѣ-то запутано. Какъ ни кинь, все дурно. За кусокъ хлѣба продала я свою молодость немилому человѣку, и день-ото-дня онъ мнѣ все противнѣй становится.

Жмигулина.

Какъ не опротивѣть послѣ такихъ пасажевъ съ его стороны. Особенно какъ посравнить кой съ кѣмъ. Тотъ кавалеръ, какъ быть слѣдуетъ, во всей формѣ.

Краснова.

Ну, вотъ что-жъ мнѣ теперь дѣлать-то? Кабы я могла равнодушно отстать отъ Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно, объ этомъ надо было прежде подумать, да пораньше хватиться; а теперь ужъ поздно. Силъ моихъ не хватитъ.

Жмигулина.

Вѣдь, и онъ тебя чрезвычайно какъ любитъ, Таня.

Краснова.

Ну такъ что-жъ? Богъ бы съ нимъ. То-то вотъ ума-то

у насъ не хватаетъ, а послѣ и плачься. Мнѣ еще маменька покойница говорила: смотри, дѣвка, погубитъ тебя простота твоя.

Жмигулина.

Вѣдь, тебѣ, чай, съ нимъ повидаться надо? Онъ, я думаю, ждетъ.

Краснова.

Ну да, само собою. Кабы моя была воля, такъ я полетѣла бы къ нему.

Жмигулина.

Такъ надо умомъ раскинуть, какъ бы намъ эту статью обработать.

Краснова.

Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина.

Вотъ что, Таня! Тебѣ надо мужа обмануть.

Краснова.

Какимъ манеромъ?

Жмигулина.

Нашей сестрѣ безъ хитрости никакъ жить нельзя, потому мы слабый полъ, со всѣхъ сторонъ обиженный.

Краснова.

Какія же хитрости? Ты меня научи.

Жмигулина.

Теперь ты съ мужемъ, какъ кошка съ собакой, такъ поневолѣ въ его башку-то придетъ, что, значитъ, ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова.

Ну, какъ же съ этимъ быть?

Жмигулина.

А ты переломи себя. Принеси ему покорность: мужики это любятъ. Притворись передъ нимъ, что ты влюблена въ него, нагороди ему турусы на колесахъ, онъ ушки-то и развѣситъ. Приласкайся къ нему хорошенько разными ласками—это ему въ диковинку.

Краснова.

Я должна буду противъ сердца говорить.

Жмигулина.

Такъ что-жъ за бѣда! Почемъ онъ знаетъ, что у тебя на сердцѣ. Нешто ему понять, что притворное обращеніе, что настоящее. Ты посмотри, послѣ такихъ твоихъ деликатностей, онъ такъ въ тебя ввѣрится, что ты хоть въ глазахъ у него амурничай, онъ и то не будетъ замѣчать.

Краснова.

Вдругъ надъ собой такой перемѣны не сдѣлаешь.

Жмигулина.

Непремѣнно вдругъ. Чего-жъ тебѣ дожидаться-то!

Краснова.

Онъ теперь на меня дуется; какъ къ нему подойдешь? Не прощенья же у него просить!

Жмигулина.

Зачѣмъ прощенья? (*Подумавъ.*) А ты вотъ какъ сдѣлай; поговори ты дѣду Архипу, что хочешь съ мужемъ помириться, чтобы промежду васъ никакихъ неудовольствіевъ не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что онъ тебя обижаетъ.

Краснова.

Что-жъ, я пожалуй.

Жмигулина.

Мнѣ какъ хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова.

Поди, приведи дѣдушку, онъ въ саду сидитъ. (*Жмигулина уходитъ.*) Что значитъ, коли женщина съ умомъ-то! Хоть бы и понравился кто, такъ она никому виду не подастъ. Мужа такъ обойдетъ, что онъ въ ней и души не чаетъ. А безъ ума-то и попадешься сейчасъ. (*Жмигулина вводитъ Архипа.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Краснова, Жмигулина и Архипъ.

Архипъ.

На что я вамъ? Какія такія у васъ дѣла до меня? Татьяна, ты здѣсь, что-ль?

Краснова.

Здѣсь, дѣдушка.

Архипъ.

Вотъ Лукерья ведетъ меня да говоритъ: „дѣдушка Архипъ дѣло есть!“ Что, думаю, за дѣла такія до меня, стараго!

Жмигулина.

Да вотъ, дѣдушка, сестра на мужа обижается.

Архипъ.

Ну, такъ что-жъ! Промежду мужемъ и женой кто-жъ судья! Пусть какъ хотятъ, такъ и живутъ.

Краснова.

Что за радость такъ-то жить! Лучше бы жить въ согласіи.

Архипъ.

Такъ за чѣмъ же дѣло стало? Ну, живите въ согласіи! Кто-жъ вамъ мѣшаетъ?

Жмигулина.

Вотъ видишь ты: у него очень грубое обращеніе, а мы къ этому не привыкли.

Архипъ.

Погоди ты, не таранти! У ней самой языкъ есть. Говори ты, Татьяна.

Краснова.

Мужъ теперь на меня сердится и не глядитъ совсѣмъ; онъ думаетъ, что я его не люблю, такъ это онъ ошибается.

Жмигулина *(дѣлаетъ знакъ Красновой, чтобъ та говорила).*

Она только его характера боится.

Краснова.

Я его люблю, какъ по закону слѣдуетъ. Если онъ про меня что дурное думаетъ, такъ напрасно. Развѣ я могу промѣнять его на кого-нибудь. Ни въ жизнь этого не сдѣлаю.

Жмигулина.

Еще бы этакого распрекраснаго человѣка! Развѣ она не чувствуетъ.

Краснова.

Если я была въ чемъ передъ нимъ виновата, ну, побранилъ, да и будетъ. Только будь онъ со мной ласковъ, а ужъ я-то всякое уваженіе ему сдѣлаю. Такъ буду угождать, что онъ и не ожидаетъ.

Жмигулина.

Она и мнѣ сколько разъ говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архипъ.

Да что вы другъ за другомъ такъ и погоняете! Сговорились вы, что ли?

Жмигулина.

Да какъ же мнѣ молчать-то? Развѣ мнѣ пріятно видѣть, что сестра, которую я даже обожаю, живетъ съ мужемъ не въ согласіи. (*Дѣлаетъ знаки Красновой.*)

Краснова.

Такъ вотъ, дѣдушка Архипъ, я и хочу тебя попросить, чтобъ ты поговорилъ мужу...

Архипъ.

Постойте! Постойте! Дайте срокъ—не сбейте съ ногъ! Ты говоришь, что мужъ на тебя сердится? Значитъ, ты виновата?

Краснова.

Велика ли моя вина!

Архипъ.

Ну, да велика ли, мала ли, а все виновата. Самой тебѣ, значитъ, покориться не хочется: стыдно,—вотъ ты и просишь меня. Такъ, что ли?

Краснова.

Такъ, дѣдушка Архипъ.

Архипъ.

Отъ сердца ты говоришь, аль такъ, только слова одни?

Краснова.

Отъ сердца, дѣдушка.

Архипъ.

Ну, мнѣ что-жъ. Мое дѣло сторона. Лжешь, такъ Богу отвѣтишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будетъ согласіе, такъ всѣмъ намъ будетъ любо.

Жмигулина.

Ты ему сегодня поговори.

Архипъ.

Какъ придетъ, такъ и поговорю. (*Входитъ Авоня.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Краснова, Жмигулина, Архипъ и Аѳоня.

Архипъ.

Кто вошелъ?

Аѳоня.

Я, дѣдушка Архипъ.

Архипъ.

У насъ нынче праздникъ, Аѳоня. Вотъ Татьяна хочетъ съ мужемъ въ ладу жить, покориться ему хочетъ.

Аѳоня.

Покориться? Покориться? Не вѣрь, дѣдушка Архипъ, обманываетъ.

Архипъ.

Ну, полно, что ты!

Краснова.

Что мнѣ обманывать! Какая корысть?

Аѳоня.

Аль за умъ взялась, какъ братъ пугнулъ-то хорошенько. Давно-бъ ему пора. Да ужъ коли ты взаправду, такъ гордость-то брось. Въ ноги мужу-то, въ ноги кланяйся! Да и намъ всѣмъ, всѣмъ. Всѣхъ ты насъ обидѣла.

Жмигулина *(тихо).*

Не слишкомъ ли много чести будетъ.

Краснова.

За что же я буду мужу кланяться?

Аѳоня.

А за все, что онъ дѣлалъ для тебя. Я самъ видѣлъ, какъ онъ передъ тобой на колѣняхъ ставалъ! Стыдъ головушкѣ! *(Закрываетъ лицо руками.)*

Жмигулина.

Что-жъ, коли ему это нравилось.

Аѳоня.

Не хуже онъ васъ, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними этотъ стыдъ-то съ него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и намъ всѣмъ, и зятю поди поклонись, и сестрѣ.

Краснова.

Ну, еще мужу—сколько-нибудь на дѣло похоже, а вамъ-то за что?

Аѳоня.

А за то, что братъ всѣхъ насъ обидѣлъ за тебя. Съ тебя разладъ-то пошелъ въ семьѣ. Ты ему милѣй всѣхъ стала, милѣй всей родни.

Архипъ.

Уломонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотимъ, а ты опять ссору заводишь.

Жмигулина.

Вотъ и не мужъ, а какого страху задаетъ! А дай-ка ему волю-то, такъ и житья отъ него не будетъ.

Архипъ *(гладитъ по головѣ Аѳоню)*.

Ну, что съ него взыскивать? Онъ больной человѣкъ. *(Входитъ Красновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Архипъ и Аѳоня.

Жмигулина *(Архипу тихо)*.

Лёвъ Родіонычъ пришелъ.

Архипъ.

Никакъ ты, Лёвъ, не обѣдалъ сегодня?

Красновъ.

Некогда было.

Краснова.

Коли угодно, мы сейчасъ подадимъ.

Красновъ *(садится къ столу)*.

Само собою. Ужели-жъ мнѣ не ѣмши быть!

Краснова.

Накрывай, сестра! *(Уходитъ въ кухню. Жмигулина накрываетъ на столъ.)*

Архипъ.

Ты, Лёвъ, въ лавку пойдешь?

Красновъ.

Нѣтъ, ужъ я забрался.

Архипъ.

Дома, что̀-ль, будешь?

Красновъ.

Съ часокъ мѣста побуду, а то надо за рѣку сходить деньги получить. *(Краснова вноситъ чашку щей, ставитъ на столъ и уходитъ съ Жмаулиной. Красновъ, съѣвши нѣсколько ложекъ, задумывается.)*

Архипъ.

Лёвъ! Не вижу я тебя, а словно какъ ты невеселъ пришелъ?

Красновъ.

На что̀, глядя, радоваться-то!

Архипъ.

А тужить-то объ чемъ? Что̀ за горе?

Красновъ.

Мое горе, дѣдъ, мое. Мое собственное. Мнѣ про то и знать.

Архипъ.

Ну, Богъ съ тобой! Твое горе, тебѣ съ нимъ и вѣдаться. *(Помолчавъ.)* А и то сказать, вѣдь, я тебѣ не во́рогъ; хоть и скажешь мнѣ, такъ бѣды не будетъ. Да и жилъ-то я не съ твое, и горя-то видалъ побольше; можетъ, еще что̀ и на пользу скажу.

Красновъ.

Не такое дѣло, дѣдъ, чтобъ совѣта просить! Ничего ты мнѣ не скажешь.

Архипъ.

Глупый ты, глупый! Почемъ ты знаешь? Аль ты себя умнѣй всѣхъ ставишь?

Красновъ.

Да отстань ты! Не до того мнѣ! Ну, что̀ пристalъ! *(Стучитъ съ сердцемъ ложкой по чашкѣ. Входитъ Жмаулина, ставитъ на столъ чашку съ кашей и уходитъ.)*

Архипъ.

Жена-то умнѣй тебя, право умнѣй.

Красновъ.

Кабы умна была, такъ бы слушалась мужа.

Архипъ.

Мало-ль чего нѣтъ! На всякій часъ не опасешься! А ты

за малость гнѣва не держи. Одна вина — не вина, а двѣ вины — полвины; три вины — вина.

Красновъ.

Какова вина! Вина винѣ розь. За другую вину удавить мало.

Архипъ.

Что̀ больно грозно! Понѣ за денной разбой, да и то не вѣшаютъ.

Красновъ.

И кусокъ-то въ ротъ нейдетъ.

Архипъ.

Эко сердце-то у тебя ретивое! Я началъ было про жену-то, это я не спроста. Она прежде тебя за умъ взялась. *(Красновъ слушаетъ.)* Говоритъ: „Дѣдушка Архипъ, замолви за меня мужу словечко! Я, говоритъ, его люблю, только его нраву боюсь. Можетъ, онъ что думаетъ на меня, такъ напрасно. Я его ни на кого не промѣняю. Я, говоритъ, ему всякое угожденіе сдѣлаю, только бы онъ простилъ меня да не сердился".

Красновъ.

Да это точно?

Архипъ.

Аль ты совсѣмъ рехнулся? Врать, что̀ ли, я стану на старости лѣтъ! Она бы и сама тебѣ сказала; ей и хочется покориться-то, да видишь ты: стыдно, ну, и боится.

Красновъ *(встаетъ)*.

Дѣдушка Архипъ, пойми ты меня! Вѣдь, ты знаешь, какъ я ее люблю, нечего тебѣ сказывать! Жили мы съ ней до этого случая ладно; вы всѣ видѣли, души я въ ней не чаялъ. Наѣзжаетъ теперича этотъ баринъ, и вижу я, онъ съ ней разговариваетъ больно слободно: ну, и взяло меня за сердце. Вѣришь ты мнѣ, не помнилъ, что̀ говорилъ, что̀ дѣлалъ. Какъ пошла это она къ нему, жду я ее полчаса — нейдетъ, жду часъ — нейдетъ, такъ меня лихорадка приняла, зубы у меня застучали. Чего тутъ я, чего ни передумалъ! Можетъ, я грѣшу, обижаю ее; можетъ, у ней и въ умѣ-то ничего нѣтъ; да что̀-жъ мнѣ дѣлать-то! Жжетъ меня всего огнемъ, вотъ такъ и жжетъ. Обидѣлъ я ее, это точно, да легко ли мнѣ самому-то? Скажи ты мнѣ, что она умерла сейчасъ — что̀ я надъ собой сдѣлаю, я не знаю, а легче мнѣ будетъ, нечѣмъ у меня ее кто отыметъ. *(Плачетъ.)* Другой денегъ себѣ хочетъ, знати,

а мнѣ ничего не надо, мнѣ только, чтобъ она меня любила. Дай ты мнѣ на выборъ: вотъ, молъ, тебѣ, Красновъ, горы золотыя, палаты царскія, только оставь жену; или вотъ, молъ, тебѣ землянка непокрытая, работа всякая черная, только съ женой жить; я и охъ не молвлю, буду на себѣ воду возить, только бы съ ней быть завсегда. Такъ слушай ты, дѣдушка! Мудрено-ль, что я сгоряча и обидѣлъ ее! Нѣтъ любви, такъ и сердца нѣтъ. А вотъ ты мнѣ говоришь, что она теперь сама покориться хочетъ! Вѣдь, такой радости мнѣ и во снѣ не увидать. Точно у меня гора съ плечъ. Какъ будто я снова на свѣтъ родился! Ну, дѣдушка Архипъ, спасибо тебѣ! Мертвый я былъ человѣкъ, оживилъ ты меня! То-есть, такое мнѣ въ голову лѣзло, что, кажется, и не замолить въ вѣкъ. Близко онъ, окаянный, подлѣ меня ходилъ. Мало того, что въ уши-то шепчетъ, а, сказать-то грѣхъ, *(тихо)* и подъ руку толкаетъ.

Архипъ.

Что ты! на кого?

Красновъ.

Ну, да ужъ что было, то прошло. Впередъ не дай Богъ этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архипъ.

А ты укорачивай сердце-то!

Красновъ.

Охъ, дѣдушка! Радъ бы я укорачивать, да не спохватишься. Въ очахъ у тебя вдругъ смеркается, въ головѣ звенитъ, за сердце словно кто рукой ухватитъ, въ умѣ тебѣ только несчастье да грѣхъ представляются. И ходишь, какъ полоумный, ничего кругомъ себя не видишь. А вотъ теперь отошло отъ сердца, такъ и ничего — полегчало, ровно и не бывало ничего. *(Входитъ Жмигулина и беретъ чашку со стола.)* А гдѣ же Татьяна Даниловна?

Жмигулина.

Она тамъ, въ кухнѣ.

Красновъ.

Зачѣмъ же онѣ въ кухнѣ? Что имъ тамъ дѣлать! Совсѣмъ не мѣсто въ кухнѣ сидѣть! Позовите ихъ сюда. *(Жмигулина уходитъ.)*

Аѳоня *(тихо Архипу)*.

Дѣдушка, будетъ она брату въ ноги кланяться, аль нѣтъ? Коли не будетъ, я уйду.

Архипъ.

Какъ хотятъ, намъ что̀ за дѣло! *(Входятъ Краснова и Жмигулина.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Красновъ, Краснова, Жмигулина, Архипъ и Аѳоня.

Краснова.

Вы меня звали?

Красновъ.

Потому собственно, что вамъ въ кухнѣ сидѣть непристойно-съ.

Архипъ.

Я, Татьяна, ему говорилъ; теперь ужъ, какъ хочешь сама.

Краснова.

Лёвъ Родіонычъ! Если я въ чемъ виновата передъ вами, такъ извините меня. Если вамъ угодно, я вамъ, пожалуй, въ ноги поклонюсь.

Красновъ.

Нѣтъ, зачѣмъ же-съ! Я и такъ могу чувствовать-съ! Нешто я могу васъ допустить до этого, чтобъ вы мнѣ кланялись! Что̀ я тогда буду за человѣкъ!

Краснова.

Я согласна, что̀ угодно сдѣлать, только бы вы на меня не сердились.

Красновъ.

Ничего мнѣ отъ васъ не надобно, кромѣ вашего слова-съ. Вы сказали слово — и конецъ, я вамъ долженъ вѣрить.

Краснова.

Значитъ, вы на меня не сердитесь?

Красновъ.

Никакого сердца-съ! А что я, точно, человѣкъ неполированный, сгоряча пошумѣлъ, такъ за это не взыщите, потому любя-съ.

Жмигулина.

Ахъ, полноте! Кто же на васъ можетъ взыскивать!

Краснова.

Я ужъ и забыла. Мнѣ не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотѣли даже и взглянуть на меня.

Архипъ.

Вѣдь, помирились, ну и будетъ! Что̀ старыя-то дрязги перетряхивать! Вотъ теперь какъ слѣдуетъ поцѣлуйтесь. Такъ все дѣло и пойдетъ своимъ чередомъ.

Краснова.

За этимъ, дѣдушка, дѣло не станетъ. Я съ моимъ большимъ удовольствіемъ! Я ужъ давно хотѣла, да не знала, какъ понравится Льву Родіонычу!

Красновъ.

Если вы съ удовольствіемъ-съ, такъ ужъ я вдвое противъ того-съ! *(Цѣлуются.)*

Жмигулина.

Это только всегда было удивительно видѣть для меня, Лёвъ Родіонычъ, какъ сестра васъ любитъ.

Красновъ.

Что̀-жъ тутъ удивительнаго-съ?

Жмигулина.

Я ее, Лёвъ Родіонычъ, лучше васъ знаю. Она тихаго характеру, она не можетъ вамъ всего высказать, а надобно знать, что̀ она чувствуетъ.

Красновъ.

Тѣмъ для насъ пріятнѣй-съ!

Жмигулина.

Она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ.

Красновъ *(женѣ)*.

Чего же меня робѣть-съ! Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

Жмигулина.

Мы ужъ такъ отъ природы.

Красновъ *(женѣ)*.

Нѣтъ, ужъ вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазритъ. Что̀ я за пугало?

Краснова.

Я васъ не буду бояться, Лёвъ Родіонычъ, я васъ буду любить.

Жмигулина.

Другія изъ нашей сестры вамъ на словахъ всего наскажутъ, чего даже у нихъ и на сердцѣ нѣтъ, а сестра—напротивъ.

Красновъ.

Такъ мы и будемъ васъ понимать. А то иной разъ не знаешь, какъ къ вамъ подойти! Понравится ли еще вамъ!

Краснова.

Вы мнѣ всегда нравитесь.

Аѳоня.

Пойдемъ, дѣдушка Архипъ, на улицу посидѣть!

Архипъ.

Пожалуй, пойдемъ. Теперь у насъ, слава Богу, опять совѣтъ да любовь. Хорошо, когда въ домѣ согласіе! Хорошо, дѣтки, хорошо! *(Уходя.)* Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ! *(Уходятъ.)*

Жмигулина.

Я тугъ залепортовалась, а мнѣ тоже кой-куда сбѣгать надо. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Красновъ и Краснова.

Красновъ *(садится на лавку).*

Ахъ, Татьяна Даниловна, кабы Богъ далъ намъ съ вами вѣкъ прожить въ такомъ согласіи, какъ теперича!

Краснова *(садясь подлъ него).*

Да и проживемъ.

Красновъ.

Вѣдь, вотъ ежели бы вы завсегда съ такой лаской, такъ изъ меня хоть веревки вей. Вы, Татьяна Даниловна, изъ меня лаской все можете сдѣлать.

Краснова *(кладетъ ему руку на плечо).*

Да мнѣ ничего не нужно отъ васъ, я всѣмъ довольна. Только вы не думайте обо мнѣ съ худой стороны. Зачѣмъ вы меня приревновали?

Красновъ *(обнимая ее).*

Ишь, ты какая, обидѣлась! *(Съ любовью смотритъ на нее.)*

Душа ты моя! Что кому дорого, тотъ то и бережетъ. Вѣдь, ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ! Ты какая жена-то? У кого такая есть? Ты на зависть всему городу, нешто я не вижу! Кому захочется такую жену потерять! Первое дѣло: это все одно, что клокъ изъ сердца вырвать, а второе дѣло, мнѣ насмѣшками да укорами проходу не дадутъ, со свѣту сживутъ. Я тебя, надо такъ говорить, больше души своей люблю, и въ помышленіи-то не хотѣлъ бы тебя обидѣть, а вотъ—что ты хочешь—все-таки, думается.

Краснова.

А вы не думайте!

Красновъ.

Ну, да теперь шабашъ.

Краснова *(ласкаясь)*.

Ужъ ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

Красновъ.

Сказано—шабашъ! Цѣлуй-ка ты меня покрѣпче! *(Цѣлуются.)* Вотъ такъ! Сказывай ты мнѣ теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мнѣ привязку имѣть?

Краснова.

Такъ, просто люблю, да и все.

Красновъ.

Нѣтъ, ты сказывай! Мнѣ лестно это слышать отъ тебя. Хочу я знать, что есть такое во мнѣ, что меня такая красавица полюбила? Аль умомъ, аль чѣмъ тебѣ по нраву пришелся?

Краснова.

Да всѣмъ. Что-жъ, кто про тебя дурное скажетъ? Извѣстно, хорошій человѣкъ.

Красновъ.

Ну, а еще что?

Краснова.

Ты очень добръ, ничего не жалѣешь для меня.

Красновъ.

Вотъ что! *(Крѣпко обнимаетъ и цѣлуетъ.)* Ну, такъ люби меня больше, еще добрѣй буду. Что ты морщишься? Аль поизмялъ маленько?

Краснова.

Да ты очень крѣпко.

Красновъ.

Ну, да ужъ ау, братъ! Ничего не подѣлаешь! Какъ люблю, такъ и обнимаю. Значитъ, отъ души, безъ фальши. Небось, не сахарная, не развалишься.

Краснова.

Да я ничего.

Красновъ.

Вѣдь, я знаю, что такъ только. А то на что̀ тутъ жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Такъ, что ли?

Краснова.

Самъ знаешь, что-жъ спрашиваешь!

Красновъ.

Эка жизнь съ бабой-то хорошей! Малина, просто! Разлюбезное дѣло! Нѣтъ-то ничего на свѣтѣ лучше! И что такое это значитъ, что вы нашему брату такъ дороги?

Краснова.

Я не знаю.

Красновъ.

Премудрость, право, премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаемъ одно, что... прилѣпился къ женѣ своей, вотъ и все. Прилѣпился, ну, и кончено дѣло. Когда я теперича съ тобой самъ другъ, такъ мнѣ хоть все огнемъ гори! *(Цѣлуетъ ее.)* Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебѣ обновку куплю.

Краснова.

На что̀! Не надо!

Красновъ.

Коли я говорю, что куплю, стало-быть это мое дѣло. Значитъ, по дѣлу выходитъ, что надо. Ты свое дѣло знай: утѣшай мужа! А я буду свое знать. *(Взглянувъ на часы.)* Э, да ужъ времени-то много! Надоть итти! А не хотѣлось бы мнѣ отъ тебя уходить.

Краснова.

Не ходи!

Красновъ.

Ой, аль и вправду нейти? Да нѣтъ, что̀ баловаться-то! Дѣвушка гуляй, а дѣла не забывай! Не приди нынче за день-

гами, такъ послѣ недѣлю даромъ проходишь. И какъ далеко итти-то! Чтобъ его!... За рѣку, вѣдь! Съ часъ проходишь, прахъ его побери! (*Беретъ картузъ.*) Такъ ты говоришь: погоди!

Краснова.

Да разумѣется!

Красновъ.

Ишь, ты какая! (*Обнимаетъ ее.*) Знаю я вашего брата. Ну, да мало-ль что! А ты вотъ подожди меня часикъ, авось въ часъ-то не умрешь! (*Цѣлуетъ ее.*) Ну, прощай! А то съ тобой, пожалуй, этакъ и вправду останешься. Вѣдь, вы на соблазнъ человѣческій созданы на свѣтѣ! (*Идетъ.*)

Краснова.

Приходи скорѣй!

Красновъ.

Какъ скоро, такъ и сейчасъ. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, раньше часу не обернешься. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Краснова (*вслѣдъ мужу*).

Ну, прощайте! Насилу-то ушелъ. Несчастная я, несчастная! Говорятъ, надо любить мужа; а какъ я могу его любить? Грубый, неотесанный, ласки медвѣжьи! Сидитъ—ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая! Вотъ ужъ ничего бы на свѣтѣ не взяла, кабы не такое теперь дѣло вышло. Что дѣлать-то! И не милъ, да покоряйся! (*Молчаніе.*) Да куда-жъ это всѣ разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! (*Садится къ окну.*) И народу-то никого нѣтъ на улицѣ, поглядѣть не на кого. Куда это сестра дѣлась? (*Запѣваетъ вполголоса:*)

Ахъ, матушка, скучно!
Сударыня, грустно!
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ-занываетъ;
Милъ про то не знаетъ,
Какъ сердце страдаетъ.

(*Входитъ Жмулина.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина.

Что, ушелъ?

Краснова.

Ушелъ.

Жмигулина.

Далеко ли?

Краснова.

За рѣку.

Жмигулина.

Долго проходитъ?

Краснова.

Говоритъ: ближе часу не вернусь.

Жмигулина.

Вотъ бы и сбѣгала. Я сейчасъ тамъ была—онъ дожидается. Сегодня ѣдетъ.

Краснова.

Неужели сегодня? Какъ же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказалъ, вѣдь. Повидала бы я его.

Жмигулина.

Возьми мой платокъ, покройся хорошенько. Ишь, на дворѣ-то совсѣмъ какъ сумерки, никто тебя не узнаетъ.

Краснова.

Не было бы бѣды?

Жмигулина.

Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. Далеко-ль тутъ, мигомъ добѣжишь. Только не засиживайся!

Краснова.

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! *(Покрывается платкомъ.)*

Жмигулина.

То-то-жъ, смотри! Сохрани Господи, Лёвъ Родіонычъ раньше тебя придетъ! Что мнѣ тогда дѣлать! Развѣ сказать, что за нитками, молъ, пошла къ знакомой. Хорошо, какъ повѣритъ. Ты что тутъ съ нимъ одна-то говорила?

Краснова.

Что говорила—не знаю, что теперь дѣлаю—не помню.

Жмигулина.

Ну, бѣги, бѣги! *(Краснова уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Жмигулина *и потомъ* Аѳоня.

Жмигулина *(у окна)*.

Ишь, пустилась! Какъ стрѣла летитъ. А гдѣ бы ей придумать, кабы не я. Вотъ и собой хороша, да какъ ума-то нѣтъ, тоже плохо. Всему-то ее научи; смотри за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Не научи я съ мужемъ помириться, что бы было? Ссора да брань. Она бы, пожалуй, уступить не захотѣла; ну, значитъ, поминутно въ домѣ страженіе, а отъ сосѣдей мараль. А теперь, что хочешь дѣлай: все шито да крыто будетъ. *(Входитъ Аѳоня.)*

Аѳоня.

Гдѣ Татьяна? Гдѣ она, гдѣ она?

Жмигулина.

Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

Аѳоня.

Нужно мнѣ. Говори, гдѣ? Говори, гдѣ?

Жмигулина.

Въ саду, должно быть.

Аѳоня.

Что ты меня дурачишь! Скажи хоть разъ въ жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина.

Можетъ быть, и ушла.

Аѳоня.

Это она, что ли, сейчасъ въ ворота шмыгнула?

Жмигулина.

Должно быть, она. Не за нитками ли пошла? Она давно хотѣла къ сосѣдкѣ сбѣгать.

Аѳоня.

За нитками?

Жмигулина.

Ну да, за нитками.

Аѳоня.

Ты врешь, врешь!

Жмигулина.

Да отвяжись! Что ты пристала! Ты что дѣда-то бросила?

Аѳоня.

Не твое дѣло. Я знаю, куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазамъ по вашимъ видѣлъ: у васъ огни въ глазахъ бѣгали, дьявольскіе огни.

Жмигулина.

Экой ты ехидный мальчишка!

Аѳоня.

Такъ погодите-жъ вы, погодите! Будетъ вамъ насъ обманывать, выведу я васъ на свѣжую воду.

Жмигулина.

Не пугай! не очень тебя боятся.

Аѳоня *(со слезами)*.

Господи, Боже мой! Что̀ это такое? Какого человѣка въ глаза обманываютъ! *(Убѣгаетъ.)*

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Зайчиха.
Курицына.
Аѳоня.
Бабаевъ.
Краснова.

Улица передъ домомъ Зайчихи. Сумерки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Курицына и Зайчиха *(выходятъ изъ калитки)*.

Зайчиха.

И, матушка, что̀ ты! что̀ ты! Какъ можно! Брось, не думай! Тебѣ такъ показалось. Ужъ повѣрь ты мнѣ, что показалось.

Курицына.

Толкуй, показалось! Я еще, слава Богу, не ослѣпла. Ее-ль не узнать! Да я ее сейчасъ изъ тысячи выберу по платью.

У насъ, вѣдь, одна модница-то только и есть; мы по праздникамъ того не надѣваемъ, въ чемъ она по будиямъ ходитъ. Мы это съ тобой изъ двери, а она къ нему въ дверь.

Зайчиха.

Говорю тебѣ, ошиблась. Оно точно, что не безъ грѣха. Есть тутъ одна, бѣгаетъ къ нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мнѣ что! Развѣ бы я не сказала? Да коли неправда, такъ зачѣмъ пустяки говорить.

Курицына.

Ты, вѣдь, потатчица.

Зайчиха.

Не грѣши, Уляша, не грѣши!

Курицына.

Да что за грѣхъ, Прокофьевна! Отъ нея станется; я ее знаю. Больно ей братъ волю далъ. На другую-бъ я не подумала, а на нее и грѣха нѣтъ. Не нынче, такъ завтра начнетъ петли метать, что и концовъ не найдешь. Она брату-то очки на носъ надѣнетъ! А, вѣдь, какъ она меня разобидѣла, кабы ты знала.

Зайчиха.

Ужли?

Курицына.

Съ мѣста не сойти! Брата настроила, тотъ такъ и рычитъ на меня. Знать, говоритъ, тебя не хочу. Вотъ она какая! Да нѣтъ, погоди, милая! Со мной—не съ кѣмъ другимъ.

Зайчиха.

И, полно ты! Что вамъ дѣлить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

Курицына.

Да пропадай она пропадомъ: мнѣ до ней-то дѣла нѣтъ; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутитъ, со всей родней его ссоритъ.

Зайчиха.

Ну, ужъ это ваше дѣло; какъ-нибудь сочтетесь. Ты теперь домой, что ли?

Курицына.

Домой, касатка: ужинать пора. Мой привередникъ-то теперь, чай, ходитъ да покрикиваетъ. Заходи къ намъ-то!

Зайчиха.

Ваши гости. (*Цѣлуются. Прокофьевна уходитъ въ калитку.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Курицына *и потомъ* Аѳоня.

Курицына.

Кто ее знаетъ, вретъ Прокофьевна или нѣтъ. Вѣрить-то ей нельзя, баба-то плутъ. А дорого-бъ я дала, чтобъ мнѣ узнать доподлинно, она теперь у барина или нѣтъ. Нешто подождать? А какъ она тутъ долго, такъ мужъ-то мнѣ такую гонку задастъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь. Ну, счастлива ты, что мнѣ некогда, а то подстерегла бы я тебя. *(Идетъ. Навстрѣчу ей Аѳоня.)* Аѳоня, ты куда?

Аѳоня.

Поди, не трожь меня! не трожь!

Курицына.

Татьяна дома?

Аѳоня.

Нѣтъ, ушла.

Курицина.

Такъ она тутъ, у барина, я ее сейчасъ видѣла.

Аѳоня.

У барина? Господи! Гдѣ же стыдъ-то въ людяхъ!

Курицына.

Ну, я домой побѣгу, скажусь мужу, да и къ вамъ зайду. *(Уходя.)* Погоди, братецъ, погоди, обидчикъ, я теперь тебя отчитаю! (*Уходитъ.*)

Аѳоня.

Батюшки! Силъ моихъ нѣтъ! Какъ тутъ жить на свѣтѣ? За грѣхи это надъ нами! Ушла отъ мужа къ чужому Безъ куска хлѣба въ углу сидѣла, мы ее призрѣли, нарядили на свои трудовыя деньги! Братъ у себя урываетъ, отъ семьи урываетъ, а ей на тряпки дастъ, а она теперь съ чужимъ человѣкомъ ругается надъ нами за нашу хлѣбъ-соль. Тошно мнѣ! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрѣли мы змѣю на своей груди. *(Прислоняется къ забору.)* Буду ждать, буду ждать. Я ей все скажу, все, что̀ на сердцѣ накипѣло. *(Изъ калитки выходятъ Бабаевъ и Краснова. Аѳоня прячется за уголъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аѳоня, Бабаевъ и Краснова.

Бабаевъ.

Чего ты боишься? на улицѣ ни души. И куда ты торопишься? Получасу нѣтъ, какъ ты пришла.

Краснова.

Нѣтъ, нѣтъ! Все какъ-то сердце не на мѣстѣ.

Бабаевъ.

Что̀ у тебя за страхъ такой, я не понимаю. Ну, побранитъ мужъ, да тѣмъ дѣло и кончится.

Краснова.

Вотъ тогда я тоже опоздала; какой онъ страшный сдѣлался, такъ и думала—убьетъ. Страшенъ онъ мнѣ, очень страшенъ! (*Молчаніе.*) Ты скоро опять пріѣдешь?

Бабаевъ.

Черезъ недѣлю, а ужъ много дней черезъ десять.

Краснова.

Эхъ, право, какъ это такъ сдѣлалось! Вѣдь, вотъ кабы по душѣ-то судить: ты въ деревню—и я въ деревню, ты въ Петербургъ—и я за тобой.

Бабаевъ.

Вѣдь, я тебя звалъ съ собой.

Краснова.

Тебѣ хорошо: ты свободный человѣкъ, а я теперь все равно, что въ крѣпости. Вотъ оно мое горе-то. Да и то ужъ не разъ мнѣ въ голову приходило, какъ бы къ тебѣ убѣжать.

Бабаевъ.

И отлично.

Краснова.

Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что̀ мужа обманешь, то и поживешь въ удовольствіе. Все обманъ да обманъ! А что̀ хорошаго обманывать-то? да и противно; не такой у меня характеръ. А догадайся мужъ, что я его не люблю, такъ онъ бранью да попреками меня въ гробъ сведетъ. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу и что я въ ихъ семьѣ лишняя, ну, и отпустили бы меня на всѣ четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто пойметъ!

Ты посмотри, какіе они всѣ грубые да строгіе, а я къ строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нѣтъ.

Бабаевъ.

Таня, ты вотъ что сдѣлай: скажи ему прямо, что ты съ нимъ жить не хочешь. Найми съ сестрой квартирку, я вамъ денегъ вышлю.

Краснова.

Что ты! что ты! и думать нечего. Развѣ онъ отпуститъ. Хоть умирай, да при немъ, у него на глазахъ; лучше ужъ я уйду потихоньку.

Бабаевъ.

Ну, потихоньку.

Краснова.

Охъ, ужъ, право, не знаю! На словахъ-то всѣ мы бойки, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и разумъ потеряешь, особенно я. Ужъ дѣлай ты, какъ знаешь. Что ты мнѣ скажешь, такъ я и буду дѣлать. Вѣдь, ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаевъ.

Разумѣется.

Краснова.

Вотъ правду-то говорятъ, что всѣ мы, бабы, сумасшедшія: сама, вѣдь, замужъ пошла, никто меня не неволилъ, ну такъ и жить бы, какъ по закону слѣдуетъ; а меня вотъ къ тебѣ тянетъ, изъ дому бѣжать хочу. А ты все виноватъ, Валентинъ Павлычъ: черезъ тебя теперь я отъ дому отбилась. Кабы не ты, жила бы какъ-нибудь съ мужемъ, по крайности бы горя не знала.

Бабаевъ.

Прекрасная жизнь! Есть о чемъ жалѣть!

Краснова.

А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно, я не должна тебя много винить, потому что сама кругомъ виновата. Вамъ что думать! ваше дѣло мужское, никто тебя не осудитъ, а намъ за все, про все бѣда. Ну, да что дѣлать! Теперь поздно разбирать, кто правъ, кто виноватъ, а, видно, такъ надобно было этому дѣлу случиться. Только ты не обмани меня, пріѣзжай!

Бабаевъ.

Ну, полно, что ты! Непремѣнно пріѣду.

Краснова *(цѣлуетъ его).*

Прощай! пора мнѣ! Что это, какъ я вся трясусь, ноги такъ и подламываются.

Бабаевъ.

Ты успокойся немного. Пойдемъ, я съ тобой погуляю по берегу; еще успѣешь домой во-время прійти. *(Уходятъ.)*

Аѳоня.

Вотъ, братъ Лёвъ, на кого ты насъ промѣнялъ! погляди, полюбуйся! Кто тебя любитъ-то душою, такъ ты на того звѣремъ смотришь; я сохну, какъ свѣчка; таю все изъ любви да изъ жалости къ тебѣ, а еще ни разу отъ тебя добраго слова не слыхалъ. Въ женѣ ты души не чаялъ, а она, злодѣйка наша, вотъ что дѣлаетъ! Нѣтъ на свѣтѣ правды, нѣтъ! *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Красновъ.
Краснова.
Жмигулина.
Архипъ.
Аѳоня.
Курицынъ.
Курицына.

Комната 3-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Жмигулина *входитъ со свѣчой и ставитъ ее на столъ, потомъ* Аѳоня.

Жмигулина.

Что это Таня нейдетъ! Ужъ пора бы. Эка сумасшедшая! рада, что вырвалась, а того не подумаетъ, что вдругъ, сверхъ всякихъ ожиданій, мужъ вернуться можетъ. Вотъ и вертись, какъ на иголкахъ. Только кто за дверь, такъ сердце и упадетъ. Каждая минута за годъ кажется. Аѳонька еще меня безпокоитъ. Куда онъ дѣлся? ужъ не се-ль стережетъ? Конечно, противъ каждаго его слова можно найти десять отговорокъ, а все-таки, пожалуй, сумлѣніе наведетъ. Ахъ, кто-то

идетъ, неужто самъ! сохрани Господи! Я, кажется, такъ тутъ и умру. (*Входитъ Аѳоня и, охая, ложится на лежанку.*) Ты гдѣ былъ?

Аѳоня.

Гдѣ былъ, тамъ нѣту.

Жмигулина.

Да говори, авось языкъ-то не отвалится.

Аѳоня.

Не хочу я съ тобой говорить.

Жмигулина (*ласково*).

Аль тебѣ, Аѳоня, нездоровится?

Аѳоня.

О, Господи! не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Жмигулина.

Очень нужно тебя обманывать!

Аѳоня.

Брата обманывайте, а меня не обманете. Нѣтъ, нѣтъ.

Жмигулина.

Ты что-то такое говоришь довольно странное для меня.

Аѳоня.

Охъ, моченьки моей нѣтъ! Отойди: не вертись ты на моихъ глазахъ, не мучь ты меня.

Жмигулина.

Тебѣ же хуже, когда ты ласки не умѣешь понимать.

Аѳоня.

Не надо мнѣ, ничего не надо.

Жмигулина.

Ну, такъ и знай свою печку. Ты думаешь, мнѣ нужно? такъ, вѣдь, изъ жалости. (*Молчаніе.*) Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на мѣстѣ. (*Входитъ Красновъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Красновъ.

Красновъ.

Вотъ и я какъ разъ. Каково обернулъ! Я надъ Татьяной Даниловной пошутилъ малость: ждите, говорю, черезъ часъ,

а самъ черезъ полчаса тутъ какъ тутъ, чтобы, значитъ, неожиданно. Оставлялъ чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да гдѣ-жъ онѣ-съ?

Жмигулина.

Да не знаю. Тутъ гдѣ-нибудь. Не въ садъ ли вышла?

Красновъ.

Пошлите ихъ поскорѣй, я имъ хочу за нынѣшнее ихъ уваженіе подарочекъ сдѣлать.

Жмигулина.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Уходитъ.)*

Красновъ *(ходитъ молча, потомъ разсуждаетъ самъ съ собой).*

Пятьдесятъ семь рублевъ, шесть съ костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчаніе.)* Что же онѣ пропали? *(Ходитъ молча.)* Аѳоня, ты не знаешь, куда вышла жена?

Аѳоня

Не знаю. Охъ, неможется мнѣ!

Красновъ.

Да что же онѣ проклаждаются? *(Подходитъ къ двери.)* Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подаютъ. Что же это такое теперича значитъ? Аѳанасій, да гдѣ же жена?

Аѳоня.

Аль соскучился безъ нея? придетъ, не бойся. Гдѣ ни гуляетъ, а домой придетъ.

Красновъ *(у двери).*

Татьяна Даниловна! *(Входитъ Курицына.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Курицына.

Красновъ.

Кто это? это ты, Ульяна?

Курицына.

Я, братецъ.

Красновъ.

Зачѣмъ?

Курицына.

Навѣстить васъ, братецъ, по-родственному.

Красновъ.

Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына.

У васъ, братецъ, сердце, у меня другое; я такъ вотъ не могу объ роднѣ не вспомнить. Гдѣ невѣстушка-то?

Красновъ.

Да гдѣ-то тутъ запропастилась. Кличу ихъ, да не докличусь.

Курицына.

Да можетъ, далеко гдѣ, такъ вашего зова не слышитъ.

Красновъ.

Гдѣ же далеко? Говорятъ тебѣ, что дома.

Курицына.

Кто говоритъ-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Красновъ.

Хоша бы и она.

Курицына.

А ты и повѣрилъ. Эхъ ты простота, простота!

Красновъ.

Уйди, сестра! Уйди отъ грѣха!

Курицына.

Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видѣла, какъ она къ барину прошла.

Красновъ.

Эка роденька у меня! Счастье мое имъ поперекъ горла стало. Варварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за языкъ твой, за проклятый. *(Замахивается.)*

Аѳоня *(встаетъ съ печи)*.

Тише ты, тише! Что буянишь?

Красновъ.

Вмѣстѣ васъ обоихъ на одну осину.

Аѳоня *(заслоняя сестру)*.

Не трожь ее, пальцемъ не трожь! Она правду говоритъ, истинную правду.

Красновъ.

Врете вы, ненавистники! Часу нѣтъ, говорю я вамъ, часу нѣтъ, мы съ ней тутъ сидѣли, цѣловалися, обнималися, въ глаза другъ другу глядѣли, наглядѣться не могли.

Курицына.

Батюшки, да онъ помѣшался! Ты ума рехнулся! Да поди самъ погляди, коли намъ не вѣришь.

Красновъ *(у двери)*.

Лукерья Даниловна!

Курицына.

Кличь, кличь, и она туда-жъ побѣжала. *(Входитъ Курицынъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Курицынъ.

Курицынъ.

Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько ее, чтобъ она изъ дому не бѣгала.

Красновъ.

Да гдѣ же она? Гдѣ же она? Пожалѣйте вы меня: вѣдь, вы изъ меня жилы тянете.

Курицынъ.

Да авось придетъ: не ночуетъ же она тамъ.

Курицына.

Да вы, братецъ, успокойтесь, сядьте!

Курицынъ.

Да всѣ и подождемъ ее, сударушку.

Красновъ.

Ласкала, миловала, крѣпко къ сердцу прижимала. *(Краснова тихо входитъ и оглядываетъ всѣхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Краснова.

Красновъ.

Гдѣ была-побывала? Весело-ль погуляла? Говори, не утаивай! Что-жъ ты молчишь? Говори! Видишь: всѣ на мой срамъ глядѣть сошлись.

Курицына.

Что̀-жъ ты молчишь, безстыжіе твои глаза! Отмолчаться, что-ль, думаешь? Видѣли мы, какъ ты и туда прошла, и назадъ вышла.

Курицынъ.

Топни, братъ, на нее, топни хорошенько, заговоритъ.

Красновъ.

Да не мучь ты меня! Скажи ты мнѣ, какъ на тебя смотрѣть-то, какими глазами? Врутъ, что̀-ль, они?—такъ гнать ихъ вонъ, чѣмъ ни-по́падя! Аль, можетъ, правду говорятъ? Освободи ты мою душу отъ грѣха. Скажи ты мнѣ, кто изъ васъ врагъ-то мой? Была ты тамъ?

Краснова.

Что̀-жъ мнѣ теперь лгать, когда ужъ всѣ видѣли. Была.

Красновъ *(потерявшись)*.

Ну, вотъ, добрые люди, вотъ... вотъ оно дѣло-то! Что̀ же теперь? Какъ же я?... Ну, простите меня, окаяннаго, что я васъ обидѣлъ! Какъ чужія жены — я не знаю, а у насъ вотъ какъ.

Курицына.

Вотъ и посмотримъ теперь на твою спесь. Какъ теперь въ люди носъ-то покажешь, безстыдница! Осрамила брата-то у насъ, осрамила!

Аѳоня.

Змѣя, змѣя!

Курицынъ.

Что̀ на нее смотрѣть-то! Тутъ же ее сейчасъ и расказнить надо. *(Входитъ Архипъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Архипъ.

Архипъ.

Аль наказанье какое божеское? Что̀ за шумъ? Не пожаръ ли?

Курицина.

Да вотъ невѣстушка дѣлъ надѣлала! Кабы я на мѣстѣ брата, такъ бы взяла ее да и разразила.

Красновъ.

Прочь, прочь! Никто, никто пальцемъ не тронь! я ей мужъ, я ей и судья. Ну, скажи мнѣ, что-жъ это ты, какъ? Съ чего ты загуляла-то? Грѣхъ, что ли, тебя попуталъ? сама ты не гадала этого надъ собой, не чаяла? Или своей охотой, что ли, на грѣхъ пошла! Теперь-то ты что? Сокрушаешься объ дѣлахъ своихъ, аль нѣтъ? Аль, можетъ, ты думаешь, что такъ и надо? Говори, что молчишь! Совѣстно тебѣ людей-то теперь, аль весело? Стыдъ-то у тебя есть въ глазахъ, аль рада ты своимъ дѣламъ? Да что, ты каменная, что ли! Валяйся у всѣхъ въ ногахъ, распинайся! Или ужъ прямо мнѣ въ глаза говори, что ты на зло мнѣ сдѣлала! Чтобы мнѣ знать-то, что дѣлать-то съ тобой — жалѣть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила-ль меня; есть ли за что мнѣ хоть пожалѣть-то тебя? Или все ужъ обманывала, что ли? во снѣ, что ли, мнѣ снились мои красные дни?

Краснова *(со слезами)*.

Я виновата, Лёвъ Родіонычъ, я васъ обманула. Не любила я васъ никогда и теперь не люблю. Ужъ лучше вы меня оставьте, чѣмъ намъ обоимъ мучиться. Лучше разойдемтесь!

Красновъ.

Какъ разойтись? Куда разойтись? Нѣтъ, врешь! А на комъ же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня барышня любитъ распрекрасная. На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь взять? Пошла въ кухню! Не умѣла быть женой, будешь кухаркой! Не умѣла съ мужемъ ходить объ руку, ходи по воду. Ты меня въ одинъ день состарила, и я теперь надъ твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдетъ солнце красное, кромѣ тычка наотмашь да попрека, не дождешься ты отъ меня весь свой вѣкъ; развѣ какъ-нибудь, подъ сердитую руку, убью тебя, какъ собаку. Да подайте мнѣ ножикъ! *(Краснова убѣгаетъ.)*

Аѳоня.

Братецъ! братецъ! Она уйдетъ, уйдетъ сейчасъ.

Красновъ.

Не уйти ей отъ меня.

Аѳоня.

Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались уѣхать въ деревню.

Красновъ.

Да кто-жъ у меня ее возьметъ, коли я ее не отдамъ? Гдѣ это такая сила есть на свѣтѣ, которая у меня ее отыметъ? Только развѣ съ руками оторвутъ.

Аѳоня *(заглядывая въ дверь)*.

Братецъ! собирается. Уйдетъ, братецъ!

Красновъ *(отталкивая его)*.

Прочь! отъ мужа только въ гробъ, больше никуда! *(Уходитъ. Слышенъ крикъ Красновой: „Пустите меня.“ Возвращается.)* Вяжите меня! я ее убилъ.

Аѳоня.

Ништо ей!

Курицына.

Ахъ, голубчикъ! Что теперь съ твоей головушкой будетъ?

Архипъ.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Ведите меня къ нему! *(Аѳоня подводитъ.)* Что ты сдѣлалъ? Кто тебѣ волю далъ? Нешто она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты, гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій! Вяжите его!

Курицынъ.

Не ждалъ, не гадалъ, а въ бѣду попалъ! Бѣда не по́-лѣсу ходитъ, а по́-людямъ.

КОЗЬМА ЗАХАРЫЧЪ МИНИНЪ. СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ. СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(25 августа 1611 года.)

ЛИЦА:

Козьма Захарычъ Мининъ, Сухорукъ, земскій староста Нижняго посада.

Иванъ Ивановичъ Биркинъ, стряпчій, присланный въ Нижній Ляпуновымъ для совѣта.

Василій Семеновъ, дьякъ, старый человѣкъ.

Алексѣй Михайловичъ Поспѣловъ, боярскій сынъ.

Петръ Аксеновъ, старикъ, богатый торговый человѣкъ.

Баимъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ.

Романъ Пахомовъ, боярскій сынъ } гонцы изъ Москвы.

Родіонъ Моисѣевъ, посадскій }

Василій Лыткинъ (лѣтъ 50-ти) }

Павелъ Темкинъ (лѣтъ 35-ти) } торговые люди.

Семенъ Губанинъ (лѣтъ 20-ти) }

Гриша, юродивый мальчикъ.

Павликъ (писчикъ), писарь Биркина.

Марѳа Борисовна, богатая вдова.

Всякіе люди нижегородскіе обоего пола.

Часть Нижняго посада, близъ Кремля: направо и налѣво деревянныя лавки, на заднемъ планѣ деревянный гостиный дворъ, за нимъ видна гора и стѣны Кремля; налѣво, въ заднемъ углу, на пригоркѣ, башня и ворота въ Кремль; направо продолженіе Нижняго посада. Вдоль лавокъ деревянные мостки съ навѣсомъ для пѣшеходовъ; у растворовъ скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ гостиномъ дворѣ торговцы въ лавкахъ и у лавокъ; проходитъ народъ, нѣкоторые останавливаются и покупаютъ разныя вещи. Слышны голоса: „Здѣсь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди зипунъ! Изъ Ревмы, съ оторочкой“. Петръ Аксеновъ *сидитъ на скамьѣ у своей лавки (крайней справа).* Василій Лыткинъ *входитъ, отпираетъ крайнюю лавку съ противоположной стороны, заставляетъ ее скамьей и подходитъ къ Аксенову.*

Аксеновъ.

Здорово-ль, кумъ?

Лыткинъ.

Здорово, Петръ Аксенычъ.
Тебя какъ милуетъ Господь?

Аксеновъ.

Спасибо!
Живемъ-таки. Что̀ Господа гнѣвить!
Откуда, Вася?

Лыткинъ.

Съ низу, изъ Казани;
да позамѣшкался въ дорогѣ малость.
Домашніе здоровы-ль?

Аксеновъ.

Всѣ здоровы.

Лыткинъ.

Не слышно-ль изъ Москвы какихъ вѣстей?

Аксеновъ.

Хорошаго не много.

Лыткинъ.

Да ужъ гдѣ намъ!
Не до хорошаго теперь, Аксенычъ!
Поменьше бы худого, такъ и ладно.

Аксеновъ.

Толкуютъ много. Можетъ, что̀ и есть
Новѣе, только хуже ужъ навряд ли.

Лыткинъ.

А что?

Аксеновъ.

Да яко бы, грѣхъ нашихъ ради,
Святого патріарха Ермогена
Михайла Салтыковъ да воръ Антоновъ
Съ его вселенскаго престола свергли
И въ тѣсномъ заточеніи томятъ. *(Тихо.)*
Толкуютъ, что Михайла Салтыковъ
Ножомъ на патріарха замахнулся,
И проклятъ имъ отъ нынѣ и до вѣка,
Собака!

Лыткинъ.

Ой! Ужли? Ахъ, грѣхъ какой!

Аксеновъ.

Какъ терпитъ праведный Господь злодѣямъ!

Лыткинъ.

Бѣда намъ, Петръ Аксенычъ, всѣмъ бѣда!
Вотъ до чего дожить намъ привелося!
Я вотъ боюсь, у насъ-то все ли тихо?

Аксеновъ.

Здѣсь тишь да гладь, да Божья благодать.
Какъ за стѣной, живемъ за воеводой
Алябьевымъ. Дай Богъ ему здоровья!
Да и въ народѣ смуты не слыхать;
Мордва да Черемиса задурила,
Да присмирѣла.

Лыткинъ.

Что Кузьма Захарьичъ?

Аксеновъ.

Душой болѣзнуетъ, скорбитъ. Самъ знаешь,
Не радуетъ ничто. О земскомъ дѣлѣ
Печалится одинъ за всѣхъ.

Лыткинъ.

Здоровъ ли?

Аксеновъ.

Богъ милуетъ. Кузьма Захарьичъ дорогъ
Нижегородцамъ. За его здоровье
Всѣ молимся. Онъ твердо, неослабно

За вѣру православную стоитъ;
По площадямъ да по базарамъ ходитъ,
Разумными рѣчами утверждаетъ
Въ народѣ крѣпость!

Лыткинъ.

Что и говорить!
Радѣтель!

Аксеновъ.

Диво это, братъ Василій,
Какъ умудрилъ его Господь рѣчами!
Насъ, стариковъ, къ себѣ сбираетъ на домъ,
Да и бесѣдуемъ до поздней ночи;
Ты, какъ дуракъ, сидишь, разиня ротъ,
Вотъ такъ тебя слеза и прошибаетъ,
Все слушалъ бы, кажись, и не ушелъ бы
Вотъ какова его бесѣда!

Лыткинъ.

Что же
Онъ говоритъ такое?

Аксеновъ.

Эхъ, братъ Вася,
Зачѣмъ тебѣ чужое дѣло знать!
Чай, своего довольно!

Лыткинъ.

Не чужіе
Ни ты, ни онъ: свои, чуть не родные.

Аксеновъ.

Свои-то мы свои, да вотъ что, другъ:
Ужъ очень это дѣло-то велико,
А у тебя языкъ некстати дологъ.
А вѣришь ли, такъ душу и мутитъ,
Когда святое дѣло осрамляютъ
Рѣчами праздными. Зѣло противно!
Какъ если пёсъ какой нечистымъ рыломъ
Нанюхаетъ на трапезѣ хлѣбъ-соль:
Такъ все одно и это.

Лыткинъ.

Я, Аксенычъ,
Вотъ видитъ Богъ, ни слова!

Аксеновъ.

Не божись!
Ну, слушай; да языкъ-то за зубами
Подерживай! Затѣи-то велики,
А что̀ дастъ Богъ, увидимъ. Самъ ты знаешь,
Что вѣра гибнетъ, что ругатель врагъ
Насъ одолѣлъ, что православнымъ тѣсно,
Что стонъ и плачъ сиротъ и горькихъ вдовъ,
Какъ дымный столбъ, на небеса восходитъ.
Вотъ, глупый человѣкъ, мы и толкуемъ,
Что легче смерть отъ острія меча,
Чѣмъ видѣть, какъ ругаются святыней;
Вотъ и толкуемъ, какъ бы ополчиться,
Да либо помереть ужъ, либо Русь
Отъ иноземцевъ и воровъ очистить,
Отъ всякой по̀гани.

Лыткинъ.

Аксенычъ, страшно!
Въ разоръ насъ разорятъ и животишки
Пограбятъ всѣ: куда съ дѣтьми дѣваться!
Не трогаютъ, такъ и сидѣть бы смирно.
Куда ужъ лѣзть!

Аксеновъ.

Да ты крещенъ, аль нѣтъ?
Аль животы тебѣ дороже вѣры?
А братія? А слезныя писанья
Изъ-подъ Москвы? И это ничего!
Пусть умираютъ, намъ тепло да сыто!

Лыткинъ.

Не обижай! Я отъ міру не прочь.
Ужъ коли всѣ, и я.

Аксеновъ

Смотри, Василій!
Рцы слово твердо и назадъ не пяться.

(Подходятъ Темкинъ и Губанинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Темкинъ и Губанинъ.

Темкинъ (*Лыткину*).

А, живая душа! Воротился? За барышами ѣздилъ, съ татарами торговалъ?

Губанинъ.

Какъ ему не торговать!

Темкинъ.

Хорошо ли съѣздилъ? Чай, мошну-то туго наколотилъ?

Лыткинъ.

Да, наколотилъ, какъ же! Ты спроси, свои-то цѣлы ли. Нажилъ добра! На харчи не хватило.

Губанинъ.

И какъ это тебѣ только не стыдно людей морочить! Вѣстимо, даромъ не поѣдешь! Что, мы тебя ограбимъ, что ли?

Лыткинъ.

Не къ тому, другъ, что ограбишь. Гдѣ ограбить! А вотъ, право тебѣ, какъ Истиннымъ...

Темкинъ.

А я вотъ что скажу: доведись мнѣ, я бы тебя ограбилъ.

Лыткинъ.

Что ты, что ты! Въ своемъ ли ты разумѣ?

Темкинъ.

Да ужъ ограбилъ бы: вѣрно говорю. За то за самое, что денегъ у тебя больше всѣхъ, а ты все сиротой притворяешься.

Лыткинъ.

Нечего въ чужой мошнѣ считать, ты считай въ своей!

Губанинъ (*увидавъ Поспѣлова, который выходитъ изъ Кремля*).

Вонъ Алексѣй Михайловичъ идетъ.

Темкинъ.

Вотъ душа-человѣкъ! Нужды нѣтъ, что изъ боярскихъ дѣтей, а много проще нашего брата будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Поспѣловъ.

Аксеновъ.

Куда гулять изволишь, Алексѣй
Михайловичъ?

Поспѣловъ.

Пришелъ тебя провѣдать.

Аксеновъ.

Спасибо! Ты отколь?

Поспѣловъ.

Я изъ собора.
Вѣстей несу; да только не взыщите,
Немного радости. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосеичъ прибѣжали
Изъ-подъ Москвы, отписки привезли.

Аксеновъ.

Ты видѣлъ ихъ?

Поспѣловъ.

Нѣтъ, не видалъ; Кузьма
Захарьичъ сказывалъ. Къ нему и стали
Сряжаются на воеводскій дворъ
Несть грамоту отъ патріарха.

Аксеновъ.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между враговъ безтрепетно проходятъ
Къ святому патріарху и разносятъ
По всей землѣ его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексѣй Михайлычъ,
Ужъ худо-ль, хорошо ли—не томи,
Разсказывай, какія слышалъ вѣсти.

Поспѣловъ.

Прокопъ Петровичъ Ляпуновъ убитъ
Казаками.

Аксеновъ.

Да что же за напасти
Такія!

Губанинъ.

Вотъ бѣда-то, вотъ поруха
Для дѣла земскаго!

Аксеновъ.

Кабы не ты
Разсказывалъ, ни въ жизнь бы не повѣрилъ.

Лыткинъ.

Теперь такое время, Петръ Аксенычъ,
Хорошему не вѣрь, а что дурное
Услышишь, это, братъ, ужъ вѣрно правда.

Темкинъ.

Такъ подошло, хоть не живи на свѣтѣ!

Аксеновъ.

Бѣдамъ конца не видно. Знать, Господь
Намъ прегрѣшеній нашихъ не отпуститъ
И до конца насъ хочетъ погубить.

Поспѣловъ.

Да, Петръ Аксенычъ, времена плохія!
Москва разорена, въ народѣ шатость
Да рознь: за что стоять не знаютъ,
Цѣлуютъ крестъ невѣдомо кому!

Аксеновъ.

Еретикамъ, латинцамъ, да ворамъ,
Кому попало.

Поспѣловъ.

Новгородъ великій
Изъ Швеціи царевича зоветъ;
А. сынъ Жигмонтовъ, Владиславъ царевичъ,
Въ Москву идетъ; во Псковѣ новый воръ,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкинъ сынъ, Ивашко, тоже царь.

Аксеновъ.

А что же рать, что подъ Москвою въ сборѣ?
Что воеводы?

Поспѣловъ.

Розно разошлись—

Которые домой, другіе грабить.
Что воры не успѣли, то они
У православныхъ христіанъ растащатъ.

Аксеновъ.

Ужли-жъ совсѣмъ оставили Москву?

Поспѣловъ.

Остались подъ Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаманъ Заруцкой.

Аксеновъ.

А что-жъ они?

Поспѣловъ.

Они-то? Цѣловали
Псковскому вѣдомому вору крестъ.
Всѣ пошатнулись.

Аксеновъ.

Наше мѣсто свято! *(Вбѣгаетъ юродивый.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и юродивый.

Аксеновъ.

Откуда, Гриша?

Юродивый.

Ась?

Аксеновъ.

Откуда, молъ?

Юродивый.

Въ монастырѣ обѣденку стоялъ,
И панихиду пѣли, поминали...

Аксеновъ.

Кого?

Юродивый

Раба Прокофья.

Аксеновъ.

Упокой,
Господь, въ святыхъ Твоихъ селеньяхъ душу
Раба Прокофья!

Всѣ.

Упокой, Господь!

Юродивый.

Онъ, говорятъ, былъ добрый. Я поплакалъ
И помянулъ. Подайте на дорогу!

Поспѣловъ.

Прими! *(Подаетъ и уходитъ въ лавку с Аксеновымъ.)*

Лыткинъ.

Аль ты куда собрался, Гриша?

Юродивый.

Далеко. Длинная дорога; встанетъ —
Такъ до неба достанетъ. Все песками
Сыпучими, да темными лѣсами
Дремучими.

Лыткинъ.

Куда-жъ дорога, Гриша?

Юродивый.

Къ честнымъ обителямъ.

Лыткинъ.

Одинъ пойдешь?

Юродивый.

Нѣтъ, много, много.

Лыткинъ.

Что онъ говоритъ?
Сулитъ дорогу, а куда? Извѣстно,
Одна дорога; значитъ, всѣ помремъ;
И, надо полагать, что это вскорѣ.

Губанинъ.

Нѣтъ, надо быть, что о другой дорогѣ
Онъ говоритъ.

Темкинъ.

Его не разберешь,
Убогой онъ у насъ и малоумный.

Юродивый *(со слезами)*.

Нѣтъ, вотъ что: храмы тамъ безъ богомольцевъ,
Безъ пѣнія. Подайте на дорогу!

(Бѣжитъ по сценѣ. Всѣ расходятся по лавкамъ. Входятъ Биркинъ и Семеновъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Семеновъ и Биркинъ.

Семеновъ.

Ну, вотъ, Иванъ Иванычъ, твоего
Отца и благодѣтеля не стало.
Всѣмъ горе, а тебѣ, чай, вдвое.

Биркинъ.

Что-жъ!
Всѣ подъ Богомъ. Слезами не поможешь!
Всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!

Семеновъ.

Это такъ;
А все-таки, тебѣ онъ благодѣтель,
Понеже въ люди вывелъ, далъ дорогу.

Биркинъ.

Самъ виноватъ, гордыня обуяла,
Да и къ тому-жъ съ казаками не ладилъ.

Семеновъ.

И по писанію, блаженъ тотъ мужъ,
Кто къ нечестивымъ на совѣтъ не ходитъ;
Съ ворами какъ же ладить! Не бери
Грѣха на совѣсть! Лихомъ поминать
Не слѣдъ тебѣ такого воеводу.
Его-жъ убили, онъ же виноватъ!
Не говори! Грѣшишь, Иванъ Иванычъ!

Биркинъ.

Кого-жъ винить? Бояръ?

Семеновъ (*со вздохомъ*).

И не бояръ.
Намъ осуждать бояръ не подобаетъ,
Мы молоды съ тобой и худородны.
А виноватъ во всемъ злохитрый врагъ,
Злокозненный діаволъ, ненавистникъ
Спасенья нашего. Онъ искони
Враждуетъ, искони злоумышляетъ
Расхитить Божье стадо и украсть
И погубить въ конецъ. Его-то дѣйствомъ

Междоусобіе и рознь межъ нами,
Вражда и ложь, и дьявольская прелесть,
И въ прелести смятеся вся земля.

Биркинъ (*оглядываясь*).

А въ Нижнемъ шатости не замѣчаешь?

Семеновъ.

Нѣтъ, Богъ хранитъ пока.

Биркинъ.

А знаешь что?
Вѣдь, Нижній—ключъ всей Волги; за него бы
Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣпу заплатили,
Кабы привесть къ присягѣ. Воеводой
Быть можно. А тебя въ Москву, въ дьяки
Въ любой приказъ.

Семеновъ.

Ты шутишь, аль смѣешься?

Биркинъ.

Какъ хочешь понимай!

Семеновъ.

Какъ понимать!
Измѣнникомъ я не былъ и не буду,
И съ дьяволомъ быть въ долѣ не хочу;
Зане отступникамъ страшна кончина!
Идутъ во адъ, и во святыхъ церквахъ
Поминовенья о такихъ не будетъ,
И приношенья непріятны Богу,
И будетъ имъ мученье безъ конца.

Биркинъ.

Я пошутилъ съ тобой.

Семеновъ.

Иванъ Иванычъ,
Шути съ кѣмъ помоложе. Этихъ шутокъ
Я не люблю, онѣ подвохомъ пахнутъ.

Биркинъ.

Ну, не сердись! не любишь, такъ не стану
Шутить съ тобой; намъ ссориться не слѣдъ:
Неладно въ Нижнемъ.

Семеновъ.

Полно, что̀ пугаешь,
Иванъ Иванычъ; какъ тебѣ не грѣхъ!

Биркинъ.

И знаешь, кто у насъ заводитъ смуту?

Семеновъ.

Кому же заводить?

Биркинъ.

Кузьма Захарьевъ.

Семеновъ.

Не вѣрю, быть не можетъ.

Биркинъ.

Погоди,
Дай срокъ, увидишь самъ. Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что̀-то
И по ночамъ сбираются къ нему.

Семеновъ.

Нѣтъ.

Биркинъ.

Ты не спорь со мной; развѣдай лучше!

Семеновъ.

Да нѣтъ же, говорю.

Биркинъ.

Не ошибись!

Семеновъ.

Не ошибусь я въ этомъ человѣкѣ.
Кузьму я знаю вдоль и поперекъ:
Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ;
А все-таки, души онъ не продастъ;
Сгрубить—сгрубитъ, а смуты не затѣетъ.

Биркинъ.

Отъ грубости до мятежа далеко-ль!
Я не люблю, кто бойко говоритъ.

Семеновъ.

Да у меня, вѣдь, горломъ не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

Биркинъ.

На то мы власти, чтобы насъ боялись;
Мы черный людъ, какъ стадо бережемъ,
Какъ стадо долженъ онъ повиноваться.

Семеновъ.

Я при царѣ Иванѣ началъ службу,
Въ дьякахъ состарѣлся и посѣдѣлъ.
Ужъ мы съ Кузьмой не первый годъ воюемъ;
Ты слово, а онъ десять, да зубъ за зубъ.

Биркинъ.

Наскочитъ на меня, такъ будетъ помнить.

Семеновъ.

Ну, и тебя-таки честитъ изрядно,
И за глаза все Тушинымъ коритъ,
А тушинцамъ у насъ почету мало;
На Волгѣ ихъ не любятъ.

Биркинъ.

Не бѣда!
Насильно милъ не будешь! Ужъ народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новогородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.
Некстати говорливы! Вотъ ты здѣшній,
Не тушинскій; а тоже говорятъ,
Что ты берешь посулы, что съ живого
И съ мертваго дерешь, не разбираешь.

Семеновъ.

Да кто же говоритъ?

Биркинъ.

А все Кузьма.

Семеновъ.

Не вѣрь, Иванъ Иванычъ! Все напрасно;
Посуловъ не беру. Онъ злымъ поклепомъ
Меня обноситъ. Да ты самъ ли слышалъ?

Биркинъ.

Самъ слышалъ.

Семеновъ.

Не снесу такой обиды,
Пойду челомъ ударю воеводѣ.

Биркинъ.

Я говорю тебѣ, что онъ мятежникъ;
Съ народомъ шепчетъ, а властей ругаетъ;
Небось, безъ умыслу? Да кто-жъ повѣритъ!

Семеновъ.

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вѣшайте.

Биркинъ.

А ты пока молчи,
Умѣй скрывать обиду; дожидайся
Поры да времени. Онъ не уйдетъ
Отъ нашихъ рукъ, запомни это слово.
Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца сослѣдитъ;
Волкъ травленый, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подьячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, онъ и задалъ тягу.
Теперь веревки, какъ огня, боится.

Семеновъ.

Да, можетъ быть, и не своей виной
Въ бѣду попался?

Биркинъ.

Мнѣ какое дѣло!
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.
Ну, и писать гораздъ, мнѣ то и нужно.
Да мы еще съ тобою потолкуемъ.
Куда пойдешь отсюда?

Семеновъ.

На Оку,
Стерлядокъ искупить недорогихъ бы.

Биркинъ.

Такъ вмѣстѣ и пойдемъ! И я туда же.

(Уходятъ. Изъ Кремля выходитъ Мининъ, за нимъ нѣсколько посадскихъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Мининъ

Голоса.

Кузьма Захарьичъ идетъ! Кузьма Захарьичъ идетъ!

(Аксеновъ, Поспѣловъ, Лыткинъ и нѣсколько торговцевъ выходятъ изъ лавокъ.)

Мининъ *(Лыткину).*

А, милый человѣкъ! Какъ поживаешь?

Лыткинъ.

Нештò! таки живемъ; а все тоска,
Кузьма Захарьичъ. Вѣришь ли ты, руки
Отъ дѣла отымаются, и хлѣбъ
На умъ нейдетъ.

Мининъ.

Да, годы испытанья
Наслалъ Господь.

Лыткинъ.

Все боязно, Кузьма
Захарьичъ. Не знаю, чтò и дѣлать,
Да какъ и быть!

Мининъ.

Надѣяться на Бога
Да денежку на черный день пасти!

Аксеновъ.

Скажи намъ что-нибудь, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Дурныя вѣсти изъ Москвы.

Аксеновъ.

Мы знаемъ.

Мининъ.

Мнѣ Богъ гостей послалъ. Романъ Пахомычъ
Да Родіонъ Мосеичъ, по старинной
Любви и дружбѣ, стали у меня.
Разсказами всю душу истерзали.
Въ Москвѣ не ладно; надо такъ сказать,
Что хуже не бываетъ. Владиславу

Одни послѣдствуютъ, другіе вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Такихъ отступниковъ, да страхомъ сильны.
И тѣ, которые за патріарха,
Стоятъ неявственно, бѣды боятся.
А на него-то наша вся надежда.
Онъ наше утвержденіе и столпъ,
Онъ твердый адамантъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громитъ безстрашно
Предателей. Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И изъ темницы умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно.
Пахомову не разъ онъ говорилъ:
„Спасенье русское придетъ отъ Волги.
Хорошій, говоритъ, и чистый край!
Снеси ты имъ мое благословенье!“
Не обезсудьте, что сказалъ вамъ мало!
У самого-то въ головѣ не ладно;
Прокопъ Петровичъ изъ ума нейдетъ.
Пойдемъ-ка, потолкуемъ, Петръ Аксенычъ!

(Кланяется на всѣ стороны; всѣ расходятся по лавкамъ. Мининъ и Аксеновъ входятъ на мостки и садятся на скамью подлѣ лавки Аксенова. Поспѣловъ стоитъ у лавки. Съ Нижняго посада выходятъ Козлковъ и трое стрѣльцовъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Козлаковъ и стрѣльцы.

Козлаковъ и стрѣльцы *(поютъ)*.

Намъ на Волгѣ жить,
Все ворами слыть;
На Яикъ итти,
Переходъ великъ;
Подъ Казань итти,
Грозенъ царь стоитъ.

Козлаковъ *(увидя Минина)*.

А! Богъ тебя люби, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Ступай своей дорогой.

Колзаковъ.

Азъ есмь бражникъ!

Мининъ.

Я вижу.

Колзаковъ.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человѣкъ.

Мининъ.

Тебѣ же хуже!

Колзаковъ.

Нельзя не пить: такое время! Вотъ что!
Ты думаешь, я съ радости; я съ горя.
Разстройство! Не возьмешь питьмъ! А помнишь,
Какъ помоложе быль, такъ дѣло дѣлаль:
Царю Ивану царства покорили.
А что теперь! Ходили съ воеводой,
И бились тоже, крови не жалѣли;
А съ чѣмъ пришли? Въ глаза-то людямъ стыдно
Глядѣть. Какой я воинъ, братецъ! Срамъ!
И что мы за люди! Прощенья просимъ!

(Отходитъ со стрѣльцами на другую сторону.)

Стрѣльцы *(поютъ)*.

Намъ итти-ль, не итти-ль
На Иртышъ на рѣку,
На Иртышъ на рѣку,
Подъ Тоболъ-городокъ.

(Скрываются. Выходитъ Марѳа Борисовна, за ней двѣ женщины одѣляютъ деньгами нищихъ. Мининъ идетъ къ ней навстрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

Марѳа Борисовна.

А я тебя ищу, Кузьма Захарычъ!
Ты у обѣдни былъ?

Мининъ.

Привелъ Господь,
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марѳа Борисовна.
Панихиду слушалъ?

Мининъ.
Я панихиду самъ и заказалъ.

Марѳа Борисовна.
Ужъ ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Ужъ кто же, какъ не ты!
Вотъ горе-то на насъ, Кузьма Захарьичъ! (*Плачетъ.*)
Вѣдь, я не знала.

Мининъ.
Ночью вѣсть пришла.

Марѳа Борисовна.
Какъ услыхала въ церкви, обмерла;
Стою, себя не помню: позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой къ себѣ, сижу да разливаюсь,
Какъ будто только мнѣ и дѣла; точно
Я не хозяйка въ домѣ. Да ужъ послѣ
Хватилась. Разогнала всѣхъ людей
По бѣднымъ, одѣлить хоть понемногу,
Да звать обѣдать. Приказала стряпкамъ
Для нищей братіи обѣдъ готовить.
Зайди, Кузьма Захарьичъ, да зови,
Кого увидишь; вмѣстѣ помянули-бъ,
Чѣмъ Богъ послалъ.

Мининъ.
Благодарю за ласку,
А ужъ не знаю, какъ тебѣ сказать!
Есть дѣло земское: отъ патріарха
Гонцы сегодня прибѣжали ночью;
Такъ надо бы на воеводскій дворъ
Итти. Чай, позовутъ.

Марѳа Борисовна.
Такъ ты попозже!
Ужъ очень скучно; хоть поговорить бы,
А то изныло сердце.

Мининъ.
Все отъ думы,
Дѣла не радуютъ. Я и пришелъ бы,

Да у меня у самого-то гости:
Изъ Решмы мужичокъ, изъ Балахны,
Да изъ Москвы. Гостей таки-довольно.

Марѳа Борисовна.

Покорно просимъ и съ гостями!

Мининъ.

Ладно!

Марѳа Борисовна.

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

Мининъ.

Прощенья проспмъ, Марѳа
Борисовна! Благодарю за память!

(Марѳа Борисовна уходитъ. Аксеновъ и Поспѣловъ выходятъ къ Минину. Павликъ пробирается въ лавку къ Лыткину.)

Поспѣловъ.

Объ чемъ это, Кузьма Захарьичъ, Марѳа
Борисовна съ тобою говорила?

Мининъ.

Къ себѣ звала.

Поспѣловъ.

Пойдешь?

Мининъ.

Нельзя нейти.
Ее грѣшно обидѣть! Приходите
И вы!

Аксеновъ.

Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что̀ день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты, и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копейка.

Поспѣловъ.

Кто-жъ ее не знаетъ!

Аксеновъ.

На вольномъ свѣтѣ много лѣтъ я маюсь;
А, что̀ грѣшить, не приводилось видѣть
Такого дива. Баба молодая,
Живетъ въ міру, безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смиреніемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣть не желаетъ.
Другой ханжа: такъ всѣмъ нарочно кажетъ
Свой тощій обликъ, я-де вотъ пощусь.
Вотъ иногда сберутся наши бабы —
Ну, праздничное дѣло, ужъ извѣстно,
Не всѣ-то трезвы—къ ней-то и пристанутъ:
„Да выпей съ нами!“ — „Рада-бъ“, говоритъ,
„Да я вчера, признаться, согрѣшила:
Съ подругой все сидѣла, да тянула
Я медъ, такой-то сладкій показался,
Не утерпѣла. Нынче не просите!“
Она, чтобъ не обидѣть ихъ, а тѣ
Смѣются сдуру, весело имъ, видишь;
Ихъ полку прибыло. А ей до меду-ль!
Какой тутъ медъ! И мяса-то не ѣстъ.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власяницѣ, въ теремѣ своемъ,
Съ безсчетными поклонами земными,
А утромъ весела, на пиръ идетъ.
Онѣ смѣются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалятъ.
Сама не пьетъ, а любитъ угостить:
Я бражничалъ у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что-жъ, коли зоветъ,
Уважить надо.

Мининъ.

Мы пойдемъ. А ты?

Аксеновъ.

Недужится, ужъ старъ. Былъ помоложе,
Такъ по гостямъ ходилъ; теперь и дома
Такъ только впору. Можетъ, и приду,
Коль удосужусь, да не разнедужусь. *(Уходитъ въ лавку.)*

Поспѣловъ.

Кузьма Захарьичъ! я къ тебѣ съ поклономъ,
Замѣсто батюшки родного будь!
Мнѣ жизнь не въ жизнь: съ утра до поздней ночи
И съ вечера до утренней зари
Все объ одномъ я думаю-гадаю,
Одно мнѣ сна-покою не даетъ.
Ты наведи меня на умъ на разумъ,
Прямую путь-дорогу покажи!

Мининъ.

О чемъ тоскуешь?

Поспѣловъ.

Какъ бы это молвить?
Такое дѣло, и сказать-то стыдно,
И утаить-то грѣхъ передъ тобой
Иль бѣсъ мутитъ, иль ужъ судьба такая,
Такой предѣлъ на долю вышелъ: Марѳа
Борисовна все изъ ума нейдетъ.
Повѣришь ли, все я объ ней жалѣю.
Мнѣ жаль ее, что сиротой живетъ,
Одна, какъ перстъ, никто не приласкаетъ,
Печаль-заботу не съ кѣмъ подѣлить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубитъ
И, по-родному, крѣпко обойметъ?
Она о бѣдныхъ плачетъ, слезы прячетъ,
А я объ ней. Гляжу, да все боюсь,
Чтобъ на нее и вѣтеръ не повѣялъ,
Осенній дождь не канулъ на лицо,
Чтобъ не озябла, ногъ не замочила.

Мининъ.

Такъ любятъ да жалѣютъ только женъ;
А то грѣшно. Ты ей самой сказалъ ли?

Поспѣловъ.

Не разъ, не два мы съ нею говорили.
Отказомъ не обидѣла меня.
Не обѣщаетъ, да и прочь не гонитъ.

Мининъ.

Такое-ль время, Алексѣй Михайлычъ!

Поспѣловъ.

Да что̀ мнѣ время! Жить и умирать
Ужъ лучше вмѣстѣ. Годы подошли,
Кузьма Захарьичъ, мнѣ нужна хозяйка.
Ей двадцать лѣтъ, и мнѣ ужъ скоро тридцать.
Она богата, да и я не бѣденъ;
Мы ровни по годамъ и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навѣчно Богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честнѣй въ дому благочестивомъ.

Мининъ.

Придется къ слову, я поговорю.

(Уходятъ въ лавку Аксенова. Павликъ и Лыткинъ выходятъ изъ лавки: къ нимъ постепенно подходятъ изъ другихъ лавокъ и проходящіе.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Павликъ и Лыткинъ.

Павликъ.

Охъ, дѣла, дѣла! Какъ сажа бѣла!

Лыткинъ.

Такъ ты вѣрно знаешь, что королевичъ будетъ въ Москвѣ?

Павликъ.

Кабы не вѣрно, я бы, другъ любезный, и не говорилъ. Намъ ли съ Иваномъ Ивановичемъ не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что̀! Черпеть!

Лыткинъ.

Что̀-жъ потомъ съ нами будетъ, какъ королевичъ придетъ въ Москву?

Павликъ.

А то и будетъ, что спроситъ: „Кто мнѣ слуги вѣрные?“ Ему скажутъ, а онъ будетъ ихъ жаловать. „А кто, спроситъ, намъ супротивники?“ Скажутъ на насъ, ну, и пошлетъ королевичъ рать-силу великую, безъ числа, и не оставятъ камня на камнѣ.

Одинъ изъ толпы.

Вяземскій подходилъ, да много ли взялъ!

Павликъ.

Что ты знаешь! Съ огненнымъ боемъ придутъ, какъ тутъ устоять!

Лыткинъ.

Разоръ, братцы.

Павликъ.

Все можетъ быть, все можетъ быть. Такъ не лучше ли намъ заблаговременно. . (*Увидавъ Минина, который съ Поспѣловымъ вышелъ изъ лавки, говоритъ что-то вполголосъ.*)

Мининъ.

Постой! что̀ за народъ? О чемъ толкуетъ?
Того и жди, что смута заведется.
Изъ воровскихъ полковъ съ подсыломъ много
Народу набѣгаетъ; не усмотришь,
Проѣзжій городъ. А, да это нашъ,
Изъ Биркинскихъ людей, Павлушко, писчикъ.
Негодный человѣчишка, за нимъ
Глядѣть, да и глядѣть! Что̀ за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаемъ-ка, что онъ тамъ толкуетъ.
(*Подходятъ къ толпѣ.*)

Голоса изъ толпы.

Ну, что̀-жъ ты замолчалъ? Что̀ языкъ-то прикусилъ?

Павликъ.

Я живу съ краю, ничего не знаю, мое дѣло сторона. (*Убѣгаетъ.*)

Мининъ.

Что̀ онъ мололъ?

Голоса изъ толпы.

Да много говорилъ.—
Про королевича. — Да разореньемъ
Все намъ грозитъ.

Лыткинъ.

Такія страсти
Наговорилъ, не знаешь, что̀ и дѣлать.

Мининъ.

Какъ только вамъ не грѣхъ воришекъ слушать,
Бездѣльныхъ, шлющихся! Развѣсьте уши,

Имъ на руку, они тому и рады.
Ихъ много изрыгнулъ на Русь святую
Огнедыхательный діаволъ, поядатель
Душъ человѣческихъ, злохитрый змѣй.

Голоса изъ толпы.

Да кто-жъ ему повѣритъ!—Зря болтаетъ!—
Учи насъ, вразумляй, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не цѣловать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ иноземцевъ; ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ государь—великій патріархъ,
Другого нѣтъ у насъ. Что̀ скажетъ—свято.

Народъ.

Что̀ намъ прикажетъ, то и будемъ дѣлать.

Мининъ.

Сегодня отъ него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтемъ и вамъ объявимъ
Его приказъ и земское рѣшенье.

(Вбѣгаетъ нѣсколько человѣкъ.)

Одинъ изъ нихъ.

Отписки изъ Москвы! Гонцы съ вѣстями!

Голоса изъ лавокъ.

Куда идутъ?

Одинъ изъ вновь пришедшихъ.

На воеводской дворъ.

Другой.

Письмо отъ патріарха Ермогена.

(Площадь наполняется. Входятъ Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосеевъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Романъ Пахомовъ и Родіонъ Мосеевъ.

Родіонъ Мосеевъ.

Честнымъ нижегородцамъ изъ Москвы,
Отъ разоренныхъ и плѣненныхъ братій
Поклонъ мы правимъ низкій, до земли.

(Кланяется, всѣ кланяются.)

Романъ Пахомовъ.

Честному духовенству, воеводамъ
И всѣмъ, и старшимъ, и молодшимъ людямъ,
Благословеніе отъ патріарха.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Биркинъ.
Семеновъ.
Мининъ.
Аксеновъ.
Темкинъ.
Губанинъ.
Народъ.

Мѣсто въ Кремлѣ, близъ воеводскаго дома.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Темкинъ и Губанинъ *и нѣсколько народа стоятъ возлѣ дома.* Аксеновъ *выходитъ изъ дому.*

Темкинъ.

Что, Петръ Аксенычъ, объ чемъ читали?

Аксеновъ.

Великій господинъ нашъ, патріархъ, пишетъ, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство намъ отнюдь не хотѣть, и чтобы были мы въ любви и въ соединеніи и промышляли бы, какъ души свои положить за вѣру. Да и на словахъ про то же приказывалъ Роману Пахомычу да Родіону Мосеичу.

Темкинъ.

Что-жъ вы такъ долго?

Аксеновъ.

Много разговору было. Кузьма на одномъ стоялъ, что грѣхъ намъ, сложа руки, сидѣть; а надо, какъ ни-на-есть, промышлять на супостата.

Темкинъ.

Что-жъ воеводы?

Аксеновъ.

Не давали ему путемъ слова вымолвить. А пуще Биркинъ да Семеновъ—оборвали, обругали. А за что? Дѣли бы онъ о своемъ дѣлѣ радѣлъ! Вотъ какова злоба-то въ человѣцѣхъ!

Темкинъ.

Доведись мнѣ, я бы съ ними поговорилъ. Я бы ихъ отчиталъ; такъ бы и вцѣпился.

Губанинъ.

Какъ имъ не грѣхъ! Какъ это они Бога-то не боятся! Ахъ, срамъ какой! Какъ это у людей стыда нѣтъ въ глазахъ! (*Выходятъ изъ дома Биркина, Семенова и Мининъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Биркинъ, Семеновъ и Мининъ.

Семеновъ.

Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сытъ ли ты, Иванъ Ивановичъ?

Биркинъ.

По горло сытъ. Отъ вашихъ разговоровъ
Завяли уши.

Семеновъ.

Ну, Кузьма Захарьевъ,
Спасибо за науку! Угостилъ
Насъ, дураковъ, разумными рѣчами;
Такъ и сидѣли всѣ, развѣся уши,
Да слушали.

Биркинъ.

Ну, какъ его не слушать,
Онъ всѣхъ умнѣй! Ишь, краснобай какой!

Мининъ.

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините:
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Семеновъ.

Обидѣть не обидѣлъ, грѣхъ сказать;
А насказалъ довольно, не уложишь
Въ большой мѣшокъ.

Биркинъ.

Да кто же виноватъ?
Мы сами дали волю, такъ и слушай!
А онъ и радъ.

Мининъ.

Да кто же запретитъ
Мнѣ говорить?

Семеновъ.

Да всякій, кто постарше.

Мининъ.

За вѣру православную стою,
Не за дурное что̀. Молчать нельзя мнѣ.

Семеновъ.

Ѣдь, ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ—такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи!—такъ замолчишь.

Мининъ.

Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо—не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вамъ рѣчи говорилъ:
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же проситъ. Пусть насъ Богъ разсудитъ,
Кто правъ, кто виноватъ. Вы не хотѣли
Повѣрить мнѣ; смотрите, не пришлось бы
Вамъ каяться.

Семеновъ.

Тебѣ повѣрить? Ишь ты.
Чего ты захотѣлъ! Ты будь доволенъ
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркинъ.

Да изъ избы не выгнали тебя.

(Уходятъ, и за ними всѣ, исключая Минина и Аксенова.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мининъ и Аксеновъ.

Мининъ.

Знать, имъ не жаль ни крови христіанской,
Ни душъ своихъ. Какая имъ корысть!
Самимъ тепло, а братію меньшую
Пусть врагъ сѣчетъ и рубитъ, да и души
Насильнымъ крестнымъ цѣлованьемъ губитъ.
Просилъ я ихъ, со многими слезами,
Какую ни-на-есть придумать помощь—
И слышать не хотятъ. Не ихъ, вишь, дѣло.
Такъ чье же?

Аксеновъ.

Не надѣйтеся на князя! *(Уходитъ.)*

Мининъ.

И вправду. Намъ теперь одна надежда
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.
Народъ страдаетъ, кровь отмщенья проситъ,
На небо вопіетъ. А кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое, разсѣянъ розно.
Вождя, печальника о насъ, убили
Измѣной адской. Гдѣ искать другого?
Нѣтъ помощи земной, попросимъ чуда;
И сотворитъ Господь по нашей вѣрѣ.
Молиться надо! Въ старину бывало,
Что въ годы тяжкіе народныхъ бѣдствій
Богъ воздвигалъ вождей и изъ народа.
Не за свои грѣхи, а за чужіе
Онъ переноситъ тягостную кару.
Избитъ, ограбленъ! Нынче сытъ съ семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Послѣднюю, что берегли ребятамъ;
Сегодня дома, завтра въ лѣсъ бѣги,
Бросай добро, лишь о душѣ заботься,

Да изъ кустовъ поглядывай, что̀ звѣрь,
Какъ жгутъ и грабятъ по̀томъ нажитое.
Поймаютъ—силой приведутъ къ присягѣ,
Кривить душой, крестъ вору цѣловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего.
Возможно ли, чтобъ попустилъ погибнуть
Такому царству праведный Господь!
Вонъ огоньки зажглись по берегамъ.
Бурлаки, трудъ тяжелый забывая,
Убогую себѣ готовятъ пищу.
Вонъ пѣсню затянули. Нѣтъ, не радость
Сложила эту пѣсню, а неволя,
Неволя тяжкая и трудъ безмѣрный,
Разгромъ войны, пожары деревень,
Житье безъ кровли, ночи безъ ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Всѣ слезы съ матушки широкой Руси,
Новогородскія, псковскія слезы,
Съ Оки и съ Клязьмы, съ Дона и съ Москвы,
Отъ Волхова и до широкой Камы.
Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ.
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи,
Готовъ орломъ летѣть на супостата,
Забрать подъ крылья угнетенныхъ братій
И грудью въ бой кровавый и послѣдній.
Часъ близокъ! Смерть злодѣямъ! Трепещите!
Изъ дальняго Кремля грозитъ вамъ Мининъ.
А если Богъ отступитъ отъ меня
И за гордыню покарать захочетъ,
Успѣха гордымъ замысламъ не дастъ,
Чтобъ я не мнилъ, что я Его избранникъ.
Тогда я къ вамъ приду, бурлаки-братья,
И съ вами запою по Волгѣ пѣсню.

Печальную и длинную затянемъ;
И зашумятъ ракитовы кусты,
По берегамъ песчанымъ нагибаясь;
И позабудетъ бросить сѣть рыбакъ,
И въ тихомъ плескѣ на челнѣ заплачетъ;
И дѣвка съ ведрами на коромыслѣ,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется съ горы и станетъ слушать,
И рукавами слезы утирая,
Широкіе измочитъ рукава;
Бурлаки запоютъ ее подъ лямкой
И балахонцы за своей работой
Надъ новою расшивой, съ топорами,
И понесется пѣсня, и прольется
Изъ вѣка въ вѣкъ, пока стоитъ земля.
О, Господи! Грѣшу я; малъ я духомъ,
Смѣлъ усомниться въ благости Твоей!
Нѣтъ, прочь сомнѣнья! Перстъ Твой вижу ясно.
Со всѣхъ сторонъ мнѣ шепчутъ голоса:
„Возстань за Русь, на то есть воля Божья!“ *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Марфа Борисовна.
Домна.
Мининъ.
Аксеновъ.
Поспѣловъ.
Иванъ Кувшинниковъ.
Григорій Лапша.
Юродивый.
Дѣвушки.

Просторная бревенчатая свѣтлица. Въ правой стѣнѣ два маленькихъ окна; на лѣвой сторонѣ перегородка съ рѣшетчатымъ расписнымъ верхомъ; въ концѣ перегородки узенькая дверь; за дверью рѣзной и расписной столбъ, въ которомъ утвержденъ верхній брусъ перегородки; прямо за столбомъ и до самаго угла изразцовая печь; въ задней стѣнѣ выходная дверь; по задней и по правой стѣнѣ лавки; съ правой стороны большой дубовый столъ; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стѣны нѣсколько пяльцевъ. Лавки, полки, косяки съ рѣзьбой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Домна, Юродивый, дѣвушки и *потомъ* Марѳа Борисовна.

Домна.

Ну, дѣвушки, примайтесь за работу!
(Дѣвушки садятся за пяльцы.)
А ты, убогинькій, у насъ ночуешь —
Что̀ по дворамъ проситься, на ночь глядя!
Пойдешь къ заутрени и насъ разбудишь.

(Юродивый садится къ печкѣ. Марѳа Борисовна выходитъ въ задумчивости изъ-за перегородки и садится на скамью съ лѣвой стороны. Домна садится у ногъ ея на низенькой скамейкѣ.)

А ты бы намъ сказала что-нибудь.
Ишь, память-то какая золотая!
А у меня такъ словно рѣшето;
Что ни услышу, тутъ же и забуду.
Ты давеча не досказала утромъ
Намъ про царевича, какъ открывали;
Вотъ, благо время, доскажи теперь!

Марѳа Борисовна.

Да, дѣвушки, произволеньемъ Божьимъ,
И въ наше время чудо совершилось.
И говорятъ, все цѣло: ожерелье
Жемчужное, ширинка въ рукѣ
Тафтяная, вся золотомъ расшита
И серебромъ, кафтанчикъ на хребтахъ
На бѣличьихъ и сапожки; все цѣло...
Да горсть орѣшковъ; какъ его убили,
Въ рукахъ держалъ орѣхи; обагрились
Орѣшки кровью; такъ и положили
Съ нимъ вмѣстѣ. Вотъ какое чудо было!
Перенесли изъ Углича въ Москву,
Тамъ и стоитъ и многихъ исцѣляетъ. *(Молчаніе.)*

Домна.

Замолкли. Тихій ангелъ пролетѣлъ.

Мареа Борисовна.

Чѣмъ молча-то сидѣть, такъ лучше спойте
Намъ „О пустынѣ“ стихъ душеполезный,
Любимый мой.

Домна.

Благое дѣло — славить
На всякій день и часъ Господне имя,
Да и работа, говорятъ, спорится
За пѣніемъ благочестивымъ. Пойте!

Дѣвушки *(поютъ)*.

Пустыня прекрасная!
Меня многогрѣшную,
Какъ чадо свое, пріими,
Любимая мать моя,
Въ пристанище тихое,
Въ безмолвныя нѣдра свои!
Чертоги высокіе
И ризы богатыя
Меня отъ грѣховъ не спасутъ.
Богатства и почести
Всѣ тлѣнны и суетны,
Не станутъ со мною на судъ.
Луга твои тихіе,
Цвѣты испещренные,
И красенъ, и дивенъ твой садъ!
Деревья кудрявыя
И листье зеленое
Въ пустынѣ безъ вѣтра шумятъ.

(Останавливаются. Всѣ прислушиваются.)

Домна.

Стучится нѣкто.

Мареа Борисовна.

Отопри, пойди!

(Дѣвушки собираютъ работу. Домна уходитъ и скоро возвращается.)

Домна.

Гостей веду Плетъ Кузьма Захарычъ.

Мареа Борисовна.

Одинъ, или ведетъ кого-нибудь?

Домна.

Какіе-то незнаемые люди.

Марѳа Борисовна.

Подите, дѣвушки!

(Дѣвушки уходятъ. Входятъ Мининъ, Кувшинниковъ и Лапша.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Марѳа Борисовна, Домна, Мининъ, Кувшинниковъ, Лапша и Юродивый.

Марѳа Борисовна.

Покорно просимъ. *(Домнѣ.)*
А ты поди да принеси медку! *(Домна уходитъ.)*

Мининъ.

Съ гостями; ужъ не осуди!

Марѳа Борисовна.

И, что ты!

Мининъ.

Иванъ Кувшинниковъ, изъ Балахны,
Начальный человѣкъ; а это Гриша
Лапша, изъ Решмы, тоже воевода.
Взялъ мужичковъ, кой-чѣмъ вооружились,
Да съ Богомъ и пошли на супостата.
И Богъ помогъ, себя не осрамили.

Марѳа Борисовна.

Ну, вотъ спасибо за такихъ гостей!
Прошу садиться!

Кувшинниковъ.

Ты, Кузьма Захарьичъ,
Садись впередъ.

Мининъ.

Вы гости, я здѣсь свой.

Кувшинниковъ.

Лапша, садись!

Лапша.

Нѣтъ, мнѣ не подобаетъ.
Садись, я за тобой. *(Садятся.)*

Мининъ.

Ну, вотъ и ладно. *(Садится.)*
А! Да и Гриша здѣсь!

Марѳа Борисовна.

(Ступай-ка въ кухню
Да и ложись на печку: тамъ теплѣе.

Юродивый.

Прощайте! *(Уходитъ.)*

Мининъ.

Божій человѣкъ. Лѣтъ съ восемь
Тому, къ намъ въ городъ онъ еще ребенкомъ
Пришелъ и сѣлъ на паперти церковной.
Откуда, кто такой—никто не знаетъ.
Должно быть, сирота бездомный. Мало
И говоритъ, и только церковь любитъ.
Ѣстъ, что дадутъ, спитъ, гдѣ укажутъ. Разумъ
Не хитрый у него, а богомоленъ:
Пристанетъ къ богомольцамъ да и бродитъ
По всѣмъ обителямъ. Въ Москву ходилъ,
И въ Кіевъ, и къ Ростовскимъ чудотворцамъ.
Прослышалъ онъ про разоренье наше,
И слабый умъ въ немъ больше помутился;
Еще онъ тише сталъ, еще святѣе,
И все сбирается куда-то, денегъ
Все на дорогу проситъ. И за мной
Онъ слѣдомъ ходитъ и въ глаза мнѣ смотритъ,
Какъ будто онъ прочесть въ нихъ хочетъ что-то,
Иль ждетъ чего А спросишь, такъ молчитъ.
Неразговорчивъ онъ: вотъ развѣ вспомнитъ
Про красоту обителей святыхъ,
Тогда разговорится и представитъ,
Какъ въ очію, и красоту лѣсовъ,
И горъ и рѣкъ широкихъ. Все бы слушалъ!
И умный не разскажетъ такъ, какъ онъ.

(Домна приноситъ медъ въ жбанѣ и стопку на оловянной тарелкѣ. Марѳа Борисовна беретъ стопку. Домна наливаетъ.)

Марѳа Борисовна *(поднося Кувшинникову).*

Медку пожалуйте, честные гости!

Кувшинниковъ.

У насъ такъ все съ хозяйки начинаютъ.

Марѳа Борисовна.

Нѣтъ, батюшка, уволь! Пила довольно.

Кувшинниковъ.

Неводить не могу, я не указчикъ
Въ чужомъ дому.
(Кланяется, пьетъ и хочетъ поставить стопку.)

Марѳа Борисовна.

Ужъ просимъ обо всей!
(Кувшинниковъ доливаетъ. Домна наливаетъ, Марѳа Борисовна подноситъ Лапшѣ.)
Григорій... Какъ по отчеству, не знаю...

Лапша.

Петровичъ былъ.

Марѳа Борисовна.

Покорнѣйше прошу!

Лапша.

Ужъ мнѣ-то пить ли?

Мининъ.

Пей!

Лапша.

Оно, какъ будто,
Нескладно мужику-то?

Мининъ.

Не осудимъ!

Лапша *(беретъ и кланяется)*.

Желаю здравствовать на многи лѣта!
(Пьетъ. Домна наливаетъ.

Марѳа Борисовна *(поднося Минину)*.

Кузьма Захарьичъ!

Мининъ *(отпивъ немного, ставитъ стопу)*.

Больше не просите!

Марѳа Борисовна.

Ну, какъ угодно. *(Входятъ Аксеновъ и Поспѣловъ.*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Аксеновъ и Поспѣловъ.

Мининъ.

Вотъ и наши идутъ.

Аксеновъ.

Здорова ли ты здѣсь?

Марѳа Борисовна.

Кажись, здорова.

(Подноситъ имъ меду и, молча, приглашаетъ садиться.)

Поспѣловъ *(Аксенову)*.

Тебѣ впередъ.

Аксеновъ.

Не мѣстомъ, человѣкомъ.

(Садятся. Марѳа Борисовна подноситъ скамейку и садится. Молчаніе.)

Марѳа Борисовна.

Послушать бы теперь, Кузьма Захарычъ,
Твоихъ рѣчей. Сладка твоя бесѣда.

Мининъ.

Да рѣчь-то у меня одна все, Марѳа
Борисовна.

Марѳа Борисовна.

Ее-то намъ и нужно.

Мининъ.

Ну, такъ начнемъ! Москва разорена?

Аксеновъ.

Разорена.

Мининъ.

Такъ ей и оставаться?

Кувшинниковъ.

Какъ можно!

Лапша.

Что ты!

Марѳа Борисовна.

Сохрани Господь!

Мининъ.

Москва намъ корень, прочимъ городамъ?

Аксеновъ.

Извѣстно, корень. Что и говорить!

Мининъ.

А если корнемъ основанье крѣпко,
Тогда стоитъ и древо неподвижно;

А корени не будетъ—прилѣпиться
Къ чему?

Лапша.

Ну, что ужъ!

Марѳа Борисовна.

Господи, помилуй!

Мининъ.

Москва кормилица, Москва намъ мать?

Кувшинниковъ

Кормилица и мать.

Лапша.

Родная мать.

Мининъ.

А развѣ дѣти могутъ мать покинуть
Въ бѣдѣ и горѣ?

Поспѣловъ.

Мы не покидали.
Ты самъ ходилъ съ Алябьевымъ по Волгѣ
И по Окѣ, и воры васъ боялись.
Мы съ Рѣпнинымъ ходили и къ Москвѣ,
Да воротились, оттого что ладу
Богъ не далъ воеводамъ. Грѣхъ на нихъ!
Имъ отвѣчать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За вѣру православную сложить;
Господь не принялъ.

Аксеновъ.

Не было стратиговъ.

Мининъ.

Тогда Пожарскій съ Ляпуновымъ были
Вожди искусные. Спроси, о комъ
Народъ молебны пѣлъ? О Ляпуновѣ
Да о Пожарскомъ князѣ. Знать, молитвамъ
Не внялъ Господь за прегрѣшенья наши.

Аксеновъ.

Пожарскій раненъ, Ляпуновъ убитъ.

Мининъ.

Осиротѣла Русь! Ни воеводы,
Печальника о насъ, сиротахъ бѣдныхъ,

Ни патріарха, ни царя. Какъ стадо
Безъ пастыря, мы бродимъ, злому волку—
Губителю добыча.

Поспѣловъ.

Бить волковъ!

Кувшинниковъ.

Извѣстно, бить! Ужъ будетъ, потерпѣли!

Лапша.

Мы топоры и косы отточили,
Которые объ нихъ же притупили.

Поспѣловъ.

Душа кипитъ, давно простору проситъ
И руки чешутся!

Марѳа Борисовна.

Зачѣмъ же дѣло
Откладывать? Благословясь, да съ Богомъ,
Не мѣшкая!

Аксеновъ.

Отложишь поневолѣ.
Что̀ скоро, то не споро, говорятъ.

Мининъ.

Друзья, повѣрьте мнѣ, такія рѣчи
И слушать весело, и слезы льются
Отъ радости; а все-таки, Аксенычъ
Намъ правду молвилъ. Не такое дѣло,
Чтобъ торопиться.

Аксеновъ.

Надо разсудить
Да поразмыслить.

Поспѣловъ.

Думать ваше дѣло.

Мининъ.

Что̀ есть у насъ? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберемъ казну, и люди соберутся,
Стрѣльцы, казаки. Всякаго народу
По свѣту бѣлому довольно бродитъ
Безъ дѣла и безъ хлѣба; рады будутъ
Трудомъ себѣ копейку заработать.

Не все же грабить! Хоть не всѣ, а помнятъ,
Что есть Богъ на небѣ, что Онъ судья
Всѣхъ дѣлъ и тайныхъ помышленій нашихъ.
А воеводу міромъ изберемъ.

Аксеновъ.

Кого излюбимъ, тотъ у насъ и будетъ.

Мининъ.

Казна всего нужнѣе.

Аксеновъ.

Вѣрно слово.

Мининъ.

Гдѣ взять казны?

Поспѣловъ.

Собрать, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ.

Да много ли сберешь! На разговоры
Всѣ тороваты, а коснись до дѣла,
Такъ и попрячутся. Не то, что денегъ,
И тѣхъ, что̀ посулили, не найдешь.

Поспѣловъ.

А ты не обижай, Кузьма Захарьичъ!

Аксеновъ.

Не обижаетъ, дѣло говоритъ.

Марѳа Борисовна.

Вотъ все, что̀ есть, возьмите, коли нужно.

Мининъ.

Душа святая! О тебѣ нѣтъ рѣчи!
Твои достатки и тебя мы знаемъ.
Ты все отдашь, и я отдамъ, и онъ—
Все будетъ мало. Съ чѣмъ тутъ приниматься!
И только что обидимъ мы безъ пользы
Самихъ себя, а дѣлу не поможемъ.

Марѳа Борисовна.

Хоть и немного соберемъ, все помощь.

Мининъ.

Какая-жъ помощь?

Марѳа Борисовна.

Мы къ Москвѣ пошлемъ.

Мининъ.

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмутъ, да и спасиба намъ не скажутъ.
Нѣтъ, надо погодить сбирать казну.
Я говорилъ сегодня воеводамъ,
Просилъ ихъ порадѣть о земскомъ дѣлѣ,
Да не хотѣли слушать. Дьякъ Семеновъ
Да Биркинъ чуть не выгнали меня,
Какъ на врага какого ополчились,
Обидѣли меня и обругали.
Не вѣдаю, за что напасть такая!
Когда ужъ власти не хотѣли слушать,
Кто насъ послушаетъ! Въ бѣдахъ и горѣ
Сердца окаменѣли. О себѣ
Печется каждый, ближнихъ забывая.

Марѳа Борисовна.

Такъ что же дѣлать намъ, Кузьма Захарьичъ?

Мининъ.

Самихъ себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постомъ очистить,
Говѣньемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому Помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,
Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И Божьимъ словомъ зажигать сердца.

(Встаетъ и всѣ за нимъ.)

Аксеновъ.

На проповѣдь выходятъ, какъ на битву,
Во всеоружіи. Не всѣмъ подъ силу
Высокая апостольская доля!

Мининъ.

Молись да жди, пока Господь сподобитъ
Тебя такую вѣру ощутить
Въ душѣ твоей, что ты не усомнишься
Съ горами рѣчь вести и приказать
Горамъ сползти съ широкихъ основаній
И двинуться къ тебѣ, и будешь вѣрить,

Что двинутся; тогда покинь свой домъ,
Себя забудь и дѣлъ своихъ не дѣлай!
На улицу, на площадь, на базары,
Гдѣ есть народъ, туда и ты иди!
Тогда пошлемъ по дальнимъ городамъ,
А по окольнымъ разойдемся сами,
И нашихъ устъ смиренные глаголы
Польются въ души, и сердца въ народѣ
Затеплятся, какъ свѣчи предъ иконой.
Давайте руки! Кто за Божье дѣло?

Всѣ.

Мы всѣ идемъ!

Марѳа Борисовна.

Благослови васъ Богъ!

Мининъ.

Мы будемъ знаменья просить у Бога,
Когда начать. Онъ Самъ покажетъ время.
Тогда сбирать казну на помощь ратнымъ,
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носитъ крестъ на тѣлѣ,
Приносятъ въ сборъ всѣ животы свои,
Душа твоя нужна—отдай и душу!

Аксеновъ.

Помолимся! Благословенно буди
Господне имя нынѣ и до вѣка!
Прощай, хозяюшка.

Марѳа Борисовна.

Прощенья просимъ.

Кувшинниковъ.

За угощенье!

Марѳа Борисовна.

Ну, ужъ не взыщите!
Чѣмъ Богъ послалъ.

Лапша.

За ласковое слово.

Марѳа Борисовна.

Напредки не забудьте!

Мининъ.

Ваши гости!

(Уходятъ, кромѣ Поспѣлова.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марѳа Борисовна, Поспѣловъ, Домна *и потомъ дѣвушки.*

Марѳа Борисовна.

Покличь-ка дѣвокъ, Домнушка, сюда,
Да и сама приди!

Домна.

Какъ разъ, я духомъ. *(Уходитъ. Молчаніе.)*

Марѳа Борисовна.

Ты, Алексѣй Михайлычъ, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспѣловъ.

Пожалуй, выпью,
Да не объ медѣ рѣчь! Мнѣ слаще меда
Твой разговоръ.

Марѳа Борисовна.

Какой проказникъ, право!

(Подноситъ медъ. Поспѣловъ пьетъ.)

Поспѣловъ.

Повѣрь, не до проказъ. Меня ты знаешь;
Съ покойникомъ твоимъ мы дружно жили;
Росли мы вмѣстѣ, вмѣстѣ воевали,
Одна душа у насъ, одинъ обычай. *(Молчаніе.)*
Родныхъ, что̀ было, примерли давно;
Я круглымъ сиротой остался, Марѳа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мнѣ родиѣе всѣхъ. Чѣмъ я не любъ,
Скажи?

Марѳа Борисовна.

И, что̀ ты! что̀ ты! Богъ съ тобой!
Съ чего ты взялъ? Нѣтъ, ты не обижай!
Кто говоритъ тебѣ, что ты не любъ мнѣ!

(Входятъ Домна и дѣвушки, молча садятся за работу.)

Поспѣловъ.

Ну, любъ, такъ ладно. Вотъ спасибо, Марѳа
Борисовна! Сказалъ бы я словечко
Еще тебѣ; боюсь, не прогнѣвить бы.

Марѳа Борисовна.

Какъ не грѣшно тебѣ! Да чѣмъ же можешь
Ты прогнѣвить меня!

Поспѣловъ.

Своей любовью.

Марѳа Борисовна.

Ахъ!... Нѣтъ... я, право... Что тебѣ смотрѣть
На гнѣвъ мой! Что же, развѣ что дурное
Ты говоришь мнѣ! Ты не виноватъ,
Что съ добрымъ сердцемъ ты на свѣтъ родился.
Какая же въ любви обида! Мнѣ
Тебя благодарить за это надо.

Поспѣловъ.

Давно ужъ я сбираюсь съ духомъ, Марѳа
Борисовна, хочу тебѣ сказать:
Будь мнѣ женою; съ честными вѣнцами
На головахъ и съ радостью на лицахъ,
По соболямъ, войдемъ въ мой домъ просторный
Жить-поживать и въ холеньѣ, и въ нѣгѣ,
И за любовь до гробовой доски
Дѣлить и радость пополамъ, и горе.
Другой бы я сказалъ, не побоялся,
А предъ тобой, какъ точно передъ грознымъ
Царемъ стою, жду милости иль казни;
Боюсь, что словомъ, ровно какъ злодѣю,
Ты снимешь голову съ могучихъ плечъ.

Марѳа Борисовна.

Нѣтъ, ты меня не бойся... Пожалѣй
Ты слабость женскую! Медовой рѣчью
Вдовѣ мірского счастья не сули!
Ты не мути мой тихій сонъ мечтою,
И вдовьихъ слезъ моихъ не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правдѣ
Скажу тебѣ: ты любъ мнѣ, я другого
Хозяина себѣ и не желаю.
Ты, Алексѣй Михайлычъ, мужъ такой,
Какого не найдешь... Да только вотъ что:
То нездоровится, то дѣла много
По дому, знаешь. Какъ-то все не время...

Повѣришь ли, съ ногъ сбилась отъ заботы.
Мы лучше ужъ немного подождемъ.
Ты не печалься, Алексѣй Михайлычъ!
Еще, вѣдь, наше время не ушло. (*Молчаніе.*)
Я, можетъ, и не такъ что̀ разсудила,
Ты не взыщи! Таковъ нашъ бабій разумъ.
Тебя мнѣ жаль, вотъ видитъ Богъ, что жаль,
Да что̀ же дѣлать, неудобно время.

Поспѣловъ.

Голубушка! Зачѣмъ себя ты губишь?
Въ твоей порѣ, тебѣ бы только ласку!
Отъ ласки женскій полъ еще цвѣтнѣй!
Что̀ сохнуть-то тебѣ одной, какъ въ кельѣ,
И день, и ночь съ ворчливою старухой
Все объ одномъ и томъ же толковать!
Тебя бы цѣловать, да миловать,
Да крѣпко къ сердцу прижимать!

Марѳа Борисовна.

Ну, будетъ!
Мы послѣ какъ-нибудь поговоримъ,
Не до того мнѣ, Алексѣй Михайлычъ!
Такъ голова съ чего-то разболѣлась,
Ужъ и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдемъ такое время
Свободное.

Поспѣловъ.

Изволь, моя родная!
Ждалъ долго, можно подождать еще.
Прощенья просимъ!

Марѳа Борисовна.

И меня прости.
Господь съ тобой.

Поспѣловъ.

Богъ дастъ, коль живы будемъ,
Увидимся.

Марѳа Борисовна.

Ну, какъ не увидаться! (*Поспѣловъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, *безъ* Поспѣлова.

Марѳа Борисовна.

Какія рѣчи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
Въ міру живешь, съ людями; по-мірски
И надо жить — все видѣть и все слышать.
Куда бѣжать отъ суеты мірской!
Какъ отъ соблазна чистой уберечься!
Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
Въ святую келью, въ тихій уголокъ,
И въ трепетномъ сіяніи лампады,
Въ благоуханной тишинѣ святыни
Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести въ святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро-ль ты пройдешь!
Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
Напрасно я фатой широкой крою
И блескъ очей, и бѣлое лицо:
Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется —
И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣешь.
И видишь юношу, стоитъ онъ нѣмъ,
Другого взгляда ловитъ, самъ готовитъ
Въ своемъ умѣ лукавые привѣты.
Вотъ по слѣдамъ идетъ и шепчетъ въ уши,
Завѣшенныя жемчугомъ, и жемчугъ
Не охраняетъ; весь соблазнъ, весь ядъ
Мнѣ прямо въ сердце, въ кровь мою проходитъ,
И слабый умъ все болѣе слабѣетъ,
И сладокъ грѣхъ является тебѣ;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Какъ точно двое за тобой идутъ:

Одинъ лицо привѣтливое кажетъ
И ненаглядную красу, и юность,
И, молча, улыбается; другой же
Темнѣе ночи, и глаза, какъ угли,
Горятъ во лбу, и длинный хвостъ тащится.
Идетъ и шепчетъ льстивымъ языкомъ
Соблазнъ и грѣхъ. О, Господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бѣжать мнѣ? Господи, помилуй!

(Закрываетъ лицо руками.)

Домна.

Вы видите, сгрустнулась, поминаетъ
Объ юности. Вы спойте ей про юность!

Дѣвушки *(поютъ)*.

Юность, моя юность—молодое время!
Юность, возбудися, въ себѣ ощутися.
Юность возбудилась, въ себѣ ощутилась,
Въ разумъ приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищетъ, кто худа желаетъ!
Я была бы рада—сила моя мала!
Сижу на конѣ я, и тотъ не обузданъ,
Смирить коня нечѣмъ—крѣпкихъ вожей нѣту.
Вижу я погибель, страхомъ вся объята,
Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Октябрь 1611 года.)

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Биркинъ.
Семеновъ.
Мининъ.
Поспѣловъ.
Аксеновъ.
Темкинъ.
Губанинъ.
Лыткинъ.
Нефедъ, сынъ Минина.
Павликъ.
Марѳа Борисовна.
Татьяна Юрьевна, жена Минина.
Всякіе люди Нижняго Новгорода.

Небольшая площадь въ Кремлѣ, недалеко отъ собора. Къ концу, въ седьмомъ явленіи, начинаетъ смеркаться.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Лыткинъ и Павликъ.

Лыткинъ.

Да что ты ужъ очень печалишься?

Павликъ.

Будешь печалиться! развѣ ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянетъ только, и то морозъ по кожѣ подираетъ. А, вѣдь, я въ какую бѣду-то влѣзъ. О, горе мнѣ, грѣшнику! Языкъ мой—врагъ мой!

Лыткинъ.

Въ чемъ же ты провинился?

Павликъ.

Въ чемъ? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить. Послалъ онъ меня къ одному благопріятелю своему съ письмомъ; куда послалъ, ужъ это не твоего ума дѣло; проѣздилъ я безо дня двѣ недѣли и вернулся вчера утромъ. Только

елень былъ очень, домой-то итти побоялся. Встрѣлся я пріятелемъ, со стрѣльцомъ; тутъ еще подошли человѣкъ пятокъ, тоже стрѣльцы: зашли мы во царевъ кабакъ, пили винца, пошелъ у насъ шумъ, разговоры. Вотъ я, пьяныхъ-то глазъ, и проболтнись. Придетъ, говорю, коровичъ на царство, Ивана Иваныча сдѣлаетъ воеводой въ Нижнемъ, а меня дьякомъ; потому, говорю, что мы ему слуги горные. Откуда ни возьмись Мининъ, хвать меня за воротъ, — въ ноги; валялся-валялся я въ ногахъ-то, отпустилъ, только не велѣлъ навстрѣчу попадаться. Вотъ какое дѣло-то. Ну, какъ онъ скажетъ Ивану Иванычу, либо ужъ сказалъ! А тогда? Повѣсить не повѣситъ, а кнута отвѣдаешь. Ужъ то лучше и къ бабушкѣ не ходи! Никакъ, онъ идетъ! Ой, хоронимся! *(Уходятъ. Выходитъ Биркинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Биркинъ *(одинъ)*.

Здѣсь въ Нижнемъ что-то зрѣетъ. По всему
Замѣтно, что народъ затѣялъ нѣчто.
Все замолчало, какъ постомъ великимъ;
На всемъ какое-то говѣнье видно;
Блѣднѣютъ лица, а глаза сіяютъ
Но что же можетъ сдѣлать этотъ людъ?
Пойти къ Москвѣ нестройною оравой
И умирать, иль разбѣгаться розно
Отъ польскихъ латниковъ. Пускай идутъ,
Попробуютъ; а намъ просторнѣй будетъ.
Не знаю, что мнѣ дѣлать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочетъ слушать.
Съ Семеновымъ пріятели большіе,
А какъ до дѣла — затыкаетъ уши.
Онъ старъ да глупъ, упрямъ да безтолковъ,
Съ нимъ пива не сваришь. Нѣтъ, здѣсь не тяга!
Махнуть въ Казань: тамъ есть благопріятель,
Тому не въ первый; онъ вертѣлъ хвостомъ
Еще при Шуйскомъ. Человѣкъ онъ сильный,
Живетъ-себѣ не тужитъ, только брюхо
Раститъ да гладитъ бороду свою.

Да что-жъ онъ держитъ моего холопа
Павлушку! *(Павликъ входитъ.)* Вотъ онъ! Какъ же ты
посмѣлъ,
Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анаѳема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда пріѣхалъ?

Павликъ.

Сегодня утромъ.

Биркинъ.

Что-жъ ты не явился?
Объ двухъ ты, что ли, головахъ, бездѣльникъ!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видѣлъ и что слышалъ.

Павликъ.

Есть письмо.
(Достаетъ письмо.)

Биркинъ.

Давай сюда! Проворнѣй! *(Беретъ и читаетъ.)* А словами
Приказывалъ, аль нѣтъ? Въ письмѣ не пишетъ
Всего, и дѣльно: писано перомъ,
Не вырубишь и топоромъ. Онъ пишетъ:
„А про мое здоровье Павелъ скажетъ“.
Ну, сказывай!

Павликъ.

Богъ милуетъ, здоровъ
И кланяться велѣлъ тебѣ, и молвилъ,
Что онъ своимъ умомъ живетъ, что въ мутной
Водѣ онъ ловитъ рыбу втихомолку,
И что своя рубашка къ тѣлу ближе,
Что смѣлымъ Богъ владѣетъ. Вотъ и все.
Какой приказъ твой, государь, мнѣ будетъ?

Биркинъ.

Ступай, теперь въ народѣ потолкайся,
И, что услышишь, приходи сказать!
(Павликъ уходитъ. Выходитъ Семеновъ. Народъ проходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Биркинъ и Семеновъ.

Биркинъ.

Что̀ тяжко воздыхаешь?

Семеновъ.

О грѣхахъ.
Къ землѣ гнетутъ и тянутъ, словно ноша.
Что̀-жъ у вечерни-то, Иванъ Иванычъ,
Ты не былъ? Аль проспалъ?

Биркинъ.

И то проспалъ.
Легъ послѣ хлѣба-соли малымъ дѣломъ
Соснуть, да и проспалъ. Хожу, гуляю,
Пусть вѣтромъ пообдуетъ послѣ сна.

Семеновъ.

Гуляй, гуляй! Вы люди молодые,
Еще замолите; а намъ такъ жутко
Приходитъ, старикамъ. Не нынче—завтра
Богъ по̀ душу пошлетъ; тогда ужъ поздно
Грѣхи замаливать: ступай къ отвѣту!
Судья предстанетъ, свитокъ развернутъ,
Что̀ злые мурины*) всю жизнь строчили
На всякомъ мѣстѣ и во всякій часъ.
Что̀ сдѣлалъ худо, черный муринъ пишетъ;
Помыслилъ—не пропуститъ и того.
Чего-чего въ томъ свиткѣ не найдется!
А добрыхъ дѣлъ вотъ списочекъ, такой
Коротенькій, представитъ со слезами
Хранитель-ангелъ и отыдетъ прочь.

Биркинъ.

Ты что́-то рано умирать задумалъ!
А выйдетъ, что и насъ переживешь.

Семеновъ.

„Не вѣсте, сказано, ни дня, ни часа“.

*) То же, что „нечистый“.

Биркинъ.

Да что ты пріунылъ, какъ посмотрю я?
И всѣ вы, точно мухи въ сентябрѣ,
Чуть бродите.

Семеновъ.

Да что-жъ тебѣ за диво!
Не радуетъ ничто—и пріуныли.
Тебѣ что весело?

Биркинъ.

Унынье—грѣхъ!

Семеновъ.

Да и плясать, когда другіе плачутъ,
Не спасенье!

Биркинъ.

Вѣдь, это человѣкомъ:
Одинъ слезливъ, другому обухомъ
Слезы не вышибешь. Пойдемъ! Есть дѣло
Мнѣ до тебя. Попьемъ да потолкуемъ.

Семеновъ.

Что-жъ, праздничное дѣло, я не прочь.

Биркинъ.

У насъ такъ праздникъ каждый день, Василій Семеновичъ. Гдѣ бражникъ, тамъ и праздникъ.

(Уходятъ. Выходитъ Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.

Марѳа Борисовна.

Давненько не видались.

Поспѣловъ.

Шесть недѣль.

Марѳа Борисовна.

Какъ время-то идетъ!

Поспѣловъ.

А что?

Марѳа Борисовна.

Да скоро.

Поспѣловъ.

Не больно-то! Мнѣ эти шесть недѣль
Не за годъ, не солгу, а за полгода,
Никакъ не меньше, показались.

Марѳа Борисовна.

Что такъ?

Поспѣловъ.

Да развѣ ты не знаешь?

Марѳа Борисовна.

Ахъ, голубчикъ!
Я думала, что ты ужъ и забылъ!

Поспѣловъ.

А ты-бъ и рада?

Марѳа Борисовна.

Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.

Поспѣловъ.

Объ чемъ тутъ думать, голову ломать!

Марѳа Борисовна.

Кто-жъ за меня подумаетъ?

Поспѣловъ.

Все я же,
И за себя, и за тебя.

Марѳа Борисовна.

Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавилъ
Меня отъ тяжкой думы, отъ заботы!
Позволь спросить, по-твоему-то какъ же
Выходитъ?

Поспѣловъ.

Помолясь, да по рукамъ.
Сиротскимъ дѣломъ сходимъ на могилку
Родителямъ почившимъ поклониться,
А тамъ, какъ водится, честнымъ пиркомъ
Да и за свадебку.

Марѳа Борисовна.

Не долго думалъ,
А хорошо сказалъ.

Поспѣловъ.

А нѣшто худо?

Марѳа Борисовна.

Ты лучше знаешь.

Поспѣловъ.

Значитъ, такъ и быть,
По-моему?

Марѳа Борисовна.

Да ну, ужъ ладно, ладно.

Поспѣловъ.

Утѣшила меня ты. Точно камень
Лежалъ на сердцѣ, отлегло теперь;
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Такъ и колотится безъ перемолку.

Марѳа Борисовна.

Ты помолчи пока, мой другъ сердечный!

Поспѣловъ.

Зачѣмъ молчать? Кого же мы боимся!

Марѳа Борисовна.

Что̀ прежде времени молву пускать!
Не къ спѣху дѣло, погодимъ немного.

Поспѣловъ.

Чего еще? Ты развяжи меня!

Марѳа Борисовна.

Ну, что̀ на улицѣ за разговоры!
Не мало дней у Бога; потолкуемъ
И послѣ безъ помѣхи, на досугѣ.
Ступай себѣ! Вонъ, видишь, изъ собора
Татьяна Юрьевна выходитъ. Плачетъ
Объ мужѣ, бѣдная. Прощай, голубчикъ!
Пойду я къ ней, разговорю немного.

(Поспѣловъ уходитъ. Выходитъ Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марѳа Борисовна, Татьяна Юрьевна и двѣ женщины.

1-я женщина.

Повѣрь, что съ глазу, больше ни съ чего.

2-я женщина.

А то испортилъ кто-нибудь. По вѣтру
Болѣзнь пущаютъ злые люди часто. *(Обѣ проходятъ.)*

Марѳа Борисовна.

Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напраснымъ страхомъ сердце не томи!
Пройдетъ невзгодье, мирно Богъ устроитъ
И миромъ оградитъ святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьичъ перестанетъ
Печалиться, здоровъ и веселъ будетъ.
Не плачь; грѣха на душу не бери!

Татьяна Юрьевна.

Какъ мнѣ не плакать! Ты бы поглядѣла
Что̀ сталось съ нимъ. Какъ ярый воскъ, онъ таетъ,
Отъ сна, отъ пищи, отъ всего отсталъ
И буйную головушку повѣсилъ.
И все молчитъ. Вотъ иногда и спросишь:
„О чемъ ты, милъ-сердечный другъ, тоскуешь?“
Не скажетъ; нѣтъ, не скажетъ, промолчитъ,
Махнетъ рукой, а иногда заплачетъ.
Такъ и уйдетъ. Посмотришь вслѣдъ ему,
Да и зальешься горючьми слезами.

Марѳа Борисовна.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможетъ.

Татьяна Юрьевна.

Да что̀ же онъ молчитъ-то. Я жена,
А не чужая.

Марѳа Борисовна.

Что̀ же будетъ проку
Тебѣ сказать-то! Посуди сама:
Коротокъ женскій умъ, отъ насъ совѣту

Не ждать имъ; ну, а праздно толковать
О дѣлѣ важномъ—тоже не годится!

Татьяна Юрьевна.

Головушка кручинная моя!

(Качаетъ головой и задумывается.)

Ты видѣла, стоялъ онъ у вечерни.
На что̀ похожъ! Вѣдь, краше въ гробъ кладутъ.
Глаза горятъ, лицо, какъ саванъ бѣлый,
Засохшія не шевелятся губы;
Какъ вкопанный, онъ не сводилъ съ иконы
Очей; крестомъ сложенные персты
До яснаго чела не подымались;
И только слезы, какъ ручьи весною,
Бѣжали по щекамъ, по бородѣ
И капали. Убогонькій Гришутка
Сталъ рядомъ съ нимъ, какъ листъ дрожитъ и плачетъ,
То на него, то на икону взглянетъ.
Къ добру ли это? Говорятъ, за кѣмъ
Убогій ходитъ, тотъ на бѣломъ свѣтѣ
Ужъ не жилецъ. А Гриша, какъ нарочно,
Не отстаетъ ни шагу отъ него.

Марѳа Борисовна.

И, полно ты! Кого убогій любитъ,
Тотъ человѣкъ угоденъ, значитъ, Богу.

Татьяна Юрьевна.

Кто Господу угоденъ, тѣхъ Господь
Къ себѣ беретъ.

Марѳа Борисовна.

Отчаянье—грѣхъ смертный!

Татьяна Юрьевна.

О! загляни ты въ грудь, что̀ тамъ творится!
Тогда и осуждай! *(Молчаніе)*
Сегодня ночью
На малый часъ онъ не уснулъ и только
Въ соборный ранній благовѣстъ забылся;
Какъ звоны отошли, онъ вдругъ проснулся,
Вскочилъ съ постели, разбудилъ весь домъ,
Велѣлъ зажечь всѣ свѣчи, всѣ лампады,
И до свѣту молился со слезами.

И мы молились. „Чудо! чудо Божье!“
Онъ все твердилъ, а не сказалъ—какое

Марѳа Борисовна.

На васъ нисходитъ благодать Господня,
Вашъ домъ Онъ избралъ для чудесъ своихъ.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Изъ всѣхъ церквей иконы поднимите!
И крестнымъ ходомъ городъ весь пойдетъ
Съ хвалебнымъ пѣніемъ и со свѣчами
На мѣсто свято.

Татьяна Юрьевна.

Проводи меня!

Марѳа Борисовна.

А гдѣ же мужъ?

Татьяна Юрьевна.

Въ соборѣ съ протопопомъ
Остановился, говорятъ о чемъ-то.

Марѳа Борисовна.

Пойдемъ, Татьяна Юрьевна, пойдемъ!

(Уходятъ. Входятъ Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и разные торговые и посадскіе люди.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Аксеновъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

Аксеновъ.

Ну, такъ какъ же, ребятушки, а? Ну, вотъ теперь насъ много сошлось; давайте, поговоримъ толкомъ!

Лыткинъ.

И то надо толкомъ. А то что это! Господи, Боже мой! Тотъ говоритъ: „Давай денегъ!“ другой говоритъ: „давай денегъ!“ А для чего—никто толкомъ не скажетъ.

Темкинъ.

Тебѣ только все разговаривать, лясы точить, а дѣла-то дѣлать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорокъ дней со днемъ сходимся да толкуемъ.

Губанинъ.

Ужъ и не говори! Срамъ! То-есть, кажется, не глядѣлъ бы людямъ въ глаза отъ стыда, особливо Кузьмѣ Захарычу. Онъ о земскомъ дѣлѣ печалится, а мы... Ахъ, стыдобушка!

Аксеновъ.

Значитъ, ребята, какъ въ послѣдній разъ говорили, такъ и быть: третью деньгу.

Голоса.

Третью деньгу. — Что-жъ, мы не прочь! — Такъ тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанинъ.

Всѣ, дѣдушка, согласны, всѣ. *(Къ народу.)* Не стыдите, братцы! *(Аксенову.)* Дѣдушка! Спорщиковъ нѣтъ.

Аксеновъ.

Постой ты, погоди! Отъ трехъ денегъ—деньгу, отъ рубля—десять алтынъ, отъ трехъ рублей—рубль.

Голоса.

Ладно! Ладно! *(Разговоръ въ толпѣ.)* Съ десяти рублевъ выходитъ — три рубля да десять алтынъ. — А отъ сорока? Долго-ль счесть! — Съ пятидесяти рублевъ — пятнадцать рублевъ. — Не пятнадцать, а шестнадцать рублевъ, двадцать два алтына. — Ишь ты, счетчикъ! — Да ужъ ладно, ладно!

Лыткинъ.

Стойте! Какъ же это? Значитъ, все одно, что семейный, что одинокій?

Губанинъ.

Какъ тебѣ не грѣхъ ротъ-то разѣвать! Ужли одинъ противъ всѣхъ пойдешь?

Аксеновъ.

Тебѣ что за дѣло до одинокихъ! Одинокій-то, можетъ, все отдастъ, да и самъ своей головой пойдетъ!

Темкинъ.

Ахъ ты, жила! Прости, Господи!

Лыткинъ.

Да что жила! Кому-жъ своего не жаль!

Губанинъ.

На земское-то дѣло? Экой срамъ! Ну ужъ...

Аксеновъ.

Стало-быть и дѣлу конецъ. Отслужить молебенъ, да и собирать.

Губанинъ.

У насъ въ рукавичномъ ряду ужъ и деньги готовы.

Голоса.

Въ желѣзномъ ряду хотятъ собирать.—Толкуютъ и въ хлѣбномъ.—И въ горшечномъ.—И въ мясномъ.—И рыбаки.

Лыткинъ.

А какъ же теперь товаръ?

Темкинъ.

Прикинемъ.

Голоса.

Извѣстно, прикинемъ, что̀ чего сто̀итъ. — Долго-ль прикинуть.—Въ цѣну поставимъ.

Лыткинъ.

А кто прицѣнивать будетъ?

Темкинъ.

Все мы же.

Голоса.

Промежъ себя выберемъ.—Всякій въ своемъ ряду.—Свой судъ короче.

Лыткинъ.

Да какъ же я повѣрю чужому человѣку свое добро цѣнить?

Аксеновъ.

Мы не безъ креста ходимъ.

Темкинъ.

Самому тебѣ не счесть, такъ мы сочтемъ!

Голосъ изъ толпы.

Мы торговые люди, другъ у дружки каждую деньгу насквозь видимъ.

Лыткинъ.

Что̀-жъ такое! Лучше ложись да умирай!

Темкинъ.

Ну, и умирай! Ну, умирай!

Аксеновъ.

Ты для себя для одного, что̀ ли, жить хочешь? Такъ ступай въ лѣсъ, да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что̀ міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судитъ, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ.

Темкинъ.

Да и отнимемъ, силой отнимемъ.

Лыткинъ.

Да, вѣдь, это разоръ!

Темкинъ.

Ну, да что̀ на него смотрѣть, Петръ Аксенычъ! Какъ сказано, такъ и будетъ. На томъ всѣ и станемъ.

Голоса.

Всѣ! — Всѣ!

Темкинъ.

Есть тутъ кто-нибудь изъ нѣмцевъ?

Нѣмецъ.

Я.

Темкинъ.

Ты согласенъ?

Нѣмецъ.

Да!

Темкинъ.

Вотъ видишь ты, Василій! Ну, скажи ты мнѣ теперь, есть въ тебѣ душа, али нѣтъ?

Губанинъ.

Брось ты его!

Темкинъ.

Зрѣть не могу такихъ людей; вся душа во мнѣ поворачивается.

Голоса.

Кузьма Захарьичъ идетъ!—Кузьма Захарьичъ! *(Входитъ Мининъ. Всѣ кланяются.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Мининъ.

Аксеновъ.

Что ты не веселъ, голову повѣсилъ?
Аль что не ладно? Али прихворнулъ?
Какія вѣсти есть?

Мининъ.

Вѣстей довольно.

Аксеновъ.

Что́ пишутъ?

Мининъ.

Все одно и то же, точно
Какъ сговорились. Всѣ хотятъ быть съ нами
Въ любви, въ совѣтѣ и въ соединеньи,
На разорителей хрестьянской вѣры
Единомышленно итти готовы.
Теперь летѣть бы къ матушкѣ Москвѣ!
Подняться нечѣмъ, спутала нужда,
Узломъ орлиныя связала крылья.
Видна добыча, а тяжелыхъ крыльевъ
Не отдерешь, и бейся о́ земь грудью
И алую точи по каплѣ кровь!

Аксеновъ.

Мы положили третью деньгу брать
Отъ денегъ, отъ товару то же.

Мининъ.

Мало.

Аксеновъ.

И тѣ съ трудомъ, а больше не сберешь.

Мининъ.

Я знаю.

Аксеновъ.

Тяжело однимъ. Помогутъ
Другіе города.

Мининъ.

Плохая помощь!
Всѣ обнищали. Рады бы помочь,
Да нечѣмъ.

Аксеновъ.

Такъ и быть. На нѣтъ—суда нѣтъ.
Что̀ есть, съ тѣмъ и пойдемъ. Наймемъ подмогу,
Стрѣльцовъ бродячихъ да казаковъ конныхъ.

Мининъ.

Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
Челомъ ударимъ, чтобы велъ къ Москвѣ;
А не пойдетъ, такъ выберемъ другого.
Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ итти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ
Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ не воленъ я.
Послушайте! (*Всѣ обступаютъ его.*) Сегодня поздней ночью,
Ужъ къ утру близко, сномъ я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спалъ я
Или не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: „Кузьма! иди спасать Москву!
Буди уснувшихъ!“ Я вскочилъ отъ ложа,
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется,
Ночная темь колышется отъ звона,
Оконницы чуть слышно дребезжатъ,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханье.

Аксеновъ.

Слава въ вышнихъ Богу!
Но кто же старецъ? Разсмотрѣлъ ли ты?
Угодниковъ ты подлинники знаешь.

(*Входитъ Нефедъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Нефедъ.

Нефедъ.

Гдѣ батюшка?

Мининъ.

Что надо? Что случилось?

Нефедъ.

Гонцы отъ Троицы Живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

Мининъ.

Отъ Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.

Голоса.

Перстъ Божій!—Божья воля!—Чудеса!—
Еще отъ насъ Господь не отступился.

Нефедъ.

У нихъ письмо отца архимандрита
И келаря.

Мининъ.

На воеводскій дворъ
Ступай, Аксенычъ, прямо къ воеводѣ!
Оповѣсти его! А вы сбирайте
Дворянъ, дѣтей боярскихъ, и головъ,
И сотниковъ стрѣлецкихъ и казацкихъ,
И земскихъ старостъ, и гостей, и всякихъ
Людей служилыхъ къ воеводѣ въ домъ.
Не соберутся, такъ въ набатъ ударимъ.
А ты, Нефедъ, домой! Веди гонцовъ!
Какъ есть съ дороги, такъ пускай и идутъ.
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

Голоса.

Господь поможетъ.—Онъ тебѣ поможетъ.—
Молиться будемъ! Господа умолимъ. *(Всѣ уходятъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Воевода, Андрей Семеновичъ Алябьевъ.
Биркинъ.
Семеновъ.
Мининъ.
Аксеновъ.
Поспѣловъ.
Колзаковъ.
Романъ Пахомовъ.
Дворяне, дѣти боярскія, головы, старосты, богатые посадскіе люди.

Большая богатая изба въ воеводскомъ домѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ избу входятъ постепенно разныя лица, все болѣе пожилыя и зажиточныя, потомъ Аксеновъ. *Вновь пришедшіе кланяются молча съ тѣми, которые пришли прежде. Говорятъ вполголоса.*

Голоса.

Зачѣмъ насъ собираютъ? Аль бѣда какая?—Нѣтъ, грамоту изъ Сергіева монастыря привезли.—Вѣрно, не легко, коли грамоты пишутъ?—Какая легкость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а къ врагу на подмогу сила подходитъ.—Что же въ грамотѣ пишутъ?—Подожди малость, все узнаемъ. *(Входитъ Аксеновъ.)* Кто привезъ грамоту?

Аксеновъ.

Романъ Пахомычъ. Кому же больше!

Одинъ голосъ.

Эка голова!

Аксеновъ.

Самъ великій господинъ патріархъ называетъ ихъ, его да Родіона Мосенча, безстрашными людьми. Такъ и пишетъ: «а пришлите мнѣ тѣхъ безстрашныхъ людей!»

Одинъ изъ толпы.

Говорятъ, Пахомовъ отъ всякой напасти заговоренъ.

Аксеновъ.

Толкуй тутъ! Извѣстно, Божьимъ произволеніемъ. Къ патріарху ходитъ, благословеніе принимаетъ, а ты: „заговоренъ!“ ешто такіе заговоренные-то бываютъ?

Другой изъ толпы.

Заговоренный-то, который и креста не носитъ, а не то, то къ благословенію итти.

Аксеновъ.

Да еще къ кому? Къ самому патріарху! *(Входятъ Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Мининъ, Поспѣловъ и Романъ Пахомовъ.

Голоса.

Романъ Пахомычъ, здравствуй!—Здравствуй!—Какъ тебя Богъ милуетъ? Здорово ли доѣхалъ?—Чай, усталъ?

Романъ Пахомовъ.

Немножко есть. Послѣднія двѣ ночи не ночевалъ, все ѣхалъ.

Аксеновъ.

Гдѣ ѣхалъ?

Романъ Пахомовъ.

Отъ Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксеновъ.

Чиста дорога?

Романъ Пахомовъ.

Ничего, Богъ миловалъ.

Голоса.

Что въ Москвѣ?—Что въ Москвѣ, Романъ Пахомычъ?

Романъ Пахомовъ.

Плохо.

Голоса.

А что?—Что такое?

Романъ Пахомовъ.

Пожжено, разорено, хлѣба мало.

Голосъ.

Ужли и хлѣба мало.

Романъ Пахомовъ.

Мало. Я стоялъ у одного посадскаго, у Яузскихъ воротъ,— бѣдствуетъ.

Голоса.

Ахъ, сердечные!—Эка бѣда!—Эка причина!

Аксеновъ.

Скажи ты мнѣ на милость, пуще мнѣ всего: къ патріарху ходу нѣтъ?

Романъ Пахомовъ.

Теперь нѣтъ, крѣпко держутъ.

Аксеновъ.

И все воръ Андроновъ?

Романъ Пахомовъ.

Всѣ хороши.

Голоса.

А что Трубецкой!—Что Заруцкой съ войскомъ?

Романъ Пахомовъ.

Какое это войско! Воръ на ворѣ! Содомъ! *(Входятъ воевода, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ и нѣсколько народа.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Алябьевъ, Биркинъ, Семеновъ, Колзаковъ *и другіе*. Воевода *садится за столъ; нѣкоторые садятся, нѣкоторые стоятъ*. Романъ Пахомовъ *подаетъ грамоту воеводѣ.*

Воевода.

Здорово ли доѣхалъ?

Романъ Пахомовъ.

Ничего.

Воевода.

Ну, молодецъ же ты, Романъ Пахомовъ!
Хвала и честь тебѣ! Чай, отдохнуть
Съ дороги-то захочешь?

Романъ Пахомовъ.

Да когда ужъ!
Велѣли къ вамъ заѣхать да въ Казань.
Ужъ отдохну, вернувшись изъ Казани. *(Отходитъ.)*

Воевода.

Всѣ собрались?

Голоса.

Всѣ.

Воевода *(отдаетъ грамоту Семенову)*.

Читай, Василій!

Семеновъ.

Сначала тутъ, какъ водится, всѣ власти
Казанскія и весь народъ помянутъ:
Татары, черемиса, вотяки
И прочіе. (*Читаетъ:*) „Не разъ мы вамъ писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молимъ васъ: не позабудьте,
Что вы родились въ православной вѣрѣ,
Святымъ крещеніемъ знаменовались.
Сего-то ради положите подвигъ
Страданья вашего за вашихъ братій!
Молите, всѣмъ народомъ христіанскимъ,
Людей служилыхъ быть въ соединеньи,
И заодно стоять противъ враговъ
И всѣхъ предателей христьянской вѣры.
Вы сами видите, что всѣмъ близка
Отъ тѣхъ враговъ конечная погибель.
Въ которыхъ городѣхъ они владѣли,
Какое разоренье учинили!
Гдѣ Божьи образы и гдѣ святыня?
Не все ли разорили до конца
И обругали наглымъ поруганьемъ!
Гдѣ множество безчисленное въ градѣхъ?
Не всѣ ли люто горькими смертями
Скончалися! Гдѣ въ селахъ наши чада
Работныя? Не всѣ ли пострадали
И въ плѣнъ разведены! Не пощадили
И престарѣлыхъ возрастомъ. Сѣдинъ
Не усрамились старцевъ многолѣтнихъ
И душъ незлобивыхъ младенцевъ. Всѣ
Испили чашу праведнаго гнѣва.
Попомните и смилуйтесь надъ нами,
Надъ общей гибелью, чтобъ васъ самихъ
Та лютая погибель не постигла!

Не мѣшкая, идите въ сходъ къ Москвѣ!
Вы сами знаете, всему есть время,
Безъ времени бездѣльно начинанье
И суетно. А если есть межь васъ
Какое недовольство—отложите!
Соединитесь всѣ, забывъ обиды,
И положите подвигъ пострадать
Для избавленья православной вѣры!
Незакосненно сотворите дѣло,
Казною и людями помогите!
Чтобъ скудостью и гладнымъ утѣсненьемъ
Боярамъ, воеводамъ и всѣмъ людямъ
Порухи никакой не учинилось.
О томъ васъ молимъ много со слезами
И отъ всего народа бьемъ челомъ!“

Воевода.

Вели списать ты списокъ слово въ слово,
А грамоту отдай свезти въ Казань.

Мининъ.

А что отвѣтимъ?

Семеновъ.

Знаютъ воеводы
Про то, а наше дѣло будетъ—слушать.

Мининъ.

Послушаемъ.

Воевода.

Мы рады бы итти,
Да насъ походы разорили вовсе.
Давно-ль ходилъ князь Александръ Андреичъ,
И я ходилъ; безъ дѣла не сидѣли!
Казны да войска просятъ. Гдѣ-жъ намъ взять?

Аксеновъ.

Поищемъ, такъ найдемъ.

Семеновъ.

А гдѣ найдешь ты?

Аксеновъ.

Промежъ себя найдемъ: сберемъ, что можемъ.

Семеновъ

Да много-ль денегъ?

Мининъ.

Сколько ни на есть!
Ужъ это наше дѣло.

Воевода.

Доброй воли
Я не снимаю съ васъ. Сбирайте съ Богомъ!

Семеновъ.

Ну, можетъ быть, кой-что и соберете;
Что-жъ дѣлать будете?

Аксеновъ.

Тебя не спросимъ.

Мининъ.

Наймемъ людей служалыхъ да стрѣльцовъ,
Да и пошлемъ къ Москвѣ.

Семеновъ.

Безъ воеводы?

Мининъ.

Какъ прежъ того водилъ Андрей Семенычъ,
Такъ и теперь ему челомъ ударимъ.

Воевода.

Я не пойду, усталъ.

Мининъ.

Андрей Семенычъ!
Ты вздумай, если нашимъ нерадѣньемъ
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Изсякнетъ корень христіанской вѣры,
И благолѣпіе церквей Господнихъ
Въ Московскомъ государствѣ упразднится—
Какой отвѣтъ дадимъ мы въ оный день,
Въ день страшнаго суда?

Воевода.

А кто порукой,
Что наше войско врагъ не одолѣетъ,
Что врозь оно не разбѣжится, прежде
Чѣмъ мы Москву передъ собой увидимъ.
Не хуже насъ ходили воеводы!
Со всѣхъ концовъ безчисленное войско

Шло подъ Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли съ Прокопомъ Ляпуновымъ,
Изъ Мурома съ окольничимъ Масальскимъ,
Изъ Суздаля съ Андреемъ Просовецкимъ,
Изъ городовъ поморскихъ шелъ Нащокинъ,
Съ Романова, съ татарами-мурзами
И съ русскими, шли Пронскій да Козловскій,
Съ Коломны и съ Зарайска князь Пожарскій,
Петръ Мансуровъ велъ галицкихъ людей,
Изъ Костромы пошли съ Волконскимъ княземъ,
Изъ Нижняго князь Александръ Андреичъ.
Да не далъ Богъ; всѣ розно разошлись.
Такъ какъ же хочешь ты, чтобъ съ горстью войска
Я шелъ къ Москвѣ? Мнѣ съ Господомъ не спорить.

Мининъ.

Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говоримъ: „Богъ не далъ“. Да за что
Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
Когда-то соберутся да пойдутъ,
Какъ точно черезъ пень колоду валятъ.
А соберутся—споры да раздоры,
Да не о томъ, кто первый помереть
За Русь святую хочетъ—разбираютъ,
Кто старшій, набольшій, кто чиномъ больше,
Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
Другой боярин-то, гляди, въ Калугѣ
Боярство-то отъ вора получилъ.
Поспорятъ, покричатъ, дойдетъ до драки;
До смертнаго убивства доходило!
Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семенычъ!

Воевода.

За что сердиться! Правду говоришь.

Мининъ.

А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!

Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино—тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.
Да и цѣлуютъ крестъ, кому попало,
Не разбирая; на году разъ пять
Господне имя всуе призываютъ.
И всѣ они, прости меня Господь,
Для временныя сладости забыли
О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
Такими ли руками Русь очистить,
И въ ней Господне царство обновить!

Голоса.

Что правда—правда—что грѣха таить!

Воевода.

Кому-жъ стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьевъ?

Мининъ.

Тѣмъ, кто больше терпитъ,
Кто передъ Богомъ не кривилъ душой.
Когда народъ за Русь святую встанетъ—
И дастъ Господь побѣду надъ врагомъ.
Намъ дороги родныя пепелища,
Мы ихъ не промѣняемъ ни на что.
Намъ вѣра православная да церковь
Дороже всѣхъ сокровищъ на землѣ.
Мы волею креста не цѣловали
Губителямъ. А гдѣ и огрѣшились,
Съ веревкою на шеѣ присягали,
Да и не знаютъ, какъ и замолить.
Вотъ Кинешма, и Лухъ, и Балахна,
И Юрьевецъ омылися въ крови,
Свою вину сторицей искупили.
Самъ разсуди: по деревнямъ, по селамъ
Что терпятъ! Врагъ внезапу набѣгаетъ,
Дома разграбитъ, да сожжетъ и церковь,
Что обыдёнкой сложена всѣмъ міромъ
За избавленье Божіе отъ мора
Иль отъ другой напасти. Что тогда?

Куда податься? Лучше умереть
Въ честномъ бою всѣмъ разомъ, съ глазу на глазъ
Съ врагомъ, чѣмъ гибнуть всѣмъ поодиночкѣ,
Въ плетняхъ да въ рощахъ звѣремъ укрываясь.

Воевода.

За умноженіе грѣховъ Господь
Насъ наказалъ. Мы знаемъ всѣ и терпимъ.
Такъ не грѣшно ли противъ Божьей воли
Намъ возставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться съ Богомъ!

Мининъ.

Господь не вѣкъ враждуетъ противъ насъ
И грѣшнику погибели не хочетъ.
Придетъ пора, молитвой и слезами
Святителей и праведныхъ людей,
Разящій гнѣвъ Господень утолится
И намъ, смиреннымъ, снидетъ благодать.
Господь смиряетъ и Господь возноситъ,
Введетъ въ бѣду и изведетъ изъ бѣдъ.
Врагъ одолѣлъ, творя его велѣнье,
Смирились мы, и намъ Господь пошлетъ
Побѣду на врага и одолѣнье!

Воевода.

Мнѣ слѣду нѣтъ итти, пускай другіе.

Мининъ.

Ты не пойдешь, мы безъ тебя пойдемъ.
Позволь мнѣ завтра кликнуть кличъ къ народу;
Что̀ соберемъ, съ тѣмъ и пойдемъ къ Москвѣ.
По деньгамъ глядя, пріймемъ казаковъ.

Биркинъ.

Не знаю, что̀ Андрей Семенычъ скажетъ,
А я-бъ тебѣ и думать не позволилъ
Сбивать казаковъ своевольныхъ въ городъ.
Въ Казани ихъ пущаютъ понемногу,
Такъ человѣкъ десятка два, не больше,
Бояся смуты. Да и хорошо.
Въ тебя не влѣзешь. Говорятъ, чужая
Душа потемки. Можетъ, ты затѣялъ
Какую смуту аль измѣну всчать!

Твой замыселъ лукавъ, Кузьма! Ты хочешь
Опутать краснымъ словомъ черный людъ
И властвовать.

Мининъ.

Постой, Иванъ Иванычъ!
Чего не знаешь, ты-бъ не говорилъ.
Я вотъ и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрѣлъ бы на себя, а не корилъ
Поклепомъ злымъ людей себя честнѣе.
Тебя съ собой я не зову къ Москвѣ;
Тебѣ и въ Тушинѣ тепло бывало.
Живи себѣ да бражничай здѣсь въ Нижнемъ!
Я не мѣшаю, не мѣшай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты языкъ прикусишь.

Семеновъ.

При тебѣ,
Андрей Семеновичъ, такія рѣчи
Онъ говоритъ. Возможно ли терпѣть!

Мининъ *(показывая на Биркина)*.

Ты видишь, терпитъ.

Воевода.

Замолчи, Кузьма!

Мининъ.

Я замолчу, да ужъ и онъ не скажетъ
Ни слова больше, головой отвѣчу.

Семеновъ.

Такъ я скажу. Я замыселъ твой вижу:
Не смуту—нѣтъ!—ты смуты не затѣешь.
Ты отъ казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вотъ что!
Вы всѣ барышники!

Мининъ.

Очнись, Василій
Семеновичъ! Ты старый человѣкъ!
По дурости ты это говоришь,
Или по злобѣ на меня—не знаю.
Нѣтъ, я души своей не продавалъ
И не продамъ. Душа дороже денегъ

Мы знаемъ твердо, ты не позабылъ ли?
Мы тѣмъ живемъ, что Богъ въ торгу пошлетъ;
Къ поборамъ да къ посуламъ не привыкли:
Добро чужое честно бережемъ,
А истеряемъ, такъ своимъ заплатимъ.
Ты будь покоенъ, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну;
Мы старикамъ дадимъ на сбереженье,
Ужъ только не тебѣ, ты не взыщи!
Вотъ Петръ Аксенычъ—человѣкъ бывалый!
Найдутся и другіе послужить
Для дѣла земскаго.

Аксеновъ.

Богъ дастъ, послужимъ.
Не въ тягость служба, коли дѣло Божье
Да земское.

Воевода.

А много ли собрать
Мекаете? Вамъ это дѣло ближе,
Виднѣе.

Мининъ.

Прикажи намъ кликнуть кличъ,
Тогда увидимъ.

Семеновъ.

Много не сберете.

Аксеновъ.

Что Богъ пошлетъ, и тѣмъ довольны будемъ.
Такъ прикажи, Андрей Семенычъ, кликнуть!

Воевода.

Всѣ просите?

Голоса.

Всѣ, всѣ, Андрей Семенычъ!

Воевода.

Ну, кличьте, съ Богомъ!

Семеновъ *(Минину)*.

Соберешь алтынъ
За гордость за свою.

Мининъ

Не ошибись!

Аксеновъ.

Благодаримъ тебя, Андрей Семенычъ,
Что ты позволилъ намъ къ народу кликнуть
И собирать казну на Божье дѣло!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберемъ, положимъ
Свои труды; да, вѣдь, другой, пожалуй,
И помѣшалъ бы намъ, а ты велишь.
Такъ ужъ тебѣ спасибо и за это!

Мининъ.

Князья и воеводы, и бояре,
И всѣ честные люди, посудите
Своимъ умомъ и разумомъ великимъ
Мою простую рѣчь! Не обезсудьте,
Что я, помимо старшихъ, затѣваю
Такое дѣло! Не своя гордыня
Ведетъ меня. Гордыня—вражье дѣло;
А я слуга, я рабъ велѣній Божьихъ.
Сегодня ночью преподобный Сергій
Мнѣ грѣшному явился и велѣлъ онъ
Будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ.
Когда я близкимъ сталъ про это чудо
Разсказывать, въ тотъ самый часъ гонцы
Явились съ грамотой архимандрита.
И мнится мнѣ, что самъ угодникъ Сергій
Ее прислалъ. Бояре, воеводы!
Я чудо Божье утаить не смѣлъ
И вамъ повѣдалъ все, какъ передъ Богомъ.
И слушать, и не слушать ваша воля;
А мнѣ одно: служить я буду Богу.
Я рабъ, пославшаго творю велѣнья,
Пока исполнится завѣтъ Господень,
Пока кремлевскія увижу стѣны.

Голоса.

Иди, иди къ Москвѣ, Кузьма Захарьичъ!
Тебя Господь поддержитъ, укрѣпитъ!..

Воевода.

И мы по силѣ-по-мочи поможемъ.

Голоса.

Поможемъ всѣ тебѣ!—Поможемъ всѣ!

Воевода.

А грамоту снесите къ протопопу,
Чтобъ завтра за обѣдней прочиталъ.
Велите въ колоколъ большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семеновъ.

А гдѣ свинцу да пороху возьмете?
Безъ огненнаго бою какъ соваться!

Мининъ.

Займемъ въ Казани, тамъ въ остачѣ много.

Семеновъ.

А не сберешь ты войско, что̀ тогда?

Мининъ.

Одинъ пойду.

Семеновъ.

Одинъ—не ратникъ въ полѣ.

Поспѣловъ.

Ты не одинъ пойдешь, и мы пойдемъ.
Посадскіе, торговые помогутъ
Вамъ деньгами, а мы всѣ головами.

Дѣти боярскія.

Мы всѣ идемъ съ тобой, Кузьма Захарьичъ!

Поспѣловъ.

Никто меня здѣсь, въ Нижнемъ, не удержитъ!
Служилые, воинскіе мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велятъ—иди и голову клади;
Теперь безъ зова я иду, охотой!
Ужъ умирать, такъ за святое дѣло!

Колзаковъ.

Тебя Господь своимъ сподобилъ чудомъ;
Иди же смѣло въ бой, избранникъ Божій!
И насъ возьми! Авось вернется время,
Когда царямъ мы царства покоряли,
Въ незнаемыя страны заходили,

Край видѣли земли, передъ глазами
Земля морскимъ потокомъ завершалась,
И вылъ сердито море-окіянъ.
Довольно бражничать! Теперь есть дѣло:
Точить оружіе, въ походъ сбираться!

Воевода.

И съ Богомъ! Только жаль, что васъ немного.

Мининъ.

Да развѣ врагъ насъ одолѣлъ числомъ?
Онъ одолѣлъ насъ Божьимъ попущеньемъ.
Не силой силенъ врагъ, а Божьимъ гнѣвомъ
Да нашей слабостью, да нашими грѣхами.

Аксеновъ.

Не войска нужно намъ, а благодати.

Мининъ.

Великъ Господь, Владыко херувимскій!
Прибѣжище и сила наша въ немъ!
Его рука дала врагамъ побѣду,
Его рука притупитъ ихъ мечи.

Аксеновъ.

Давидъ и малъ, да сильнаго свергаетъ.

Поспѣловъ.

Не много храбрыхъ вывелъ Гедеонъ.

Мининъ.

Самсонъ все войско костью побиваетъ.

Аксеновъ.

Отъ гласа трубъ валится Ерихонъ.

Колзаковъ.

Съ большой ордой побить врага не диво.

Мининъ.

Во мнозѣ Богъ! И въ малѣ Богъ!

Аксеновъ

Аминь!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Воевода Алябьевъ.
Биркинъ.
Семеновъ.
Поспѣловъ.
Козловъ.
Мининъ.
Аксеновъ.
Темкинъ.
Губанинъ.
Лыткинъ.
Нефедъ Мининъ.
Татьяна Юрьевна.
Марѳа Борисовна.
Всякіе люди Нижняго Новгорода, обоего пола.
Сильные.

Площадь въ Кремлѣ недалеко отъ собора. Начинаетъ разсвѣтать.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанинъ. *Вбѣгаетъ* Лыткинъ.

Лыткинъ.

Ахъ, отцы мои, вотъ страсти-то! *(Увидавъ Губанина.)* Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что̀ за напасть такая?

Губанинъ.

Какая напасть?

Лыткинъ.

Да какъ же, Сёма! Зачѣмъ въ большой колоколъ-то били? Слышу я, зачали въ колоколъ бить, народъ бросился въ городъ, такъ и обмеръ. Ну, думаю, всполохъ отъ воровскихъ людей.

Губанинъ.

Какой всполохъ? Что̀ ты!

Лыткинъ.

Такъ зачѣмъ же въ большой-то? Ноньѣ праздника нѣту.

Губанинъ.

Затѣмъ и въ большой, чтобъ больше народу набралось. Грамоту изъ Сергіева монастыря читать будутъ.

Лыткинъ.

Ишь ты! А вѣдь, мнѣ сдуру-то втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ. Тутъ у воротъ подъ горой и складываютъ.

Губанинъ.

Кто о душѣ, а ты все о рухляди. Какъ тебѣ не стыдно!

Лыткинъ.

Молодъ еще ты учить-то! Я ужъ страсти-то видывалъ. Какъ тогда князь Вяземскій подходилъ, натерпѣлись тоже не мало. Оно точно, Богъ сохранилъ, а добра-то что распропало.

Губанинъ.

На Москвѣ больше нашего распропало.

Лыткинъ.

Такое опредѣленіе. Значитъ, терпи! Ну, а намъ, пока Богъ милуетъ, свое добро беречь надо. Отошла обѣдня-то?

Въ народѣ.

Грамоту читаютъ!—Грамоту читаютъ!

Губанинъ.

Ужъ какъ хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалѣлъ.

Лыткинъ.

Ужъ и я бы послушалъ. Протѣснимся какъ-нибудь. Посторонитесь, почтенные! *(Проходятъ. Народъ мало-по-малу протьсняется въ соборъ. У паперти открывается кучка слѣпыхъ, которые были скрыты народомъ.)*

Слѣпые *(запѣваютъ)*.

Живалъ себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Золотыя одёжи богатъ одѣвалъ,
Про милость про Божью богатъ не давалъ,
Про нищую братью богатъ забывалъ.
А былъ у богатаго убогій братецъ;

Восползетъ убогій къ богату на дворъ,
Закричитъ убогій громкимъ голосомъ.

(Заря занимается. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы. Слышны голоса: „Подайте слѣпому, убогому! Сотворите святую милостыню!“ Мальчики увозятъ слѣпыхъ на паперть.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Проходятъ двое.

1-й.

Экой плачъ! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й.

Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонкѣ, видно: какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что ли! *(Проходятъ.)*

Старикъ и женщина.

Старикъ.

Гибнетъ, говоритъ, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Каково это слово! Скажи ты мнѣ, каково слышать?

Женщина.

Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ; этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. *(Проходятъ.)*

Проходятъ четверо.

1-й.

Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й.

А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й.

Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наслѣдуешь.

4-й.

Безпремѣнно. *(Проходятъ.)*

Двѣ женщины.

1-я.

Ни въ жизнь столько слезъ не видала! Ни на однихъ похоронахъ того не бываетъ.

2-я.

Ужъ и не говори! Такъ рѣкой и разливались. Ангелы-то съ небеси, чай, смотрятъ да радуются. *(Проходятъ. Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуя улицу для выходящихъ изъ собора. Выходятъ воевода, Биркинъ и Семеновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Воевода, Биркинъ и Семеновъ.

Воевода *(утирая слезы)*.

Вы видѣли, какъ плакалъ весь народъ,
Вы слышали тяжелыя рыданья!
Какія слезы! Боже! Правъ Кузьма:
Съ такимъ народомъ можно дѣло дѣлать
Великое. Онъ кротокъ, какъ дитя,
Онъ плачетъ. Но, взгляните, эти слезы —
Не хныканье старухъ и стариковъ;
Въ нихъ сила страшная; омывшись ими,
Онъ чистъ и твердъ, какъ камень самоцвѣтный;
Онъ сбросилъ тяжесть помысловъ житейскихъ
И суеты, и будничныхъ заботъ,
И вышелъ непороченъ: хоть на битву
Веди его, хоть въ монастырь честной,
Хоть на небо.

Семеновъ *(со слезами)*.

Великую ты правду,
Андрей Семенычъ, говоришь. Я старъ,
Заматерѣлъ въ грѣхахъ; а Божье слово,
Въ часъ утренней молитвы, возвышаетъ
Мнѣ душу грѣшную, и рвутся цѣпи,
Къ землѣ гнетущія; хочу подняться,
Какъ утопающій, ищу спасенья;

Цвѣтущій берегъ райскій вижу ясно,
И плыть готовъ, и силу обрѣтаю.

Воевода.

Страдалъ народъ; теперь конецъ страданью,
Замѣтно по всему. И страшно будетъ
Отмщеніе за пролитую кровь.

Биркинъ.

Потерпитъ и еще.

Воевода.

Вотъ ты увидишь,
Что этотъ день начало избавленья
Отъ всѣхъ напастей, обстоящихъ насъ.
Народъ проснулся. Даромъ такъ не плачутъ.
Повѣрь ты мнѣ: заря освобожденья
Здѣсь, въ Нижнемъ, занялась на всю Россію.
Взойдетъ и солнце.

Семеновъ.

Кабы намъ твоими
Устами медъ пить.

Воевода.

Дастъ ли Богъ дожить?
А доживемъ, увидимъ. Эко чудо!
Все изъ ума нейдетъ. Какія слезы!
Всѣ плакали, отъ мала до велика.

(Уходитъ. Входятъ Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и нѣсколько народа.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Биркинъ, Семеновъ, Аксеновъ, Поспѣловъ, Темкинъ, Губанинъ, Лыткинъ и народъ.

Поспѣловъ.

Выходишь отъ обѣдни, помолясь
Съ усердіемъ и досыта поплакавъ,
И такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ;
И подъ ногами ты земли не чуешь,
И ногъ не слышишь; и заря-то ярче
Горитъ на небѣ; точно сладкій медъ,
Пьешь воздухъ утренній. Такое диво!

Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ!
А день придетъ — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ.

Вѣстимо, утромъ человѣкъ помягче,
Пока не заболтался въ суетѣ;
И разумъ крѣпче, да и воля тверже.
И особливо помолясь усердно.
Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарьичъ
Сказать народу, чтобъ не расходился.
Пожалуй, послѣ всѣхъ и не сберешь.
Да и сердца-то огрубѣть успѣютъ.
Теперь въ соборѣ заказалъ молебенъ
Онъ ангелу хранителю, Косьмѣ
Безсребреннику. Вы поговорите
Съ народомъ-то, пока молебенъ кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу: одинъ въ одну сторону, другой въ другую.)

Темкинъ.

Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьичъ хочетъ говорить.

Губанинъ.

Коли не въ трудъ, повремените малость:
Кузьма Захарьичъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Мининъ.

Мининъ *(съ лобнаго мѣста)*.

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье!

Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что̀-жъ! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ-ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса.

Мы всѣ, Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной!

Мининъ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній!
Не пощадимъ казны и животовъ!
Мы продадимъ дворы свои и домы!
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!

Голоса.

Зало̀жимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ.

Что̀ мѣшкать даромъ, время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,
Которому то дѣло за обычай,
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

Голоса.

Князь Димитрій
Михайловичъ Пожарскій! — Князь Пожарскій!
Другого намъ не надо!

Мининъ.

Воля̀ Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа —
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на́-спѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что̀ можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я — Господи, благослови начало! —
Свои, копленыя и трудовыя,
Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другіе голоса.

Что̀ деньги! Деньги дѣло наживное;
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда,
Чтобъ изъ дому несли, что̀ подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли-бъ у святыхъ иконъ взаймы,
На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса.

Все отдадимъ!—Теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія.)

Мининъ.

Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну!
Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ.)

Биркинъ.

Нѣтъ, въ Нижнемъ принялись за дѣло крѣпко.
Здѣсь дѣлать нечего; а по добру
Да по здорову лучше убираться.

Семеновъ *(подходитъ къ Минину)*.

Обидѣлъ я тебя, Кузьма Захарьичъ,
Прости меня!

Мининъ.

Господь тебя проститъ.

Семеновъ.

Я мнилъ, смущаемъ дьявольскимъ прельщеньемъ,
Что грубый ты и гордый человѣкъ,
Что ради славы суетной ты ищешь

Владычества надъ равными тебѣ
И временной корысти. Просвѣщаетъ
Господь мнѣ очи нынѣ. Зрю въ тебѣ
Поборника по вѣрѣ православной,
Ясносіятельной и непорочной,
И кланяюсь тебѣ, прости меня!
Я старъ, душѣ моей приспѣло время
Сводить расчетъ дѣлъ правыхъ и неправыхъ.
И такъ грѣховъ довольно на душѣ;
Ты отпусти мнѣ этотъ грѣхъ послѣдній,
Все легче будетъ хоть однимъ грѣхомъ.

Мининъ.

Не у меня, у Господа прощенья
Проси! А я обидъ твоихъ не помню.

Семеновъ.

Ну, и спаси тебя Господь за это!
Не откажите малый вкладъ принять
Отъ многогрѣшнаго раба Василья.

(Отходитъ съ Мининымъ. Народъ болѣе и болѣе тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи, что и продолжается до конца дѣйствія.)

Губанинъ *(Темкину)*.

Пойти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлѣба на день:
Съ меня и будетъ.

Темкинъ.

Погоди, успѣешь!
Мы первые пошли на это дѣло,
Не спятимся. Что, Лыткинъ замолчалъ?

Губанинъ.

Ты знаешь, Лыткина имѣнье близко:
Онъ въ городъ перенесъ, боясь всполоху;
Какъ давеча къ обѣднѣ зазвонили
Въ большое било, онъ и испугался.

Темкинъ.

Ну, ладно-жъ! Погоди, Василій Лыткинъ! *(Лыткину.)*
Ай, Вася! Вотъ хвалю! Такъ, братъ, и надо!

Лыткинъ.

А что?

Темкинъ.

Да какъ же! Ты свои пожитки
Всѣ приволокъ. Чего-нибудь да стоитъ.

Лыткинъ.

Да нешто я про васъ?

Темкинъ.

А про кого же?

Лыткинъ.

Я для сохранности принесъ.

Темкинъ.

Ну, полно
Шутить-то съ нами.

Лыткинъ.

Да какія шутки!
А вотъ возьму, да и пошлю домой.

Темкинъ.

Покойниковъ съ погосту въ домъ не носятъ.

Лыткинъ.

Такъ что же вы хотите?

Темкинъ.

Вотъ покличемъ
Мы молодцовъ, перетаскаютъ мигомъ.
А изъ мірской казны не отдадутъ.

Губанинъ.

Да и просить-то стыдно.

Лыткинъ.

Что-жъ, вы грабить
Меня хотите?

Темкинъ.

Какъ же быть съ тобой?
Неволя заставляетъ, самъ доводишь!

Губанинъ.

Ты скупостью своей и насъ позоришь!
Паршивая овца все стадо портитъ.

Лыткинъ.

Ужъ вы меня пустите!

Темкинъ.

Нѣтъ, уйдешь!

Лыткинъ.

Не погубите!

Темкинъ.

Вотъ что, братъ Василій!
Дай деньгами! Пожитковъ мы не тронемъ.

Губанинъ.

Вѣдь, деньги всѣ съ тобой. Боясь всполоху,
Всѣ до копейки изъ дому унесъ.

Лыткинъ.

А много-ль?

Темкинъ.

Всѣ отдай!

Губанинъ.

Ну, половину!

Лыткинъ.

Ой, много!

Темкинъ.

А заспоришь, хуже будетъ.

Губанинъ.

Ну, третью деньгу дай!

Темкинъ.

Съ лихой собаки
Хоть шерсти клокъ.

Губанинъ.

Какъ на міру рѣшили!

Темкинъ.

Развязывай кошель-то, сосчитаемъ!
(Всѣ трое садятся на землю и считаютъ деньги.)
Три доли ровно, видишь. Двѣ тебѣ,
Сбирай въ мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь въ шапку, да и съ Богомъ!
Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, отдадимъ съ поклономъ.
(Подходятъ къ Аксенову.)
Примай-ка, Петръ Аксенычъ!
(Лыткинъ подаетъ шапку.)

Аксеновъ *(высыпаетъ деньги и возвращаетъ шапку).*

Вотъ спасибо!
Не ожидалъ я отъ тебя, Василій.

Лыткинъ.

Я на мірскую нужду не жалѣю. *(Отходитъ).*
Ужъ только знаетъ грудь да подоплека,
Какъ мнѣ легко. Убраться поскорѣе.
(Уходитъ. Входитъ Колзаковъ).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Колзаковъ.

Колзаковъ *(Минину).*

А я что̀ дамъ? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людямъ завидно.
Не то завидно, милый человѣкъ.
Что хорошо живутъ да чисто ходятъ,
А то завидно, что добро несутъ,
А мнѣ вотъ нечего. И одежонка
Вся тутъ. Да! Погоди! Тѣльникъ на шеѣ,
Серебряный, большой. Ну, слава Богу!
Нашлось-таки, что̀ Господу отдать. *(Снимаетъ.)*
Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни
Пойдетъ на дѣло и моя копейка.

(Входятъ Татьяна Юрьевна и Нефедъ. За ними несутъ сундуки и лари.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Татьяна Юрьевна и Нефедъ.

Нефедъ.

Какъ, батюшка, изволилъ приказать,
Такъ точно мы, по твоему приказу,
И сдѣлали — все принесли сюда.

Мининъ.

Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ!
Кладите въ кучу, послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна.

Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ,
Ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья,
И съ камушками перстеньки, и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю,
На что тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарьичъ,
Ты слово твердое, такъ что намъ думать.

Мининъ.

Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна.

Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Отдаетъ. Входитъ Марѳа Борисовна; за ней несутъ сундуки и ларцы.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Марѳа Борисовна.

Марѳа Борисовна.

Богатое наслѣдство мнѣ осталось
Отъ мужа моего и господина.
Отцы и дѣды прежде накопили,
А онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много
Къ отцовскому наслѣдію прибавилъ
И умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ
Ему Господь плоды трудовъ увидѣть,
Покрасоваться нажитымъ добромъ.
Благословенья не было отъ Бога
Мнѣ на дѣтей — однимъ одна осталась
Хозяйкою несчетнаго добра,
Добра чужого; я съ собою мало
Въ домъ принесла. Искала я родныхъ;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась

Раздать казну за упокой души,
И весело мнѣ стало, что заботу
Такую дорогую Богъ послалъ.
И вотъ, благословясь, я раздавала
По храмамъ Божьимъ на поминъ души,
И нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу,
Убогимъ и слѣпымъ, и прокаженнымъ,
Сиротамъ и въ убогіе дома,
Колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ,
Въ обители: и въ Кіевъ, и въ Ростовъ,
Въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ,
На Бѣлоозеро, и въ Галичъ, и въ Поморье,
И въ Грецію, и на Святую гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось —
То долгъ несутъ, то кортому съ угодій.
И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла,
Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.
Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте!
На добрыя дѣла, на обиходъ
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмите.
А мнѣ на что? Съ меня и такъ довольно —
Однихъ угодій хватитъ на прожитокъ.

(Отходитъ къ сторонѣ.)

Поспѣловъ.

Ты мнѣ теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

Марѳа Борисовна.

Ахъ, что ты?
Я не жена еще!

Поспѣловъ.

Не все-ль равно!
Не рано — поздно, будешь же женою.
Да долго-ль ждать-то? Скоро постъ начнется:
Сама ты знаешь, свадьбы не вѣнчаютъ

Марѳа Борисовна.

Какой ты скорый! Развѣ мало дѣла?
Все не управлюся.

Поспѣловъ.

Вотъ вы какія!
Вамъ только мучить человѣка! Знаю
Я вашъ обычай. Что же за порядокъ!
Тутъ постъ, а тамъ къ Москвѣ пора итти;
Намъ и пожить-то вмѣстѣ не удастся.

Марѳа Борисовна.

Ахъ, милый мой, такъ ты къ Москвѣ пойдешь?

Поспѣловъ.

Еще бы не пойти! Само собою.

Марѳа Борисовна.

Ахъ, мой сердечный! Экой ты хорошій!
Богъ дастъ, вернешься!

Поспѣловъ.

Какъ же, дожидайся!
Скорѣе голову свою положишь.

Марѳа Борисовна.

А голову положишь, нешто худо!
Что мученикъ, что на войнѣ убитый,
Вѣдь, все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

Поспѣловъ.

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здѣсь, въ Нижнемъ,
Жениться бы.

Марѳа Борисовна.

Объ дѣлѣ меньше будешь
Женатый думать. Вотъ что, другъ любезный!
Ты знаешь ли: женатый о женѣ,
А холостой о Богѣ.

Поспѣловъ.

Наше дѣло,
А не твое. Про то мы сами знаемъ.
Ты обѣщала, такъ назадъ не пяться!

Марѳа Борисовна.

Зачѣмъ мнѣ пятиться! Какая стать!
Ну, чѣмъ ты не женихъ? Собой красавецъ,
И развеселый, и такой удалый!

Другихъ такихъ не сыщешь. Изъ-подъ ручки
На жениховъ такихъ невѣсты смотрятъ.

Поспѣловъ.

Да, только смотрятъ.

Марѳа Борисовна.

А тебѣ все мало.

Поспѣловъ.

Все шутки у тебя. Мнѣ не до шутокъ!
Тебѣ забава — мнѣ кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Безъ вѣтра-вихоря, безъ солнца вяну.
Ложись да умирай!

Марѳа Борисовна.

Дай Богъ пожить!
Повеселиться да дѣтей понянчить!
Ты не кручинься! Богъ дастъ, будемъ живы,
Еще успѣемъ и намиловаться,
И надоѣсть другъ другу.

Поспѣловъ.

Богъ съ тобой!
Хотѣлъ браниться, что не держишь слова,
Языкъ не слушаетъ. Махнуть рукой
Приходится да ждать себѣ рѣшенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать, и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нѣтъ — такъ Богъ накажетъ.

(Отходитъ.)

Татьяна Юрьевна.

Ты не зайдешь ли къ намъ отсюда, Марѳа
Борисовна, на пирожокъ?

Марѳа Борисовна.

Не знаю,
Какъ и сказать тебѣ! Не обмануть бы!
Вотъ видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы.
Да въ монастырь на тихое житье
Пройти отсюда прямо, ужъ домой

Не заходить; да послѣ разсудила,
Что надо будетъ Богу послужить
Еще въ міру пока. Сберется войско,
Постои да кормы имъ нужны будутъ;
Домъ у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядѣть
Да присмотрѣть самой. Свой глазъ все лучше;
Заглазно — безпокойно.

Татьяна Юрьевна.

Ну, еще бы.

Марѳа Борисовна.

Вотъ, разсудивши такъ-то, я отсюда
И думала пробраться въ Воскресенскій,
Себѣ хотѣлось келью присмотрѣть.

Татьяна Юрьевна.

Вотъ ужъ не думала. Да что ты, Марѳа
Борисовна! Ушамъ своимъ не вѣрю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смѣешься съ нами, парней молодыхъ
Не обѣгаешь...

Марѳа Борисовна.

Что же ихъ бояться?
Подумаютъ, горда. Грѣха-то больше!
А пусть болтаютъ да смѣются вдоволь,
Отъ ихнихъ словъ меня, вѣдь, не убудетъ:
Побалагуримъ, да и разойдемся.

Татьяна Юрьевна.

Да какъ же это? Алексѣй Михайлычъ
Мнѣ сказывалъ, что онъ тебя засваталъ,
И ты не прочь, и, будто, по рукамъ
Ударили. Онъ ждетъ и не дождется.

Марѳа Борисовна.

Не говори ему, пускай онъ ждетъ.

Татьяна Юрьевна.

Обманывать грѣшно!

Марѳа Борисовна.

Да что же дѣлать!
Ты разсуди сама: итти мнѣ замужъ

Ужъ не приходится—я обѣщала
Вдовой остаться, Божьей сиротой;
А Алексѣй Михайлычъ ласковъ очень,
Меня онъ любитъ; откажи ему —
Разсердишь. Кротокъ онъ теперь и смиренъ;
Пожалуй, въ гнѣвъ его введешь и въ злобу,
И будетъ только грѣхъ одинъ. Ужъ лучше
Хоть обману, да въ мирѣ поживемъ.
Пусть думаетъ, что я его невѣста.
Теперь къ Москвѣ сбираться скоро будетъ,
Дорога дальняя — меня забудетъ.
Не до любви — тамъ горе ждетъ его,
А я молиться буду за него.

(Уходитъ. Народу все больше прибываетъ на площадь.)

Одинъ изъ толпы.

Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой.

Зипунишко!

(Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами.)

Голоса.

Вотъ наши деньги изъ квасного ряду! —
Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрѣльцы Колзакова Банма сотни!

Поспѣловъ.

Вотъ праздникъ, такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мининъ.

И я смотрю; душа во мнѣ растетъ.
Не явно ли благословенье Божье!
Теперь у насъ и войско, и казна,
И полководецъ. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатѣвъ,
Какъ непоборные орлы, помчимся
И грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ,
Какъ левъ, зіяетъ, бѣсомъ воружаемъ;
Не страшенъ намъ злохитрый ковъ его!
За насъ молитвы цѣлаго народа,
Дѣтей и женъ и старцевъ многолѣтнихъ,

И пѣнье иноковъ и клиръ церковный,
Елей лампадъ, куреніе кадилъ!
За насъ угодники и чудотворцы,
И легіоны грозныхъ силъ небесныхъ,
Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

(Вбѣгаетъ юродивый.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Юродивый.

Голоса.

Бѣжитъ убогій! — Гриша! — Пропустите!

Юродивый *(на лобномъ мѣстѣ).*

Вотъ денежки! Копеечки! Возьмите!
Ихъ много, много! *(Высыпаетъ деньги.)*

Голоса.

Вотъ онъ собиралъ
Все на дорогу-то! — Выходитъ, правда. —
Ужъ эти деньги, братцы, всѣхъ дороже.

Юродивый.

Темно! темно! Не вижу ничего!
Гдѣ люди? Гдѣ земля? Все внизъ уходитъ.
Повыше бы подняться! Выше! Выше! *(Его поднимаютъ.)*
Я вижу, вижу!...

Голоса.

Что ты видишь, Гриша?
Всѣмъ сказывай! — Всѣмъ говори, что видишь!

Юродивый.

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты,
Кругомъ стѣны посады протянулись,
Далеко въ поле слободы легли,
Все по горамъ сады, на церквахъ главы
Все золотыя. Вотъ одна всѣхъ выше
На солнышкѣ играетъ голова,
Рѣка, какъ лента, вьется... Кремль!... Москва!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Минина.
Татьяна Юрьевна.
Нефедъ.
Аксеновъ.
Носильовъ.
Семеновъ.
Площадной подьячій.
Выборные.
Народъ.

Горница въ домѣ Минина. Налѣво дверь въ другой покой, прямо въ сѣни.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Татьяна Юрьевна *сидитъ у стола, пригорюнясь:* Нефедъ *стоитъ у притолока. Входитъ* Аксеновъ.

Аксеновъ.

Миръ дому и живущимъ въ немъ! Здорово-ль
Вы здѣсь живете?

Татьяна Юрьевна.

Чьи-нибудь молитвы
Доходятъ къ Богу: живы и здоровы!

Аксеновъ *(садясь).*

Такъ что-жъ вы пріуныли, осовѣли?

Нефедъ.

Да батюшка...

Аксеновъ.

Ну, что-жъ?

Нефедъ.

Тоскуетъ очень.

Татьяна Юрьевна.

И не глядитъ на свѣтъ, сидитъ горюетъ.

Аксеновъ.

Что за бѣда такая! Отчего бы?

Нефедъ.

Кто̀-жъ знаетъ!

Татьяна Юрьевна.

Нешто скажетъ!

Аксеновъ.

Вы-бъ спросили!

Нефедъ.

Не смѣемъ.

Аксеновъ.

Ну, такъ я поговорю.

Татьяна Юрьевна.

Поговори-ка, Петръ Аксенычъ, толкомъ!
Авось уймется.

Нефедъ.

Батюшка идетъ.

(Татьяна Юрьевна и Нефедъ уходятъ въ среднюю дверь. Мининъ выходитъ изъ боковой.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Аксеновъ и Мининъ.

Аксеновъ.

Здорово, другъ, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Здравствуй!

(Садится на лавку и, молча, смотритъ въ окно.)

Аксеновъ.

Опомнись! Что̀ ты! Какъ тебѣ не грѣхъ!

Мининъ.

Тоска меня загрызла; изсосала
Мнѣ сердце, какъ змѣя.

Аксеновъ.

О чемъ скорбишь?
Ты мнѣ скажи, на сердцѣ легче будетъ.

Мининъ.

Ты не поможешь. Горько мнѣ до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,

Упало сердце ретивое, кровь
По жиламъ холодѣетъ!

Аксеновъ.

Ты въ умѣ ли?
Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ!
Какое время, вспомни, грѣховодникъ!
Какое дѣло на плечахъ твоихъ!
Будь твердъ, какъ камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грѣхомъ унынія грѣшишь предъ Богомъ!
Противна Богу суетная скорбь.

Мининъ.

Нѣтъ суеты во мнѣ. Коришь напрасно.
Земныя страсти надо мной не властны.
Разсыпься домъ и погреби семью,
Возьмись пожаръ и разнеси по вѣтру
Все нажитое, до послѣдней нитки, —
Я буду твердъ, хвалить и славить Бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грѣхомъ. Я нагъ на свѣтъ родился
И нагъ въ могилу лягу. Страшно молвить,
Аксенычъ, страшно молвить! Наше дѣло,
Великое, святое начинанье,
Какъ сельный цвѣтъ въ сухое лѣто, вянетъ.
Выводимъ стѣны, крышу крыть хотимъ.
А храмина некрытая валится.
Вотъ отчего лицо мое мертвѣетъ,
И зимнимъ холодомъ ведетъ по тѣлу,
И дыбомъ подбираетъ волоса.
Народъ волна — прихлынетъ и отхлынетъ.
Давно-ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копейки
Послѣднія и мѣдные кресты?
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что женъ, дѣтей хотѣли заложить.
Всѣ пріуныли. Только бѣдняки
И веселы; а тѣ, что побогаче,

Какъ туча черная, всѣ почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ. Они не видятъ,
Что дьяволъ ихъ тенетами опуталъ
И въ бездну тащитъ золотымъ арканомъ.
А много-ль мы собрали, Петръ Аксенычъ?
Съ чѣмъ начинать? Подумай, посуди!
А развѣ ты не видишь тайной злобы
Ко мнѣ? Не всѣ, я не хочу грѣшить,
А есть такіе — разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себѣ
Радѣю я, а не о земскомъ дѣлѣ.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Димитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: „Кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?“ —
Меня не назовутъ, гляди, другого
Кого-нибудь. Все прахомъ и пойдетъ!

Аксеновъ.

Не гордость ли, Кузьма?

Мининъ.

Нѣтъ, Петръ Аксенычъ!
Да развѣ гордость, не жалѣя силы,
И день, и ночь, не покладая рукъ,
Безъ устали, безъ отдыха работать!
Одинъ для всѣхъ слуга я поминутный;
Да и впередъ вамъ послужить хочу.
Вѣдь, я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдетъ,
Тутъ только поспѣвай, вѣдь, съ ногъ собьешься
И, не доѣвши, вскочишь изъ обѣда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себѣ перекрестить порядкомъ.
Вотъ я чего хочу. Пускай другіе
За дѣло примутся, тогда увидишь,
Что̀ заварится! Брань да перекоры,
Бездѣльные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не сумѣютъ;
А что̀ собрали, растрясутъ, развѣютъ,

А дѣлу-то поруха! Намъ безчестье!
И передъ Богомъ грѣхъ незамолимый!

Аксеновъ.

Не дай Богъ слышать, а не то что видѣть
Грѣха такого!

Мининъ.

Чай, тебѣ случалось
Видать не разъ, какъ тонетъ человѣкъ;
А, можетъ, самъ тонулъ?

Аксеновъ.

Всего бывало.

Мининъ.

Перекрестясь, да съ берега крутого
Ты бросишься, на силу-то надѣясь;
Плывешь такъ весело; на полдорогѣ
Вдругъ страшно станетъ, ищешь ты глазами,
Гдѣ ближе берегъ. Смотришь ты впередъ,
Тамъ столько же, какъ съ берега казалась
И вся рѣка; назадъ — тамъ вдвое шире.
Кричать нѣтъ пользы, берега пустые,
Отвѣта не дадутъ; а кто услышитъ,
Такъ скоро-ль добѣжитъ да сыщетъ лодку!
Вдругъ смертная тоска одолѣваетъ;
Глазами водишь: мать сыра-земля
Цвѣтетъ попрежнему, проходитъ стадо
Вдали, чуть видно: пролетѣли чайки
Съ зловѣщимъ крикомъ; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось,
И потемнѣлъ тальникъ по берегамъ;
И, сотворивъ молитву, тонешь, бѣдный,
Безъ помощи. Вотъ такъ и я тону.
Да не одинъ я, всѣ мы, всѣ мы тонемъ. *(Задумывается.)*

Аксеновъ.

Ты былъ у князя?

Мининъ.

Одному тебѣ
Покаюсь, былъ.

Аксеновъ.

На чемъ же порѣшили?

Мининъ.

Князь добрый человѣкъ. Меня онъ слушалъ
Привѣтливо и долго; обласкалъ
И самъ разспрашивалъ про все по ряду:
„Да что? Да какъ? Да правду-ль говоришь?“
Самъ понимаешь, княжеское дѣло.
„Скажи-ка, говорю, ты мнѣ, князь Дмитрій
„Михайловичъ, кто больше сработаетъ —
„Голодный, али сытый? Подневольный,
„Али за деньги нанятой? Скажи-ка,
„Не оттого ли нашимъ воеводамъ
„И дѣло ратное не удавалось,
„Что только силу ратную считали,
„А про кормы, да про казну забыли?
„Безъ корму, да безъ денегъ, что за ратникъ!
„Ни силы нѣтъ, ни духу! Ты возьми
„Отъ человѣка до скота — все то же!
„Вѣдь, сытый конь побольше и свезетъ,
„И въ гору вытянетъ; на чахломъ много-ль
„Наѣздишь? Самого тянуть придется“.
Да такъ вотъ все ему, какъ на ладони,
И выложилъ. Подумалъ князь, подумалъ,
И говоритъ: „Ты правъ, Кузьма Захарьевъ!
„Съ такой оравой въ дальнюю дорогу
„Мнѣ безъ тебя сряжаться, что безъ рукъ.
„Давай ужъ вмѣстѣ Господу послужимъ!“
Поцѣловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

Аксеновъ.

Такъ ты чего-жъ боишься, маловѣрный?

Мининъ.

Да развѣ князь не можетъ передумать!
Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ:
Ты знаешь самъ, какъ я богатымъ солонъ!
А ихъ-то и послали съ челобитьемъ.
Душа изъ тѣла рвется, полетѣлъ бы
Однимъ глазкомъ взглянуть, что тамъ творится.

Аксеновъ.

А вотъ пріѣдетъ Алексѣй Михайлычъ —
Разскажетъ все. Сегодня надо ждать.

(Поспѣловъ входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Поспѣловъ.

Аксеновъ.

А онъ и тутъ. Легокъ же на поминѣ.
Здорово-ль съѣздили?

Поспѣловъ.

Благополучно.
Дорога гладкая, морозецъ легкій!
По первопутью, ровно какъ по маслу,
Шутя доѣхали. Да и назадъ
Вернулись по добру да по здорову.

Мининъ.

Садись! Въ ногахъ нѣтъ правды! Говори!
Душа не терпитъ, сердце не на мѣстѣ!

Аксеновъ.

Все сказывай, какъ было, по порядку!

Поспѣловъ.

Вотъ, перво-на-перво, мы духовенство
Пустили въ горницу, а тамъ, честь честью,
Вошли и мы; кто старше — впереди.
Всѣ помолились, низко поклонились.
Князь подошелъ къ благословенью, отдалъ
Намъ всѣмъ поклонъ и началъ говорить,
Что радъ гостямъ, и что желаетъ слышать,
Какую нужду до него имѣютъ.
Тутъ всѣ заговорили. Дьякъ Василій
Большую рѣчь держалъ хитро и складно
И приводилъ слова святыхъ писаній.
Князь слезно плакалъ. Видно, что по сердцу
Ему пришелъ нашъ земскій приговоръ.
„Ступайте въ Нижній, говоритъ, скажите,
„Что я за вѣру пострадать готовъ
„До самой смерти. Только подобаетъ
„Между собою изъ людей посадскихъ
„Вамъ выбрать мужа, чтобы вмѣстѣ быть
„Намъ у великаго такого дѣла,
„Казну сбирать и ратныхъ одѣлять,

„И всѣ дѣла намъ дѣлать заедино“.
И стали наши князю говорить:
„Не знаемъ мы такого человѣка!“

Мининъ.

Они не знаютъ! Слышишь, Петръ Аксенычъ?
Меня отъ службы земской оттираютъ.
Иду въ холопы къ нимъ — не принимаютъ!

Аксеновъ.

Постой! Возьми терпѣнье! Дай дослушать!

Поспѣловъ.

А князь имъ говоритъ: „У васъ Кузьма
„Захарьевъ, Сухорукъ, то дѣло знаетъ;
„Онъ человѣкъ бывалый и служилый,
„Ему такое дѣло за обычай!
„Его просите! Буде согласится,
„И я, не мѣшкая, сбираться буду“.
Насъ накормили, брагой напоили,
И съ миромъ отпустили. Вотъ и все.

Аксеновъ.

Гдѣ-жъ выборные?

Поспѣловъ.

Всѣхъ оповѣщаютъ
На площади. И копится народъ,
И сходится со всѣхъ сторонъ толпами;
Хотятъ всѣмъ міромъ двинуться къ тебѣ
Просить и кланяться, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ.

Они придутъ. О, Господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мнѣ сердце!
О! загради мой слухъ! да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! да не отдамся весь
Въ чужую волю скорыми рѣчами!
Они придутъ! *(Рѣшительно.)* Ну, что-жъ! Пускай!
Мы примемъ.

Аксеновъ.

Крѣпись, Кузьма!

Мининъ.

Да будетъ воля Божья! *(Входитъ Нефедъ.)*

Нефедъ.

Къ намъ гости, батюшка!

Мининъ.

Встрѣчай съ поклономъ!
Широко распахните ворота!
Всѣ двери отворите и зовите!

Поспѣловъ.

Теперь я лишнее бревно въ избѣ.

(Уходитъ въ боковую дверь. Входятъ Семеновъ, выборные и народъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мининъ, Аксеновъ, Семеновъ и выборные.

Семеновъ.

Кузьма Захарьичъ! вѣдомо тебѣ,
Что мы всѣмъ міромъ посылали къ князю
Димитрію Михайловичу въ Пурехъ
Нижегородцевъ, выборныхъ людей
Изъ всѣхъ чиновъ, съ великимъ челобитьемъ.
Да будетъ вѣдомо тебѣ, что стольникъ
Князь Дмитрій наше челобитье принялъ.
И приказалъ сказать всему народу
Нижегородскому свое рѣшенье:
Что ради вѣры пострадать готовъ
И собирается къ намъ въ Нижній на-спѣхъ.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратнымъ людямъ денегъ
Князь приказалъ приставить человѣка
Бывалаго, изъ лучшихъ изъ посадскихъ
Да будетъ вѣдомо, Кузьма Захарьичъ,
Что мы, поговоривъ между собою,
Съ посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебѣ
И звать къ мірскому дѣлу неотступно.

Одинъ изъ выборныхъ.

Ужъ не впервой тебѣ, Кузьма Захарьичъ,
За дѣло земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И въ этомъ разѣ ты насъ не покинь. *(Всѣ кланяются.)*

Другой выборный.

Кузьма Захарьичъ! мы къ тебѣ съ поклономъ,
Съ великимъ челобитьемъ прибѣгаемъ.
Ты нашей просьбы не оставь! Всѣмъ міромъ
Тебя мы просимъ: послужи ты намъ! *(Всѣ кланяются.)*

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у насъ! —
Всѣ просимъ: послужи, Кузьма Захарьичъ!

(Кланяются. Татьяна Юрьевна, Нефедъ и Поспѣловъ смотрятъ изъ боковой двери.)

Мининъ.

Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо! *(Кланяется.)*
Есть поумнѣй меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тѣхъ просите!

Голоса.

Намъ никого не надо! — Не хотимъ
Другого! Ты намъ любъ! — Тебя мы просимъ!

Мининъ.

Не бѣгалъ я отъ службы никогда,
Для дѣла земскаго бросалъ заботы
Свои домашнія, семью, торговлю,
Радѣлъ, чтобъ застоять да не обидѣть
Молодшихъ братій...

Голоса.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьичъ, ты объ насъ радѣлъ.

Мининъ.

Вотъ и недавно подняли мы дѣло,
И малое начало положили
Великому. Жалѣлъ ли я себя?
И деньги и добро принесъ я первый.
По-моему-то, всѣмъ такъ подобаетъ;

А, можетъ, кто жалѣетъ. Какъ тутъ быть!
Какъ тутъ орудовать! Одинъ и душу
Радъ заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно,
И только грѣхъ, да брань, да уреканье!
Послужишь Богу, такъ людей обидишь!
Людямъ служить, такъ Богу согрѣшить!
Кому служить-то: людямъ или правдѣ?

Голоса.

Ты правдѣ послужи, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ

Служилъ бы правдѣ, силы не хватаетъ,
Послѣднюю на службѣ истерялъ.
Работалъ много, наработалъ мало!
Хлопотъ по́ горло, дѣла на алтынъ!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотѣли волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, такъ въ пору.
Что́-жъ, мнѣ стоять съ ножомъ у горла, что́ ли?
Что́ было силы, послужилъ народу —
Ужъ не взыщите, утрудился больно. *(Кланяется.)*

Задніе *(переднимъ)*.

Просите! Кланяйтесь! Что́ такъ стойте!

Передніе *(кланяются)*

Кузьма Захарьичъ! Пожалѣй ты насъ!
Мы безъ тебя — безъ рукъ. Все дѣло прахомъ
Разсыплется.—Не совладать другому.
Напортитъ только. — Гдѣ другому сдѣлать!

Мининъ.

И не просите лучше, не могу.

Выборный.

Кузьма Захарьичъ, можетъ, ты серчаешь
На насъ за что? Такъ гнѣва не держи!
Вину и виноватаго повѣдай!
Въ чемъ проступились, въ томъ и повинимся.

Мининъ.

Другому кланяйтесь, я не слуга вамъ!
Послѣднее вамъ слово говорю.

(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками.)

Голоса.

Татьяна Юрьевна! ты, Петръ Аксенычъ,
Покланяйтесь да попросите съ нами!

Татьяна Юрьевна *(съ поклономъ)*.

Не наше дѣло, батюшки; не смѣемъ.

Аксеновъ.

Не все-жъ ему плясать по вашей дудкѣ!
Не въ часъ пришли, такъ лучше воротиться,
Да сызнова притти, да поклониться. *(Всѣ кланяются.)*

Татьяна Юрьевна.

Прощенья просимъ!

Голоса.

Съ Богомъ оставаться! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мининъ, Аксеновъ, Поспѣловъ и Нефедъ *(смотрятъ въ окно)*. Татьяна Юрьевна *(у боковой двери)*.

Мининъ.

Ушли! Ну, слава Богу! легче стало.
Душа моя открыта передъ Богомъ,
Я радъ служить, радъ душу положить!
Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади, между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовутъ меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

Нефедъ.

Вернулись, батюшка.

Мининъ.

Заприте двери!
Заткните окна!

Аксеновъ.

Что ты! Богъ съ тобой!
Пусти меня, я разскажу имъ толкомъ,
Чтобъ написали земскій приговоръ.

(Идетъ къ двери, дверь растворяется. Вдали толпа.)

Голоса.

Кузьма Захарьичъ, мы опять къ тебѣ.

Мининъ.

Сказалъ, что не пойду, чего-жъ хотите!
Я и въ другой разъ то же говорю;
Придете въ третій, въ третій то же будетъ.

(Аксеновъ уходитъ и затворяетъ дверь.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же *безъ* Аксенова.

Поспѣловъ *(у окна)*.

Идутъ, нейдутъ, едва переступаютъ,
Какъ словно что забыли. Межъ собою
Все шепчутъ что-то, плачутъ. Погляди!
Вотъ какъ ты дорогъ имъ, Кузьма Захарьичъ!

Мининъ.

Что-жъ, плачутъ! Я и самъ заплачу съ ними;
Да дѣлу-то какая польза будетъ!
Довольно слезъ, теперь нужна намъ твердость!
Чѣмъ плакать, написали-бъ приговоръ.
А и напишутъ, я сейчасъ же къ князю
Пошлю его. Нефедъ, сѣдлай коней!
И самъ сбирайся наскоро въ дорогу!
Ты, Алексѣй Михайлычъ, съ нимъ поѣдешь.
Везите, пуще глазу берегите,
И прямо къ князю въ руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымутъ,
Назадъ возьмутъ, коль въ чемъ не угодишь.

Нефедъ.

Я мигомъ, батюшка! *(Уходитъ.)*

Поспѣловъ.

Да не напрасно-ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьичъ?

Мининъ.

Да развѣ ты не видишь, какъ мнѣ горько
Хитрить съ народомъ, кабалить его?
Кабы не Божье дѣло, приговора
Я не просилъ бы. Я въ огонь и въ воду
По волѣ земской брошусь безъ оглядки.
И головой начальнымъ, и слугою
Готовъ служить по первому ихъ слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся, и помиримся,
Другъ на другѣ обиды не считаемъ.
Брань не страшна, на вороту не виснетъ.
То наше дѣло, дѣло поправное,
А это дѣло Божье; за оплошку
За каждую отвѣтишь передъ Богомъ.
Привелъ Господь начать благое дѣло,
И надо честно совершить его.
Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.
Мнѣ больше далъ Господь и больше спроситъ.

Поспѣловъ.

Идутъ опять, и Петръ Аксенычъ съ ними,
Подьячаго ведутъ со всѣмъ припасомъ.

(Входятъ Аксеновъ, подьячій, выборные и народъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Аксеновъ, подьячій и выборные.

Одинъ изъ выборныхъ.

Вели писать, а мы впередъ согласны
На всякій твой приказъ, Кузьма Захарьичъ.

Мининъ *(подьячему).*

Садись, пиши! *(Подьячій садится.)* Всѣхъ помяни
въ началѣ!
Дворянъ, дѣтей боярскихъ и головъ,
Всѣхъ по порядку напиши, какъ знаешь. *(Помолчавъ.)*

Пиши, что выбрали меня всѣмъ міромъ
У сбора денегъ ратнымъ людямъ быти. *(Помолчавъ.)*
Пиши! И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;
А животовъ не станетъ, женъ съ дѣтями
Имать у насъ и отдавать въ закладъ. *(Помолчавъ.)*
Готово?

Подьячій.

Написалъ.

Мининъ *(народу)*.

Ну, ладно-ль будетъ?

Голоса.

Пусть будетъ такъ! Прикладывайте руки!
(Прикладываютъ руки.)

Мининъ.

Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ. *(Кланяется.)*
Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость
Змѣиную и кротость голубину. *(Нефедъ входитъ.)*

Одинъ изъ выборныхъ.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьичъ! *(Подаетъ приговоръ.)*

Мининъ *(передаетъ Нефеду и Поспѣлову; они уходятъ)*.

О, Господи, благодарю тебя! *(Падаетъ на колѣни.)*

Аксеновъ.

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такого дѣла на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими-жъ такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слыхали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей русскою землею!

Голоса.

Ты выборный отъ всей земли великой!

ЭПИЛОГЪ.

(Выходъ ополченія изъ Нижняго Новгорода.)

(1612 г., мартъ).

ЛИЦА

Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, [illegible].
Мининъ, [illegible] всей земли русской.
Аксеновъ.
Посниковъ.
Марѳа Борисовна.
Татьяна Юрьевна.
Лапша.
Юродивый.
Весь народъ нижегородскій и многихъ другихъ городовъ. Войско.

Часть Нижняго посада, та же, что въ первомъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Посадскіе: впереди Аксеновъ, *за нимъ двое держатъ хлѣбъ-соль. Подлѣ нихъ* Лапша. *Толпы народа. Нѣкоторые проходятъ въ Кремль и изъ Кремля.*

Голоса.

Напутственный молебенъ поютъ. — Отпѣли, ратныхъ людей благословляютъ да кропятъ. — Ишь ты, наши нижнепосадскіе хотятъ съ хлѣбомъ-солью проводить. — Ужъ это какъ и водится. На нижнемъ посадѣ все и дѣло-то началось, съ Гостинаго двора пошло. Здѣсь кашу-то заварили, а гляди, что вышло.

Аксеновъ *(Лапшѣ).*

Честь честью, мы проводимъ съ хлѣбомъ съ солью
И добраго пути имъ пожелаемъ.

Лапша.

Я слышалъ, что по нашей сторонѣ,
Нагорнымъ берегомъ пойдутъ по Волгѣ,
На Балахну, на Юрьевецъ, на Решму.

Аксеновъ.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братецъ, будетъ посмотрѣть!
Какъ есть, рѣка польется. Ваши сёла
И города, что мелкіе ручьи,

Воды приконятъ,— взбухнетъ, поволиѣетъ,
И вдругъ широкимъ половодьемъ хлынетъ
На супостатовъ вѣры православной,
Снесетъ и смоетъ ихъ съ лица земли.

Лапша.

Я съ решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопотъ-то вамъ куда, чай, много было
Собрать такую силу?

Аксеновъ.

Ну, нельзя же!
Вотъ перво-на́-перво пришли смоляне,
Потомъ изъ Дорогобужа да изъ Вязьмы.
Бродили бѣдные; вездѣ ихъ гнали;
Какъ домы-то у нихъ поразорили,
И въ Ярополчъ, и въ Арзамасъ садились;
Вотъ къ намъ пришли и съ нами заедино
Хотятъ итти отмстить за кровь свою.
Потомъ коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополченье изъ Украйны,
Казаки и стрѣльцы, что̀ при Васильѣ
Въ Москвѣ сидѣли. И своихъ довольно.
Охотой шли, никакъ не остановишь!
И чудо, братъ, откуда что̀ бралось!
Такъ и плыветъ, такъ и плыветъ богатство;
Со всѣхъ сторонъ казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратнымъ
Самъ раздавалъ. И, Божьей благодатью,
Такъ и спорилось все въ его рукахъ.
Другіе нищіе пришли, босые,
Безъ одежонки; посмотри теперь!
Разбогатѣли, раскормились живо,
Всѣ молодцами смотрятъ — заглядѣнье!
Повѣришь ли, коня сегодня купитъ,
Дня черезъ три его и не узнаешь;
Хозяинъ не узнаетъ, хоть божись,—
Такъ раздобрѣетъ. Смотримъ да дивимся.
Ужъ истинно, что Богъ избралъ Кузьму!
Уменъ и счастливъ, да при всемъ при этомъ
Благословенье Божье помогаетъ.

Голосъ изъ толпы.

Никакъ коней ведутъ воеводамъ.

Другой голосъ.

Здѣсь не сядутъ, иѣшн пойдутъ.

(Изъ воротъ выходитъ Марѳа Борисовна, за ней бѣжитъ Поспѣловъ. Останавливаются поодаль отъ народа, у лавки Лыткина.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Марѳа Борисовна и Поспѣловъ.

Марѳа Борисовна.

Москву увидишь, Алексѣй Михайлычъ,
И отъ меня ей земно поклонись!
Дай Богъ счастливо! Отправляйся съ Богомъ!
Объ насъ не забывай!

Поспѣловъ.

О чемъ же помнить!
Мнѣ больше не о комъ, какъ о тебѣ!
Припомню все: какъ я тебя увидѣлъ,
Какъ полюбилъ, спознался тоску-злодѣйку!
Какъ за тобой по улицамъ широкимъ,
По мелкимъ переулочкамъ ходилъ,
Чтобъ только въ очи заглянуть украдкой!
Припомню, какъ сидѣли, говорили!
Какъ въ липовомъ покойчикѣ твоемъ
Свѣтло и чисто, какъ въ раю небесномъ.
Припомню, какъ сулила, обѣщала
Любить меня и быть моей женой,
Какъ только время даромъ протянула,
Какъ провела меня — и обманула!
Припомню все! Суди тебя Господь!

Марѳа Борисовна.

Вернешься ты, и вся твоя невзгода
Пройдетъ, какъ сонъ. И не о чемъ жалѣть!
Настанетъ время тишины и мира
И мы съ тобой любовно заживемъ.

Поспѣловъ.

Какъ знать, что будетъ! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся-ль на этомъ свѣтѣ?
А не придется, свидимся на томъ. *(Цѣлуются.)*

Марѳа Борисовна.

Прощай, мой милый! Зла на мнѣ не помни!
Я не женою, матерью родной
Хотѣла-бъ проводить тебя въ дорогу
Святымъ напутствіемъ, благословеньемъ.
Поди ко мнѣ, тебя я поцѣлую
Въ послѣдній разъ. Храни тебя Господь!

(Цѣлуются. Поклонъ убыстръ. Подходитъ Татьяна Юрьевна.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна.

Кузьма Захарьичъ только до Оки,
До переправы, воеводъ проводитъ,
Потомъ домой зайдетъ проститься съ нами.
У насъ и столъ накрытъ. Зайди и ты!

Марѳа Борисовна.

Ужъ я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на Божьихъ воиновъ. Изъ дома
Сегодня вышла я въ послѣдній разъ.
Вотъ постою съ народомъ и глазами
Своими посмотрю, какъ избавленье
Пойдетъ на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и въ келью, прочь отъ міра.

Татьяна Юрьевна.

Я стану заходить къ тебѣ. Безъ мужа,
Вѣдь, скучно будетъ, стану навѣщать. *(Уходитъ.)*

Голоса.

Идутъ. — Воеводы идутъ!

(Выходятъ князь Пожарскій, Мининъ и за нами войско.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Пожарскій и Мининъ.

Аксеновъ.

Нижегородцы Нижняго посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ, съ Кузьмою

Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ съ солью
Желаемъ проводить. *(Подаетъ хлѣбъ-соль.)*

Пожарскій.

Спасибо вамъ!

Аксеновъ.

Челомъ вамъ бьемъ, не брезгайте, примите!

(Пожарскій принимаетъ хлѣбъ-соль и передаетъ Минину. Мининъ передаетъ войску.)

Пожарскій.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье-бъ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

Мининъ.

Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ! Его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ,
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Пожарскій.

Пойдемте съ Богомъ! *(Войско трогается.)*

Народъ.

Прощайте, Божьи воины! — Помоги вамъ Господь! — Вы за насъ страдальцы, а мы за васъ богомольцы! *(Выбѣгаетъ юродивый вооруженный.)*

Юродивый *(кланяясь во всѣ стороны).*

Прощайте! Прощайте!

(Трубы, колокольный звонъ: войско, отрядъ за отрядомъ, изъ Кремля проходитъ чрезъ сцену.)

ШУТНИКИ.

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Павелъ Прохоровичъ Оброшеновъ, отставной чиновникъ.
Анна Павловна, 25-ти лѣтъ } дочери его.
Вѣрочка, 17-ти лѣтъ }
Александръ Петровичъ Гольцовъ, очень молодой человѣкъ, чиновникъ.
Филимонъ Протасьичъ Хрюковъ, богатый купецъ, 60-ти лѣтъ.
Недоносковъ }
Недоростковъ } молодые люди, одѣтые по послѣдней модѣ.

Небольшой садикъ, направо крылечко и окно дома; прямо заборъ; въ немъ, рядомъ съ домомъ, калитка; налѣво заборъ. Подъ деревомъ круглый столъ и нѣсколько стульевъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анна Павловна *сидитъ у стола съ работой и* Павелъ Прохоровичъ Оброшеновъ *сходитъ съ крыльца. Въ рукахъ у него листъ бумаги и чернильница съ перомъ.*

Оброшеновъ.

Ну, секретарь мой, пиши!

Анна Павловна.

Что прикажете?

Оброшеновъ.

Пиши: „Въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ, о цѣнѣ узнать отъ хозяина онаго дома". Пиши крупнѣе! Что ты будешь дѣлать! Пятую записку срываютъ. Ужъ теперь по-

выше прибью, не достанутъ. Вотъ такъ! Вотъ хорошо, разборчиво. Теперь всякій прочтетъ. Ну, а прочитаютъ, можетъ, и наймутъ. Сама ты посуди, четвертый мѣсяцъ квартира пустая стоитъ; а вѣдь, она шесть рублей въ мѣсяцъ ходитъ; а шесть рублей для насъ деньги. *(Поднимаетъ руку съ запиской.)* Если ее вотъ такъ прибить, можно будетъ прочесть?

Анна Павловна.

Можно, папенька.

Оброшеновъ.

А ты читай, читай!

Анна Павловна.

Да, вѣдь, я сама же и писала.

Оброшеновъ.

Нужды нѣтъ, а ты, все-таки, читай!

Анна Павловна *(читаетъ)*.

„Въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ, о цѣнѣ узнать отъ хозяина онаго дома".

Оброшеновъ.

Ну да, отъ хозяина; хозяинъ сейчасъ покажетъ комнаты, уговоритъ, умаслитъ. Хе, хе, хе! Вотъ у насъ и наймутъ, вотъ мы и богаты. Другой, можетъ быть, давно ищетъ квартиру, ну, бѣдный человѣкъ какой-нибудь ходитъ по улицамъ, ему и нужно три комнаты, а записки на воротахъ нѣтъ, сорвана, онъ и не знаетъ, что здѣсь отдается, и идетъ мимо. Нѣтъ, ужъ теперь кончено! Какъ поймаю, сейчасъ къ квартальному сведу.

Анна Павловна.

Кто же это, папенька, срываетъ?

Оброшеновъ.

Сосѣди, сосѣдскіе ребята, богатыхъ отцовъ дѣти озорничаютъ. То ли еще они дѣлаютъ! Отъ нихъ проходу нѣтъ по улицамъ: понадѣлаютъ трубокъ, черезъ заборъ на прохожихъ водой брызгаютъ; краской иліяпы мажутъ; женщинамъ къ платкамъ записочки прикалываютъ. А отцы только утѣшаются на своихъ чадовъ.

Анна Павловна.

Или утѣшаются, или бьютъ, чѣмъ ни попало.

Оброшеновъ.

А поди жаловаться, надъ тобой же насмѣются. „У тебя, видно, говорятъ, такой же умъ-то, какъ у ребенка. Молъ— глупъ, ну, и балуетъ: вырастетъ, умнѣе будетъ, перестанетъ баловать“. Только неправда это, Аннушка, неправда! Умнѣй они не бываютъ. Я сорокъ лѣтъ здѣсь живу, всѣхъ знаю: вырасти—вырастутъ, и рукой его не достанешь, а умъ все тотъ же. А то вотъ одному недавно сталъ жаловаться на сына; а онъ мнѣ что̀ сказалъ! „Я, говоритъ, до семи бѣдъ копилъ, у меня положёное; это еще третья. Какъ семь бѣдъ сдѣлаетъ, такъ отстегаю“. А другой говоритъ: „Ты служилъ?“ Служилъ, говорю. „Отчего-жъ на тебѣ кавалеріи нѣтъ? Кабы была кавалерія, никто-бъ тебя не посмѣлъ тронуть; значитъ, ты самъ виноватъ“. Вотъ съ ними и толкуй! Да и жаловаться-то нельзя. „Ты, говорятъ, все съ претензіями, ты неспокойный сосѣдъ, ты претендентъ!“ Аннушка, какой же я претендентъ! Какой я претендентъ! Ну, и терпишь, потому что ссориться съ ними нельзя, кушать будетъ нечего. Мы отъ нихъ же крохами побираемся. Поссорься съ однимъ, съ другимъ, такъ и придется зубы на полку положить. А вотъ я со всѣми въ ладу, я все больше шуточкой, шуточкой, а гдѣ такъ и поклонами. Оно точно, что на тебя, какъ на шута смотрятъ, да за то кормимся.

Анна Павловна.

Папенька!

Оброшеновъ.

Что̀, дочка?

Анна Павловна.

Неужели нельзя обойтись безъ этого?

Оброшеновъ.

Безъ чего? Безъ шутовства-то?

Анна Павловна.

Да, папенька, безъ униженія. Намъ жалко васъ.

Оброшеновъ.

Не жалко вамъ, а стыдно за меня, стыдно, вотъ что̀. Ты думаешь, я не вижу? Вижу, Аннушка, давно вижу.

Анна Павловна.

Вы, папенька, въ такихъ лѣтахъ! Мы васъ такъ любимъ. Намъ съ сестрой хотѣлось бы, чтобы васъ всѣ уважали.

Оброшеновъ.

Мало-ль чего нѣтъ! Гдѣ ужъ намъ! Какое уваженіе! Были бы сыты, и то слава Богу. Не до жиру, дочка, не до жиру, быть бы живу!

Анна Павловна.

А каково смотрѣть-то на васъ!

Оброшеновъ.

Ну, что-жъ дѣлать-то! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты, можетъ, думаешь, что я всегда такой былъ? Ну, нѣтъ, братъ. Смолоду я самъ былъ гордъ. Какъ еще гордъ-то, Аннушка! Ужасъ, какъ гордъ! Какъ женился я на вашей матери да взялъ вотъ этотъ домишко въ приданое, такъ думалъ, что богаче да лучше меня и людей нѣтъ. Фертомъ ходилъ! Ну, а тамъ пошли дѣти, ты вотъ родилась, доходовъ стало недоставать, надобно было постороннюю работишку искать; тутъ мнѣ форсъ-то и сбили. Сразу, Аннушка, сбили. Первое дѣло я сдѣлалъ нашему сосѣду, и дѣло то небольшое: опеку ему неподходящую дали, надо было ее съ рукъ сбыть! Обдѣлалъ я ему это дѣло, позвалъ онъ меня да еще секретаря съ чиновниками изъ суда въ трактиръ обѣдомъ угощать. И какой чудакъ, право, вѣдь, чудакъ! Сидитъ, ничего не говоритъ, весь обѣдъ молчалъ; только посидитъ — посидитъ, да всей пятерней меня по волосамъ и по лицу и проведетъ. Ахъ ты, батюшки мои! Что ты будешь съ нимъ дѣлать? Я было въ амбицію. Только тутъ одинъ чиновникъ, постарше, мнѣ и говоритъ: ты обидѣться не вздумай! Ни копейки не получишь; онъ не любитъ, когда обижаются. Нечего дѣлать, стерпѣлъ; ну, и принесъ женѣ три золотыхъ; а не стерпи я, такъ больше пяти рублей ассигнаціями бы не далъ. Много я послѣ съ него денегъ перебралъ. Вотъ такъ-то меня сразу и озадачили. Ну, а потомъ, какъ пошелъ я по дѣламъ ходить, сознался съ богатыми купцами, такъ ужъ всякая амбиція пропала. Тому такъ потрафляй, другому этакъ. Тотъ тебѣ рыло сажей мажетъ, другой плясать заставляетъ, третій въ пуху всего вываляетъ. Сначала самому не сладко было, а тамъ и привыкъ, и самъ сталъ паясничать, и людей стыдиться пересталъ. Изломался, исковеркался, исказилъ себя всего, и рожа-то какая-то обезьянья сдѣлалась.

Анна Павловна.

Ахъ, папенька!

Оброшеновъ.

Что „папенька"! А ты, дочка, не суди! Вотъ кабы я паясничалъ да пропивалъ деньги-то, вотъ тогда бы я былъ виноватъ. А то я деньги-то домой носилъ, всѣ до копеечки. Дѣлового народу, ученаго тогда меньше было, нашъ братъ, горемыка-подьячій, былъ въ ходу, деньги такъ и огребали. Много ли я тогда получалъ, знаешь ли? Тысячъ шесть ассигнаціями. Ого-го-го! Вотъ оно что! И теперь еще всѣ говорятъ, что у меня много денегъ, что я ихъ спряталъ. А ты знаешь, есть ли у меня деньги. Ваша мать хозяйка была отличная, дома у меня рай былъ. На сторонѣ, въ людяхъ я шутъ, я паяцъ; а ты меня дома посмотри! Тутъ я отецъ семейства, жену мою всѣ уважали, дѣти — ангелы. Эка важность, что меня шутомъ зовутъ! Ты и не жалѣй меня, Аннушка! Я таковскій! Что я такое? Дряхлой старичишка, никуда негодящій! Пускай смѣются, коли имъ нравится, мнѣ все равно. Они смѣются, а я, какъ птица въ гнѣздо, таскаю, прибираю свое гнѣздышко да дѣтей кормлю. Для меня только ты да Вѣрочка на свѣтѣ и людей-то, больше я и знать никого не хочу.

Анна Павловна.

Мы оба съ вами, папенька, для одной Вѣрочки живемъ.

Оброшеновъ.

Избаловали мы ее съ тобой. Хе-хе-хе! Вотъ теперь и няничься съ ней!

Анна Павловна.

Да какъ же не баловать-то ее! Она такая милочка. Кого же намъ съ вами и любить-то, какъ не ее? больше некого. А вѣдь, кого-нибудь надо любить, безъ этого жить нельзя.

Оброшеновъ.

Ну да, само собой. *(Думаетъ серьезную минуту.)* А что ты скажешь насчетъ жениха? То-есть, насчетъ Саши?

Анна Павловна.

Кажется, хорошъ.

Оброшеновъ.

Хорошъ, хорошъ. Это я самъ нашелъ. Ну, ужъ и хлопотъ было. Трудно нынче хорошаго-то найти. А ей нравится?

Анна Павловна.

Вѣдь, она еще ребенокъ. Кто же ее знаетъ; кажется, нравится.

Оброшеновъ *(таинственно)*.

Хожу я это по судамъ-то, приглядываю; ходилъ долго, вдругъ вижу, мальчикъ такой смирный сидитъ. Я стороной узнавать. Говорятъ, сирота; поведенія, сказываютъ, хорошаго, воспитывался у матери въ строгости; съ приказными не водится, по трактирамъ не ходитъ. Его-то, молъ, намъ и нужно. Познакомился, да вотъ дѣло и вышло. Вѣдь, хорошъ?

Анна Павловна.

Хорошъ, папенька.

Оброшеновъ *(таинственно)*.

Руки проспалъ третьяго дня. Я было отнѣкиваться сталъ — нарочно; такъ въ слезы: умираю, говоритъ, отъ любви.

Анна Павловна.

Что же вы?

Оброшеновъ.

Ну, я и радъ; велѣлъ съ Вѣрочкой поговорить. О приданомъ не запкается. Денегъ бы, говоритъ, нужно мнѣ рублей триста. Ну, денегъ, говорю, не припасено для тебя. Домъ, говорю, вамъ купилъ въ двѣ тысячи, вотъ и будетъ съ тебя, а денегъ ни копейки. А я и домъ-то, Аннушка, нарочно купить поторопился; не хватало денегъ, такъ призанялъ; потому деньги они могутъ истратить, люди еще молодые; а домъ-то имъ на всю жизнь. Очень приставалъ объ деньгахъ: я, говоритъ, вамъ послѣ отдамъ; ну, да нѣтъ, такъ гдѣ же взять? Самому до крайности нужно, да нѣтъ, и занять не у кого. Я понимаю, на что ему нужны деньги. Ему на свадьбу, передъ товарищами хочетъ себя показать. Такъ нѣтъ, братъ, шалишь! На мотовство денегъ, хоть бы и были, такъ не дамъ. Намъ пышности не нужно: чѣмъ скромнѣе, тѣмъ лучше. Коли понадобится что къ свадьбѣ, такъ, говорю, у казначея впередъ возьми, не откажетъ. Говорилъ онъ съ Вѣрочкой, или нѣтъ?

Анна Павловна.

Нѣтъ еще.

Оброшеновъ.

Такъ сегодня скажетъ. Да неужто она спитъ до сихъ поръ?

Анна Павловна.

Нѣтъ, должно быть, встала.

Оброшеновъ (*у окна*).

Вѣрочка! (*Голосъ Вѣрочки за сценой: „Сейчасъ, папаша! Я одѣваюсь“.*) Ну какъ же, есть мнѣ время тебя дожидаться! Высунь сюда рыльце! (*Вѣрочка выглядываетъ изъ окна, онъ ее цѣлуетъ.*) Не спи долго, жениха проспишь! (*Идетъ къ калиткѣ и читаетъ:*) „Въ семъ домѣ отдаются три комнаты въ мезонинѣ“. (*Входитъ Гольцовъ.*) А, Саша, здравствуй! Вѣрочка! Саша пришелъ! (*Уходитъ. Вѣрочка за сценой: „Подождетъ, я еще не причесана;“*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Анна Павловна и Гольцовъ.

Анна Павловна.

Садитесь! (*Гольцовъ садится.*) Что вы скучный такой?

Гольцовъ.

Дѣла плохи-съ.

Анна Павловна.

Стыдитесь! Развѣ женихи скучаютъ!

Гольцовъ.

А вы ужъ знаете?

Анна Павловна.

Сейчасъ папенька сказывалъ.

Гольцовъ.

Онъ-то меня обнадежилъ; не знаю, какъ Вѣра Павловна!

Анна Павловна.

Это вы ее-то боитесь?

Гольцовъ.

Не то, что боюсь, а какъ-то робко. Ну, какъ Вѣра Павловна мнѣ откажетъ!

Анна Павловна.

Быть не можетъ.

Гольцовъ.

Дай-то Богъ! смѣлости у меня нѣтъ, боюсь съ барышнями разговаривать, очень я неловокъ.

Анна Павловна.

Вѣдь, разговариваете же вы?

Гольцовъ.

О пустякахъ разговариваю; а какъ сказать, что влюбленъ?

Анна Павловна.

Ничего, не робѣйте! Это не такъ страшно, какъ кажется. Только и горя у васъ?

Гольцовъ.

Нѣтъ-съ. Никакъ не могу денегъ достать, а мнѣ очень нужно.

Анна Павловна.

На что вамъ?

Гольцовъ.

Этого я не могу вамъ сказать-съ; а только до зарѣзу нужны, хоть живой въ гробъ ложись.

Анна Павловна.

Живете вы аккуратно.

Гольцовъ.

Очень аккуратно-съ, и въ трактиръ никогда не хожу.

Анна Павловна.

Много ли вы въ годъ жалованья получаете?

Гольцовъ.

Ужъ теперь полные триста рублей получаю.

Анна Павловна.

Чего же вамъ еще?

Гольцовъ.

Не сталъ бы я напрасно говорить-съ. Ей-Богу, нужно-съ, а достать негдѣ.

Анна Павловна.

У насъ теперь тоже нѣтъ; мы сами нуждаемся.

Гольцовъ.

Да вѣрно ли это-съ?

Анна Павловна.

Что вѣрно ли?

Гольцовъ.

Что у Павла Прохорыча денегъ нѣтъ? Мнѣ всѣ говорятъ, что у него денегъ много, только онъ скупится, дать не хочетъ. А кабы онъ зналъ, какая мнѣ надобность!

Анна Павловна.

Какъ же вы можете сомнѣваться? Неужели мы васъ станемъ обманывать!

Гольцовъ.

Вы меня извините-съ! Есть у меня одинъ случай, да не знаю, удастся ли. Тутъ, по сосѣдству у васъ, живутъ два молодые человѣка, очень богатые, они родственники Недоносковъ и Недоростковъ.

Анна Павловна.

Знаю.

Гольцовъ.

Обѣщали дать денегъ-съ. Велѣли сегодня къ нимъ завтракать приходить.

Анна Павловна.

Вотъ и подите!

Гольцовъ.

Пойду; только надежды мало, люди-то пустые; вѣрнѣе, что отъ нихъ ничего не получить. Что тогда дѣлать! Куда мнѣ дѣваться! Анна Павловна, скажите мнѣ по совѣсти, какъ передъ Богомъ, есть у Павла Прохорыча деньги? Меня что-то сомнѣніе беретъ.

Анна Павловна.

Какъ вамъ не стыдно! Перестаньте! Что вы!

Гольцовъ *(закрывъ лицо руками)*.

Ахъ, Боже мой!

Анна Павловна.

Что вы? Ужъ не плачете ли?

Гольцовъ.

Кабы вы знали, что у меня на душѣ! *(Входитъ Вѣрочка и закрываетъ ему глаза.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна Павловна, Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Ахъ, Вѣра Павловна, это вы-съ! *(Вѣрочка опускаетъ руки.)* Я и не слыхалъ, какъ вы вошли. *(Цѣлуетъ руку.)*

Вѣрочка *(цѣлуя сестру)*.

Что вы оба такіе сердитые? Поссорились, что ли?

Анна Павловна.

Какія ты глупости, душенька, говоришь! Изъ чего намъ ссориться?

Вѣрочка *(Гольцову)*.

Зачѣмъ вы такъ рано приходите? Не смѣйте такъ рано приходить!

Гольцовъ.

А вы зачѣмъ такъ долго спите?

Вѣрочка.

Оттого долго, что я очень люблю спать. Когда спишь — все лучше, а проснешься — все хуже.

Анна Павловна.

Нельзя же всю жизнь спать, душа моя!

Вѣрочка.

Отчего же нельзя? Такъ бы всѣ спали, всякій бы видѣлъ во снѣ, что̀ ему хочется, всѣ бы были счастливы.

Анна Павловна.

Ты забываешь, душа моя, что надо кушать что-нибудь.

Вѣрочка.

Ничего бы этого не нужно.

Анна Павловна.

А что̀-жъ тебѣ нужно?

Вѣрочка.

А вотъ что̀: чтобы всѣ, кто кого любитъ, всегда были вмѣстѣ. Вотъ бы я, папаша, ты, Александръ Петровичъ, всегда бы и сидѣли вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

Анна Павловна.

Немного же тебѣ нужно.

Гольцовъ.

А развѣ вы меня любите?

Вѣрочка.

Васъ? Да. Будто вы не знаете?

Анна Павловна.

Почемъ же ему знать?

Вѣрочка.

Развѣ я вамъ не говорила? Такъ я вамъ скажу: я васъ очень, очень люблю.

Анна Павловна.

Какія ты глупости говоришь!

Вѣрочка.

Совсѣмъ не глупости. Какъ васъ ваша маменька называла?

Гольцовъ.

Саша.

Вѣрочка *(шопотомъ)*.

Саша, Саша! *(Громко.)* Саша!

Гольцовъ.

Что вамъ угодно?

Вѣрочка *(смѣется)*.

Нѣтъ, это я не васъ. Я васъ не могу такъ называть. Это я про себя. А вы меня любите?

Анна Павловна.

Скажите, что нѣтъ.

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я буду лгать? Ужъ я лучше имъ правду скажу.

Анна Павловна.

Да развѣ съ ней можно серьёзно разговаривать? А впрочемъ, говорите, пожалуй.

Вѣрочка.

Отчего же со мной серьёзно нельзя разговаривать? Нѣтъ, вы говорите со мной серьёзно! Я умѣю и серьёзно разговаривать.

Гольцовъ.

Я васъ тоже очень люблю-съ, и ужъ говорилъ объ этомъ вашему папенькѣ и сестрицѣ, теперь остается только вамъ сказать.

Вѣрочка.

Папашѣ говорили и сестрѣ говорили, теперь мнѣ говорите!

Гольцовъ.

Да-съ, я и желаю съ вами говорить! Я просилъ у папаши руки вашей, онъ мнѣ велѣлъ къ вамъ обратиться.

Вѣрочка.

Какъ? Что такое?

Гольцовъ.

Руки вашей прошу-съ.

Вѣрочка *(задумчиво)*.

Нѣтъ, не надо.

Анна Павловна.

Ну, вотъ видите!

Гольцовъ.

Зачѣмъ же вы, Вѣра Павловна, хотите меня сдѣлать несчастнымъ?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ вы были несчастны!

Гольцовъ.

Такъ отчего же вы не хотите итти за меня?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀ не пойду! Вотъ еще! Зачѣмъ замужъ итти? Я не хочу. Вы лучше такъ просто къ намъ приходите каждый день.

Анна Павловна.

Вотъ и толкуйте съ ней. *(Уходя.)* Не слушайте ее, она вздоръ говоритъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Можетъ быть, вы не вѣрите любви моей?

Вѣрочка.

Нѣтъ, вѣрю.

Гольцовъ.

Или я самъ вамъ не нравлюсь?

Вѣрочка.

Нѣтъ, нравитесь.

Гольцовъ.

Такъ отчего же вы не хотите меня осчастливить?

Вѣрочка.

Оттого, что не хочу.

Гольцовъ.

Ну, Богъ съ вами! *(Отходитъ къ сторонѣ.)*

Вѣрочка *(про-себя)*.

Саша, Саша!

Гольцовъ.

Вы смѣетесь?

Вѣрочка.

И не думала смѣяться. Подите сюда! Что я вамъ скажу!

Гольцовъ.

Что вамъ угодно?

Вѣрочка.

Садитесь подлѣ меня.

Гольцовъ.

Извольте. *(Садится.)*

Вѣрочка.

Если я соглашусь за васъ итти замужъ, тогда вы будете моимъ женихомъ?

Гольцовъ.

Да-съ, сначала женихомъ, а потомъ мужемъ.

Вѣрочка.

Когда вы будете женихомъ, вы будете къ намъ каждый день ходить?

Гольцовъ.

Каждый день-съ.

Вѣрочка.

Что же вы будете дѣлать?

Гольцовъ.

То же, что и теперь-съ.

Вѣрочка.

То же, что и теперь?

Гольцовъ.

Только тогда мы будемъ короче знакомы, я буду называть васъ Вѣрочкой.

Вѣрочка.

А еще что?

Гольцовъ *(смѣясь)*.

Цѣловать васъ буду-съ.

Вѣрочка.

Какъ цѣловать?

Гольцовъ.

Какъ? Извѣстно, какъ-съ. Приду и скажу: здравствуй, Вѣрочка! И поцѣлую.

Вѣрочка.

Какъ?

Гольцовъ.

Да какъ же, право-съ! *(Конфузясь.)* Вотъ такъ-съ! *(Цѣлуетъ ее.)*

Вѣрочка *(помолчавъ)*.

А говорить что̀ будете?

Гольцовъ.

Буду называть васъ ангеломъ, милочкой. Будемъ сидѣть обнявшись.

Вѣрочка.

Какъ?

Гольцовъ.

Какія вы-съ! *(Обнимаетъ ее.)* Душенька моя, Вѣрочка, я для твоего счастья жизни своей не пожалѣю!

Вѣрочка.

И мы всегда будемъ такъ?

Гольцовъ.

Всегда-съ.

Вѣрочка.

Всю жизнь?

Гольцовъ.

Всю жизнь-съ.

Вѣрочка *(съ легкимъ присутствіемъ слезъ въ голосѣ)*.

Правду вы говорите?

Гольцовъ.

Какъ передъ Богомъ-съ! Повѣрьте душѣ моей!

Вѣрочка *(нѣсколько времени молчитъ, потомъ обнимаетъ и цѣлуетъ Гольцова)*.

Саша, я хочу быть твоей женой!

Гольцовъ *(цѣлуя руку)*.

Благодарю васъ, Вѣра Павловна!

Вѣрочка.

Нѣтъ, не Вѣра Павловна, а Вѣрочка.

Гольцовъ.

Ну, хорошо, Вѣрочка! Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ! А потомъ ты не скажешь, что не хочу замужъ итти?

Вѣрочка.

Нѣтъ, никогда теперь не скажу, никогда!

Гольцовъ.

Ну, Вѣрочка, надо напеньк‍ѣ сказать! Ты меня извини, я тебя теперь оставлю на минуту. У меня еще дѣло есть. Я скоро приду. Прощай, Вѣрочка! *(Цѣлуетъ ее.)*

Вѣрочка.

Прощай, Саша! *(Входитъ Анна Павловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гольцовъ, Вѣрочка и Анна Павловна.

Анна Павловна.

Что она, все еще упрямится?

Гольцовъ.

Нѣтъ-съ, она согласна. Позвольте, Анна Павловна, ручку поцѣловать! *(Цѣлуетъ руку.)* Теперь мы скоро родные будемъ-съ. Я, Анна Павловна, пойду, куда говорилъ-съ! Если бы еще это удалось, я бы сегодня былъ совершенно счастливъ-съ.

Анна Павловна.

Ну, дай Богъ вамъ успѣха. Прощайте!

Вѣрочка.

Прощай, Саша! *(Цѣлуетъ Гольцова; онъ уходитъ.)*

Анна Павловна.

Вѣрочка! Вѣрочка! Это что еще за новости! Что-то скоро, моя милая!

Вѣрочка.

Я всегда его буду Сашей звать и цѣловать.

Анна Павловна.

Понравилось?

Вѣрочка.

Да, понравилось.

Анна Павловна.

Вѣрочка, слушай, душа моя! Согласись сама, вѣдь, это неловко.

Вѣрочка.

Нѣтъ, очень ловко. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ очень ловко. *(Уходитъ.)*

Анна Павловна *(вслѣдъ ей)*.

При мнѣ-то нужды нѣтъ; только ты при чужихъ людяхъ не вздумай! *(Входитъ Хрюковъ. Анна Павловна кланяется ему.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анна Павловна и Хрюковъ.

Хрюковъ.

А крыса приказная дома, аль нѣтъ?

Анна Павловна.

Папенька, должно быть, въ комнатѣ. Я позову его.

Хрюковъ *(садясь)*.

Мнѣ, вѣдь, не родить: я и подождать могу. А, можетъ, тебѣ моя компанія не нравится? Ну, ужъ позови отца, коль тебѣ противно со мной сидѣть!

Анна Павловна.

Нисколько не противно.

Хрюковъ.

Развѣ я не вижу, что ты носъ-то отворачиваешь? Не красавецъ я, это что̀ говорить!

Анна Павловна.

Мнѣ рѣшительно все равно.

Хрюковъ.

Я вотъ прожилъ вѣкъ и безъ красоты, стало быть, безъ нея обойтись можно. Какъ ты объ этомъ думаешь? А насчетъ того, что ежели полюбить меня, такъ это только стоитъ мнѣ захотѣть. За тѣмъ только и дѣло стало, чтобъ мнѣ захотѣть. Вотъ и все!

Анна Павловна.

Не понимаю я васъ.

Хрюковъ.

Я не маленькой, вашу братью хорошо раскусилъ: знаю, что̀ вамъ нужно. Ты не сердись! Ты меня узнай прежде! Я человѣкъ дорогой, когда захочу мошной тряхнуть. Меня въ тѣ поры ничто не удержитъ, ни на кого не посмотрю! Про меня говорятъ, что я скупъ; такъ это врутъ. Я для себя, для своего удовольствія, денегъ не жалѣлъ. Да ежели и теперь какая блажь въ голову придетъ, тоже не пожалѣю. *(Молчаніе.)* Я молодца тутъ встрѣтилъ, у воротъ; у васъ, что̀-ль, былъ?

Анна Павловна.

У насъ.

Хрюковъ *(строго)*

А зачѣмъ онъ у васъ былъ?

Анна Павловна.

Онъ Вѣрочкинъ женихъ.

Хрюковъ.

Писарекъ, должно быть, изъ суда, какой-нибудь плохонькій? По обличью-то показываетъ. Такъ, что ли?

Анна Павловна.

Да, онъ служитъ.

Хрюковъ.

Ну, ужъ я сейчасъ вижу, что за птица. Паришка изъ себя не видный, гляди, не каждый день досыта и ѣстъ-то.

Анна Павловна.

Молодъ еще очень.

Хрюковъ.

Голь, надо полагать, непокрытая. Грабить еще не знаетъ какъ. Гдѣ ему знать, какъ надо грабить! А вы за такого отдавайте, который грабить знаетъ.

Анна Павловна.

Зачѣмъ ему грабить? Онъ жалованье получаетъ.

Хрюковъ.

А много ли?

Анна Павловна.

Триста рублей. Да мы за Вѣрочкой домъ даемъ. Жить можно будетъ. Вотъ только бы ему теперь къ свадьбѣ очень нужно деньжонокъ.

Хрюковъ.

А сколько?

Анна Павловна.

Только триста рублей.

Хрюковъ.

Только! Шутила ты, что ли! Триста рублей! Вѣдь, это по старому счету тысяча съ лишкомъ.

Анна Павловна.

Конечно, у кого нѣтъ, тому и рубль дорогъ; а все-таки, по нынѣшнему времени, триста рублей не большія деньги.

Хрюковъ.

А ты попробуй-ка ихъ достать, такъ вотъ тогда и узнаешь,

велики ли деньги. Вотъ пусть онъ, женихъ-то вашъ, сунется къ кому-нибудь просить: тогда и увидишь, что̀ ему скажутъ.

Анна Павловна.

Вѣдь, ему нужда крайняя. Если-бъ у меня были деньги, я, кажется, сейчасъ бы всѣ отдала.

Хрюковъ.

Какъ нѣтъ-то денегъ, такъ всѣ такъ разсуждаютъ.

Анна Павловна.

А если-бъ мы у васъ попросили? Что̀ для васъ значитъ триста рублей?

Хрюковъ.

Можетъ, для меня и триста тысячъ ничего не значатъ; а все-таки, я не дамъ. Взаймы я не даю, на это есть процентщики. Тому принеси вѣрный залогъ, такъ, сколько хочешь, денегъ дастъ. А ежели дать такъ, на бѣдность, такъ по триста рублей я тоже не подаю. Рубля три дамъ къ празднику, къ большому. Вѣдь, ишь ты, каторжный народъ какой! Жалованья грошъ, деньжонокъ своихъ нѣтъ, а онъ жениться, да на бѣдность побираться! Точно для него такъ у всякаго деньги и приготовлены. Пожалуйте, молъ, берите! Не нужно ли вамъ еще чего-нибудь? Оглашенные, право, оглашенные!

Анна Павловна.

Ему обѣщали дать.

Хрюковъ.

Какъ же, дадутъ! Держи карманъ-то! Обыкновенно посмѣяться хотятъ, насмѣшку сдѣлать.

Анна Павловна.

Что̀ же тутъ смѣшного?

Хрюковъ.

Да какъ же не смѣшно! Человѣкъ бѣгаетъ по улицамъ, ищетъ триста рублей! Самому-то цѣна грошъ, а онъ воображаетъ, что ему кто-нибудь триста рублей повѣритъ. Какъ тутъ не смѣяться! Это ужасно смѣшно! „Дайте триста рублей!“ А самъ-то ты много ли стоишь? Ничего! Вотъ увидишь, что надъ нимъ шутку какую-нибудь сдѣлаютъ. Ужъ очень способно, самъ лѣзетъ.

Анна Павловна.

Какую же шутку?

Хрюковъ.

Дуракомъ поставятъ! Да и за дѣло! Не будь глупъ, не смѣши людей.

Анна Павловна.

Онъ, коли займетъ, такъ отдастъ непремѣнно.

Хрюковъ.

Да, можетъ, и отдастъ; да кто-жъ повѣритъ, что онъ отдастъ. А вѣдь, я было подумалъ, что онъ къ тебѣ ходитъ.

Анна Павловна.

Зачѣмъ ко мнѣ?

Хрюковъ.

Зачѣмъ? Кто тебя знаетъ! Я думалъ, ужъ не ты-ль хочешь замужъ итти, аль, можетъ, такъ по душѣ пришелся.

Анна Павловна.

Я замужъ не пойду.

Хрюковъ *(подходитъ къ ней)*.

Не пойдешь? Что ты?

Анна Павловна.

Нѣтъ, не пойду. Во-первыхъ, ужъ я въ лѣтахъ; во-вторыхъ, папеньку не захочу одного оставить. Вѣрочка выйдетъ замужъ, переѣдетъ отъ насъ, съ кѣмъ же папенька останется?

Хрюковъ.

Да, и не оставляй отца! Не оставляй! Что хорошаго! Грѣхъ будетъ, грѣхъ! И живите тутъ скромненько, солидно.

Анна Павловна.

Я и всегда такъ живу.

Хрюковъ.

Ну, и умница! умница! *(Гладитъ ее по головѣ.)* И чтобъ не ходилъ къ вамъ никто, особенно молодые люди, чтобъ разговору не было!

Анна Павловна.

Какой можетъ быть про меня разговоръ!

Хрюковъ.

Ну да, ты скромная, умная дѣвушка! Нешто я не вижу! А все-таки, лучше. Нѣтъ, ты не ходи замужъ, не ходи! Такъ лучше проживешь, я тебѣ говорю. А денегъ, что ты говорила, я дамъ. Отцу не дамъ и жениху не дамъ, тебѣ дамъ. Никому не дамъ, а тебѣ дамъ въ твои руки. Что хочешь, то и дѣлай съ ними. Я завтра зайду поговорить съ тобой. Ну, вотъ и понимай, какъ хочешь! *(Входитъ Оброшимовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Анна Павловна, Хрюковъ и Оброшеновъ.

Хрюковъ.

Эй, ты, приказная строка! Мнѣ тебя нужно, братъ.

Оброшеновъ.

Что̀ нужно, батюшка, Филимонъ Протасьичъ? Батюшка, что̀ нужно? приказывайте!

Хрюковъ.

Да ты полно по-сорочьи-то разговаривать! Дѣло есть.

Оброшеновъ.

Приказывайте рабу вашему, приказывайте!

Хрюковъ.

Ты гдѣ пропадалъ? А вотъ теперь, видишь ты, мнѣ некогда съ тобой разговаривать. Ты забѣги какъ-нибудь!

Оброшеновъ.

Вы только вздумайте дома: „вотъ кабы Павелъ Прохоровъ пришелъ!“ И посылать не надо. Вы только вздумаете, а я тутъ, тутъ, тутъ.

Хрюковъ.

Ахъ, ты, тетеревъ лохматый! Посмотри-ка въ калитку, нѣтъ ли кого на улицѣ!

Оброшеновъ.

Зачѣмъ, батюшка, родной ты мой?

Хрюковъ.

Зачѣмъ? Ахъ, ты-голова съ мозгомъ! А затѣмъ вотъ, чтобъ не видали, что я у тебя былъ.

Оброшеновъ.

Отецъ и благодѣтель! Да что̀-жъ я, прокаженный, что̀-ли, какой?

Хрюковъ.

Эхъ! До старости ты, братъ, дожилъ, а ума не нажилъ. Неужели кто подумаетъ, что я къ тебѣ хожу! Зачѣмъ я къ тебѣ пойду, какія-такія у насъ дѣла съ тобой! Нужно мнѣ тебя, такъ только свистнуть стоитъ, ты и прибѣжишь, какъ угорѣлый. Всякій это понимаетъ. Вонъ что̀ подумаютъ!— видишь? *(Показываетъ на дочь.)* Скажутъ: „старый шутъ

любовницу завелъ". А у насъ народъ какой? Сейчасъ на смѣхъ подымутъ. А для меня это маралъ.

Оброшеновъ.

Шутникъ, шутникъ, шутникъ! Я не сержусь. (*Дергаетъ.*) И ты не сердись! Шутникъ, шутникъ! (*Отворяетъ калитку.*) Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ? Ни души не видно.

Хрюковъ

Ну, прощайте! (*Идетъ къ калиткѣ.*)

Анна Павловна.

Прощайте!

Оброшеновъ (*на ухо Хрюкову*).

Кукареку!

Хрюковъ.

Ахъ, ты! Провалиться тебѣ! Испугалъ какъ! Отецъ-то у тебя шутъ съ гороху! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Анна Павловна и Оброшеновъ.

Анна Павловна.

Лучше-бъ онъ къ намъ не ходилъ.

Оброшеновъ.

Что ты, что ты, Богъ съ тобой! Онъ благодѣтель, кормилецъ нашъ. Случится, деньги всѣ подойдутъ, взять негдѣ, а это съ нами часто бываетъ, я сейчасъ къ нему, какъ въ свой карманъ. Конечно, я ему послѣ заработаю; да гдѣ-жъ ты теперь такихъ людей найдешь! Ты знаешь ли, сколько я у него по мелочамъ-то забралъ? То-то оно и есть!

Анна Павловна.

Отчего же онъ со мной такъ дурно обращается?

Оброшеновъ.

Отчего? Оттого, что благодѣтель всему семейству, какъ ты не понимаешь! А ты смѣйся! Вотъ какъ я. Онъ тебѣ скажетъ что-нибудь, а ты: хи-хи-хи, да ха-ха-ха! Оно все легче, не такъ обидно.

Анна Павловна.

Папенька, мнѣ что-то странно: онъ мнѣ денегъ предлагалъ.

Оброшеновъ.

Какихъ денегъ?

Анна Павловна.

Давеча Александръ Петровичъ говорилъ, что ему необходимо нужно денегъ. Я проговорилась при Хрюковѣ; онъ обѣщалъ дать мнѣ: отцу, говоритъ, не дамъ, а тебѣ дамъ.

Оброшеновъ.

Гм... Нѣтъ, братъ, лучше не бери!

Анна Павловна.

Я и не возьму.

Оброшеновъ.

Они денегъ-то дадутъ, да потомъ не радъ будешь жизни, что взялъ у нихъ. Эхъ, благодѣтели, благодѣтели! А все-таки, безъ нихъ намъ жить нельзя на свѣтѣ. Ужъ разумѣется, если-бъ я былъ съ состояніемъ, я-бъ этого благодѣтеля къ себѣ на порогъ не пустилъ. Однако, пойти къ нему; что ему тамъ надо. Фракъ надѣну для учтивости; вотъ, молъ, какъ тебя уважаютъ. (*Уходятъ въ домъ. Въ калитку входитъ Гольцовъ, выпивши; Недоносковъ и Недоростковъ, заглянувъ въ калитку и видя, что никого нѣтъ, входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гольцовъ, Недоносковъ и Недоростковъ.

Недоносковъ.

Ты, Саша, не робь!

Недоростковъ.

Валяй, значитъ, да и кончено дѣло!

Гольцовъ.

Я робѣю? Никогда! Я сейчасъ ему все...

Недоносковъ.

Что тебѣ занимать? Вѣдь, отдавать надо будетъ.

Недоростковъ.

Мы бы дали, слова не сказали; да зачѣмъ у чужихъ, когда у него много?

Недоносковъ.

Онъ тебя надуть хотѣлъ.

Недоростковъ.

Да не на того напалъ. Ты, вѣдь, Саша, голова!

Недоносковъ.

Еще бы Сашу-то обмануть! Да тотъ трехъ дней не проживетъ, кто его обманетъ.

Недоростковъ.

Сашка плутъ!

Гольцовъ.

Нѣтъ, ужъ меня не надуешь! Шалишь!

Недоносковъ.

Онъ видитъ, что ты влюбленъ, ну, и прижимаетъ.

Недоростковъ.

Онъ воображаетъ, что на дурака напалъ.

Недоносковъ.

Ты ему прямо: давай, молъ, денегъ; а то такъ и не надо. У него денегъ много, онъ самъ сказывалъ.

Недоростковъ.

У меня, молъ, другая невѣста есть, и шабашъ.

Гольцовъ.

Да, ишь, вы разгулялись! Чтобъ я Вѣрочку-то оставилъ? Да никогда!

Недоносковъ.

Да что — Вѣрочка, Вѣрочка! Ты поѣдешь съ нами; мы тебѣ такую невѣсту, значитъ, покажемъ... на рѣдкость.

Гольцовъ.

Не поѣду.

Недоростковъ.

Съѣдятъ, что-ль, тебя? Ты погляди только! Примутъ какъ! Первый сортъ.

Гольцовъ.

Да ну, хорошо.

Недоносковъ.

А ты, Саша, бѣдовый!

Недоростковъ.

Ужъ я тебѣ говорилъ, что парень — нашего поля ягода. Ты скорѣе, мы ждемъ.

Недоносковъ.

Еще-бъ ему стаканчикъ!

Недоростковъ.

Нѣтъ, въ самую припорцію. У меня на это размѣръ вѣрный: въ самый разъ. *(Уходятъ.)*

Гольцовъ.

Онъ думаетъ, что я влюбленъ, а какъ же мнѣ? У меня такая крайность!... Гдѣ-жъ я?. . Я не могу. *(Входятъ Оброшеновъ и Анна Павловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Гольцовъ, Оброшеновъ и Анна Павловна.

Оброшеновъ.

А, Саша, другъ любезный, ты здѣсь?

Гольцовъ.

Я за деньгами.

Оброшеновъ.

Что?

Гольцовъ.

За деньгами.

Оброшеновъ.

За какими деньгами.

Гольцовъ.

Какія деньги? Ха-ха-ха! Триста рублей.

Оброшеновъ.

Что?

Гольцовъ.

Триста рублей.

Анна Павловна.

Молчите! Что вы! Завтра я вамъ, можетъ быть, денегъ достану; а теперь ступайте домой.

Гольцовъ.

Завтра! Значитъ правда, что у васъ есть деньги. Завтра! Нѣтъ, это дудки!

Анна Павловна.

Перестаньте! Ступайте домой!

Гольцовъ.

Оставьте, пожалуйста, я съ вами не разговариваю.

Анна Павловна.

Папенька, что съ нимъ сдѣлалось?

Оброшеновъ.

Саша! Саша! Не надо, не надо! Всякія шутки прочь! Ты еще молодъ, молодъ, любезный!

Гольцовъ.

Да-съ, обмануть хотѣли. Онъ влюбленъ ... безъ денегъ возьметъ, а у васъ денегъ много... Пожалуйте денегъ, а не то...

Оброшеновъ.

А то что? Ну, что? говори.

Гольцовъ.

Не надо ничего... вотъ и все...

Оброшеновъ.

А кто плакалъ вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, руки мои цѣловалъ, чтобъ я Вѣрочку отдалъ? А теперь не надо?

Анна Павловна.

Папенька, потише; а то Вѣрочка услышитъ.

Оброшеновъ.

Что я тебѣ говорилъ? Что я тебѣ говорилъ? Что ты молодъ, не умѣешь на свѣтѣ жить. Вотъ такъ оно и вышло. Еще ничего не видя, ты пьяный въ домъ лѣзешь да шумишь тутъ! Что же это ты дѣлаешь съ своей головой?

Гольцовъ.

Что вы съ моей головой дѣлаете? Мнѣ теперь либо повѣситься, либо... другую искать съ деньгами. *(Вѣрочка сходитъ съ крыльца.)*

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Оброшеновъ, Анна Павловна, Гольцовъ и Вѣрочка.

Оброшеновъ.

Хорошо, Саша, хорошо! Ну, Богъ съ тобой! Намъ, братъ, денегъ взять больше негдѣ.

Гольцовъ.

Павелъ Прохорычъ, дайте денегъ: не скупитесь... а то смотрите: мнѣ сватаютъ.

Вѣрочка.

Я сама не пойду за него ни за что̀ на свѣтѣ! Папаша, я съ тобой останусь, я ни за кого не пойду.

Гольцовъ.

А давеча-то что̀?

Вѣрочка.

Папаша, прогони его.

Гольцовъ.

Кого это? Меня-то?

Вѣрочка.

Папаша, онъ меня давеча здѣсь цѣловалъ, обнималъ, говорилъ, что всю жизнь такъ любить будетъ. Что̀ же онъ теперь дѣлаетъ?

Оброшеновъ.

Какъ же ты, мальчишка...

Вѣрочка.

Я его такъ полюбила...

Оброшеновъ.

Слышишь ты, полюбила.

Вѣрочка.

Папаша, я сама виновата. Зачѣмъ я такая глупенькая дѣвочка, что меня можно обманывать! Теперь ужъ я никому не буду вѣрить. И ты, папаша, не вѣрь! А то и тебя будутъ обманывать.

Оброшеновъ.

Слышишь ты, слышишь?

Анна Павловна.

И вамъ ее не жалко!

Гольцовъ.

А ему развѣ насъ съ Вѣрочкой жалко? Деньги есть, а не хочетъ дать.

Оброшеновъ.

Какъ ты смѣешь...

Гольцовъ.

Кабы не было денегъ! А то есть, и не даетъ. А я такъ люблю, такъ люблю.

Оброшеновъ.

Молчи, молчи! Видимъ мы, какъ ты любишь-то! Поди отсюда!

Гольцовъ.

Что-жъ это такое? Вы меня гоните и вы меня гоните? Вамъ не жалко меня, что я совсѣмъ погибаю. Я, вѣдь, погибаю.

Вѣрочка.

Нѣтъ, мнѣ васъ жалко. Папаша, не гони его. Онъ самъ сейчасъ уйдетъ.

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я уйду.

Вѣрочка.

Вамъ очень стыдно станетъ, что вы насъ обманули.

Анна Павловна.

Вы только вспомните, что̀ вы наговорили.

Гольцовъ.

Боже мой! Что же это со мной сдѣлали? *(Стоитъ молча.)* Простите меня. Прощайте! *(Уходитъ.)*

Оброшеновъ.

Вотъ поди, узнай человѣка-то! Эка бѣда-то! Гдѣ-жъ бы мнѣ теперь жениха-то поискать?

Вѣрочка.

Я, папаша, не пойду ни за кого, кромѣ него! *(Бросается на грудь отцу.)* А за него тоже не пойду... онъ не сто́итъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Оброшеновъ.
Гольцовъ.
Недоносковъ.
Недоростковъ.
Шилохвостовъ, лавочникъ, въ короткой люстриновой сибиркѣ, сапоги бутылками.
Важная особа, въ шинели на распашку, на шеѣ орденъ, тугой бѣлый галстукъ и очень высокіе воротнички.
Солидный человѣкъ, низенькій, толстый: на шеѣ толстая золотая цѣпь на рукахъ перстни, палка съ золотымъ набалдашникомъ.
Маменька, въ темномъ шелковомъ салопѣ, покрыта темнымъ платкомъ.
Дочка, одѣтая по модѣ, въ маленькой соломенной шляпкѣ.
Дѣвушка, въ бурнусѣ, покрыта платочкомъ, съ картономъ.
Молодой человѣкъ.
Чиновникъ 1-й.
Чиновникъ 2-й.
Салопница, въ рукахъ завернутое свидѣтельство о бѣдности.
Шарманка.
Львица.
Лакей въ ливреѣ.

Лица разныхъ націй, званія и пола: военные, чиновники, купцы, приказчики, мальчики, разносчики, татары, армяне, евреи, барыни, купчихи, мастерички, торговки.

Ворота, гдѣ торгуютъ картинками.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Разныя лица стоятъ группами, нѣкоторыя приходятъ, нѣкоторыя уходятъ, многія подъ зонтиками. Солидный человѣкъ *на видномъ мѣстѣ. Входятъ* первый и второй чиновники.

Первый чиновникъ.

Такъ женился Пыжиковъ-то?

Второй чиновникъ.

Женился.

Первый чиновникъ.

Такъ это вѣрно?

Второй чиновникъ.

Вѣрно.

Первый чиновникъ.

Да неужто такъ, какъ говорили? За пару платья только?

Второй чиновникъ.

Да, за пару платья. Что-жъ дѣлать-то! Не въ чемъ было въ судъ ходить; а теща сшила ему все.

Первый чиновникъ.

И больше ничего?

Второй чиновникъ.

Больше ничего.

Первый чиновникъ.

А какъ взносить?

Второй чиновникъ.

Ну, ужъ тогда какъ хочешь. *(Отходятъ въ толпу. Входятъ дѣвушка, покрытая платочкомъ, съ картономъ, и молодой человѣкъ.)*

Дѣвушка.

Вы отстанете отъ меня, или нѣтъ?

Молодой человѣкъ.

Да за что вы сердитесь?

Дѣвушка.

Вы видите, что не хотятъ съ вами говорить, а вы все пристаете! Это должно къ стыду къ вашему отчоситься.

Солидный человѣкъ.

Именно, къ стыду. Нынче въ молодыхъ людяхъ нравственности не ищи, пристаютъ ко всѣмъ безъ разбору. Вы, мялая, станьте сюда, поближе.

Дѣвушка.

Покорно васъ благодарю. *(Переходитъ къ солидному человѣку, молодой человѣкъ за ней. Входитъ Шилохвостовъ, снимаетъ и отряхиваетъ картузъ.)*

Шилохвостовъ *(обращаясь ко всѣмъ).*

Дождикъ-съ... Ничего не подѣлаешь! До Лобнаго дошелъ — ничего-съ, а тамъ стало такъ понуждать, что заячьей рысью дѣйствовать пришлось... Одѣяніе легкое-съ! Этого струменту *(показывая на зонтикъ)* съ собой не захватилъ; ну, значитъ, и удирай до первыхъ воротъ. *(Входятъ маменька съ дочкой.)* Наше почтеніе-съ!

Маменька.

Здравствуй, батюшка!

Дочка.

Кто такой, маменька?

Маменька.

А кто его знаетъ.

Шилохвостовъ.

Пожалуйте, вотъ здѣсь къ сторонкѣ-съ! Покупки изволили сдѣлать?

Маменька.

Да, батюшка. (*Дочери тихо.*) Не гляди ты по сторонамъ, говорю я тебѣ!

Шилохвостовъ.

Изъ какихъ предметовъ, изъ шерстяныхъ, или изъ шелковыхъ-съ?

Маменька.

Шерстяное, батюшка! (*Дочери.*) Чтой-то ты, срамница, все головой-то вертишь!

Шилохвостовъ.

Позвольте полюбопытствовать-съ! Мы сами кругомъ этого товару ходимъ-съ.

Маменька.

Ужъ ты намъ, батюшка, и цѣну скажи, настоящую.

Шилохвостовъ (*развертываетъ и разглядываетъ*).

Очепно во вкусѣ-съ. Гривенокъ на шесть-съ?

Маменька.

Что ты, батюшка! по три четвертака платила!

Шилохвостовъ.

Не дорого-съ. Дешевле копейки взять нельзя-съ. Позвольте, заверну-съ. (*Завертываетъ съ ловкостью и отдаетъ.*)

Дѣвушка (*молодому человѣку*).

Я вамъ сказала, чтобъ вы отстали отъ меня. Чего-жъ вамъ еще нужно? (*Молодой человѣкъ отворачивается, какъ будто не ему говорятъ, и начинаетъ переглядываться съ дочкой.*)

Солидный человѣкъ.

Вамъ лучше бы уйти отсюда. И я бы... пошелъ.

Шилохвостовъ (*дѣвушкѣ*).

Въ мастерицахъ изволите жить?

Дѣвушка.

А вамъ какое дѣло?

Шилохвостовъ.

А вы не будьте такъ довольно горды! Въ вашемъ званіи оно не пойдетъ-съ.

Дѣвушка.

А вы почемъ знаете мое званіе? Можетъ быть, вы оченно ошибаетесь?

Шилохвостовъ.

По мундиру-то, по вашему, оно сейчасъ видно-съ. *(Всѣ смѣются. Дѣвушка уходитъ. Солдатый человѣкъ за ней. Молодой человѣкъ подвигается къ дочкѣ, вынимаетъ бумажку и пишетъ карандашемъ записку.)*

Маменька *(дочкѣ)*.

Перестанешь ты вертѣться, али нѣтъ?

Шилохвостовъ.

Это отъ малодушества-съ.

Маменька.

Какое малодушество! Какъ она себѣ шею-то не свернетъ!

Шилохвостовъ *(проходя къ татаринову)*.

Что это, мыло у тебя?

Татаринъ.

Сама настоящая, казанская. Хорошъ товаръ, купи для вечера.

Шилохвостовъ.

Сами, братъ, этимъ товаромъ торгуемъ. *(Входитъ важная особа съ лакеемъ.)*

Лакей.

Посторонитесь, господа, посторонитесь!

Важная особа *(чуйкѣ)*.

Посторонитесь же, любезный!

Шилохвостовъ.

Пожалуйте, ваше превосходительство! Вотъ здѣсь просторно-съ! *(Важная особа становится и все время стоитъ неподвижно, поднявши голову. Дочка роняетъ платокъ; молодой человѣкъ поднимаетъ и вмѣстѣ съ запиской отдаетъ ей.)*

Дочка.

Мерси-съ!

Маменька.

Ну, ужъ дай ты мнѣ только домой прійти! Вотъ ты тогда увидишь!

Дочка.

На учтивость обыкновенно надобно учтивостью отвѣтить. Нешто вы что̀ понимаете!

Маменька.

Ну, ладно! *(Входятъ Оброшеновъ и Гольцовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Оброшеновъ и Гольцовъ.

Гольцовъ.

Мнѣ, право, совѣстно и глядѣть-то на васъ.

Оброшеновъ.

Ну, ничего, ничего! *(Гладитъ его по плечу.)* Ишь, ты вымочилъ сертучекъ-то!

Гольцовъ.

Они мнѣ приказали прійти къ нимъ, сказали, что денегъ дадутъ. Вотъ я отъ васъ и зашелъ; они завтракаютъ, сидятъ. Налили мнѣ стаканъ шампанскаго. Вы знаете, я не пью.

Оброшеновъ.

И не пей, Саша, не пей!

Гольцовъ.

Я и отказывался, да насильно заставили, въ ротъ влили; хотѣли облить всего. Я бы и ушелъ, да они все останавливали, обѣщали сейчасъ денегъ дать. Потомъ другой такимъ же манеромъ заставили выпить, а ужъ третій, должно быть, я и не отказывался. Тутъ, ужъ какъ я захмелѣлъ-то, они и стали мнѣ говорить: „Мы бы тебѣ и дали денегъ, да зачѣмъ тебѣ у чужихъ занимать, послѣ отдавать надо будетъ; ты попроси у нареченнаго тестя“. Я говорю, что у васъ денегъ нѣтъ, что вы всѣ на домъ истратили. „Онъ, говорятъ, тебя обманываетъ, у него денегъ много награблено: это всѣмъ извѣстно; онъ самъ сказывалъ“.

Оброшеновъ.

Ахъ, разбойники! Ахъ, разбойники!

Гольцовъ.

„Вотъ, говорятъ, ты теперь выпилъ для храбрости, и ступай къ нему. Припугни его хорошенько, онъ тебѣ сейчасъ и дастъ денегъ непремѣнно. А не дастъ, такъ и не надо; у насъ, говорятъ, есть невѣста и лучше, и денегъ больше". (*Махнувъ рукой.*) И говорить-то совѣстно.

Оброшеновъ.

Ничего, говори, говори!

Гольцовъ.

Что у васъ дѣлалъ, сами знаете. Провалиться сквозь землю легче. Какъ ушелъ я отъ васъ, повезли они меня къ невѣстѣ. Привезли меня куда-то въ домъ, стали еще потчевать, народу сошлось много, вывели невѣсту. Только, какъ я ни былъ пьянъ, а сейчасъ замѣтилъ, что это горничная переряженая. Такъ мнѣ стыдно и обидно стало! А что-жъ дѣлать! Самъ виноватъ. Схватилъ шляпу, да бѣжать безъ оглядки. А они мнѣ вслѣдъ кричатъ: „Ну, Саша, потѣшилъ ты насъ сегодня!" Потѣшилъ я ихъ... А каково мнѣ!... Какъ я къ вамъ глаза покажу!...

Оброшеновъ.

Ну, ничего, ничего. Ты почемъ это сукно-то бралъ?

Гольцовъ.

Да что сукно! Не утѣшайте вы меня, Павелъ Прохорычъ! Не стою я этого. Какими глазами мнѣ теперь смотрѣть на Вѣру Павловну!

Оброшеновъ.

Велика птица Вѣра Павловна! Съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Ну, виноватъ, да и конецъ! Не вѣкъ же будетъ помнить!

Гольцовъ.

Какъ сказать-то, что виноватъ? Кажется, отъ стыда слова не выговоришь. Онѣ могутъ подумать, что со мной это часто случается.

Оброшеновъ.

Могутъ подумать! Ничего она не подумаетъ, она и думать-то еще ничего не умѣетъ. Ты, вѣдь, ее любишь? Будешь беречь? Вѣдь, это ребенокъ, Саша! Ангельская душка!

Гольцовъ.

Ужъ повѣрьте, Павелъ Прохорычъ, жизни своей не по-

жалѣю для Вѣры Павловны! Это только случай со мной несчастный, за который я всю жизнь буду казниться.

Оброшеновъ.

Ну, и хорошо, Саша, хорошо! Я тебѣ вѣрю. Ты ужъ не бойся, я васъ помирю; я тебѣ дѣло устрою. Ахъ, Саша, Саша! А ты сокрушаться вздумалъ, что объ тебѣ дѣвчонка подумаетъ! Хе-хе-хе! Право, дѣвчонка: такъ дрянь какая-то! У насъ есть дѣла поважнѣе, есть о чемъ думать, кромѣ этого. Тебѣ на что̀ деньги-то нужны, ты мнѣ скажи!

Гольцовъ.

И не спрашивайте, Павелъ Прохорычъ!

Оброшеновъ.

Какъ не спрашивать! Какъ не спрашивать! Коли нужно, такъ поискать надо будетъ, похлопотать.

Гольцовъ.

Вотъ какъ нужно, Павелъ Прохорычъ, хоть въ петлю полѣзай.

Оброшеновъ.

Да скажи, чудакъ-человѣкъ!

Гольцовъ.

Я чужія деньги затратилъ.

Оброшеновъ.

Что̀ ты! Господь съ тобой!

Гольцовъ.

Крайность заставила, Павелъ Прохорычъ. Дѣлалъ я кое-какія дѣлишки одному помѣщику, исправлялъ порученія, въ Совѣтъ деньги вносилъ.

Оброшеновъ.

Ну, ну!

Гольцовъ.

Вотъ онъ и прислалъ мнѣ денегъ въ Совѣтъ внести за имѣніе: триста рублей. Тутъ у меня матушка умерла, на похороны было взять негдѣ; за квартиру нужно было за четыре мѣсяца отдать... я больше половины денегъ-то и истратилъ.

Оброшеновъ.

Да, вѣдь, ужъ это никакъ съ полгода?

Гольцовъ.

Больше полугоду-съ. Я думалъ, что изъ жалованья я пополню; а тутъ начали за чинъ вычитать. Думалъ, награду дадутъ къ празднику, не дали... Теперь послѣдній срокъ приходитъ. Ну, какъ имѣніе-то въ опись назначатъ, или вдругъ самъ пріѣдетъ. Пожалуется предсѣдателю, вѣдь, изъ суда выгонятъ. Да стыдъ-то какой! Боже мой!

Оброшеновъ.

Что-жъ ты мнѣ прежде не сказалъ?

Гольцовъ.

Совѣстно было.

Оброшеновъ.

Что-жъ ты это, Саша, надѣлалъ! Какъ теперь быть-то? Гдѣ денегъ-то взять? Вотъ бѣда-то! Ну ужъ, не ожидалъ я отъ тебя, не ожидалъ.

Гольцовъ.

Какъ хотите, такъ меня и судите, Павелъ Прохорычъ!

Оброшеновъ.

Да я тебя не виню, не виню. Полно ты! Какая тутъ вина, коли крайность. Только вотъ что, Саша, обидно, что между насъ, бѣдныхъ людей, не найдешь ты ни одного человѣка, у котораго бы какой-нибудь бѣды не было. Ахъ, ты, грѣхъ какой! Ума не приложу.

Гольцовъ.

Да что вамъ безпокоиться, Павелъ Прохорычъ! У васъ своей заботы много. Ищите себѣ другого жениха, а меня оставьте. Выпутаюсь—хорошо, не выпутаюсь—туда мнѣ и дорога.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, Саша, какъ можно, чтобъ я тебя оставилъ! Нѣтъ, я попытаюсь, побѣгаю. Что мнѣ значитъ побѣгать! Богатыхъ людей много знакомыхъ; знаешь, этакъ дурачкомъ, дурачкомъ, паяцомъ; можетъ, и достану тебѣ денегъ. Ты очень не горюй!

Гольцовъ.

Выручите, Павелъ Прохорычъ! Спасите меня!

Оброшеновъ.

Богъ милостивъ, Саша, Богъ милостивъ! Отчаиваться не надо.

Шилохвостовъ.

Однако, ко щамъ начинаетъ поталкивать. Нечего и на Спасскихъ смотрѣть, и безъ того знаю, что время.

Важная особа.

Сегодня никто такъ не заслужилъ своего обѣда, какъ я.

Шилохвостовъ.

Тэкъ-съ! *(Салопница подходитъ и шепчетъ что-то на ухо.)* Чего-съ? Я въ ирбитской плачу-съ.

Салопница.

Какъ изволили сказать?

Шилохвостовъ.

Я всегда вамъ всѣмъ въ ирбитской ярмаркѣ плачу. Пора вамъ знать. *(Всѣ смѣются. Салопница шепчетъ что-то.)* Что же вы ко мнѣ пристаете! Я сказалъ, что въ ирбитской! А то можно и Лютова позвать. Да никакъ это онъ идетъ; да, Лютовъ и есть. *(Всѣ смѣются. Салопница быстро скрывается.)*

Важная особа.

Кто такой Лютовъ?

Шилохвостовъ.

Чего-съ?

Важная особа.

Кто такой Лютовъ? я тебя спрашиваю.

Шилохвостовъ.

Ундеръ, ваше превосходительство! Эти просящіе особенный страхъ къ нему имѣютъ. *(Входятъ Недоносковъ и Недоростковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Недоносковъ и Недоростковъ.

Недоносковъ.

Сашка тутъ.

Недоростковъ.

Опять его накалить.

Недоносковъ.

Нѣтъ, теперь эта штука не выгоритъ; старикъ съ нимъ. *(Отворачиваются въ сторону.)*

Гольцовъ.

Вотъ они пришли.

Оброшеновъ.

Вотъ бы отчитать ихъ хорошенько, Саша, да при народѣ! — они этого терпѣть не могутъ. Да, можетъ быть, Саша, они твои благодѣтели? Они тебѣ прежде помогали чѣмъ-нибудь?

Гольцовъ.

Никогда я отъ нихъ ни одной копейки не видалъ: кромѣ насмѣшки, ничего.

Оброшеновъ.

Ну, такъ что-жъ на нихъ смотрѣть! Вотъ кабы благодѣтели, тогда нельзя. Право, ты бы имъ выговорилъ—такъ, легонько, поучтивѣе. Ну, что хорошаго! Только что издѣваются, а пользы отъ нихъ никакой. Дивн-бъ маленькіе. Коли ты хочешь утѣшаться, такъ ты бѣдному человѣку сначала помоги, да потомъ и утѣшайся надъ нимъ. Такъ, вѣдь, я говорю, Саша?

Гольцовъ.

Конечно, правда.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, ты имъ скажи: „напрасно, молъ, вы, господа, себѣ такія шутки позволяете!“ Такъ и скажи! Вотъ и пусть они знаютъ. А то всякій станетъ надъ тобой издѣваться, и на свѣтѣ жить нельзя будетъ.

Гольцовъ (*Недоноскову и Недоростковy*).

Здравствуйте, господа! (*Раскланиваются.*) Покорно благодарю за угощеніе!

Недоносковъ.

Не на чемъ.

Гольцовъ.

Насилу до дому дотелъ.

Недоростковъ.

Ты бы пилъ больше.

Гольцовъ.

Да вы меня насильно заставляли.

Недоносковъ.

Всякій самъ объ себѣ понимать долженъ.

Недоростковъ.

Кто ежели этому не подверженъ, насильно не заставишь.

Гольцовъ.

Я не то, что подверженъ, я и въ ротъ не беру.

Недоносковъ.

Оно и по глазамъ видно.

Недоростковъ.

Значитъ, у тебя совѣсти нѣтъ, когда ты при людяхъ самъ говоришь, что вчера пьянъ былъ. Другой бы скрывалъ.

Недоносковъ.

Еще говоришь, что тебя насильно напоили. Кто же можетъ теперича этому повѣрить? Кому нужно заниматься съ тобой? Никто и вниманія не возьметъ. Антиресная кампанія!

Недоростковъ.

Кому же ты можешь кампанію составить? И выходитъ, что ты пустой человѣкъ, нестоющій вниманія!

Оброшеновъ.

Вамъ тятенька много ли денегъ-то оставилъ на забавы?

Недоносковъ.

Это въ составъ не входитъ. *(Отворачивается и разговариваютъ между собою.)*

Шилохвостовъ.

Вотъ и я тоже, какъ домой пьяный приду, сейчасъ женѣ говорю: запутали, молъ, ничего не подѣлаешь. *(Всѣ смѣются и поглядываютъ на Гольцова.)*

Гольцовъ.

Меня-жъ пристыдили! Не знаю, какъ и на людей смотрѣть. Я ужъ лучше пойду.

Оброшеновъ.

Куда?

Гольцовъ.

Къ вамъ. Хочется поскорѣй увидаться съ Вѣрой Павловной. У меня какъ камень на сердцѣ лежитъ. Ужъ что-нибудь одно: либо панъ, либо пропалъ.

Оброшеновъ.

Да ты не бойся! Эхъ, какой ты, право! Ничего, ступай смѣлѣй! А я послѣ приду; мнѣ тутъ нужно забѣжать на минуту. Скажи дома, что сейчасъ, молъ, придетъ. Да скажи Вѣрочкѣ, что я приказалъ ей съ тобой помириться. А съ этими молодцами я еще поговорю. *(Гольцовъ идетъ къ выходу.)*

Недоносковъ.

Не хочешь ли опохмелиться опосля вчерашняго? *(Всѣ смѣются.)*

Гольцовъ.

Опохмеляйтесь сами. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же *безъ* Гольцова.

Оброшеновъ.

Эхъ, господа! Какъ не грѣхъ вамъ бѣднаго малаго обижать! Онъ человѣкъ хорошій, смирный!

Недоносковъ.

Его смиренства никто и не снимаетъ съ него.

Недоростковъ.

Такъ это при немъ и останется.

Шилохвостовъ.

Смиренство еще не важное какое дѣло! Въ столицѣ живешь, такъ поневолѣ будешь смиренъ. Потому что ежели драться станешь, сейчасъ лопатки скрутятъ. (*Смѣхъ.*)

Оброшеновъ.

Онъ вина-то и въ ротъ не бралъ, а вы вчера...

Шилохвостовъ.

Вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ. (*Смѣхъ.*)

Оброшеновъ.

Ты къ чему присталъ? Туда же: „пьянъ живетъ!“ Видалъ ты его пьянымъ?

Шилохвостовъ.

Слухомъ земля полнится.

Оброшеновъ.

Отъ кого ты слышалъ? Ну, сказывай!

Шилохвостовъ.

Мнѣ тёща сказывала; она теперича въ Астрахань уѣхала. (*Смѣхъ.*)

Оброшеновъ.

Выжига ты, вотъ что!

Шилохвостовъ.

Ужъ и видно, что стракулистъ: такъ и цѣпляется. (*Смѣхъ.*)

Оброшеновъ.

Что? что? что ты сказалъ?

Шилохвостовъ.

Ничего-съ. Это я не про васъ, а про мать крёсну; она свой человѣкъ—не обидится. *(Отходитъ къ Недоноскову.)*

Оброшеновъ.

Вотъ нынче народъ-то какой сталъ! Ни за что̀ мальчика обругали да облаяли. Вотъ эти господа что̀ вчера съ нимъ сдѣлали. *(Начинаютъ прислушиваться и подходить.)* Онъ вина въ ротъ не бралъ, а они его насильно напоили, да комедію себѣ на потѣху состроили. Еще какую комедію-то! *(Народъ подвигается.)*

Недоносковъ.

Что̀ онъ тамъ за разговоры развелъ!

Недоростковъ.

При людяхъ срамить вздумалъ!

Оброшеновъ.

Видятъ, что человѣкъ ничего ужъ не понимаетъ, въ чужой домъ повезли; тамъ горничную дѣвку невѣстой одѣли...

Одинъ изъ толпы.

Что̀ онъ говоритъ?

Другой.

Горничную невѣстой одѣли.

Недоносковъ.

Онъ на насъ мараль пущаетъ.

Недоростковъ *(громко)*.

Разговаривать-то можно, слушать-то только нечего.

Оброшеновъ.

Вотъ чѣмъ утѣшаются, знать, дѣла-то другого нѣтъ у нихъ! Коли есть дѣло, такъ глупости не пойдутъ на умъ. Да и нашли кого обидѣть! Парень безотвѣтный... Вѣдь, этакъ они до того дошутятся, что могутъ совсѣмъ человѣка погубить. Разума-то у нихъ хватитъ.

Недоносковъ.

Я бы съ него ничего не взялъ за такіе его разговоры.

Недоростковъ.

Надоть бы его хорошенько!

Шилохвостовъ.

Штуку какую-нибудь надъ нимъ сочинить почуднѣе! Надо заняться придумать.

Недоносковъ *(Шилохвостову).*

Что придумывать-то? Поди сюда! *(Шепчетъ ему на ухо. Шилохвостовъ хохочетъ.)* Вотъ тебѣ конвертъ! Поди, положи газетной бумаги, въ середину положи записку; напиши... *(Шепчетъ. Шилохвостовъ хохочетъ до истерики. Важная особа улыбается)* да и подкинь ему.

Шилохвостовъ.

Я духомъ! *(Уходитъ. Шарманщикъ съ пѣвицей играетъ „Подъ вечеръ осенью ненастной".)*

Пѣвица *(поетъ).*

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Пустыннымъ дѣва шла мѣстамъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала трепетнымъ рукамъ.
Всѣ были тихи, лѣсъ и горы,
Всѣ спали въ сумерки ночной,
Она внимательныя взоры
Водила съ ужасомъ вокругъ.

Важная особа.

Довольно!

Пѣвица.

И на невинномъ симъ твореньи...

Важная особа.

Довольно, я говорю! *(Шарманка перестаетъ. Шилохвостовъ входитъ.)*

Шилохвостовъ *(шарманщику).*

Тяжеленько носить изволите.

Шарманщикъ.

Своя ноша не тянетъ.

Шилохвостовъ.

Другой подумаетъ, что его за непочитаніе родителей заставили этакую штуку таскать. *(Смѣхъ. Шарманка уходитъ.)* Готово-съ. *(Показываетъ конвертъ.)*

Недоносковъ.

Ну, теперь не зѣвай! Дождикъ-то проходитъ. *(Оброшеновъ уходитъ. Шилохвостовъ убѣжитъ впередъ; потомъ скоро возвращается.)*

Шилохвостовъ.

Поднялъ-съ. *(Оброшеновъ вбѣгаетъ бѣдный.)*

Оброшеновъ.

Боже мой! *(Вынимаетъ конвертъ изъ кармана и смотритъ.)* Что это? Не во снѣ ли я вижу! Шестьдесятъ тысячъ... объявить... третья часть—двадцать тысячъ... Я задыхаюсь.... Батюшки!.. Отлегло. Саша! Вѣрочка! Вотъ они, деньги-то, вотъ они! *(Убѣгаетъ.)*

Шилохвостовъ.

Держи его! *(Хохочетъ. Всѣ смѣются.)*

Важная особа *(уходя, останавливается).*

Вотъ вамъ всѣмъ примѣръ наказаннаго корыстолюбія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Оброшеновъ.
Анна Павловна.
Вѣрочка.
Гольцовъ.
Улита Прохоровна, сестра Оброшенова, въ чепчикѣ, въ салопѣ, съ большимъ мѣшкомъ въ рукахъ.

Комната въ домѣ Оброшенова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анна Павловна *сидитъ за работой*, Улита Прохоровна *сидитъ подлѣ нея и* Вѣрочка *смотритъ въ окно.*

Улита Прохоровна.

Они его подбили, они; больше некому. Это у нихъ первое удовольствіе—заманить къ себѣ да напоить. Они, вѣдь, меня тоже вчера какъ испугали! Иду я мимо ихъ дому-то, не помню, объ чемъ-то задумалась; вдругъ наверху, надъ моей головой, кто-то крикнулъ во все горло, я ажно присѣла.

Взглянула это я на верхъ-то, а оттуда мнѣ кулекъ на голову, такъ ноженьки и подкосились. Насилу выпуталась изъ кулька-то. Отошла на другую сторону, смотрю: а у окна эти два балбеса, да и Гольцовъ съ ними. Думала тутъ же зайти къ вамъ, да разсказать, такъ не хотѣла васъ разстраивать. Ну, прощайте!

Анна Павловна.

Да вы бы, тётенька, пообѣдать у насъ остались!

Улита Прохоровна.

Какъ же, нужно очень! Мало васъ безъ меня! И такъ семья порядочная. Я не хочу брату въ тягость быть. Я найду, гдѣ пообѣдать. Ты посмотри-ка, какъ меня вездѣ принимаютъ! А отчего? А оттого, что я смолоду въ княжескихъ и въ графскихъ домахъ жила, хорошіе порядки видѣла. Тому научу дураковъ-то, другому; такъ вотъ мнѣ всѣ и рады. Я такимъ манеромъ двадцать лѣтъ изъ дому въ домъ брожу, къ вамъ-то только повидаться захожу.

Анна Павловна.

Право, тетенька, останьтесь.

Улита Прохоровна.

Зачѣмъ дома обѣдать, коли въ чужихъ людяхъ можно? Ну, право! Вотъ кабы я набивалась, такъ бы худо; а то вездѣ съ честью принимаютъ. Когда негдѣ будетъ, надоѣмъ всѣмъ, ну, ужъ тогда, нечего дѣлать, дома обѣдать буду. А теперь что̀ мнѣ васъ въ лишній расходъ вводить! Отъ васъ къ Хрюковымъ пойду. Хоть самъ-то старикъ и плутъ, да мнѣ все равно; у сыновей жены хороши, бабы добрыя.

Анна Павловна.

А какъ обѣда не застанете?

Улита Прохоровна.

А мѣшокъ-то на что̀? Тутъ у меня цѣлый домъ. Тутъ у меня и чай, и сахаръ, и ситецъ на платье, и свѣчи стеариновыя, и лоскутки разные, вотъ воротникъ мѣховой подарили недавно, а вотъ двѣ котлетки завернуты. Я ничѣмъ не брезгаю; все прячу, что̀ даютъ. Ну, прощайте! (*Цѣлуется съ обѣими и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Анна Павловна и Вѣрочка.

Анна Павловна.

Ты что̀ все въ окно смотришь? Цѣлое утро не отходишь!

Вѣрочка.

Папашу дожидаюсь.

Анна Павловна.

Папашу ли?

Вѣрочка.

А то кого еще? Мнѣ больше некого дожидаться.

Анна Павловна.

Ужъ и некого!

Вѣрочка.

Разумѣется, некого. Ну, кого я стану ждать? скажи.

Анна Павловна.

Ну, что̀ ты со мной-то хитришь!

Вѣрочка.

Ты, можетъ, думаешь, что я Сашу...

Анна Павловна.

Кого?

Вѣрочка.

Я ошиблась, а ты ужъ и рада. Ты думаешь, что я Александра Петровича дожидаюсь? Такъ нѣтъ же, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Анна Павловна.

Ну, вѣрю, вѣрю.

Вѣрочка.

Я объ немъ и думать-то забыла.

Анна Павловна.

Очень жаль.

Вѣрочка.

Кого?

Анна Павловна.

Разумѣется, тебя; а то кого же?

Вѣрочка.

Отчего тебѣ меня жаль?

Анна Павловна.

Очень просто, душа моя: вчера ты называла Александра Петровича своимъ женихомъ, Сашей, цѣловала его; а сегодня забыла и думать. Значитъ, у тебя дурное сердце.

Вѣрочка.

Я тогда не знала, что онъ такой противный.

Анна Павловна.

Можетъ быть, онъ совсѣмъ и не противный.

Вѣрочка.

Ужъ ты, пожалуйста, за него не заступайся.

Анна Павловна.

А мнѣ что̀ за него заступаться? Онъ — твой женихъ, а не мой.

Вѣрочка.

Ну, ужъ это извините-съ.

Анна Павловна.

А вотъ увидимъ.

Вѣрочка.

Нѣтъ ужъ, я лучше умру, а не пойду за него.

Анна Павловна.

Зачѣмъ умирать! Тебя никто не принуждаетъ итти за него. Можешь выйти за кого угодно.

Вѣрочка.

И за другого не пойду.

Анна Павловна.

Какъ хочешь, душа моя: твоя воля. (*Молчаніе.*)

Вѣрочка.

Аннушка!

Анна Павловна.

Что̀?

Вѣрочка.

Душенька, что я у тебя спрошу, ты мнѣ скажешь? (*Плачетъ.*)

Анна Павловна.

Конечно, скажу. О чемъ же ты, милочка, плачешь?

Вѣрочка.

Мнѣ очень скучно.

Анна Павловна.

Ну, что̀ же ты хотѣла спросить?

Вѣрочка.

Придетъ онъ къ намъ еще когда-нибудь, или нѣтъ?

Анна Павловна.

Не знаю, душенька. У него ума-то тоже не много больше твоего. Съ недѣлю отъ стыда не пойдетъ, а потомъ будетъ совѣститься, что долго не былъ. Это всегда такъ бываетъ. А тебѣ хотѣлось бы, чтобы онъ пришелъ?

Вѣрочка.

Да, очень хотѣлось бы. Мнѣ такъ скучно, такъ скучно!

Анна Павловна.

Кто-жъ его знаетъ! Можетъ быть, возьмется за умъ и придетъ.

Вѣрочка.

Нѣтъ, ужъ я знаю, что не придетъ. (*Плачетъ.*)

Анна Павловна.

На долго ли твоего сердца-то хватило?

Вѣрочка.

Ты думаешь, я ему прощу? Нѣтъ, нѣтъ, я ему никогда не прощу; я только хочу, чтобъ онъ пришелъ.

Анна Павловна.

Одинъ разъ?

Вѣрочка.

Нѣтъ, чтобъ и еще приходилъ.

Анна Павловна.

А вотъ подождемъ денька три.

Вѣрочка.

Денька три! Что̀ это ты! Нѣтъ, я не хочу. Я хочу, чтобъ нынче пришелъ.

Аннѣ Павловна.

Ну, это едва ли.

Вѣрочка.

Знаешь что̀, душенька, Аннушка! Если онъ сегодня не придетъ, я къ нему тетеньку пошлю.

Анна Павловна.

Какъ это можно! Что́ ты выдумываешь! Надо подождать еще хоть два дня.

Вѣрочка.

Ну, какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, долго не придетъ — съ тоски умрешь. Ужъ какъ бы я была рада, кабы онъ пришелъ; кажется, и сердиться бы на него перестала. *(Смотритъ въ окно.)* Идетъ! Уйду, уйду, въ свою комнату уйду! И чтобъ онъ не смѣлъ туда ходить! Ты слышишь, что я тебѣ говорю, сестрица! *(Убѣгаетъ.)*

Анна Павловна.

Ахъ, молодость, молодость! Блаженное время! И я была молода, да нечѣмъ мнѣ вспомнить мою молодость! *(Утираетъ глаза.)* Что-жъ это? Неужели я завидую ей! Сестрѣ-то! Нѣтъ, какая зависть! А какъ-то невольно, когда видишь чужое счастье, хочется и себѣ хоть немножко. Ну, что-жъ дѣлать! Мое время прошло. Теперь остается только мнѣ всѣхъ любить, а меня ужъ никто не полюбитъ. Отецъ скоро совсѣмъ состарѣется, у сестры будутъ дѣти; вотъ и ухаживай за всѣми. Ей, скажутъ, и дѣлать-то больше нечего, это ея прямая обязанность. *(Входитъ Гольцовъ и останавливается у двери.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна Павловна и Гольцовъ.

Анна Павловна.

Войдите! Что же вы стали?

Гольцовъ.

Если позволите? Мнѣ, право, такъ совѣстно-съ.

Анна Павловна.

Перестаньте! Что за вздоръ! Мы ужъ и забыли. Садитесь! Видѣли папеньку?

Гольцовъ.

Видѣлъ-съ. Онъ сейчасъ придетъ; мы вмѣстѣ шли изъ городу.

Анна Павловна.

Гдѣ же онъ теперь?

Гольцовъ.

Хотѣлъ зайти насчетъ денегъ похлопотать.

Анна Павловна.

Для васъ?

Гольцовъ.

Для меня-съ.

Анна Павловна.

Однако, вы очень деньги любите. Я не знала, что вы такой корыстолюбивый.

Гольцовъ.

Какое корыстолюбіе, Анна Павловна! Просто мнѣ нужны деньги до зарѣзу.

Анна Павловна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Вы не шутя говорите?

Гольцовъ.

Плохія шутки! Если я не достану денегъ, я могу лишиться и службы, да и больше того — и чести.

Анна Павловна.

Что вы говорите! Это ужасно. Но, послушайте, вы не безпокойтесь очень-то, не разстроивайте себя! Еще дѣло можетъ поправиться. Только вы не говорите, ради Бога, Вѣрочкѣ, не пугайте ее!

Гольцовъ.

Что вы! Помилуйте! А можно мнѣ ихъ видѣть-съ?

Анна Павловна.

Не знаю. Она сейчасъ только убѣжала въ свою комнату и велѣла сказать вамъ, чтобы вы туда не ходили.

Гольцовъ.

И сами не выйдутъ-съ?

Анна Павловна.

Право, не могу вамъ сказать. Кто же ее знаетъ!

Гольцовъ.

Что я надѣлалъ! Вѣдь, теперь Вѣра Павловна ни за что моей любви не повѣритъ-съ, какъ я ни увѣряй. А я, Анна Павловна, ей-Богу, влюбленъ, такъ влюбленъ, что я ужъ и не знаю какъ. Я давеча плакалъ все утро.

Анна Павловна.

Вы думаете, что она васъ разлюбила?

Гольцовъ

Что-жъ мудренаго, послѣ этакаго случая.

Анна Павловна *(съ улыбкой).*

Да, конечно.

Гольцовъ.

Ахъ, Боже мой! Желалъ ли я когда обидѣть Вѣру Павловну! А вотъ что̀ вышло!

Анна Павловна.

Вы говорили съ папенькой о Вѣрочкѣ?

Гольцовъ.

Какъ-же-съ! Объ чемъ же мнѣ говорить-то!

Анна Павловна.

Что̀-жъ онъ?

Гольцовъ.

Онъ-то ничего-съ. Обнадеживалъ очень. „Поди, говоритъ, скажи Вѣрочкѣ, что я приказалъ ей съ тобой помириться“.

Анна Павловна *(смѣясь)*.

Ну, такъ чего же вамъ бояться?

Гольцовъ.

Все-таки-съ...

Анна Павловна *(громко)*.

Вѣрочка! *(Вѣрочка за сценой: „Что тебѣ?“)* Поди сюда! *(Вѣрочка за сценой: „Зачѣмъ?“)* Папенька приказалъ тебѣ помириться съ Александромъ Петровичемъ. *(Вѣрочка за сценой: „Хорошо, я сейчасъ приду!“)*

Гольцовъ.

Вы меня поддержите!

Анна Павловна.

Нѣтъ, я васъ оставлю вдвоемъ. Это, мнѣ кажется, лучше будетъ.

Гольцовъ.

Нѣтъ, что̀ вы! Помилуйте!

Анна Павловна.

А еще женихъ! Боитесь съ невѣстой оставаться. *(Вѣрочка входитъ.)* Ты слышала, что папенька приказалъ? *(Гольцову.)* Ну, вотъ мы и посмотримъ, какъ она не послушаетъ отца. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гольцовъ и Вѣрочка.

Гольцовъ.

Простите меня, Вѣра Павловна!

Вѣрочка.

Я не могу васъ не простить.

Гольцовъ.

Отчего-же-съ?

Вѣрочка.

Такъ папашѣ угодно.

Гольцовъ.

Только потому-съ?

Вѣрочка.

Разумѣется. Я бы и не вышла къ вамъ ни за что на свѣтѣ.

Гольцовъ.

Въ этомъ радости для меня не много-съ. Я бы желалъ знать, что вы сами обо мнѣ думаете-съ.

Вѣрочка.

Что вы ко мнѣ пристаете!

Гольцовъ *(хочетъ взять руку)*.

Позвольте-съ!

Вѣрочка.

Это что еще?

Гольцовъ.

Ручку поцѣловать.

Вѣрочка.

Съ чего это вы выдумали!

Гольцовъ.

Вѣдь, ужъ вы меня простили?

Вѣрочка.

Да, я васъ простила, а руки не дамъ.

Гольцовъ.

И вы долго будете сердиться-съ?

Вѣрочка.

Долго? Вотъ новости! Всю жизнь.

Гольцовъ.

Да помилуйте, какъ же это можно-съ, когда вы...

Вѣрочка.

Что я?

Гольцовъ.

Да какъ же, вы изволили обѣщать-съ...

Вѣрочка.

Что такое?

Гольцовъ.

Да вчера изволили... быть столько добры-съ... за меня замужъ...

Вѣрочка.

За васъ замужъ? Кто же это вамъ сказалъ?

Гольцовъ.

Да и Павелъ Прохорычъ говоритъ-съ...

Вѣрочка.

Папаша можетъ мнѣ приказать помириться съ вами, а этого не можетъ.

Гольцовъ.

Значитъ, мнѣ нельзя никакой надежды имѣть?

Вѣрочка.

Никакой.

Гольцовъ.

Извините, что я васъ побезпокоилъ. Дѣлать мнѣ здѣсь нечего-съ. Прощайте-съ! *(Молчаніе.)* Честь имѣю кланяться. *(Хочетъ итти.)*

Вѣрочка.

Послушайте, куда же вы?

Гольцовъ.

Домой-съ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Павлу Прохоровичу. *(Идетъ къ двери.)*

Вѣрочка.

Не ходите!

Гольцовъ *(въ дверяхъ)*.

Помилуйте, Вѣра Павловна! Что же мнѣ здѣсь оставаться! Только одно мученіе.

Вѣрочка.

Если вы уйдете, я такъ разсержусь, такъ разсержусь, что...

Гольцовъ.

Вѣдь, ужъ какъ ни сердитесь, хуже этого для меня не будетъ-съ. Чего же еще! Вы даже и надежды не позволяете имѣть.

Вѣрочка.

Еще бы позволить! Нѣтъ, вы вотъ что скажите: если вы уйдете теперь, вы ужъ никогда больше не придете?

Гольцовъ.

Зачѣмъ же я пойду, разсудите сами-съ.

Вѣрочка.

Такъ никогда?

Гольцовъ.

Никогда-съ.

Вѣрочка.

Ну, и прекрасно! И не надо васъ! Не приходите! Прощайте!

Гольцовъ.

Прощайте! Богъ съ вами!

Вѣрочка.

Прощайте! *(Вырываетъ у Гольцова шляпу.)* Уходите! Что-жъ вы нейдете?

Гольцовъ.

Что же это за насмѣшки-съ! Пожалуйте шляпу-съ!

Вѣрочка.

Нѣтъ, ужъ теперь не отдамъ. *(Прячетъ шляпу за себя.)*

Гольцовъ.

Ахъ, позвольте! Изломаете, право, изломаете.

Вѣрочка.

Ни за что, ни за что не отдамъ! Ну, ужъ возьмите! *(Гольцовъ протягиваетъ руку, она прячетъ шляпу.)*

Гольцовъ.

Вы ужъ лучше простите меня; помиритесь, какъ слѣдуетъ, тогда я самъ останусь.

Вѣрочка.

Отымите у меня шляпу, тогда помирюсь.

Гольцовъ.

Вѣдь, захочу, такъ отниму-съ.

Вѣрочка.

Попробуйте!

Гольцовъ.

Извольте! *(Обхватываетъ руками Вѣрочку, она сопротивляется, онъ ее цѣлуетъ.)*

Вѣрочка.

Это что еще! *(Топаетъ ногой.)* Кто вамъ позволилъ? Вы хотите, чтобъ я васъ прогнала?

Гольцовъ.

Виноватъ-съ! Пожалуйте шляпу, я самъ уйду.

Вѣрочка.

Возьмите! *(Отдаетъ шляпу.)*

Гольцовъ.

Прощайте! *(Идетъ къ дверямъ.)*

Вѣрочка *(тихо)*.

Саша.

Гольцовъ.

Что вамъ угодно-съ?

Вѣрочка.

Что вы воротились? Я совсѣмъ васъ не звала. Это я про-себя.

Гольцовъ.

Извините-съ. *(Уходитъ.)*

Вѣрочка *(кричитъ все громче и громче.)*

Саша! Саша! Саша! Ахъ, какой противный! Онъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ уйдетъ. *(У окна.)* Саша! Саша, воротись! Воротился, воротился! *(Прыгаетъ отъ радости. Гольцовъ входитъ.)* Ты, Саша, такой... такой... нехорошій! Ты не стоишь, чтобъ тебя любили! Ты хотѣлъ уйти, и никогда не приходить. И выходитъ, что ты злой, а я добрая.

Гольцовъ.

Значитъ, вы меня прощаете?

Вѣрочка.

Совсѣмъ.

Гольцовъ.

И я опять смѣю называть васъ Вѣрочкой?

Вѣрочка.

Нѣтъ, не смѣешь. Ну, да называй, пожалуй.

Гольцовъ.

И ручку поцѣловать можно?

Вѣрочка.

Можно. На! *(Протягиваетъ ему руку.)*

Гольцовъ *(цѣлуя руку)*.

Мы ужъ, Вѣрочка, объ этой ссорѣ и поминать не будемъ.

Вѣрочка.

Не будемъ.

Гольцовъ.

И замужъ, Вѣрочка, пойдешь за меня?

Вѣрочка.

Пойду. Только ты не уходи. *(Гольцовъ цѣлуетъ руку. Входитъ Анна Павловна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Гольцовъ, Вѣрочка и Анна Павловна.

Анна Павловна.

Цѣлуйтесь, цѣлуйтесь, я не помѣшаю. Это лучше, чѣмъ ссориться.

Гольцовъ.

Ужъ теперь кончено-съ.

Анна Павловна.

Ну, и прекрасно!

Вѣрочка.

Онъ теперь опять мой женихъ.

Анна Павловна.

Очень рада твоей радости.

Вѣрочка.

А вотъ калитка стукнула, — должно быть, папаша.

Анна Павловна *(взглянувъ въ окно.)*

Онъ и есть.

Гольцовъ.

Не денегъ ли несетъ! Вотъ бы счастливый-то день для меня!

Анна Павловна.

Должно быть, что-нибудь есть; что-то онъ очень веселъ. *(Входитъ Оброшеновъ, дочери цѣлуютъ его.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Оброшеновъ, Гольцовъ, Анна Павловна и Вѣрочка.

Оброшеновъ *(гладитъ дочерей по головамъ.)*

Ну, козы, прыгайте!

Вѣрочка.

Зачѣмъ, папаша?

Оброшеновъ.

отъ радости. Я бы и самъ прыгалъ, да ноги устарѣли. (*Оглядывая всѣхъ.*) Ахъ, дурочки вы мои, дурочки! Право, дурочки!

Вѣрочка.

Папаша, за что ты бранишься?

Оброшеновъ.

Нѣтъ, онъ-то, онъ-то! Плачетъ; несчастіе, говоритъ; чужія деньги затратилъ. Ха-ха-ха, хи-хи!

Анна Павловна.

Папенька, я вижу, вы денегъ достали?

Оброшеновъ.

Нѣтъ, что онъ-то, Аннушка, говоритъ! Погибаю, говоритъ, изъ суда выгонятъ! Ахъ, чудакъ, чудакъ!

Гольцовъ.

Да вы говорите! Достали, что ли?

Оброшеновъ.

Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ! Никогда не отчаивайся! Помни: голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ.

Гольцовъ.

Значитъ, достали?

Оброшеновъ.

Еще бы! Я-то не достану! Ахъ ты, Саша, Саша! Кто-жъ и достанетъ, какъ не я!

Гольцовъ.

Много ли?

Оброшеновъ.

На всѣхъ хватитъ. Еще домъ куплю; лошадей тебѣ пару куплю.

Вѣрочка.

Откуда же это, папаша?

Оброшеновъ.

Много будешь знать, скоро состарѣешься.

Анна Павловна.

Развѣ ты не видишь, папенька шутитъ.

Оброшеновъ.

Шучу? Нѣтъ, ужъ будетъ шутить! Что? Удивилъ васъ?

Удивилъ? Погодите, еще такъ ли васъ удивлю! Вицмундиръ мнѣ надо, Аннушка. Тамъ онъ?

Вѣрочка.

На что вамъ, папаша, вицмундиръ?

Оброшеновъ.

Ѣду, ѣду! Нельзя въ этомъ, неприлично.

Вѣрочка.

А обѣдать?

Оброшеновъ.

Какой теперь обѣдъ! Пойдетъ ли на умъ! Надо скорѣй ѣхать! Скорѣй объявить... *(Вынимаетъ изъ кармана конвертъ, завернутый въ платокъ, кладетъ его на столъ и накрываетъ шляпой.)* Шшь! Шшь! Никто! Пальцемъ никто! Слышите! *(Уходитъ.)*

Анна Павловна.

Я ничего не понимаю.

Вѣрочка.

Саша, что это такое? Что тамъ подъ шляпой?

Гольцовъ.

Не знаю. Должно быть, нашелъ на дорогѣ деньги. Хочетъ поѣхать объявить и получить третью часть. *(Входитъ Оброшеновъ.)*

Оброшеновъ *(снимая шляпу и вынимая изъ платка конвертъ).*

Ахъ, дурачки вы мои, дурачки! Много тутъ денегъ, много! Вы столько никогда и не видывали. Вотъ онѣ! Ну-ка, посмотрите! *(Читаетъ.)* „Со вложеніемъ шестидесяти тысячъ банковыми билетами“. Можетъ быть, тутъ есть билетикъ въ двадцать тысячъ на имя неизвѣстнаго. Вотъ его-то мнѣ и пожалуйте. Третья часть! Имѣю право... по закону могу требовать. Видишь ты, конвертъ подрѣзанъ! Это всегда такъ. Вотъ и поглядимъ! *(Осторожно вынимаетъ изъ конверта газеты.)* Это не то. Ишь ты, завернули въ бумагу для осторожности. *(Вертитъ газетную бумагу.)* Гдѣ же тутъ? Гдѣ же? На полъ какъ не упали ли? Поглядите хорошенько! А! Да!... *(Ударяетъ себя по лбу.)* А еще старикъ! Осторожный человѣкъ! Это я, Аннушка, конвертъ-то вотъ такъ... вотъ этой стороной... въ карманъ-то... понимаешь ты? Тутъ

разрѣзано... вотъ онѣ и вывалились туда... въ карманѣ-то. Онѣ тамъ... въ сертукѣ... въ карманѣ-то, въ боковомъ-то... Понимаете вы? Ну да, тамъ, тамъ! А то гдѣ же имъ быть-то? Ну, гдѣ же имъ быть-то? Ну, разсудите! Вотъ сейчасъ пойду и принесу вамъ... принесу вамъ. Экой я! Экой я неосторожный! Сейчасъ сюда принесу, и положимъ... положимъ въ конвертъ-то. (*Уходитъ. Гольцовъ разсматриваетъ газетную бумагу, на столъ выпадаетъ записка. Оброшеновъ возвращается, отталкиваетъ Гольцова.*) Что я тамъ ищу! Онѣ тутъ.

Гольцовъ.

Тутъ нѣтъ, ужъ вы искали.

Оброшеновъ (*растерявшись*).

Гдѣ-жъ онѣ? Неужели я потерялъ? (*Хватается рукой за голову.*) Вспомнилъ, вспомнилъ! Вынималъ я конвертъ дорогой-то, любовался все на печати, тутъ и потерялъ. Чужія деньги! Шестьдесятъ тысячъ! Побѣжимъ, Саша! Можетъ, еще никто не поднялъ. Спрашивать будемъ, не поднималъ ли кто? Шестьдесятъ тысячъ! (*Плачетъ.*)

Гольцовъ (*взявъ со стола записку*).

Тутъ денегъ и не было. Вотъ и записка безграмотная: „Не гонись за чужимъ добромъ!“

Оброшеновъ (*смотритъ записку*).

О, Боже мой! Какъ надъ мальчишкой насмѣялись! Надъ старикомъ-то! Надъ родительскимъ чувствомъ насмѣялись! Да нѣтъ! Вы все лжете! Этакъ не шутятъ. Такихъ шутокъ не бываетъ! Какая это записка! Это вздоръ! Тутъ ничего и не написано! Шестьдесятъ, вѣдь, тысячъ! Шестьдесятъ тысячъ! Онѣ тамъ! Тамъ въ карманѣ... за подкладку какъ-нибудь завалились. (*Идетъ, шатаясь, въ другую комнату, за нимъ дочери; Вѣрочка сейчасъ же возвращается.*)

Вѣрочка (*падаетъ на шею Гольцову*).

Ахъ, папаша! Что съ нимъ? Ему дурно! (*Анна Павловна входитъ.*)

Анна Павловна.

Бѣгите за докторомъ! Я боюсь, что онъ помѣшается. Не оставьте насъ въ несчастіи, Александръ Петровичъ! Вѣрочка можетъ сиротой остаться. Вы свое горе забудьте! Денегъ я

вамъ достану, выпрошу у Хрюкова. Какого бы мнѣ это униженія ни стоило, а ужъ выпрошу. *(Уходитъ.)*

Вѣрочка.

Бѣги, Саша, за докторомъ, бѣги! *(Гольцовъ уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л И Ц А:

Оброшковъ.
Анна Павловна.
Вѣрочка.
Гольцовъ.
Хрюковъ.
Улита Прохоровна.
Молодецъ отъ Хрюкова.

Комната третьяго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анна Павловна и Улита Прохоровна *выходятъ изъ боковой двери.*

Улита Прохоровна.

Ишь ты, какія шутки глупыя! Нечего имъ дѣлать-то, вотъ они и озорничаютъ. Еще слава Богу, что такъ обошлось. Долго ли старику совсѣмъ съ ума свихнуться!

Анна Павловна.

Да, мы вчера очень боялись. Послѣ припадка онъ заснулъ, и съ нимъ сильный бредъ сдѣлался. Впрочемъ, докторъ сказалъ, что опасности нѣтъ никакой, что ему нужно только денька два успокоиться.

Улита Прохоровна.

Ну, а сегодня-то онъ что?

Анна Павловна.

Ничего. Поутру гулять ходилъ, теперь прилегъ заснуть.

Улита Прохоровна.

Да, вотъ тоже и со мной такую же штуку сдѣлали! Ужъ я ихъ ругала-ругала; да стыда-то у нихъ нѣтъ въ глазахъ, такъ имъ все равно.

Анна Павловна.

Что-жъ вы, тетенька, такъ скоро ушли отъ Хрюковыхъ? Что̀ не погостили?

Улита Прохоровна.

Аль я вамъ надоѣла?

Анна Павловна.

Нѣтъ, тетенька! Я такъ спрашиваю.

Улита Прохоровна.

Ушла я отъ безобразія отъ ихняго! Тамъ теперь не то, что постороннимъ, и своимъ-то приходится бѣжать изъ дому. Старикъ сыновей гонитъ; домъ хочетъ заново отдѣлывать, чтобъ ему одному жить.

Анна Павловна.

Зачѣмъ же?

Улита Прохоровна.

Говорятъ, жениться хочетъ.

Анна Павловна.

Въ шестьдесятъ-то лѣтъ?

Улита Прохоровна.

Да развѣ для нихъ законъ какой писанъ? Что̀ чудитъ, то и дѣлаютъ. Спальню да женину уборную штофомъ да бархатомъ обиваетъ, на окна кружевныхъ занавѣсокъ накупилъ.

Анна Павловна.

Кто-жъ за него пойдетъ?

Улита Прохоровна.

Пойтить-то пойдутъ. Которая за деньги, а другую сиротку и такъ отдадутъ, не спросясь. Сыновья теперь по квартирамъ разъѣзжаются. Срамъ! Изъ своего-то дома! Я старику говорила: „жила я въ княжескихъ и въ графскихъ домахъ, нигдѣ такого безобразія не видала“.

Анна Павловна.

Что̀ же онъ?

Улита Прохоровна.

Извѣстно что̀. Обругалъ, какъ нельзя хуже. Чего-жъ отъ него ждать-то!

Анна Павловна.

Интересно бы узнать, кто его невѣста.

Улита Прохоровна.

Какъ же, узнаешь! Онъ прескрытный старичишка! Его мыслей никто не знаетъ. Ужъ такой хитрый. Ну, я теперь пойду.

Анна Павловна.

Куда же вы? Посидите!

Улита Прохоровна.

Ну, вотъ еще! Я васъ и такъ часто вижу. Пойду, гдѣ-нибудь въ чужихъ людяхъ пообѣдаю; все-таки, вамъ расходу меньше. А коли хорошо примутъ, такъ и погощу. Вонъ, къ вамъ Хрюковъ идетъ. Какого ему еще рожна нужно! Я съ нимъ и встрѣчаться-то не хочу, я черезъ кухню пройду. Прощай!

Анна Павловна.

Прощайте, тетенька! *(Улита Прохоровна уходитъ въ боковую дверь, входитъ Хрюковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Анна Павловна *и* Хрюковъ.

Хрюковъ.

Здравствуй, душа моя!

Анна Павловна.

Здравствуйте, садитесь!

Хрюковъ.

И безъ просьбы твоей сяду. Ты думаешь, буду стоять передъ тобой? Ужъ это много чести для тебя. *(Садится.)* А что-жъ крапивное-то сѣмя вчера не приходилъ? Вѣдь, я ему приказывалъ

Анна Павловна.

Папенька нездоровъ.

Хрюковъ.

Съ перепою, должно быть?

Анна Павловна.

Какъ вамъ не стыдно! что вы говорите!

Хрюковъ.

То и говорю, что знаю. Ужъ есть ли такихъ пьяницъ, какъ стракулистовъ! Въ самомъ дѣлѣ, что-ль, боленъ?

Анна Павловна.

Теперь поправляется

Хрюковъ.

А кляузы строчить можетъ?

Анна Павловна.

Онъ спитъ теперь. Какъ проснется, тогда съ самимъ поговорите.

Хрюковъ.

Ну, что-жъ этотъ, какъ его? Женихъ-то вашъ? Нашелъ денегъ?

Анна Павловна *(печально)*.

Нѣтъ

Хрюковъ.

И вы-то хороши! Отдаете за голоногаго за какого-то! Польстились, что молодъ. Вы бы лучше, хоть постарше, да попристойнѣе искали.

Анна Павловна.

Намъ и этотъ хорошъ.

Хрюковъ.

Сядетъ онъ на вашу шею. Еще наплачетесь съ нимъ.

Анна Павловна.

Тамъ, что Богъ дастъ. Ужъ это дѣло рѣшеное.

Хрюковъ.

Зять-то бы кормить долженъ семью, а тутъ ему денегъ подавай. И пойдете побираться по знакомымъ, занимать у того и у другого.

Анна Павловна.

Они будутъ совсѣмъ обезпечены; папенька имъ домъ купилъ.

Хрюковъ.

Слышалъ я, слышалъ. У меня-жъ денегъ-то брали. Ужъ и домъ! Стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.

Анна Павловна.

По деньгамъ и домъ.

Хрюковъ.

Разумѣется. Не каменныя же палаты вамъ на двѣ-то тысячи купить!

Анна Павловна.

И двѣ-то тысячи насилу набрали. Теперь бы намъ только триста рублей на короткое время призанять.

Хрюковъ.

Знаю я это короткое-то время. Дай я вамъ теперь триста

рублей — черезъ недѣлю еще столько же просить придете, а то такъ и больше.

Анна Павловна.

Не придемъ. И эти деньги возвратимъ вамъ съ благодарностію. Я вамъ ручаюсь за это.

Хрюковъ.

Ты ручаешься? А что̀ съ тебя взять то?

Анна Павловна.

Я вамъ словомъ ручаюсь.

Хрюковъ.

А что̀ изъ твоего слова сдѣлаешь? Шубу не сошьешь. Да оно отчего бы не дать! Деньги не велики. Кабы вы только могли чувствовать.

Анна Павловна.

Что̀ это значитъ? Какъ чувствовать?

Хрюковъ.

Такъ и чувствовать. Уважать своихъ благодѣтелевъ; вотъ какъ чувствовать.

Анна Павловна.

Мы васъ и уважаемъ, и будемъ уважать.

Хрюковъ.

А вотъ посмотрю я! (*Подходитъ. Гладитъ по головѣ Анну Павловну.*) Ишь ты, какъ гладко причесана: волосокъ къ волоску! Такъ много ли-жъ тебѣ денегъ-то нужно?

Анна Павловна.

Триста рублей.

Хрюковъ.

А двѣсти нельзя?

Анна Павловна.

Нѣтъ, нельзя.

Хрюковъ.

Двухсотъ не возьмешь?

Анна Павловна.

Возьму, только еще сто рублей надобно занимать будетъ.

Хрюковъ.

Ужъ такъ будто нужно ровно триста, ни копейки меньше?

Анна Павловна.

Нужно ровно.

Хрюковъ.

Ну, а ежели я дамъ двѣсти девяносто?

Анна Павловна.

Сколько бы ни дали, мы будемъ вамъ благодарны. Только мнѣ нужно ровно триста.

Хрюковъ.

Ужъ такъ въ обрѣзъ? Чудно что-то! (*Смѣется.*) Капрызъ!

Анна Павловна.

Ничуть не капризъ.

Хрюковъ.

Ну, да что-жъ! Я и капрызъ твой уважу. (*Вынимаетъ бумажникъ.*) Вотъ онѣ, деньги-то! Хочешь, всѣ отдамъ?

Анна Павловна.

Не нужно мнѣ.

Хрюковъ.

Что больно горда! Другая бы взяла, право, взяла. Есть такія. Да и ты глупа, что не берешь. Могу жертвовать. Ой, бери, а то спрячу!

Анна Павловна.

Вы мнѣ дайте только то, что я прошу у васъ.

Хрюковъ.

На, возьми сама, сколько нужно. (*Подаетъ бумажникъ.*)

Анна Павловна.

Нѣтъ, зачѣмъ! Вы сами дайте.

Хрюковъ.

Триста?

Анна Павловна.

Триста.

Хрюковъ.

Я могу тебѣ и больше дать.

Анна Павловна.

Ни больше, ни меньше.

Хрюковъ.

Ну, право, возьми! Чего боишься? Я никому не скажу. Сколько хочешь бери. Хочешь пятьсотъ — пятьсотъ бери. Я снегъ не жалѣю; а для тебя хошь всѣ отдамъ.

Анна Павловна.

Мнѣ нужно только триста!

Хрюковъ.

Триста да триста! Наладила! *(Кладетъ деньги на столъ.* Ну, на тебѣ твои триста! Я съ тебя и расписки не беру

Анна Павловна *(встаетъ и кланяется)*

Вы меня такъ одолжили, Филимонъ Протасьичъ, что я не знаю, какъ благодарить васъ! Вы будьте увѣрены, что пр первой возможности мы вамъ заплатимъ.

Хрюковъ.

Что̀ мнѣ, крайность, что̀ ли, въ деньгахъ-то! Хошь и н заплатишь—не разорюсь.

Анна Павловна.

Вы, конечно, не разоритесь, да мы-то должны отдат долгъ.

Хрюковъ.

А, можетъ, я прощу.

Анна Павловна.

Вы насъ обидите.

Хрюковъ.

Все ты не то толкуешь! Вотъ видишь ты, я на деньг все могу имѣть и все имѣлъ, то-есть всякое удовольствіе и любили меня всякія красавицы, да все изъ такого круга что образованія никакого нѣтъ, ну, и скромности. Чтобы н благородному вести себя, такъ не умѣютъ. А мнѣ надо чтобъ по благородному, потому это самое необразованіе мн надоѣло.

Анна Павловна.

Не понимаю я васъ.

Хрюковъ *(тихо)*.

Чего тутъ не понимать-то! Ну, просто тебѣ говорю, осыпл тебя золотомъ, да и все тутъ.

Анна Павловна.

Что̀ такое?

Хрюковъ.

Да ты тише, а то отца разбудишь.

Анна Павловна.

Что̀ вы говорите?

Хрюковъ.

А вотъ что̀! Ты мнѣ понравилась. Если ты меня поло

нишь, такъ я всему вашему семейству могу благодѣтелемъ ыть. Въ экономки ко мнѣ хочешь?

Анна Павловна.

Какъ вы смѣете такія вещи говорить!

Хрюковъ.

Тише, я тебѣ говорю! Что шумишь? Услышитъ кто-нибудь. (этихъ денегъ съ васъ не потребую и еще дамъ, сколько очешь. Вонъ онъ, бумажникъ-то, со мной!

Анна Павловна *(бросаетъ деньги)*.

Возьмите ваши деньги и ступайте вонъ!

Хрюковъ *(поднимаетъ деньги)*.

Что ты бросаешь?—вѣдь, это не щепки. Что ты развоелась?

Анна Павловна.

Подите вонъ, я вамъ говорю!

Хрюковъ.

Постой! Развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ? Я тебѣ обиднаго не сказалъ. На все это есть твоя воля: хочешь — ладно; не очешь, такъ и скажи; тебя никто не принуждаетъ. За что-жъ тъ обижаться? *(Входитъ Оброшеновъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна Павловна, Хрюковъ, и Оброшеновъ.

Оброшеновъ.

Аннушка, что съ тобой? Что съ тобой, моя милая?

Анна Павловна.

Папенька, прикажите ему уйти. Можно ли переносить, о онъ говоритъ! Я уйду, я не могу видѣть его!

Оброшеновъ.

Погоди, погоди! Благодѣтель мой! За что же дѣвушку-то ижать? Ну, я таковскій, ужъ надо мной бы надъ однимъ тѣшили свою душу. А она къ этому непривычна, я ихъ регъ, лелѣялъ, обижать никому не позволялъ.

Хрюковъ.

Что ты ее слушаешь! Она вретъ. Я ей ничего обиднаго

не сказалъ. Вольно ей горячиться-то! Ишь, она какая сердитая у тебя!

Оброшеновъ.

Ужъ даромъ она, благодѣтель мой, Филимонъ Протасьевичъ, не разсердится. А вы вотъ что! Попросите у ней извиненія за невѣжество, ручку поцѣлуйте, какъ слѣдуетъ у барышни, она васъ и проститъ по своей ангельской добротѣ. Хе-хе-хе! Такъ, вѣдь, я говорю, Аннушка?

Хрюковъ.

Ручку поцѣлуйте! Выдумывай еще! Ты слушай, старая тетеря! Мои резоны слушай! Долженъ ты мнѣ много! Теперь она еще проситъ триста рублей. Что-жъ, у меня для васъ яма бездонная, что ли, денегъ-то приготовлена?

Оброшеновъ.

Такъ не давайте! А зачѣмъ обижать-то?

Хрюковъ.

Не давайте! А я вотъ хочу дать. Да ты слушай! Дѣвушка она въ лѣтахъ, замужъ не пойдетъ, поведенья скромнаго; а мнѣ это и нужно. Пусть переѣзжаетъ ко мнѣ въ экономки. Обиды ей не будетъ, и вамъ всѣмъ будетъ хорошо.

Анна Павловна.

Ну, вотъ слышите, папенька, что онъ говоритъ. Можно это слушать равнодушно? *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Оброшеновъ и Хрюковъ.

Оброшеновъ.

Не ждалъ я, Филимонъ Протасьичъ, отъ васъ, отъ благодѣтеля, такого сраму на свою сѣдую голову.

Хрюковъ.

Какой тутъ страмъ! Мнѣ страмъ, что я съ вами связался. Я ей добра желалъ, а она обидѣлась; еще, пожалуй, разсказывать будетъ. Значитъ, разговоръ пойдетъ, и будетъ страмъ для меня, а не для васъ. Про меня пойдетъ мараль; а вамъ что!

Оброшеновъ.

А если про насъ будутъ говорить, значитъ, вамъ до этого дѣла нѣтъ!

Хрюковъ.

Сравнялъ ты себя со мной! Вы люди ничтожные! Про тебя съ дочерьми съ твоими какъ хочешь дурно разговаривай, такъ въ этомъ важности ровно никакой нѣтъ. Потому цѣна вамъ всѣмъ грошъ. А я человѣкъ извѣстный. Понялъ ты?

Оброшеновъ.

Мнѣ цѣна грошъ, я и не спорю; а дочерей моихъ я не позволю обидѣть ни за милліоны. Тебѣ честь дорога, а мнѣ дороже твоего.

Хрюковъ.

Что за честь, коли нечего ѣсть! Видимая твоя бѣдность, или нѣтъ? Всякому видимая. Я тебѣ-жъ, убогому, помочь хотѣлъ; ты бы долженъ это чувствовать! А велика важность, что про твою дочь поговорятъ дурно. Поговорятъ, да и перестанутъ.

Оброшеновъ.

Я чести своей не продавалъ; слышишь ты, не продавалъ!

Хрюковъ.

Да что за безчестье, что дочь твоя будетъ жить въ моемъ домѣ? Развѣ только скажутъ, что она любовница моя Такъ и то не бѣда. Всякій умный человѣкъ разсудитъ, что она это отъ бѣдности.

Оброшеновъ.

Молчи! Задушу! Молчи! Ты этого отъ меня еще не слыхивалъ, такъ вотъ слушай теперь! Ты думалъ, что я шутъ! Ну да, я шутъ и есть, только за дочерей убью, всякаго убью! *(Хватаетъ стулъ.)*

Хрюковъ.

Скотина, не узнала своего господина! Что, ты повредился, что ли? Ты мнѣ деньги-то отдай, которыя забралъ.

Оброшеновъ.

Отдамъ, отдамъ...

Хрюковъ.

А за грубость я тебя въ сибирку посажу.

Оброшеновъ.

Я самъ съ тебя безчестье потребую, а за дочь по закону вчетверо заплатишь.

Хрюковъ.

Держи карманъ-то! Свидѣтелевъ не было. Ты деньги-то принеси! *(Уходитъ.)*

Оброшеновъ *(вслѣдъ ему)*.

Принесу, завтра же принесу. *(Входитъ Анна Павловна и Вѣрочка)*.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Оброшеновъ, Анна Павловна и Вѣрочка.

Анна Павловна.

Папенька, успокойтесь! Не разстроивайте себя.

Вѣрочка.

Ты, папаша, опять захвораешь.

Оброшеновъ (*въ изнеможеніи садится на стулъ*).

Ахъ, ты, анаѳема! Нѣтъ, теперь хворать нельзя, некогда. Захворай теперь, такъ съ голода умрешь. Надо сейчасъ денегъ доставать. Сашѣ нужно, да этому лѣшему отдать. Вотъ отдохну и побѣгу.

Анна Павловна.

Куда вы, папенька, пойдете? Вы такъ слабы. Вы у кого хотите просить денегъ-то? Вы лучше напишите ему записочку, я снесу.

Оброшеновъ.

Что ты! Можно ли это? Позволю я тебѣ итти милостыню просить! Чтобъ опять такая же исторія вышла.

Вѣрочка.

Саша сходитъ.

Оброшеновъ.

И ему нельзя, стыдно — онъ молодой человѣкъ. А мнѣ ничего не стыдно; у меня ужъ давно стыда нѣтъ. Я бы теперь укралъ для васъ и не постыдился бы. Пуще всего надо Хрюкову отдать. А то, послѣ этой ссоры, онъ меня со свѣту сживетъ.

Анна Павловна.

Много вы ему должны, папенька?

Оброшеновъ.

Много. Не раздѣлаться всю жизнь. Все по распискамъ;

ужъ нѣкоторымъ и срокъ вышелъ. Надо его уклонять какъ-нибудь, чтобы, вмѣсто денегъ, хоть документъ взялъ на годъ срокомъ. Будемъ выплачивать понемногу.

Анна Павловна.

Вотъ несчастіе-то!

Оброшеновъ.

Пугнулъ я его, а теперь ужъ и самому страшно. Кругомъ я обязанъ человѣку, пропасть долженъ — и вдругъ выгналъ изъ дому, убить хотѣлъ. Кого? Благодѣтеля своего.

Анна Павловна.

Онъ, папенька, стоилъ этого.

Оброшеновъ.

Стоилъ-то стоилъ. Его-бъ отсюда не въ дверь, а въ окно надо было проводить! Да то-то вотъ, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, а теперь вотъ и струсилъ. Бѣдность-то насъ изуродовала. Тебя оскорбляютъ, ругаются надъ дѣтьми твоими, а ты гнись да гнись, да кланяйся. Покипитъ сердце-то, покипитъ, да и перестанетъ. Вотъ, что я сдѣлалъ дурного? Вступился за дочь, выгналъ невѣжу вонъ. Что-жъ бы я былъ за отецъ, если-бъ этого не сдѣлалъ? Кто-жъ допуститъ такое нахальство въ своемъ домѣ? Стало быть, я хорошо сдѣлалъ, что прогналъ его; а у меня вотъ отъ страху ноги трясутся. Вотъ такъ и жду, что онъ пришлетъ за мной. А, вѣдь, надо будетъ итти; упрямиться-то нельзя, надо будетъ кланяться, чтобъ пообождалъ немного. А сколько брани-то я отъ него услышу! Какъ въ глаза позорить-то станетъ! А мнѣ и языкомъ пошевелить нельзя. Нагни голову да слушай. Ужъ онъ теперь дома—далеко-ль ему, только черезъ улицу перейти. Пришлетъ! Чувствуетъ мое сердце, что пришлетъ! (*Входитъ молодецъ отъ Хрюкова.*) Ты зачѣмъ?

Молодецъ.

Филимонъ Протасьичъ приказали вамъ сейчасъ притти къ нимъ.

Оброшеновъ.

Зачѣмъ?

Молодецъ.

Это, выходитъ, я не знаю; а только приказывали, чтобъ сейчасъ.

Оброшеновъ.

Что-жъ! Надо итти. Право, лучше итти. Скажи, что сейчасъ буду. *(Молодецъ уходитъ.)* Подай шляпу! *(Вѣрочка подаетъ.)* Пойду! *(Входитъ Гольцовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Оброшеновъ, Анна Павловна, Вѣрочка и Гольцовъ.

Оброшеновъ.

Вотъ, Саша, бѣда у насъ, право, бѣда!

Гольцовъ *(не слушая).*

Денегъ не достали-съ?

Оброшеновъ.

Какія тебѣ деньги! Съ меня съ самого долгъ тянутъ. Вотъ сейчасъ иду умаливать, чтобъ подождали.

Гольцовъ *(схватывается за голову).*

Ахъ, Боже мой!

Оброшеновъ.

Что ты, Саша, что ты?

Гольцовъ.

Сейчасъ письмо получилъ-съ.

Оброшеновъ.

Какое?

Гольцовъ *(тихо).*

Этотъ помѣщикъ, чьи я деньги затратилъ, черезъ два дня будетъ въ Москвѣ.

Оброшеновъ.

Ничего, Саша, ничего! Не тужи! Вотъ я сбѣгаю по своему дѣлу, а ты тутъ подожди меня, поболтай! Старайся не думать! Забудь объ этомъ! А я ворочусь, потолкуемъ: можетъ быть, что и придумаемъ. Ну, прощайте! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Анна Павловна, Вѣрочка и Гольцовъ.

Вѣрочка *(цѣлуя Гольцова).*

Здравствуй, Саша! Ты ужъ и не видишь меня.

Гольцовъ.

Здравствуй, Вѣрочка! Извини! Что же, Анна Павловна?

Анна Павловна.

У меня сейчасъ въ рукахъ были триста рублей, да я ихъ сама назадъ отдала.

Гольцовъ.

Что же вы сдѣлали! Вѣдь, я погибаю.

Анна Павловна.

А вы бы послушали, съ какимъ гнуснымъ предложеніемъ мнѣ ихъ давали!

Гольцовъ.

Неужели-съ? Ну, разумѣется, взять нельзя-съ. Кто же это?

Анна Павловна.

Старикъ Хрюковъ.

Гольцовъ.

Вы бы ему въ лицо ихъ бросили!

Анна Павловна.

Я такъ и сдѣлала.

Вѣрочка.

Что такое вы про Хрюкова говорите? Я не понимаю ничего.

Анна Павловна.

Нечего тебѣ и понимать-то, душа моя.

Вѣрочка.

Что онъ такое обидное тебѣ сказалъ? Папенька разсердился, ты тоже.

Анна Павловна.

Совсѣмъ не нужно тебѣ знать этого, Вѣрочка.

Вѣрочка.

Сестрица, голубушка, скажи!

Анна Павловна.

Ну, изволь! Онъ хотѣлъ, чтобъ я пошла къ нему въ экономки.

Вѣрочка.

Ахъ, сестрица! Какъ же онъ смѣлъ! Вѣдь, это все равно, что въ услуженіе итти и жалованье отъ него получать?

Анна Павловна.

Ну да, да!

Вѣрочка.

За дѣло его папенька прогналъ.

Анна Павловна.

Такъ вотъ, Александръ Петровичъ! А мы ему должны очень много; онъ теперь деньги требуетъ. Вотъ какое положеніе.

Гольцовъ *(тихо).*

А мое-то положеніе! Знаете ли, я давеча было за бритву ухватился.

Анна Павловна.

Что вы! Что вы! А Вѣрочка-то?

Гольцовъ.

Только она-съ, а то-бы кончено дѣло.

Анна Павловна.

Что вы! Страшно слушать.

Гольцовъ.

А каково мнѣ будетъ, какъ выгонятъ изъ суда да осрамятъ на всю Москву, да судить будутъ, какъ вора!

Вѣрочка.

Что вы шепчетесь! Должно быть, что-нибудь нехорошо, что вы шепчетесь?

Анна Павловна.

Ты сама знаешь, что дѣла наши очень плохи.

Вѣрочка *(хватаясь за Гольцова).*

А онъ! Съ нимъ ничего не будетъ? Онъ съ нами останется?

Гольцовъ *(закрывая лицо руками).*

Я не знаю, Вѣрочка, гдѣ я буду.

Вѣрочка *(кидается ему на шею).*

Саша, Саша! *(Голосъ Оброшенова за сценой: „Молитесь Богу! Молитесь Богу!“ Вбѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Анна Павловна, Вѣрочка, Гольцовъ и Оброшеновъ.

Оброшеновъ.

Молитесь Богу! Молитесь Богу!

Анна Павловна.

Что вы, папенька?

Оброшеновъ.

Аннушка! Аннушка! *(Гольцову и Вѣрочкѣ.)* Вы! Становитесь! Оба становитесь на колѣни! И я стану. *(Хочетъ становиться на колѣни.)*

Анна Павловна.

Папенька, что̀ вы дѣлаете?

Оброшеновъ.

Ты наша спасительница! Ты! Нѣтъ, еще не все! Что̀ же я обрадовался! Еще не все. Нѣтъ, я стану передъ тобой на колѣни.

Анна Павловна.

Ахъ, папенька! Что̀ вы это! Зачѣмъ?

Оброшеновъ.

Просить тебя, просить великое дѣло для насъ сдѣлать. И вы становитесь! Вотъ она! Она одна можеть.

Анна Павловна.

Я ничего не понимаю.

Оброшеновъ.

Нѣтъ, я стану... Это сто̀итъ, чтобъ стать на колѣни. Злодѣй твой не станетъ того просить, что отецъ просить будетъ.

Анна Павловна.

Вы меня пугаете.

Оброшеновъ.

Будь тверже, Аннушка, будь тверже! Хрюковъ проситъ руки твоей и двадцать тысячъ на приданое даетъ. Падайте! Аннушка! Падаемъ, падаемъ къ ногамъ твоимъ! *(Хочетъ стать на колѣни.)*

Анна Павловна *(удерживаетъ его)*.

И вы думаете, что я откажусь? Вы боитесь, папенька? Нѣтъ. Вы больны, вы стары: вамъ нуженъ покой. А вы для насъ работаете, убиваете послѣднія силы... Я буду имѣть возможность ходить за вами, поить васъ, баловать, какъ малаго ребенка... и вы подумали, что я откажусь отъ этого! *(Обнимаетъ Вѣрочку.)* И ее, мою куклу, я могу рядить, во что̀ мнѣ захочется, могу ее тѣшить, доставлять ей удовольствія... И я откажусь! Папенька, что̀ вы! Я умереть для васъ готова, только бы вы были счастливы!

Оброшеновъ.

Да, да, да! Я такъ и зналъ. Вотъ она дочь-то какая! Вотъ съ такими дочерьми хорошо жить на свѣтѣ! Ну, спасибо тебѣ! Спасибо! *(Цѣлуетъ ее.)* Вотъ я здоровъ и веселъ. Я и плясать буду на твоей свадьбѣ.

Вѣрочка.

А что-жъ онь давеча-то говорилъ: въ экономки?

Оброшеновъ.

Да, да! Я его бранилъ за это. Ужасъ, какъ бранилъ! А онъ говоритъ: я шутилъ, я только испытать хотѣлъ. Я, говоритъ, ужъ давно жениться задумалъ за непочтеніе дѣтей. И много невѣстъ смотрѣлъ, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла. А это, говоритъ, я шутилъ, шутилъ; пусть не сердится: я шутилъ съ ней.

Вѣрочка.

Что это съ нами все шутятъ?

Анна Павловна.

А вотъ, Вѣрочка, будемъ жить богато да весело, а главное, не будемъ ни въ комъ нуждаться, такъ перестанутъ надъ нами шутить.

Оброшеновъ.

Перестанутъ, милыя мои, родныя мои, перестанутъ!

ВОЕВОДА.

(СОНЪ НА ВОЛГѢ.)

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ XVII ВѢКА. ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

(Новая редакція.)

ПРОЛОГЪ.

ЛИЦА:

Нечай Григорьевичъ Шалыгинъ, воевода.
Обользловъ, подьячій, товарищъ воеводы.
Семенъ Бастрюковъ, бѣдный дворянинъ.
Степанъ Бастрюковъ, его сынъ.
Неустройко, ключникъ } посланные.
Безсудный, шутъ }
Нежданъ, земскій староста.
Романъ Дубровинъ, бѣдный посадскій.
Власъ Дюжой, богатый посадскій.
Настасья, жена его.
Смирной } посадскіе изъ лучшихъ людей.
Дружина }
Несмьяновъ, старикъ }
Брусенинъ }
Цаплинъ } посадскіе изъ среднихъ людей.
Тыря }
Баимъ, стрѣлецкій сотникъ.
Гришка Жилка, отставной подьячій.
Рѣзвый, слуга Бастрюкова.
Щербакъ, разбойникъ въ видѣ нищаго.
Бирючъ.
Слуга воеводы.
Дворяне, служилые люди, стрѣльцы, слуги воеводы и Бастрюкова, крестьяне, женщины, дѣти, нищіе, слѣпые и убогіе.

Площадь въ городѣ. Налѣво отъ зрителей ворота воеводскаго двора, нѣсколько узкихъ домовъ; въ углу проѣздъ въ городскія ворота; на заднемъ планѣ, за строеніями, городская стѣна, которая постепенно понижается къ правому углу; черезъ стѣну видна Волга и противоположный берегъ; направо, на первомъ планѣ, высокая Приказная изба, за ней соборная площадка, видна часть колокольни; далѣе спускъ къ Волгѣ, видны крыши домовъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нежданъ, Смирной, Дружина *стоятъ у Приказной избы, ближе къ авансцень;* Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра *близъ воеводскихъ воротъ: по сценѣ отъ городскихъ воротъ къ собору и отъ собора къ воротамъ проходятъ разные люди обоего пола; у колокольни сидятъ слѣпые съ деревянными чашками и стоятъ нищіе, между ними* Щербакъ. *При поднятіи занавѣса слѣпые поютъ, слышны голоса нищихъ и вожаковъ слѣпыхъ: „Слѣпому, убогому!“ — „Сотворите святую милостыньку“.*

Слѣпые *(поютъ).*

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой землѣ,
По народу православному:
Оттого суды неправые...

(Изъ Приказной избы выходитъ бирючъ, надѣваетъ шапку на длинную палку и поднимаетъ ее вверхъ, ребятишки окружаютъ его и смотрятъ ему въ глаза, разиня ротъ.)

Голоса.

Бирючъ идетъ, бирючъ! Снимайте шапки!

Бирючъ.

Слушайте, послушайте, государевы люди, старшіе и меньшіе и всякаго чина людъ, отъ мала и до велика! По великаго государя наказу, вѣдомо вамъ буди, чтобы вы, посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди, и сотскіе, и пятидесятскіе, и десятскіе, разбойниковъ и татей, и смертныхъ убойцевъ, и вѣдуновъ, и всякихъ воровскихъ людей у себя не таили и не держали и, имая ихъ, приводили къ воеводѣ. А буде-жъ вы, посадскіе и уѣздныхъ всякихъ чиновъ люди, забывъ страхъ Божій и не помня душъ своихъ, учнете разбойниковъ и татей, и убойцевъ, и вѣдуновъ, и всякихъ воровскихъ людей у себя держать и таить, и попоровки имъ чинить, и тѣмъ людямъ отъ великаго государя быть въ смертной казни, безо всякаго милосердія, а дворы и животы взяты будутъ на великаго государя безповоротно и розданы въ истцовы иски. *(Идетъ къ по саду; дѣти за нимъ.)*

Тыра.

Проваливай подалѣ, мы слыхали!

Брусенинъ.

Не первый разъ, не новая новинка!

Цаплинъ.

Мы думали, что свѣжи, анъ все тѣ же.

Нежданъ.

Разбойниковъ, и татей, и убойцевъ
Въ посадѣ нѣтъ, разбойничья пріѣзду
Не держимъ мы; такъ не по-что и кликать.

Смирной.

Да кличь, не кличь, немного проку будетъ,
Коль ихъ не ловятъ. По большимъ дорогамъ
Разбойники и днемъ, и ночью грабятъ,
По Волгѣ нѣтъ проѣзду, по лѣсамъ
Становятся станами безъ опаски.
Вотъ тамъ бы ихъ и брать живьемъ руками;
А кликать по торгамъ какая польза!

Нежданъ.

Зачѣмъ же къ намъ посаженъ воевода,
Какъ не затѣмъ, чтобъ татей и убойцевъ
Разыскивать.

Дружина.

Не до воровъ ему.
Пригожихъ бабъ да дѣвокъ на посадѣ,
Да по клетямъ добро какъ разъ разыщетъ,
Не утаишь.

Смирной.

Терпѣнья намъ не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Дружина.

Воровъ не ловитъ — горе,
А какъ поймаетъ вдвое: онъ воровъ-то
Беретъ изъ тюремъ на домъ, научаетъ
Поклепомъ пасъ посадскихъ обносить.
Ты ничего не вѣдаешь, не знаешь,

А онъ, по воровскому наговору,
Беретъ тебя безъ сыску и пытаетъ
Безъ царскаго указу,—мукой мучитъ,
Огнемъ палитъ.

Смирной.

Да съ пытокъ-то поминки
Берутъ на насъ, на выкупъ выпускаетъ.

Дружина.

Довольно съ насъ, два года потерпѣли,
Пора писать и челобитье.

Нежданъ.

Слышу
Давно ужъ я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дѣла нѣтъ.

Смирной.

Москва намъ дорога,
Съ пустыми-то руками не поѣдешь.

Дружина.

Ну, братъ, ау! Коль завязалась драка,
Такъ не жалѣй волосъ. Во что ни станетъ,
Да только бы избыть его отъ насъ.

Нежданъ.

Московскіе расходы разверстаемъ,
Разсудимъ, что и какъ, и много-ль денегъ
На проѣзди собрать да на гостинцы.

(Нежданъ, Смирной, Дружина уходятъ къ собору. Отворяются воеводскія ворота, выходятъ ключникъ Неустройко съ палкой и слуги съ метлами.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Несмѣяновъ, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, Неустройко, слуги и народъ.

Неустройко.

Живѣй, живѣй! Сейчасъ пойдетъ бояринъ
Въ соборъ съ гостьми. Чтобъ у меня кипѣло!
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медвѣдь ученый.

Одинъ изъ слугъ.

Какъ еще работать!
Гуляемъ, что-ль? А ты возьми-ка метлу,
Да самъ мети, чѣмъ лаять занапрасно.

Неустройко.

Разинулъ пасть-то! Цыцъ! Не въ дармоѣдахъ,
Не то что вы, живу у государя:
На части рвусь, куска не доѣдаю.
А вамъ одна забота: завалиться
Подальше гдѣ, что днемъ съ огнемъ не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнутъ бѣльма;
Молъ, все равно: работай, не работай,—
Накормятъ даромъ.

Тотъ же слуга.

Даромъ и побьютъ.

Тыра.

Ну, видно, ихъ не больно жирно кормятъ:
У насъ въ посадѣ только и воруютъ,
Что воеводскіе.

Несмѣяновъ.

Коль брюхо сыто,
Въ чужую клѣть за ѣжей не полѣзешь!

Брусенинъ.

Какіе воры, страсть! Концовъ не сыщешь.

Неустройко.

Ты, смердъ, молчи!

Цаплинъ.

А ты что за помѣщикъ?

(Шутъ выбѣгаетъ изъ воротъ, держась за голову.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ, Несмѣяновъ, шутъ и народъ.

Шутъ.

Ой, ой, убилъ, убилъ, прошибъ до мозгу,
Проклятый песъ, паршивая собака!

Издохнуть бы тебѣ, какъ бусурману!
И чтобъ ни дна тебѣ и ни покрышки
Поганому. У! Волкъ тебя заѣшь! *(Воетъ.)*

Неустройко.

Расплакался, аль подзатыльникъ дали?

Шутъ.

Тебѣ-то что, холопья образина!
И онъ туда-жъ *(передразниваетъ)*: „аль подзатыльникъ дали!“
Ай, батюшки! убилъ, убилъ по темю,
Костыль сломалъ, собака! *(Воетъ.)*

Неустройко.

Пожалѣетъ.

Шутъ.

Меня-то, что-ль?

Неустройко.

Нѣтъ, костыля-то.

Шутъ.

Дьяволъ. *(Воетъ.)*

Неустройко *(шуту)*.

Что воешь-то? Какой дѣтенышъ малый!
Не все-ль равно тебѣ, какъ псу, издохнуть —
Подъ палкой ли, иль пьяному подъ тыномъ!

Шутъ.

Не приставай! Всего изъѣмъ зубами. *(Слуги смѣются.)*
А вамъ-то что смѣшно, холопье стадо?
У васъ самихъ увѣчья не проходятъ.

Тыра.

Влетѣло, братъ!

Цаплинъ.

Влилось.

Брусенинъ.

Попало ловко!

Тыра.

Ты къ носу три.

Цаплинъ.

До свадьбы заживетъ!

Шутъ.

Ну, подверниись который, изувѣчу!
И въ волосы, и въ бороду вцѣплюсь,
Не выпущу; такъ все въ рукахъ и будетъ.
Ни волоска живого не оставлю.

Тыра.

Ну, полно, ты! Мы шутимъ. Ты подумалъ,
Взаправду, что-ль?

Цаплинъ.

Намъ что!

Брусенинъ.

Господь съ тобой!

Тыра.

Обиды нѣтъ тебѣ.

Цаплинъ.

Вѣстимо, въ шутку
Языкъ чесать.

Брусенинъ.

Не трожь его, робята!

Тыра.

А ты скажи намъ, милый человѣкъ,
За что, про что обиду терпишь?

Шутъ.

Даромъ.
Жениться чортъ задумалъ...

Тыра.

Такъ. Ну, что же?

Шутъ.

Дюжѳва дочь облюбовалъ.

Цаплинъ.

Ну, знаемъ.

Шутъ.

Я сдуру-то сболтни ему неладно,
Молъ, старому жениться не надолго,
Да часто, молъ, и не себѣ, а людямъ.
И я-то глупъ, шутить связался.

Тыра.

Вѣрно!
Ты съ тѣмъ шути, кто любитъ. Ну, и что же?

Шутъ.

Какъ вскочитъ онъ, затрясся, ровно Каинъ,
Какъ волкъ стучитъ зубами, словно угли
Глаза зажглись, сѣдая грива дыбомъ...
Видалъ ли ты, какъ окаянныхъ пишутъ
На папертяхъ?— Точь-въ-точь.

Цаплинъ.

Какой бѣдовый.

Неустройко.

А вотъ пойти, да скаредныя рѣчи
Боярину явить. Бросай, робята!
Бояринъ вышелъ.

Шутъ.

Братцы, схороните!

Тыра.

Бѣги скорѣй, покуда не схватили,
Валяй во всѣ лопатки, не догонятъ.

(Шутъ убѣгаетъ.)

Цаплинъ.

Стрѣлой летитъ. Держи его, робята! *(Хохотъ.)*

Брусенинъ.

На лошади, да развѣ на хорошей,
А на плохой ни за что не догонишь.

Тыра.

Какъ шкуру-то, ребята, соблюдаетъ,
Диви бы бобръ сибирскій, али соболь!

Цаплинъ.

Ему своя-то, надо быть, дороже.

(Входятъ воевода, Облъзловъ, нѣсколько дворянъ, сотникъ стрѣлецкій, нѣсколько стрѣльцовъ и слуг.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Воевода, Облѣзловъ, Баимъ, дворяне, стрѣльцы, слуги *и* тѣ же *и потомъ* Гришка Жилка.

Воевода. *(Облъзлову).*

Ты говоришь, что мѣстомъ вышло. Вѣрно

Воистину. *(Кланяется народу.)* Здорово! Ты послушай.

Поѣхали мы звѣря погонять.
Гляжу, лиса катитъ изъ мелколѣсья
По вырубкѣ въ сосняк, вотъ такъ и стелетъ,
Какъ желтый листъ по вѣтру. Вижу, дѣло
Выходитъ дрянь; уйдетъ, силутуетъ. Надо
Заворотить, на перерѣзъ ударить.
Хлестнулъ коня по бедрамъ. *(Баиму.)* Что за парень
Особнякомъ стоитъ? Коль нашъ—не трогай,
А кто чужой, такъ опроси построже. *(Баимъ отходитъ.)*
(Воевода, оборотясь къ Облязлову, продолжаетъ.)
Проѣхалъ я шаговъ не больше съ сотню,
И вдругъ мой конь, какъ вкопанный, ни съ мѣста,
Какъ въ землю вросъ. Ужъ я его и плетью,
И лаской,—нѣтъ, дрожитъ, трясется, уши
Насторожилъ. Я вижу, дѣло плохо.

(Сотникъ возвращается.)

Какой такой?

Сотникъ.

Изъ нашихъ, изъ рыбацкой!

Воевода.

Ну, ладно. *(Облязлову.)* Вотъ я слѣзъ, перекрестился.
Обшолъ вокругъ три раза, зачурался,
И ничего,—мой конь пошелъ, какъ надо.
Такъ вотъ и знай, что значитъ мѣсто.

Облѣзловъ.

Диво-ль
Въ большомъ лѣсу, гдѣ всяка нечисть бродитъ.
Въ своемъ саду я лѣтось заблудился
Средь бѣла дня! Не мало мы дивились:
Брожу кругомъ, а выхода не вижу.
Такая страсть, что Господи помилуй—
Не доведи впередъ, умрешь со страху.
Ужъ я кричалъ, кричалъ, сошлись людишки
Да вывели.

(Входитъ Жилка и кланяется низко въ ноги.)

Воевода.

Всего бываетъ! Что ты?

Жилка.

И бьетъ челомъ, бояринъ, и являетъ
Твой сирота, былой подьячій Жилка.

Воевода.

О чемъ еще, анаѳема?

Жилка.

О боѣ
И грабежѣ денномъ и объ увѣчьѣ!

Воевода.

Который разъ тебя увѣчатъ! Скоро-ль
Совсѣмъ убьютъ? Пора бы! Кто же грабилъ
И билъ тебя?

Жилка.

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Рѣзвый
Съ товарищи; они-жъ, бояринъ, воры,
И картами, и зернью промышляютъ
И табакомъ, и воровское держатъ
И продаютъ, и бѣглыхъ укрываютъ,
И на посадъ насильствомъ въ харяхъ ходятъ
Съ потѣхами, и скаредныя пѣсни
И срамныя поютъ и дѣйства дѣютъ,
Тебя-жъ обносятъ скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью...
Въ томъ жалоба тебѣ моя и явка.

Воевода.

А грабежу?

Жилка.

Колпакъ да зипунишко.

Воевода.

За что—про что?

Жилка.

Да якобы съ тобою
Я стакався составнымъ челобитьемъ,
Испродаю посадскихъ и убытчу
Поимками.

Воевода.
Семена Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сѣлъ ко мнѣ. Плутамъ заступникъ,
Оберегатель земской. Двумъ медвѣдямъ
Не жить въ одной берлогѣ. Челобитье
Въ избѣ подай мнѣ завтра. Мы посмотримъ.
Велимъ сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишекъ Бастрюкова
Не пощадимъ.

Жилка *(кланяется)*.
Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидѣть
Ругателямъ.

(Воевода идетъ на ступени къ собору.)

Голоса *(изъ заднихъ рядовъ)*.
Алтынникъ, крозопивецъ!—
А крестъ на немъ, робята, есть, аль нѣту?—
Наврядъ ли ужъ.—Другой татаринъ лучше.

Воевода *(на ступеняхъ)*.
Кричатъ, а что, никакъ не разберу я.
Да вамъ чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда впередъ и говори!
Изъ-за людей не слышно. Что-жъ вы стали?
Ай, молодцы! Вы смѣлые робята!
Изъ-за людей облаетъ и присядетъ,
Разинетъ пасть и тягу, кукишъ кажетъ
Изъ рукава, чтобъ люди не видали.
Чего же вамъ? Строптивъ, сердить я, что ли?
Не милостивъ? Все это правда ваша,
Я не святой.—А знаете ли, дѣти,
Писаніе насъ учитъ покоряться
Властителю и доброму, и злому.
Строптиваго послушать передъ Богомъ
Угодніе. Иль мнится вамъ, что власти
Людскимъ хотѣньемъ созданы? Что можно
Безъ власти жить? Что мы равны? Такъ знайте,
Звѣзда съ звѣздою разнствуютъ во славѣ;
Такъ на небѣ, и на землѣ все такъ же:

И старшіе, и младшіе, и слуги.
И господа, и князи, и бояре,
И Господомъ вѣнчанные на царство
Великіе цари и государи.
За чиномъ чинъ по лѣстницѣ восходитъ
Отъ насъ къ царю и отъ царя до Бога.
И всяка власть отъ Бога. Власть не судятъ
Подвластные, а только царь, ему же
(снимаетъ шапку)
Господь вручилъ насъ всѣхъ на попеченье.
Изъ-за чего намъ ссориться! Вы дѣти,
Я вамъ отецъ. Не лучше-ль намъ любовью
И миромъ жить! Ходите по закону—
И вамъ цѣлѣй, и мнѣ милѣй! За что-жъ
Браниться-то! Не хорошо. Не ладно.
(Киваетъ головой Баиму.)
Пошарь-ка тамъ съ своими молодцами,
Не сыщешь ли кого изъ крикуновъ.
Да не зѣвай! Того, Баимъ, не бойся,
Что въ виноватыхъ правый попадется:
Не виноватъ—укажетъ виноватыхъ.
Переловить, связать и запереть
Всѣхъ накрѣпко въ сторожню, тамъ разсудимъ.

(Уходятъ воевода, товарищъ и вся свита, кромѣ стрѣльцовъ. Баимъ и стрѣльцы ходятъ въ народѣ.)

Голоса.

Чего тебѣ? Ты тише, не толкайся!—
Что за напасть!—Да что-жъ, вы драться, что ли?

(Съ посаду бѣжитъ народъ. Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ, за ними меньшіе слуги: Рѣзвой и другіе.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бастрюковъ Семенъ, Бастрюковъ Степанъ, слуги и прежніе.

Бастрюковъ Семенъ.

О чемъ шумятъ? Чего не раздѣлили?

Бастрюковъ Степанъ.

Никакъ Баимъ посадскихъ обижаетъ.

Голоса.

Застой за насъ! Безвинно бьютъ и мучатъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Оставь, Баимъ!

Баимъ.

А ты что за указчикъ?
Велѣлъ сыскать ослушныхъ воевода,
И сыщемъ ихъ. Пока найдемъ да свяжемъ—
Не отступлю.

Бастрюковъ Семенъ.

А какъ всполохъ ударимъ
На весь посадъ—и ногъ не унесете!
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посаженъ воевода.
Сбирай стрѣльцовъ! *(Посадскимъ)* Робята, расходитесь!
(Расходятся.)
Не тронетъ васъ никто.

Баимъ

Не ты въ отвѣтѣ,
А я, съ меня и спросятъ.

Бастрюковъ.

Ты не бойся.
Я самъ скажу въ соборѣ воеводѣ;
Пусть на меня и сердится, какъ хочетъ.
Иди со мной въ соборъ.

Баимъ.

За мной, робята!

(Уходятъ Бастрюковы, Баимъ, стрѣльцы; прислуга уводитъ лошадей, посадскіе идутъ къ городскимъ воротамъ; навстрѣчу имъ Власъ Дюжой и Настасья).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Власъ, Настасья и прежніе посадскіе.

Настасья.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра.

Вотъ невидаль какая! И почище
Видали мы.

Власъ.

Иди, какъ люди ходятъ.

Настасья.

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

Власъ.

Настасья,
Уймешься ты, аль нѣтъ?

Настасья.

Фу! Смерды!

Цаплинъ.

Шире
Народъ, навозъ плыветъ.

Настасья.

Да какъ ты смѣешь?
Ты страдникъ, смердъ! *(Мужу.)* Доправь на немъ безчестье!
Ты знаешь, смердъ, я теща воеводѣ.

Брусенинъ.

Ну, какъ не знать!

Власъ.

Иди добромъ, Настасья,
Въ умѣ ли ты? При всемъ честномъ народѣ
Стыдишь меня.

Настасья.

Толкуй! Ты самъ не знаешь,
Какая честь лежитъ на насъ.

Тыра.

Отъ воеводы
Пристала къ вамъ?

Власъ.

Иди! Народъ смѣется.
Ишь, срамъ какой! Вотъ съ дурой-то связался,
Такъ, Господи, и жизни-то не радъ.

Настасья.

Фу! Смерды! Прочь!

Несмѣяновъ.

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.

(Власъ и Настасья уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Несмѣяновъ, Тыра, Цаплинъ, Брусенинъ *и потомъ* Дубровинъ.

Тыра.

Ишь, дура-то, за воеводу дочку
Просватала и думаетъ, что тоже
Боярыня; идетъ и ногъ не слышитъ.

Несмѣяновъ.

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старикъ живетъ, а жены молодыя
Все мрутъ, да мрутъ. Диковина и только!

Тыра.

Да ну его!

Несмѣяновъ.

Робята, не слыхали-ль,
Что Худояръ на Волгѣ появился
И станомъ сталъ невдалекѣ.

Цаплинъ.

Такъ что же?
Тебѣ-то что-жъ?

Несмѣяновъ.

Разбойникъ лютый, баютъ.

Тыра.

За что̀-жъ его разбойникомъ ты лаешь,
Не знаючи? Какой же онъ разбойникъ?
Кого разбилъ? Тебя?

Несмѣяновъ.

Меня не трогалъ,
Мнѣ грѣхъ сказать; не грабилъ, такъ не грабилъ.

Цаплинъ.

Такъ покажи другихъ!

Несмѣяновъ.

Чего не знаю—
Не говорю. Казну ограбилъ, баютъ.

Тыра.

Ты бай, не бай—не знаю это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщетъ;
А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

Несмѣяновъ.

Заглазно ничего.

Тыра.

А ну, услышитъ,
Помилуй Богъ!

Несмѣяновъ.

Ты шутишь, аль взаправду?

Цаплинъ.

У нихъ вездѣ глаза и уши.

Несмѣяновъ.

Ой ли?

Тыра.

А вотъ гляди! Изъ этихъ самыхъ нищихъ
Да изъ убогихъ, коль не половина,
Такъ двое-трое ужъ навѣрно есть
Изъ шайки Худояра.

Цаплинъ.

Безпремѣнно.

Несмѣяновъ.

А слышалъ я, что будто онъ въ Казани
Въ тюрьмѣ сидѣлъ.

Тыра.

А ты повѣрилъ?

Несмѣяновъ.

Слушай!
И будто онъ досталъ изъ печи уголь
И написалъ косную на полу;
Забралъ въ нее тюремныхъ всѣхъ сидѣльцевъ,
Плеснулъ воды, да въ Волгу и уѣхалъ.
„Лови, держи!“ А ихъ и слѣдъ простылъ.

Брусенинъ.

Послушать васъ, такъ уши вянутъ, право!
Обиды да разбои...

Несмѣяновъ.

А про что же
Разсказывать прикажешь? Мы не дѣти,
Не сказки-жъ говорить! По всѣмъ примѣтамъ
Послѣднія приходятъ времена:
Въ народѣ рознь, раздоръ, въ судахъ неправда,
Отъ сильныхъ утѣсненье.

Брусенинъ.

Тѣсно стало,
Такъ въ лѣсъ ступай, спасайся, рой пещеру.
Ты слышалъ ли, что въ нашихъ палестинахъ
Подвижникъ новый объявился?

Несмѣяновъ.

Слышалъ.

Брусенинъ.

Въ оврагѣ монастырскомъ, въ дикомъ лѣсѣ,
Живетъ затворникъ, хлѣбомъ да водой
Питается, а монастырь растетъ
Его молитвами и богатѣетъ,
И земли прикупаетъ и луга,
И стѣны строятся, и колокольня,
И братскихъ келій рядъ. Спроси монаховъ:
„Молъ, кто у васъ строитель?“ — Скажутъ: Богъ.
Безсребренникъ пустынникъ изъ пещеры
На утренней зарѣ на горку выйдетъ,
Благословитъ работу начатую:
И лѣсъ, и камень явятся, и люди
Рабочіе сойдутся, и мѣшками
Несутъ, невѣдомо откуда, деньги
На монастырское строенье.

Несмѣяновъ.

Чудо,
Воистину.

Брусенинъ.

А ты про тѣсноту.
Заступницы икону принесли
Изъ дальней пустыни въ соборъ, такъ видишь:

Народъ валитъ иконѣ поклониться,
И старъ, и малъ работу покидаютъ,
Послѣднія несутъ копейки. Значитъ,
И вѣра въ насъ еще не оскудѣла,
И жить еще на свѣтѣ можно.

Тыра.

Вѣрно.

(Дубровинъ входитъ и осматривается.)

Цаплинъ *(увидя Дубровина)*.

Никакъ чужой? Чего онъ ищетъ?

Тыра *(подходя къ Дубровину)*.

Дядя,
Ты изъ какой Литвы, съ какой Орды?
Отъ дѣла ты лытаешь, али дѣла
Пытаешь?

Цаплинъ.

Сватъ, ты ближній, али дальній?

Тыра.

Какихъ родовъ, изъ коихъ городовъ?

Несмѣяновъ.

Не бѣглый ли? А можетъ онъ, робята,
Коня укралъ, аль мужика убилъ.
Связать его!

Дубровинъ.

Эхъ, дѣдушка, за что же?
Связать меня не хитрость; самъ даюсь.
Вязать вяжи, а послѣ не тужи!
Не я одинъ гуляю, насъ не мало
Останется на волѣ, всѣхъ не свяжешь;
А у тебя домишко на посадѣ. *(Тихо.)*
Поберегай отъ красныхъ пѣтуховъ!

Несмѣяновъ.

Да что ты, что ты, милый! Я нарочно
Шутилъ съ тобой, а ты и вправду.

Дубровинъ.

Полно,
Шутилъ ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.

Брусенинъ.

Братцы,
Я признаю его.

Цаплинъ.

И мнѣ знакомо
Обличье-то, а какъ назвать — не знаю.

Дубровинъ.

Я не боюсь и не таюсь; я бѣглый
Посадскій вашъ, Романъ Дубровинъ.

Тыра.

Братцы,
И то, вѣдь, онъ. Два года не видались!
Ты гдѣ гулялъ?

Дубровинъ.

На бѣломъ свѣтѣ много
Привольныхъ мѣстъ — и Донъ, и Волга-мать.
Гдѣ я гулялъ — тамъ нѣтъ меня; теперя
Домой пришелъ.

Тыра.

Ты хочешь объявиться?

Дубровинъ.

Ну, нѣтъ, зачѣмъ! Съ женой бы повидаться.
Не знаешь, гдѣ жена?

Тыра.

У воеводы.

Дубровинъ *(хватается за голову)*.

Ужель къ нему попала?

Тыра.

Взялъ насильемъ,
Въ тюрьму сажалъ, а изъ тюрьмы да на домъ
Красавицу твою Олену.

Дубровинъ.

Дьяволъ!

(Задумывается.)

Вотъ дѣло-то какое вышло! Эка
Бѣда моя! На малый часъ задумалъ

Вернуться къ вамъ; придется оставаться,
Съ Шалыгинымъ считаться за жену.
У насъ, людей торговыхъ, такъ ведется:
Берешь безъ торгу, такъ плати, что спросятъ.

Тыра.

Вѣстимо такъ, да что съ него возьмешь-то?

Дубровинъ.

Не деньги-жъ брать: я денегъ не возьму;
Жена товаръ завѣтный, не продажный.

Тыра.

А что завѣту за жену положишь?

Дубровинъ.

Завѣтъ великъ положенъ. На прощаньи
Съ моей Оленой, я поклялся Богомъ,
Родителемъ, своей души спасеньемъ,
Что если кто ее обидитъ...

Тыра.

Что же
Обидчику?

Дубровинъ.

Я голову сорву
Руками съ плечъ. *(Помолчавъ.)* А что, жива, здорова?

Тыра.

Тоскуетъ все да плачетъ, говорятъ.

Дубровинъ.

Спасибо вамъ на добромъ словѣ, братцы.
Увидите жену, такъ поклонитесь!
Молъ, живъ еще и помнитъ. Недалеко
Гуляетъ, молъ; желаетъ повидаться,
Такъ случая, молъ, ищетъ. Воеводѣ
Скажи хоть ты *(Несмѣянову)*, что собираюсь въ гости,
Чтобъ припасалъ, чѣмъ потчевать. Прощайте!
(Уходитъ.)

Несмѣяновъ.

Никакъ ушелъ? Поотлегло отъ сердца, —
Перепугалъ проклятый. Что-жъ, робята,
Явить аль нѣтъ?

Тыра.

А намъ какое дѣло?
Какъ хочешь ты, а мы и знать не знаемъ.
Поди, являй, а въ послухи не ставь—
Во всемъ запрусь.

Цаплинъ.

И я.

Брусенинъ.

Мы не видали.

Тыра.

Помалчивай, такъ самъ цѣлѣе будешь.

(Выходятъ изъ собора воевода, Облъзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскія, Баимъ, стрѣльцы и слуги. Посадскіе и народъ уходятъ въ глубину площади.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Воевода, Облѣзловъ, Бастрюковы, дворяне, дѣти боярскія, Баимъ, стрѣльцы, слуги и прежніе посадскіе.

Воевода *(остановясь, не доходя воротъ)*.

Два раза глупъ бываетъ человѣкъ:
Съ младенчества сперва, потомъ подъ старость;
Состарѣешь и поглупѣешь, разумъ
Отымется. Не даромъ люди стали
Учить меня. Одно и остается:
Коль старъ и глупъ, такъ умныхъ больше слушай.
Вотъ я велѣлъ переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюковъ наѣхалъ,
Прогналъ его, — что мы не дѣло, видишь,
Затѣяли, мятежъ заводимъ, буйство.
Челомъ ему за то, что надоумилъ.

Бастрюковъ Семенъ.

Да что-жъ, и впрямь, затѣяли не дѣло.

Воевода *(смѣется)*.

Да погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказалъ тебѣ, чего-жъ еще! Не въ ноги-жъ..
Другую рѣчь я поведу. Вотъ, видя,

Что глупъ-то я и старъ, большое дѣло
Безъ вашего, друзья мои, совѣта
Начать не смѣю. Что приговорите,
Тому и быть.

Облѣзловъ.

Нечай Григорьичъ, полно
Пытать-то насъ. На что тебѣ совѣты,
Ты самъ уменъ.

Бастрюковъ Степанъ.

И мы не дураки.

Бастрюковъ Семенъ.

Въ чемъ дѣло-то?

Воевода.

Не знаю, какъ сказать!
Попуталъ грѣхъ. И молодыхъ, и старыхъ
(Снимаетъ шапку и кланяется.)
Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, сѣдому
И стыдно бы, да человѣкъ я слабый,
Лѣтами старъ, за то душою молодъ.

Облѣзловъ.

Какой старикъ, ты лучше молодыхъ —
И старъ, да дюжъ.

Воевода.

Безъ бабы не живется;
Грѣха боюсь — такъ вздумалъ ожениться.

Облѣзловъ.

И въ добрый часъ.

Воевода.

И не о томъ бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюковъ Семенъ.

Что же
Жениться-то объ эту пору! Сколько
Тебѣ и жить-то! Было двѣ жены,
Чего-жъ тебѣ! Не дѣло, такъ не дѣло —
Тебѣ-то блажь, а баба-то засохнетъ,
За старикомъ живя.

Воевода.

Что значитъ умъ-то!
Не вамъ чета. И слушать-то отрада.
Отъ умной головы совѣту много
Хорошаго. А васъ про что ни спросишь,
Отвѣту нѣтъ; а у него какъ разъ
Уменъ отвѣтъ и скоръ. Развѣсьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Ужъ если онъ, такой разумный, скажетъ,
Что не женись, Нечай Григорьичъ,—значитъ,
Что надобно жениться безпремѣнно.

Бастрюковъ Семенъ.

Такъ на смѣхъ, что-ль?

Воевода.

Какъ хочешь, такъ и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюковъ Семенъ.

Ладно-жъ!
Припомни ты! Я сорокъ лѣтъ на службѣ,
Израненъ весь, доспѣхи боевые
Я сорокъ лѣтъ носилъ. Литва и нѣмцы
До сей поры боятся Бастрюкова.
Губнымъ служилъ по выбору; не ползалъ,
Не кланялся подьячимъ по приказамъ,
Не кланялся: пустите покормиться!
Своимъ кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебѣ; держись, да крѣпче!
Въ Москвѣ бывалъ, туда дорогу знаю.

Воевода.

Москва Москвой; готовься самъ къ отвѣту.
Въ помѣстьи ты, какъ въ омутѣ, усѣлся
И думаешь—ты царь, тебѣ суда нѣтъ.
Мы выведемъ на свѣжую водицу.

Бастрюковъ Семенъ.

Меня?

Воевода.

Тебя.

Бастрюковъ Семенъ.

Нѣтъ, руки коротеньки.

Воевода.

Длинѣй твоихъ. Ты бѣглыхъ укрываешь,
И зернщиковъ и воровское держишь.

Бастрюковъ Степанъ.

Что-жъ, батюшка, ты смотришь! Что-жъ онъ лаетъ!
Царю челомъ ударимъ о безчестьи.

Воевода.

Молчи, щенокъ.

Бастрюковъ Степанъ *(бросается на воеводу)*.

Ахъ, старая собака! *(Его удерживаютъ)*.

Бастрюковъ Семенъ.

Царю челомъ ударимъ, а покуда
Ты бородой отвѣтишь. Безъ остатку
Всю выдеру. *(Бросается на воеводу.)*

Воевода.

Держите ихъ, держите! *(Его загораживаютъ.)*

Облѣзловъ.

Семенъ, уймись! Безлѣпичное дѣло
Затѣялъ ты.

Бастрюковъ Семенъ *(наступая)*.

Не я, а онъ затѣялъ!
Не уступлю, я самъ не хуже.

Голоса.

Пречистую, Пречистую несутъ!

(Всѣ снимаютъ шапки, нѣкоторые падаютъ на колѣни. Воевода, Облѣзловъ и ихъ свита уходятъ въ ворота. Бастрюковы Семенъ и Степанъ стоятъ, благоговѣйно склонивъ головы.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Власъ Дюжой.
Настасья.
Прасковья } дочери ихъ.
Марья. }
Недвига, мамка.
Воевода.
Шутъ.
Степанъ Бастрюковъ.
Рѣзвый |
Кубасъ | слуги Бастрюкова.
Шишига |
Слуги Дюжова и воеводы; сѣнныя дѣвушки.

Густой садъ. Налѣво теремъ съ выходомъ и крыльцомъ; направо баня; въ глубинѣ стоячій тынъ, изъ котораго нѣсколько надолбъ вынуто; за тыномъ, когда онъ разобранъ, виденъ берегъ Волги.

— —

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рѣзвый, Степанъ Бастрюковъ *въ кустахъ.* Кубасъ и Шишига *у разобраннаго тына.*

Рѣзвый.

Кубасъ, Шишига, забирайте тынъ,
Да разомъ въ лодку, и лежи какъ мертвый!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубасъ, за весла;
А ты, Шишига, здѣсь у лазу будь!

Бастрюковъ.

Да пожившѣй!

Кубасъ.

Ты свистни, а мы смыслимъ.
Передъ тобой, какъ листъ передъ травой!
(Загораживаютъ тынъ.)

Бастрюковъ.

Спасибо вамъ, робята! Услужили!

Рѣзвый.

Кому-жъ служить, какъ не тебѣ, боярнъ!
Одно и дѣло—веселить да тѣшить
Тебя, Степанъ Семенычъ.

Бастрюковъ.

Да еще бы!
Потоль и тѣшиться, пока живется.
Вѣдь, однова живемъ на свѣтѣ бѣломъ.
Не въ чернецы-жъ итти! Теперь забота
Одна въ умѣ; одно и сплю и вижу,
Какъ Марью Власьевну достать.

Рѣзвый.

А мы-то?
Да насъ и хлѣбомъ не за что кормить,
Коль мы тебѣ забаву не доставимъ.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями—мы достанемъ.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тынъ, шесть иголъ вынимали,
Да и опять поставили, какъ было.
И разберемъ, и заберемъ въ минуту
Широкій лазъ, хоть тройкой поѣзжай.

Бастрюковъ.

А крѣпко Власъ живетъ.

Рѣзвый.

На всемъ посадѣ
Ни у кого нѣтъ выше городьбы;
Казну блюдетъ.

Бастрюковъ.

Ну, мы казну не тронемъ.

Рѣзвый.

А дочерей ужъ не взыщи. Боярнъ,
Никакъ идутъ. Схоронимся покуда.

Бастрюковъ.

Куда же намъ?

Рѣзвый.

Вотъ баня!

Бастрюковъ.

Ну, и ладно!

(Уходятъ въ баню).

(Входятъ Прасковья Власьевна, Марья Власьевна, Недвига; сѣнныя дѣвушки носятъ ковры, подушки и разное шитье.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сѣнныя дѣвушки.

Марья Власьевна.

Намъ въ теремѣ и тѣсно, да и душно;
Жара, какъ въ банѣ, а тебѣ и любо.
Коль у тебя въ Петровки стынетъ кровь.
Ты старая; тебя не манитъ лѣто
На волюшку, на шелковы луга,
Въ тѣнистый боръ, гдѣ бѣлымъ днемъ потемки,
Въ зеленый садъ, гдѣ алый цвѣтъ цвѣтетъ,
Гдѣ вишенье, орѣшенье назрѣло
И налилось и ждетъ дѣвичьихъ рукъ.
Мы не старухи, намъ безъ печки жарко,
Не больно милъ намъ новъ-высокій теремъ.

Недвига.

Ну, въ садъ, такъ въ садъ; мнѣ все равно, старухѣ.

Марья Власьевна.

Что теремъ, что тюрьма — одно и то же.

Недвига.

Ну, будь по вашему. Вотъ здѣсь и сядемъ.

(Садятся. Молчатъ.)

Охъ, не люблю, когда молчатъ! Въ молчанки
Мы, что-ль, играть сошлися! Ну-те, дѣвки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна.

Все величать! Довольно! Надоѣли.

Недвига.

Сказать, аль нѣтъ? Вѣстимо, что не дѣло
Холопское о господахъ судачить,
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна.

Ну, что такое?

Недвига.

Да все про то же, все про жениха-то;
Что̀ у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьевна.

Тебѣ-то что̀, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна.

По сердцу—не по сердцу, а пойду,
И охъ не молвлю!

Недвига.

Думали, гадали
Родимые, да вотъ и догадались.
Ну, ровня ли! Сѣдой, какъ лунь, согнутый,
Глядитъ медвѣдемъ, такъ и хочетъ съѣсть.
Одно и лестно, что большой бояринъ,
Такъ не съ боярствомъ жить, а съ человѣкомъ.
Какъ мѣсяцъ не свѣти, а все не солнце!

Марья Власьевна.

Ей—что ни попъ, то батька, все равно;
Ей лишь бы замужъ, разбирать не станетъ.

Прасковья Власьевна.

Само собой. Да развѣ наша воля
Себѣ мужьевъ по сердцу выбирать!
Прикажутъ, и конецъ; а милъ ли, нѣтъ ли—
Тебя не спросятъ.

Марья Власьевна.

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна.

Не мы одни, всѣмъ дѣвкамъ та же доля,
А всѣмъ топиться—Волгу запрудишь.

Марья Власьевна.

Другая-бъ плакала, а ты такъ рада.

Прэсковья Власьевна.

О чемъ, о комъ я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся.

Ѣшь сладкое, медовъ сыченыхъ въ волю,
Гора горой пуховики лебяжьи
Въ опочивальнѣ; хочешь спать, такъ спи,
А нѣтъ—лежи, пусть тонетъ бѣло тѣло
И нѣжится. Да вотъ сама увидишь,
Такъ раздобрѣю въ годъ, что не узнаютъ.
Работы нѣтъ, заботы не бывало!
Сиди, какъ пава, а кругомъ рабыни
Кроятъ и шьютъ и строчатъ во сто рукъ.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалѣть-то? Дѣвичью красу
Да косу русую? Объ ней поплачу,
Какъ расплетутъ, да по уши повяжутъ
Волоснякомъ, да бабью кику вздѣнутъ.

Недвига.

Тебѣ съ нимъ жить, ну, и живи, какъ знаешь.
Не наше дѣло, конченъ разговоръ!
Что-жъ мы начнемъ? всѣ пѣсни перепѣли,
Переиграли игры, развѣ сказку
Договорить, что давѣ начинали.
Да съ уговоромъ: не любо—не слушай,
Лгать не мѣшай!

Прасковья Власьевна.

Досказывай хоть сказку

Марья Власьевна.

Ты думаешь, намъ очень любы сказки?
Отъ скуки слушаемъ: одна забота,
Какъ время скоротать. А вотъ ты мелешь,
Мы слушаемъ, такъ время и проходитъ.

Прасковья Власьевна.

Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига.

Ну, долго-ль, коротко ли, въ сказкѣ скоро—
На дѣлѣ-то не вдругъ; ну, вотъ въ ту пору
Сидитъ себѣ Никита, кожи мнетъ.
И держитъ онъ, красавицы мои,
Въ рукахъ двѣнадцать кожъ; вдругъ царь въ кожевню.
Взглянулъ Никита, такъ вотъ и затрясся,

Со страху ходнемъ руки заходили,
И разорвалъ онъ тѣ двѣнадцать кожъ.

Марья Власьевна.

Ну, ври еще!

Недвига.

Извѣстно, сказка—складка,
А пѣсня—быль; не мимо говорится.

Марья Власьевна.

Не всякая. Сама же ты пѣвала,
Что воля краснымъ дѣвушкамъ гулять;
Молодкамъ миновалася гульба.
Мы дѣвки вотъ, а все живемъ въ неволѣ.

Недвига.

Досказывать, аль нѣтъ?

Прасковья Власьевна.

Ну, брось, не надо!
Ужъ надоѣло про змѣёвъ-то слушать!

Недвига.

Чего же вамъ?

Марья Власьевна.

Любовную скажи!

Прасковья Власьевна.

Ты разскажи, какъ въ теремѣ высокомъ
Сидитъ красавица; замкомъ булатнымъ
Дверь заперта дубовая, и стража
И день, и ночь кругъ терема стоитъ;
И солнцемъ не печетъ, и буйный вѣтеръ
Пахнуть не смѣетъ на нее.

Недвига.

А дальше?

Прасковья Власьевна.

А дальше я не знаю; я не стала-бъ
Просить тебя, сама бы разсказала.
Ты знаешь всю; тебѣ и книги въ руки.

Марья Власьевна.

Какъ добрый молодецъ прокрался въ теремъ...
Да ты намъ все разсказывай, какъ было.

Недвига.

А мать услышитъ, кто въ отвѣтѣ будетъ?

Марья Власьевна.

Пойдемъ въ малину! Не найдутъ до завтра.

Недвига.

Ну, быть по вашему! Срамницы, право!
Васъ хлѣбомъ не корми, а дай послушать
Соромскихъ сказокъ. Да и то сказать —
На заперти сидимъ, людей не видимъ,
Гулять нѣтъ воли, миловаться не съ кѣмъ,
А у живого на умѣ живое.

(Всѣ уходятъ. Рѣзвый и Степанъ Бастрюковъ показываются изъ бани.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бастрюковъ и Рѣзвый.

Рѣзвый.

Разсыпались въ кустахъ.

Бастрюковъ.

Мани легонько!

(Рѣзвый свищетъ. Марья Власьевна подходитъ къ тыну, осматривается; Рѣзвый скрывается. Бастрюковъ выступаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Бастрюковъ, Марья Власьевна, Рѣзвый *у тына*.

Марья Власьевна.

Вотъ диво-то! Не съ неба-ль ты свалился?
Не вихорь ли занесъ?

Бастрюковъ.

Да надоѣло
Черезъ заборъ вести переговоры.
И видитъ глазъ, да зубъ неймѣтъ. Поближе
Хотѣлось быть; лицомъ къ лицу, бокъ-о-бокъ
Рѣчь тайную, любовную держать,
И миловаться, какъ душѣ угодно.
Мы разобрали тынъ.

Марья Власьевна.

Ты, парень, ловокъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь, рано-ль, поздно-ль, надо-жъ будетъ, Маша,
Тебѣ покинуть свой теремъ высокій,
Чужую сторону узнать, такъ лучше
Съ милымъ дружкомъ тайкомъ уѣхать. Развѣ
Узнаешь думу батюшки-отца,
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубятъ вѣкъ, спихнутъ за старика
Постылаго на горе да на слёзы.
Чего же ждать? Что думать? Свистнуть, что ли?
У насъ готово, люди въ лодкѣ; сядемъ
Да и поѣдемъ.

Марья Власьевна.

Какъ же, дожидайся,
Такъ и поѣду! Нѣтъ, ошибся, парень.
Ты поглупѣй ищи!

Бастрюковъ.

Ты вотъ какъ, Маша!
Ужъ нелюбъ сталъ?

Марья Власьевна.

За что тебя любить-то?
Обманщикъ ты! О святкахъ было, помнишь,
У насъ въ дому плясали скоморохи,
Ты мѣхоношей былъ, ты что мнѣ баялъ?
Что ты купецкій сынъ, Иванъ Ковригинъ.
Зима прошла, весна-красна настала,
На деревѣ у моего окна
Ты по ночамъ сидѣлъ, и коротали
Тайкомъ съ тобой весеннія мы ночи.
Не разъ, не два я спрашивать пытала
Объ имени и отчествѣ твоемъ:
Иванъ Ковригинъ, только и отвѣту.
Ну, какъ тебѣ не грѣхъ? Я все узнала:
Ты не купецкій а боярскій сынъ,
Степанъ Семенычъ, Бастрюковыхъ роду,
И скоморохи-то — твои все слуги,
И самъ ты скоморохъ.

Бастрюковъ.

Тебѣ же лучше:
Боярскій сынъ,—тебѣ почету больше,
Со скоморохомъ веселѣе жить.

Марья Власьевна.

Ну нѣтъ, старуха надвое сказала.
Купецкій сынъ-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворѣ-то
Все краденыя дѣвки да молодки;
И я въ такихъ же буду. Нѣтъ, зачѣмъ же!
А ты женись, какъ слѣдуетъ, порядкомъ,
Тогда вези, куда душѣ угодно.

Бастрюковъ.

Да я бы радъ, да, вишь, Нечай Шалыгинъ
Беретъ сестру твою Прасковью замужъ;
Онъ врагъ заклятый и отцу, и мнѣ;
Не то, что сватать, мнѣ нельзя и носу
Показывать.

Марья Власьевна.

Ну, станемъ дожидаться;
Мнѣ лѣтъ не много, я не перестарокъ.

Бастрюковъ.

Толкуй съ тобой; а замужъ отдадутъ?

Марья Власьевна.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станутъ—ну, тогда, не знаю,
Быть можетъ, парень, выйдетъ на твое;
Тогда ломайте тынъ, готовьте лодку,
Бери въ охапку и тащи домой.

Бастрюковъ.

Голубушка! *(Обнимаетъ.)*

Марья Власьевна.

Ты волю-то не очень
Давай рукамъ, повремени до срока!
Придетъ пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюковъ.

Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свѣтъ отъ края и до края,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ немирнымъ,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтобъ такъ любилъ, какъ я. Да вотъ что, Маша,
По нашему любить, такъ вотъ какъ: видишь
Булатный ножъ? *(Вынимаетъ ножъ изъ-за пояса.)*

Марья Власьевна.

Да что ты! Богъ съ тобой!

Бастрюковъ.

Нѣтъ, погоди! Промолви только слово—
И глазомъ не моргну, по рукоятку
Въ грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.

Да вѣрю, вѣрю.

Бастрюковъ.

Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!

Марья Власьевна.

Да лжешь ли, нѣтъ ли, самъ отвѣтишь Богу,
А слушать сладко.

Бастрюковъ.

Значитъ, по рукамъ? *(Подаетъ руку.)*

Марья Власьевна.

Да что ужъ говорить! Тебя полюбишь,
Такъ не разлюбишь скоро. Поведешься
Съ тобой, такъ на другихъ потомъ не взглянешь.
Ишь, ты какой пригожій уродился. *(Прислушивается.)*
Домой пошли. Пора. Прощай.
(Идетъ; навстрѣчу ей выходитъ царь.)
Ай, ай! *(Прячется въ кусты.)*

Бастрюковъ.

Что она?

Рѣзвый.

Шутило воеводишь. *(Прячутся въ баню.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Шутъ, *потомъ* воевода, Власъ, Настасья и дѣвки.

Шутъ.

Авось-то онъ смиритъ у невѣсты.
А все боюсь, душа уходитъ въ пятки.
Бродилъ кой-гдѣ; съ недѣлю укрывался,
А надобно-жъ когда-нибудь явиться.
Велитъ сыскать, такъ не проси пощады.
Ухъ! Идолъ! Змѣй Горынычъ! Чудо-юдо!

(Входитъ воевода, за нимъ Власъ и Настасья; дѣвки несутъ жбаны, чары и ковши.)

Шутъ *(изъ-за кустовъ)*.

Бываетъ виноватому прощенье?

Воевода.

Хоть рѣдко, а бываетъ иногда.

Шутъ *(падая на колѣни)*.

Помилуй, дяденька! Впередъ не буду.

Воевода.

Вставай, собака! съ одного вола
Двѣ шкуры не дерутъ. Да только помни,
Шутить съ оглядкой, какъ бы не заплакать!

Шутъ.

Всѣмъ закажу, и недругу, и другу,
Шутить съ тобой! А то накладно, дядя,—
Я языкомъ шучу, а ты дубинкой!

Власъ.

Покрой ковромъ бесѣдку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь, Нечай Григорьичъ,
Изволь присѣсть, не нудь боярскихъ ногъ.

Воевода *(садится)*.

Мы здѣсь свои, и вы садитесь рядомъ,—
Вы нареченные мнѣ тесть и теща.

Власъ.

Не подобаетъ намъ съ женишкой Настькой
Передъ тобой, высокимъ воеводой,

Сидѣть да барствовать. Намъ, темнымъ людямъ,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь.
Ты погости у насъ, а мы послужимъ.

Настасья.

Да ну-ка, ты! Служи одинъ, я сяду.
Я экой чести съ роду не видала,
Во снѣ не грезилось; что̀ я за дура —
Привелъ Господь сѣсть рядомъ съ воеводой,
А я не сяду! На-ка, дожидайся!
Сажаетъ самъ! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудетъ!

Власъ.

Не осуди! Прискорбна головой,
Съ измальства скудоумна, Богъ обидѣлъ:
Робячій смыслъ; нелѣпое творитъ.

Воевода.

Не тронь — сидитъ.

Шутъ.

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ка разума-ума
Отъ насъ съ Настасьей. Хитрое ли дѣло
Судить, рядить да рѣчи разводить
Съ боярами да съ думными дьяками!
Поговори-ка съ нами, дураками.

Власъ *(потчуетъ медомъ)*.

Откушай, не побрезгуй! Чѣмъ богаты,
Тѣмъ мы и рады.

Воевода.

Покажи дорогу!
Допрежь хозяина и попъ не пьетъ;
Клади начинъ и подходи по ряду!

Власъ.

Желаю здравствовать во многи лѣта!
Храни тебя Господь, да царь люби!
Не осуди, что рѣчи не умильны,
Что мы, по простотѣ своей, не знаемъ,
Какъ чествовать и величать тебя. *(Пьетъ и наливаетъ.)*

Воевода.

Спасибо, Власъ! Проси теперь хозяйку.

Власъ (*кланяясь*).

Хозяюшка!

Настасья.

Ужъ пить ли мнѣ-то, право?

Власъ.

Да не дури! я кланяться не стану —
Примай да бей челомъ.

Настасья (*беретъ чару*).

Коротокъ разумъ
У бабы-то; сказала-бъ, да не знаю,
Грѣхомъ обмолвишься, не ладно выйдетъ.
Ну, будь здоровъ. (*Цѣлуются.*)

Воевода.

Спасибо и на этомъ.

Власъ.

Теперь сама проси.

Настасья.

Покорно просимъ.

Воевода.

Въ гостяхъ — въ неволѣ. Отказать не смѣю.
Я выпью! (*Пьетъ.*) Знатный медъ, стоялый, крѣпкій,
Хорошій медъ! Ты, Власъ, живешь исправно.

Власъ.

Да есть-таки запасъ про всякій случай:
Для праздниковъ, вотъ дочери невѣсты,
Такъ для родни, да для поповъ пасемъ —
Попотчевать послаще. Все-жъ не ровня
Твоимъ медамъ боярскимъ; намъ далеко
Съ тобой тягаться, мы живемъ черно,
Да и сварить-то путно не умѣемъ.
Ты наше малое поставь въ большое.

Воевода.

Не диво пиво, дорога любовь. (*Отдаетъ чару Настасьѣ.*)
Не даромъ говорятъ: не будь запасливъ,
Будь гостю радъ.

Шутъ.

Я не обсѣвокъ въ полѣ,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирогъ съ крупой и мы съ рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода.

Не по губамъ тебѣ, языкъ проглотишь.

Шутъ.

Ну, зелена винца!

Власъ.

Вотъ есть въ сулейкѣ.

Шутъ.

Покланяйся, а я ломаться стану.

Власъ.

Ты самъ себя попотчуй, сколько влѣзетъ.
Бери совсѣмъ. Своя рука владыка.

Воевода.

Ты, волчья сыть, медвѣжья драпь, дорвался.
Смотри, не задури!

Шутъ.

Я помаленьку.

Власъ.

Пей помаленьку, только выпей все. (*Шутъ отходитъ.*)

Воевода.

Закону нѣтъ глядѣть невѣстъ до свадьбы,
А мнѣ охота; хоть глазкомъ взглянулъ бы.

Власъ.

Да ты глядѣлъ.

Воевода.

Не сыто наше око:
Посмотришь разъ, манитъ тебя въ другой.

Настасья.

Вотъ женишься, такъ наглядишься вдоволь.
Неказанному золоту цѣны нѣтъ;
Показана, такъ всякій цѣну знаетъ.

Воевода.

Здорова? Не скучаетъ?

Власъ.

Да съ чего ей?
Объ чемъ скучать! Растетъ, толстѣетъ, всходитъ,
Какъ на дрожжахъ опара.

Настасья.

Ты, бояринъ,
Не обижай! Въ любви держи да въ холѣ,
Чтобъ намъ не плакаться.

Власъ.

Молчи ты, дура!

Настасья.

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшка, Нечай Григорьичъ!
Ужъ чтобъ и мнѣ, старухѣ, былъ почетъ,
Чтобъ всѣ-таки, отъ мала до велика,
Мнѣ кланялись, а я чтобъ величалась.
Вотъ я иду, примѣромъ, хоть къ обѣднѣ,
Народъ безъ шапокъ, съ кѣмъ заговорила—
Чтобъ на колѣни падалъ.

Власъ.

Ты очнись:
Коль захмелѣла ты, поди проспись.
Ты голову съ меня снимаешь!

Настасья.

На-ка!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, какъ не мнѣ? Вѣстимо,
Я въ городѣ большая, больше всѣхъ.

Воевода.

Съ тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мнѣ пора. Безсудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте.

Шутъ *(въ кустахъ)*.

На слѣдъ попалъ, по красному по звѣрю.
Ты обожди, я погоню на васъ.

Власъ.

Переложилъ хмельного, брешетъ спьяну.

Шутъ.

Вотъ звѣрь, такъ звѣрь; не соболь, не куница,
А красная дѣвица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дорогѣ!

(Выбѣгаетъ Марья Власьевна.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Воевода, Власъ, Настасья, шутъ и Марья Власьевна.

Власъ.

Марья!
Ты какъ зашла?

Марья Власьевна.

Съ сестрой гуляли, съ няней,
Мы давѣ здѣсь; онѣ домой пошли,
А я замѣшкалась; бѣгу за ними,
Вдругъ онъ навстрѣчу, я въ кусты съ испугу
И схоронилась, такъ и просидѣла.

Настасья.

Вотъ я тебя! Бѣги домой, срамница!
Безстыдница!

Воевода *(беретъ за руку Марью Власьевну)*.

Постой! Какія очи!
Нельзя налюбоваться, наглядѣться!
Я много видѣлъ на своемъ вѣку,
Такихъ очей не приводилось видѣть.
Красавица, ты изъ какой земли?
Кто породилъ тебя, кто возлелѣялъ?

Власъ.

Меньшая дочка, Марья.

Воевода.

Вы обманомъ,
Холопы, смерды, обошли меня.
Похуже сбыть товаръ, такъ воеводѣ,
Получше — дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мнѣ ворогъ,
Ты плутовскимъ живешь, обманнымъ дѣломъ!

Власъ.

Помилуй, осударь, мы безъ обману,
По старшинству, Прасковью выдавали
Таковъ у насъ обычай.

Воевода.

Я Прасковью
И видѣть не желаю, врозь все дѣло!
И Марью я не выпущу изъ рукъ!
Отдайте мнѣ ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я васъ озолочу.

Власъ.

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по праву.

Настасья.

Да что ты! Что ты! Гдѣ-жъ такой порядокъ?
Да нѣшто водится?

Воевода.

Уйми жену!

Власъ.

Да какъ унять, что дѣлать съ ней, боярин?
Бью походя, околотплъ всѣ руки.
Настасья, слушай! Милъ тебѣ, аль нѣтъ
Свѣтъ бѣлый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да въ ноги кланяйся за милость!
Благодаримъ за честь. *(Кланяются.)*

Воевода.

Такъ рукобитье?

Власъ.

Приказывай, велишь — сейчасъ ударимъ.

Воевода.

Пойдемъ въ хоромы, тамъ и порѣшимъ.
(Настасьѣ) Веди невѣсту, при огнѣ посмотримъ,
Здѣсь темно стало. Дѣвица краса,
Ты не слези свои сокольи очи,

Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на̀ горе ко мнѣ пойдешь, на радость.

(Всѣ уходятъ, кромѣ шута, который остается на крыльцѣ. Выходятъ Бастрюковъ и Рѣзвый.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Бастрюковъ, Рѣзвый и шутъ.

Бастрюковъ.

Ахъ, старый песъ! Ты слышалъ, Рѣзвый?

Рѣзвый.

Слышалъ.

Бастрюковъ.

Вѣдь, дѣло дрянь.

Рѣзвый.

Бѣда ума прикупитъ.
Ты не кручинься, какъ-нибудь поправимъ.

Бастрюковъ.

Поправить нечѣмъ, надобно украсть.

Рѣзвый.

И я про то же. Лишь бы показалась —
Ужъ только здѣсь и видѣли ее.

Бастрюковъ.

Да выйдетъ ли?

Рѣзвый.

Да сердце не утерпитъ.
Урвется какъ-нибудь на малый часъ
Хоть на прощаньи вскользь словечко бросить.

Шутъ.

Ай, молодцы! Веселые ребята!
Ну, какъ теперь: явить ли воеводѣ,
Да и накрыть удалыхъ молодцовъ?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить ребятамъ удалымъ?
Нѣтъ, лучше къ дядѣ. Онъ за эту службу
Не пожалѣетъ горсти серебра. *(Уходитъ.)*

Бастрюковъ.

Зѣвать не надо! Ты гляди, да въ оба!
Всю ночь прождать, да только-бъ не съ пустыми

Руками намъ домой вернуться. Лучше
Не жить на свѣтѣ, вовсе не родиться!
А уступить нельзя, не мой обычай.

Рѣзвый.

Никакъ идетъ.

Бастрюковъ.

Свисти.

(Рѣзвый свищетъ, Марья Власьевна на крыльцѣ.)

Ты-ль это, Маша?

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Бастрюковъ, Рѣзвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Иду, родной! Иду и ногъ не чую!
Спаси меня, спаси. Мнѣ все постыло,
Мнѣ лучше въ омутъ, чѣмъ назадъ въ хоромы.
Отецъ родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюковъ.

Да гдѣ ты?

Марья Власьевна.

Здѣсь! Боюсь итти въ потемкахъ.

Бастрюковъ *(въ кустахъ)*.

Свисти въ другой! *(Рѣзвый свищетъ.)* Чего со мной бояться?

Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на рукахъ тебя снесемъ до лодки,

(Тынъ разбирается.)

Да и прощай, и помнинай, какъ звали.

(Входятъ воевода, Власъ, Настасья, шутъ и слуги съ фонарями.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Бастрюковъ Степанъ, Марья Власьевна, Рѣзвый, воевода, Власъ, шутъ, Настасья, слуги.

Шутъ.

Держите!... Воры!

Рѣзвый.

Осударь, спасайся!

Бастрюковъ

Авось пробьемся. Мнѣ свою голубку
Неужто бросить!

Воевода.

Бросишь поневолѣ.
И радъ бы взять, да руки не достанутъ
Вяжите ихъ!

Рѣзвый *(вынимаетъ саблю)*.

Поди-ка, сунься кто!

(Всѣ отступаютъ. Бастрюковъ и Рѣзвый отходятъ къ тыну.)

Бастрюковъ.

Прощай, касатка, не моя—чужая!

Марья Власьевна.

Ну да, чужая. Пусть владѣетъ мной,
Ни ласки онъ, ни слова не дождется.
Мнѣ что сказать, мнѣ чѣмъ тебя утѣшить?
Ему не я, а красота нужна.
Такъ пусть же силой насъ и обвѣнчаютъ,
Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ; я буду
Какъ мертвая.

Воевода.

Такъ вотъ, Степенъ Семенычъ,
Ты по какимъ дѣламъ пришелъ?

Бастрюковъ.

Ошибся,
Ты не узналъ, я не Степанъ Семенычъ.

(Бастрюковъ и слуги входятъ въ лодку.)

Воевода.

Эй! Люди! Въ лодки да въ погоню, живо!

Одинъ изъ слугъ.

Что было лодокъ—всѣ поотвязали
И по водѣ пустили. Не въ чемъ ѣхать.

Рѣзвый.

Поѣдемъ тихо, и пѣшкомъ догонишь.

Воевода.

Смотри, куда поѣдутъ—вверхъ по Волгѣ,
Иль внизъ?

Слуга.

Ни вверхъ, ни внизъ, даются въ рѣку;
Не видно стало, обняли потемки.

Настасья.

Ну, видѣли, какъ дѣвокъ-то воруютъ!
Вотъ и гляди! А какъ за ней усмотришь!

Воевода.

Украсть хитро, какъ сторожей поставлю!

Настасья.

Да просто такъ, возьмутъ, да и украдутъ.
Не надивлюсь, когда они спознались.

Власъ.

А вотъ найдемъ, притянемъ всѣхъ къ допросу,
Всѣхъ нянекъ, мамокъ, спросимъ и ее.
Эй, заберите тынъ, да подоприте
Его путемъ! Всю ночь ходить дозоромъ!

Воевода.

Ну, мы ее побережемъ покрѣпче!
Ко мнѣ, въ мой домъ ее перевезите,
Что на посадѣ,—онъ пустой стоитъ;
Тамъ не украдутъ; пусть живетъ до свадьбы!

Настасья.

Какъ хочешь самъ, а мнѣ не уберечь.
Оно и лучше—отъ бѣды подальше.
Иди домой! Ахъ, батюшки, нейдетъ!
(Толкаетъ, та понемногу подвигается).

Воевода.

Упрямится. Дай время—обойдется.

(Уходятъ.)

Сцена 2-я.

Сѣни въ домѣ Бастрюкова.

ЛИЦА:

Степанъ Бастрюковъ.
Романъ Дубровинъ.
Рѣзвый.
Кубасъ и другіе слуги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бастрюковъ, Рѣзвый, Кубасъ *и* другіе слуги *входятъ*.

Бастрюковъ *(садится)*.

Душа горитъ, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подѣвалась
Моя удача, мой талантъ да счастье?

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселѣе будетъ.

Бастрюковъ.

На роду ли
Написано, аль злая доля вышла
Спознаться съ горемъ. Ройте мнѣ могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтымъ пескомъ засыпьте!

Рѣзвый.

Насъ живыми
Зарыть въ могилу надо, что доводимъ
Тебя до этакой кручины.

Бастрюковъ *(встаетъ)*.

Слуги
И челядинцы вѣрные мои!
Я васъ кормилъ и жаловалъ и тѣшилъ,
Съ плеча дарилъ свое цвѣтное платье —
Хоть въ жизни разъ и вы меня потѣшьте!

Я въ ноги вамъ ударю, доставайте
Мнѣ Марью Власьевну!

Рѣзвый.

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потѣшимъ
Боярина. Вели, Степанъ Семенычъ,
Промолвить слово.

Бастрюковъ.

Молви.

Рѣзвый *(кланяется въ ноги)*.

Головы
Повинной не сѣкутъ, не рубятъ. Прежде
Ты выслушай, потомъ казни, какъ знаешь.
Хоронится у насъ отъ воеводы
Романъ Дубровинъ.

Бастрюковъ.

Вѣдомаго вора
Во дворъ пустили. Ну, какъ вдругъ нагрянутъ
Да вора вымутъ на моемъ дворѣ!
Въ отвѣтѣ я. По грамотѣ царевой,
И головой, и животомъ отвѣчу,
Помѣстье отберутъ на государя
За ваше воровство.

Рѣзвый.

Степанъ Семенычъ,
Не воръ Дубровинъ. Тѣмъ и провинился,
Что жилъ богато, да жена пригожа;
Его томилъ въ острогѣ воевода —
Все денегъ вымогалъ. Сбѣжалъ Дубровинъ,
Такъ онъ въ тюрьму его хозяйку вкинулъ.
И ночи тамъ она не ночевала,
Къ себѣ ее въ хоромы перевелъ.
Въ бѣгахъ былъ съ годъ Дубровинъ, вотъ вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотѣлось
Съ женою.

Бастрюковъ.

Гдѣ-жъ она?

Рѣзвый.

У воеводы.

Бастрюковъ.

Такъ вы его пустили?

Рѣзвый.

Да боится
Къ чужимъ пристать. Да что-жъ, Степанъ Семенычъ!
Пускай живетъ; у насъ его не сыщутъ;
А взыщутся, такъ мы тогда спровадимъ,
И слѣдъ простылъ; а насъ хоть жги огнями—
И знать не знаемъ, слыхомъ не слыхали.
А ужъ куда на выдумки гораздый!
Потолковать бы съ нимъ о нашемъ дѣлѣ,
Худого не придумаетъ.

Бастрюковъ.

Зови!

Рѣзвый.

Кубасъ, бѣги! Да ты найдешь?

Кубасъ.

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщикъ. *(Уходитъ.)*

Рѣзвый.

Горе-то убило
Теперь его, а ужъ куда затѣйникъ—
Что слово скажетъ, то рублемъ даритъ.

Бастрюковъ.

Послушаемъ. Крестами помѣняюсь,
Коль мнѣ бѣду бобами разведетъ,
Печаль-тоску на радость поворотитъ.

Рѣзвый.

Кромѣ его и не кому.

Бастрюковъ.

Посмотримъ. *(Входитъ Дубровинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Дубровинъ.

Дубровинъ.

Здорово, осударь, Степанъ Семенычъ!

Бастрюковъ.

Живешь давно, а глазъ своихъ не кажешь
Хозяину. У насъ такихъ порядковъ
Не водится межъ добрыми людьми.

Дубровинъ.

Да по что я тебѣ? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришелъ не въ гости, ни съ добромъ, ни съ худомъ,
Пришелъ по-тиху и уйду по-тиху,
Пришелъ я незванъ и уйду я негнанъ,
А за постой скажу тебѣ спасибо!
Зачѣмъ покликалъ?

Бастрюковъ.

Дѣло есть, Дубровинъ.
Не боязно тебѣ?

Дубровинъ.

Чего бояться?

Бастрюковъ.

Велю связать, да къ воеводѣ.

Дубровинъ.

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюковъ.

И то шучу. И волосомъ не тронуть.
Нужна послуга.

Дубровинъ.

Будетъ ли подъ силу?

Бастрюковъ.

А есть охота?

Дубровинъ.

Твой слуга, боярин.

Бастрюковъ.

Не ждалъ бѣды, сама бѣда сыскалась,
Тужить не думалъ, довелось тужить.

Дубровинъ.

За что, про что сыръ боръ горитъ?

Бастрюковъ.

За дѣвку!
Въ рукахъ была, да отняли изъ рукъ.

Дубровинъ.

Здѣсь дѣвушки по денежкѣ.

Бастрюковъ.

Не купишь
И тысячей. Слыхалъ ли ты про Власа
Дюжова.

Дубровинъ.

Кто-жъ его не знаетъ, плута,
Лисицу старую!

Бастрюковъ.

А дочекъ видѣлъ?

Дубровинъ.

Чтобъ не солгать, разъ десять доводилось.
Молва идетъ—не знаю, правда-ль, нѣтъ ли
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степанъ Семенычъ,
Я молвлю не въ укоръ, ее жалѣешь?
Похаять нечего, съ лица красива,
Собой статна, а все же кусъ не твой;
Вотъ Марья Власьевна совсѣмъ другая.
Какъ не родныя точно.

Бастрюковъ.

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалѣю;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровинъ.

Чего-жъ жалѣть-то? Сватайся порядкомъ,
Не отдадуть, возьми безъ позволенья.

Бастрюковъ.

Такъ и задумалъ.

Дубровинъ.

Ну!

Бастрюковъ.

Да помѣшали.
Я за руку, а за другую...

Дубровинъ.

Кто же?

Бастрюковъ.

Все онъ же, воевода.

Дубровинъ.

Не татаринъ,
Не женится на двухъ.

Бастрюковъ.

Да онъ раздумалъ
Прасковью взять. Какъ увидалъ меньшую,
Такъ подавай ее, а ту не надо.
Во дворъ беретъ беречь, чтобъ не украли.

Дубровинъ.

А надо бы украсть. Ужли упустишь?

Бастрюковъ.

Что уступить, что заживо въ могилу!
Мнѣ жизнь не въ жизнь! Безчестье-то безчестьемъ,
Да каково, слюбившись, разставаться.

Дубровинъ.

Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дѣло.

Рѣзвый.

Въ добрый часъ!

Дубровинъ *(оглядываясь)*.

Повыстудить бы избу. Лишнихъ за дверь.
Останься, Рѣзвый, ты не помѣшаешь.

Бастрюковъ *(слугамъ)*.

Идите вонъ и подождите зову.

(Слуги уходятъ, кромѣ Рѣзваго.)

Дубровинъ.

Бояринъ, я пришелъ не даромъ. Тоже

Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, безъ спросу, люди взяли:
Просить по чести—самого посадятъ,
Что вѣкъ не вылѣзешь. Одно осталось—
Свое добро у вора воровать.
Давай ужъ вмѣстѣ! Первымъ дѣломъ надо,
Чтобъ воевода выѣхалъ дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюковъ.

Изъ города не выживешь его.

Дубровинъ.

А надо бы. Намъ только самого-то
Долой бы съ глазъ, а челядь—наша будетъ.

Бастрюковъ.

Хитёръ, собака, не обманешь.

Дубровинъ.

Можно.
На свѣтѣ нѣтъ такого хитреца,
Чтобъ не было хитрѣе. Воевода
Хитёръ, да не уменъ.

Бастрюковъ.

Почемъ ты знаешь?

Дубровинъ.

Не станетъ умный съ вѣдунами знаться,
А онъ безъ вѣдуна не ступитъ шагу.
Во всякомъ дѣлѣ, важномъ и неважномъ,
Мизгирь ему совѣтникъ. Такъ пристойно-ль
Боярину ума-то набираться
Отъ мужика?

Бастрюковъ.

А кто таковъ Мизгирь?

Дубровинъ.

Извѣстный плутъ; слыветъ за вѣдуна
У глупаго народа. Онъ не мало
Людей изводитъ порчей, а другого
Не смыслитъ чародѣйства. Ужъ давно бы
Его казнить пора за лиходѣйство.

Послать въ Москву, тамъ судъ коротокъ будетъ, —
Не волоча, сожгутъ его живого
За волховство. А умный воевода
Его на волѣ держитъ, днемъ и ночью
Во всякій часъ себѣ въ покои водитъ,
По книгамъ смотритъ, въ Шестокрылъ и Рафли.
Вотъ дѣло-то какое. Поклониться
Приходится.

Бастрюковъ.

Кому?

Дубровинъ.

Да мнѣ.

Бастрюковъ.

Изволь.

Рѣзвый.

Постой, Степанъ Семенычъ, ты бояринъ;
Заставь холопей кланяться ему,
У насъ спина гибка.

Дубровинъ.

Да васъ не надо,
Пусть самъ поклонится.

Рѣзвый.

На что-жъ тебѣ
Его поклоны нужны?

Дубровинъ.

Сердце тѣшу.
Я кланялся не мало и задаромъ;
Пускай хоть разъ поклонятся и мнѣ.
Я денегъ не прошу, меня не купишь,
А за поклонъ я душу положу.

Бастрюковъ.

Поклонъ не въ трудъ и не въ безчестье, если
За дѣло кланяться и за услугу.
Я поклонюсь, да было бы за что.

Дубровинъ.

Меня Мизгирь боится; прикажу
Изъ города спровадить воеводу,

Такъ онъ спровадитъ, а послать деньжонокъ
Да припугнуть, да посулить еще,
Такъ завтра же ушлетъ на богомолье—
И тотъ пойдетъ.

Бастрюковъ.

Чѣмъ свѣтъ пошлю Кубаса.

Рѣзвый.

Я самъ снесу.

Бастрюковъ.

А много-ль денегъ надо?

Дубровинъ.

Не дорого продастъ онъ воеводу,
Чего не жаль, то и пошли.

Бастрюковъ.

Ну, ладно

Дубровинъ.

Прости, до завтра!

Рѣзвый.

Ты, Степанъ Семенычъ,
Опочивать ложись!

Бастрюковъ.

Вели дать меду,
Мнѣ не въ первой гулять до бѣла свѣта.
(Рѣзвый уходитъ.)
Ты гдѣ бродилъ?

Дубровинъ.

Не клиномъ свѣтъ сошелся.

Бастрюковъ.

Гулялъ по Волгѣ?

Дубровинъ.

Волей и неволей.
Въ бурлакахъ...

Бастрюковъ.

И въ удалыхъ молодцахъ?

Дубровинъ.

Всего бывало.

Бастрюковъ.

И большой дорогой
Въ ночь темную?

Дубровинъ.

Придетъ пора, покаюсь;
Ни ты чернецъ, ни мнѣ конецъ, бояринъ!

Бастрюковъ.

Здѣсь слухъ прошелъ про Худояра. Слышалъ?

Дубровинъ.

Слыхать — слыхалъ.

Бастрюковъ.

А, можетъ, и видалъ?
Такъ правда ли, что онъ народъ не грабитъ
И на богатыхъ лишь оброкъ кладетъ;
Не жалуетъ служилыхъ и посадскихъ
И насъ, дворянъ помѣстныхъ?

Дубровинъ.

Ты боишься?

Бастрюковъ.

Мнѣ что̀ бояться, я живу по правдѣ.

Дубровинъ.

Такъ что̀-жъ тебѣ?

Бастрюковъ.

Да поглядѣть охота.

Дубровинъ.

Зачѣмъ, бояринъ?

Бастрюковъ.

Удаль заставляетъ.

Дубровинъ.

Такъ вотъ гляди: мы схожи уродились—
И голосомъ, и волосомъ, и ростомъ
Одинъ въ другого удались точь въ точь.
(Бастрюковъ пристально смотритъ на Дубровина.)
Ну, что̀-жъ задумался?

Бастрюковъ.

Да я не знаю—
Вязать тебя за схожесть съ Худояромъ,

Иль чествовать и величать за удаль;
Являть ли воеводѣ, иль медами
Поить тебя сыченьими. Спросить бы,
Да некого.

Дубровинъ.

Ты у души спроси;
Душа вѣрнѣе скажетъ.

Бастрюковъ.

Правда. *(Стучитъ по столу.)* Рѣзвый!
(Входятъ Рѣзвый, Кубасъ и другіе слуги.)
Вина давайте, меду! Пѣсни пойте!
Лымъ коромысломъ! Съ горя загуляемъ,
А съ радости опохмеляться будемъ.

Слуги *(поютъ)*.

Ужъ и полно намъ, робята, чужо пиво пити!
Не пора ли намъ, робята, свое затирати?
Солодъ молодъ на овинѣ, а хмель на тычинѣ.
Ужъ и что же вы, робята, пріуныли?
Аль у васъ, робята, денегъ нѣту?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Воевода.
Неустройко.
Настасья.
Марья Власьевна.
Недвига.
Вдова Ульяна.
Олена, жена Дубровина.
Гришка Жилка.
Шутъ.
Дѣвушки сѣнныя — 1-я и ***2-я.***
Мужская и женская прислуга.
Домовой.

Свѣтлыя сѣни въ домѣ воеводы на посадѣ. Прямо—входная дверь; налѣво (отъ актеровъ)—дверь въ теремъ, направо—три небольшихъ оконца заде нуты одной тафтяной занавѣской; въ лѣвомъ углу изразцовая печь. у печи желѣзная кочерга, по стѣнамъ лавки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Настасья, Недвига и дѣвушки.

Настасья.

Ну, что-жъ, молчитъ?

1-я дѣвушка.

Не молвитъ ни словечка.

Настасья.

Ни съ кѣмъ?

2-я дѣвушка.

Ни съ кѣмъ.

1-я дѣвушка.

И рта не разѣвала.

Настасья.

Пойти, взглянуть. Ахти, напасть какая!

(Уходитъ въ терему.)

Недвига.

Напасть и есть. Не хочетъ слова молвить!
А вы-то дуры! Нѣтъ у васъ умѣнья
Повеселить.

Одна изъ дѣвушекъ.

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то ужъ и пѣли, и плясали,
На головахъ вотъ развѣ не ходили—
Да не сумѣть, а то бы попытались.

Недвига.

Толкуй съ тобой! Тебѣ чужая, видно,
А мнѣ своя. Ну, какъ не распотѣшить!
Охоты нѣтъ! Была царева дочка
На выданьи, царевна Несмѣяна:
Сидитъ — не улыбнется, говоритъ ли—
Не усмѣхнется. Не-въ-которомъ царствѣ
Нашелся парень, разсмѣшилъ таки.

Другая дѣвушка.

Такъ парень, а не мы! Чудная, право.

Первая.

И ваша бы, пожалуй, разсмѣялась,
Какъ привести ей парня по душѣ,
Да гдѣ же взять?

Недвига.

Ты по себѣ не мѣряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Такъ не у всѣхъ такіе.

Первая дѣвушка.

Говорить-то
Не хочется. До брани не далеко,
Какъ свяжешься.

Недвига.

Знать, нечего?

Первая дѣвушка.

Наврядъ ли!

Недвига.

Ну, говори!

Первая дѣвушка.

Съ чего она тоскуетъ?
Я слышала. Она сбѣжать сбиралась,
Да не дали.

Недвига.

Такъ что̀-жъ?

Первая дѣвушка.

Слюбилась съ парнемъ.

Недвига.

А вотъ и врешь. Когда ей съ нимъ слюбиться?
Она его въ глаза-то не видала.

Первая дѣвушка.

Ты говоришь, а кто тебѣ повѣритъ?
Ну, какъ сбѣжать, не знавши съ кѣмъ?

Недвига.

Да такъ же.
Пришелъ да взялъ, не станешь упираться,
А взялъ—повелъ! У бабы волосъ дологъ,

А умъ коротокъ. Ихъ куда ведутъ —
Онѣ идутъ.

Первая дѣвушка.

А можетъ и взаправду.

Недвига.

Вотъ то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

(Уходитъ въ дверь налѣво. Входитъ Неустройко. Ульяна растворяетъ дверь и оглядываетъ комнату.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Неустройко и дѣвушки, Ульяна.

Ульяна *(грубо)*.

Кого еще нелегкая несетъ?
Тебѣ чего? Ты по́ что тутъ толчешься?

Неустройко *(передразнивая Ульяну)*.

Чего, чего! Ты рта не разѣвай
Широко-то! Сейчасъ бояринъ будетъ.

Ульяна.

Такъ что-жъ тебѣ?

Неустройко.

Такъ надо приглядѣть,
Обрядно-ль все у васъ. Я распинался,
Постлалъ ковры, завѣсы къ окнамъ вѣшалъ,
Полавочники клалъ на каждой лавкѣ,
Столы сукномъ завѣсилъ.

Ульяна.

Погляди!
Разуй глаза! Все чисто, все нарядно.
Уйди добромъ! Не суйся, гдѣ не просятъ,
А то дождешься брани.

Неустройко.

Жениховы
Подарки всѣ порядкомъ я поставилъ.
Ларцы и зеркала, бѣлила, перстни,
И мыла всякіе, и всѣ покупки,

И рухлядь всю разставилъ и развѣсилъ
Лицомъ на поглядѣнье!

Ульяна.

Ну, такъ что-жъ?

Неустройко.

У васъ, гляди, все въ кучу сбито.

Ульяна.

Сбито?
Не лучше-ль, не дѣльнѣе-ль твоего
Улажено? Поди-ка ты съ ученьемъ
Изъ терема-то вонъ, покуда цѣлъ!
Глупѣй тебя я, что ли?

Неустройко.

Что ты знаешь?
Ты какъ жила? Весь вѣкъ въ курной избѣ.

Ульяна.

Въ курной избѣ? Въ курной? Гдѣ кочерга-то?

(Беретъ у печки кочергу. Неустройко убѣгаетъ въ дверь. Ульяна бросается за нимъ съ кочергой и натыкается на воеводу. Входятъ воевода и Неустройко.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Воевода, Неустройко, Ульяна и дѣвушки.

Ульяна.

Ахти, бѣда! Боярынъ! Виновата! *(Кланяется.)*

Воевода.

Воюешь ты? Воюй! Не надо бѣса,
Когда ты здѣся. Мнѣ того и нужно.
Ты слушай въ оба! Не по чести мѣсто
Дано тебѣ. Боярскія хоромы
Велика честь для васъ, людишекъ малыхъ
Ты это чувствуй. Вся твоя забота
Беречь боярышню, отъ ней ни шагу
Не отходить. Какія будутъ рѣчи
Межъ вами, сказывай! А бабъ и дѣвокъ
Не допускай къ боярышнѣ съ рѣчами.
Блюди за ними крѣпко. Все, что нужно,
Черезъ тебя чтобъ шло, никакъ не мимо.

Послужишь честно, честно и отпустимъ
Съ большимъ надѣломъ деньгами и платьемъ,
И замужъ выдамъ. Дворню созовите!

(Неустройко уходитъ.)

И бабъ, и сѣнныхъ дѣвокъ!

(Дѣвушки уходятъ въ теремъ.)

Ульяна.

Не трудна работа
И много милости. Продли Богъ вѣку
Тебѣ на бѣломъ свѣтѣ. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода.

Дѣло-то, я знаю,
Тебѣ по сердцу. Нравомъ ты свирѣпа.
Ну, и гляди медвѣдемъ, и свирѣпствуй!
А за оплошку удавлю. Ступай!

(Ульяна уходитъ. Входятъ Неустройко и прислужники обоего пола и кланяются; между ними Олена.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Воевода, Олена, Неустройко и прислуга.

Воевода.

Я жалую васъ милостью боярской:
Не красенъ домъ, не веселъ господину,
И слугамъ сиротливо безъ хозяйки,
Боярыни. Благословеньемъ Божьимъ
И нашимъ счастьемъ, мы нашли дѣвицу
Себѣ по мысли, и понять желаемъ
Себѣ въ жену, вамъ въ мать и госпожу

Неустройко.

Часъ добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина. *(Кланяются въ поясъ.)*

Воевода.

Теперь пока, до свадьбы,
Я этотъ домъ со всѣмъ добромъ и съ вами
Невѣстѣ отдаю.

Неустройко.

Опять ударьте
Челомъ ему на милости боярской
И слушайте наказъ.

Воевода.

Наказъ короткій —
Служить боярынѣ, какъ мнѣ, со страхомъ
И вѣжествомъ, въ грозѣ и береженьи;
Не красть, не лгать, отъ всякаго безчинства
И пьянаго питья блюстись всемѣрно!
Все это присказка, а вотъ и сказка. *(Встаетъ.)*
Чтобъ день и ночь ворота на запорѣ!
Чтобъ день и ночь кругъ дома сторожа!
Чтобъ ни къ кому приходу, ни подсылу!
Чтобъ сѣннымъ дѣвкамъ изъ воротъ ни шагу!
На портомой водить за карауломъ
Не часто! Слово каждое и дѣло
Чтобъ было мнѣ доподлинно извѣстно!
Не только вѣсти въ домъ или изъ дому
Не проносить, а птица прилетѣла
Съ чужихъ хоромъ, чтобъ мнѣ про это вѣдать!
Я батоговъ для васъ не пожалѣю
За малую оплошку; за большую —
Казненнымъ быть нещадно скорой казнью.

Неустройко.

Челомъ боярину и вонъ ступайте.

(Кланяются и уходятъ, кромѣ Олены.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода.

Олена! *(Олена останавливается.)* Ты все волкомъ
къ лѣсу смотришь,
Змѣей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора мужа.

Олена.

Не забуду,
Пока жива.

Воевода.

Кто на тебя посмотритъ
Со стороны, такъ скажетъ, что зарѣзать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на насъ.

Олена.

Да что кому за дѣло
До глазъ моихъ? Гляжу я, какъ умѣю.
Живу покорно, голову поклонно
Держу передъ тобой; что ни заставишь,
Я дѣлаю, не выхожу изъ воли.
Чего-жъ тебѣ?

Воевода *(Неустройку)*.

Стеречь ее покрѣпче,
Чтобъ не сбѣжала со двора.

Олена.

Кто? Я то?
Куда сбѣжать? Подумай! Много-ль мѣста
Ты мнѣ оставилъ? Домъ стоитъ покинутъ
И разоренъ по милости твоей,
И дворъ заросъ. А гдѣ Романъ гуляетъ,
Гдѣ буйною головушкой качаетъ,
Печетъ ли солнце, дождикъ ли сѣчетъ
Ясна́го сокола, въ живыхъ ли, нѣтъ ли, —
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда-жъ бѣжать? Ужъ развѣ на погостъ —
Надъ матушкой повыла-бъ, что на горе,
На муку зародила, да взглянула
Хоть издали на домъ пустой, да въ Волгу...
Да грѣхъ великъ. Ужъ я у васъ останусь
Рабой твоей до гробовой доски,
Да буду ждать, чѣмъ насъ Господь разсудитъ.

(Уходитъ.)

Неустройко.

Нѣтъ звѣря злой жены лютѣе.

Воевода.

Правда.

(Входитъ Жилка. Неустройко уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Воевода и Жилка.

Жилка *(кланяясь въ ноги).*

А я давно ищу тебя, бояринъ.

Воевода.

Откуда ты?

Жилка.

Изъ погреба.

Воевода.

Треклятый,
Кой чортъ занесъ на погребъ?

Жилка.

Посадили.
Въ гостяхъ гостилъ у Бастрюковыхъ.

Воевода.

То-то
И не видать тебя.

Жилка.

Голодной смертью
Околѣвалъ сидѣлъ, и кнутьемъ били.
А на тебя, бояринъ, челобитье
Написано и услано къ Москвѣ.

Воевода.

А кто писалъ?

Жилка.

Да я.

Воевода.

Съ ума ты спятилъ!
Или объ двухъ ты головахъ?

Жилка.

Напишешь
И на себя, какъ по бокамъ съ плетями
Съ ордынскими стоятъ.

Воевода.

А кто поѣхалъ?

Жилка.

По выбору посадскіе.

Воевода.

Ну, съ Богомъ!

Широкій путь.

Жилка.

Романъ Дубровинъ близко.

Воевода.

И знаешь гдѣ?

Жилка.

У Бастрюковыхъ.

Воевода.

Точно?

Жилка.

Хоть умереть, на мѣстѣ провалиться!

Воевода.

А вотъ, дай срокъ, схожу на богомолье,
Нагрянемъ къ нимъ.

Жилка.

Про Худояра вѣсти.

Воевода.

Хорошія?

Жилка.

Остановился станомъ
За пустынью. Осиновикъ — починокъ
Слыхалъ когда?

Воевода.

Ну, вотъ и кстати будетъ,
И я иду туда на богомолье
Бѣги скорѣй, вели собрать Баиму
Стрѣльцовъ и всѣхъ служилыхъ. Мигомъ
Лети къ нему: чтобъ нынче и въ походъ,
Чтобъ догонять меня; у насъ и кони
Осѣдланы. Не засижусь, я только
Зашелъ проститься съ тещей и невѣстой!

(Жилка уходитъ. Входятъ Настасья, Марья Власьевна, покрытая фатою, Ульяна и Недвига.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, Недвига *и* женщины, *потомъ* шутъ.

Воевода.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здѣсь. Какъ спали, ночевали? *(Цѣлуются.)*

Настасья.

Зятекъ поклонистый, живемъ, покуда
Господь хранитъ.

Воевода.

Садись въ передній уголъ!
Хозяйкой будь.

Настасья.

Хозяйка не садится.
Садись, ты — гость.

Воевода.

Не гость и не хозяинъ.
Хозяйка вотъ. Весь домъ со всѣмъ запасомъ
Ея теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите, какъ хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовыхъ бабъ и дѣвокъ. Былъ женатый,
Такъ нужны были, а вдовцомъ остался —
Куда ихъ дѣть? Хотѣлъ ужъ по осинамъ
Развѣшать ихъ, анъ вотъ и пригодились.
Вотъ и Ульяна ей на мѣсто мамки.

Настасья.

На всемъ спасибо! Только ты послушай,
Какое дѣло! Словно кто испортилъ
Ее у насъ. Бывало, день настанетъ —
Одну ее и слышишь: безъ умолку
Трещитъ, болтаетъ, прыгаетъ да скачетъ;
Теперь ни слова, точно какъ нѣмая,
И устъ не открываетъ, и ни шагу
Не сдѣлаетъ сама, толкнешь — идетъ.
Аль сглазилъ кто?

Воевода.

Отъ глазу и отъ порчи
Мы слово знаемъ. Молодо — стыдливо.
Глазамъ-то стыдно, а душой-то рада.
Дѣвичій стыдъ до мужнина порога,
Лиха бѣда порогъ переступить.

Настасья.

Не то что стыдъ, а поровомъ такая, —
Упрямится.

Ульяна.

Устанетъ — перестанетъ.

Настасья.

Тоскуетъ, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвитъ ничего.

Воевода.

Тоску прогонимъ

(Входитъ шутъ.)

Забавами, да играми, да пляской,
Да пѣснями. Безсуднаго покличемъ.

Шутъ.

Я здѣсь давно.

Воевода.

Тебя-то намъ и надо.
Шути, хвостомъ верти, хоть бѣсомъ корчись,
Да только тѣшь! А я домой поѣду.
Хочу пѣшкомъ сходить на богомолье,
Благословиться. Крѣпче дѣло будетъ.
Да говорятъ, кругъ города удалыхъ
Поразвелось, такъ надо попугать ихъ,
Да кстати ужъ и звѣря попугать.
Дня два проходимъ да честнымъ пиркомъ
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Не надолго прощаемся съ тобой,
Не много дней пройдетъ до нашей свадьбы.
Но каждый день протянется мнѣ годомъ:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утромъ буду вечеръ торопить.

Настасья.

Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода.

Не крой лица, не прячь своихъ очей
И ненаглядной красоты дѣвичьей,
Дай наглядѣться, дай на разставанье
Налюбоваться вдоволь про запасъ.

(Открываетъ покрывало и смотритъ на нее; она закрывается.)

Прощай-ка, тещенька.

Настасья.

Прощай, зятекъ.

(Всѣ кланяются.)

Женщины.

Въ святой бы часъ, въ архангельской.

Воевода.

Спасибо!

Настасья

И я домой. Прощай покуда, дочка.

(Уходятъ воевода, Настасья, Федина, Ульяна и женщины.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Марья Власьевна и шутъ.

Шутъ (*прядетъ*).

Ишь, скачетъ какъ! Пыль-курево стоитъ.
Прощай, бояринъ! Съ Богомъ по морозцу!
Уѣхалъ дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сыметъ воли.

(Поетъ.)

Ахъ, ты бѣдный ежъ,
Горемычный ежъ,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
Къ Марьѣ Власьевнѣ.

(Ежится и жмется къ Марьѣ Власьевнѣ; она его толкаетъ ногой.)

Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Какъ бѣднаго ежа встрѣчаютъ? Слушай!

Какъ взяли ежа
Во высокій теремъ,
Какъ стали ежа
Цѣловать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Марья Власьевна *(открываетъ покрывало и сердито смотритъ на шута).*

Кабы не ты, гуляла-бъ я на волѣ.
Постылый песъ, тебѣ бы бѣса тѣшить!
Ножа-то нѣтъ, зарѣзала-бъ тебя.

Шутъ.

Глядика-сь! Вотъ такъ пыль! Чуть живъ со страху!
Съ ковшомъ на брагу налетѣли, дядя!
Убилъ бобра! Нашла коса на камень!

(Уходитъ. Входятъ Ульяна и Недвига.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига.

Господь съ тобой! Съ чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна.

И сладу нѣтъ, совсѣмъ отъ рукъ отбилась:
Хоть молода, а норовъ старъ.

Недвига

Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской;
И дуги гнутъ не вдругъ, а прежде парятъ.

Ульяна.

Да парь, не парь, а надо будетъ гнуться:
Не гнуться—сломишься. Она упряма.
А я упрямѣе.

Недвига.

Мнѣ что за дѣло,
Какая ты! Твое передъ тобою. *(Марьѣ Власьевнѣ.)*
Пришла къ тебѣ, а пошто и не знаю;
Куда гожусь, туда и дѣньте. Все же
Повднѣе тебѣ со мной, старухой!
Люба — оставь, а нѣтъ — домой пусти.
Велишь остаться? *(Марья Власьевна кивастъ головой.)*
И на томъ спасибо!

Ульяна.

Пойду-ка я, да челядь попытаю
Проклятую, не спятъ ли, дармоѣды,
Да заперты-ль ворота. Ну, людишки!
За ними глазъ да глазъ, да кнутъ ременный
Въ рукахъ держи, а то не поворотишь! *(Уходитъ.)*

Недвига.

Ахъ, волкъ-те съѣшь и съ потрохомъ! Откуда
Такое зелье взяли? На лѣсъ взглянетъ —
Такъ лѣсъ завянетъ. Не велика птичка,
А ноготокъ востеръ. Пустили волка
Овецъ стеречь, небось не отказался,
А говоритъ: „Что дѣлать! такъ и быть,
Ужъ какъ не какъ, а надо же служить".
Работу взять пойти, безъ дѣла скучно.
(Уходитъ. Олена входитъ, робко оглядываясь.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Марья Власьевна и Олена.

Олена *(падая къ ногамъ Марьи Власьевны).*

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:
На рѣкѣ платье мыла,
Громко колотила...
Боярышня, есть вѣсточка.

Марья Власьевна.

Откуда?

Олена.

Степанъ Семенычъ шлетъ.

Марья Власьевна.

Не лжешь, такъ правда.

Олена.

На что мнѣ лгать! На Волгѣ платье мыла
Я на плоту; невѣдомая женка
Рядкомъ пристала, вглядываться стала,
Взглянула разъ и два, заговорила:
„Лицо твое мнѣ, милая, знакомо,
А какъ назвать, не знаю". Такъ и такъ, молъ.
„Ну, говоритъ, тебя-то мы и ищемъ.
Придешь домой, боярышнѣ тихонько
Шепни, когда улучишь часъ..."

Марья Власьевна.

Скорѣе!
Ну, говори-жъ. Придутъ да помѣшаютъ.

Олена.

Чтобъ завтра въ садъ, какъ только солнце сядетъ,
Ты выходила. Сторожей не бойся!
Всѣхъ напоятъ. На даровое падки,
Весь домъ напьется къ ночи. Я нарокомъ
Фату твою изъ рукъ пустила въ воду,
Чтобъ допустили, будто повиниться
Пришла къ тебѣ.

Марья Власьевна (*цѣлуя ее*).

Спасибо.

Олена
Ты Ульяну
Уговори, чтобъ погулять пустила.
Пусть и сама идетъ; изъ рукъ не вырветъ,
Какъ молодцы подхватятъ.

Марья Власьевна.

Да не пуститъ
Изъ терема!

Олена.

Ты подари, попробуй.
Чай, есть чего.

Марья Власьевна.

Не мало дряни. Идутъ!

(Входятъ Ульяна и Недвига, останавливаются и смотрятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна, Олена, Недвига и Ульяна.

Олена (*на колѣняхъ*).

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина не малая:
На рѣкѣ платье мыла,
Громко колотила,
Фату твою бѣлую
Въ воду уронила. *(Кланяется въ ноги.)*

Марья Власьевна (*съ сердцемъ*).

Ну, нѣтъ! Простить нельзя бѣду такую.
Какая ты работница! Работать,
Такъ не зѣвать по сторонамъ! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И безъ тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. Въ теремъ
Къ себѣ беру. Пусть на меня и служитъ,
Чтобъ отъ меня не отходила шагу.

Олена.

Во бѣлыхъ рукахъ было,
Да ушло, уплыло.
Хошь казнишь, хошь милуешь—
Я не утаила.

Марья Власьевна.

И вмѣстѣ спать со мной! Да накормите
Съ боярскаго стола ее. Ступай.

Недвига.

Вотъ, поглядишь, господское-то дѣло —
Не разберешь у нихъ, что̀ гнѣвъ, что̀ милость.

(Недвига и Олена уходятъ.)

Ульяна.

Заговорила? Аль опять надулась?

Житье мое! Ужъ рѣчего сказать!
Вотъ дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! Она и знать не хочетъ.
Стоитъ какъ пень, ничѣмъ не поворотишь.

(Марья Власьевна уходитъ.)

Сама пошла. Диковина! Посмотримъ,
Что будетъ отъ нея.

(Марья Власьевна входитъ и подаетъ съ поклономъ тафтяную рубашку.)

Ну, вотъ спасибо!
Какъ поглядишь, такъ ты изъ умныхъ, дѣвка,
Не вдругъ тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противнаго. Ни въ чемъ не поперечу.
Ты добрая. А, чай, грѣшки ведутся
И за тобой. Вы при людяхъ тихони:
По лавочкамъ, какъ соловьи по гнѣздамъ,
Смирнехонько сидите, глазки въ землю
Опустите. А дай-ка вамъ потачку,
Не догляди, откуда прыть возьмется —
Бойчѣе бабъ. Погудки, смѣхъ да грохотъ,
А разговоръ послушать, уши вянутъ,
Стыдомъ сгоришь. Да что кому за дѣло,
Чѣмъ тѣшатся, не плакали бы только.
Не то бѣда, что игры да потѣхи
На разумѣ у дѣвокъ! Ну, пускай бы
Промежъ себя и тѣшились, такъ мало —
Утѣхи нѣтъ однимъ, безъ парней скучно.
Не правда, что-ль? Сама чудила въ дѣвкахъ.
Такъ знаю васъ, меня не проведете.
И ты, какъ всѣ, не лучше и не хуже.
Да хитрости въ тебѣ ужъ больно много!

(Марья Власьевна уходитъ.)

Опять ушла. Еще не принесетъ ли?
А ладно бы! У ней добра-то много;
А мнѣ-то гдѣ взять?

(Входитъ Марья Власьевна съ мѣшкомъ и подаетъ съ поклономъ.)

Что ты! Богъ съ тобой!
Не надо, нѣтъ! Куда мнѣ! Совѣсть зазритъ.

(Марья Власьевна кланяется.)

Ужъ развѣ взять? Подарокъ-то хорошъ!
Непрошеный подарокъ-то дороже.
И то возьму. Благодарю покорно!
Да вотъ бѣда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечѣмъ.
Поноровлю за это; что захочешь,
Отказу нѣтъ, опричь того, что въ теремъ
Чужихъ водить,—и затѣвать не думай!
Да не пущу и самоё изъ дому.
А въ терему, что хочешь, то и дѣлай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь—
Тому и быть. Чѣмъ хочешь забавляйся.

(Марья Власьевна уходитъ.)

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ка! Не надо, не возьму я!
Ахти, грѣхи! Кто падокъ на подарки,
Добра не быть. Кому придетъ охота
Бросать добро на вѣтеръ? Видно, хочетъ
Купить меня. Не слѣдъ бы мнѣ и брать-то,
Да какъ не взять, когда въ глаза мнѣ тычетъ.
Охъ, смерть моя! Такой ужъ скверный норовъ—
И соблазнюсь, какъ соблазнюсь! Подаркомъ
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продамъ тебя, боярынъ, сердце чуетъ,
Не утерплю, продамъ. Глядѣть не стану,
Зажмурюся, чтобъ не было соблазну.

(Зажмуривается. Входятъ Марья Власьевна, съ тьлогрѣей въ рукахъ, и Олена.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена.

Гляди-ка ты, какая тѣлогрѣя,
И съ выпушкой!

Ульяна *(открывъ глаза)*

Вотъ чудо, такъ ужъ чудо!
Неужто мнѣ? *(Марья Власьевна кланяется.)*

Олена.

Кому же?

Ульяна.

Дорогая!
Не намъ носить.

Олена.

Надѣнешь, такъ износишь.

Ульяна.

Охъ, коровай-то не по рылу. Гдѣ намъ!
Ужъ какъ тебя благодарить, не знаю
И не умѣю. Вся твоя. Хоть воду
Вези на мнѣ. Сулилъ мнѣ воевода,
Да жди — пожди, а онъ, гляди, обманетъ;
А ты добрѣй, ты прежде догадалась.

Олена.

Да у тебя и лѣтникъ — вошвы бархатъ
На золотѣ. Тафтяная рубашка
Съ запястьями.

Ульяна.

Ужъ развѣ нарядиться?

Олена.

Ты нарядись, а мы посмотримъ.

Ульяна.

Что ты!
И впрямь пойти.

Олена.

Чай, то-то заглядѣнье!

Ульяна.

Пойдемъ со мной, ты мнѣ пособишь.

Олена.

Можно.

(Ульяна и Олена уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна *одна.*

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Не много натолкуешь
Сама съ собой. Сложу отъ скуки пѣсню,
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтобъ не слыхали. *(Поетъ.)*

Я по терему хожу,
Я по миленькомъ тужу
Тужу, тужу
Да потуживаю.
Ужъ я сяду, посижу,
Въ окошечко погляжу,
Въ окошечко,
Во косящатое.
Милый вѣсточку даетъ,
Молодого гонца шлетъ,
Гонца, гонца
Да молоденькаго.
Что не быть, не бывать,
Съ милымъ розно не живать,
Мнѣ жить, не жить
Со милымъ со дружкомъ.
Поскачу да попляшу
Во высокомъ терему,
Вотъ такъ, вотъ такъ,
Вотъ и такъ, вотъ и такъ!

(Слышитъ шорохъ, садится и молчитъ. Входятъ Ульяна и Олена.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена.

Куда красно! И посмотрѣть такъ любо.
Красавица, какъ есть.

Ульяна.

Чему дивишься!
И пень хорошъ въ уборѣ!

Олена.

Не похаять
Тебя и безъ убора. Всѣмъ пригожа:
Собой статна, лицомъ бѣла, румяна,
Глаза какъ вишни, брови колесомъ.
По красотѣ твоей за дворянина
Тебѣ итти. Ты баба молодая,
Чего-жъ сидѣть!

Ульяна.

Дворяне по дворянамъ,
А не по насъ. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена.

Какъ знать, чего не знаешь.

Ульяна.

Да нечего и знать-то! По одежкѣ
Протягивай и ножки. А дворяне
Хорошій кусъ, да не для нашихъ устъ.
Достатковъ нѣтъ, какая я невѣста;
Съ голоднымъ брюхомъ, да по добрымъ людямъ
Похаживай. Чужой-то хлѣбъ не сладокъ,
Подавишься. Кормить не станутъ даромъ;
И угождай на всякаго, какъ знаешь.
Хоть бы вотъ здѣсь, смотри за цѣлымъ домомъ—
Бѣда—бѣдой! Будь смиренъ, такъ проглотятъ,
Сердитъ—проклясть готовы. Вотъ и кажись!
Здѣсь не люди, а черти! Какъ шальные,
Проклятые! Кто спитъ, кто пьяный бродитъ,
Шатается. Сама за всѣмъ и смотришь,
За всякой малостью. А попадѣйся,
Такъ пропадешь, не рада жизни будешь.
Сама запру всѣ выходы, всѣ двери,
Да поперекъ порога здѣсь и лягу.
Одинъ глазокъ усни, другой пусть смотритъ.

(Марья Власьевна даетъ ей перстень.)

Раздобрилась и не уймешь. А правду
Сказать тебѣ, такъ мнѣ тебя и жалко.

Олена *(вздохнувъ).*

А у насъ во саду
Соловей поетъ,
Выговорочки
Выговариваетъ.

Ульяна.

Послушаемъ; послушать, что ли, хочешь?

Олена.

Сходить бы завтра.

Ульяна.

Что-жъ такое! сходимъ
Въ сумеречки. Большой бѣды не вижу;
Въ своемъ саду, а не въ чужомъ. Боярин
И не велѣлъ, да мало-ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко въ строку.
Наказъ-то знай, а дѣлай, какъ придется.

(Марья Власьевна цѣлуетъ ее.)

Ну, въ садъ, такъ въ садъ! Давно бы ты сказала.
Гуляй себѣ, когда придетъ охота;
Хоть днемъ гуляй, хоть ночью.

Олена.

Вотъ и ладно.

Ульяна.

Гуляй, гуляй! Авось повеселѣешь,
Хоть улыбнись на насъ съ Оленой.

(Марья Власьевна улыбается.)

Ишь ты!
Пошло на ладъ.

Олена.

Дай срокъ, не то увидишь.

(Входятъ Недвига и дѣвушки.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна, Ульяна, Олена, Недвига и дѣвушки.

Недвига.

Пора и спать. Чего сидѣть въ потемкахъ.
Поужинай, чѣмъ Богъ послалъ, да на бокъ
И завались. Безъ ужина ложиться

Не хорошо бываетъ, плохо спится,
Да много грезится. А то, какъ знаешь,
Сиди себѣ. А ужъ огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна.

Кто лѣтомъ зажигаетъ!
Чай, дворня спитъ?

Недвига.

И куры, и собаки —
Всѣ спятъ.

Олена.

И я, боярышня, прилягу. *(Уходитъ.)*

Недвига

Ну, что-жъ пейдешь? Аль спать-то не охота?
Не то, что я. Всѣ ноги отходила,
Всѣ кости, всѣ суставы заболѣли,
Измаялась. Не разсказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)
Сумерничать давайте. Мы любили
Въ сумеркахъ сидѣть съ тобой тихонько
И побасенки баять тихомолкомъ,
А кругъ тебя какъ точно кто мурлычитъ...
Ахъ, батюшки! Вотъ такъ меня и клонитъ,
Такъ и валюсь и тычусь носомъ. Часомъ
Совсѣмъ усну, такъ ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
Въ тридесятомъ царствѣ,
(Дремлетъ.)
Жили два брата
Да мать брюхата,
Да отецъ на дняхъ...

Постой! Не такъ. Я что загородила;
Не сплю, а бредится. Начну съ начала:

Жили да были два брата родные;
У одного брата всего богато,

А другой убогій, а дѣтей у него много.
Говоритъ богатый бѣдному брату:
Самъ ты убогій, а дѣтей у тебя много,
Дай ты мнѣ сына, вотъ тебѣ жита осьмина.
Вотъ тебѣ осьмина, а женѣ твоей холстина,
А дочери—коза, лубяные глаза...

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебѣ! Не то все! Задремала.
Вотъ дальше-то забыла, что тамъ было.
Не вспомню ли? Замстилась! Помню только,
Что попросилъ у брата лошадь бѣдный,
А волкъ и съѣлъ, оставилъ хвостъ да гриву;
И повели дружка къ судьѣ Шемякѣ.
Сидитъ судья Шемяка, судомъ судитъ,

Бороду расчешетъ, да усъ разлащитъ,
Усъ разлащитъ, глаза вытаращитъ...

Тьфу! пропасть! Не налажу, да и только,—
То про Ѳому начну, то про Ерему.

(Изъ-за печки выходитъ домовой съ фонаремъ. Недвига въ полуснѣ машетъ руками.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Марья Власьевна, Недвига, Ульяна, дѣвушки *(спятъ)* и домовой.

Недвига.

Аминь, аминь, разсыпься! Чуръ меня!
(Засыпаетъ.)

Домовой.

Что вечерняя красная зорюшка
Догораетъ, чуть краюшкомъ теплится,
Загораются частыя звѣздочки,
Разсаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховыхъ цвѣтныхъ изголовьицевъ;
Ходитъ сонъ по сѣнямъ, по новымъ дрема.
Ты поди, сонъ-дрема, въ головахъ пестой!

По хоромамъ старымъ
Я давно брожу:
Въ теремѣ чужая,
Дай-ка погляжу.
Новая новинка
Къ худу иль къ добру?
Нѣтъ, такая гостья
Намъ не ко двору.

Ты на счастье, на радость роженая,
Не про стараго мужа ращеная;
Старику-то черифть, да горбы растить,
А тебѣ-то алѣть спѣлой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость съ милымъ дружкомъ,
Тихій сонъ-угомонъ ясным глазынькамъ,
Въ изголовье тебѣ грезы дѣвичьи.

За сердечнымъ другомъ
То ли не житье,
А у насъ по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный теремъ
На короткій часъ,
Да и пустъ покинешь
И бѣжишь отъ насъ.

Запустѣетъ теремъ, припаклонится,
Замететъ по угламъ пылью, плѣсенью,
Понесетъ по сѣнямъ бранью, руганью,
Сипъ да вопъ по клѣтямъ съ перекорами.
Не слыхать-то мнѣ смѣху веселаго,
Молодого, дѣвичьяго, звонкаго,
Не слыхать по ночамъ бреду жаркаго,
Только старымъ старухамъ шлыки сшибать

(Сшибаетъ шлыкъ съ Недвиги и уходитъ.)

Недвига *(въ просонкахъ)*.

Аминь, аминь, разсыпься!

Марья Власьевна.

Ахъ, какъ сладко
Уснула я!

Недвига.

Аминь, аминь, разсыпься! *(Встаетъ.)*
Не разберу, во снѣ ли, на яву ли,
А сбили шлыкъ. Не ты ли пошутила?
Пойдемъ-ка ужинать да спать ложиться.
Вотъ день прошелъ, до насъ дошелъ. *(Зѣваетъ.)*
Ахти мнѣ!
Грѣхи мои. *(Зѣваетъ.)* И-ахъ... великіе!
(Уходитъ.)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Воевода.
Неустройко.
Старуха, крестьянка, хозяйка постоялаго двора
Иванъ, ея сынъ.
Гаврила }
Климъ } бортники изъ Нижняго.
Сидоръ, лѣсной промышленникъ изъ Унжи.
Курчай }
Куликъ } цѣловальники съ казенной рыбой и солью.
Слуги воеводы.

СОНЪ ВОЕВОДЫ.

ЛИЦА:

Степанъ Бастрюковъ.
Романъ Дубровинъ
Рѣзвый и слуги.
Марья Власьевна.

Деревенская изба; направо печь, передъ печью люлька съ ребенкомъ, налѣво столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Старуха *за люлькой*. Гаврила, Климъ *за столомъ ужинаютъ*, *потомъ* Иванъ, Курчай *и* Сидоръ.

Гаврила.

Вы, тетка, чьи?

Старуха.

Помѣстные крестьяне.

Гаврила.

За кѣмъ живете?

Старуха.

За мурзой крещенымъ.

Климъ.

Хорошъ до васъ?

Старуха.

Татаринъ, какъ татаринъ.
Гдѣ бабѣ знать! Толкуйте съ мужиками,
Вотъ сынъ придетъ.

Гаврила.

Ты внучка, что ли, нянчишь?
А гдѣ-жъ сноха?

Старуха.

Съ ребятами въ чуланѣ.
Тамъ четверо у ней, вотъ пятый въ зыбкѣ.

(Входитъ Иванъ.)

Иванъ.

Струга пришли, къ ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А съ лѣсу воевода
Валитъ со всѣмъ народомъ; хочетъ станомъ
На берегу остановиться на ночь.

Старуха.

Чай, лютъ?

Иванъ.

Вѣстимо, лютъ, на то бояринъ,
Ты ждешь купцовъ, а тутъ, гляди, нагрянутъ
Боярскіе голодные холопья.
Одинъ разоръ! Отъ нихъ, что отъ пожару,
Что̀ есть въ землѣ зарыто, то и цѣло,
А подъ руку попало, то пропало.
Ахти, бѣда!

Старуха.

Да что у насъ и взять-то?

Иванъ.

У нищаго суму и ту отнимутъ.

(Входятъ Курчай, Куликъ и Сидоръ.)

Иванъ.

Съ струговъ?

Сидоръ.

Съ струговъ.

Иванъ.

Отколь?

Сидоръ.

Изъ Унжи будемъ.

Иванъ.

Съ лубьемъ?

Сидоръ.

Нешто̀.

Иванъ.

А вы, робя?

Курчай.

Мы съ низу.
Мы въ цѣловальникахъ идемъ, въ насадахъ
Съ казной.

Иванъ.

Съ какой?

Курчай.

Съ оброчной рыбой въ бочкахъ.

Куликъ.

Вы держите, аль нѣтъ?

Иванъ.

Чего?

Куликъ.

Вѣстимо...

Иванъ.

Вина-то, что-ль? Нѣтъ, парень, не бывало.
У насъ корчмы никто не держитъ.

Куликъ.

Будто?

Иванъ.

Дл боязно, великъ отвѣтъ.

Куликъ.

Не бойся,
Не выведемъ, не сыщики.

Иванъ.

Ну, право.

Курчай.

Поди, пошаръ. Авось найдешь.

Иванъ.

Пошарю.

Кажись, что есть; себѣ берегъ на праздникъ. *(Уходитъ.)*

Курчай *(Гаврилѣ и Климу)*.

Хлѣбъ-соль!

Гаврила.

Спасибо.

Курчай.

Здравствуйте. Откуда?

Гаврила.

Изъ Нижняго гужемъ идемъ въ обозѣ.

Курчай.

Далеко ли?

Гаврила.

До Ярославля, съ медомъ;
Мы бортники.

Сидоръ *(подсаживаясь)*.

Плесни, хозяйка, щецъ-то!
Да не пустыхъ.

Старуха.

Варила со снитками.

(Гаврила и Климъ встаютъ.)

Гаврила *(старухѣ)*.

Благодарствуйте. Мы лошадей посмотримъ,
Да на печь къ вамъ. Гляди, и полночь скоро.
Часокъ другой соснемъ, да и въ дорогу. *(Уходятъ.)*

Старуха.

Большая печь, просторно, полѣзайте.

(Входитъ Иванъ съ виномъ въ кувшинѣ.)

Иванъ.

Полкружки есть. По чаркѣ будетъ. Пейте.

Куликъ.

Простое?

Иванъ.

Съ макомъ. Люди пьютъ да хвалятъ.

Куликъ *(пьетъ)*.

Не похулимъ и мы. Нельзя не выпить,
Все на водѣ.

Иванъ.

На доброе здоровье!

(Ѣдятъ; Гаврила и Климъ входятъ и лѣзутъ на печь.)

Старуха.

Прибралъ въ клѣти?

Иванъ.

Въ подполицу припряталъ.

(Стукъ.)

Старуха.

Поди, стучатъ.

Иванъ.

Пущай идутъ къ сосѣдямъ.
Кого несетъ!..

Старуха.

Не вдругъ пускай. Окликни.

(Иванъ уходитъ.)

Курчай.

Ишь, крикъ какой! Не лучше-ль убираться
Съ добра ума. Хозяйка, не трудись.

(Встаютъ. Старуха собираетъ со стола.)

Подальше отъ грѣха, здоровѣй будешь.
Пойдемте спать въ струи. За угощенье!

(Уходятъ Курчай, Куликъ и Сидоръ. Иванъ входитъ.)

Иванъ.

Хоть въ гробъ ложись! Бояринъ къ намъ постоемъ,
Опричь хоромъ, со всѣмъ дворомъ валится.
Ишь, холодно въ палаткѣ, такъ холопы
По избамъ рыщутъ, гдѣ теплѣй да чище.
Ужъ я молилъ не мало.

Старуха.

Воля Божья!
Придетъ бѣда, такъ отворяй ворота.

(Входитъ Неустройко и слуги.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иванъ, старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко.

Давай огня!

(Старуха подаетъ лучину, зажигаетъ восковую свѣчку.)

Сдвигайте столъ въ тотъ уголъ!
Ковры, мѣха стелите, въ изголовье
Сѣдло клади!

Иванъ *(кланяясь въ ноги).*

Яви такую милость,
Ослободи! Поди къ сосѣдямъ!

Неустройко.

Смерды,
Ступайте въ хлѣвъ! Старуху вонъ и съ зыбкой.

(Слуги подходятъ къ зыбкѣ.)

Старуха.

Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помѣха ангельская душка!

(Входятъ воевода и слуги.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Воевода, Неустройко, Иванъ, старуха и слуги.

Старуха.

Уйми холопей, закажи имъ трогать
Младенца!

Воевода.

Вонъ ступайте! Ты, старуха,
Останься здѣсь съ ребенкомъ. Ближе къ дѣтямъ
И ангелъ ближе, мѣсто благодатнѣй.
Онъ не блажитъ у васъ?

(Уходятъ Иванъ и слуги.)

Старуха.

Въ кого родится
Благой у насъ, давно мы присмирѣли.

Воевода.

Раздѣнь меня!

(Неустройко снимаетъ съ него дорожную сулейку; воевода пьетъ чарку, потомъ снимаетъ складень, цѣлуетъ и ставитъ въ изголовье, потомъ снимаетъ оружіе.)

Неустройко.

Опочивай покойно!
Я въ сѣни спать; понадоблюсь, такъ близко.

(Уходитъ. Воевода ложится и скоро засыпаетъ.)

Старуха *(качаетъ зыбку и поетъ).*

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Допрéжъ дѣды не видали бѣды,
Бѣда пришла, да бѣду привела
Съ напастями, да съ пропáстями,
Съ правежами бѣда, все съ побоями.
Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Насъ Богъ забылъ, царь не милуетъ,
Люди бросили, людямъ отдали;
Намъ во людяхъ жить, на людей служить,
На людей людямъ приноравливать.
Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Бѣду нажили, какъ изжить будетъ?
Изживемъ бѣду за работушкой,
За немилой, чужой, непокладною,
Вѣковѣчною, злою—страдною.
Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесетъ грозу,
Пронесетъ грозу, горе минется,
Поколь Богъ проститъ, царь сжалится.

(Засыпаетъ надъ люлькой.)

Воевода *(во снѣ).*

Сдавилъ всю грудь, проклятый! Душитъ, душитъ,
Вздохнуть не дастъ ни разу, зачураться!

Охъ, смерть моя приходитъ! Чуръ меня!
Вся кровь горитъ, огонь бѣжитъ по жиламъ
И сердце жжетъ. (*Просыпается.*) О, Господи, помилуй!
(*Садится.*)
И сонъ тяжелъ, и сонный бредъ замучилъ.
Съ молитвой легъ. Не знаю, что за притча!
И радъ не спать, да сонъ одолѣваетъ,
Сомкну глаза, такъ одолѣютъ грезы...

Старуха (*впросонкахъ*).

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ
Да качку-качалку покачиваетъ.
(*Засыпаетъ.*)

Воевода.

И страшенъ сонъ, да милостивъ Господь.
Сосну еще немного и въ дорогу!
А что-то дома? Надо Бастрюковыхъ
Пугнуть покрѣнче! Насолили оба.
Отецъ мутитъ, а сынъ воруетъ дѣвокъ.
Не догляди немного, и увезъ бы
Жемчужину такую, что и въ царскихъ
Не сыщется палатахъ. Да ему ли,
Безпутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты дѣвичьей
Не разберетъ онъ, бражникъ; та-ль, другая-ль —
Ему одно. Ужъ онъ, гляди, за пьянствомъ
И позабылъ о ней. А если помнитъ?
А если помнитъ? До грѣха не долго
Бѣда моя! Людишки всѣ продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница, и воръ. Зачѣмъ заѣхалъ
Я въ эту глушь? На самыхъ добрыхъ коняхъ
Скачи весь день, такъ до ночи доскачешь.
А тамъ, гляди, гульба, потѣха, пьянство
Во всемъ дворѣ. А въ терему у Марьи
Чужой сидитъ хозяиномъ, цѣлуетъ,

Глядитъ ей въ очи, къ сердцу жметъ ее,
Какъ у себя, какъ дома. Либо вовсе
Сманилъ ее и былъ таковъ. Не мало
Свѣтлицъ и повалушъ у Бастрюкова,
Зачѣмъ ему въ чужія красться воромъ,
Исподтишка, съ оглядкой миловаться,
Чтобъ люди не видали? То ли дѣло —
Привезъ домой, она не поперечитъ,
Гуляй душа, никто не помѣшаетъ.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь, свою башку сѣдую
Разбей объ печку. Дуракомъ родился
И дуракомъ умрешь. Вотъ близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому повѣрилъ?
Кого оставилъ домъ стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну, да позвенѣть ей къ рылу,
Себя продастъ, не только что чужую.
А слуги! тѣ на зло, не изъ корысти,
Готовы домъ поджечь со всѣхъ угловъ.

(Молчаніе.)

Скачи, Нечай, скачи, пріѣдешь въ пору.
Тамъ пиръ идетъ, весь міръ гуляетъ, пляшутъ,
Здоровье пьютъ, Нечая поминаютъ:
„Берегъ Нечай, да людямъ. У Нечая
И по губамъ текло, да не попало“.
Да скоро-ль утро! Ѣхать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи, какъ листъ осиновый, Іудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдунъ какой! Поворожить бы.

(Подходитъ къ старухѣ.)

Ты ворожишь, старуха?

Старуха.

Намъ, бояринъ,
И ворожить-то не о чемъ. Мы Бога
И такъ прогнѣвали. А вамъ, бояринъ,
Безъ ворожбы споло́горя живется.
Ты отойди, здѣсь ангельское мѣсто.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Бѣлымъ тѣльцемъ лежишь въ люлечкѣ,
Твоя душенька въ небесахъ летитъ,
Твой тихій сонъ самъ Господь хранитъ,
По бокамъ стоятъ свѣтлы ангелы.

Воевода *(садится на постель).*

А сонъ опять моритъ. Прилягу малость.
Забрезжетъ свѣтъ, на конѣй и въ дорогу.

(Засыпаетъ.)

Старуха.

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи, усни, крестьянскій сынъ!
Съ тобой сидитъ бабка старая,
До зари съ зари прибаюкиваетъ,
Тихій сонъ очамъ наговариваетъ
Да качку-качалку покачиваетъ.

(Засыпаетъ.)

(Часть сѣней въ домѣ Бастрюковыхъ. Бастрюковъ Степанъ съ чарой меду, Дубровинъ, Рѣзвый, Кубасъ, Шишига и слуги одѣты гребцами.)

Воевода.

Да вотъ онъ. Романъ Дубровинъ, Степка.
Вы оба тутъ. Ну, васъ-то мнѣ и надо.
Попался, братъ, Степанъ. Иди къ отвѣту!

Степанъ Бастрюковъ.

Повеселѣй бы что-нибудь, робята!

Рѣзвый.

Да вотъ игра: садись, робята, на полъ!
Да запоемъ: „По матушкѣ по Волгѣ".

Степанъ Бастрюковъ.

Любимая моя игра. Хмельному
Простора нѣтъ въ избѣ, гулять охота.
Вотъ сядемъ всѣ, да и поѣдемъ. Любо!
Я — атаманъ, Дубровинъ — есаулъ,
Я — на корму, онъ — на носъ. *(Рѣзвому.)* Ты съ братиной

Въ середку сядь и потчуй всѣхъ: направо,
Налѣво, мнѣ, Дубровину, себѣ... *(Садятся.)*
Поѣхали!

Воевода.

Далеко не уѣдешь!

Гребцы *(поютъ).*

Разъ первой! Разъ другой! Ухнемъ да ухнемъ!

Воевода.

Ты на полъ сѣлъ и думаешь, что въ лодку!
Дуракъ, дуракъ! Вяжите ихъ покрѣпче!

Гребцы.

Разъ первой! Разъ другой! Еще маленькій разокъ!

(Сѣни исчезаютъ. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, всѣ пріободряются, надѣваютъ шапки, берутъ весла Бастрюковъ и Дубровинъ встаютъ на ноги.)

Воевода.

Уѣхали! Держите ихъ, держите!

Бастрюковъ.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты насъ поишь и кормишь и лелѣешь!
Челомъ тебѣ! Катись до синя моря,
Крутымъ ярамъ да краснымъ бережечкамъ
На утѣшенье, намъ на погулянье!
Не даромъ слава про тебя ведется;
Не мало пѣсенъ на Руси поется,
А всѣхъ милѣй — „По матушкѣ по Волгѣ".

Гребцы *(поютъ).*

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погода
Немала́я, волнова́я.

Бастрюковъ.

Ты, есаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди!
И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай!

Дубровинъ.

Да впереди-то черно.

Бастрюковъ.

Въ водѣ-то черти, въ берегу-то черви,
Въ лѣсахъ коренья, пенья да сучки,
По городамъ подьячіе крючки
Хотятъ словить; да врутъ, мы погуляемъ
По Волгѣ, силу-удаль попытаемъ.

Гребцы *(поютъ)*.

Ничего въ волнахъ не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъѣздную.

Бастрюковъ.

Ты, есаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди!
И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай!

Дубровинъ.

Да впереди колода.

Бастрюковъ.

Ну, что колода! Самъ я воевода.
А ты гляди по Волгѣ, нѣтъ ли встрѣчныхъ
И поперечныхъ?

Дубровинъ.

Есть. Струги гребные.

Бастрюковъ.

Какіе, съ чѣмъ?

Дубровинъ.

Купецкіе съ товаромъ,
А царскіе съ казной.

Бастрюковъ.

На нихъ казаки-воры,
А на купецкихъ-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тѣмъ.

Воевода.

Зачѣмъ ты ѣдешь, знаю.
Воруй себѣ, да только не у насъ.

Бастрюковъ.

Гы, есаулъ, впередъ вѣрнѣй гляди!
И, буде что увидишь впереди,
Разсказывай.

Дубровинъ.

Да впереди-то теремъ
Расписанный.

Бастрюковъ.

Пригряньте-ка, робята!

Гребцы.

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережечку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.

(Показывается теремъ.)

Воевода.

Не мой теремъ, не мой. Къ чужому ѣдутъ,
Мой въ городѣ, на лодкѣ не подъѣдешь!
Я дома самъ, чего же мнѣ бояться.
Ловите ихъ, держите! Воры, воры
Наѣхали. Да что-жъ вы, спите, что ли?

Гребцы.

Ко Нечаеву подворью
Да ко Марьину здоровью.

(Марья Власьевна сходитъ съ берега.)

А Марьюшка выходила,
Гребцамъ меду выносила.
Не прогнѣвайся, хозяинъ,
Что наѣхали не званы.

Воевода.

Зачѣмъ ты здѣсь? Домой вернись, домой!
Не дамъ уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Гдѣ ножъ? А, вотъ онъ, вотъ онъ,
Возьметъ ли, нѣтъ ли, только не живую.

Гребцы.

Вы берите красну дѣвку
Во Макарьевскую лодку,

Вы сажайте-ка, робята,
Къ атаману на колѣни.

(Марья Власьевна садится на колѣни къ Бастрюкову. Видѣніе исчезаетъ.)

Воевода *(во сне)*.

Въ глазахъ увезъ. Меня столкнули въ Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливаетъ
Меня всего, подъ шею подступаетъ.
Ко дну иду. Безъ покаянья страшно
Мнѣ умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать имѣнье нищимъ,
Посхимиться. Никто не шевельнется.
На берегу стоятъ да смотрятъ. Любо,
Что я тону, какъ ключъ. Вотъ дно, вотъ камни
Зеленые, зеленая трава,
Песокъ зеленый! Братцы, помогите!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старуха, воевода, Неустройко и двое слугъ.

Неустройко.

Будить, аль нѣтъ?

Слуга.

Не трожь, пусть самъ проснется.

Воевода.

Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю! *(Просыпается.)* Гдѣ я?
(Встаетъ.)

Неустройко.

Господь съ тобой! Мы здѣсь, въ избѣ.

(Беретъ сулейку, складень и оружіе воеводы. Слуги собираютъ постель.)

Воевода.

Проворнѣй!
Коней, коней!

Неустройко.

Осѣдланы, боярин.

Воевода.

Скачи домой живѣй, чтобъ къ ночи быть.
Бери людей съ собой надежныхъ. Снился
Мнѣ сонъ дурной; такъ я боюсь, здорово-ль
И цѣло ли у насъ. По обѣщанью,
Мнѣ надобно дойти пѣшкомъ въ обитель
Молебенъ отслужить, такъ запоздаю;
Сбираешься зайти на малый часъ,
А тамъ, глядишь, и до ночи задержатъ.

(Одѣвается.)

(Уходятъ. Гаврила слѣзаетъ съ печи, умывается и выходитъ за дверь помолиться. Климъ слѣзаетъ, умывается. Гаврила возвращается. Климъ уходитъ.)

Гаврила.

Слава Тебѣ, Господи, до бѣла свѣта проспали.

Климъ *(возвращается)*.

Разсвѣло бѣло, хоть хлѣбъ ѣшь.

Старуха.

Рушай да кушай на здоровье.

Гаврила *(беретъ хлѣбъ на столъ и рѣжетъ)*.

Господи, благослови!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Воевода.
Пустынникъ.
Монастырскій служка.
Щербакъ | ***Каурый*** | ***Заяцъ*** | ***Вотря*** | ***Калга*** | ***Ерголъ*** | разбойники.
Свита воеводы.
Прохожіе богомольцы.

Вершина лѣсного оврага, круто сбѣгающаго къ Волгѣ, на нагорной сторонѣ. На авансценѣ пещера пустынника; далѣе съ одной стороны оврага мостъ на другую, черезъ который идетъ дорога въ монастырь; передъ мостомъ съ дороги тропинка къ пещерѣ; далѣе съ одной стороны видно продолженіе нагорнаго берега, на немъ вдали изъ-за лѣсу видны монастырскія стѣны; другая сторона оврага возвышается и оканчивается крутымъ обрывомъ надъ Волгой; въ глубинѣ видна Волга, дѣлающая подъ монастыремъ поворотъ; за Волгой луговая сторона съ кустарниками, озерками и деревеньками на холмахъ. При началѣ дѣйствія, Волга, противоположный берегъ и вся даль покрыта туманомъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Щербакъ *сидитъ на пнѣ*, служка *спускается по тропинкѣ съ ведромъ въ рукахъ, по мосту проходитъ толпа богомольцевъ.*

Щербакъ.

Тебѣ чего тутъ надо?

Служка.

Проходи
Своей дорогой, добрый человѣкъ.

Щербакъ.

Да не твое здѣсь мѣсто; вамъ обитель
Построена; живите за стѣнами,
Тепло и сытно вамъ; а глушь лѣсную,
Трущобную, оставьте намъ, бездомнымъ,

Обиженнымъ, гонимымъ. Я хозяинъ
Лѣсныхъ болотъ, овраговъ, дебрей дикихъ;
Мое тутъ мѣсто, я его нашелъ,
Облюбовалъ и занялъ.

Служка.

Ты ошибся!
Ищи другую дебрь, а эту занялъ
Допрежъ тебя молитвенникъ-пустынникъ.

Щербакъ

Да ты вглядись въ меня! Чего уставилъ
Глаза-то въ землю?

Служка.

Намъ не подобаетъ
Глядѣть на васъ и рѣчи говорить
Съ мірянами; соблазну мы блюдемся.

Щербакъ.

Да, вѣдь, и мы-то разговоровъ длинныхъ
Не жалуемъ; а голову сорвать
Со встрѣчнаго—вотъ это наше дѣло.
И вы того-жъ съ пустынникомъ дождетесь.
Не малый ты ребенокъ; что же лѣзешь
Къ медвѣдю въ пасть! Не съ бабою убогой,
Что съ кузовкомъ за клюквой да грибами
По лѣсу бродитъ, повстрѣчался ты,
А съ молодцомъ удалымъ.

Служка.

Богъ съ тобою!
До удали твоей какое дѣло
Смиренникамъ? Твои угрозы глупы:
Не смерти мы боимся, а грѣха.
У насъ чередъ молитвеннику воду
И хлѣбъ носить, то наше послушанье.
Благословилъ сегодня настоятель
На этотъ трудъ меня, и я пошелъ,
Ослушаться пославшаго не смѣю;
Пожалуй, хоть убей. А нашъ пустынникъ
Ужъ заживо лежитъ въ гробу, готовъ
На Божій судъ. Для отдыха и на ночь

Ложится въ гробъ молитвенникъ. Коль хочешь,
Поди, взгляни въ оконце. На молитвѣ
Поклоны правитъ, иль въ гробу лежитъ.

Щербакъ.

Давай ведро, я самъ снесу!

Служка.

Изволь!
Отказывать нельзя, коль есть усердье
Для Бога послужить. Поставь у дверки!
Авось Господь во что-нибудь поставитъ
Труды твои и за грѣхи зачтетъ.

(Отдаетъ ведро и уходитъ на гору. Щербакъ ставитъ ведро у двери пустынника, глядитъ въ окно и въ ужасѣ отступаетъ назадъ. Изъ пещеры показывается пустынникъ и идетъ въ гору. Щербакъ кланяется ему въ землю и лежитъ, пока пустынникъ проходитъ и скрывается въ лѣсу. Изъ оврага поднимается туманъ, открывается освѣщенная яркимъ солнцемъ даль: изгибъ Волги, нагорный, покрытый лѣсомъ берегъ, на немъ въ полугорѣ бѣлѣютъ стѣны монастырскія; на противоположномъ луговомъ берегу окруженныя кустарникомъ озерки, вдали по лѣсистымъ холмамъ нѣсколько деревень и селъ. Выше тумана, на горѣ показывается пустынникъ и, обратясь лицомъ къ монастырю, становится на колѣни; туманъ закрываетъ его. Изъ-подъ мосту, изъ чащи выходитъ Дубровинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Щербакъ и Дубровинъ.

Щербакъ.

Челомъ тебѣ, Романъ Петровичъ!

Дубровинъ.

Здравствуй!
Товарищи всѣ цѣлы, всѣ здоровы?

Щербакъ.

Здоровы-то — здоровы, только скучно:
Работы нѣтъ, давно безъ дѣла бродимъ;
Тоска взяла. Зачѣмъ ты насъ покинулъ,
Скрываешься?

Дубровинъ.

Да въ городѣ забота
Была дня на два, на три, да такая,
Что не ордой, а надо одному
Пролѣзть и вылѣзть, гдѣ ползкомъ, гдѣ бокомъ,
Кругомъ болотца, въ заднія воротца.

Щербакъ.

Дуванъ дуванили, тебѣ на долю
Бухарскій лукъ.

(Подаетъ кожаный налучникъ, въ немъ лукъ и стрѣлы.)

Дубровинъ *(принимая)*.

Давай сюда, годится.

Щербакъ.

Казны пришлось не много.

Дубровинъ.

И не надо.

Щербакъ.

Камки и бархаты, цвѣтное платье...

Дубровинъ.

И рухляди не надо тоже. Съ низу
Привольнаго привезено добра,
Что не прожить. Лежитъ въ укромномъ мѣстѣ
Припрятано; а тамъ себѣ иль людямъ
Достанется, впередъ не угадаешь.
Далеко наши?

Щербакъ.

Здѣсь разбродомъ бродятъ,
Поразошлись: кто съ кузовкомъ на плечахъ
Грибовъ да ягодъ ищетъ по опушкѣ,
Другой къ слѣпымъ усѣлся у воротъ
У монастырскихъ съ чашкой; кто въ чащѣ,
Въ малинникѣ присѣлъ, туда не ходятъ
И бабы-то, медвѣдей берегутся;
А кто въ челнахъ на Волгѣ, при запасѣ,
Въ береговомъ таится тальникѣ.
Идетъ большой дорогой воевода.
Какъ на войну собрался, сбилъ народу:
Защитниковъ, стрѣльцовъ и пушкарей.

Ужъ не за нами ли? Мы мужиченка
Заворотили въ лѣсъ съ дрянным возишкомъ,
Съ мѣшкомъ муки; такъ наказалъ въ опушку
Итти ему да плакать, воеводѣ
Челомъ ударить: вотъ, молъ, животишки
Ограбили сегодня ночью воры
И поскакали по дорогѣ въ городъ.
Коль скажешь такъ и возъ назадъ воротимъ,
А нѣтъ — и самому не быть живому.
Да я впередъ по деревнямъ верстъ на семь
Послалъ молву пустить, что ночью были.
А спросятъ, молъ, куда ушли, кажите —
По Волгѣ къ верху, въ городъ. Такъ и сталось:
Поворотилъ стрѣльцовъ назадъ.

Дубровинъ.

А много-ль
Идетъ при немъ?

Щербакъ.

Десятка два, не больше,
Съ холопями и челядью.

Дубровинъ.

Не много-жъ.

Щербакъ.

Теперь въ верстѣ они, не дальше. Смотрятъ
Съ деревьевъ наши; чуть вдали завидятъ,
Придутъ сказать.

Дубровинъ.

Ударить бы на нихъ
Изъ-подъ мосту, стрѣльцовъ перевязать.
А воеводу въ Волгу.

Щербакъ.

Ты въ умѣ ли!
Да видано ли, слыхано ли дѣло,
Чтобъ зайцы шли войною на собакъ?
Съ однимъ дубьемъ не сунешься на ратныхъ,
Ихъ голыми руками не возьмешь.
У насъ дубье, у нихъ, небось, пищали;
Пищальные орѣхи-то не сладки.

Дубровинъ.

За что же насъ удáлыми прозвали?
Ужли за то, что грабимъ беззащитныхъ
Да по ночамъ воруемъ изъ клѣтей?

Щербакъ.

Умѣй уйти, какъ заяцъ, безъ оглядки
Отъ сыщиковъ, и отъ погони скорой,
Умѣй украсть и схоронить концы!
Вотъ наша удаль: бѣгай, укрывайся
И на рожонъ не лѣзь!

Дубровинъ.

А если кликну
Охотниковъ, да посулю на брата
Вина по жбану да пригоршни денегъ
Серебряныхъ?

Щербакъ.

Не затѣвай, оставь!
Съ удалыми съ опаской слово молви!
Подумаютъ, что ты подвесть ихъ хочешь,
И не уйти тогда тебѣ живому.
У насъ теперь другая рѣчь пошла:
Пожива есть внизу; отъ бѣглыхъ слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше,
Къ Саратову идетъ большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.
Струги у насъ готовы, хоть сегодня
Отваливай; тебя лишь дожидались.

Дубровинъ.

Да мнѣ еще не время.

Щербакъ.

Подождемъ
Денекъ—другой, не къ спѣху дѣло; развѣ
Товарищи не захотятъ; тогда ужъ,
Какъ хочешь, самъ скажи имъ. Кликать, что ли?

Дубровинъ *(садится на пень)*.

Скликай народъ удалый къ атаману.

(Щербакъ кричитъ по-птичьему: изъ лѣсу ему откликаются.)

Щербакъ.

Заслышали, и откликъ есть, — сойдутся.

(Постепенно сходятся Каурый, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь; въ продолженіе сцены подходятъ еще нѣсколько.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Дубровинъ, Щербакъ, Каурый, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь и другіе разбойники.

Каурый *(увидавъ Дубровина)*.

Товарищи, вернулся атаманъ.

Заяцъ.

Челомъ тебѣ. Долгонько загостился:
А мы совсѣмъ собрались. Ѣдемъ, что ли?

Вотря.

Да что за спросъ! Мы кру́гомъ порѣшили
Сегодня же отплыть.

Дубровинъ.

А вы спросите,
Поѣду-ль я!

Калга.

Да какъ же не поѣдешь,
Коль кругъ рѣшилъ; ты больше всѣхъ не будешь.
По одному мы слушаемъ тебя,
А скажетъ кругъ, такъ ты его послушай.

Дубровинъ.

Да дѣло есть большое, вотъ что. *(Встаетъ.)* Братцы,
Товарищи, не первый годъ гуляемъ
По Волгѣ матушкѣ; добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поѣдено, попито
По горлышко. И вѣкъ гулялъ бы съ вами
Не разставался, да такое дѣло,
Ужъ радъ не радъ, а васъ покинуть надо
Не надолго. Щербакъ за атамана
Послужитъ вамъ; такъ и другимъ скажите.
Въ Казани подождите, догоню.
Вернусь, такъ вашъ ужъ вплоть до самой петли,
А не вернусь, не поминайте лихомъ!

Каурый.

Ты не бросай совсѣмъ-то!

Заяцъ.

Ты заводишь
Какіе-то дурацкіе порядки:
Сиротами безъ атамана плыть...

Вотря.

Нигдѣ того не водится.

Калга.

Виниться
Не хочешь ли, дьякамъ въ ногахъ валяться?
Такъ не помилуютъ.

Ерголь.

Ты не въ монахи-ль?

Каурый.

Да что за дѣло у тебя? Не баба-ль?
Такъ лучше брось, продастъ ни за копейку.

Дубровинъ.

Галдѣть? Душа не терпитъ. Разсердиться
Не долго мнѣ, да какъ-то вы уймете?
Со мной не спорь! Что сказано, то свято,
Тому и быть. Мнѣ надо расчитаться
За старый долгъ со здѣшнимъ воеводой.
Не вѣрите, такъ дайте мнѣ любого
Въ товарищи; посмотритъ и поможетъ
Съ Шалыгинымъ расправиться. Коль живы
Останемся, тогда вернемся вмѣстѣ.

Каурый.

Да такъ-то такъ; а безъ тебя-то горе;
Ты голова, мы руки.

Заяцъ.

Ну, какъ часомъ
Попутаетъ нелегкая, случится,
Въ тюрьму влетишь?

Дубровинъ.

Доводу, что-ль, боитесь?
На вора воръ доказчикомъ не будетъ.
Да я живой не дамся въ руки, знайте!

Щербакъ.

А плыть, такъ плыть. Покуда воевода
Къ монастырю дойдетъ, далеко будемъ,
За островомъ. Прощай, Романъ Петровичъ!
Увидимся-ль?

Дубровинъ.

Всей силой постараюсь;
А будетъ то, что будетъ.

Щербакъ.

Въ лодки, живо!

(Нѣсколько разбойниковъ уходятъ.)

Каурый.

Свѣжѣетъ вѣтеръ, будетъ непогода.

Заяцъ.

Откуда дуетъ?

Каурый.

Сверху.

Калга.

Вотъ и ладно.
Поставимъ парусъ, пѣсню заиграемъ
Веселую, и поминай какъ звали. *(Вдали громъ.)*

Ерголь.

Никакъ гроза?

Каурый.

Съ грозою веселѣй.

Щербакъ.

Кормилецъ нашъ, зеленый лѣсъ, прощай!
Гроза подружка, Волга мать родная
Въ степной просторъ удалыхъ понесутъ.

(Уходятъ Щербакъ, Каурый, Заяцъ, Вотря, Калга, Ерголь и другіе.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дубровинъ, *потомъ* пустынникъ *и* служка.

Дубровинъ.

Однимъ-одинъ, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ остался;
Лихихъ людей оставилъ, къ добрымъ людямъ
Пристать нельзя. Головушкѣ бездомной

Одно пристанище въ міру—тюрьма.
А чтобъ сидѣть не даромъ, попытаюсь
Изъ-за куста злодѣя пристрѣлить.
Я ловокъ былъ, бывало въ мѣту билъ
Безъ промаха издалека; до мосту
Близехонько. Нацѣлюсь въ правый глазъ,
Рука не дрогнетъ, сердце не колыхнетъ;
Простись, Нечай Григорьичъ, съ вольнымъ свѣтомъ,
Какъ тетеревъ ты грянешься на землю.
Не ты-ль меня пустилъ по-волчьи рыскать,
Гнѣздо мое расхитилъ? Ужъ не ты ли
И выучилъ меня по Волгѣ грабить,
Въ лѣсныхъ трущобахъ да въ оврагахъ жить,
Точить ножи булатные и стрѣлы?
Кажись, что ты? Такъ самъ теперь отвѣдай,
Востра-ль стрѣла, чиста-ль моя работа.
Всему пора и время: пожилъ сладко,
Повластвовалъ,— теперь пришелъ конецъ.

(Пустынникъ входитъ по тропинкѣ, за нимъ служка. Туча надвигается; темнѣетъ; вѣтеръ и удары грома.)

Какой-то странникъ.

(Всматривается и, съ ужасомъ, вскрикиваетъ.)

Батюшка! *(Падаетъ на колѣни.)*

Пустынникъ.

Романъ! *(Молчаніе.)*

Ну, какъ живешь?

Дубровинъ.

Не хорошо, родимый.

Пустынникъ *(строго)*.

А для чего?

Дубровинъ *(съ мольбой)*.

Не проклинай! Покаюсь
Во всѣхъ грѣхахъ передъ тобою.

Пустынникъ.

Кайся
Не мнѣ, а Богу!

Дубровинъ.

Я тебѣ покаюсь.
До Бога намъ высоко; мы не смѣемъ .

И глазъ поднять на небо. Окаянство
Грѣховное горой лежитъ на плечахъ
И внизъ гнететъ. Господня милосердья
Не стою я; отъ грѣшныхъ устъ молитва
Не примется.

Пустынникъ.

А кто же на крестѣ-то
Разбойника простилъ?

Дубровинъ.

Да я-то, грѣшный,
Не хуже ли разбойника того?

Пустынникъ.

Да хоть и хуже, все-жъ надежнѣй къ Богу
Съ раскаяньемъ вернуться, чѣмъ бѣжать
И прятаться отъ Господа, какъ древле
Бѣжалъ, трясясь, братоубійца Каинъ.
А что Олена?

Дубровинъ.

Отнялъ воевода.

Пустынникъ.

А ты?

Дубровинъ.

А я въ удалыхъ здѣсь въ оврагѣ,
Въ сыромъ бору, на Волгѣ...

Пустынникъ.

Проходи!

(Хочетъ итти въ пещеру.)

Дубровинъ.

Постой, отецъ!

Пустынникъ.

Поди, покайся Богу
И брось гульбу,—тогда поговоримъ.

Дубровинъ.

Покаялся-бъ, душа-то не готова:
Еще въ міру есть счеты да приманки.
Да зло на человѣка мыслю; душитъ
Меня вражда, клещами горло давитъ;

У сердца моего кусокъ оторванъ.
Отдай жену по чести воевода,
Тогда смирюсь и зло свое забуду;
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдамъ ему обиду. Пусть, собака,
Живетъ да бѣды на голову копитъ
До царскаго и Божьяго суда.
Тогда покину вольную потѣху
И самохотную расправу. Слушай!

Служка *(Дубровину)*.

Не говори съ нимъ много, онъ не любитъ.

Дубровинъ.

Предъ Господомъ творю тебѣ обѣтъ:
Въ вашъ монастырь великій вкладъ кладу,
Украшу храмъ стѣннымъ писаньемъ новымъ.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой,
Пойдетъ на дѣло.

Пустынникъ.

Долго дожидаться.
Откладывай грѣшить, а добрыхъ дѣлъ
Не отлагаютъ. Смерть не за горами,
А за плечами. *(Гремъ.)* Произволеньемъ Божьимъ,
Изъ малой тучки громъ большой бываетъ.
Взялось въ оврагѣ облачко, по вѣтру
Пошло гулять, и мечетъ Божьи стрѣлы,
И роетъ Волгу до песку. Давно ли
Она струилась тихо ровной гладью,
А въ этотъ часъ струга большіе топитъ,
И гибнутъ души. Легче не родиться,
Чѣмъ умереть, не помирившись съ Богомъ.
А вдругъ помрешь?

Дубровинъ.

Туда мнѣ и дорога!
Своя вина, такъ подѣломъ и мука.
Въ чемъ Богъ застанетъ, въ томъ меня и судитъ.
Ужъ мнѣ давно шатанье надоѣло.
Душа просила и въ умѣ бродило

Не смертное убойство, не разбои;
Мой норовъ крутъ, душа моя не терпитъ,
Когда большой молодшаго обидитъ,
Подвластнаго гнететъ и давитъ властный.

Пустынникъ.

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто же
Тебѣ позволилъ стать надъ властью?

Дубровинъ.

Сердце
Ретивое, что бьется—не уймется.
Неправый судъ царитъ на бѣломъ свѣтѣ;
Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;
Кто-жъ застоитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?
Не мы, такъ кто-жъ? Нѣтъ власти, есть охота.
Затѣмъ-то я тюремное сидѣнье
Смѣнялъ на боръ сырой. Про это горе
Я въ темну ночь надъ Волгой думу думалъ
И съ соловьями рѣчи говорилъ.

Пустынникъ.

Объ чемъ тутъ думать? Въ мірѣ тѣсно стало.
Такъ вотъ тебѣ обитель! Успокойся,
Забудь мірскую злобу и молись
За обижающихъ!

Дубровинъ.

За нихъ молиться?
Да развѣ мы святые?

Пустынникъ.

Проходи!

Дубровинъ.

Благослови, отецъ!

Пустынникъ.

Благословляю
Покаяться; а на другое дѣло
Благословенья нѣтъ. *(Уходитъ въ пещеру.)*

Служка.

Ты здѣсь пожди!
Честной отецъ, быть можетъ, что прикажетъ.—
Такъ я тебѣ повѣдаю. *(Уходитъ въ пещеру.)*

Дубровинъ.

Дождусь.

(Вѣтеръ бушуетъ, деревья гнутся, громъ чаще и сильнѣе, проливной дождь.)

И клонится, и гнется лѣсъ дремучій,
Прощается со мной. Прощай, дубрава
Зеленая! Я самъ тебѣ челомъ
Ударюся до матери земли. *(Кланяется.)*
Для всѣхъ въ тебѣ есть мѣсто: для святого
Пещерника приволье,—рой, гдѣ хочешь,
Живи, молись, спасайся безъ помѣхи!
Для грѣшниковъ—овраги да мосты;
Сиди подъ нимъ да жди проѣзжихъ. Любо!
И міръ, что лѣсъ; путей-дорогъ довольно,
Запутаться не долго: иль въ чащу́
Безъ выхода, иль въ топкое болото
Трясинное по горло забредешь!
И я бродилъ окольными путями,
Пока отецъ не вывелъ на прямой.

(Служка возвращается.)

Служка.

Молитвенникъ мнѣ далъ приказъ такой:
„Скажи ему, чтобъ онъ жену, Олену,
Взялъ за руку и велъ къ себѣ домой“.

Дубровинъ.

Да какъ возьмешь? На заперти она.
Замки ломать да съ сторожами биться?

Служка.

Таковъ приказъ; какъ хочешь исполняй!
Я повторю тебѣ опять сначала
Все по̀ ряду, что велѣно сказать.
„Скажи ему, чтобъ онъ жену, Олену,
Взялъ за руку и велъ къ себѣ домой;
Чтобъ старостамъ въ посадѣ объявился
И сѣлъ опять на царское тягло;
Когда устроитъ домъ, чтобъ шелъ въ обитель
И полгода молитвой непрестанной
И строгимъ послушаньемъ и работой,

Въ молчаніи, на монастырской стройкѣ
Заглаживалъ грѣхи свои предъ Богомъ".

Дубровинъ.

Исполню все. Теперь въ посады много
Къ своимъ дворамъ, на царское тягло,
Приходитъ нашей братьи. Кто торгуетъ
На воровскія деньги, что припряталъ;
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечахъ носитъ, да живутъ покойно.
Никто не трогаетъ. Меня подавно
Посадскіе не выдадутъ; подьячихъ
Купить не дорого. А тамъ годочекъ,
Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
Живешь по тиху,—такъ въ разбоѣ старомъ
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рукъ не кровянилъ.

Служка.

Ну, Богъ тебя благослови! Прощай!
Ты въ городъ, что-ль? Такъ нынче монастырскій
Стружокъ бѣжитъ туда; поди, посадятъ:
Садись, свезутъ; а за провозъ отдай,
Что на душу тебѣ Господь положитъ!

Дубровинъ.

Такъ я пойду на вашу пристань.

Служка.

Съ Богомъ.

(Дубровинъ идетъ по тропинкѣ на гору и переходитъ черезъ мостъ; служка идетъ за нимъ, останавливается на мосту и смотритъ направо по дорогѣ. По мосту проходитъ толпа богомольцевъ. Изъ-подъ моста выходятъ Щербакъ и Каурый съ небольшими тяжелыми мѣшками въ рукахъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Служка *(на мосту)*, Щербакъ, Каурый, *потомъ* пустынникъ.

Щербакъ *(Каурому)*.

Поди сюда! *(Указывая пещеру.)* Вотъ здѣсь его я видѣлъ;

Лежалъ въ гробу, а вышелъ, такъ свѣтилось
Лицо его. Кажись, не изъ трусливыхъ,
А какъ стоялъ, такъ я и палъ на мѣстѣ.

Каурый.

Вотъ чудо-то!

Щербакъ.

И всякій ужаснется.
Чему дивиться? Если изъ иконы
Святой угодникъ выдетъ на тебя,
Вѣдь, жутко, братъ; а онъ, какъ есть, икона.
И послѣ что-жъ! Смотрю, пошелъ онъ въ гору
И поднялся на облакѣ надъ Волгой.
Давай мѣшокъ, поставимъ подъ оконцемъ;
Найдетъ казну, за насъ молиться будетъ.
Намъ только то и нужно. Ставь рядкомъ!

(Ставятъ у окна мѣшки съ деньгами; изъ пещеры выходитъ пустынникъ; Щербакъ и Каурый, снявъ шапки, въ испугѣ отходятъ.)

Щербакъ.

Ужъ ты возьми, не погнушайся! Просимъ.
(Кланяются въ ноги.)
По обѣщанію.

Каурый.

Такой обѣтъ мы дали.

Щербакъ.

Вотъ, видишь ты, мы плыть собрались внизъ.

Пустынникъ.

Да бурю Богъ послалъ.

Щербакъ и Каурый *(вмѣстѣ)*.

Ну, вотъ, такъ точно.

Пустынникъ.

И начало метать по Волгѣ васъ,
И видите, одна косная тонетъ,
За ней другая.

Щербакъ.

Правда, такъ и было.

Пустынникъ.

И вспомнили вы Бога.

Щербакъ.

Да, такъ точно.

Каурый.

Ты знаешь все; и говорить не надо.

Пустынникъ.

А на молитвѣ какъ васъ поминать?

Щербакъ.

Да поминай, какъ знаешь!

Пустынникъ.

За гулящихъ,
За вольницу удалую молиться?

Щербакъ.

Ну, вотъ, ну, вотъ, за нихъ-то и молись!

Пустынникъ.

Идите съ Богомъ! Я безперестанно
Молюсь за васъ, чтобъ васъ Господь наставилъ.

Служка *(на мосту)*.

Спускаются съ горы, подходятъ къ мосту.

(Пустынникъ идетъ на мостъ.)

Щербакъ.

Навидѣлись чудесъ. Пойдемъ разскажемъ!

Каурый.

Теперь ужъ плыть не страшно; не потонемъ.

(Щербакъ и Каурый уходятъ подъ мостъ. Воевода подходитъ къ мосту, за нимъ свита: стрѣльцы, холопы и разные богомольцы.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Пустынникъ, служка, воевода, его свита и богомольцы.

Пустынникъ *(на мосту, загораживая воеводѣ дорогу)*.

Вернись назадъ!

Воевода.

Да я по обѣщанью;
Не бражничать, иду молиться Богу.

Пустынникъ.

Вернись назадъ!

Воевода.

Я вкладъ монастырю
Несу большой.

Пустынникъ.

Твои дары напрасны;
Не примутся они. Пріятно Богу,
Когда приносятъ жертвы съ чистымъ сердцемъ
И сокрушеннымъ духомъ.

Воевода.

Да почемъ же
Мое ты сердце знаешь, со смиреньемъ,
Иль обуянъ гордыней я иду?

Пустынникъ.

Вернись назадъ!

Воевода.

Нельзя. Народу много
Идетъ за мной. Послушаюсь монаха,
Не воеводой, бабой назовутъ.

Пустынникъ.

Пошлю сказать, чтобъ заперли ворота.

Воевода

И запертыя мнѣ отворятъ живо,
Коль прикажу. Запоры не удержатъ.

Пустынникъ.

А слышалъ ты, что было въ лихолѣтье,
Когда хотѣли воровскіе люди
Ворота монастырскія разбить?

Спалило всѣхъ огнемъ небеснымъ. Видишь
Могилы-то въ оврагѣ? Это ихъ.

Воевода.

А силой взять нельзя, такъ торговаться
Давай съ тобой.

Пустынникъ.

Грѣхи-то прежде сбудь,
За деньги Богъ грѣхи не отпускаетъ

Воевода.

Чего же ты желаешь отъ Нечая
Шалыгина?

Пустынникъ.

Раскаянья, смиренья.

Воевода.

Раскаянья? Ну, что-жъ, изволь, покаюсь.
Давно хочу сложить грѣховъ обузу
На шею исповѣдника. Пойдемъ!
Веди меня, отецъ, въ свою пещеру!

Служка.

Благословишь звонить во всѣ?

Пустынникъ.

Звоните.

(*Служка, оборотясь къ монастырю, машетъ рукой. Пустынникъ и воевода сходятъ съ моста и входятъ въ пещеру; за ними сходятъ два стрѣльца съ бердышами и становятся у пещеры, одинъ близко, другой поодаль; свита располагается на горѣ и на мосту: кто садится, кто ложится; въ монастырѣ начинается звонъ; богомольцы проходятъ черезъ мостъ.*)

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Воевода.
Бастрюковъ Степанъ.
Облъзловъ.
Дубровинъ.
Шутъ.
Марья Власьевна.
Ульяна.
Олена.
Сторожъ.
Неустройко.
Нежданъ.
Смирной.
Дружина.
Власъ.
Несмьяновъ.
Посадскіе.
Рѣзвый.
Слуги Бастрюкова.
Слуги воеводы.
Стрѣльцы.
Народъ
Кубасъ.
Шишига.
Заря.

Задній дворъ: направо заднее крыльцо терема; за теремомъ проѣздъ съ передняго двора; далѣе уголъ людской избы; налѣво заборъ съ калиткой и задними воротами; близъ забора дерево, на суку котораго повѣшена деревянная доска, въ которую бьютъ сторожа; въ глубинѣ, за легкой изгородью, садъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сторожъ съ дубиной и Рѣзвый *входятъ*.

Сторожъ.

Спасибо, братъ! Употчевалъ на славу;
Такихъ и надо намъ. Вся дворня лоскомъ
Теперь лежитъ.

Рѣзвый.

А мы съ тобой не пьяны—
И молодцы-робята. *(Садятся на скамью.)*

Сторожъ.

Ты, выходитъ,
На службу къ намъ задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Рѣзвый.

Нешто!
Сиротскимъ дѣломъ, что дадутъ деньжонокъ,
Возьму, пропью, а тамъ на вѣкъ кабальный.
Давай попьемъ.
(Достаетъ сулейку и жестяную чарку).

Сторожъ.

И то гораздо пьяны.

Рѣзвый.

Ну, вотъ бѣда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю. *(Пьютъ.)*

Сторожъ.

Да спать-то не придется.
Терёнька спитъ, какъ мертвый, не разбудишь
Ничѣмъ его. Одинъ я на сторожѣ.

Рѣзвый.

Да что стеречь въ пустомъ саду? Диви бы
Поспѣло что! Вотъ яблоки поспѣютъ,
Тогда бѣда.

Сторожъ.

Да нѣшто мы какъ люди!
Велятъ тебѣ стеречь пустое мѣсто—
И береги. А что украсть-то, парень!
Кабъ было что, свои-бъ давно украли.
Ну, право такъ!

Рѣзвый.

Давай свою дубину!
Ты лягъ усни, а я стучать примусь;
Послушаютъ и скажутъ, что исправны.
Да что не пьешь! Допей, остатки сладки.

Сторожъ.

Осилишь ли? Тутъ много.

Рѣзвый.

Поневолься.

Не каждый день вино у васъ.

Сторожъ.

Вѣстимо.

Вонъ люди въ праздникъ пьютъ, а мы не такъ:
У насъ когда вино, тогда и праздникъ. *(Допиваетъ.)*

Рѣзвый *(показывая на заднія ворота).*

Ворота заперты, а прикалитокъ?

Сторожъ.

Гвоздемъ забитъ. Ну, парень, забираетъ
Меня дюжо. Пьянѣй вина я, парень.

Рѣзвый.

Размокъ языкъ, такъ спи.

(Толкаетъ, тотъ падаетъ и хочетъ подняться).

Небось, не встанешь!
Другой медвѣдь того не выпьетъ, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожа!

(Замахивается дубиной.)

Ну! смерти
Аль живота?

Сторожъ *(въ полуснѣ).*

Робятушки, онъ воръ!
Робятушки!

Рѣзвый.

Не много набормочешь.

(Сторожъ засыпаетъ. Рѣзвый бьетъ въ доску. Входитъ Ульяна).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Рѣзвый и Ульяна.

Ульяна.

У тѣхъ воротъ два сторожа сидятъ,
И здѣсь одинъ, другой лежитъ, на смѣну
Готовится. Постукивай почаще,
Чтобъ слышать мнѣ, что вы не спите.

Рѣзвый.

Ладно.

Ульяна.

По голосу-то словно какъ не нашъ;
Ты за себя иль за кого другого
На сторожѣ стоишь?

Рѣзвый.

Да за Терёньку;
Недужится ему.

Ульяна.

А ты-то кто же?

Рѣзвый.

Да что съ тобой, Ульяна Пантелевна?
Иль не признала? Конюхъ воеводскій
Съ того двора.

Ульяна.

А по чьему приказу
Ты въ сторожахъ стоишь?

Рѣзвый.

Мнѣ Неустройко
Приказывалъ и далъ ярлыкъ.

Ульяна.

Кажи!

Рѣзвый.

Не вѣришь мнѣ, давай народъ разбудимъ,
И за меня поставь кого другого,
А я въ конюшню спать. Скажу спасибо.
Другіе спятъ, а ты гляди какъ сычъ.
Ты всѣмъ взяла: и ростомъ, и дородствомъ,
И поступью, и ужъ складна—Богъ далъ;
Опять съ лица, глаза ли взять, иль брови...
Такъ, кажется, и днемъ съ огнемъ не сыщешь;
Вотъ только норовъ...

Ульяна.

Не мели пустого!

Рѣзвый.

Мнѣ Богъ съ тобой; а только, что ужъ очень
Красавица. Я глазъ такихъ веселыхъ
Не видывалъ, рѣчей такихъ умильныхъ
Не слыхивалъ. Я правду говорю.

Ульяна.

Да вижу я, что правду.

Рѣзвый.

Не обидься!

Ульяна.

Да чѣмъ тутъ обижаться! Эхъ, мой милый,
На красоту мою никто не льстится—
Ни мужа нѣтъ, ни милаго дружка.

Рѣзвый.

Ну, мужа-то, извѣстно, безъ достатковъ
Найдешь не скоро; милаго дружка
Скорѣе не въ примѣръ.

Ульяна.

Съ оглядкой надо.
Найти—найдешь, да какъ бы не заплакать:
Другой такой навяжется, что жизни
Не рада будешь.

Рѣзвый.

Какъ не пожалѣешь
Сердечную тебя? Ты выходи-ка
Попозже въ садъ; усядемся рядкомъ,
Поговоримъ съ тобой сиротскимъ дѣломъ.

(Выходитъ изъ терема Олена.)

Ульяна.

И то придемъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Рѣзвый, Ульяна и Олена.

Олена.

Ульяна Пантелевна,
Боярышня тебя зоветъ.

Ульяна.

Иду.

(Уходитъ въ теремъ. Олена остается на крыльцѣ. Рѣзвый идетъ къ забору и отмыкаетъ калитку.)

Рѣзвый.

Ты здѣсь, Кубасъ?

(Кубасъ входитъ въ калитку.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рѣзвый, Олена, Кубасъ, *потомъ* Дубровинъ.

Кубасъ.

Мы тутъ съ Шишигой бродимъ,
У лошадей Заря.

Рѣзвый.

А гдѣ боярин?

Кубасъ.

Недалеко гуляетъ; я съ Романомъ.

(Входитъ Дубровинъ.)

Рѣзвый *(Дубровину).*

А ты зачѣмъ?

Дубровинъ.

Да за женой пришелъ.
Пора домой; довольно погостила
Въ чужихъ людяхъ.

Рѣзвый *(Кубасу).*

Коней держите ближе
Да бережнѣй; не полошить сосѣдей!

Кубасъ.

Да тутъ все глушь, все задворки выходятъ,
Собаки нѣтъ живой; съ лица такъ людно.

Рѣзвый.

Пойти, взглянуть на васъ.

(Уходитъ за калитку съ Кубасомъ.)

Дубровинъ.

Застыло сердце.
Оленушка! два года не видались,
Вотъ Богъ привелъ. Я чай, совсѣмъ забыла
И бросила Романа своего.
А какъ мы съ ней любовно поживали!
Весь день съ утра и до ночи все смѣхи
Да радости у насъ, налюбоваться
Не можемъ другъ на друга. Люди
Дивуются и говорятъ бывало:
Такой-то смѣхъ веселый у Олены,

Что слушаешь и самъ смѣешься съ ней.
Уйдешь съ двора поутру, въ лавку сядешь,
А все съ ума нейдетъ Оленинъ голосъ,
А все въ ушахъ веселый смѣхъ звенитъ.
А тутъ сама бѣжитъ ко мнѣ, подсядетъ,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки
Алѣются, да черные сокольи
Глаза глядятъ изъ— подъ бровей собольихъ,
Огнемъ горятъ, какъ звѣзды, искры сыплютъ.
Идутъ купцы, идутъ бояре, смотрятъ,
Дивуются на насъ, глядѣть имъ любо,
Какъ ладно съ ней сидимъ мы и торгуемъ.

(Въ садъ входитъ шутъ и прячется въ кустахъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Дубровинъ, Олена, шутъ *въ кустахъ*, Рѣзвый *у калитки.*

Олена *(бѣжитъ къ Дубровину).*

Романъ, Романъ! *(Отвернувшись, плачетъ.)*

Дубровинъ.

Съ чего же ты, Олена,
Заплакала? Отъ радости иль горя?

Олена.

Да Господи! Да какъ же! Не во снѣ ли?
Взгляни сюда! Романъ и есть! Голубчикъ!

(Припадаетъ къ нему на грудь.)

Ну, гдѣ-жъ ты былъ?

Дубровинъ.

Въ лѣсахъ бродилъ.

Олена.

Да какъ же
Безъ крова-то? Весна да осень—дождь,
Зима-то—снѣгъ; въ лѣсу-то звѣрь рыскучій.
На чемъ прилечь въ ночи? а въ непогоду
Обсохнуть гдѣ?

Дубровинъ.

Да видишь, цѣлъ вернулся,
Такъ что-жъ тебѣ? Что было, то прошло.

Олена.

Забылъ меня, забылъ. Да ты бы кликнулъ,
Иль вѣсть прислалъ: молъ, приходи, Олена!
Такъ развѣ-бъ я къ тебѣ не убѣжала,
Не бросилась, стрѣлой не полетѣла?

Дубровинъ.

Куда-жъ тебѣ? Въ лѣсу бродить по-волчьи?
Не приведи Господь! Да я-бъ тебя
Изъ рукъ своихъ зарѣзалъ, чтобъ не знала,
Не вѣдала ты нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Да какъ же мнѣ тебя, мою голубку,
Къ нечистымъ псамъ вести? За что же, вѣку
Не доживя, тебѣ въ аду кромѣшномъ
Съ злодѣями кипѣть и видѣть-слышать
Грабежъ, дѣлежъ, питье-литье хмельное,
Да хриплый крикъ, да пьяный вопль, да драку,
Зубъ за зубъ брань, ножевые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье,—
Съ чего у насъ-то, окаянныхъ, волосъ
Вздымаетъ дыбомъ, леденѣетъ кровь.
Гульба гульбой, а впереди-то пытка;
Обрушитъ чортъ, наткнешься на разъѣзды:
Убьютъ тебя, такъ счастье, а какъ свяжутъ,
Перекуютъ попарно, да къ разспросу
Потянутъ всѣхъ, и ты пойдешь съ ворами
Терпѣть безвинно воровскую кару...

Олена.

Кто-жъ мылъ, кто шилъ тебѣ? Чужія руки,
Такія ли, какъ женины? Кажи-ка
Сорочку-то! *(Плачетъ.)* Суровая какая.
Такія ли я шила! Ишь ты, воротъ
Не вышитый А я бывало шелкомъ
И рукава, и воротъ изошью.
Какой кафтанъ-то смурый! На бурлакахъ
Такіе-то. *(Плачетъ.)*

Дубровинъ.

А ты молись-ка Богу,
Что самъ-то цѣлъ!

Олена.

Романушка, по-божьи,
Скажи ты мнѣ всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывалъ, такъ сиротой и жилъ?
Ни дѣвушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровинъ.

Всю правду говорить?

Олена.

Ну, говори!

Дубровинъ.

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки ли, Олена? А взгрустнется
Бывало мнѣ,—присядешь, горько всплакнешь,
Придетъ ко мнѣ бывало, пожалѣетъ,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный песъ, лохматая собака,
Кобель борзой. Въ глаза ко мнѣ глядитъ
И плачетъ самъ со мной.

Олена *(бросается къ нему на шею)*.

Романъ, сердечный!
(Плачетъ.)
Такъ прогони-жъ свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлить, въ глаза глядѣть и плакать,
И ластиться.

Дубровинъ *(утирая слезу)*.

Ужъ безъ тебя не выду
Отсюда я. Не для того насъ доля
Свела опять, чтобъ снова разставаться.

Олена *(оглядываясь)*.

Увидятъ насъ съ тобой...

Дубровинъ.

А пусть увидятъ;
Мнѣ велѣно притти и взять тебя.

Олена.

А кто-жъ велѣлъ?

Дубровинъ.

Отецъ.

Олена.

Его ты видѣлъ?

Дубровинъ.

Привелъ Господь. И ты его увидишь.

Олена.

Возьми меня скорѣй, Романъ, возьми.
Не надоѣмъ тебѣ, не надокучу.
Прикажешь мнѣ—я подойду, погонишь—
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровинъ.

А у тебя и не спрошу, Олена,
Какъ ты жила, чтобъ сердца ретивого
Не натрудить. И такъ ужъ все изныло.
Я знаю, ты меня не промѣняешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалѣю,
Да и тебя. Таковъ ужъ мой обычай;
Какъ словно что внутри-то захохочетъ,
Въ глазахъ туманъ кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

Олена.

Романушка, не думай! Воевода
И плакалъ-то, и пыткой-то стращалъ.
Я напрямикъ ему сказала: руки,
Молъ, наложу, отстань. Три дня не ѣла,
Голодной смертью помереть хотѣла,
И унялся. На черную работу
Послалъ меня, а я тому и рада.
Боярышню привелъ, такъ взяли въ теремъ,
По нраву ей пришлась.

Рѣзвый.

Веди скорѣе
Боярышню. Калитку вамъ отворимъ.

Олена.

Ступай, Романъ, и за заборомъ жди,
А здѣсь не стой! Съ боярышней Ульяна,
Сердитая такая: какъ увидитъ
Тебя въ саду, весь домъ подниметъ крикомъ.
Прощай пока.

Дубровинъ.

Ну, съ Богомъ.

Олена.

Дожидайтесь.

(Уходятъ Дубровинъ и Рѣзвый въ калитку, а Олена въ теремъ.)

Шутъ.

Ну, дядюшка, простись съ своей невѣстой!
Женили насъ съ тобой! Ты гдѣ гуляешь,
Своей бѣды не знаешь? Что-жъ мнѣ дѣлать?
Будить народъ начать? А ну, услышитъ
Оленинъ мужъ, да выдадутъ людишки
Меня ему? Начнетъ меня онъ рѣзать,
Пороть ножомъ на части по суставамъ.
Ой, батюшки, не буду! Вотъ что лучше:
Направлю я свои стопы подальше,
Покуда цѣлъ. *(Входитъ Неустройко.)*
Наткнулся на кого-то.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Шутъ, Неустройко, *потомъ* Рѣзвый.

Неустройко.

Безсудный, ты?

Шутъ.

А гдѣ Нечай Григорьичъ?

Неустройко.

Въ монастырѣ остался.

Шутъ.

Ты потише.
Не разбуди! Ты видишь, всѣ заснули.
(Показываетъ на сторожа.)
Ты какъ пришелъ?

Неустройко.

Въ ворота.

Шутъ.

Кто же отперъ?

Неустройко.

Два сторожа сидятъ; не спятъ, не дремлютъ,
А хуже сонныхъ тычутся.

Шутъ.

Послушай!
Всѣ сторожа пьянехоньки. Дубровинъ
И Бастрюковъ на задворкахъ гуляютъ.
Сейчасъ придетъ боярышня; калитка,
Вотъ видишь, та не заперта. Промедли
Ты часъ еще, и поминай какъ звали.

(Неустройко хочетъ подойти къ калиткѣ.)

Не отходи отъ терема, убьютъ.
Ты здѣсь одинъ?

Неустройко.

На улицѣ оставилъ
Людей, стрѣльцовъ; дворомъ прошелъ тихонько
И сказывать не приказалъ.

Шутъ.

Пошли-ка
Въ обходъ стрѣльцовъ на задворки. Безъ шуму
Пускай идутъ; а самъ бѣги скорѣе
Къ Облѣзлову. Онъ рядомъ здѣсь пируетъ.
Тамъ пиръ идетъ на весь крещеный міръ;
Тамъ всѣхъ найдешь посадскихъ и служилыхъ.
И я тамъ былъ, медъ-пиво пилъ—прогнали.
Бери народъ и самого проси:
Одинъ-то намъ не справиться.

Неустройко.

Идемъ.

(Неустройко и шутъ уходятъ. Рѣзвый входитъ и садится на скамью.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Рѣзвый *(одинъ, поетъ)*.

Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ къ рукахъ держу,
Ай-ли, ай-люли,
Огородъ горожу!

Огородъ горожу,
Все капустку сажу,
Ай-ли, ай-люли
Все кочанненькую!

У кого нѣту капусты,
Просимъ къ намъ въ огородъ,
Ай-ли, ай-люли,
Во дѣвичій хороводъ.

(Выходятъ изъ терема Ульяна, Марья Власьевна и Олена.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Рѣзвый, Ульяна, Марья Власьевна, Олена.

Ульяна.

И крѣпко мы, и весело живемъ:
Во всѣхъ углахъ по сторожу.

Олена.

Веселый,
И въ доску бьетъ, и пѣсенки поетъ.

Ульяна.

Пришла-жъ тебѣ охота! Не слыхала,
Какъ соловей поетъ. Велико диво!
У васъ въ саду, чай, много.

Олена.

Все же любо
Послушать ихъ весенней-то порой.

Ульяна.

Такъ слушала-бъ изъ терема. Гулянки
Все на умѣ.

Олена.

Когда-жъ и погулять-то?
Гуляй пока заботы нѣтъ, а послѣ
И не придется: въ теремѣ запрутъ.

Ульяна.

Такъ добрые-то люди днемъ гуляютъ,
А ночью спятъ.

Олена.

Мы выспаться успѣемъ.
Мы круглый годъ все спимъ. Ночей-то много,
А соловьи поютъ до Петрова дня,
Перестаютъ потомъ.

Ульяна.

И вамъ не страшно
Ночной порой въ саду?

Олена.

Чего-жъ бояться?
Вотъ говорятъ, что будто бука ходитъ,
Да врутъ, поди. Не малыя мы дѣти.

Ульяна.

Ну, вотъ пришли, развѣсили мы уши,
А соловей-то гдѣ-жъ?

Рѣзвый.

Сейчасъ услышишь.

(Свищетъ. Калитка отворяется. Марья Власьевна и Олена убѣгаютъ, Рѣзвый за ними. Въ садъ входятъ Неустройко, Облязловъ, Нежданъ, Смирной, Дружина, Власъ Дюжій, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, другіе посадскіе, стрѣльцы и народъ, слуги воеводы и сѣнныя дѣвушки.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ульяна, Неустройко, Облязловъ, Нежданъ, Смирной, Дружина, Дюжій, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, посадскіе, стрѣльцы, народъ, слуги воеводы и сѣнныя дѣвушки.

Ульяна.

Ушли, ушли. Держите ихъ!

Неустройко

Держите!

Ульяна.

Ахти, бѣда! Никакъ на грѣхъ вернулся
Бояринъ нашъ?

Неустройко.

Бояринъ не вернулся,
Да легче вамъ не будетъ. Перевяжемъ
И до него разсадимъ по чуланамъ,
И сторожей приставимъ понадежнѣй.

Ульяна *(наступая на Неустройку).*

Меня въ чуланъ, меня? Да ты въ умѣ ли?
Тебя связать, ты сторожей-то ставилъ,
Воровъ такихъ же, какъ и самъ. *(Кланяется Облъзлову.)*
Суди насъ,
Сейчасъ суди! Ты вмѣсто воеводы
Остался здѣсь. Да ты суди по правдѣ,
Лихимъ ворамъ не дѣлай поноровки!
Коль у тебя есть совѣсть, коли носишь
На шеѣ крестъ, вели его держать,
Покуда я не выскребу когтями
Безстыжихъ глазъ его! Потомъ разсудишь,
Кто правъ изъ насъ, кто виноватъ.

Неустройко.

Постой!
Коль насъ судить по правдѣ, надо камень
Потяжелѣй надѣть тебѣ на шею,
Да за ноги, да въ Волгу; а потомъ ужъ
Судить тебя! *(Вбѣгаетъ Марья Власьевна, за ней шутъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Ульяна, Неустройко, Облѣзловъ, Нежданъ, Смирной, Дружина, Южной, Брусенинъ, Цаплинъ, Тыра, Марья Власьевна, шутъ, посадскіе, стрѣльцы, народъ, слуги воеводы, сѣнныя дѣвушки, *потомъ* Степанъ Бастрюковъ.

Ульяна.

Недалеко ушла. *(Беретъ Марью Власьевну за руку.)*
Задумала хитро, да какъ ни бѣгай,

А рукъ моихъ тебѣ не миновать
Держите-ка ее покрѣпче, дѣвки!

Неустройко (*шуту*).

Ну, что-жъ вы тамъ? Людишекъ Бастрюкова
Побрали всѣхъ?

Шутъ

И всѣхъ перевязали
Однимъ концомъ; какъ жемчугъ нанизали
На ниточку.

Неустройко.

Дубровина Романа?

Шутъ.

Тому почетъ особый. Вилтеромъ
Насилу одолѣли.

(*Стрѣльцы входятъ связанныхъ Рѣзвало, Кубаса, Шишигу, Зарю, Олену и Дубровина.*)

Вотъ они!

Неустройко.

А Бастрюковъ Степанъ?

Шутъ.

Къ нему не скоро
Подступишься.

(*Вбѣгаетъ Степанъ Бастрюковъ, отмахиваясь саблей.*)

Бастрюковъ.

Не подходи никто!
Не тронь меня холопскими руками:
По локоть отрублю!

Облѣзловъ.

Его оставьте!
Онъ не уйдетъ и самъ. Степанъ Семенычъ,
Негоже, братъ, дворянамъ-то служилымъ
Съ холопами да съ бѣглыми людьми
Ночнымъ разбоемъ промышлять.

Бастрюковъ

Разбоемъ

Живете вы съ Шалыгинымъ;
Не на разбой, мы за своимъ пришли

Облѣзловъ.

Съ холопями твоими судъ коротокъ:
Велю ихъ бить нещадно батожьемъ,
Дубровина въ тюрьму до воеводы...
А какъ тебя судить—не знаю, право.

Олена *(Дубровину)*.

Убей меня!

Дубровинъ.

И радъ бы я, да связанъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и воевода.

Слуга.

Наѣхалъ самъ бояринъ воевода.
(Входитъ воевода, долго осматривается.)

Воевода.

Ты здѣсь, Облѣзловъ? мнѣ тебя и надо.
Въ Москву гонца пошли, не медля, завтра-жъ,
Отписывай, что нашъ, молъ, воевода,
Нечай Шалыгинъ, убояся Бога
И страшнаго суда Его, поволилъ
Отъ суетнаго міра удалиться,
Извѣдать трудъ подвижнической жизни
И дней своихъ остатокъ посвятить
Служенью Богу въ иноческомъ чинѣ.

Облѣзловъ.

Нечай Григорьичъ, что ты!

Воевода.

Слушай дальше!
Сдаю тебѣ печать городовую
И всякую казну и всѣ запасы:
Нарядъ, и зелье, и свинецъ; а буде
Чего сполна не сыщется, отвѣчу

Казной своей; по искамъ, челобитьямъ
За прежніе убытки и обиды
Обиженнымъ уплачиваю вдвое.
Такъ и пиши! Ты судишь тутъ, я вижу.
Суди, суди!

Облѣзловъ.

Я безъ тебя судья,
А при тебѣ—товарищъ. Самъ суди!

Воевода.

Никто себя не судитъ. Вмѣстѣ съ нимъ
Въ отвѣтѣ я передъ твоимъ судомъ.

Облѣзловъ.

А что не такъ я разсужу?

Воевода.

Поправимъ;
Ошибка въ грѣхъ не ставится.

Облѣзловъ.

Изволь!

Степанъ Бастрюковъ.

На воеводу челобитчикъ я.
Вели пустить Дюжова дочку Марью;
Она моя невѣста; онъ насильно
Увезъ ее.

Облѣзловъ.

А чья она невѣста —
Мнѣ какъ узнать? Отца и мать мы спросимъ.

Степанъ Бастрюковъ.

Спроси у ней.

Облѣзловъ.

Да нѣшто дѣвка знаетъ,
Кто ей женихъ? Ея ли это дѣло?
Къ кому пойдешь?

Марья Власьевна.

Къ Степану Бастрюкову.

Облѣзловъ.

А все отца и мать спросить.

Степанъ Бастрюковъ.

Мы спросимъ
Опослѣ ихъ; а я возьму покуда
Къ себѣ ее. Пойдешь?

Марья Власьевна.

Пойду.

Степанъ Бастрюковъ.

Вотъ видишь,
Сама идетъ, такъ разговоръ коротокъ.

Нежданъ.

Да вотъ отецъ! Спросить его.

Дюжой.

Да что ужъ!
Коль здѣсь укралъ, такъ намъ съ женой подавно
Не уберечь. Пущай беретъ.

Степанъ Бастрюковъ.

Спасибо!

Дюжой.

А все-таки по чести, чинъ по чину
И съ рукобитьемъ взять изъ дому лучше.

Степанъ Бастрюковъ.

На все готовъ. Бери ее съ собой
А завтра жди меня на рукобитье.
Вели пустить людей моихъ на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а ихъ перевязали.

Облѣзловъ.

Пустите ихъ.

Степанъ Бастрюковъ *(всѣмъ кланяется)*.

На свадьбу приходите!
Поклонъ и вонъ. *(Уходитъ, слуги за нимъ.)*

Неустройко.

А вѣдомаго вора,
Дубровина Романа, тоже пустишь?

Воевода.

А ты спроси, кого Дубровинъ грабилъ.

Облѣзловъ.

Посадскіе! Кого Дубровинъ грабилъ?

Нежданъ.

Не грабилъ насъ.

Смирнóй.

Не знаемъ.

Облѣзловъ.

А убойства?

Нежданъ.

Не вѣдаемъ и слыхомъ не слыхали.

Облѣзловъ.

А воровства съ поличнымъ?

Дружина.

Не видали.

Смирнóй.

Не воровствѣ не пойманъ. Воевода
Въ тюрьмѣ его тогда держалъ напрасно.

Облѣзловъ *(Дубровину)*.

Ты былъ въ бѣгахъ?

Дубровинъ.

Я бѣгать—бѣгалъ, точно
На буду лгать. Теперь домой пришелъ
И сѣсть хочу на старомъ пепелищѣ
На царское тягло.

Облѣзловъ.

Ужъ я не знаю.
Какимъ судомъ и какъ его судить.

Воевода.

Аль ты забылъ царевъ указъ о бѣглыхъ?
Указано повсюду воеводамъ
Ихъ сыскивать и на посадъ сажать.

Устраивать строеньемъ, буде надо,
И отдавать за крѣпкія поруки,
Чтобъ имъ, живя въ посадѣ, не сбѣжать
И подати платить царевы вмѣстѣ
Съ посадскими, и быть во всякой службѣ
Съ посадскими-жъ; въ иномъ чину не стать,
И ни за кѣмъ бы имъ не заложиться,
И льготы имъ давать.

Облѣзловъ.

А на поруки
Возьметъ ли кто Дубровина?

Воевода.

Да я
Беру его.

Посадскіе.

Мы всѣ, мы всѣмъ посадомъ
Беремъ его.

Облѣзловъ.

Я чаю, крѣпко будетъ
Съ поруками такими. *(Слугамъ.)* Развяжите
Дубровина.

Дубровинъ.

Вели пустить Олену.

Облѣзловъ.

Твоя она, такъ и бери!

Олена.

Романъ,
Гдѣ голову приклонимъ?

Нежданъ.

На посадѣ
Дворовъ не мало; пріютимъ, покуда отстроитесь.

Облѣзловъ *(Нежданy)*.

Подайте завтра запись
Поручную по немъ. Теперь не время
Дѣла вершить: на это день, а ночью
Себѣ и людямъ надо дать покой.
Прощай, Нечай Григорьичъ! Расходитесь!

Воевода.

Посадскіе и всѣ честные люди,
Не надолго я къ вамъ вернулся; вскорѣ
Переберусь въ обитель; кто обиженъ,
Кто изубытченъ мною, приходите:
За все воздамъ смиренно и съ моленьемъ
Простить меня и отпустить обиды.

Посадскіе.

Господь тебя прости, а мы прощаемъ.

PG
3337
08
1896
v.3=4

Ostrovskii, Aleksandr Nikolaevich
Sochineniia. Izd. 10.
v. 3=4

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY